E 20
920
x 1-2

Е20
920
С34

СУДЪ И ПОЛИЦІЯ.

Виктора Фукса.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.

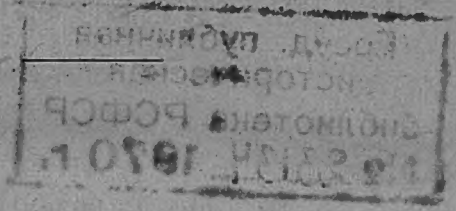
1889.

34

СУДЪ И ПОЛИЦІЯ.

E20
920

Виктора Фукса.



ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстн. бульв.
1889.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 23134 1970 г.

ф. 94 34

СУДЪ И ПОЛИЦІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предувѣдовленіе	I
Глава первая. Наканунѣ судебной реформы 1864 г.	1
Глава вторая. Выборъ и назначеніе судей	70
Глава третья. Судъ присяжныхъ	97
Глава четвертая. Мировой судъ	173
Глава пятая. Слѣдователи, обвинители и защитники	238

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ ..... 1970 г.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Постепенное усовершенствованіе суда и полиціи составляетъ нормальную задачу всякаго благоустроеннаго государства.

Но для того, чтобы преобразованія суда и полиціи достигали *практически* своей цѣли, необходимо, чтобы онѣ были выраженіемъ не отвлеченныхъ только доктринъ, и еще менѣе односторонніхъ политическихъ теорій, но соотвѣтствовали, съ одной стороны, законамъ историко-органическаго развитія данной страны, а съ другой—современнымъ ея нравственнымъ и экономическимъ условіямъ.

Къ сожалѣнію въ наше, столь повидимому практическое время, идеологія въ реформахъ занимаетъ болѣе широкое мѣсто, нежели когда либо, а политическая тенденціозность даетъ нерѣдко реформамъ, чисто *спеціальнымъ*, совершенно несвойственный имъ характеръ.

Цѣль настоящаго сочиненія—провѣрить критически и безпристрастно всѣ фазисы нашей судебной реформы 1864 г., выяснить отношенія преобразованнаго суда къ полупреобразованной лишь доселѣ полиціи и, наконецъ, намѣтить тѣ практическія мѣры, принятіе которыхъ представлялось бы цѣлесообразнымъ въ видахъ усовершенствованія у насъ какъ суда, такъ и полиціи.

Само собою разумѣется, что судебная часть занимаетъ въ нашемъ изложеніи первенствующее мѣсто, такъ какъ судъ подвергнутъ былъ у насъ гораздо болѣе кореннымъ и всеобъемлющимъ преобразованіямъ, нежели полиція.

Исходною точкою всѣхъ, послѣдовавшихъ у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ преобразованій суда и полиціи, послужили замѣчательные труды графа *М. М. Сперанскаго* и графа *Д. Н. Блудова*, памяти которыхъ мы поэтому считаемъ долгомъ воздать здѣсь дань глубочайшаго уваженія. Даже ихъ позднѣйшіе продолжатели не были въ силахъ

вполнѣ потрясти тѣ безусловно вѣрныя начала, которыя были указаны этими замѣчательными государственными дѣятелями и легли въ основу всѣхъ совершившихся у насъ реформъ суда и полиціи.

Но въ настоящее время уже вполнѣ обнаружились, путемъ опыта, нѣкоторые важные недостатки въ судебной реформѣ 1864 г. и въ правительственныхъ сферахъ поставленъ на очередь вопросъ объ ихъ исправленіи, хотя мнѣнія объ этихъ недостаткахъ, даже между близкими къ дѣлу лицами, не только не установились окончательно, но и отличаются еще крайними противорѣчіями.

Въ виду этихъ обстоятельствъ авторъ убѣжденъ, что именно теперь пересмотръ, и особенно сопоставленіе основныхъ началъ судебной реформы 1864 г. съ ихъ практикой въ теченіе свыше *двадцати* лѣтъ, можетъ быть далеко не безъинтересно, и даже не безполезно.

Такое же значеніе можетъ имѣть и выясненіе практическихъ потребностей полицейской службы—наканунѣ предстоящаго у насъ преобразованія мѣстнаго управленія.

Съ своей стороны авторъ считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать, что, не имѣя никакихъ личныхъ интересовъ въ отношеніи къ суду и полиціи, не принадлежа ни къ какой партіи и весьма уже давно не связанный никакими служебными отношеніями, онъ старался, по мѣрѣ своихъ силъ, познаній и личныхъ наблюденій у насъ и за границею, остаться вполнѣ объективнымъ въ предлагаемыхъ имъ выводахъ.

Въ какой степени достигъ авторъ своей цѣли судить не ему, но безпристрастнымъ читателямъ. *)

Викторъ Фукс.

30 сентября 1888 г.
Москва.

---

*) Предлагаемое сочиненіе было разновременно печатаемо отдѣльными статьями въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ 1884—1887 г. Нынѣ оно является въ свѣтъ въ дополненномъ и законченномъ видѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Наканунѣ судебной реформы 1864 года.

Нормальныя условія всякой судебной реформы.—Историко-органическій характеръ нашей прежней судебной системы.—Ея типическія особенности.—Ея коренные недостатки.—Постепенныя мѣры къ устраненію послѣднихъ.—Проекты судебной реформы графа Блудова 1857—1861 годовъ.—Переломъ въ направленіи нашей судебной реформы.—Новыя воззрѣнія на силу доказательствъ.—Новыя воззрѣнія на авторитетъ закона.

I.

Гласность, устность и состязательность судопроизводства, отмѣна системы формальныхъ доказательствъ, ограниченіе процесса двумя инстанціями и установленіе кассаціонной процедуры, вмѣстѣ съ несмѣняемою магистратурой и выборнымъ мировымъ судомъ, съ адвокатурой и институтомъ присяжныхъ,—всѣ, словомъ, порядки и учрежденія, возникшіе на основаніи Судебныхъ Уставовъ 1864 года, уже вошли въ обиходъ нашей государственной и общественной жизни. Хотя эти порядки и учрежденія доселѣ еще называются новыми, но въ дѣйствительности они болѣе не новы, такъ какъ со времени введенія ихъ въ дѣйствіе прошло уже болѣе двадцати лѣтъ.

Въ жизни государственныхъ учрежденій это періодъ весьма значительный и болѣе чѣмъ пробный. Въ теченіе этого времени не могли не выясниться всѣ главные вопросы и сомнѣнія, возбужденные Судебными Уставами 1864 года. Было бы поэтому весьма непослѣдовательно уклоняться долѣе отъ всесторонняго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ и сомнѣній, практическую важность коихъ нельзя оспаривать. Отъ успокоительныхъ указаній на несомнѣнныя преимущества новыхъ порядковъ въ сравненіи

съ прежними, уже канувшими въ вѣчность формами, отъ огульныхъ и голословныхъ заявленій будто бы новые суды не прошли еще чрезъ горнило достаточнаго опыта, пора уже перейти къ менѣе одностороннимъ и болѣе критическимъ разсужденіямъ о существѣ и практическихъ послѣдствіяхъ самой реформы. И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что изо всѣхъ нашихъ реформъ лишь судебная, или что судебная реформа только въ Россіи, была задумана и осуществлена вполнѣ безошибочно, что она не вызвала и до сихъ поръ не вызываетъ никакихъ серіозныхъ затрудненій, вовсе не нуждается въ органическихъ улучшеніяхъ?

Къ сожалѣнію, почти всѣ разномыслія этого рода переходятъ у насъ тотчасъ въ запальчивую брань по поводу отвлеченныхъ принциповъ и до-нельзя усложняются политическою тенденціозностью. При такомъ отношеніи къ вопросу, безпристрастное истолкованіе указаній опыта какъ бы улетучивается, а въ обнаруженіи и самостоятельномъ обсужденіи ошибочныхъ взглядовъ, неизбѣжно проявляющихся въ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей и присяжныхъ повѣренныхъ, коронныхъ и мировыхъ судей и кассаціонной инстанціи, усматривается ни болѣе ни менѣе какъ ретроградный заговоръ то противъ права подсудимыхъ на милость суда, то противъ свободы гражданъ, то противъ самостоятельности судебной власти. Въ концѣ же концовъ, Судебнымъ Уставамъ 1864 года, созданнымъ единственно въ интересахъ правосудія, присваивается характеръ непогрѣшимой и навѣки нерушимой конституціонной хартіи, которую дозволительно только дополнять въ смыслѣ либеральномъ, но преступно измѣнять въ смыслѣ консервативномъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что правильный судъ представляетъ самое существенное обезпеченіе свободы и правъ гражданъ. Въ этомъ смыслѣ усовершенствованіе судебныхъ формъ и органовъ могущественно содѣйствуетъ улучшенію какъ общественнаго, такъ и государственнаго быта. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что усовершенствованный судъ составляетъ принадлежность такъ-называемаго либеральнаго государственнаго строя. Судъ зиждется на законѣ и разумѣніи права, а не на политической, въ конституціонномъ или демократическомъ смыслѣ, свободѣ; онъ не установляетъ политическихъ правъ, но охраняетъ всѣ безъ различія законныя права; сфера его воздѣйствія всего менѣе соприкасается съ областью правъ политическихъ, такъ какъ судъ вращается преимущественно въ области личныхъ и имуществен-

ныхъ столкновеній и общеуголовныхъ закононарушеній. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что величайшіе юристы выпали на долю не столько римской реслубликн, сколько римской имперіи, государственныя формы которой всего менѣе соотвѣтствовали интересамъ „политической свободы", но отнюдь не противодѣйствовали развитію юриспруденціи; вотъ почему и судьи въ Берлинѣ при Фридрихѣ Великомъ были гораздо самостоятельнѣе и безпристрастнѣе чѣмъ въ Парижѣ во время первой реслубликн.

Судъ не долженъ быть ни консервативнымъ, ни либеральнымъ, ни суровымъ, ни милостивымъ. Судъ долженъ быть только судомъ, и судомъ только правомѣрнымъ. Внѣ этихъ условій онъ становится орудіемъ политической борьбы, своего рода незаконною диктатурой, не общимъ для всѣхъ правомъ на справедливость, но привилегіей для однихъ и притѣсненіемъ для другихъ; въ первомъ случаѣ, преступнымъ пособникомъ, а въ послѣднемъ, самозваннымъ мстителемъ. Такимъ образомъ, впадая въ политическую тенденціозность, представители судебной власти перестаютъ быть нравственно самостоятельными; они неизбѣжно подчиняются вліянію тѣхъ именно измѣнчивыхъ условій мѣста и времени, которыя всего болѣе колеблютъ, а нерѣдко и вполнѣ искажаютъ нормальный характеръ юридическихъ отношеній гражданъ между собой.

Въ правильномъ государственномъ организмѣ судъ, подобно школѣ и войску, долженъ стоять внѣ столкновенія политическихъ партій. Всякое уклоненіе отъ этого порядка обозначаетъ ненормальное, скажемъ болѣе, болѣзненное состояніе государственнаго организма. Но тамъ, гдѣ жизнь народовъ развилась не революціонными скачками, а постепеннымъ историко-органическимъ процессомъ, политика въ сферѣ правосудія не имѣетъ мѣста.

До такой однако нетрализаціи судебнаго дѣла не дошло вдругъ ни одно государство. Если при судебныхъ реформахъ нашей эпохи рѣчь идетъ объ освобожденіи суда отъ административной зависимости, то до вступленія въ этотъ фазисъ своего развитія судъ долженъ былъ пройти чрезъ другую, не менѣе важную, но еще болѣе сложную стадію, заключавшуюся въ постепенной замѣнѣ первоначальнаго самосуда разныхъ общественныхъ группъ судомъ государственнымъ, общимъ и обязательнымъ для всѣхъ безъ различія гражданъ. На Западѣ этотъ самосудъ, подъ вліяніемъ феодализма, общинъ и корпорацій, уступилъ мѣсто суду

государственному лишь послѣ долгой и упорной борьбы, вслѣдствіе чего постепенная эмансипація суда отъ монополіи общественныхъ группъ обозначала тамъ побѣду верховной власти надъ свѣтскою и духовною аристократіей и городскими общинами, а Habeas Corpus и институтъ присяжныхъ имѣли, наоборотъ, значеніе гарантій, отвоеванныхъ у верховной власти. Но въ окончательномъ своемъ выводѣ, этотъ процессъ развитія судебныхъ учрежденій въ Западной Европѣ выразился въ двухъ совершенно противоположныхъ формахъ. Во Франціи полная отмѣна вотчинныхъ и корпоративныхъ судовъ, съ передачей всей юрисдикціи въ руки верховной власти, осуществилась одновременно съ разгромомъ всѣхъ монархическихъ учрежденій. Совершившееся при этомъ перенесеніе верховной власти съ короля на державный народъ *) привело французскую судебную реформу къ революціоннымъ трибуналамъ, какъ орудію демократическаго деспотизма, еще болѣе тяжкаго чѣмъ всѣ крайности цезаризма. Это смѣшеніе суда съ политикой, поддерживаемое и послѣдующими революціями, укоренилось во Франціи глубже чѣмъ гдѣлибо; оно особенно сильно проникло въ институтъ французскихъ присяжныхъ, столь отличный отъ англійскаго его первообраза, и отразилось, хотя не надолго и менѣе глубоко, на тѣхъ судебныхъ преобразованіяхъ, которыя были произведены по французскому же образцу въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ континентальной Европы. Въ Англіи, наоборотъ, борьба королевской власти съ сословными привилегіями завершилась болѣе практическимъ компромиссомъ и гораздо раньше, вслѣдствіе чего Habeas Corpus и институтъ присяжныхъ успѣли утратить въ этой странѣ свой прежній политическій оттѣнокъ, усвоивъ мало-по-малу значеніе обыкновенныхъ формъ судебнаго производства, временно даже отмѣняемыхъ по соглашенію правительства съ народнымъ представительствомъ въ случаѣ какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, въ родѣ чартистскаго движенія въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, или еще въ недавнее время въ Ирландіи, по поводу аграрныхъ убійствъ. Такое же отсутствіе

---

*) „Le peuple souverain“ по выраженію якобинцевъ и санкюлотовъ первой республики, и радикаловъ второй и третьей. „Vous êtes tous souverains“, сказалъ парижской толпѣ Ламартинъ въ 1848 году съ балкона Городской Ратуши. Такое понятіе о народномъ верховенствѣ не имѣетъ ничего общаго съ конституціоннымъ значеніемъ народа ни въ Швейцаріи, ни въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

политической тенденціозности представляетъ судъ въ Скандинавскихъ государствахъ, въ Голландіи и въ Пруссіи.

Но въ Россіи судъ, несмотря на всѣ его несовершенства, никогда не имѣлъ въ принципѣ ничего общаго съ политикой, а за весьма рѣдкими исключеніями даже и на практикѣ. Обстоятельство это, заслуживающее весьма серіознаго вниманія, хотя недостаточно оцѣненное при составленіи уставовъ 1864 года, нельзя объяснять только незначительностію политическихъ интересовъ въ нашемъ обществѣ въ періодъ, предшествовавшій реформамъ прошлаго царствованія. Причина лежитъ глубже, а именно въ томъ, что судъ въ Россіи сталъ уже искони въ убѣжденіи всѣхъ слоевъ населенія безспорнымъ аттрибутомъ верховной власти. Отъ первобытнаго родоваго, а затѣмъ вѣчеваго и только отчасти церковнаго самосуда, мы, послѣ весьма непродолжительной борьбы между верховною властью и общественными группами, перешли еще въ ранній періодъ нашей исторіи къ суду государственному, сначала въ формѣ княжескаго, потомъ великокняжескаго, а затѣмъ и царскаго. У насъ поэтому не сохранилось никакихъ традицій объ этой борьбѣ, и даже со времени московскаго единодержанія вовсе не встрѣчалось попытокъ къ ограниченію судебнаго авторитета верховной власти, постоянно признававшейся единственнымъ прибѣжищемъ не только противъ всякаго произвола и насилія частныхъ лицъ, но въ равной степени и противъ лицепріятія и произвола подчиненныхъ верховной власти органовъ, какъ административныхъ такъ и судебныхъ.

При такомъ значеніи у насъ верховной власти, при такомъ не случайномъ, но нормальномъ отсутствіи политической тенденціозности въ нашей прежней судебной организаціи и практикѣ, наша судебная реформа, болѣе чѣмъ во всякой другой странѣ, должна была имѣть отнюдь не политическій, но исключительно юридическій характеръ.

Вотъ въ чемъ должно было состоять капитальное отличіе судебной реформы въ Россіи въ сравненіи съ западными государствами, отличіе, которое должно было наложить своеобразную печать и на преобразуемое судопроизводство, и особенно на вновь вводимые органы судоустройства.

Затѣмъ, въ общемъ своемъ развитіи, наша судебная реформа естественно предопредѣлялась еще слѣдующими условіями.

Прямое и высокое назначеніе суда состоитъ въ безпристрастномъ разрѣшеніи гражданскихъ тяжбъ и уголовныхъ дѣлъ, поступающихъ въ опредѣленномъ законами порядкѣ на его нело-

средственное разсмотрѣніе. Посему и единственная цѣль нашей судебной реформы должна была заключаться въ томъ, чтобъ обезпечить суду безпрепятственное достиженіе этого назначенія, съ одной стороны, посредствомъ устраненія прежнихъ неустройствъ, а съ другой,—посредствомъ установленія болѣе совершенныхъ порядковъ.

Разрѣшить сразу и безошибочно столь сложную задачу было не по силамъ ни одному цивилизованному народу, вслѣдствіе чего судебная реформа въ Англіи, равно какъ и въ другихъ государствахъ развивавшихся путемъ не революціовнымъ, состояла изъ цѣлаго ряда законодательныхъ актовъ, постепенно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени, причемъ прежнія формы и органы суда не столько уничтожались, сколько послѣдовательно видоизмѣнялись и улучшались *).

Съ другой стороны, если судъ долженъ быть чуждъ политической неустойчивости, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что его формы должны отличаться неподвижностью или теоретическою

---

*) Послѣдняя реформа высшихъ судебныхъ учрежденій въ Англіи произведена была въ 1873—1875 годахъ. Въ Австріи существующій порядокъ уголовнаго судопроизводства введенъ лишь въ 1873 году, въ Венгріи же процедура низшихъ судовъ была преобразована не ранѣе 1877 года. Въ Германіи новый уголовный кодексъ былъ обнародованъ 15 мая 1871 года, но затѣмъ дополненъ и измѣненъ 26 февраля 1876 года; въ 1877 году послѣдовательно были изданы: 27 января—законъ о судебной организаціи, 30 января кодексъ гражданскаго судопроизводства, и 10 февраля законъ о торговой несостоятельности; въ 1878 году законъ 18 іюня регулировалъ судебныя пошлины, а законъ 1 іюля—организацію ходатаевъ по судебнымъ дѣламъ. Въ Италіи настоящая судебная организація установлена закономъ 6 декабря 1865 года, а институтъ присяжныхъ былъ видоизмѣненъ закономъ 8 іюня 1874 года; но порядокъ перемѣщенія судей окончательно опредѣленъ лишь декретомъ 4 января 1880 года. Вездѣ, слѣдовательно, *позже чѣмъ у насъ*, хотя эти государства далеко опередили насъ развитіемъ цивилизаціи вообще, а въ частности развитіемъ судебнаго законодательства и юридическихъ наукъ. Наконецъ, во Франціи споръ о выборѣ или назначеніи судей и о компетентности присяжныхъ продолжается до сихъ поръ. (*L'Angleterre, son gouvernement, ses institutions;* par A. be Fonblanc, traduit de l'anglais sur la 14 édition par Dreyfuss, 1881, Paris, стр. 214. *Constitutions européennes*, par Demonbynes. 1881, Paris; ч. II, стр. 195, 255, 746; тамъ же, ч. I, стр. 319, 325 и 332).

законченностью. Параллельно развитію и непрерывному измѣненію общественныхъ отношеній долженъ постепенно видоизмѣняться и совершенствоваться самый судъ, а пріуроченіе суда къ измѣнчивымъ условіямъ народной жизни не можетъ происходить безъ ошибокъ, требующихъ своевременнаго исправленія. Улучшеніе суда должно потому составлять непрерывную законодательную работу, возбуждаемую указаніями опыта; окончательно же предрѣшить всѣ стороны судебнаго дѣла сразу болѣе чѣмъ смѣло: такой пріемъ, какъ доказала исторія французской революціи, ведетъ къ ошибкамъ, весьма трудно исправимымъ въ послѣдствіи.

Наконецъ, если судебная, какъ и всякая вообще законодательная реформа, должна непремѣнно соотвѣтствовать исторически сложившимся условіямъ народной жизни, другими словами— имѣть характеръ вполнѣ національный, то не слѣдуетъ однако забывать, что при улучшеніи въ странѣ судебнаго дѣла, нельзя не руководиться до извѣстной степени и прогрессивными примѣрами другихъ государствъ. Абсолютно чуждаться, при совершеніи крупныхъ реформъ, иностранныхъ заимствованій то же самое, что отвергать въ дѣлѣ національномъ опытъ общечеловѣческій. Но заимствованіе заимствованію рознь. Заимствованіе въ силу отвлеченныхъ принциповъ или по слѣпой страсти къ подражанію, безусловное или формально-механическое, такъ же вредно какъ преобладаніе голой теоріи при разрѣшеніи вопросовъ практической жизни. Смыслъ и будущность имѣютъ только тѣ заимствованія, которыя совпадаютъ съ современными жизненными условіями той страны, для которой эти заимствованія предназначены, и въ такомъ лишь случаѣ, если заимствуемыя формы были видоизмѣнены соотвѣтственно этимъ условіямъ.

Руководясь этими соображеніями, мы должны смотрѣть и на Судебные Уставы 1864 года какъ на крупный шагъ впередъ по пути усовершенствованія судебнаго дѣла въ Россіи, какъ на законодательный актъ первостепенной важности, но, повторяемъ, не политическій, а только юридическій, подготовленный законодательными работами предшествовавшихъ ему эпохъ, вызванный извѣстными требованіями дѣйствительной жизни и обусловленный примѣрами другихъ образованныхъ государствъ. Но нѣтъ никакого основанія видѣть въ этомъ актѣ послѣднее слово нашей судебной реформы, нѣчто вполнѣ завершенное, безошибочное въ принципѣ и непогрѣшимое съ практической точки зрѣнія.

Чтобы разрѣшить вопросъ, въ какой степени наша судебная реформа была *въ принципѣ* вѣрна своей историко-органической

задачѣ, необходимо припомнить какими особенностями отличалось наше прежнее судопроизводство и судоустройство, при какихъ обстоятельствахъ возникали у насъ въ разныя эпохи судебныя реформы вообще, и въ чемъ заключались *основныя черты* той послѣдней по времени реформы, которая возникла въ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія. Мы убѣждены, что только этимъ способомъ возможно подойти не ощупью, но сознательно къ разрѣшенію другаго, еще болѣе существеннаго вопроса о томъ, въ какой степени судебная реформа 1864 года соотвѣтствовала на *практикѣ* условіямъ нашей современной дѣйствительности, и въ чемъ она подлежитъ, при дальнѣйшемъ развитіи, дополненію или исправленію.

II.

Безусловные защитники судебной реформы 1864 года усматриваютъ въ ней *не постепенное усовершенствованіе* судебной части въ Россіи, но эру *внезапнаго* появленія въ нашемъ отечествѣ суда *скораго*, *праваго* и *милостиваго*, какъ будто, кромѣ медленности, неправоты и жестокости, наше прежнее правосудіе не сумѣло выработать никакихъ другихъ пріемовъ для огражденія личныхъ, имущественныхъ и общественныхъ интересовъ гражданъ.

Съ другой стороны, такъ называемые „народники“ видятъ въ реформѣ 1864 года желанное уничтоженіе бюрократическаго суда, обуявшаго Русь со времени Петра I, и возвращеніе къ народнымъ традиціямъ до-Петровской эпохи, какъ будто бы наше отечество, въ теченіе болѣе чѣмъ полутора вѣка, развивалось только вспять, а подъячіе царя Ивана Грознаго и „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича были неподкупнѣе, образованнѣе и менѣе имѣли вліянія на рѣшеніе дѣлъ, чѣмъ чиновники Петра I, Екатерины II и Николая I; какъ будто, наконецъ, до-Петровскіе судебные порядки имѣли характеръ идеальный и нынѣ, нежданно-негаданно, возстали отъ продолжительнаго усыпленія къ новой жизни... въ созданныхъ по ново-европейскому образцу порядкахъ.

Доморощенные же поклонники „принциповъ 1789 года“ и даже 1793 года, озабоченные пріобрѣтеніемъ для Русскаго народа всевозможныхъ гарантій противъ всевозможныхъ эксплуататоровъ, усматриваютъ въ судебной реформѣ 1864 года, точно такъ какъ въ упраздненіи крѣпостнаго права и въ образованіи земскихъ

учрежденій, радикальную политическую реформу въ смыслѣ дальнѣйшей эмансипаціи народныхъ массъ, лишенныхъ дотолѣ всѣхъ прирожденныхъ человѣку правъ, какъ будто бы Россія, до судебной и другихъ реформъ прошлаго царствованія, и впрямь состояла изъ хаотической толпы безправныхъ лицъ, единственною цѣлью коихъ могла быть только „борьба за существованіе“.

Полнѣйшее безправіе, бюрократическій произволъ, застой, движеніе вспять, неспособность къ выработкѣ чего-либо прочнаго, особенно въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, вотъ что̀, по подобнымъ теоріямъ, предшествовало у насъ Судебнымъ Уставамъ 1864 года.

Но Россія не восточное государство, коснѣющее въ неподвижности, и еще менѣе—безсвязный агломератъ племенъ, неспособныхъ къ европейской цивилизаціи. Всѣ учрежденія въ Россіи, въ томъ числѣ и судъ, развивались безъ движенія вспять, по тѣмъ же законамъ разумности, необходимости и постепенности, какъ и въ западныхъ культурныхъ государствахъ, хотя во многомъ и отлично отъ нихъ, въ силу особыхъ историческихъ и соціальныхъ условій. Къ сожалѣнію, эта безспорная и почти всѣми признаваемая истина устраняется у насъ, какъ и нѣкоторыя другія, особенно со времени реформъ минувшаго царствованія, на такой задній планъ, что при разрѣшеніи отдѣльныхъ задачъ утрачиваетъ свое руководящее значеніе, уступая господство разнымъ предвзятымъ взглядамъ; причемъ прошлое представляется, въ воображеніи нѣкоторыхъ реформаторовъ, въ самой искусственной окраскѣ, то черезчуръ пессимистической, то вполнѣ оптимистической. Въ отношеніи къ преобразованію судебной части эта тенденціозность выразилась тѣмъ, что существовавшее еще до реформы 1864 года сознаніе необходимости исправленія прежнихъ судебныхъ формъ и органовъ замѣнилось, въ самый моментъ этой реформы, убѣжденіемъ въ безусловной и огульной негодности всего прежняго, несмотря даже на то, что мы къ тому времени даже не имѣли, да и теперь еще не имѣемъ, ни полной и основательной исторіи русскаго законодательства, ни критическихъ монографій о дореформенныхъ русскихъ судахъ.

Между тѣмъ, при самомъ элементарномъ, но сколько-нибудь безпристрастномъ знакомствѣ съ прежними судебными формами и органами, не трудно убѣдиться, что если тѣ и другіе, по исключительнымъ обстоятельствамъ нашего государственнаго развитія, не выработались такъ удачно, какъ на Западѣ, то изъ этого отнюдь нельзя выводить заключенія, будто недостатки преж-

нихъ судовъ до такой степени парализовали наше государственное творчество, что наканунѣ реформы 1864 года всѣ формы и органы нашего суда имѣли значеніе только отрицательное, сводились, съ точки зрѣнія практической годности, лишь къ нулю и подлежали, вовсемъ своемъ объемѣ и во всѣхъ своихъ традиціяхъ, безповоротной замѣнѣ исключительно новыми.

Совершенно вѣрно, что въ отношеніи къ гражданскому и уголовному законодательству, въ особенности по части судебной процедуры и судебной организаціи, мы развивались гораздо медленнѣе нежели народы Запада. Ни одинъ европейскій народъ не купилъ права на свое дальнѣйшее государственное существованіе такими чрезвычайными и продолжительными усиліями какъ мы. Княжескія усобицы сначала, потомъ монгольское иго, а затѣмъ смутное время и продолжавшаяся, послѣ смутнаго времени, внутренняя безурядица, равно какъ борьба съ сильными сосѣдними народами, тормозили наше гражданское развитіе. Но даже въ раннюю пору этой тяжкой работы собиранія нашей земли, забота о правомъ судѣ оставила по себѣ достойную память и въ *Русской Правдѣ*, и въ *Кормчей*. Возможность болѣе твердой дѣятельности по упорядоченію суда и полиціи открылась у насъ только съ конца XV столѣтія, съ утвержденіемъ московскаго единодержавія. Уже начало этой эпохи ознаменовано было изданіемъ двухъ *Судебниковъ*; конецъ же ея совпалъ съ изданіемъ *Уложенія Царя Алексѣя Михайловича*, составленнаго не подъячими, а при участіи выборныхъ людей ото всѣхъ чиновъ Русской земли. Но эра всестороннихъ, безостановочныхъ по судебной части усовершенствованій возникла собственно при Петрѣ Великомъ съ окончаніемъ Великой Сѣверной Войны. Лишь съ этой поры началось у насъ сознательное выдѣленіе отдѣльныхъ вѣдомствъ изъ ихъ прежняго хаотическаго смѣшенія, составленіе спеціальныхъ наказовъ, стремленіе къ болѣе точному опредѣленію юридическихъ формъ, улучшеніе внутреннихъ порядковъ по указаніямъ опыта другихъ государствъ. Охватывая бдительнымъ окомъ всѣ органы государственной власти, направляя ихъ, съ ему только свойственною энергіей, къ подъему силы и благоденствія ввѣреннаго ему народа, Петръ Великій, болѣе чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, сосредоточилъ свои заботы на улучшеніи суда. Память объ его дѣятельности въ этой сферѣ сохранилась въ его безчисленныхъ указахъ, регламентахъ и личныхъ резолюціяхъ. Далекій ото всякаго доктринерства, сознавая неизбѣжныя препятствія и противодѣйствія, встрѣчаемыя его

преобразованіями въ общественныхъ условіяхъ современной ему жизни, онъ не задумывался измѣнять, по указаніямъ опыта, собственныя распоряженія, гоняясь не за идеалами, но лишь за практическою пользой. Конечно, при всей своей геніальности Петръ не довершилъ своей задачи въ дѣлѣ суда, точно такъ какъ и по многимъ другимъ вопросамъ; тѣмъ не менѣе, совокупностью принятыхъ имъ мѣръ онъ далъ такое направленіе этому дѣлу, что улучшеніе формъ и органовъ суда не переставало обращать на себя, хотя и не всегда успѣшно, господствующее вниманіе правительственной власти при всѣхъ его ближайшихъ преемникахъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться при внимательномъ чтеніи *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ*, Соловьева, а еще болѣе изъ *Полнаго Собранія Законовъ*.

Всѣ эти попытки, всѣ эти отдѣльныя улучшенія, возникавшія и продолжавшіяся по почину Петра Великаго, получили единство и твердое основеніе при Екатеринѣ Великой. Подъ вліяніемъ ея *Наказа* и трудовъ коммиссіи для составленія законовъ, коммиссіи, состоявшей не изъ чиновниковъ-бюрократовъ, но, подобно тому какъ и при начертаніи *Уложенія Царя Алексѣя Михайловича*, изъ представителей государственныхъ сословій, созрѣла у насъ раньше чѣмъ во Франціи, и безъ революціи, вполнѣ цѣльная система общегосударственнаго суда съ судьями не только по назначенію отъ правительства, но и по выбору отъ мѣстныхъ жителей. Эта система суда выразилась въ совокупности постановленій по судебной части, заключающихся въ *Учрежденіи о губерніяхъ* 1775 года. Кромѣ того, въ этомъ законодательномъ актѣ разграничены были отношенія судебныхъ органовъ къ прочимъ органамъ правительственной власти и установленъ, предуказанный еще Петромъ Великимъ, порядокъ общаго контроля за исполненіемъ законовъ административными и судебными чинами какъ низшими, такъ и высшими. Хотя нѣкоторыя изъ учрежденій Екатерины II не привились, были видоизмѣнены и даже отмѣнены, но общій ея планъ утвердился съ учрежденіемъ министерствъ при Александрѣ I; а при Николаѣ I, съ изданіемъ *Свода Законовъ*, система Екатерининскихъ судовъ была дополнена и окончательно формулована первоклассными юристами того времени, во главѣ коихъ стоялъ графъ Сперанскій.

Такое прошедшее, залечатлѣнное столь монументальными памятниками, свидѣтельствуетъ о правильномъ ростѣ судебнаго дѣла въ Россіи и объ историко-органическомъ характерѣ тѣхъ судебныхъ формъ и органовъ, которые до 1864 года служили

повсемѣстно, въ коренныхъ частяхъ Имперіи, основаніемъ для отправленія правосудія по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Какъ всякій продуктъ исторической жизни, какъ всѣ учрежденія у насъ и на Западѣ, эти формы и органы заключали въ себѣ не мало недостатковъ, но въ общемъ выводѣ, въ нихъ несомнѣнно выразились тѣ начала, по коимъ совершалось наше юридическое усовершенствованіе, которыми обусловливался и дальнѣйшій органическій процессъ развитія судебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Можно справедливо утверждать, что основныя начала русскаго суда не были оживотворены вліяніемъ римскаго права въ той мѣрѣ какъ на Западѣ, хотя римское право далеко не было чуждо и нашему юридическому развитію, такъ какъ оно успѣло проникнуть и въ нашу *Кормчую* и, какъ доказалъ покойный Мороткинъ, въ *Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича*, а съ возникновеніемъ у насъ юридическихъ факультетовъ, не только въ науку, но и въ законодательныя сферы. Можно еще утверждать, что наши судебные органы и формы не подверглись, въ отдѣльныхъ частяхъ, той подробной разработкѣ, которая была на Западѣ результатомъ продолжительной борьбы изъ-за судебныхъ прерогативъ между верховною властію и автономными общественными группами. Можно, наконецъ, утверждать, что судебныя злоупотребленія находили у насъ вообще болѣе простора нежели на Западѣ, хотя и тамъ, при болѣе усовершенствованныхъ порядкахъ, какъ и у насъ послѣ реформы 1864 года, эра судебныхъ неустройствъ далеко еще не миновала. Но, повторяемъ, все это нисколько не могло и не должно было поколебать того безспорнаго и чрезвычайно важнаго въ виду предстоявшей судебной реформы обстоятельства, что, наканунѣ Уставовъ 1864 года, у насъ существовали свои опредѣленныя судебныя начала, развившіяся органически и глубоко укоренившіяся въ народномъ міровоззрѣніи.

III.

Такъ какъ судъ въ Россіи развился внѣ борьбы политическихъ партій, то и всѣ мѣры къ его усовершенствованію принимаемы были по почину верховной власти, безъ противодѣйствія со стороны организованныхъ общественныхъ группъ. Отсюда слѣдуетъ, что единственною цѣлью этихъ мѣръ было устраненіе тѣхъ неустройствъ, которыя возникали, съ одной сто-

роны, изъ произвола частныхъ лицъ, или грубости и порочности народныхъ массъ, а съ другой, изъ неправильной дѣятельности самихъ органовъ верховной власти. Въ первомъ случаѣ задачу верховной власти составляло изданіе болѣе соотвѣтственныхъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и усиленіе полицейскаго надзора, а въ послѣднемъ—преслѣдованіе нерадивыхъ, лицепріятныхъ и продажныхъ судей, особенно же установленіе такихъ формъ и органовъ, которые представлялись наиболѣе обезпечивающими какъ контроль надъ судьями, такъ и интересы тяжущихся и подсудимыхъ. И можно безъ преувеличенія сказать, что процессъ развитія нашего судопроизводства и судоустройства является, въ общемъ выводѣ, неутомимою борьбой верховной власти съ кривосудіемъ.

Такимъ образомъ и въ Россіи развитіе судебныхъ формъ и органовъ происходило путемъ борьбы, но не съ корпораціями, сословіями и привилегіями, какъ на Западѣ, а съ противодѣйствіями совершенно другаго рода, хотя въ свою очередь и эта борьба была не менѣе затруднительна и не менѣе продолжительна.

Тысячелѣтіе борьбы, которую вела русская верховная власть съ кривосудіемъ, указываетъ однако не на безуслѣшность самой борьбы, но лишь на ту энергію, съ какою она велась, и на тѣ многоразличныя препятствія, которыя необходимо было преодолѣвать для постепеннаго улучшенія судебной части въ нашемъ отечествѣ. Препятствія эти коренились прежде всего въ общихъ историческихъ причинахъ, задерживавшихъ нашъ внутренній прогрессъ; но даже съ окончаніемъ періода собиранія Русской земли и съ установленіемъ сильной верховной власти, всѣ наши судебные шаги впередъ встрѣчали безпримѣрныя затрудненія въ обширности и разбросанности нашей теоріи, въ безурядицѣ на нашихъ окраинахъ, въ гражданской неразвитости населенія и недостаточной образованности руководящихъ классовъ. Несостоятельность этихъ послѣднихъ естественно затрудняла и выборъ судей, и самый контроль надъ ними, тогда какъ судей въ Россіи постоянно требовалось гораздо болѣе нежели во всякомъ другомъ европейскомъ государствѣ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, дѣятельность русской верховной власти по судебной части могла быть лишь медленною и постепенною; достигать своихъ цѣлей вполнѣ она не могла, но должна была довольствоваться результатами относительными, оставляя многое на долю будущихъ поколѣній.

Такова была задача русской верховной власти въ сферѣ правосудія. Понятно, что при такихъ условіяхъ политическая тенденціозность была нашимъ прежнимъ судамъ совершенно несвойственна. Къ тому же постоянныя заботы верховной власти объ установленіи необходимаго надзора за ними имѣли и то важное послѣдствіе, что организація суда не вылилась у насъ въ форму особой, привилегированной корпораціи, какъ это было напримѣръ въ до-революціонной Франціи, гдѣ высшія судебныя учрежденія, то-есть основанные королями парламенты, присвоили себѣ мало-по-малу чисто политическія, несвойственныя судебному дѣлу прерогативы, вошли въ безконечныя столкновенія съ верховною властью и, наконецъ, примкнули къ революціи. Въ противоположность этому судъ въ Россіи, созидаемый, направляемый и контролируемый верховною властью, никогда, даже послѣ выдѣленія, съ конца XVIII вѣка, въ особое вѣдомство, не нарушалъ единства государственной власти. Не бывши въ принципѣ подчиненнымъ другой администраціи вѣдомствомъ, онъ всегда оставался равночинною частью общаго государственнаго управленія.

Имѣя равныя съ другими учрежденіями права, состоя, въ своей спеціальной сферѣ, подъ общею съ другими учрежденіями отвѣтственностью, прежній судъ былъ наглядно объединенъ, какъ часть одного цѣлаго, въ неразрывный съ прочими вѣдомствами государственный механизмъ посредствомъ прокурорскаго надзора и подчиненія Правительствующему Сенату. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи прежній прокурорскій надзоръ, который, не входя въ составъ распорядительныхъ и судебныхъ инстанцій, обязанъ былъ главнымъ образомъ наблюдать за повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ. Объединительный характеръ этого замѣчательнаго института заключался въ томъ, что вѣдѣнію прокурорскаго надзора подлежали нераздѣльно всѣ безъ различія присутственныя мѣста какъ судебныя, такъ и административныя. И порядокъ этотъ не былъ мертвою буквой, такъ какъ губернскіе прокуроры, съ подчиненными имъ стряпчими, составляли въ мѣстномъ управленіи самостоятельное вѣдомство, которое въ лицѣ генералъ-прокурора непосредственно примыкало къ верховной власти. При такомъ порядкѣ вещей даже неправильныя дѣйствія высшихъ судебныхъ мѣстъ не могли быть послѣднимъ словомъ для тяжущихся и подсудимымъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ прокурорскаго и сенатскаго контроля надо всѣми вѣдомствами, всякое столкновеніе отдѣль-

ныхъ учрежденій было у насъ признаваемо въ принципѣ, уже со времени Екатерины II, существеннымъ нарушеніемъ государственнаго порядка, требующимъ безусловнаго устраненія; вслѣдствіе чего практикой Сената, въ особенности послѣ изданія *Свода Законовъ*, выработалась цѣлая казуистика для разрѣшенія подобныхъ столкновеній. Если же судебныя и другія учрежденія оказывались иногда въ этой системѣ, подъ вліяніемъ случайныхъ, личныхъ или временныхъ условій, менѣе самостоятельными, чѣмъ бы имъ слѣдовало быть по закону, то это былъ безспорно важный недостатокъ, подлежавшій постепенному исправленію въ примѣненіи къ суду и, не менѣе суда, къ прочимъ учрежденіямъ; но этотъ недостатокъ нисколько не доказывалъ несостоятельности самой системы, основанной на дисциплинарной солидарности всѣхъ безъ исключенія органовъ правительственной власти.

При такомъ единствѣ органовъ правительственной власти, столкновенія между судомъ и администраціей случались весьма рѣдко; но еще полезнѣе было это единство при производствѣ слѣдствій.

Хотя въ общемъ порядкѣ судопроизводства слѣдственная часть составляла въ то время обязанность мѣстной полиціи, но въ дѣйствительности этотъ порядокъ примѣнялся къ обнаруженію только мелкихъ закононарушеній. Собственно же говоря, у насъ до Судебныхъ Уставовъ 1864 года было нѣсколько категорій слѣдователей. Кромѣ слѣдователей по спеціальнымъ дѣламъ, напримѣръ, по конокрадству и по корчемству въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ обѣихъ столицахъ были еще учреждены слѣдственные пристава, а наиболѣе важныя слѣдствія были вездѣ поручаемы особо уполномоченнымъ чиновникамъ, состоявшимъ при губернаторахъ, генералъ-губернаторахъ и министрахъ (Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи), и даже коммиссіямъ, назначавшимся нерѣдко по Высочайшему повелѣнію. Чѣмъ важнѣе оказывалось преступленіе, чѣмъ болѣе встрѣчало слѣдствіе препятствій въ безсиліи и лицепріятіи низшихъ исполнителей, или со стороны мѣстныхъ вліяній, тѣмъ энергичнѣе бывали усилія правительственной власти къ открытію истины посредствомъ призыва къ дѣлу болѣе авторитетныхъ по ихъ положенію слѣдователей. О противодѣйствіи этимъ слѣдователямъ со стороны полиціи не могло быть и рѣчи. Конечно, при такомъ порядкѣ первоначальное слѣдствіе иногда затягивалось дополненіями, а нерѣдко и всецѣлымъ переслѣдованіемъ подъ руководствомъ новыхъ слѣдователей, но за то эти задержки очень часто приводили въ окончательномъ результатѣ къ открытію исти-

ны, искусно въ началѣ замаскированной *). Но это исключительное отношеніе власти къ производству слѣдствій по важнымъ уголовнымъ дѣламъ тѣмъ и ограничивалось, такъ какъ и особо-уполномоченные чиновники, и даже коммиссіи, назначаемыя по Высочайшему повелѣнію, обязаны были производить слѣдствіе общимъ, установленнымъ въ законѣ порядкомъ, а съ другой стороны, всѣ эти слѣдствія, по окончаніи, поступали въ общія судебныя инстанціи. Впрочемъ, прибѣгая, по требованію обстоятельствъ, къ усиленію слѣдственной энергіи въ этой формѣ, прежнее судебное законодательство не оставляло подслѣдственныхъ лицъ подъ безусловнымъ и безконтрольнымъ давленіемъ означенныхъ чиновниковъ и коммиссій, допуская къ нахожденію при слѣдствіи депутатовъ отъ тѣхъ вѣдомствъ и сословій, къ которымъ принадлежали подслѣдственныя лица, не говоря уже о томъ, что въ производствѣ этихъ слѣдствій почти всегда участвовали представители тогдашняго прокурорскаго надзора: уѣздные стряпчіе и прокуроры, послѣдніе въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ слѣдственныхъ коммиссій.

Что же касается до состава прежнихъ судовъ, то слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что, несмотря на строго государственный характеръ русскаго суда, большинство нашихъ судей были не-коронные, но выборные какъ до Петра Великаго, такъ и послѣ него, до самой реформы 1864 года. Обстоятельство это тѣмъ болѣе знаменательно, что всѣ тѣ общественныя группы, изъ которыхъ выбирались не-коронные судьи, не обладали до Екатерины II даже тѣнью самоуправленія; да и послѣ того, какъ узаконеніями этой государыни дарованы были дворянскому и торговому сословіямъ нѣкоторыя автономныя права, служба по выборамъ на судебныя и полицейскія должности была въ сущности не столько привилегіей, сколько тою же общею государственною повинностью, которую искони несли въ Россіи люди всѣхъ званій, одни уплатой податей, другіе отбываніемъ личной службы.

---

*) Любознательные слѣдователи нашего времени легко могутъ, и не безъ пользы, ознакомиться съ указываемою нами практикой ихъ предшественниковъ, обратившись къ многочисленнымъ печатнымъ сенатскимъ запискамъ той эпохи, такъ какъ почти всѣ слѣдствія, производившіяся особо уполномоченными чиновниками и коммиссіями, касались такихъ именно уголовныхъ дѣлъ которыя поступали въ ревизіонномъ порядкѣ или, хотя весьма рѣдко, по сепаратнымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, на окончательное разсмотрѣніе въ Сенатъ.

Въ крестьянской сферѣ судъ весьма естественно сохранилъ свой первобытно-сословный характеръ по той причинѣ, что, ограниченный мелкими домашними отношеніями сельскаго населенія, онъ весьма мало нуждался въ содѣйствіи правительственной власти. То же самое, хотя въ меньшей мѣрѣ, слѣдуетъ замѣтить о магистратахъ и ратушахъ, судебная дѣятельность коихъ въ примѣненіи къ городскимъ обывателямъ проявлялась вообще весьма пассивно. Но и во всѣхъ общегосударственныхъ судахъ, каковыми были: суды полицейскіе (именовавшіеся земскими) и уѣздные, надворные и совѣстные, наконецъ, гражданскія и уголовныя палаты, вездѣ, особенно съ 1831 года, *) засѣдали выборные отъ разныхъ сословій судьи, а коронные только въ Сенатѣ. Единственное уклоненіе отъ этого правила представляли коронные судьи въ тѣхъ немногихъ губерніяхъ, гдѣ не было помѣстнаго дворянства, а съ конца царствованія Николая I—назначаемые отъ правительства товарищи предсѣдателей, иногда же и предсѣдатели палатъ въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ.

Засѣдая въ общей коллегіи, объединяемые прокурорскимъ надзоромъ и направляемые Сенатомъ, эти сословно-выборные судьи, во время срочнаго отправленія ими своихъ обязанностей, не были и не могли быть представителями сословной тенденціозности. Всего болѣе слѣдуетъ это сказать о судьяхъ, избиравшихся дворянствомъ. Хотя послѣдніе, засѣдая и предсѣдая въ общегосударственныхъ судахъ, получая содержаніе отъ казны, чины и ордена, пользовались досему болѣе виднымъ положеніемъ, чѣмъ другіе сословно-выборные судьи, тѣмъ не менѣе всѣ эти преимущества были присвоены дворянству не въ силу его политической автономіи, которой оно не имѣло, а только какъ представителямъ наиболѣе служилаго сословія въ государствѣ. Но то что̀ на Западѣ давало всего чаще судебному званію характеръ сословной привилегированности, а именно наслѣдственность должностей, у насъ никогда не существовало. При неразвитости же и нераздѣльной съ неразвитостью пассивности выборныхъ судей изъ другихъ сословій, дворянство неизбѣжно являлось главнымъ контингентомъ для пополненія судебнаго персонала еще и потому, что правительство не имѣло физической возможности замѣщать всѣ судебныя должности образованными коронными чиновниками, ни

*) См. *Судебные Уставы 20 ноября 1864 года*, съ изложеніемъ разсужденій, на которыхъ они основаны; изданіе Государственной Канцеляріи; второе, дополненное 1867, ч. III, стр. 11.

обезпечивать ихъ вполнѣ соотвѣтственнымъ содержаніемъ, тогда какъ дворяне составляли сословіе не только весьма многочисленное, но и болѣе образованное и обезпеченное. И въ этомъ обстоятельствѣ было бы едва ли справедливо усматривать дворянскую монополію, потому что наше дворянство было по закону всегда и легко открыто для вступленія въ него лицъ другихъ сословій, а посему постоянно ими пополнялось и обновлялось *).

Государственный характеръ русскаго суда высказался и въ тѣхъ *непосредственныхъ* отношеніяхъ верховной власти къ правосудію, которыя постепенно развились и укоренились въ нашемъ отечествѣ. Отношенія эти не ограничились отвлеченнымъ только признаніемъ суда какъ непремѣннаго аттрибута верховной власти; они еще выразились въ болѣе наглядной и живой формѣ. По народному воззрѣнію, Русскій Государь не только блюдетъ за органами правосудія, но онъ самъ есть верховный оберегатель и судья, прибѣгать къ лицу коего въ исключительныхъ случаяхъ не можетъ быть возбранено подданнымъ. Такъ было при великихъ князьяхъ и московскихъ царяхъ, при Петрѣ Великомъ и при всѣхъ его преемникахъ.

Говоря вообще, это то же самое обращеніе къ Государю (appellatio ad caesarem), какъ къ верховному магистрату, которое, замѣ-

---

*) Даже крѣпостное право не сдѣлало дворянство замкнутымъ, не вызвало къ нему вражды другихъ сословій и не поколебало его служилаго характера. Роль большинства русскаго дворянства при составленіи Положеній 19 февраля 1861 года, въ особенности же дѣятельность мировыхъ посредниковъ по приведенію этихъ Положеній въ исполненіе, достаточно убѣждаютъ въ томъ, что дворянство было не только въ сферѣ государственной службы вообще, но въ частности и въ сферѣ суда выраженіемъ именно *служилаго* начала, а не корпоративнаго эгоизма. Къ тому же, въ прежнее время гражданскіе споры между помѣщиками и ихъ крестьянами не могли быть вовсе предметомъ судебнаго разбирательства, а дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью, равно какъ дѣла о неповиновеніи крестьянъ помѣщикамъ, рѣшались экстра-легальнымъ порядкомъ. Поэтому дворянство, повторяемъ, не имѣло даже повода проявлять своихъ судебныхъ преимуществъ въ ущербъ другимъ сословіямъ, а очевидцы нашего до-реформеннаго правосудія, знакомые съ нимъ практически, но не по позднѣйшимъ разсказамъ, могутъ засвидѣтельствовать, что уголовныя преступленія, совершаемыя дворянами, вовсе не встрѣчали поблажки со стороны судей-дворянъ. Отличительная черта русскаго уголовнаго закона, въ силу которой дворянинъ карается за кражу гораздо строже нежели не-дворянинъ, сохраняла тогда вполнѣ свое значеніе.

нивъ въ Римской имперіи республиканскую аппелляцію къ народу (appellatio ad populum), перешло затѣмъ въ различныхъ формахъ во всѣ европейскія государства, возникшія на развалинахъ греко-римскаго міра. Она проникла и въ феодальное право, усилилась съ усиленіемъ монархической власти и имѣла обыкновенно послѣдствіемъ эвокацію (evocatio) нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ изъ ординарныхъ инстанцій въ особое коллегіальное учрежденіе, состоявшее при лицѣ монарха (тайный совѣтъ) и разсматривавшее обжалованное рѣшеніе по существу, или ограничивавшееся передачей дѣла для перерѣшенія въ другую судебную инстанцію. Но у насъ эта система, при строго государственномъ характерѣ суда, пустила конечно болѣе глубокіе корни. Правда, Петръ Великій положилъ начало регулированію порядка принесенія вседданнѣйшихъ челобитныхъ, постановивъ, чтобы челобитныя поступали въ Сенатъ; но и при этомъ порядкѣ челобитчики не были лишены права жаловаться лично Государю на неправыя рѣшенія самого Сената, хотя и подъ угрозой наказанія въ случаѣ, если жалоба оказывалась неосновательною. Послѣ Петра, но въ этомъ же направленіи, выработалась у насъ спеціальная процедура для подачи и разсмотрѣнія вседданнѣйшихъ прошеній по судебнымъ дѣламъ, которая и оставалась въ силѣ до Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Система пересмотра судебныхъ рѣшеній была у насъ вообще развита очень широко не только въ аппелляціонномъ, но и въ ревизіонномъ порядкѣ, въ силу коего рѣшенія низшихъ судебныхъ мѣстъ поступали на ревизію высшихъ, даже помимо ходатайства о томъ недовольныхъ рѣшеніемъ лицъ. Этотъ ревизіонный порядокъ вызванъ былъ стремленіемъ обезпечить интересы закона, но по своей сложности, формальности и задержкамъ, открывалъ не мало простору для кривосудія и притязательности судебныхъ канцелярій. Вотъ та главная причина, которая упрочила у насъ до самой судебной реформы и другой порядокъ пересмотра рѣшеній—по Высочайшимъ повелѣніямъ. Такой чрезвычайный пересмотръ возбуждался вседданнѣйшими жалобами тяжущихся и подсудимыхъ на окончательныя рѣшенія сенатскихъ департаментовъ. Эти жалобы поступали въ Коммиссію Прошеній и, въ случаѣ признанія уважительными, были передаваемы въ общія собранія Сената, которыя переверщали гражданскія дѣла по существу, по дѣламъ же уголовнымъ всего чаще уменьшали мѣру взысканія, а иногда и вполнѣ оправдывали подсудимыхъ. Но вседданнѣйшія жалобы на общія собранія Се-

ната были принимаемы чрезвычайно рѣдко, подлежа, въ случаѣ признанія ихъ уважительными, разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ, опредѣленія коего представляемы были на личное усмотрѣніе самого Государя.

Чтобъ оцѣнить съ безпристрастіемъ эту процедуру, безусловно отмѣненную при совершившемся у насъ судебномъ преобразованіи, необходимо принять во вниманіе слѣдующія соображенія.

Верховная власть, олицетворяется ли она отвлеченно—въ народѣ, или непосредственно—въ монархѣ, представляетъ, по теоріи государственнаго права, совокупность трехъ властей: законодательной, исполнительной и судебной. Хотя, при практическомъ осуществленіи этихъ трехъ аттрибутовъ, каждый изъ нихъ проявляется въ формѣ отдѣльныхъ органовъ и въ точно опредѣленныхъ границахъ, тѣмъ не менѣе всѣ эти три вида власти, въ высшемъ своемъ проявленіи, неразрывно объединяются въ общегосударственномъ надзорѣ верховной власти, который сосредоточенъ: въ реслубликахъ—въ народномъ представительствѣ, въ конституціонныхъ монархіяхъ — въ совмѣстной дѣятельности Монарха и законодательныхъ палатъ, а въ самодержавномъ государствѣ — въ неограниченной власти Государя. Главный же признакъ судебной прерогативы верховной власти въ государствахъ монархическихъ заключается, сверхъ права помилованія и смягченія участи подсудимыхъ, въ назначеніи и награжденіи судей. Но право назначенія и награжденія неизбѣжно устанавливаютъ уже вліяніе высшаго государственнаго управленія на составъ, а слѣдовательно и на направленіе магистратуры. Органомъ верховной власти по дѣламъ этого рода является во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ министръ юстиціи или хранитель печатей, состоящій вездѣ членомъ министерства, но, подобно другимъ министрамъ, не принадлежащій къ составу несмѣняемой магистратуры. У насъ же министръ юстиціи совмѣщалъ въ себѣ, въ качествѣ генералъ-прокурора, и общій надзоръ за исполненіемъ законовъ всѣми присутственными мѣстами въ Имперіи; посему его участіе, посредствомъ сенатскихъ оберъ-прокуроровъ, въ пересмотрѣ, по Высочайшимъ повелѣніямъ, судебныхъ рѣшеній составляло лишь прямое послѣдствіе совмѣстнаго въ лицѣ Монарха сочетанія высшей судебной и высшей исполнительной властей. Дѣло только въ томъ, что это совмѣстное дѣйствіе у насъ двухъ властей тѣмъ менѣе можно называть безусловнымъ подчиненіемъ суда администраціи, что самое перерѣшеніе судебныхъ дѣлъ по существу было предоставляемо не административнымъ, но су-

дебнымъ же высшимъ инстанціямъ, и только въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ инстанціи законодательной, то-есть Государственному Совѣту. Тѣмъ не менѣе, даже эти уклоненія отъ чистой теоріи, вызывавшіяся у насъ отъ времени до времени такою же практическою необходимостью, какъ и порученіе слѣдствій особо уполномоченнымъ чиновникамъ и коммиссіямъ, сопровождались такими цѣлесообразными результатами, что на процедуру пересмотра судебныхъ рѣшеній по Высочайшимъ повелѣніямъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на могущественный коррективъ противъ ошибокъ и лицепріятія судей, и противъ неудовлетворительности гражданскихъ и уголовныхъ узаконеній той эпохи. Разумѣется, этимъ коррективомъ прикрывались иногда и разныя личныя искательства, но это обстоятельство не исключало несомнѣнной пользы такого корректива въ большинствѣ случаевъ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что участіе верховной власти въ отправленіи правосудія приняло у насъ по преимуществу характеръ заступничества, милости. Такое значеніе имѣлъ и пересмотръ гражданскихъ рѣшеній по всеподданнѣйшимъ жалобамъ тяжущихся; но еще болѣе этотъ характеръ верховной власти проявлялся при разсмотрѣніи всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о пересмотрѣ уголовныхъ рѣшеній, а также о помилованіи и смягченіи наказаній, а къ этой именно категоріи принадлежало большинство приносимыхъ подсудимыми на Высочайшее имя просьбъ. И замѣчательно, что въ то самое время, когда въ западныхъ государствахъ вырабатывалось воззрѣніе, въ силу котораго эвокація, ограниченная только случаями формальнаго несоблюденія закона, становилась аттрибутомъ независимаго кассаціоннаго суда, когда помилованіе дѣлалось тамъ прерогативой смѣняющихся подъ вліяніемъ политической борьбы министерствъ, а смягченіе вины подсудимыхъ — результатомъ впечатлительности присяжныхъ, — у насъ, наоборотъ, и эвокація, и помилованіе преступниковъ, и смягченіе опредѣляемыхъ имъ наказаній, непоколебимо оставались, и юридически, и *по народному убѣжденію*, исключительно личнымъ аттрибутомъ Самодержавнаго Государя, какъ верховнаго представителя власти, наиболѣе застрахованнаго отъ разнообразныхъ случайныхъ вліяній.

Выше было сказано, что Русскій Государь, въ глазахъ народа, верховный оберегатель и судья; но онъ признается еще источникомъ всякой милости. Вообще, царская милость къ преступникамъ получила у насъ, въ силу многоразличныхъ бытовыхъ условій, весьма своеобразный, вполнѣ специфическій оттѣнокъ.

Преступленіе считалось у насъ въ старину не нарушеніемъ земскаго мира, а грѣхомъ; преступникъ же—гораздо менѣе врагомъ государственнаго и общественнаго порядка чѣмъ „несчастнымъ“, возбуждающимъ, по причинѣ предстоявшей ему кары, чувство соболѣзнованія и какъ бы имѣющимъ посему право на снисхожденіе. Этотъ болѣе религіозный нежели юридическій взглядъ укоренился въ нашемъ отечествѣ еще въ ту отдаленную эпоху, когда вліяніе церкви восполняло отсутствіе твердо установившагося гражданскаго порядка; хотя при дальнѣйшемъ историческомъ развитіи понятіе о преступленіи было секуляризировано, какъ это мы видимъ въ *Судебникахъ* Ивана III и Ивана IV, а еще болѣе въ *Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича*, но народный взглядъ на преступниковъ не измѣнился, и даже пріобрѣлъ какъ бы новые мотивы отчасти въ неправосудіи судей, отчасти въ неудовлетворительности судебной процедуры и въ крайней строгости нѣкоторыхъ уголовныхъ законовъ. По этимъ причинамъ, самое понятіе о правосудіи утратило до нѣкоторой степени, въ глазахъ нашего народа, значеніе абсолютнаго принципа, и первое мѣсто въ народномъ воззрѣніи на уголовное правосудіе заняла царская милость, не только въ смыслѣ конечной защиты нарушеннаго права, но и въ видѣ снисхожденія къ преступникамъ вообще. Такое традиціонное пониманіе царской милости не поколебали и казни Ивана Грознаго. Даже вышло совершенно иначе: этою народною гуманностью прониклась и русская верховная власть, которая, не удовольствовавшись отмѣной смертной казни и пытокъ гораздо раньше чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы, изрекла еще устами Екатерины II слѣдующее достопамятное правило: лучше освободить десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго. Точно также царская милость продолжала быть суррогатомъ нашего суда и при преемникахъ Екатерины II до 1864 года, проявившись въ этотъ періодъ времени, сверхъ безчисленныхъ помилованій уголовныхъ преступниковъ, еще въ двухъ другихъ капитальныхъ мѣропріятіяхъ, именно: въ смягченіи системы уголовныхъ каръ—при изданіи въ 1845 году новаго *Уложенія о Наказаніяхъ*, и въ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній указомъ 1862 года. Но и по идеѣ, и въ практическомъ примѣненіи, вездѣ и всегда это была милость царя, а не милость судей, обязанныхъ рѣшать дѣла по закону, а не по личному усмотрѣнію, открывающему широкій доступъ не одной милости, но еще болѣе произволу и лицепріятію.

IV.

Эта система прежняго суда, сложившаяся постепенно, подъ вліяніемъ практической необходимости, а не предвзятой теоріи, представляла такъ сказать компромиссъ между государственными и общественными требованіями минувшей эпохи, но далеко, конечно, неполное удовлетвореніе тѣхъ и другихъ. Установляя общій для всѣхъ и солидарный съ верховною властью судъ, она оказывалась въ то же время замѣчательно несостоятельною въ отношеніи ко многимъ, существенно важнымъ, спеціальнымъ задачамъ правосудія, а еще болѣе къ новымъ условіямъ общественной жизни.

Судъ по существу своему есть механизмъ весьма сложный, отправленія коего слагаются изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ процедуръ. Поэтому судебныя дѣла не могутъ, въ своемъ движеніи, отличаться такою же простотой и быстротой, какъ акты административные, въ родѣ начальническихъ резолюцій, циркуляровъ или приказовъ. Самое рѣшеніе представляется здѣсь только главнымъ, но не единственнымъ и не изолированнымъ моментомъ судебнаго процесса, такъ какъ рѣшенію дѣла на судѣ предшествуютъ и послѣдуютъ многіе другіе моменты, имѣющіе прямое вліяніе на самое рѣшеніе, причемъ каждый отдѣльный моментъ процесса имѣетъ свое самостоятельное значеніе и свои опредѣленныя формы. Вотъ почему судебное производство вообще и вездѣ отличается не только сложностью, но и неизбѣжною медленностію, въ особенности же по законарушеніямъ и тяжбамъ, выходящимъ изъ сферы мелкихъ, обиходныхъ житейскихъ отношеній и столкновеній. Конечно, въ эпоху первобытныхъ формъ суда, когда государственныя и общественныя отношенія находились еще въ зародышномъ почти состояніи, даже самыя важныя уголовныя и тяжебныя дѣла рѣшались гораздо патріархальнѣе; но съ дальнѣйшимъ усложненіемъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ интересовъ, вызвавшихъ и прогрессивное развитіе законодательства, судебная процедура должна была становиться все сложнѣе и продолжительнѣе, такъ какъ установленіе отдѣльныхъ моментовъ процесса и точное ихъ разграниченіе посредствомъ извѣстныхъ формальностей являлось однимъ изъ самыхъ главныхъ условій для огражденія не только силы закона, но еще болѣе — интересовъ подсудимыхъ и тяжу-

щихся. Эту трудную задачу исполнило для цивилизаціи Римское право, которое создало нормальныя формы судебнаго процесса, завѣщанныя Греко-Римскимъ міромъ, какъ готовый матеріалъ для дальнѣйшаго развитія, культурнымъ народамъ Европы.

Пріуроченіе Римскаго процесса къ новымъ условіямъ европейской жизни, въ особенности же къ національному духу новыхъ народностей, должно было естественно привести къ выработкѣ болѣе соотвѣтственныхъ судебныхъ формъ и органовъ. Но это перерожденіе завѣщанныхъ Римскимъ правомъ традицій не могло совершиться безъ уклоненія въ своего рода крайность. И дѣйствительно, стремленіе къ точному опредѣленію отдѣльныхъ моментовъ судебной процедуры, равно какъ отличающихъ каждый отдѣльный моментъ формальностей, привело, еще въ Средніе Вѣка, къ такимъ обременительнымъ формальностямъ, что судопроизводство, почти повсемѣстно, запуталось въ лабиринтѣ охранительныхъ формъ и безконечныхъ инстанцій. Такъ было, даже въ прошломъ столѣтіи во Франціи, а въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи, въ самой Англіи — еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія *).

Этой крайности не избѣгло развитіе и Русскаго суда. Правда, вліяніе Римскаго процесса на судебное законодательство, хотя замѣтное уже въ *Кормчей*, было у насъ гораздо ограниченнѣе нежели на Западѣ, а отсутствіе корпорацій, устраненіе самосуда общественныхъ группъ и раннее сосредоточеніе судебной прерогативы въ рукахъ верховной власти уберегло наши суды отъ того безконечнаго дробленія и обособленія, которое мы видѣли до начала XIX столѣтія на Западѣ. Но вліяніе формализма, свойственнаго всякой судебной процедурѣ, привело, при несовершенствѣ нашего судебнаго законодательства, къ тѣмъ же результатомъ, какъ и на Западѣ: сложность и продолжительность судебной процедуры укоренились у насъ, въ ущербъ существу дѣла, даже глубже и удержались долѣе чѣмъ тамъ. Кромѣ продолжительности судебныхъ сроковъ и крайне затруднительныхъ формальностей, этому значительно содѣйствовали слѣдующія обстоя-

---

*) Во вступленіи къ эдикту 8 мая 1788 года, положившему начало преобразованію французской системы судоустройства, король Людовикъ XVI заявляетъ, между прочимъ, что въ то время даже самые мелочные гражданскіе споры должны были проходить чрезъ шесть инстанцій. См. *Hictoire des causes de la Révolution Française,* par Granier de Cassagnac, Paris, 1850, ч. I, стр. 340.

тельства: *вопервыхъ*, отдѣленіе отъ суда слѣдственной и исполнительной функцій, отнесенныхъ къ вѣдѣнію полиціи *), и состоявшихъ досему внѣ всякой связи съ судебнымъ вѣдомствомъ; *вовторыхъ*, многочисленность ревизіонныхъ и аппелляціонныхъ инстанцій не только для дѣлъ крупныхъ, но нерѣдко и для самыхъ ничтожныхъ, и *втретьихъ*, установившійся мало-по-малу порядокъ передачи судебныхъ дѣлъ на заключеніе другихъ вѣдомствъ, съ цѣлію обезпеченія интересовъ общаго государственнаго порядка, и еще болѣе выгодъ казны.

Но успѣшное разрѣшеніе дѣлъ въ нашихъ прежнихъ судебныхъ учрежденіяхъ встрѣчало еще болѣе неодолимыя препятствія въ подавляющемъ преобладаніи казуистики надъ закономъ. Казуистика, вслѣдствіе крайняго усложненія судебной процедуры, пустила глубокіе корни и на Западѣ; даже послѣ реформъ текущаго столѣтія она занимаетъ тамъ еще очень много мѣста въ гражданскомъ процессѣ, и всего болѣе въ Англіи. Но на Западѣ казуистика постоянно была регулируема научною обработкой юридическихъ вопросовъ, а эта обработка въ свою очередь имѣла послѣдствіемъ безостановочное совершенствованіе гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и, что особенно важно, распространеніе юридическаго образованія среди самихъ судей. Но у насъ, до начала тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, научной разработки юридическихъ вопросовъ не было вовсе. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей улучшеніе нашего судебнаго законодательства могло подвигаться впередъ лишь чрезвычайно медленно, безъ надлежащей стройности и полноты. Что же удивительнаго, если у насъ, въ прежнихъ судахъ, встрѣчались законники, но не было законовѣдовъ, а еще менѣе правовѣдовъ? Впрочемъ и законниковъ-то въ числѣ выборныхъ судей не могло быть много, такъ что спеціальное знаніе законовъ являлось въ дѣйствительности обязанностію не судей, но лишь судебныхъ канцелярій, да прокуроровъ. Вслѣдствіе этого самая активная часть судебной процедуры, то-есть примѣненіе подходящаго закона къ данному судебному казусу, оставалось фактически и всецѣло въ

*) Впрочемъ, было и у насъ время, когда исполнительная часть не была вполнѣ отдѣлена отъ судовъ, такъ какъ „при нихъ состояли особые пристава, которые, подъ надзоромъ и руководствомъ судебнаго мѣста, дѣлали вызовы и сообщали сторонамъ предписанія судовъ“ (Изд. *Государственной Канцеляріи* 1867 г., ч. I, стр. 11). Только въ послѣдствіи все это было поручено полиціи.

рукахъ канцелярій, а на судей выпадала лишь пассивная роль— подписывать доклады опытныхъ секретарей. Между тѣмъ секретари, отвѣтственные главнымъ образомъ только за исправность канцелярскаго порядка, не несли прямой отвѣтственности за сущность судебныхъ рѣшеній, лежавшей по закону на членахъ судебныхъ учрежденій. При такой нравственной зависимости судей отъ секретарей и относительной безотвѣтственности послѣднихъ, все дѣло сводилось къ тому, чтобы составляемыя канцеляріями судебныя рѣшенія не возбуждали столкновенія съ прокурорами и стрялчими, съ одной стороны, а съ другой—не подводили судей подъ замѣчанія и выговоры начальства. При этомъ истинный смыслъ закона, не всегда даже знакомый судьямъ, оставляемъ былъ зачастую безо всякаго вниманія, а обстоятельства дѣла теряли свое самостоятельное значеніе, и цѣлью судебнаго разсмотрѣнія оказывалось не правильное рѣшеніе по существу, но лишь формальное соглашеніе буквы закона съ предметомъ судебнаго разбирательства. Выходило такъ, что не частные случаи подводились подъ норму общаго для нихъ закона, но самый законъ былъ подводимъ подъ частные случаи, вслѣдствіе чего въ нашей прежней судебной практикѣ укоренилось такое узкое, внѣшнее и часто превратное пониманіе закона, что самый законъ какъ бы исчезъ въ традиціонной казуистикѣ судебныхъ канцелярій и сдѣлался, смотря по надобности, эластическимъ орудіемъ самыхъ противорѣчивыхъ примѣненій не по смыслу своему, но „по бывшимъ примѣрамъ“, на основаніи канцелярскихъ справокъ.

Непомѣрная сложность и медленность процесса, въ связи съ безграничнымъ и произвольнымъ истолкованіемъ закона, имѣла послѣдствіемъ необезпеченность интересовъ тяжущихся и подсудимыхъ. И гражданскіе истцы, ожидая слишкомъ долго возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ, и отвѣтчики, не менѣе долго угрожаемые утратой оспариваемаго у нихъ движимаго или недвижимаго имущества, не знали конца ни своимъ исканіямъ, ни сомнѣніямъ, ни судебнымъ расходамъ. Недобросовѣстный отвѣтчикъ легко могъ довести до совершеннаго обезцѣненія ускользающее изъ его рукъ имущество, а недобросовѣстный истецъ насчитать до баснословной суммы протори и убытки, не говоря уже о томъ, что замедленіе въ рѣшеніи дѣлъ подвергало часто, для обѣихъ сторонъ, спорное имущество вліянію еще и такихъ случайностей, которыя имѣли результатомъ полное уничтоженіе предмета спора или упраздненіе спорнаго права. Въ уголовномъ же процессѣ медленное движеніе дѣлъ вызывало многолѣтнее

предварительное задержаніе такихъ подсудимыхъ, которые бывали затѣмъ при окончательномъ судебномъ рѣшеніи вполнѣ оправдываемы или присуждаемы къ краткосрочному только заключенію.

Были и другія причины, препятствовавшія тяжущимся и подсудимымъ защищать свои интересы надлежащимъ образомъ; это— отсутствіе состязательности при разсмотрѣніи дѣлъ въ судѣ и безусловная формальность требуемыхъ закономъ доказательствъ. Здѣсь, впрочемъ, необходима весьма важная оговорка. Подъ вліяніемъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года сложилось мнѣніе, будто при прежнихъ порядкахъ тяжущіеся и подсудимые вовсе не могли имѣть голоса на судѣ. Мнѣніе это ошибочно. Тяжущіеся, по правиламъ прежняго судопроизводства, всегда имѣли право подавать въ судъ свои заявленія и взаимно другъ друга оспаривать, лично или чрезъ повѣренныхъ, такъ что состязательность существовало и до судебной реформы, но не устная, а лишь письменная; подсудимые же имѣли право высказывать свои оправдательныя соображенія при рукоприкладствѣ, изъ чего слѣдуетъ, что личная на судѣ защита допускалась у насъ по закону и до 1864 года, но тоже письменная, а не устная. Но эта бумажная процедура, отличаясь неизбѣжною медленностію, не достигала своей цѣли еще и потому, что вполнѣ устраняла личную энергію, замѣняя ее механическими, безжизненными пріемами. Всѣ эти заявленія и возраженія сторонъ входили конечно въ протоколъ судебнаго опредѣленія, но не какъ существенная часть разсматриваемаго дѣла, а скорѣе какъ балластъ, исчезавшій въ казуистикѣ канцелярскаго изложенія. Особенно въ уголовномъ процессѣ объясненія подсудимаго имѣли тѣмъ менѣе значенія, что фактъ виновности устанавлялся исключительно по системѣ формальныхъ доказательствъ, добытыхъ слѣдователемъ внѣ суда и окончательно уже предрѣшавшихъ судьбу подсудимаго, независимо отъ предъявляемыхъ послѣднимъ на судѣ соображеній.

Наконецъ, существовало еще особаго рода зло, которое, по своему крайнему развитію и вреднымъ послѣдствіямъ, считалось, и вполнѣ справедливо, главною язвой нашей дореформенной юстиціи. Сложность и продолжительность процесса, безусловный формализмъ судебнаго производства, малое знакомство судей съ законами, недостатокъ образованныхъ повѣренныхъ и отсутствіе устности, все это вмѣстѣ взятое привело не только къ ненормальному вліянію канцелярій на исходъ судебныхъ дѣлъ, но и къ чрезмѣрному усиленію переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ неразлучной съ бюрократическими порядками канцелярской тайнѣ.

Всѣ главные фазисы процесса совершались на бумагѣ, безъ непосредственнаго участія прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ или ихъ довѣренныхъ; изложеніе дѣла, доводы сторонъ, справки и ссылки на законъ приготовлялись секретарями или ихъ помощниками хотя и подъ контролемъ судей, но подъ контролемъ весьма недостаточнымъ, а нерѣдко лишь номинальнымъ. Понятно, поэтому, что въ глазахъ тяжущихся и подсудимыхъ первое мѣсто занимали не судьи и не законы, а секретари, которые подъ покровомъ бюрократическихъ формъ могли всякое дѣло направить или затянуть въ силу личныхъ отношеній и своекорыстныхъ цѣлей. Вознаграждаемые неимовѣрно скуднымъ отъ казны жалованьемъ, чины судебныхъ канцелярій не могли не злоупотреблять своимъ личнымъ вліяніемъ на ходъ судебныхъ дѣлъ: неразборчивые по своему нравственному развитію и соціальному положенію въ выборѣ средствъ, они естественно находили въ судебныхъ поборахъ единственный путь къ обезпеченію своихъ матеріальныхъ нуждъ *). Вотъ почему та самая система кормленія, которая была до и послѣ Петра Великаго, преслѣдуема верховною властью во всѣхъ сферахъ государственной службы, свила себѣ столь прочное гнѣздо въ судебныхъ канцеляріяхъ. Это канцелярское кормленіе на счетъ подсудимыхъ, эти подачки „дѣтишкамъ на молочишко“, имѣли характеръ обычнаго вознагражденія за скорое приготовленіе дѣла къ докладу, но еще чаще это былъ прямой подкупъ съ цѣлью за-

*) Во время своей службы по особымъ порученіямъ при двухъ губернаторахъ, авторъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ имѣлъ случай близко видѣть безутѣшное и безысходное положеніе мелкаго канцелярскаго люда какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и судебныхъ. Всѣ дурныя свойства этого несчастнаго класса людей происходили далеко не отъ огульной ихъ испорченности, но всего болѣе отъ той безпомощности, въ которую они поставлены были обстоятельствами помимо ихъ воли. Большинство ихъ буквально вели борьбу за существованіе, въ чемъ легко убѣдиться изъ статьи автора: *Опытъ физіологіи канцелярскаго чиновника*, напечатанной въ октябрьской книжкѣ *Современника* за 1859 годъ. И нельзя не замѣтить, что если положеніе столичныхъ канцелярскихъ чиновниковъ значительно въ послѣднее время улучшилось вслѣдствіе увеличенія окладовъ жалованья и открытія новыхъ источниковъ дохода въ видѣ частныхъ заработковъ въ банковыхъ, акціонерныхъ и желѣзнодорожныхъ управленіяхъ, то въ провинціи ихъ положеніе измѣнилось весьма мало, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе усилившейся дороговизны на квартиры и жизненныя потребности, даже ухудшилось.

тяжки дѣла въ интересахъ одной изъ сторонъ, въ видахъ умолчанія въ докладѣ о какомъ-либо крупномъ обстоятельствѣ или въ видахъ какого-либо казуистическаго истолкованія закона ло бывшимъ примѣрамъ, иногда же съ цѣлью сокрытія и даже безслѣднаго истребленія какого-либо компрометирующаго документа. Понятно, что необладающіе матеріальными средствами или незнакомые съ канцелярскими порядками, истцы и отвѣтчики дѣлались въ подобномъ случаѣ жертвой богатыхъ и болѣе опытныхъ соперниковъ, а богатые и ловкіе уголовные преступники умѣли выходить сухими изъ воды послѣ самыхъ возмутительныхъ закононарушеній.

Эти особенности прежняго правосудія сами по себѣ уже такъ неутѣшительны, что едва ли нужно еще болѣе уснащать ихъ предположеніемъ, будто на Руси до реформы 1864 года даже вовсе было невозможно добиться правильнаго судебнаго рѣшенія. Какъ прежде, такъ и теперь, люди знакомые съ дѣломъ, нелишенные энергіи, успѣвали добиваться правды на судѣ; съ другой стороны, образованные судьи и даже относительно добросовѣстныя судебныя канцеляріи встрѣчались и въ прежнее время; тѣмъ не менѣе въ общемъ выводѣ правильное, скорое и неразорительное движеніе дѣлъ зависѣло въ ту пору болѣе отъ случая, чѣмъ отъ твердо установленныхъ закономъ началъ и порядковъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что противъ всѣхъ этихъ судебныхъ неустройствъ существовали и своего рода коррективы: прокурорскій надзоръ, ревизіонная дѣятельность Сената и пересмотръ судебныхърѣшеній ло Высочайшимъ повелѣніямъ.

V.

Сознаніе коренныхъ недостатковъ нашего прежняго правосудія было постоянно присуще верховной власти, точно также какъ и убѣжденіе, что эти недостатки могутъ быть вполнѣ устранены только постепенными органическими. а не палліотивными мѣрами. И если органическія ло судебной части преобразованія слѣдовали у насъ медленно, то причину этому должно исключительно приписывать только непреодолимости встрѣчавшихся на семъ пути препятствій. Препятствія эти заключались не столько въ тѣхъ или другихъ особенностяхъ прежней судебной организаціи, сколько въ тѣхъ условіяхъ нашей государственной и общественной жизни, которыя устранить или быстро

видоизмѣнить къ лучшему было внѣ физической возможности. Для новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ суда нужны были не только новыя учрежденія, но и болѣе ясные гражданскіе и уголовные законы и новая юридическая атмосфера, проникрутая не казуистикой, а наукой о правѣ. Создать все это вдругъ искусственными мѣрами, безъ предварительной подготовки сподручныхъ факторовъ, было бы не по силамъ не только въ Россіи, но и во всякомъ другомъ государствѣ.

Поэтому-то при императорѣ Николаѣ I усилія правительства направлены были прежде всего къ улучшенію судебнаго персонала и къ пересмотру гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, безъ существенныхъ до времени измѣненій судебной организаціи и судебной процедуры.

Вскорѣ послѣ своего воцаренія, Николай I, озабоченный доходившими до него со всѣхъ сторонъ жалобами на судебные безпорядки и злоупотребленія, учредилъ коммиссію изъ сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ для изысканія мѣръ къ устраненію этихъ недостатковъ. Сенаторы, вошедшіе въ составъ этой коммиссіи, назначены были изъ числа тѣхъ, которые были прежде губернаторами, а оберъ-прокуроры изъ числа бывшихъ губернскихъ прокуроровъ, слѣдовательно и тѣ и другіе принадлежали къ числу наиболѣе опытныхъ лицъ по дѣламъ мѣстнаго управленія и суда. Въ средѣ означенной коммиссіи была высказана мысль, что, независимо отъ упрощенія и точнѣйшаго опредѣленія процессуальныхъ формъ, самое главное средство къ уничтоженію вреднаго преобладанія судебныхъ канцелярій и приказной казуистики заключается: *во-первыхъ*, въ распространеніи общаго юридическаго образованія въ государствѣ, *во-вторыхъ*, въ спеціальной подготовкѣ чиновниковъ судебнаго вѣдомства, и *въ-третьихъ*, въ приведеніи въ ясность разрозненныхъ, а отчасти и противорѣчивыхъ узаконеній разныхъ эпохъ *).

Эти указанія коммиссіи встрѣтили энергическую поддержку въ лицѣ графа М. М. Сперанскаго. По его иниціативѣ молодые люди, окончившіе съ отличіемъ курсъ юридическихъ наукъ,

---

*) Печатный протоколъ этой коммиссіи авторъ имѣлъ случай видѣть въ началѣ пятидесятыхъ годовъ у бывшаго въ то время московскимъ гражданскимъ губернаторомъ И. В. Капниста. Должно полагать, что экземпляръ этого интереснаго документа хранится доселѣ и въ Сенатскомъ архивѣ, такъ какъ означенный протоколъ былъ напечатанъ въ Сенатской типографіи.

отправлены были за границу для болѣе глубокаго изученія права въ германскихъ университетахъ, такъ какъ въ ту именно эпоху преподаваніе философскихъ и политическихъ наукъ достигло въ этихъ университетахъ апогея своего процвѣтанія. Возвратившись затѣмъ въ отечество, эти молодые русскіе ученые заняли каѳедры въ нашихъ университетахъ; покровительствуемые и направляемые графомъ Уваровымъ, бывшимъ въ то время министромъ Народнаго Просвѣщенія, они своимъ преподаваніемъ, также какъ своими учеными трудами, положили начало самостоятельной въ Россіи разработкѣ историческихъ и юридическихъ наукъ.

Такимъ образомъ, явились у насъ ученые правовѣды, а сгруппированные графомъ Сперанскимъ во II отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи юридически образованные чиновники послужили разсадникомъ серіозныхъ законовѣдовъ, при участіи которыхъ были пересмотрѣны, кодифицированы и изложены въ болѣе ясной формѣ всѣ наши прежнія узаконенія. Этотъ наиболѣе плодотворный для нашего законодательства періодъ дѣятельности II отдѣленія, начавшійся при графѣ Сперанскомъ и законченный графомъ Блудовымъ, выразился не въ отдѣльныхъ только уставахъ и положеніяхъ, но въ созданіи такихъ двухъ монументальныхъ кодексовъ, какъ Сводъ Законовъ 1832 года, дополненный новыми изданіями въ 1842 и 1857 годахъ, и Полное Собраніе Законовъ. Всѣ послѣдовавшія съ тѣхъ поръ измѣненія въ нашемъ законодательствѣ не уменьшили капитальнаго значенія этихъ памятниковъ и не поколебали той системы, по которой они были составлены. И до сихъ поръ Сводъ Законъ и Полное Собраніе Законовъ составляютъ краеугольный камень дальнѣйшаго развитія нашего законодательства. Продолжать Полное Собраніе Законовъ и дальнѣйшую кодификацію позднѣйшимъ дѣятелямъ II Отдѣленія было нетрудно; работа эта сдѣлалась чисто механическою. Но не слѣдуетъ забывать, съ какими неимовѣрными трудностями приходилось бороться, чтобы впервые собрать и привести въ систему тотъ громадный и разбросанный матеріалъ, который въ теченіе 150 лѣтъ нагромождался въ нашемъ законодательствѣ. Еще менѣе слѣдуетъ забывать, что лишь съ появленіемъ Полнаго Собранія Законовъ, этого оффиціальнаго источника Русскаго права, возникла возможность понимать истинный смыслъ нашего законодательнаго развитія, и что только съ изданіемъ Свода Законовъ стало возможно постепенно устранять прежній хаосъ въ дѣйствую-

щихъ узаконеніяхъ, а также ослабить произволъ въ ихъ истолкованіи, и положить начало прегражденію дальнѣйшаго развитія приказной казуистики. Наконецъ, единственно съ изданіемъ Полнаго Собранія и Свода Законовъ установилась возможность правильной разработки отдѣльныхъ частей нашего законодательства, въ томъ числѣ и судебнаго,—разработки не случайной, но органической, руководимой опытами исторіи, указаніями теоріи и прогрессивными потребностями практической жизни. Ближайшимъ результатомъ этого направленія было изданіе въ 1845 году Уложенія о Наказаніяхъ, которое, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, было громаднымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ прежнимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, учреждено было Училище Правовѣдѣнія, имѣвшее цѣлію приготовлять спеціальный персоналъ для судебнаго вѣдомства. При этомъ имѣлось въ виду образованіе не столько теоретиковъ, сколько практиковъ, знакомыхъ преимущественно съ положительнымъ законодательствомъ; но, независимо отъ сего, имѣлась еще и другая цѣль, заключавшаяся въ привлеченіи къ судебной службѣ, посредствомъ нѣкоторыхъ привилегій, тѣхъ именно молодыхъ людей, которые по своему общественному положенію представляли гораздо болѣе нравственныхъ гарантій, чѣмъ выслужившіеся канцеляристы стараго покроя. Молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ этомъ заведеніи, вмѣнено было въ обязанность начинать службу въ канцеляріяхъ Сената и Министерства Юстиціи, а затѣмъ имъ почти исключительно предоставляемы были мѣста губернскихъ стряпчихъ и прокуроровъ, и товарищей предсѣдателей въ судебныхъ палатахъ. Приливъ къ этимъ должностямъ спеціально образованныхъ молодыхъ людей, не имѣвшихъ, по своему воспитанію и обстановкѣ, ничего общаго съ прежними канцелярскими и казуистическими традиціями, начался со второй половины сороковыхъ годовъ, а въ началѣ пятидесятыхъ, благодаря настойчивости графа Панина, бывшаго въ это время министромъ Юстиціи, этотъ контингентъ новыхъ судебныхъ дѣятелей уже прочно утвердился въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. По почину воспитывавшейся въ Училищѣ Правовѣдѣнія молодежи, судебныя должности начали мало-по-малу входить въ моду, и люди, кончавшіе курсъ въ университетахъ, перестали чуждаться судебной службы, стали все чаще и чаще встрѣчаться въ числѣ выборныхъ судей, и даже въ должности уѣздныхъ стряпчихъ, а непосредственное вліяніе этихъ лицъ со

своей стороны содѣйствовало къ установленію болѣе серіознаго контроля надъ дѣятельностію канцелярій даже самыхъ низшихъ инстанцій. *

Такимъ образомъ въ царствованіе императора Николая I почва была уже настолько подготовлена, что, взамѣнъ отрывочныхъ и частныхъ улучшеній по судебной части въ Имперіи, можно было приступить къ общему пересмотру и преобразованію нашего судебнаго законодательства.

Еще въ 1843 году II Отдѣленіе потребовало, черезъ Министерство Юстиціи, замѣчанія *всѣхъ губернскихъ прокуроровъ и всѣхъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ на дѣйствующіе законы гражданскаго права и судопроизводства гражданскаго и уголовнаго*, а также приступило къ составленію сборника судебныхъ сенатскихъ рѣшеній, со времени изданія Свода Законовъ. Собирая такимъ образомъ всѣ необходимые для совершенія этого труда матеріалы, II Отдѣленіе обработало вчернѣ первоначальный проектъ устава *уголовнаго судопроизводства въ 1848 году*, когда было Высочайше повелѣно заняться приготовленіемъ и проекта устава *гражданскаго судопроизводства*. Съ этого времени во II Отдѣленіи начался рядъ усиленныхъ работъ по уголовному и гражданскому судопроизводству, а также по *судоустройству*, и возникла многосложная переписка съ Министерствомъ Юстиціи о необходимости преобразованія у насъ судебной части *вообще*, согласно съ условіями развитія нашего отечества (стр. 13 — 14, ч. I *Судебныхъ Уставовъ*, издан. Государственною Канцеляріей въ 1867 году).

Понятно, что столь обширная реформа не могла двигаться съ быстротой, возможною при обсужденіи отдѣльныхъ узаконеній; тѣмъ не менѣе, несмотря на нѣкоторое измѣненіе правительственныхъ взглядовъ подъ вліяніемъ событій 1848 года, ни на то, что все вниманіе правительства было затѣмъ поглощено войной 1853 — 1855 годовъ, судебное преобразованіе неослабно оставалось на первой очереди во II Отдѣленіи, и вскорѣ по вступ-

*) Авторъ дѣлаетъ это заявленіе, между прочимъ, и на основаніи собственнаго опыта, такъ какъ въ качествѣ частнаго повѣреннаго ему приходилось, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, вести гражданскія дѣла въ большей части прежнихъ судебныхъ инстанцій. Онъ ни разу при этомъ не имѣлъ случая пожаловаться на судей, а если и встрѣчалъ затрудненія, то главнымъ образомъ въ обременительности установленныхъ закономъ формальностей.

леніи на престолъ императора Александра II было уже всесторонне разработано въ формѣ трехъ проектовъ: Устава уголовнаго судопроизводства, Устава гражданскаго судопроизводства и Положенія о судоустройствѣ.

Означенные три проекта были послѣдовательно внесены въ Государственный Совѣтъ на разсмотрѣніе въ 1857—1861 годахъ, но затѣмъ были устранены, первоначально Основными Положеніями 29 сентября 1862 года, и окончательно Уставами 20 ноября 1864 года, хотя въ проектахъ II Отдѣленія заключалась цѣлая система судебнаго преобразованія, ознакомленіе съ которою не только весьма любопытно, но еще болѣе поучительно.

VI.

О проектахъ судебной реформы, составленныхъ во II Отдѣленіи при графѣ Блудовѣ, упоминается въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ 1864 года *), только *отрывочно*. Вотъ что сказано о нихъ вообще на стр. I и II *Вступленія* къ ч. I:

„Сперва составлены были *подготовительные проекты* новыхъ Уставовъ во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, которые Государственный Совѣтъ, по предварительномъ ихъ разсмотрѣніи, обратилъ на заключеніе практиковъ нашихъ по судебной части."

Отсюда уже видно, что въ общей массѣ разнообразныхъ и разновременныхъ соображеній и предположеній, возникавшихъ по судебной части въ періодъ времени съ 1857 по 1864 годъ, проектамъ II Отдѣленія отведено самое незамѣтное мѣсто. „Первою степенью труда", „основой всей реформы" (ibid.) признаются выработанныя позже особою коммиссіей *основныя положенія 1862 года*, а проекты II Отдѣленія представляются какъ бы случайнымъ только предлогомъ къ возбужденію работъ по судебной реформѣ. Но постепенное устраненіе проектовъ II Отдѣленія выясняется еще нагляднѣе при объясненіи особаго порядка разработки Устава гражданскаго судопроизводства. Такъ во введеніи къ основнымъ началамъ гражданскаго судопроизводства 1864 г. (ibid. стр. VII) сказано:

„При составленіи Устава Гражданскаго Судопроизводства принятъ былъ слѣдующій порядокъ: прежде всего указаны были

*) Изданіе Государств. Канц. 1867 г.

главнѣйшіе недостатки судопроизводства 1857 года, затѣмъ опредѣлены *главныя начала* преобразованія и, согласно съ этими началами, опредѣлены *основныя положенія* судопроизводства, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія 29 сентября 1862 года и вошедшія въ Полное Собраніе Законовъ (№ 38.761). Самый Уставъ 1864 г. разработанъ согласно съ главными началами и основными положеніями"; но о проектѣ Устава Гражданскаго Судопроизводства, составленномъ во II Отдѣленіи, при этомъ уже совсѣмъ не говорится, какъ будто онъ вовсе не былъ исходною точкой всѣхъ этихъ работъ, какъ будто въ немъ не было ни точныхъ указаній на „недостатки" прежнихъ порядковъ, ни указанія на тѣ „главныя начала", изъ которыхъ развились основныя положенія 1862 года.

Между тѣмъ, даже изъ отрывочныхъ, какъ бы случайныхъ оговорокъ, встрѣчающихся въ изданіи Государственной Канцеляріи, очевидно:

1) что къ составленію проекта гражданскаго судопроизводства II Отдѣленіе приступило въ 1849 году на основаніи Высочайшаго повелѣнія, гласившаго: *не ограничиваясь отдѣльными исправленіями нѣкоторыхъ правилъ судопроизводства гражданскаго*, составить *полный проектъ новаго Устава* (ibid., стр. 14), а не „подготовительный";

2) что составленный во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія проектъ гражданскаго судопроизводства внесенъ былъ графомъ Блудовымъ въ Государственный Совѣтъ въ 1857 году (ibid., стр. 1), а въ промежутокъ времени между 1857—1859 годами внесено было II Отдѣленіемъ и Положеніе о присяжныхъ повѣренныхъ (ч. III, стр. I);

3) что означенный проектъ рѣзсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ Соединенными Департаментами Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ еще въ 1859 году не „предварительно", а *по существу*; это видно какъ изъ состоявшагося въ этомъ году журнала Соединенныхъ Департаментовъ „о главныхъ началахъ гражданскаго судопроизводства", такъ и изъ замѣчаній практиковъ на этотъ самый проектъ (ч. I, стр. VIII—XII);

4) что устраненіе затѣмъ проекта графа Блудова, какъ самостоятельнаго предмета законодательнаго обсужденія, послѣдовало лишь въ 1860 году, когда затребованныя замѣчанія практиковъ на этотъ проектъ, послѣ разсмотрѣнія въ Соединенныхъ Департаментахъ (ibid., стр. XIII), были переданы „для разбора ихъ и

вмѣстѣ для положенія основы всей реформѣ“ *въ особую коммиссію* (ibid., стр. I).

Такимъ образомъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ улетучился проектъ выработанный въ теченіе многихъ лѣтъ II Отдѣленіемъ и возбудившій, сколько извѣстно, всеобщее сочувствіе при своемъ появленіи въ 1857 году.

Въ изданіи Государственной Канцеляріи мы не находимъ ни подробнаго изложенія проекта II Отдѣленія, ни обстоятельной критики его. Въ немъ сообщаются только главныя изъ тѣхъ его началъ, которыя были въ 1859 г. приняты Соединеннымъ Департаментами.

Вторымъ по времени представленъ былъ графомъ Блудовымъ въ Государственный Совѣтъ проектъ уголовнаго судопроизводства. О происхожденіи и содержаніи этого проекта мы встрѣчаемъ слѣдующія свѣдѣнія въ изданіи Государственной Канцеляріи.

Работы по составленію новаго Устава Уголовнаго Судопроизводства начались во II Отдѣленіи почти одновременно съ изданіемъ Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года (ibid., ч. II, стр. I), а въ 1850 году учрежденъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго II Отдѣленіемъ изъ чиновъ Министерствъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, особый комитетъ, который призналъ, что *всякое частное измѣненіе законовъ уголовнаго судопроизводства не только неудобно, но и невозможно* (ibid., ч. I, стр. 14). Посему и въ этомъ случаѣ принята была въ основаніи работъ та же система начертанія полнаго проекта, какъ и по судопроизводству гражданскому. Далѣе, при составленіи новаго Устава, разсмотрѣны были II Отдѣленіемъ всѣ недостатки уголовнаго судопроизводства по Сводамъ 1842 и 1857 годовъ; причемъ было признано, что медленность и неправильность въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ происходитъ отчасти отъ неполноты и неопредѣленности самыхъ узаконеній, но большею частію отъ несовершенства принятой у насъ *чисто слѣдственной системы уголовнаго судопроизводства.* Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ обсуждаемъ и вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли замѣнить эту систему *порядкомъ обвинительнымъ*, дѣйствующимъ съ пользой на западѣ Европы и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Россійской Имперіи. Но введеніе такого порядка признавалось *въ то время* (то-есть при началѣ работъ по преобразованію уголовнаго судопроизводства) невозможнымъ, *преимущественно по неудовлетворительности устройства нашихъ судеб-*

ныхъ мѣстъ, вопросъ о преобразованіи которыхъ *тогда не былъ еще подвергнутъ ближайшему обсужденію*. „Вслѣдствіе сего составленный II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи и поступившій на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ Устава Уголовнаго Судопроизводства ограничился *измѣненіемъ* разныхъ отдѣльныхъ постановленій нашего судопроизводства и *введеніемъ многихъ новыхъ правилъ, формъ и обрядовъ*, посредствомъ которыхъ предполагалось исправить *если не всѣ*, то по крайней мѣрѣ многіе недостатки прежней системы“ (ч. II, стр. 1—2, также стр. 18—19) *).

Между тѣмъ, группируя разсѣянныя въ изданіи Государственной Канцеляріи отрывочныя свѣдѣнія о составленномъ во II Отдѣленіи проектѣ уголовнаго судопроизводства, нельзя не убѣдиться, что содержаніе его было гораздо обширнѣе и самостоятельнѣе, такъ какъ:

1) при составленіи его имѣлось въ виду устраненіе административныхъ властей отъ участія въ отправленіи уголовнаго правосудія (ibid., стр. 3), вслѣдствіе чего *одно изъ важнѣйшихъ предположеній* проекта состояло въ томъ, чтобъ отдѣлить отъ полиціи слѣдственную часть и подчинить ее судебному вѣдомству (ibid., стр. 2);

2) въ первыхъ трехъ раздѣлахъ этого проекта заключались *новыя правила о подсудности и порядкѣ производства слѣдствій* (ibid.) **);

*) Несмотря на то, что въ приведенной цитатѣ такъ опредѣлительно говорится о томъ, что проектъ Устава Уголовнаго Судопроизводства былъ составленъ II Отдѣленіемъ и поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ упоминаемой нами ниже всеподданнѣйшей запискѣ, составленной въ октябрѣ 1861 года по порученію государственнаго секретаря Буткова, сказано что этотъ проектъ, вносившійся по частямъ, не былъ еще къ тому времени оконченъ. Но изъ отдѣльныхъ свѣдѣній объ этомъ проектѣ, встрѣчаемыхъ въ изданіи Государственной Канцеляріи, а равно по приводимымъ въ этомъ изданіи цитатамъ изъ общей записки графа Блудова къ этому проекту, оказывается несомнѣннымъ, что всѣ общія основанія, на которыхъ онъ былъ построенъ, и всѣ главныя его части были уже вполнѣ формулированы, такъ что по всей вѣроятности неоконченность этого проекта ограничивалась только частностями.

**) „Послѣ внесенія въ Государственный Совѣтъ и *первыхъ трехъ раздѣловъ* этого проекта, въ коихъ излагаются правила о подсудности и производствѣ слѣдствій“ и т. д. Этотъ оборотъ рѣчи ясно указываетъ на то, что другіе раздѣлы проекта были уже внесены въ Государственный Совѣтъ раньше.

3) изъ *объяснительной записки графа Блудова къ этому проекту* видно, что въ немъ положено начало ограниченію силы формальныхъ доказательствъ и допущенъ допросъ подсудимыхъ и свидѣтелей на судѣ, равно пренія обвинителя съ защитникомъ подсудимыхъ (ibid., стр. 281);

4) предположенъ вмѣстѣ съ тѣмъ сокращенный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, согласный съ принятымъ вслѣдъ затѣмъ порядкомъ разсмотрѣнія дѣлъ мировыми посредниками (ibid., стр. 2); и 5) введены вообще, какъ сказано выше, кромѣ измѣненія прежнихъ отдѣльныхъ постановленій, многія *новыя правила, формы и обряды.*

Мы увидимъ ниже, что главныя основанія новаго судоустройства были Высочайше предуказаны уже въ 1859 году, а самое положеніе по этой части внесено II Отдѣленіемъ въ Государственный Совѣтъ въ 1860 году, то-есть одновременно съ правилами о подсудности и порядкѣ производства слѣдствій. При этомъ само собою разумѣется, что отдѣльныя части проекта уголовнаго судопроизводства, вносившіяся въ Государственный Совѣтъ, были согласуемы съ производившимися въ это самое время, и въ томъ же II Отдѣленіи, работами по судоустройству вообще, а въ частности и по вопросу о замѣнѣ слѣдственной системы подрядкомъ обвинительнымъ, хотя и безъ присяжныхъ засѣдателей, рѣчь о которыхъ зашла позже и, какъ можно предполагать, едва ли во II Отдѣленіи. Нѣкоторыя части проекта оказалось возможнымъ осуществить законодательнымъ порядкомъ, даже не дожидаясь разсмотрѣнія прочихъ отдѣловъ: такъ было съ институтомъ судебныхъ слѣдователей, Высочайше утвержденнымъ 6 іюня 1860 года и вошедшимъ почти цѣликомъ въ Уставъ Уголовнаго Судопроизводства 1864 года, и съ порядкомъ сокращеннаго разсмотрѣнія дѣлъ въ мировыхъ судахъ, примѣненнымъ къ институту Мировыхъ Посредниковъ Положеніями 19 февраля 1861 года.

Наконецъ, послѣднимъ по времени является проектъ графа Блудова о *судоустройствѣ.* Этотъ проектъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

По поводу доклада покойному Государю работъ Соединенныхъ Департаментовъ по проекту графа Блудова о гражданскомъ судопроизводствѣ, 27 октября 1859 года, II Отдѣленію было Высочайше повелѣно приступить къ составленію проекта судоустройства, *примѣняясь къ основаніямъ, принятымъ въ проектѣ гражданскаго судопроизводства.* При этомъ II Отдѣленію вмѣнено было въ обязанности обсудить предположенія:

1) объ увеличеніи числа членовъ судебныхъ мѣстъ и объ уменьшеніи состава ихъ канцелярій;

2) о соединеніи магистратовъ, ратушъ и надворныхъ судовъ съ уѣздными судами, а палатъ гражданскихъ съ уголовными;

3) о назначеніи предсѣдателей палатъ не по выборамъ, а отъ правительства;

4) объ учрежденіи судебныхъ приставовъ;

5) о назначеніи *особыхъ прокуроровъ* и стряпчихъ при каждомъ судебномъ мѣстѣ и т. п.

Во исполненіе таковой Высочайшей воли II Отдѣленіе внесло въ Государственный Совѣтъ 15 апрѣля 1860 года проектъ *Положенія о судоустройствѣ*, въ коемъ „самая важная перемѣна со Сводомъ 1857 года состояла въ учрежденіи *мировыхъ судей*“ (ibid., ч. III, стр. I—II).

При первоначальномъ разсмотрѣніи въ 1861 году какъ самаго проекта судоустройства, такъ и сдѣланныхъ на него замѣчаній, указанія 1859 года были подтверждены и развиты въ слѣдующемъ видѣ:

а) мировой судья и кандидатъ его избираются по выбору *всѣхъ сословій* съ утвержденія правительства;

б) каждый уѣздный или окружной судъ составляется изъ предсѣдателя, товарища его, *нѣсколькихъ засѣдателей* отъ каждаго состоянія: *дворянскаго, городскаго и сельскаго*, и членовъ-слѣдователей;

в) *предсѣдатель уѣзднаго или окружнаго суда избирается всѣми состояніями уѣзда или округа въ совокупности*; товарищъ его и члены-слѣдователи назначаются отъ правительства, а засѣдатели—по выбору каждаго сословія порознь;

г) каждый департаментъ судебной палаты составляется изъ *предсѣдателя, избираемаго дворянствомъ*, товарища его и совѣтниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, и *засѣдателей, избираемыхъ порознь отъ каждаго сословія: дворянскаго, городскаго и сельскаго*;

д) къ предсѣдательству въ судебной палатѣ назначается правительствомъ особый высшій чиновникъ, съ наименованіемъ *главнаго губернскаго или областнаго судьи*; ему, сверхъ предсѣдательства въ судебной палатѣ, ввѣряется управленіе судебною частью въ губерніи или судебной области, съ правомъ ревизіи хода и порядка дѣлъ во всѣхъ уѣздныхъ или окружныхъ и *мировыхъ судахъ* въ губерніи или области;

е) взамѣнъ общихъ собраній петербурскихъ и московскихъ департаментовъ Сената, учреждается одинъ *верховный* кассаціонный судъ въ С.-Петербургѣ изъ опредѣленнаго числа сенаторовъ, избираемыхъ всѣми ими въ совокупности и представляемыхъ чрезъ министра Юстиціи на Высочайшее утвержденіе;

ж) должности предсѣдателей и членовъ опредѣляемыхъ отъ правительства, а равно секретарей и прокуроровъ замѣщаются изъ числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе или же доказавшихъ прохожденіемъ службы, или представленіемъ аттестатовъ, или инымъ образомъ свои познанія по судебной части;

з) порядокъ избранія на должности по судебному вѣдомству *ото всѣхъ сословій въ совокупности* опредѣляется особыми правилами; избираемыя лица утверждаются правительствомъ въ установленной постепенности; на должности предоставленныя одному сословію могутъ быть избираемы лица и изъ каждаго другаго (ibid., стр. III—VI).

Вслѣдъ за изложеніемъ этихъ пунктовъ, въ изданіи Государственной Канцеляріи сказано, что „составленіе полнаго проекта судоустройства *на основаніи сихъ началъ* возложено было *на Государственную Канцелярію*“, при содѣйствіи лишь чиновъ II Отдѣленія и Министерства Юстиціи (журн. 1861, № 48).

Причины составленія новаго проекта этимъ *новымъ* порядкомъ не разъяснены въ изданіи Государственной Канцеляріи; ясно только одно, что такимъ образомъ и проектъ II Отдѣленія о судоустройствѣ, по примѣру проектовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, былъ окончательно устраненъ какъ самостоятельный предметъ законодательнаго обсужденія.

Между тѣмъ сравнивая проекты II Отдѣленія съ проектами 1862—1864 годахъ нельзя не убѣдиться, что послѣдніе отличаются отъ первыхъ хотя *немногими, но весьма крупными измѣненіями и дополненіями.*

Эти именно немногія, но крупныя измѣненія и дополненія дали судебной реформѣ то новое направленіе, рѣчь о которомъ будетъ впереди. Что же касается направленія судебной реформы до этого поворотнаго момента, то нельзя не замѣтить, что проекты II Отдѣленія отличаются въ извѣстной мѣрѣ тою благоразумною постепенностью, которая, не колебля установившагося порядка внезапными и всеобъемлющими перемѣнами, довольствуется послѣдовательнымъ исправленіемъ указанныхъ опытомъ недостатковъ, не вдаваясь въ слишкомъ смѣлые теоретическіе эксперименты. Ихъ главная цѣль лишь осторожное измѣненіе тѣхъ исторически

сложившихся условій, которыя уже не соотвѣтствовали требованіямъ эпохи; они вводятъ лишь такія заграничныя заимствованія, для коихъ существовала уже достаточная подготовка на родной почвѣ. Проекты II Отдѣленія, оставляя выборныхъ судей, не разъединяли ихъ съ коронными, но сохраняли ту традиціонную связь, которая искони установилась на Руси между выборными и правительственными органами судебной власти. Отдѣляя окончательно судебную власть отъ административной, сообщая чрезъ то первой недоставшую ей дотолѣ самостоятельность, эти проекты не колебали однако солидарности суда съ прочими органами верховной власти, не замѣщали государственнаго суда общественнымъ самосудомъ, а закона—индивидуальными воззрѣніями или случайными впечатлѣніями судящихъ; они не отмѣняли, но лишь ограничивали силу формальныхъ доказательствъ и тщательно избѣгали внесенія въ спеціальную сферу суда какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій. Не предрѣшая нѣкоторыхъ, неразъясненныхъ еще указаніями опыта вопросовъ, какъ напримѣръ вопроса объ институтѣ присяжныхъ, они благоразумно предоставляли будущему довершить дѣло реформы безъ тѣхъ ошибокъ, которыя всегда бываютъ послѣдствіемъ мѣропріятій, торопливо построенныхъ по системѣ черезчуръ оптимистскихъ увлеченій. Наконецъ, самое составленіе и внесеніе проектовъ въ Государственный Совѣтъ не одновременно, но одного за другимъ, имѣло тотъ практическій результатъ, что отдѣльные вопросы реформы были при этомъ постепенно разъясняемы и дополняемы. чѣмъ, конечно, избѣгнуто было не мало промаховъ. Словомъ, судебные проекты II Отдѣленія, по ихъ содержанію и по системѣ ихъ послѣдовательной обработки, хотя не были „послѣднимъ словомъ науки“, какъ выразился о замѣнившихъ эти проекты уставахъ 1864 года министръ Юстиціи Д. Н. Замятинъ *), при открытіи въ 1866 году новыхъ судебныхъ учрежденій, но за то они принадлежали къ тому историко-органическому направленію, кото-

*) Это выраженіе покойнаго Д. Н. Замятина—отголосокъ заграничныхъ знаменитостей, въ томъ числѣ, какъ увидимъ ниже, и Митермайера, хотя эта мысль далеко не была выражена ими въ такой абсолютной формѣ: восхваляя теоретическую законченность нашихъ уставовъ, они, не надо забывать, высказали при этомъ и неувѣренность въ возможности ихъ безпрепятственнаго на практикѣ осуществленія. Отзывы эти въ свое время были напечатаны въ *Журналѣ Министерства Юстиціи.*

рымъ отличались предварительныя мѣры и законодательныя по судебной части работы, возникшія по иниціативѣ графа Сперанскаго и продолжавшіяся подъ руководствомъ графа Блудова до 1861 года.

VII.

Объясненія дальнѣйшихъ законодательныхъ работъ по судебной реформѣ мы должны опять искать во „Вступленіи“ къ изданію Государственной Канцеляріи. Тамъ сказано:

„Сперва составлены были подготовительные проекты новыхъ уставовъ судопроизводства во II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, которые Государственный Совѣтъ, по предварительномъ ихъ разсмотрѣніи, обратилъ на заключеніе практиковъ по судебной части. Потомъ, когда требованныя практическія замѣчанія поступили изъ разныхъ концовъ Россіи, была учреждена, *для разбора ихъ* и вмѣстѣ *для положенія основы всей реформы*, особая коммиссія, работы которой окончательно обсуждены въ Государственномъ Совѣтѣ и по Высочайшемъ ихъ утвержденіи обнародованы въ общее извѣстіе 29 сентября 1862 года, подъ названіемъ: *Основныхъ положеній преобразованія судебной части.*

„По совершеніи этой *первой степени труда*, составленіе подробныхъ проектовъ было возложено на новую особую, коммиссію, которая порученное ей развитіе упомянутыхъ основныхъ положеній, соотвѣтственно условіямъ и особенностямъ нашей гражданской жизни, начала тоже съ требованія мнѣній практиковъ; послѣ чего, начертавъ уже самые проекты, снова обратила и сіи послѣдніе на обсужденіе тѣхъ же практиковъ.

„За этою *второю степенью* труда послѣдовала *третья* и послѣдняя: разсмотрѣніе проектовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, у котораго, въ пособіе къ тому, имѣлись собранныя вышеупомянутымъ путемъ замѣчанія лицъ всѣхъ разрядовъ мѣстнаго судебнаго вѣдомства, начиная отъ *секретарей* уѣздныхъ судовъ и восходя до *предсѣдателей* судебныхъ палатъ и губернскихъ прокуроровъ, и, сверхъ того, такія же замѣчанія внесенныя отъ оберъ-прокуроровъ, сенаторовъ, министра юстиціи и прочихъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями.

„Результатомъ этого многосторонняго обсужденія и продолжительныхъ, весьма подробныхъ, частію въ присутствіи тѣхъ же

экспертовъ, соображеній Государственнаго Совѣта, сперва въ его Департаментахъ и потомъ въ общемъ собраніи, явились *Судебные Уставы 20 ноября 1864 года.*"

Изъ этой цитаты видно, что съ устраненіемъ проектовъ II Отдѣленія, дальнѣйшая разработка предположеній по судебной части возложена была на особыя коммиссіи, а изъ многочисленныхъ ссылокъ, встрѣчаемыхъ въ изданіи Государственной Канцеляріи, оказывается, что эти коммиссіи были образованы при Государственной же Канцеляріи. Между тѣмъ, согласно нормальному, установленному у насъ кореннымъ государственнымъ закономъ порядку, состоявшіяся при разсмотрѣніи проектовъ II Отдѣленія въ Государственномъ Совѣтѣ указанія и дополненія, равно какъ затребованные по распоряженію Соединенныхъ Департаментовъ отзывы практиковъ на означенные проекты, подлежали передачѣ въ то именно спеціальное по разработкѣ законодательныхъ вопросовъ учрежденіе, гдѣ были составлены самые проекты, то-есть во II же Отдѣленіе, откуда эти проекты слѣдовало, въ исправленномъ видѣ, вновь представить въ Государственный Совѣтъ. Но съ устраненіемъ проектовъ II Отдѣленія соединено было и устраненіе II Отдѣленія отъ самостоятельнаго и непосредственнаго руководства дальнѣйшими законодательными по судебной части работами. Нѣкоторыя подробности объ этомъ крупномъ моментѣ нашей судебной реформы мы находимъ въ рѣчи Н. И. Стояновскаго, произнесенной 14 февраля 1882 года въ С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ.

Изъ этой рѣчи мы узнаемъ слѣдующее. Въ октябрѣ 1861 года, *по поводу затрудненій, встрѣченныхъ Государственною Канцеляріей при докладѣ* первыхъ трехъ раздѣловъ проекта II Отдѣленія объ уголовномъ судопроизводствѣ, составлена была *по порученію В. П. Буткова* (бывшаго въ то время государственнымъ секретаремъ) *всеподданнѣйшая записка*, въ коей указывалось на противорѣчія, встрѣчающіяся въ разсмотрѣнныхъ *уже* Государственнымъ Совѣтомъ проектахъ гражданскаго судопроизводства и общихъ положеній о судоустройствѣ съ проектомъ уголовнаго судопроизводства, еще не оконченнымъ; объяснялось *неудобство отдѣльнаго разсмотрѣнія сихъ проектовъ* и была заявлена мысль, что *подробному разсмотрѣнію и изложенію отдѣльныхъ проектовъ судоустройства и судопроизводства должно предшествовать опредѣленіе и утвержденіе общихъ основныхъ началъ предполагаемаго судопроизводства.* Содержаніе этой записки было, какъ объясняетъ Н. И. Стояновскій, доложено Государю Императору

В. П. Бутковымъ, „превосходнымъ докладчикомъ“. Инициатива В. П. Буткова дала слѣдующіе результаты: вслѣдствіе объявленнаго предсѣдавшему въ то время въ Государственномъ Совѣтѣ, графу Д. Н. Блудову, *чрезъ государственнаго секретаря*, (то-есть того же В. П. Буткова), желанія Государя Императора узнать о положеніи въ Совѣтѣ работъ по устройству и преобразованію судебной части вообще (другими словами: работъ по разсмотрѣнію проектовъ II Отдѣленія), графъ Блудовъ, *по соглашенію съ В. П. Буткovымъ*, представилъ *19 октября 1861 года* докладъ о *порядкѣ* разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ всѣхъ проектовъ измѣненій въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. „*Докладъ этотъ составляетъ*, по словамъ Н. И. Стояновскаго, *официальное начало дѣла о начертаніи новыхъ судебныхъ уставовъ*“. Въ томъ же октябрѣ 1861 года *) состоялось Высочайшее повелѣніе о *выработкѣ основныхъ положеній судебной реформы*. Такимъ образомъ, дальнѣйшее разсмотрѣніе проектовъ II Отдѣленія было прекращено, и возникла новая, *предварительная* законодательная работа *для положенія основы всей реформы*, какъ сказано во *Вступленіи* къ изданію Государственной Канцеляріи. **) Къ сожалѣнію, подробной мотивировки этого важнаго по своимъ послѣдствіямъ распоряженія мы не имѣемъ, но общій его смыслъ обозначенъ въ упомянутомъ изданіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Затѣмъ (то-есть по возложеніи на Государственную Канцелярію порученія составить полный проектъ судоустройства) послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ чтобы, *не приступая къ окончательному разсмотрѣ-*

*) См. *Страницу изъ исторіи судебной реформы*, г. Джаншіева. С.-Петербургъ, 1883, стр. 17. Тамъ же на стр. 123—125 извлеченіе изъ рѣчи Н. И. Стояновскаго.

**) Нельзя при этомъ не замѣтить, что начертаніе новыхъ Уставовъ, въ отмѣну проектовъ II Отдѣленія, возникло хотя по почину В. П. Буткова, но и безъ противодѣйствія со стороны графа Блудова. Впрочемъ, эта предрѣшающая инициатива В. П. Буткова, вызвавшая *соглашеніе предсѣдателя* Совѣта съ государственнымъ *секретаремъ* (присутствующимъ въ Совѣтѣ лишь въ качествѣ главнаго докладчика, но безъ права голоса), убѣдительно доказываетъ пассивную роль графа Блудова въ эпоху его предсѣданія въ Совѣтѣ: вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и разстроеннаго здоровья, онъ очевидно утратилъ уже въ это время свою прежнюю самостоятельность и, не замѣтно для себя, впалъ въ противорѣчіе со своею прежнею дѣятельностію по званію главноуправляющаго II Отдѣленіемъ.

нію уставовъ и положеній, касающихся перемѣнъ въ устройствѣ судебной части въ Имперіи, обсуждены были общія начала судопроизводства гражданскаго и уголовнаго и судоустройства въ общей ихъ совокупности и связи“ (ibid. ч. III, стр. IV).

Для уясненія ближайшихъ результатовъ этого Высочайшаго повелѣнія необходимо обратить прежде всего вниманіе на то выдающееся положеніе, которое заняла мало-по-малу Государственная Канцелярія въ дѣлѣ судебной реформы. Выше было уже сказано, что замѣчанія практиковъ на проекты II Отдѣленія были переданы не во II Отдѣленіе, но въ эту именно канцелярію. *) Состоя при Государственномъ Совѣтѣ, Государственная Канцелярія, по свойству возложенныхъ на нее обязанностей, предназначена исключительно для доклада дѣлъ и составленія протоколовъ, изъ чего слѣдуетъ, что и замѣчанія практиковъ были въ нее первоначально доставлены лишь съ цѣлью необходимой подготовки для доклада ихъ соединеннымъ Департаментамъ. И дѣйствительно, составленный Государственною Канцеляріей сводъ замѣчаній на проектъ гражданскаго судопроизводства внесенъ былъ въ 1860 году въ Соединенные Департаменты (ч. I, стр. XIII). Но въ 1861 году Государственной Канцеляріи поручено уже было составленіе новаго проекта судоустройства (ч. III, стр. VI). Хотя затѣмъ, очевидно во исполненіе вышеуломянутаго Высочайшаго повелѣнія, и была образована, какъ значится во *Вступленіи* къ изданію Государственной Канцеляріи, *особая коммиссія для разбора* всѣхъ замѣчаній на проекты II Отдѣленія и *для положенія основы всей реформѣ*; но коммиссія эта, состоя при Государственной Канцеляріи, до такой степени сливалась съ нею, что всѣ соображенія коммиссіи сопровождаются въ уломянутомъ изданіи одною и тою же неизмѣнною цитатой: *Соображ. Госуд. Канц. 1861 или 1862 года.* Такимъ образомъ, участіе Государственной Канцеляріи въ судебной реформѣ постоянно расширялось, а съ 1861 года она была уже *прямо* призвана къ обсужденію основныхъ началъ всего преобразованія „въ общей совокупности и связи“.

---

*) Починъ тому сдѣланъ былъ съ замѣчаніями практиковъ на проектъ II Отдѣленія о гражданскомъ судопроизводствѣ, такъ какъ этотъ проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ раньше другихъ. На стр. XI, ч. I, изд. Госуд. Канц. сказано, между прочимъ: „Изъ многочисленныхъ замѣчаній на проектъ гражданскаго судопроизводства, *доставленныхъ въ Государственную Канцелярію отъ практиковъ по судебной части*“ и т. д.

Несмотря на то, что Государственная Канцелярія подчинена была, чрезъ посредство государственнаго секретаря, предсѣдавшему въ Государственномъ Совѣтѣ графу Блудову, а работы ея производились при участіи чиновъ II Отдѣленія и Министерства Юстиціи, этотъ переносъ центра тяжести законодательныхъ работъ изъ вѣдомства, руководившаго дотолѣ судебною реформой, къ докладчикамъ этой реформы въ Совѣтѣ, выразился не въ одной только перемѣнѣ бюрократической процедуры. Обстоятельство это имѣло послѣдствіемъ, вопервыхъ, безпримѣрную скорость дальнѣйшихъ законодательныхъ работъ: *основныя положенія*, составить кои было повелѣно въ октябрѣ 1861 года, были изготовлены, доложены Государственному Совѣту и разсмотрѣны въ немъ менѣе чѣмъ въ теченіе одного года, а 29 сентября 1862 года они уже были удостоены Высочайшаго утвержденія. *) Но при этомъ оказалось и другое, еще болѣе важное послѣдствіе: не только многіе, предрѣшенные уже дотолѣ соединенными Департаментами вопросы, но и общій характеръ судебной реформы получилъ въ соображеніяхъ Государственной Канцеляріи совершенно новое направленіе.

Чтобы точнѣе опредѣлить характеръ этого *перелома* въ направленіи нашей судебной реформы, необходимо ближе ознакомиться съ тѣми новыми воззрѣніями, которыя были категорически формулованы въ *основныхъ положеніяхъ 1862* года. Это необходимо еще и потому, что, при сравненіи проектовъ II Отдѣленія 1857—1861 года съ новыми проектами судебныхъ уставовъ, утвержденными въ 1864 году, нельзя не убѣдиться, что состоявшееся по иниціативѣ В. П. Буткова направленіе законодательныхъ по судебной реформѣ работъ было только формально мотивировано *неудобствами доклада и противорѣчіями въ заключеніяхъ Государственнаго Совѣта*. При другихъ, болѣе нормальныхъ обстоятельствахъ, всѣ подобныя неудобства могли бы легко быть сглажены какъ при содѣйствіи II Отдѣленія, такъ и при участіи предсѣдавшаго въ Совѣтѣ, и для этого вовсе не тре-

---

*) Эта скорость естественно объясняется тѣмъ, что составители основныхъ положеній трудились не только энергически и надъ матеріаломъ значительно уже разработаннымъ, но также тѣмъ, что, будучи въ то же время докладчиками собственныхъ трудовъ, они опирались въ Государственномъ Совѣтѣ на авторитетъ В. П. Буткова. Этими обстоятельствами объясняется еще болѣе изумительная скорость въ составленіи и разсмотрѣніи уставовъ 1864 года.

бовалось устранять проекты II Отдѣленія, а еще менѣе переносить центръ тяжести работъ въ Государственную Канцелярію.

Процессъ образованія этихъ новыхъ воззрѣній, возникшихъ въ промежуточное время между появленіемъ тѣхъ и другихъ проектовъ, распадается на три момента: сначала послѣдовало опредѣленіе *главныхъ началъ*, затѣмъ обсужденіе *основныхъ положеній* (ч. I, стр. I—XXII; ч. II, стр. VI; ч. III, стр. VI), и напослѣдокъ, окончательная редакція Уставовъ 1864 года. Но самостоятельными, такъ сказать органическими моментами судебной реформы, должны быть признаваемы только два первые, такъ какъ третій неуклонно слѣдовалъ принципамъ втораго.

Хотя оба эти термина: „главныя начала“ и „основныя положенія“, вызываютъ тождественное логическое представленіе, но въ изданіи Государственной Канцеляріи они обозначаютъ два совершенно отдѣльные момента судебной реформы, какъ это въ особенности видно на работахъ по гражданскому судопроизводству. Здѣсь подъ *главными началами* разумѣются тѣ общія основанія, которыя были приняты соединенными департаментами при разсмотрѣніи проекта II Отдѣленія въ 1859 году, вслѣдствіе чего и самый протоколъ соединенныхъ департаментовъ по этому предмету названъ въ изданіи Государственной Канцеляріи *Журналомъ о главныхъ началахъ гражд. судопр.* (ч. I, стр. XI); а *основными положеніями* именуются, собственно говоря, тѣ же главныя начала, но точнѣе формулованныя, значительно дополненныя новыми воззрѣніями и въ этомъ видѣ Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 года. Въ примѣненіи *къ гражданскому судопроизводству* мы легко можемъ прослѣдить, какъ изъ главныхъ началъ 1859 года возникли основныя положенія 1862 года. Произошло это такимъ образомъ:

„Изъ многочисленныхъ замѣчаній на проектъ гражданскаго судопроизводства, *доставленныхъ въ Государственную Канцелярію* отъ практиковъ по судебной части и подробно изложенныхъ въ составленномъ сводѣ“, оказалось, что вопросъ о томъ, *что слѣдуетъ признавать главными началами* былъ понятъ весьма различно (ibid., стр. XI). Эти разномыслія были разсмотрѣны въ особой коммиссіи при Государственной Канцеляріи, и затѣмъ резюмированы въ формѣ слѣдующихъ двухъ предположеній: *)

*) Приводимое ниже извлеченіе, какъ видно изъ сопровождающей оное въ изданіи Государственной Канцеляріи цитаты, составляетъ уже *соображенія Государственной Канцеляріи*, въ которую, или вѣрнѣе въ

I. „Если имѣютъ въ виду опредѣлить лишь общія свойства судопроизводства и указать главнѣйшія опредѣлительныя его черты, то *къ главнымъ началамъ* гражданскаго судопроизводства относятся только тѣ существенныя условія тяжебнаго порядка, которыя господствуютъ во всемъ процессѣ и составляютъ основаніе его системы".

Къ такимъ началамъ относятся:

1) отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной;

2) введеніе въ гражданскія дѣла состязательнаго процесса;

3) гласность судопроизводства;

4) введеніе въ гражданскія дѣла словесной системы;

5) рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ по существу въ двухъ только инстанціяхъ;

6) разсмотрѣніе кассаціоннымъ порядкомъ окончательныхъ рѣшеній судебныхъ мѣстъ въ случаѣ явнаго нарушенія или неправильнаго примѣненія закона" (ibid., стр. XIII—XIV) *).

II. „Съ другой точки зрѣнія, для того, чтобы на основаніи *заранѣе* установленныхъ основныхъ правилъ можно было приступить къ составленію *полнаго Устава судопроизводства*, необходимо, *кромѣ разрѣшенія вышеупомянутыхъ вопросовъ*, показать примѣненіе ихъ ко всѣмъ судебнымъ дѣйствіямъ и къ различнымъ случаямъ судопроизводства, указать существенныя формы и устранить излишнія, объяснить значеніе каждаго отдѣльнаго дѣйствія въ связи съ другими и опредѣлить, въ надлежащей послѣдовательности, рядъ разнообразныхъ дѣйствій и актовъ, изъ коихъ слагается система судопроизводства" (ibid., стр. XIV—XV)."

Послѣ подробнаго разбора съ этой послѣдней точки зрѣнія всѣхъ моментовъ гражданскаго процесса (отъ прошенія и до рѣшенія, затѣмъ обжалованія, исполненія рѣшеній, судебныхъ издержекъ, изъятій изъ общаго порядка и наконецъ такъ-называе-

---

особую коммиссію при которой были переданы потребованныя соединенными департаментами замѣчанія практиковъ „для разбора ихъ и вмѣстѣ для положенія основы всей реформѣ". очевидно послѣ опредѣленія этими департаментами главныхъ началъ 1859 года.

*) Въ этомъ резюме очевидно повторяются тѣ же главныя начала, которыя были выражены въ проектѣ II Отдѣленія и приняты соединенными департаментами въ 1859 году, съ пропускомъ лишь, вѣроятно по ошибкѣ, предположенія о сокращенномъ порядкѣ разбора мелкихъ споровъ.

мыхъ дѣлъ судебнаго управленія—ibid., стр. XV—XXII), въ изданіи Государственной Канцеляріи объяснено, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, размотрѣнныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1862 году, и составлены *основныя положенія* гражданскаго судопроизводства, Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 года.

При сопоставленіи всѣхъ этихъ данныхъ оказывается очевиднымъ, вопервыхъ, что разногласіе по вопросу объ окончательномъ направленіи реформы гоажданскаго судопроизводства возникло *въ замѣчаніяхъ практиковъ* послѣ установленія Соединенными Департаментами въ 1859 году главныхъ началъ; вовторыхъ, что эти разногласія при обсужденіи въ Государственной Канцеляріи выразились въ формѣ двухъ мнѣній, изъ коихъ одно соотвѣтствовало главнымъ началамъ 1859 года и проекту II Отдѣленія, а другое расширяло предѣлы предложенной II Отдѣленіемъ реформы; втретьихъ, что это второе мнѣніе взяло верхъ и осуществилось въ основныхъ положеніяхъ 1862 года. Такимъ образомъ, проектъ графа Блудова, а за нимъ и Соединенные Департаменты въ 1859 году ограничивались исправленіемъ и дополненіемъ прежняго порядка безъ безусловной отмѣны того, что̀ не вызывало настоятельныхъ затрудненій, а *основными положеніями* 1862 года рѣшено было напротивъ замѣнить весь прежній строй новымъ, и не только по указаніямъ опыта, но и преимущественно по требованіямъ отвлеченной теоріи. *)

---

* Установляя въ 1859 году *главныя начала* гражданскаго судопроизводства, Соединенные Департаменты, „не останавливаясь на *теоретическихъ* изысканіяхъ, *смотрѣли на дѣло съ практической точки зрѣнія*“—сказано ibid. на стр. VII. На этомъ вѣроятно основаніи проектъ II Отдѣленія о гражданскомъ судопроизводствѣ и переданъ былъ, вмѣстѣ съ главными началами 1859 года, на заключеніе практиковъ. Но, ibid. на стр. 13, упомянуто, что II Отдѣленіе, при составленіи своихъ проектовъ, тоже собрало отзывы компетентныхъ лицъ, а именно *предсѣдателей* судовъ и *прокуроровъ*. Разница только въ томъ, что, начиная съ 1859 года, система собиранія практическихъ отзывовъ достигла размѣровъ нѣкоего судебно-канцелярскаго suffrage universel, такъ какъ отзывы были требуемы „отъ лицъ всѣхъ разрядовъ мѣстнаго судебнаго вѣдомства, начиная отъ *секретарей уѣздныхъ судовъ*“, составлявшихъ, конечно, самый многочисленный но, какъ показалъ опытъ, самый несостоятельный контингентъ дореформенныхъ судебныхъ практиковъ. Тѣмъ не менѣе этотъ новый порядокъ далеко не разъяснилъ практически вопроса о преобразованіи, но, какъ мы видѣли на примѣра граж-

Такое направленіе хотя и отличалось нѣкоторымъ увлеченіемъ, но, ограниченное лока гражданскимъ судопроизводствомъ, оно, по самому ствойству этой сферы, не могло выйти изъ рамки формальныхъ лотребностей и не переступило лосему на лочву слишкомъ смѣлыхъ экспериментовъ. Вслѣдствіе сего, проектъ II Отдѣленія о гражданскомъ судопроизводствѣ сохранилъ въ главныхъ чертахъ данный ему съ начала практическій характеръ. И опытъ доказалъ, что проведеніе въ жизнь этой, несомнѣнно наиболѣе удачной, части нашей судебной реформы вызвало сравнительно гораздо меньше затрудненій и сомнѣній. Иначе однако вышло, когда означенное направленіе коснулось уголовнаго судопроизводства, менѣе формальнаго ло своей процедурѣ, нежели судопроизводство гражданское, и гораздо менѣе уловимаго ло своему объекту.

VIII.

Новыя воззрѣнія на *уголовное судопроизводство* возникли тоже изъ замѣчаній практиковъ на проектъ II Отдѣленія ло этой части, и равнымъ образомъ были развиты [Государственною Канцеляріей. „Въ доставленныхъ министромъ Юстиціи, а также юристами-практиками замѣчаніяхъ на проектъ II Отдѣленія“, сказано въ изданіи Государственной Канцеляріи, „лодробно указаны и объяснены, *съ практической точки зрѣнія*, какъ существенные недостатки уголовнаго судопроизводства, такъ и улучшенія отъ предполагаемыхъ въ проектѣ перемѣнъ, а также представлены *основанныя на практикѣ* соображенія о необходимости нѣкоторыхъ изъ начертанныхъ въ проектѣ правилъ для успѣшнаго и согласнаго съ требованіями времени преобразованія уголовнаго судопроизводства. Во многихъ замѣчаніяхъ высказана мысль, что безполезно было бы останавливаться на *полумѣрахъ*, которыя не могутъ привести къ существенному улучшенію уголовнаго суда, но надлежитъ пристулить къ *коренньгмъ преобразованіямъ*, то-есть къ измѣненію самой системы нашего судо-

---

данскаго судопроизводства, а ниже увидимъ на примѣрѣ уголовнаго судопроизводства и судоустройства, раздвинулъ лишь, лосредствомъ возбужденія несогласимыхъ разногласій, рамки судебной реформы *въ теоретическомъ*, а не *въ практическомъ* смыслѣ

производства“ (ч. II, стр. I—II). *) Помѣщенное за симъ обсужденіе предполагаемаго „кореннаго преобразованія“ начинается заявленіемъ, что „одного *устраненія административныхъ властей* недостаточно для того, чтобы судопроизводство сдѣлать удовлетворительнымъ“. Далѣе излагаются, въ видахъ разъясненія этого положенія, общія соображенія о *цѣли* и *средствахъ* уголовнаго правосудія, къ числу *главныхъ началъ* коего отнесены слѣдующія:

1) *Теорія доказательствъ*, основанная *единственно на ихъ формальности*, отмѣняется, а *помѣщаемыя въ Уставѣ уголовнаго производства правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ* при опредѣленіи вины или невиновности подсудимаго по *внутреннему убѣжденію судей*, основанному на совокупности обстоятельствъ при производствѣ слѣдствія и суда.

2) Приговоръ можетъ быть только осуждающій или оправдывающій подсудимаго; оставленіе въ подозрѣніи не допускается.

„Согласно *симъ и другимъ*, состоящимъ съ ними въ непосредственной связи *главнымъ началамъ* составлены *основныя положенія* уголовнаго судопроизводства, Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 года“ (ibid., стр. VI), по указаніямъ коихъ и былъ редижированъ уставъ Уголовнаго Судопроизводства 1864 г.

Такимъ образомъ, при реформѣ уголовнаго судопроизводства, мы опять встрѣчаемся *съ главными началами*, какъ и при реформѣ гражданскаго, съ тою однако разницей, что главныя начала послѣдняго были предуказаны въ 1859 году соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта, а первыя составлены прямо Государственною Канцеляріей. Съ другой стороны, судя по только-что приведенной цитатѣ, можно было бы предполагать, что и главныя начала уголовнаго судопроизводства, подобно главнымъ началамъ гражданскаго, не заключали въ себѣ ничего существенно новаго въ сравненіи съ проектомъ графа Блудова, такъ какъ отдѣленіе судебной власти отъ административной и ограниченіе системы формальныхъ доказательствъ было уже категорически выражено въ предположеніяхъ II Отдѣленія, а неоставленіе под-

* Не мѣшаетъ однако при этомъ вспомнить, что и проектъ II Отдѣленія объ уголовномъ судопроизводствѣ представлялъ вовсе не *полумѣру;* имъ существенно измѣнялась прежняя система, и поэтому едва ли было основательно такъ рѣшительно утверждать, что предположенныя II Отдѣленіемъ мѣры „не могутъ привести къ существенному улучшенію уголовнаго суда“.

судимыхъ въ подозрѣніи представлялось естественнымъ послѣдствіемъ совокупности всѣхъ этихъ предположеній. Но такое заключеніе было бы ошибочно, ибо вслѣдъ за указанными выше *двумя* главными началами категорически объяснено, что основныя положенія 1862 года были составлены „согласно *симъ* (то-есть двумъ названнымъ) *и другимъ*, состоящимъ съ ними въ непосредственной связи, *главнымъ началамъ*“. Посему очевидно, что соображенія *о цѣли и средствахъ* уголовнаго правосудія, возникшія изъ замѣчаній практиковъ на проектъ II Отдѣленія, привели къ установленію, кромѣ двухъ вышеуломянутыхъ, еще и *другихъ главныхъ началъ*. Нельзя однако не пожалѣть, что не только выводъ этихъ *другихъ* главныхъ началъ *изъ соображеній о цѣли и средствахъ уголовнаго правосудія* обойденъ молчаніемъ, но что даже они при этомъ вовсе *не поименованы*, хотя изъ утвержденныхъ позже Основныхъ Положеній легко убѣдиться, что въ числѣ этихъ именно непоименованныхъ главныхъ началъ были и такія, которыя, не будучи повтореніемъ или развитіемъ того, что̀ уже заключалось въ проектѣ II Отдѣленія, составляли нѣчто весьма новое и чрезвычайно крупное, а именно введеніе въ уголовный процессъ института присяжныхъ, чѣмъ и положено было основаніе тому „коренному преобразованію“, котораго требовали нѣкоторые „практики“ въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ II Отдѣленія.

Изъ указанныхъ двухъ началъ предположеніе объ отмѣнѣ формальныхъ доказательствъ, вошедшее въ приведенной выше редакціи, въ ст. 8 основн. полож. Угол. Судопр., послужило исходною точкой тѣхъ новыхъ требованій, которыя были предъявлены въ 1861 году къ реформѣ уголовнаго судопроизводства. Послѣдствія примѣненія этого начала въ его крайнемъ развитіи были гораздо глубже, нежели введеніе слѣдственно-обвинительнаго процесса. До этого времени господствовала въ нашей уголовной практикѣ система доказательствъ, оставлявшая весьма мало мѣста для личнаго убѣжденія судьи, роль коего ограничивалась тѣмъ, что онъ подводилъ формальные, добытые слѣдствіемъ внѣ суда признаки закононарушеній подъ нормы положительнаго закона, опредѣляя затѣмъ соотвѣтствующее подсудимому взысканіе по установленной Уложеніемъ 1845 года лѣстницѣ наказаній. Съ отмѣной же формальныхъ доказательствъ возникала для судьи обязанность самостоятельно опредѣлять внутреннее свойство признаковъ закононарушенія, безъ предопредѣленія ихъ положительнымъ закономъ, но на основаніи личнаго взгляда, слагающагося подъ

вліяніемъ производимаго на судѣ слѣдствія, а затѣмъ устныхъ преній между обвинителемъ и защитникомъ, и лишь послѣ того подводить закононарушеніе подъ общую норму закона.

Въ большей части западныхъ государствъ, гдѣ еще не очень давно тоже господствовала система формальныхъ доказательствъ, отмѣна ея сопровождалась раздвоеніемъ прежней функціи судьи на два отдѣльные момента: вопервыхъ, на опредѣленіе вины или невиновности подсудимаго и, вовторыхъ, на подведеніе признанной за подсудимымъ вины подъ извѣстный карательный законъ; причемъ для перваго момента установленъ былъ, по наиболѣе важнымъ закононарушеніямъ, особый органъ въ формѣ присяжныхъ засѣдателей, призываемыхъ ad hoc, то-есть экспертовъ, для оцѣнки фактической и нравственной стороны разсматриваемаго на судѣ закононарушенія, такъ что функція судьи въ этихъ случаяхъ ограничена была лишь произнесеніемъ основаннаго на законѣ приговора о мѣрѣ взысканія. Тѣмъ не менѣе, при всей практической пользѣ такого раздвоенія судебныхъ функцій, нельзя терять изъ виду, что если исключительное преобладаніе формальныхъ доказательствъ сопряжено съ большими неудобствами, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что устраненіе этихъ неудобствъ достигается лишь полною и внезапною отмѣной *всѣхъ* правилъ о силѣ доказательствъ. Правила о силѣ доказательствъ доселѣ еще существуютъ въ англійскомъ процессѣ не только безъ присяжныхъ, но и съ присяжными, служа законнымъ регуляторомъ индивидуальности судейскихъ воззрѣній и практически необходимымъ противовѣсомъ случайной иногда впечатлительности присяжныхъ. Кромѣ того, хотя вердиктъ присяжныхъ по дѣламъ уголовнымъ не подлежитъ въ Англіи обжалованію въ аппелляціонномъ порядкѣ, но за то самъ судья, находя приговоръ присяжныхъ несогласнымъ съ доказательствами, имѣетъ право требовать отъ нихъ новаго совѣщанія (ibid., стр. 275).

Этотъ чрезвычайно важный, сложный и прежде всего практическій вопросъ, возбужденный уже въ общей запискѣ графа Блудова къ Уставу уголовнаго судопроизводства, хотя былъ сначала *разрѣшенъ въ ст. 8* Основныхъ Положеній, но при окончательной редакціи Устава Уголовнаго Судопроизводства 1864 года подвергся еще новому обсужденію. Произошло это потому, что ст. 8 Основныхъ Положеній хотя и отмѣняла теорію доказательствъ, основанную „единственно“ на ихъ формальности, но, предлагая взамѣнъ того *правила* о силѣ судебныхъ доказательствъ „только“ въ руководство при опредѣленіи вины или невиновно-

сти подсудимаго, а не въ смыслѣ положительнаго и обязательнаго предписанія, заключала уже въ себѣ зародышъ самыхъ разнородныхъ толкованій, вслѣдствіе чего при редакціи ст. 766 Устава уголовнаго судопроизводства и возникли два совершенно противоположныя мнѣнія по этому вопросу.

Въ силу одного изъ нихъ имѣлась въ виду, не отступая отъ принципа внутренняго убѣжденія судей, ограничить однако безграничность ихъ личныхъ воззрѣній нѣкоторыми необходимыми предѣлами. По словамъ защитниковъ этого мнѣнія, „если, съ одной стороны, законъ не можетъ стѣснить совѣсть судей и предписывать имъ, чѣмъ именно они должны убѣждаться, то, съ другой стороны, для избѣжанія неправосудія и увлеченія законъ долженъ сказать рѣшительно, чего онъ не признаетъ доказательствомъ и чѣмъ судья предубѣждаться не долженъ“. Защитники того же мнѣнія, руководясь смысломъ ст. 8 Основныхъ Положеній, указывали, что отмѣнѣ подлежатъ лишь тѣ перечисленныя во 2 ч. XV т. Св. Зак. доказательства, которыя имѣютъ исключительно формальный характеръ (стт. 306—309, 313—316, 323, 329—333, 336, 339—340, 343—348), но затѣмъ утверждали, что *изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что въ Уставѣ не должно быть рѣшительно никакихъ обязательныхъ правилъ о доказательствахъ*. Поэтому они признавали необходимымъ *сохранить, и даже развить* всѣ тѣ изъ дѣйствующихъ правилъ, которыя *не* причислялись къ теоріи *законныхъ или формальныхъ доказательствъ*. Руководясь этими соображеніями, они настаивали на сохраненіи въ силѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ правилъ ч. 2 XV т., а именно стт. 304, 317, 327, 334 и 335, такъ какъ въ нихъ заключаются „истины, добытыя вѣковымъ опытомъ и признанныя наукой за начала, ограждающія справедливое рѣшеніе дѣлъ“.

Такимъ образомъ защитники правилъ о силѣ доказательствъ, не расходясь съ наукой, старались въ то же время удержаться на почвѣ исторической и практической. Исправляя прежнюю систему доказательствъ, они, по примѣру англійскаго законодательства, не разрывали связи съ предшествовавшими судебными традиціями, насколько послѣднія сохраняли свою цѣлесообразность въ примѣненіи къ измѣняющемуся строю общественной жизни. Не увлекаясь безусловно требованіями голой теоріи, они останавливались на серединѣ, предоставляя грядущему опыту заботу о постепенномъ выясненіи и развитіи того, что въ настоящую минуту могло быть разрѣшаемо только путемъ отвлеченныхъ умозрѣній. Иначе однако поступили противники правилъ

о судебныхъ доказательствахъ, основавшіе всю свою аргументацію на слѣдующемъ, конечно, болѣе широкомъ, но за то исключительно теоретическомъ воззрѣніи:

„Основаніемъ уголовнаго приговора о винѣ или невиновности подсудимаго можетъ быть: *или* положительный законъ — такъ-называемая теорія законныхъ доказательствъ, *или* законъ нравственный—совѣсть или внутреннее убѣжденіе судьи. По теоріи законныхъ доказательствъ, судьи не могутъ ни обвинить подсудимаго, когда не открыто требуемыхъ закономъ доказательствъ, ни оправдать его, когда такія доказательства обнаружены. По началу внутренняго убѣжденія отъ судей требуется только то, чтобъ они постановили приговоръ по совѣсти, основываясь *не на теоретическихъ умозрѣніяхъ*, а на томъ убѣжденіи, къ которому привело ихъ тщательное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ совокупности. Доселѣ ни наука (?), ни положительныя законодательства (?) не могли открыть ничего промежуточнаго между этими двумя началами. Принявъ за коренное начало правосудія, что судьи должны постановлять приговоръ по внутреннему своему убѣжденію, законодательная власть *не можетъ* вмѣстѣ съ тѣмъ предписывать какія-либо правила насчетъ тѣхъ условій, при которыхъ судьи обязаны считать себя убѣжденными или неубѣжденными“ (ibid., стр. 272—273).

Мы считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, составляетъ ли столь абсолютная теорія дѣйствительный выводъ изъ юридическихъ наукъ. Замѣтимъ только, что подобная теорія внутренняго убѣжденія по дѣламъ уголовнымъ была свойственна всѣмъ первобытнымъ обществахъ до тѣхъ поръ, пока внутреннее убѣжденіе, столь близко граничащее съ произволомъ и предразсудками, не было мало-по-малу ограничено положительнымъ закономъ, то-есть выраженіемъ коллективнаго, а не индивидуальнаго убѣжденія. Предписывать положительныя условія для личнаго убѣжденія, конечно, безполезно; но совсѣмъ другое противодѣйствовать неизбѣжнымъ его ошибкамъ установленіемъ отрицательныхъ, выработанныхъ опытомъ и наукою границъ, переходя за которыя личное убѣжденіе становится безсмысленнымъ произволомъ. Пока внутреннее убѣжденіе судьи остается только его личнымъ мнѣніемъ, безъ внѣшняго проявленія, то оно, какъ мнѣніе всякаго другаго человѣка, пользуется безусловною свободой; но получая форму судебнаго приговора, оно сопровождается уже извѣстными практическими послѣдствіями, правильными и полезными, если внутреннее убѣжденіе судьи было правильное, и

крайне вредными, если оно было ошибочное. Но судьи, какъ и другіе органы власти, наконецъ какъ всѣ смертные, не застрахованы ни отъ ошибокъ, ни отъ увлеченій, ни отъ пристрастія. Опытъ всѣхъ вѣковъ и народовъ доказалъ, что носимое судьями оффиціальное званіе не сообщаетъ имъ дара непогрѣшимости, что они склонны къ ошибкамъ какъ единоличнымъ, такъ и въ коллегіальномъ составѣ, что, наконецъ, единственнымъ средствомъ противъ судейскихъ ошибокъ, увлеченій и пристрастій можетъ быть только положительный законъ, отводящій достаточно простора убѣжденію личному, но лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Между тѣмъ, по приведенной выше абсолютной теоріи, законъ совершенно упраздняется и возстановляется порядокъ, существовавшій въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ, хотя въ XIX вѣкѣ сложныя условія общественной и государственной жизни представляютъ гораздо болѣе случаевъ для судебныхъ колебаній, чѣмъ патріархальный бытъ нашихъ отдаленныхъ предковъ.

Конечно, „правила о доказательствахъ, сколько бъ они ни представлялись вѣрными a priori, не могутъ быть почитаемы непреложными въ примѣненіи ко всѣмъ случаямъ многообразной дѣйствительности“, и это свое мнѣніе противники правилъ о доказательствахъ подтверждаютъ подробно критикой правилъ, предположенныхъ представителями противнаго мнѣнія; но развѣ и всякій другой законъ примѣнимъ *ко всѣмъ случаямъ многообразной дѣйствительности?* Такихъ законовъ нѣтъ, и быть не можетъ, изъ чего однако не слѣдуетъ, что всѣ другіе законы не нужны. Довольно того, что законъ, *вѣрный a priori*, достигаетъ *цѣли* если не во всѣхъ, то въ большинствѣ или въ важнѣйшихъ изъ предусмотрѣнныхъ имъ случаевъ; кромѣ того, уже самымъ существованіемъ своимъ и присущею ему обязательностію, законъ регулируетъ безграничность личныхъ воззрѣній при разрѣшеніи дѣлъ, сопряженныхъ съ общимъ интересомъ.

Еще труднѣе согласиться съ завѣреніемъ, что доселѣ и положительныя законодательства не могли открыть ничего промежуточнаго между этими началами. Это разумное mezzo termine существуетъ во всей силѣ именно въ томъ англійскомъ законодательствѣ, на которое указываютъ сторонники правилъ о доказательствахъ. Это срединное положеніе выработано тамъ историческимъ опытомъ и доселѣ не встрѣчало отпора ни въ здравомъ смыслѣ англійскаго народа, ни въ господствующихъ среди англійскихъ юристовъ теоріяхъ, нисколько въ то же время не

нарушая правильнаго дѣйствія тамошняго института присяжныхъ, послужившаго первообразомъ для всѣхъ другихъ государствъ. Къ сожалѣнію, теоретики нашей судебной реформы всего менѣе руководились въ своихъ соображеніяхъ примѣрами практической Англіи, и всего болѣе склонялись къ заимствованіямъ изъ Франціи, судебныя учрежденія коей доселѣ представляютъ такіе спорные вопросы и такіе практическіе недостатки, какихъ не встрѣчается въ Англіи. Съ этой точки зрѣнія, противники силы доказательствъ впадаютъ въ поразительное противорѣчіе, стараясь умалить значеніе существующей въ Англіи системы доказательствъ. Такъ они говорятъ, что въ Англіи нѣчто подобное существуетъ только „въ отношеніи къ нѣкоторымъ преступленіямъ, а именно къ государственной измѣнѣ и клятвопреступленіямъ, для доказательства которыхъ требуется не менѣе двухъ свидѣтелей“, и что „вообще въ англійскомъ правѣ *освященныя судебною практикой правила о доказательствахъ* имѣютъ значеніе лишь предостереженій отъ тѣхъ взглядовъ, которые могутъ ввести въ заблужденіе присяжныхъ,“ но оба эти возраженія, даже въ томъ ограниченномъ смыслѣ, который имъ здѣсь приданъ безъ должнаго основанія, очевидно не опровергаютъ, а напротивъ подтверждаютъ существованіе и необходимость доказательствъ по англійскому законодательству. Далѣе, противники силы доказательствъ утверждаютъ, что присяжные въ Англіи, при требованіи отъ нихъ судьею новаго совѣщанія—въ случаѣ приговора несогласнаго съ доказательствами—„вольны слѣдовать или не слѣдовать объясненіямъ и совѣтамъ судьи;“ но при этомъ умалчивается о томъ, что подобные случаи разногласія присяжныхъ со вторичными указаніями судьи составляютъ, при англійской системѣ суда съ присяжными, событіе крайне рѣдкое и потому совершенно исключительное. Наконецъ, они увѣряютъ будто „правила эти относятся къ *порядку собиранія доказательствъ*, а не къ *опредѣленію ихъ силы*“ (?). Но всѣ эти аргументы нисколько не опровергаютъ факта существованія доселѣ, и по закону, и на практикѣ, силы уголовныхъ доказательствъ въ Англіи, не исключительно формальныхъ, какъ было до реформы 1864 года у насъ, но практически въ извѣстныхъ случаяхъ необходимыхъ, какъ противовѣсъ произволу судей и ошибкамъ присяжныхъ. *)

---

*) Fonblanc, Chap. XXI — *De la preuve en justice.* Предложенная защитниками правилъ о доказательствахъ особая глава для нашего уго-

Правда, отвергая внесеніе въ законъ правилъ о судебныхъ доказательствахъ, защитники этого мнѣнія доказывали, что они не отвергаютъ самой теоріи доказательствъ, но ихъ доводы едва ли убѣдительны. „Ошибочно было бъ утверждать, говорятъ они, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ въ законахъ о судопроизводствѣ нѣтъ вовсе постановленій о доказательствахъ, не имѣется также и никакой теоріи доказательствъ. Напротивъ, у *нихъ есть твердая раціональная теорія, тщательно обработанная наукой, охраняемая и развиваемая юриспруденціей.* Многія сочиненія о доказательствахъ способствуютъ уразумѣнію сей теоріи между юристами и *распространяютъ понятія о ней въ народѣ* (?). Въ самой Англіи сія теорія развита въ высшей степени и охраняется съ неимовѣрною заботливостью. Чтобъ убѣдиться въ истинѣ вышесказаннаго, достаточно разсмотрѣть какой-либо важный процессъ уголовный“, и тогда станетъ ясно, что подъ воздѣйствіемъ совокупной дѣятельности „ученаго и опытнаго обвинителя“, „столь же искуснаго адвоката“, наконецъ, „свѣдущаго въ законахъ и практикѣ предсѣдателя“, судьи и присяжные получаютъ убѣжденіе, основанное не на *простомъ и личномъ каждаго изъ судящихъ взглядѣ на то или другое доказательство, а на строгомъ обсужденіи онаго по указаніямъ науки и юриспруденціи, выработавшихъ самую теорію доказательствъ.* Эта аргументація приводитъ противниковъ правилъ о доказательствахъ къ слѣдующему оптимистскому заключенію: „*Также точно будетъ и у насъ*, потому что юридическое образованіе видимо распространяется, а *судебная практика* успѣла уже, кажется, утвердиться *на прочныхъ основаніяхъ* (до реформы 1864 года?), вслѣдствіе чего, съ отмѣной законной теоріи доказательствъ, придетъ въ помощь судьѣ и наука, и юриспруденція“; а затѣмъ объясняется, что „трудное призваніе судьи облегчится въ семъ случаѣ обязательнымъ для него по закону присутствіемъ при судебномъ слѣдствіи и при преніи сторонъ“ (стр. 280—281).

Но такой аргументъ отъ будущаго грѣшитъ прежде всего невѣдѣніемъ, что ученые и опытные обвинители, защитники, предсѣдатели и судьи возникли и упрочились въ Западной Европѣ, между прочимъ и въ Англіи, на почвѣ гораздо болѣе подготов-

---

ловнаго судопроизводства очевидно редижирована въ виду существующаго по сей части въ Англіи законодательства, которое далеко не ограничивается примѣненіемъ *только* къ указаннымъ выше двумъ случаямъ (о государственной измѣнѣ и о клятвопреступленіи).

ленной чѣмъ у насъ, а съ другой стороны, что юриспруденція, разрабатывая теорію доказательствъ, не имѣла однако послѣдствіемъ устраненія въ Англіи ихъ обязательности по закону, хотя въ то же время не помѣшала Франціи усвоить „систему всевѣдѣнія присяжныхъ, основанную на безотчетныхъ впечатлѣніяхъ“ (ibid., 275—276), которую сами же противники правилъ о доказательствахъ признаютъ *неодобрительною*. Что же касается мнѣнія, будто сочиненія о доказательствахъ, да и вообще „наука и юриспруденція“, способны распространять *въ народѣ*, то-есть въ массѣ присяжныхъ, *теорію* доказательствъ, то мы позволимъ себѣ замѣтить, что французскіе присяжные едва ли подтвердили это мнѣніе, а англійскіе потому лишь рѣдко грѣшатъ противъ этой теоріи, что она представляется имъ не только въ формѣ внушительнаго предсѣдательскаго резюме, но и съ авторитетомъ закона, болѣе чѣмъ гдѣ-либо охраняемаго въ Англіи общественнымъ мнѣніемъ. Предполагать же, что у насъ „наука и юриспруденція“ проникнутъ *въ народъ* чрезъ нашихъ юристовъ непремѣнно глубже чѣмъ въ Англіи и во Франціи, было, какъ доказалъ опытъ, болѣе чѣмъ рискованно.

И тѣмъ не менѣе взглядъ сторонниковъ безусловнаго исключенія правилъ о доказательствахъ изъ положительнаго закона, даже вопреки статьи 8 Основныхъ Положеній, вполнѣ восторжествовалъ при окончательной редакціи Устава 1864 года объ уголовномъ судопроизводствѣ, такъ какъ въ немъ *никакихъ правилъ*, въ смыслѣ опредѣленныхъ формулъ относительно доказательствъ, „къ руководству“ не предложено ни коронному и мировымъ судьямъ, ни присяжнымъ.

По статьѣ 776, при постановленіи приговоровъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, судьи „обязаны опредѣлять вину или невиновность подсудимаго *по внутреннему своему убѣжденію*, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла“. Въ мировомъ же судѣ, по статьѣ 119, „по выслушаніи сторонъ и по соображеніи всѣхъ доказательствъ, имѣющихся въ дѣлѣ, мировой судья рѣшаетъ вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго *по внутреннему своему убѣжденію*, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ“. Наконецъ, при постановленіи приговоровъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель суда, по статьѣ 801, вручая старшинѣ присяжныхъ вопросный листъ, объясняетъ имъ, кромѣ существенныхъ обстоятельствъ дѣла и законовъ, относящихся къ опредѣленію свойства разсма-

триваемаго преступленія или проступка, еще *общія юридическія основанія* къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго, а въ статьѣ 803 оговорено, что означенныя *общія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ* объясняются предсѣдателемъ суда *„не въ видѣ непреложныхъ положеній*, но лишь въ смыслѣ предостереженія ото всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго". Кромѣ того, по статьѣ 804 вмѣнено предсѣдателю суда въ обязанность заключать свое объясненіе присяжнымъ *напоминаніемъ*, что они „должны опредѣлить вину или невиновность подсудимаго *по внутреннему своему убѣжденію*, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла". Такимъ образомъ на предсѣдателя суда возлагается положительнымъ закономъ не совсѣмъ легкая профессорская обязанность излагать присяжнымъ, въ популярной конечно формѣ, „общія юридическія основанія", а присяжные тѣмъ же положительнымъ закономъ предваряются, что они могутъ, не „увлекаясь" этими сентенціями, пропускать ихъ мимо ушей.

Впрочемъ, противники правилъ о силѣ доказательствъ, не сомнѣваясь въ томъ, что будущіе предсѣдатели судовъ будутъ въ состояніи давать присяжнымъ авторитетное объясненіе общихъ юридическихъ основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ, сочли нужнымъ сдѣлать и въ своемъ мнѣніи довольно многозначительную оговорку. Еслибы, говорятъ они, опытъ указалъ на необходимость руководства въ этомъ отношеніи, то оно можетъ быть дано *не въ законодательномъ порядкѣ, а въ видѣ инструкціи предсѣдателямъ судовъ отъ Министерства Юстиціи* (ibid., стр. 282). Но и этого не было сдѣлано, и очевидно потому, что инструкціи Министерства Юстиціи также не обязательны для несмѣняемыхъ предсѣдателей, какъ юридическія сентенціи послѣднихъ для присяжныхъ засѣдателей. Въ окончательномъ же результатѣ, и правительственнымъ и мировымъ судьямъ, и присяжнымъ засѣдателямъ предоставлено, при опредѣленіи силы доказательствъ и при сужденіи о винѣ или невиновности подсудимаго, сообразоваться, вмѣсто точныхъ *правилъ къ руководству*, лишь съ неопредѣленными, а потому необязательными *общими основаніями*, да съ личнымъ еще убѣжденіемъ, какъ единственно обязательнымъ и какъ бы ex officio непреложнымъ.

IX.

Обратимся теперь подробнѣе къ другому, не менѣе важному фактору судебнаго приговора: къ закону, опредѣляющему категорію преступнаго дѣянія и соотвѣтствующую виновности подсудимаго мѣру взысканія. Законъ установляется верховною властію, какъ выражаніе общаго разума, почему и подлежитъ неуклонному исполненію, независимо отъ разнообразія индивидуальныхъ на него воззрѣній. Эта обязательность закона и повсемѣстность его однообразнаго исполненія даютъ ему вообще, а въ частности въ судебной сферѣ, тотъ высокій авторитетъ, безъ котораго правильно организованный судъ совершенно немыслимъ. Даже въ судѣ съ присяжными, изрекающими вердиктъ по внушенію совѣсти, заключительный актъ правосудія состоитъ въ подведеніи вердикта присяжныхъ подъ норму закона. Понятно поэтому, что одною изъ главныхъ задачъ предстоявшаго у насъ судебнаго преобразованія должно было быть утвержденіе авторитета закона, авторитета столь поколебленнаго секретарскою казуистикою прежнихъ судовъ. Между тѣмъ въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства 1864 года мы находимъ постановленія, едва ли ведущія къ этой цѣли. Теорія индивидуальнаго убѣжденія не ограничена въ этомъ Уставѣ широкимъ примѣненіемъ къ системѣ доказательствъ; напротивъ, она введена даже въ сферу примѣненія и истолкованія самаго закона.

Статья 12 Основныхъ Положеній уголовнаго судопроизводства гласитъ:

„Всѣ судебныя мѣста обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ. Останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ, воспрещается. За несоблюденіе сего правила виновные подвергаются отвѣтственности какъ за отказъ въ правосудіи“.

Правило это не новое. Оно существовало въ нашемъ законодательствѣ и при прежнихъ судахъ. Но торжественное подтвержденіе этого правила въ Основныхъ Положеніяхъ 1862 года имѣло очевидно цѣлью отвратить на будущее время тѣ судебныя затяжки, которыя искусственно возбуждались въ прежнихъ судахъ только *подъ предлогомъ* неясности нѣкоторыхъ узаконеній. Здѣсь рѣшительно не могло быть рѣчи о тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ оказывался *безусловно неяснымъ*, такъ какъ въ принципѣ несомнѣнная

несостоятельность закона не можетъ быть окончательно устраняема индивидуальнымъ толкованіемъ судей по поводу отдѣльныхъ случаевъ, подлежа *безспорно* и *всецѣло*, какъ и начертаніе всякаго новаго закона, вѣдѣнію власти не судебной, а законодательной. Не странно ли было бы, въ самомъ дѣлѣ, придавать ст. 12 толкованіе, въ силу коего на судей возлагалась бы невозможная обязанность примѣнять законы непримѣнимые, или давать судьямъ право сомнѣваться и толковать законы даже тогда, когда эти законы никакого сомнѣнія не возбуждаютъ? Наконецъ истинный смыслъ статьи 12 Основныхъ Положеній долженъ быть внѣ всякаго неправильнаго пониманія и потому, что состоявшіяся въ развитіе этого начала ст. 12 и 13 Уст. Угол. Судопр. прямо отнесены къ числу тѣхъ, въ которыхъ заключается „главное начало отдѣленія судебной власти отъ законодательной“ (ч. II изд. Госуд. Канц., стр. 32).

И дѣйствительно, смѣшеніе судебной власти съ законодательною въ сферѣ судебной практики выражалось въ прежнее время вовсе не въ переносѣ нѣкоторыхъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ, а въ произвольномъ толкованіи законовъ и въ устраненіи этимъ путемъ присущаго имъ авторитета на самомъ судѣ. Поэтому стт. 12 и 13 Уст. Угол. Судопр. должны имѣть руководящее въ настоящемъ случаѣ значеніе и заслуживаютъ самаго серіознаго вниманія.

По ст. 12 Уст. Угол. Судопр. „*всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ*, а въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, коими судимое дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія должны основывать рѣшеніе *на общемъ смыслѣ законовъ*“; по статьѣ же 13 „воспрещается останавливать рѣшеніе подъ предлогомъ неполноты, неясности и противорѣчія законовъ“, а за нарушеніе сего правила виновные подвергаются отвѣтственности какъ за противозаконное бездѣйствіе „власти“ (Улож. о Нак. ст. 383—385). Въ этихъ двухъ статьяхъ Уст. Угол. Судопр. мы встрѣчаемся не съ простымъ повтореніемъ ст. 12 Основныхъ Положеній; напротивъ, здѣсь случаи неполноты, неясности и противорѣчія законовъ уже положительно выдѣлены изъ тѣхъ, гдѣ законъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ категорически указано, какимъ образомъ долженъ дѣйствовать судья въ случаѣ такихъ сомнѣній, которыя возникаютъ *не какъ предлогъ* для затяжки дѣла, но проистекаютъ изъ *самостоятельной неясности, неполноты или противорѣчія* въ законахъ. Если законъ не возбуждаетъ сомнѣній, то судья рѣшаетъ по точному

его разуму; въ противномъ случаѣ, по общему смыслу законовъ. Такимъ образомъ, въ принципѣ, не только устранено намѣренное замедленіе процесса подъ предлогомъ сомнѣній въ законѣ, но подтверждена и безусловная обязательность закона для судей, а сверхъ того проведено самое строгое, повидимому, отдѣленіе судебной власти отъ законодательной, такъ какъ по ст. 136 Учр. Судебн. Уст. и ст. 2 Высочайше утвержденнаго 7 марта 1866 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, самое возбужденіе законодательныхъ вопросовъ, когда это представляется необходимымъ по поводу рѣшаемыхъ судьями дѣлъ, возложено не на судей, а на органы прокурорскаго надзора.

Но законъ излагаетъ не отвлеченные принципы; его задача давать этимъ принципамъ конкретную форму практическихъ, опредѣлительныхъ правилъ. Этимъ законъ отличается отъ философіи, морали, политики и юридической науки. Въ теоретическихъ умозрѣніяхъ разнообразіе индивидуальныхъ взглядовъ приводитъ къ постепенному уясненію этихъ принциповъ, тогда какъ разнообразіе въ пониманіи закона колеблетъ нравственный авторитетъ и даже положительную силу послѣдняго. Поэтому, когда законъ, вмѣсто категорическаго предписанія объ его обязательности, рекомендуетъ *точный разумъ*, въ особенности же *общій смыслъ*, то этимъ предоставляется каждому судьѣ не прямое, безусловное исполненіе закона, но лишь пониманіе закона по тому же *внутреннему убѣжденію*, о которомъ шла рѣчь выше по поводу судебныхъ доказательствъ, ибо логическое представленіе о точномъ разумѣ и объ общемъ смыслѣ точно также разнообразно и индивидуально, какъ и пониманіе „общихъ основаній“ при опредѣленіи силы доказательствъ. Законъ, пока онъ не отмѣненъ компетентною властью, есть неизмѣнная и обязательная норма общаго разума, такъ-сказать геометрически отмежеванная фигура, подъ которую подводятся проявленія индивидуальной воли, и потому вопросъ можетъ возникать лишь о томъ: подходятъ ли эти проявленія подъ предуказанныя закономъ границы или нѣтъ. Встрѣчающіяся при этомъ затрудненія по поводу неудовлетворительности законовъ получаютъ широкое значеніе только при допущеніи личныхъ истолкованій закона; но если устранить эти истолкованія и ограничиться исключительно принципомъ обязательнаго исполненія законовъ, то почти всѣ подобныя сомнѣнія сводятся въ концѣ концовъ къ слѣдующему вопросу: подходитъ или не подходитъ разсматриваемое на судѣ преступное дѣяніе подъ ту или другую статью закона. Въ первомъ случаѣ законъ примѣняется бук-

вально, а во второмъ, какъ бы ни было предосудительно разсматриваемое судомъ дѣяніе, оно остается безъ взысканія. Но опредѣлять характеръ и наказуемость преступленій и проступковъ, не обозначенныхъ категорически въ дѣйствующемъ законѣ, можетъ лишь законодательная власть, которая устанавливаетъ общія нормы, предоставляя суду только примѣненіе этихъ нормъ на практикѣ; совокуплять же въ лицѣ судей обѣ эти функціи, то-есть установленіе общихъ по отдѣльнымъ случаямъ нормъ, а затѣмъ и самое примѣненіе этихъ нормъ къ означеннымъ случаямъ, повело бы ни болѣе и ни менѣе какъ къ предоставленію судебнымъ органамъ своего рода диктатуры, въ ущербъ самостоятельности всѣхъ другихъ органовъ верховной власти.

Поэтому внесеніе въ текстъ закона указанныхъ выше отвлеченныхъ формулъ какъ бы уполномочиваетъ судей предпочитать свои личные взгляды на законъ принципу его безусловной обязательности, отыскивать сомнѣніе тамъ, гдѣ вовсе не представляется къ сему прямаго повода, исполнять законъ не объективно и однообразно, а подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій мѣста и времени, ослабляя этимъ путемъ авторитетъ закона даже въ общественномъ сознаніи. Этому направленію не въ силахъ противодѣйствовать и кассаціонная инстанція, на пересмотръ которой восходятъ далеко не всѣ судебныя рѣшенія, а только малѣйшая ихъ часть.

Но правильное практическое примѣненіе столь отвлеченныхъ формулъ, по вопросу объ обязательномъ исполненіи судьями закона, встрѣчаетъ еще болѣе серіозныя препятствія съ другой стороны. Изо всѣхъ крупныхъ европейскихъ государствъ обладающихъ органически развившимися и прочно установившимися судебными учрежденіями, только въ Англіи предоставлено судьямъ наиболѣе широкое право интерпретаціи закона. Стоитъ однако лишь вникнуть въ причины этого явленія и въ его обстановку, чтобъ убѣдиться, что примѣръ Англіи не можетъ быть, безъ вреда для правосудія, усвоенъ другими странами, и всего менѣе у насъ. Въ Англіи существуютъ двѣ категоріи законовъ: одни—основанные на правѣ статутномъ, другіе—на правѣ обычномъ, и сверхъ того особая юрисдикція equity, вовсе неограниченная формальнымъ правомъ *). При такомъ порядкѣ вещей въ Англіи нѣтъ вовсе общей сводной редакціи законовъ. Мы не будемъ распространяться о томъ, есть ли это недостатокъ или,

*) Fonblanc, chap. XVI, la Loi.

напротивъ, значительное преимущество для юридическаго быта той страны, охраняя судебное законодательство отъ непрактическаго увлеченія теоретическими опредѣленіями; дѣло только въ томъ, что обстоятельство это, вслѣдствіе особыхъ историческихъ и мѣстныхъ условій, не привело тамъ ни къ произволу судей, ни къ упадку авторитета закона. И это произошло потому, что единство пониманія и примѣненія закона находитъ въ Англіи издавна могучую опору въ необыкновенно высокомъ уровнѣ образованія судей, а кромѣ того, въ той богатой юридической литературѣ и въ той традиціонной судебной практикѣ, подъ вліяніемъ коихъ случаи сомнѣнія въ пониманіи закона разрѣшаются безо всякаго затрудненія вполнѣ уже установившимися авторитетными примѣрами и толкованіями *). Такихъ исключительныхъ условій мы не встрѣчаемъ въ другихъ странахъ, гдѣ посему кодификація явилась однимъ изъ главныхъ средствъ для приданія закону единообразнаго пониманія и надлежащаго авторитета. Но и кодификаціи законовъ предшествовала въ Западной Европѣ всесторонняя научная разработка источниковъ права и прежней судебной практики, вслѣдствіе чего сводная редакція дѣйствующихъ узаконеній достигла тамъ образцовой ясности.

Но у насъ было иначе. Обстоятельное изученіе права возникло у насъ собственно съ тридцатыхъ годовъ, а полной исторіи нашего законодательства мы не имѣемъ даже до сихъ поръ. Хотя у насъ есть оффиціальное собраніе источниковъ нашаго права, то-есть *Полное Собраніе Законовъ*, и сводная редакція дѣйствующихъ узаконеній, но эти почтенные акты нашего юридическаго творчества не были достаточно согласованы и критически обработаны. Вотъ причины столь обременительной многотомности нашего Свода Законовъ и встрѣчающихся въ немъ противорѣчій, равно какъ неясности его общихъ опредѣленій и слишкомъ казуистическаго характера отдѣльныхъ постановленій; вотъ почему самая неясность дѣйствующихъ узаконеній, ломящаемыхъ въ Сводѣ, далеко не всегда устраняется справкой съ соотвѣтствующими имъ въ *Полномъ Собраніи* источниками. Съ начала же шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія, съ изда-

*) Несмотря на то, даже въ Англіи право рѣшать дѣла по системѣ equity составляло до послѣдняго времени прерогативу лишь высшей юрисдикціи лорда-канцлера; судамъ графствъ оно было предоставлено только въ 1865 году (ibid., стр. 231).

ніемъ новыхъ органическихъ положеній по отдѣльнымъ законодательнымъ вопросамъ, неясность и противорѣчіе въ нашихъ законахъ даже усилились, такъ какъ при обнародованіи этихъ Положеній не всегда было указываемо съ потребною обстоятельностью на тѣ статьи Свода, которыя видоизмѣнялись или вовсе отмѣнялись новыми постановленіями, а сводная редакція являвшихся въ послѣдствіи *продолженій* къ Своду часто возбуждала лишь новыя сомнѣнія. Но всего болѣе затрудненій представляли и до, и послѣ 1864 года тѣ постановленія Уложенія о Наказаніяхъ, которыя, будучи чисто казуистическаго происхожденія, не были однако при сводной редакціи достаточно обобщены, что̀ и подавало такъ часто поводъ не только къ сомнѣніямъ, но и къ волющимъ злоупотребленіямъ.

Всѣ эти препятствія къ правильному пониманію и исполненію законовъ могутъ быть устранены только усовершенствованіемъ редакціи дѣйствующаго законодательства и научною его обработкой. Правительство, вполнѣ сознавая недостатки нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, постоянно стремилось къ ихъ постепенному исправленію, но въ то же время постоянно сознавало и все зло, происходящее отъ произвольныхъ толкованій закона исполнительными и судебными органами. Запрещая на этомъ основаніи, еще задолго до судебной реформы, испрашивать указъ на указъ, оно создало спеціальную, въ лицѣ прежнихъ прокуроровъ и стряпчихъ, власть для надзора за единообразнымъ примѣненіемъ законовъ, сосредоточивъ высшее по этой части наблюденіе въ Правительствующемъ Сенатѣ. Но если тѣмъ не менѣе цѣль всѣхъ этихъ мѣропріятій, а равно и непрерывной кодификаціи законовъ посредствомъ Свода и періодически издаваемыхъ къ нему продолженій, не была вполнѣ достигнута ко времени судебной реформы, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что эта самая задача, имѣющая исключительно *законодательный* и *общій* для всѣхъ государственныхъ функцій характеръ, можетъ быть осуществлена въ сферѣ суда предоставленіемъ его органамъ привилегіи разрѣшать всѣ неясности дѣйствующихъ постановленій по личнымъ воззрѣніямъ на *точный разумъ* и *общій смыслъ* законовъ. Мы понимаемъ прежнее правило нашего законодательства, запрещавшее испрашивать указъ на указъ; мы бы пожалуй поняли даже отрицательное постановленіе, ограничивающее личное усмотрѣніе судьи въ пониманіи законовъ *вопреки* ихъ точному разуму и общему смыслу, но сомнѣваемся въ пользѣ положительнаго закона, предписывающаго судьѣ руководствовать-

ся здравымъ смысломъ, и не столько потому, что это правило само собою разумѣется при изданіи всякаго закона, сколько въ особенности потому, что, вводя въ текстъ закона неопредѣленныя теоретическія требованія, законодатель тѣмъ самымъ уполномочиваетъ судью, съ одной стороны, понимать законъ не объективно, но индивидуально, а съ другой стороны, принципъ обязательности и однообразнаго исполненія закона обусловливать разными преходящими впечатлѣніями.

Главная гарантія въ точномъ пониманіи и исполненіи законовъ всѣми органами государственной власти, въ томъ числѣ и судьями, заключается, повторяемъ, въ ясности самыхъ законовъ; другая—въ отвѣтственности судей, но не въ той фиктивной по своей ничтожности отвѣтственности, которая установлена по стт. 383—385 Улож. о Наказ., а въ гораздо болѣе существенной по своимъ дѣйствительнымъ послѣдствіямъ. Но можно ли серіозно подвергать отвѣтственности судей, когда они уполномочены самимъ законодательствомъ къ индивидуальнымъ толкованіямъ дѣйствующихъ постановленій? Въ этомъ случаѣ законъ точно также утрачиваетъ по судебнымъ дѣламъ свой обязательный характеръ и нравственный авторитетъ, какъ и теорія о доказательствахъ, рекомендуемая присяжнымъ въ смыслѣ отвлеченной, не обязательной сентенціи.

Можно положительно сказать, что стт. 12 и 13 Уст. Угол. Судопр. не подтверждаютъ, а колеблютъ авторитетъ закона въ дѣлахъ уголовныхъ; онѣ не только не уничтожаютъ стародавнихъ казуистическихъ толкованій, болѣе чѣмъ что-либо вредившихъ правильному отправленію нашего правосудія, но еще усиливаютъ это стремленіе къ казуистикѣ, давая ей какъ бы легальное основаніе. Прежніе суды, встрѣчая мнимую или дѣйствительную неясность закона въ примѣненіи къ конкретному случаю, воздерживались постановленіемъ приговора до разрѣшенія возникшей неясности въ законодательномъ порядкѣ; теперь же, хотя стт. 12 и 13 Уст. Угол. Судопр. устраняютъ эти затяжки, но за то онѣ допускаютъ рѣшеніе дѣла по усмотрѣнію судей даже и тогда, когда такое рѣшеніе, по неясности закона, представляется очевидно произвольнымъ. Эти статьи, съ другой стороны, совершенно послѣдовательно угрожаютъ судьѣ отвѣтственностью, когда онъ, подъ предлогомъ мнимой неясности закона, уклоняется отъ постановленія приговора, но, требуя отъ него непремѣннаго примѣненія закона даже завѣдомо неяснаго, онѣ уполномочиваютъ его подводить подъ законъ и такія дѣянія, ко-

торыя въ принципѣ должны быть оставляемы внѣ судебной юрисдикціи. Что же это какъ не косвенное уполномочиванье судей на произвольное расширеніе или сокращеніе сферы правосудія путемъ не положительнаго закона, но лишь отвлеченныхъ, и потому всегда спорныхъ воззрѣній на смыслъ и объемъ установленныхъ закономъ нормъ?

Столь чреватое послѣдствіями нововведеніе было пріурочено къ уголовному правосудію даже безъ подробной мотивировки, въ формѣ простаго примѣненія къ уголовному судопроизводству принципа, принятаго уже къ руководству въ отношеніи къ судопроизводству гражданскому. Но и въ объясненіи къ стт. 9 и 10 Уст. Гражд. Судопр. мы встрѣчаемъ по этому капитальному вопросу самую скудную мотивировку. Тамъ самый главный аргументъ, приводимый въ пользу этой системы, заключается въ томъ (ч. I изд. Госуд. Канц., стр. 21—22), что „слѣдственное начало, господствовавшее въ нашемъ судопроизводствѣ, открываетъ суду возможность по дѣламъ судебно-гражданскаго свойства, не довольствуясь общими путями правосудія входить въ область законодательной власти и предоставляетъ тяжущимся почти безпредѣльную свободу приносить жалобы на окончательныя судебныя рѣшенія“. Мы не будемъ распространяться о томъ происходила ли эта свобода *исключительно* отъ господства слѣдственнаго начала въ гражданскомъ судопроизводствѣ. и дѣйствительно ли *всѣ* тяжущіеся пользовались въ то время такою „почти безпредѣльною свободой“. Но нельзя не замѣтить, что стт. 9 и 10 Уст. Гражд. Судопр. имѣютъ характеръ не столько спеціально-судебныхъ, сколько *основныхъ государственныхъ законовъ*, и что въ этомъ качествѣ онѣ едвали могли быть обсуждаемы съ одной только судебной точки зрѣнія. Авторитетъ закона долженъ быть одинаковъ для всѣхъ органовъ верховной власти, безъ различія вѣдомствъ, и колебаніе или хотя бы сколько-нибудь одностороннее пониманіе этого авторитета въ одной сферѣ не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на всѣ другія, не говоря уже о томъ, что судъ болѣе чѣмъ всякое другое вѣдомство призванъ охранять непоколебимость закона отъ разнообразія случайныхъ и превратныхъ воззрѣній.

Такимъ образомъ, забота объ устраненіи на будущее время смѣшенія законодательной власти съ судебною привела, путемъ отвлеченныхъ умозрѣній, къ результату совершенно противоположному: вмѣсто устраненія встрѣчавшихся прежде, но далеко не часто, случаевъ смѣшенія этихъ властей, допущено было но-

выми судебными уставами самое широкое и почти безнаказанное вторженіе судей въ законодательную сферу, причемъ авторитетъ закона, неприкосновеннаго дотолѣ если не на практикѣ, то хотя въ принципѣ, предоставленъ былъ, послѣ реформы 1864 года, всецѣло личному усмотрѣнію судей. Такая замѣна положительной силы закона его теоретическимъ истолкованіемъ совершенно совпала съ указанною нами выше замѣной положительной силы доказательствъ такъ-называемыми „общими основаніями“, и обѣ эти мѣры нашли въ глазахъ теоретиковъ судебной реформы оправданіе въ томъ конечно оптимизмѣ, по системѣ коего предполагалось, что наши будущіе судьи будутъ отличаться тѣми идеальными качествами, которыя Платонъ еще въ древности признавалъ необходимыми для должностныхъ лицъ въ своей Республикѣ.

Вотъ при какихъ условіяхъ совершилось у насъ введеніе не только тѣхъ практическихъ судебныхъ улучшеній, о коихъ шла уже рѣчь въ 1857—1861 годахъ въ проектахъ графа Блудова, но еще и такихъ новыхъ формъ и органовъ, которые, по своей теоретической законченности, далеко даже оставили за собою послужившія имъ первообразомъ учрежденія западныхъ государствъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Выборъ и назначеніе судей.

I.

Отмѣною правилъ о доказательствахъ и предоставленіемъ судьямъ права безграничнаго истолкованія законовъ нарушено было то равновѣсіе, которое должно существовать между индивидуальными воззрѣніями судей, съ одной стороны, и обязательною силой закона, какъ выраженія коллективнаго разума, съ другой. И этимъ поколебленъ былъ не только авторитетъ закона, но и авторитетъ той власти, которою законы издаются, вслѣдствіе чего должно было существенно измѣниться самое *значеніе судей*, но въ особенности *ихъ отношеніе къ государственной власти*.

Такова была эта замѣчательная метаморфоза, въ силу которой судебные органы, предположенные проектами II Отдѣленія, получили въ 1862—1864 годахъ, характеръ, коего они въ этихъ проектахъ вовсе не имѣли.

Обсужденіе на новыхъ основаніяхъ предположеній II Отдѣленія о судоустройствѣ пріурочено было, при составленіи Основныхъ Положеній 1862 года, къ вопросу *о выборѣ или назначеніи будущихъ судей*, а исходною точкой возникшихъ по этому предмету соображеній послужило слѣдующее положеніе: „вопросъ этотъ принадлежитъ къ самымъ спорнымъ *вездѣ*, и въ особенности у *насъ*, по поводу разныхъ *сословныхъ правъ и преимуществъ*“ (Судебн. Уставы 1864 года, изд. Государственною Канцеляріей, 1867 года, ч. III, стр. XII).

Эта постановка вопроса, основанная на крайне искусственномъ его обобщеніи, была въ высшей степени неправильна.

Выборъ или назначеніе судей вовсе не составляетъ спора *вездѣ*, такъ какъ, по сознанію самихъ защитниковъ выборной системы, „основное начало, что судьи назначаются *правительствомъ*, принято въ иностранныхъ законодательствахъ“ лишь „за исключеніемъ весьма немногихъ государствъ“ ibid., стр. XVIII), а къ

числу послѣднихъ, гдѣ судьи выборные, относятся только Швейцарская и Американская республики. Если же у насъ, несмотря на монархическій образъ правленія, существовали преимущественно выборные судьи, то причиной тому вовсе не были *сословныя права и преимущества.*

Наши прежніе выборные судьи отличались отъ республиканскихъ тѣмъ, что у насъ они были не просто выборными, а сословно-выборными. Но, съ другой стороны, эти сословно-выборные судьи могли быть тѣмъ менѣе признаваемы носителями корпоративныхъ привилегій, что, еще за долго до упраздненія крѣпостнаго права и до введенія земскихъ учрежденій, они были не столько выраженіемъ системы сословныхъ подраздѣленій, сколько олицетвореніемъ *общаго* въ странѣ *служилаго начала*, распредѣляемаго по разнымъ сословіямъ сообразно ихъ гражданской развитости и имущественной состоятельности—какъ главнымъ условіямъ для успѣшнаго отбыванія государственной службы *). Но потребность въ замѣнѣ этихъ срочныхъ, сословно-выборныхъ судей постоянными, обезпеченными казеннымъ содержаніемъ, государственными судьями изъ юристовъ, какъ на Западѣ, сознавалась у насъ давно. Уже со времени графа Сперанскаго принимались разныя мѣры для достиженія этой цѣли, хотя созданіе потребнаго контингента коронныхъ юристовъ въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, оказывалось гораздо труднѣе, чѣмъ на Западѣ, и только поэтому выборные судьи сохранялись у насъ долѣе чѣмъ гдѣ-либо. Оставалось одно средство: постепенно усиливать число коронныхъ судей изъ юристовъ въ коллегіяхъ сословно-выборныхъ судей, что́ и предположено было въ въ проектѣ II Отдѣленія о судопроизводствѣ **).

Слѣдовательно, *прямая задача* составителей Основныхъ Положеній 1862 года заключалась лишь въ болѣе подробномъ обсужденіи вопроса о томъ, въ какой степени *практически* возможно у насъ *дальнѣйшее увеличеніе контингента коронныхъ судей-юристовъ на счетъ сословно-выборныхъ.*

Тѣмъ не менѣе составители Основныхъ Положеній 1862 года, раздвинувъ до-нельзя предѣлы этого *частнаго* вопроса, признали себя призванными обсуждать и рѣшать такіе *общіе государственные вопросы*, которые совершенно выходили изъ предѣловъ судебной реформы.

---

*) См. стр. 18—19.

**) Стр. 42—43.

II.

Чтобъ ознакомиться съ новыми мотивами, введенными этимъ путемъ въ судебную реформу, необходимо подробно прослѣдить ту полемику, въ которую вступили составители Основныхъ Положеній 1862 года по поводу спорнаго будто бы вездѣ вопроса о выборѣ и назначеніи судей.

„Съ *теоретической* точки защитники выборной системы доказываютъ, что судъ, какъ необходимый въ государствѣ органъ правосудія, можетъ достигнуть своего назначенія только въ такомъ случаѣ, когда онъ пользуется общимъ въ государствѣ довѣріемъ: это довѣріе необходимо, какъ самая твердая опора правительства, какъ основное условіе общаго въ государствѣ спокойствія. Но оно не можетъ быть достигнуто, если составъ суда будетъ предоставленъ исключительно усмотрѣнію *административныхъ властей, безо всякаго въ семъ отношеніи участія общества.* *) Они (то-есть защитники выборной системы) замѣчаютъ, что недостаточно того, чтобы законъ былъ хорошъ; необходимо, чтобъ онъ кромѣ того казался (?) такимъ въ глазахъ общества. Конечно, для человѣка образованнаго достаточно одного внутренняго содержанія въ правилахъ закона, но для массы, для *народа* этого мало: необходимо, чтобы въ законѣ выражалась мысль, доступная разумѣнію всѣхъ и каждаго. Въ этомъ отношеніи мысль, что *всякій (?) имѣетъ право самъ избрать себѣ мѣстнаго начальника, судью и т. п.* гораздо доступнѣе той мысли, что человѣкъ, присланный издалека, весьма часто не знающій ни мѣстныхъ, условій, ни обычаевъ, будетъ *хорошимъ администраторомъ справедливымъ судьей*“ (ibid. стр. XII—XIII) **).

---

*) Эти взаимно другъ другу противополагаемые термины: „административныя власти“ и „общество“—употреблены въ данномъ случаѣ защитниками выборной системы весьма не точно. Подъ административными властями здѣсь очевидно разумѣется *правительство* въ его совокупности, а подъ обществомъ, какъ мы въ этомъ убѣдимся ниже, совокупность всѣхъ сословій, то-есть *народъ*.

**) Позволимъ себѣ замѣтить защитникамъ системы выбора народомъ „начальниковъ и судей“, что выборъ должностныхъ лицъ предопредѣляется *„теоретически“* далеко не однимъ „довѣріемъ“, но еще другими, не менѣе существенными условіями: формой правленія, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ избирателей и избираемыхъ, наконецъ свойствомъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на избираемыхъ.

„*Съ практической* точки зрѣнія защитники выборной системы смотрятъ *на выборы должностныхъ лицъ мѣстными обывателями какъ на лучшее средство, коимъ правительство можетъ пользоваться для избранія своихъ органовъ. Всѣ и вездѣ (?) жалуются на недостатокъ людей: выборное начало есть одно изъ средствъ устранить этотъ недостатокъ* (ibid., стр. XIII). Далѣе, объяснивъ между прочимъ, что „*назначеніе* отъ правительства есть въ существѣ не что̀ иное какъ назначеніе однимъ лицомъ, коему правительство довѣряетъ этотъ выборъ“ (ibid.), защитники выборной системы продолжаютъ:

„*Совершенно другое когда выборъ служащихъ предоставленъ усмотрѣнію мѣстныхъ обывателей.* При самомъ недостаточномъ развитіи общественной жизни, *во всякомъ случаѣ* мѣстные обыватели знаютъ своихъ сосѣдей (?) болѣе чѣмъ *начальники*, живущіе въ отдаленныхъ центрахъ и поставленные, силой самыхъ обстоятельствъ, въ *такое отношеніе къ мѣстнымъ жителямъ*, которое само по себѣ уже есть *препятствіе къ тому, чтобы знать людей и сдѣлать хорошій выборъ*“ (ibid., стр. XIV) *).

Посему, не совпадая ни съ наукой государственнаго права, ни съ ученіемъ Гнейста о самоуправленіи, эта абсолютная теорія довѣрія напоминаетъ гораздо болѣе превратные взгляды Ж. Ж. Руссо на общественный договоръ (contrat social). Примѣненіе же столь шаткой теоріи въ столь широкихъ размѣрахъ къ судебной организаціи—не что̀ иное, какъ произвольное обобщеніе тѣхъ взглядовъ Миттермайера, которые этотъ почтенный ученый высказалъ исключительно въ отношеніи къ институту присяжныхъ. Онъ дѣйствительно указываетъ, въ числѣ преимуществъ этого института, на народное къ нему довѣріе, а главнымъ условіемъ для успѣшнаго отправленія присяжными ихъ обязанностей признаетъ, кромѣ выбора ихъ, еще привычку гражданъ къ самоуправленію. Но проводя вездѣ разграничительную черту между присяжными и магистратурой, онъ вовсе не предлагаетъ при этомъ выбора членовъ послѣдней. Эти воззрѣнія Миттермайера, неоднократно имъ высказанныя въ разныхъ сочиненіяхъ, резюмированы въ его капитальномъ трудѣ: *Европейскіе и американскіе суды присяжныхъ*, переведенномъ на русскій языкъ (Москва. 1871 года, выпускъ второй, стр. 521, гл. VII и стр. 563—564, ст. 2).

*) Эти соображенія невольно поражаютъ насъ тою искренностью, съ которою говорятъ о назначеніи *служащихъ* правительствомъ—лица, сами къ этой категоріи принадлежавшія. При этомъ они, конечно, совсѣмъ упустили изъ виду, что при обсужденіи подобныхъ настоящему общихъ законодательныхъ вопросовъ участіе выборныхъ лицъ гораздо менѣе спорно, чѣмъ при выборѣ начальниковъ и судей, и даже нерѣдко допу-

Въ заключеніе этой аргументаціи въ пользу выбора „мѣстными обывателями“ не только судей, но и начальниковъ“, „администраторовъ“, „должностныхъ лицъ“ и „служащихъ“ вообще, мы встрѣчаемся со слѣдующею мыслью:

„*Что бы ни говорили* о недостаточномъ у насъ развитіи гражданской жизни, во всякомъ случаѣ *развитіе жизни, также какъ и огонь* (?), требуетъ матеріала, и слѣдовательно для того, *чтобъ обыватели хорошо пользовались выборнымъ правомъ* надобно, чтобъ они имъ пользовались какъ могутъ и умѣютъ (?); иначе они никогда имъ пользоваться не будутъ, и *если дѣйствительно выборное начало есть указываемое жизнію средство отыскивать людей*, то правительство безъ выборнаго права этимъ средствомъ не будетъ пользоваться вполнѣ“ (ibid. стр. VV).

Отстаивая въ этой формѣ выборное право, защитники его не могли однако не знать, что въ Россіи почти всѣ судьи назначались и прежде не исправниками, не губернаторами и не министрами, а выбирались сословіями, слѣдовательно „при участіи общества“, получая отъ правительства только окончательную, формальную санкцію, но что, несмотря на то, эти выборные судьи далеко не пользовались общимъ „довѣріемъ“. Не могли они также не знать, что кромѣ выборныхъ судей, у насъ были еще выборные исправники, дворянскіе предводители, городскіе головы, крестьянскіе старшины и сословно-выборные члены въ разныхъ учрежденіяхъ, что словомъ наши „мѣстные обыватели“ давно уже пользовались выборнымъ правомъ *какъ могли и умѣли*, хотя и не особенно „хорошо“.

Чтобъ отстранить эти возраженія и вмѣстѣ съ тѣмъ пріурочить наши прежніе выборные порядки къ приведенной выше деклараціи принциповъ à la Ж. Ж. Руссо, защитники выборной

скалось въ самой Россіи. Посему, при всемъ нашемъ уваженіи къ смиренію и откровенности этихъ защитниковъ выборной системы, мы не можемъ не подивиться той самоувѣренности, съ которою они предлагаютъ собственный рецептъ для исправленія будущихъ служащихъ. Изъ обнародованныхъ въ разное время историческихъ свѣдѣній и оффиціальныхъ документовъ легко убѣдиться, что подобною самоувѣренностью не отличались ни земскіе выборные люди въ эпоху составленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича, ни сословные депутаты въ Екатерининской коммиссіи для составленія законовъ, ни дворянскіе депутаты въ редакціонныхъ коммиссіяхъ по упраздненію крѣпостнаго права, ни тѣ „служащіе“ которые были сотрудниками графа Сперанскаго и графа Блудова.

системы, ссылаясь на Высочайшіе указы 1801 — 1831 годовъ о порядкѣ выборовъ и службы по онымъ, сочли нужнымъ провозгласить, что, не смотря на всѣ свои недостатки, наше прежнее „выборное право, также какъ и всякое (?) право, должно быть *неприкосновенно*“ (ibid стр. XVI). *).

Тѣмъ не менѣе, несмотря на неприкосновенность этого права, оно должно быть, по мнѣнію защитниковъ выборной системы, измѣнено самымъ кореннымъ образомъ въ видахъ устраненія присущихъ ему недостатковъ, которые, *какъ сухія вѣтви живаго дерева, должны быть отсѣчены* (ibid. стр. XVI).

Съ этой точки зрѣнія изъ нашей прежней выборной системы слѣдуетъ устранить слѣдующія неудобства: 1) существующія у насъ *сословныя привилегіи* и 2) *срочность* выборной службы.

Вопросъ о томъ, какимъ образомъ сословныя особенности вредили у насъ правосудію, обойденъ однако защитниками выборной системы полнымъ молчаніемъ, хотя сословно-выборный характеръ суда могъ имѣть у насъ вліяніе только въ формѣ вотчиннаго суда помѣщиковъ, отмѣненнаго уже въ то время, когда составлялись Основныя Положенія 1862 года, а наиболѣе сословный въ Россіи судъ, то-есть крестьянскій, сохраненъ былъ въ Россіи даже Судебными Уставами 1864 года. Тѣмъ не менѣе эта голословная ссылка на вредное якобы вліяніе сословныхъ привилегій послужила теперь поводомъ къ упраздненію даже и тѣхъ ограниченныхъ сословныхъ особенностей, которыя еще оставались, согласно указанію Высочайшей воли, въ проектѣ II Отдѣленія о судоустройствѣ.

Въ то же время защитники выборной системы гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ кто-либо, доказали неудобство *срочной* службы

---

*) Превращая свою декларацію принциповъ, посредствомъ этого страннаго силлогизма, въ *декларацію правъ*, защитники выборной системы мимоходомъ замѣтили, что назначеніе судей не по выбору, а правительствомъ, въ большей части иностранныхъ государствъ объясняется лишь тѣмъ, что тамъ на судебныя должности назначаются только лица, имѣющія дипломъ объ окончаніи курса юридическихъ наукъ и занимавшіяся не менѣе двухъ лѣтъ упражненіемъ по судебной части (ibid. стр. XVIII). Такимъ образомъ выходитъ, будто выборъ судей составляетъ неотъемлемое право мѣстныхъ обывателей только въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго числа юристовъ! Но не слѣдуетъ забывать, что въ Швейцарской и Американскихъ республикахъ выборъ судей составляетъ неотъемлемое право мѣстныхъ обывателей, несмотря на то, что тамъ вовсе не ощущается недостатка въ юристахъ.

своихъ излюбленныхъ *выборныхъ судей*. Вотъ ихъ замѣчательная аргументація:

„Во-первыхъ, избираемые на опредѣленный срокъ судьи, съ одной стороны, стѣсняются признательностью къ тѣмъ, кто ихъ выбралъ, а съ другой — желаютъ обезпечить свой выборъ и на слѣдующій срокъ, и потому не могутъ быть *самостоятельными* въ отношеніи своихъ избирателей, а зависимость судьи отъ избирателей во всякомъ случаѣ хуже, чѣмъ отъ правительства".

„Во-вторыхъ, перемѣнные судьи никогда не могутъ пріобрѣсти *опытности*, необходимой для исполненія ихъ обязанностей."

Въ-третьихъ, служба по судебному вѣдомству требуетъ долгихъ приготовленій и занятій по изученію права, но если желающій поступить въ судебное вѣдомство имѣетъ въ виду, что для того, чтобы, по истеченіи извѣстнаго срока, онъ вновь былъ избранъ, ему необходимо угождать избирателямъ, то при такой непрочности карьеры едва ли кто рѣшится посвятить себя тяжелымъ занятіямъ для приготовленія къ службѣ по судебному вѣдомству" (ibid. стр. XVII).

Но защитники выборной системы ухитрились обойти эти препятствія, соединивъ принципъ *судейской несмѣняемости* съ *неотъемлемымъ правомъ обывателей* выбирать себѣ судей. Съ этою цѣлью они весьма безцеремонно ограничили это неотъемлемое право предоставленіемъ выбранному однажды судьѣ привилегіи занимать не только ту должность, на которую онъ былъ избранъ, но затѣмъ и другія, высшія по судебному вѣдомству должности, безо всякаго уже согласія обывателей (ibid. стр. XVIII).

Такимъ образомъ, *выборъ* мѣстныхъ обывателей признанъ неизсякаемымъ источникомъ права на судебную службу, какимъ-то мистическимъ крещеніемъ, дающимъ избранному судьѣ ложизненное посвященіе въ званіе члена судебной корпораціи, а основаніемъ этой непрерывной чудодѣйственной силы провозглашена *неотъемлемость* права мѣстныхъ обывателей выбирать себѣ судей и начальниковъ, да единожды выраженное обывателями *довѣріе* къ своему избраннику — причемъ самая правоспособность для отправленія судебныхъ обязанностей обусловлена, въ заключеніи защитниковъ выборной системы (ibid. пунктъ 2), лишь ничтожнымъ имущественнымъ цензомъ въ 300 десятинъ.

III.

Какъ аргументы въ пользу неотъемлемаго права и прирожденной будто бы способности мѣстныхъ обывателей избирать себѣ судей, такъ и попытки къ соглашенію судейской несмѣняемости съ выборною системой, наконецъ самая попытка включить судъ въ аттрибуты мѣстнаго самоуправленія встрѣтили *сначала* энергическое противодѣйствіе со стороны противниковъ выбора судей.

Отстаивая назначеніе судей правительствомъ, противники выборной системы указывали на слѣдующія обстоятельства:

„Общество, чрезъ своихъ выборныхъ, можетъ принимать полезное участіе въ рѣшеніи такихъ дѣлъ, которыя непосредственно его интересуютъ и въ которыхъ его выборные могутъ быть свѣдущими судьями, въ особенности же дѣлъ, относящихся къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и пользамъ. Здѣсь не можетъ быть *равнодушія* къ выбору представителей, потому что *хорошій или дурной выборъ отразится безъ замедленія въ имущественныхъ или другихъ интересахъ избирателей*, а всякій дѣйствуетъ обыкновенно съ большею осмотрительностью при выборѣ ловѣреннаго для своихъ собственныхъ дѣлъ. Здѣсь нѣтъ мѣста пристрастію (?), потому что дѣло касается не отдѣльныхъ личностей, а интересовъ, общихъ всѣмъ членамъ собранія, отчего и нельзя опасаться, чтобы выборные *изъ угодливости* приносили въ жертву интересы своихъ избирателей и свои собственные. Здѣсь сужденія происходятъ о потребностяхъ и пользахъ общества, слѣдовательно *о предметахъ общедоступныхъ всѣмъ членамъ его*, а въ такихъ предметахъ выборныя отъ общества лица могутъ быть наилучшими судьями“ (ibid. стр. XIX) *).

„По дѣламъ же *тяжебнымъ и уголовнымъ*, продолжаютъ противники выбора, хотя заинтересованы не одни приносящіе жалобы и отвѣтчики, но и всѣ вообще члены общества, которые не должны быть равнодушны къ правильному отправленію пра-

*) Этотъ оптимистскій взглядъ на земскіе выборы не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Выборная система имѣетъ смыслъ въ земскомъ самоуправленіи вовсе не потому, что устраняетъ духъ партій, личныя интриги и „угодливость“ избираемыхъ предъ избирателями, но собственно потому, что, вопреки этимъ, свойственнымъ всякой выборной системѣ недостаткамъ, она все-таки заключаетъ въ себѣ существенныя условія для успѣшнаго отправленія многихъ мѣстныхъ хозяйственно-административныхъ дѣлъ.

восудія, однакожь интересъ всѣхъ, не участвующихъ въ дѣлѣ, не имѣетъ *непосредственности*, а есть интересъ *общаго порядка*". Кромѣ того, „нельзя оставить безъ вниманія, что *судить о правѣ совсѣмъ не то, что судить о мѣстныхъ потребностяхъ и пользахъ*. Для удовлетворительнаго отправленія обязанностей судьи нужно имѣть *научное юридическое образованіе и спеціальную по судебной части опытность*. Естественно, что такихъ лицъ избрать изъ среды себя не могутъ ни *сельское*, ни *городское* сословіе, и что даже *дворянское* сословіе немного найдетъ ихъ *въ числѣ мѣстныхъ жителей избирательнаго округа. Затрудненія эти не устраняются* и предоставленіемъ избирателямъ права выбирать себѣ *представителей изо всѣхъ сословій безразлично*" (ibid. стр. IX—XX).

Но этого мало. Такъ какъ выборная система имѣетъ значеніе лишь при условіи, „*чтобы выборныя лица оставались на мѣстахъ доколѣ пользуются довѣріемъ общества*, чтобы выборы производились *на срочное время*, по прошествіи коего *избиратели могли бы устранить лицъ, не оправдавшихъ довѣрія, и выбрать себѣ другихъ представителей*", то противники выбора судей доказывали, что избраніе судей „единожды на всю жизнь, а не на опредѣленный срокъ", *подрываетъ выборное начало въ самомъ его корнѣ*. По ихъ словамъ „срочность есть одно изъ непремѣнныхъ условій выборной системы, которая тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ короче сроки возобновленія выборовъ. *Въ этомъ свойствѣ выборной системы заключается одна изъ главныхъ причинъ, почему выборное право не привилось къ устройству суда въ Западной Европѣ, гдѣ условія общественной жизни представляли бы менѣе препятствій къ назначенію судей по выборамъ, но гдѣ сознается несовмѣстность выборной системы съ началомъ несмѣняемости судей, обезпечивающимъ и занятіе должностей по судебному вѣдомству людьми достойными, и самостоятельность судей*" (ibid. стр. XX).

Вмѣстѣ съ тѣмъ противники выборной системы находили, что еслибы выборы производились даже *безукоризненно*, съ желаніемъ избрать лучшихъ людей, еслибъ избиратели находили у себя подъ рукой лицъ, могущихъ отправлять удовлетворительно обязанности по судебному вѣдомству, то и *въ такомъ случаѣ* свѣдѣнія избирателей были бы недостаточны для правильнаго сужденія о томъ, можетъ ли быть избираемое лицо хорошимъ судьей. Дѣйствительно, избиратели могутъ знать большею частію только свѣтскую сторону жизни кандидата на должность, только тѣ способ-

ности, которыя выказываются въ свѣтскихъ разговорахъ. „*Но и такія свѣдѣнія вовсе не опредѣляютъ качествъ достойнаго судьи, и даже далеки отъ тѣхъ, кои могутъ доставить тщательное разслѣдованіе о прежней жизни или службѣ ищущаго мѣста и строгое испытаніе его въ познаніяхъ и въ судебномъ дѣлопроизводствѣ.* Если при этомъ принять во вниманіе, что при выборной системѣ *нравственная отвѣтственность за выборъ недостойныхъ судей, падая на все общество избирателей, такъ дробится, что дѣлается ничтожною*, и что въ такомъ случаѣ каждый избиратель сваливаетъ вину на другихъ, то нельзя не придти къ заключенію, что *выборная система представляетъ не болѣе, но несравненно менѣе средствъ къ выбору лицъ, достойныхъ званія судьи*“ (ibid. стр. XXI).

Противники выборной системы не говорятъ прямо, что назначаемые правительствомъ, то-есть безъ „участія общества“, судьи пользуются, въ большей части западныхъ государствъ, несомнѣннымъ довѣріемъ „мѣстныхъ обывателей“, хотя это само собою слѣдуетъ изо всей ихъ аргументаціи; но за то, указавъ такъ рельефно на всѣ затрудненія выбора мѣстными обывателями достойныхъ судей, они какъ нельзя убѣдительнѣе опровергли самое основаніе выбора судей, которые, по аргументаціи защитниковъ выбора, могутъ пользоваться довѣріемъ только подъ условіемъ „участія общества“ въ ихъ назначеніи.

Свой общій взглядъ противники выбора судей выразили въ слѣдующихъ словахъ: „*если выборная система назначенія судей существуетъ въ Съверо-Американскихъ Штатахъ и въ Швейцаріи, то это обстоятельство объясняется совершенно особенною въ сихъ странахъ организаціей какъ государства, такъ и общества*“ (ibid. стр. XXII)

Наконецъ, обращаясь къ выборнымъ правамъ опредѣленнымъ Дворянскою Грамотой, Городовымъ Положеніемъ и другими Высочайшими указами, противники выбора судей находятъ, что невозможно признавать эти права установленными на „вѣчныя“ времена по той причинѣ, что „въ самомъ назначеніи ихъ удовлетворять современнымъ потребностямъ заключается надлежащее основаніе къ ихъ измѣненію соотвѣтственно вновь возникающимъ потребностямъ“. „Нельзя считать, говорили они, ни чьи права нарушенными, коль скоро новое учрежденіе доставляетъ болѣе огражденій всѣмъ состояніямъ людей“ (ibid. стр. XXII—XXIII).

Но, отнюдь не стѣсняясь столь рѣшительнымъ въ принципѣ опроверженіемъ системы выбора судей въ примѣненіи къ Россіи,

противники выбора признали возможнымъ защищать *частное примѣненіе* этой системы къ *мировымъ судьямъ* и, сверхъ того, къ *присяжнымъ засѣдателямъ*, хотя о послѣднихъ ни въ проектѣ II Отдѣленія, ни въ соображеніяхъ защитниковъ выбора судей не было даже и рѣчи.

Выборъ мировыхъ судей противники выборнаго начала мотивировали, волервыхъ, тѣмъ что судей этихъ предполагалось выбирать изъ *мѣстныхъ землевладѣльцевъ*, болѣе или менѣе извѣстныхъ всѣмъ избирателямъ, а вовторыхъ, тѣмъ что „достоинство сихъ судей не обусловливается такими способностями и познаніями, о которыхъ трудно было бы судить мѣстнымъ избирателямъ“. Что же касается присяжныхъ засѣдателей, то противники выбора судей не только *сопричислили* ихъ въ этомъ случаѣ къ *судьямъ*, но признали даже, безо всякихъ объясненій, что выборъ присяжныхъ долженъ подлежать *условіямъ сколь возможно менѣе стѣснительнымъ* и, слѣдовательно, сколь можно болѣе удобоисполнимымъ“ (ibid. стр. XXII).

Избраніе мировыхъ судей изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ оставляло за ними, въ значительной мѣрѣ, *сословный характеръ*, ибо къ мѣстнымъ личнымъ землевладѣльцамъ принадлежатъ у насъ, даже до сихъ поръ, преимущественно дворяне. Этотъ сословный характеръ противники выбора старались какъ будто сохранить, кромѣ мировыхъ судей, и за присяжными, утверждая, что „*новое судоустройство не только удерживаетъ сословное представительство при назначеніи мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей (?)*, но даже *увеличиваетъ власть сословныхъ представителей*, предоставляя *имъ*, въ качествѣ присяжныхъ, окончательное опредѣленіе вины или невиновности подсудимыхъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ“ (ibid. стр. XXIII). Противники выбора не затруднились даже смѣло заявить, что въ этомъ новомъ правѣ „вполнѣ осуществляется то положеніе жалованныхъ грамотъ и привилегій, что лица высшихъ состояній должны быть судимы не иначе какъ своими сословными судьями или при ихъ участіи“ (ibid.) — какъ будто и въ самомъ дѣлѣ у насъ была когда-нибудь своего рода палата наслѣдственныхъ перовъ для суда надъ графами и князьями, какъ будто и впрямь судебная реформа обязана была охранять подобный принципъ въ новомъ судѣ, какъ будто, наконецъ, выборъ присяжныхъ „при наименѣе стѣснительныхъ условіяхъ“, слѣдовательно даже не изъ землевладѣльцевъ, могъ вести къ этой странной цѣли!

Вся эта оригинальная полемика между защитниками и противниками выбора судей окончилась какъ будто въ пользу назначенія мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей—*по выборамъ сословій.* Вотъ подлинныя слова того компромисса, на которомъ остановились составители Основныхъ Положеній 1862 года по этому спорному вопросу:

„Вслѣдствіе сего принято за *основное начало* судоустройства, что *мировые судьи* и присоединяемые къ окружнымъ судамъ *присяжные засѣдатели* назначаются *по выборамъ сословій*, а предсѣдатели и члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, и всѣ прочіе судебные чины опредѣляются отъ правительства“ (ibid. стр. XXIV).

Но это „основное начало“, какъ и всѣ комплименты, обращенные къ неприкосновенности историческихъ правъ, какъ и всѣ расшаркиванія предъ феодальными якобы традиціями „лицъ высшихъ сословій“, не слѣдуетъ принимать за чистую монету. При окончательномъ формулованіи дословно приведеннаго выше компромисса—первоначально въ Основныхъ Положеніяхъ 1862 года, а затѣмъ въ Учрежденіи Судебныхъ Установленій 1864 года—принято было, что мировые судьи и присяжные избираются не только изо *всѣхъ* сословій, но и въ *общесословныхъ* коллегіяхъ: мировые судьи земскими собраніями, а присяжные засѣдатели—коммиссіями изъ выборныхъ представителей отъ этихъ же собраній *) (ст. 13 и 27 Основныхъ Положеній и стт. 19, 24, 25, 84, 89, 97 и 99 Учрежд. Судебн. Уст.). Правда, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ сохраненъ былъ столь заботившій защитниковъ и противниковъ выбора судей „землевладѣльческій“ цензъ, но такой ничтожный и съ такими оговорками, что для присяжныхъ засѣдателей онъ сводился почти къ нулю, а для мировыхъ судей не представлялъ ни малѣйшихъ гарантій, относительно ихъ судейской правоспособности.

IV.

Мы сочли необходимымъ констатировать всѣ эти обстоятельства вовсе не съ тою цѣлью, чтобъ отстаивать вообще, и всего менѣе въ судебной сферѣ, вѣковѣчную неизмѣняемость сослов-

*) Присутствіе, по ст. 97, мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства и одного изъ мѣстныхъ мировыхъ судей нисколько не измѣняетъ всесословно-выборнаго характера этихъ коммиссій.

ныхъ особенностей, никогда не имѣвшихъ у насъ характера феодальныхъ привилегій. Такъ какъ эти особенности были въ Россіи собственно лишь формой исторически установившагося ценза для опредѣленія судейской правоспособности, то само собою разумѣется, что онѣ не оставались, да и впредь не могли оставаться неподвижными. Дальнѣйшее ихъ преобразованіе, соотвѣтственно условіямъ времени, было внѣ всякаго сомнѣнія, хотя оно, какъ мы увидимъ ниже, вовсе не должно было имѣть того значенія, какое придали ему составители Основныхъ Положеній 1862 года, особенно послѣ упраздненія крѣпостнаго права и введенія земскихъ учрежденій.

Но въ этой полемикѣ уже гораздо рельефнѣе, чѣмъ при установленіи новыхъ взглядовъ на силу доказательствъ и на авторитетъ закона, выказался тотъ своеобразный методъ, который усвоенъ былъ составителями Основныхъ Положеній 1862 года.

Полемика между защитниками и противниками выбора судей представляетъ сцѣпленіе всевозможныхъ доводовъ pro и contra. Поэтому *по формѣ* она можетъ показаться всесторонней, и даже безпристрастною. Но *по внутреннему содержанію* она очевидно имѣетъ совершенно другой характеръ. Всѣ эти выводы сопоставлены не логически, но только механически, часто безо всякой связи и еще чаще—вопреки ихъ истинному смыслу, вслѣдствіе чего заключенія обѣихъ сторонъ мотивированы крайне невѣрными взглядами на самую сущность предстоявшей реформы.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ защитники, такъ и противники выборной системы, рѣшая вопросъ о будущихъ судьяхъ, разсуждаютъ не о Россіи, но о какомъ-то заоблачномъ государствѣ, и не столько о судѣ, сколько первые—о самоуправленіи, а вторые—о политическомъ характерѣ сословныхъ правъ; причемъ и тѣ и другіе, но въ особенности первые, основываютъ свои заключенія на умозрительныхъ положеніяхъ, не оправдываемыхъ ни наукой, ни опытомъ иностранныхъ государствъ, и всего менѣе исторіей и современными условіями нашего отечества. Только разъ во всей этой полемикѣ участники ея нисходятъ до упоминанія о нашемъ прошломъ—по поводу Дворянской Грамоты, Городоваго Положенія и Высочайшихъ указовъ 1801—1831 годовъ. Но за то сколько не относящихся къ судебной реформѣ разсужденій о неприкосновенности всякаго права, о неотъемлемомъ правѣ обывателей выбирать себѣ начальниковъ и судей, о значеніи сословныхъ привилегій, о томъ какъ слѣдуетъ пріобрѣтать привычку

пользоваться выборнымъ правомъ, наконецъ о томъ, способно ли правительство назначать хорошихъ должностныхъ лицъ!

Такое преобладаніе идеологическаго настроенія высказалось даже въ формѣ, дотолѣ вовсе несвойственной нашимъ законодательнымъ работамъ: гражданская жизнь уподобляется *огню*, требующему матеріала для своего развитія, а недостатки прежней выборной системы—*сухимъ вѣтвямъ ѫсиваго дерева*, подлежащимъ отсѣченію!

Еще болѣе поражаетъ насъ эта полемика своими необыкновенными противорѣчіями.

Защитники выбора судей, признавая этотъ выборъ неотъемлемымъ правомъ обывателей и усматривая источникъ судейскаго авторитета исключительно въ довѣріи избирателей, сами однако отказываются защищать свою теорію тамъ, гдѣ можно имѣть судей изъ числа образованныхъ юристовъ, и въ концѣ концовъ мечтаютъ возвысить умственный уровень выборныхъ судей—цензомъ въ 300 десятинъ. Далѣе, придавая Высочайшимъ указамъ 1801—1831 годовъ несвойственное имъ значеніе, защитники выбора судей провозглашаютъ сначала принципъ неприкосновенности всякаго права, а вслѣдъ затѣмъ сами же колеблютъ этотъ принципъ, подвергая означенные указы такой передѣлкѣ, послѣ которой отъ этихъ неприкосновенныхъ яко бы правъ едва ли что̀ остается. Но верхомъ противорѣчія въ аргументаціи защитниковъ выбора представляется ни съ чѣмъ несообразная попытка ломирить выборъ судей обывателями съ предоставленіемъ этимъ избранникамъ народной воли права никогда болѣе не покидать судейскаго кресла—посредствомъ назначеній отъ правительства.

Со своей стороны, и противники выбора, отвергая въ принципѣ неотъемлемое право мѣстныхъ обывателей выбирать себѣ судей, признавая за правительствомъ бо́льшую способность назначать этихъ лицъ съ надлежащею осмотрительностью, чѣмъ за обывателями, отрицая неприкосновенность установленныхъ указами 1801—1831 годовъ выборныхъ правъ, сохраняютъ однако выборную систему въ примѣненіи къ мировымъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ, какъ *частное* примѣненіе системы выбора, забывая, что Основными же Положеніями 1862 года къ юрисдикціи мировыхъ судей отнесено *большинство судебныхъ дѣлъ*, а къ вѣдѣнію присяжныхъ—*самыя главныя закононарушенія*, что̀ въ совокупности составляетъ уже вовсе не частное примѣненіе выборной системы къ преобразуемому суду. Вмѣстѣ

съ тѣмъ, требуя непремѣнно судей *юристовъ*, противники выбора предоставляютъ вѣдѣнію *мировыхъ судей не-юристовъ* такія крупныя, по нашимъ общественнымъ условіямъ, тяжбы и уголовныя дѣла, которыя, безъ спеціальнаго юридическаго образованія, едва ли могутъ быть правильно разрѣшаемы *).

Наконецъ, защитники и противники выбора судей, рѣшившись, съ обоюднаго согласія, удержать для мировыхъ судей и для присяжныхъ засѣдателей *выборъ по сословіямъ*, измѣняютъ затѣмъ свой взглядъ на совершенно противоположный, предлагая систему выбора *безсословнаго*.

Но изо всѣхъ умозрѣній, разсужденій и противорѣчій, внесенныхъ составителями въ Основныя Положенія 1862 года, возникла особая теорія, которая положила свою печать на всю нашу судебную реформу.

Замѣна сословно-выборныхъ судей въ судахъ первой и второй инстанцій коронными юристами, вѣрная въ принципѣ, положена уже была въ основаніе проектовъ II Отдѣленія; но тамъ этотъ переходъ отъ прежнихъ порядковъ къ новымъ отличался извѣстною постепенностью, а именно: сословно-выборный персоналъ не отмѣнялся внезапно, а только пополнялся коронными юристами, и мѣра эта формулирована была такимъ образомъ, что выборные судьи, засѣдая совмѣстно съ коронными, должны были составлять одно неразрывное цѣлое. Составители же Основныхъ Положеній 1862 года сочли возможнымъ сразу удалить выборныхъ членовъ изъ этихъ двухъ инстанцій, съ устраненіемъ такимъ образомъ изъ новой магистратуры и всѣхъ сословныхъ особенностей. Этотъ шагъ впередъ имѣлъ чисто теоретическій характеръ, такъ какъ вопросъ: въ какой степени возможна была полная замѣна сословно-выборныхъ судей коронными юристами,

---

*) Вѣдомству мировыхъ судей подлежатъ:

по ст. 1й *Основныхъ Положеній* гражд. судопр. 1862 года (ст. 29 У. Гражд. Судопр.): иски по личнымъ обязательствамъ и договорамъ о движимости, равно о вознагражденіи за ущербъ и объ убыткахъ *до 500 р.*, за исключеніемъ (по ст. 2й) споровъ о правѣ собственности и о правѣ на владѣніе недвижимымъ имуществомъ, какъ скоро эти споры основаны на формальномъ актѣ;

по ст. 19й *Основныхъ Положеній* угол. судопр. (ст. 33 Уст. Угол. Судопр.): преступленія и проступки, за которые опредѣляются денежныя взысканія *не свыше 300 р.*, и арестъ не свыше *трехъ мѣсяцевъ*, а также дѣла о кражѣ и мошенничествѣ, совершенныхъ лицами, подлежащими за эти дѣянія заключенію *въ рабочемъ домѣ*.

не былъ вовсе подвергнутъ практическому обсужденію. Но составители Основныхъ Положеній 1862 года не ограничились этимъ. Подъ предлогомъ повсемѣстной будто бы спорности вопроса о выборѣ или назначеніи судей, они предрѣшили своеобразный характеръ нашихъ мировыхъ судей и присяжныхъ.

Эти два послѣднія обстоятельства заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Отмежевывая, въ приведенномъ выше компромиссѣ, сферу для выборнаго суда, и защитники, и противники выбора признали, въ лицѣ мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, неотъемлемое право обывателей на самосудъ, какъ, на существенную часть мѣстнаго самоуправленія.

Такимъ образомъ, рядомъ съ установившимся у насъ и на Западѣ судомъ государственнымъ, возстановленъ былъ въ Россіи народный самосудъ, и единая въ государствѣ судебная власть раздѣлилась теперь на двѣ совершенно противоположныя сферы какъ по своему происхожденію, такъ и по своему характеру. Остался судъ коронный, отвѣтственный въ принципѣ предъ государственною властью, и явился еще другой судъ — общественный, отвѣтственный *прежде всего* предъ неуловимымъ и измѣнчивымъ общественнымъ мнѣніемъ; другими словами: судъ по закону — обязательно знакомыхъ съ нимъ лицъ, и судъ дилетантовъ, избираемыхъ мѣстными обывателями.

Можно ли при такихъ условіяхъ требовать, чтобы мировые судьи и присяжные руководились тѣми же мотивами, тѣми же нормами, какъ судьи коронные? Это было бы во всякомъ случаѣ невозможно; но, съ отмѣной правилъ о доказательствахъ и съ предоставленіемъ всѣмъ безъ различія судьямъ фактически права понимать законъ по своему, уничтожено было даже всякое сомнѣніе въ этомъ отношеніи.

Нѣтъ, не забота о соблюденіи законовъ, не попеченіе объ единствѣ судебной власти въ государствѣ предуказаны были мировымъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ. И тѣ, и другіе, знакомясь съ комментаріями къ Основнымъ Положеніямъ 1862 года по оффиціальному изданію Государственной Канцеляріи, должны были проникнуться мыслью, что они не столько органы суда и закона, сколько представители „неотъемлемаго права мѣстныхъ обывателей“ выбирать себѣ „начальниковъ и судей“, что они представители особаго status in statu, прежде всего *самоуправленія, а потомъ уже суда.*

Не это конечно имѣлъ въ виду проектъ II Отдѣленія, предлагавшій всесословный выборъ мировыхъ судей для разбора мелкихъ тяжбъ и проступковъ, состоявшихъ прежде въ вѣдѣніи полицейскихъ судовъ. Но такой крупный шагъ впередъ, точнѣе, такой рѣшительный скачокъ въ сторону, не могъ не обѣщать весьма глубокихъ и всеобъемлющихъ послѣдствій.

Съ отмѣной законныхъ доказательствъ, съ предоставленіемъ судьямъ права понимать законъ не единообразно, а по своимъ индивидуальнымъ впечатлѣніямъ, наша судебная реформа, сохранявшая въ проектахъ II Отдѣленія практическій и спеціально юридическій характеръ, обращена была на путь исключительно идеологическихъ экспериментовъ. Теперь же мировому суду и институту присяжныхъ засѣдателей, этимъ двумъ наиболѣе обширнымъ сферамъ будущей судебной дѣятельности, усвоенъ былъ, сверхъ новой, значительной доли идеологіи, еще политическій элементъ, наименѣе состоятельный и всего болѣе опасный, при обсужденіи гражданскихъ тяжбъ и уголовныхъ дѣлъ,—тотъ именно элементъ, который устраняется изъ суда наукой, отъ коего стараются отдѣлаться всѣ государства Европы и пріуроченіе котораго къ суду всего менѣе вызывалось дѣйствительными потребностями нашей современной жизни. *)

V.

До судебной реформы коронными судьями были у насъ собственно только сенаторы судебныхъ департаментовъ, предсѣдатели же и члены прочихъ судебныхъ мѣстъ хотя и входили въ составъ государственнаго суда, но, за ничтожными исключеніями, были срочными и сословно-выборными.

Магистратура въ настоящемъ смыслѣ возникла у насъ только вслѣдствіе судебной реформы, но такъ какъ это учрежденіе существовало до того времени въ полномъ уже развитіи на Западѣ, то намъ необходимо предварительно ознакомиться съ главными чертами магистратуры въ иностранныхъ государствахъ.

На Западѣ установленіе магистратуры знаменовало прежде всего побѣду государственнаго начала надъ сословно-корпоративнымъ. Кромѣ того, тамъ давно уже нѣтъ судей не изъ юристовъ.

---

*) Подробности этой метаморфозы будутъ изложены ниже, при обсужденіи порядка избранія присяжныхъ засѣдателей и мировыхъ судей.

Не только въ Англіи, Германіи и Франціи, но даже въ Италіи и въ другихъ государствахъ, юридическое образованіе составляетъ первое и самое существенное условіе судебной службы. *) Понятно, что при такомъ спеціальномъ характерѣ судебной службы, она не должна подвергаться колебаніямъ, и потому смѣна судебныхъ чиновъ чередующимися у власти министерствами не допускается. Судъ является здѣсь аттрибутомъ не политическихъ партій, а несмѣняемой верховной власти, и потому остается внѣ всякой борьбы. Вотъ главное основаніе утвердившейся въ конституціонныхъ государствахъ судейской несмѣняемости, устраняющей судей ото всякой политической зависимости.

И эта самостоятельность судей была дѣломъ верховной власти. Еще въ то время, когда короли вели борьбу съ феодальными сословіями изъ-за судебныхъ прерогативъ, Лудовикъ XI, эдиктомъ 21 октября 1467 года, установилъ несмѣняемыхъ судей во Франціи. Но этотъ принципъ, съ возникновеніемъ революціонной эры, встрѣтилъ противодѣйствіе сначала со стороны Конвента, затѣмъ въ 1800, 1807, 1815, 1848 и наконецъ въ 1883 году. Въ прочихъ же государствахъ Европы несмѣняемость судей, въ особенности съ установленіемъ конституціонныхъ формъ, охраняема была гораздо успѣшнѣе, и правительству оставалось только, совокупно съ палатой народныхъ представителей, регулировать эту несмѣняемость въ тѣхъ особыхъ случаяхъ, когда она, внѣ всякой политической борьбы, препятствовала достиженію нормальныхъ цѣлей правосудія.

Въ этомъ смыслѣ, въ Англіи, члены высшаго суда могутъ быть увольняемы отъ своей должности только по ходатайству о томъ обѣихъ палатъ парламента предъ королевой (Demombynes, т. I, стр. 57). Въ Германіи члены высшаго имперскаго суда, въ

*) Въ Италіи, для поступленія на службу по судебному вѣдомству въ качествѣ uditore, надо имѣть не только степень лауреата законовъ по юридическому факультету, но и выдержать экзаменъ предъ коммиссіей изъ судебныхъ чиновъ, юридическихъ профессоровъ и практикующихъ адвокатовъ. Экзаменъ, письменный и словесный, производится изъ права гражданскаго, коммерческаго и уголовнаго, а равно изъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Но для aggiunti giudiziarii требуется, послѣ трехъ лѣтъ, новый практическій экзаменъ предъ предсѣдателемъ, двумя совѣтниками судебной палаты и однимъ субститутомъ (Demombynes, т. I, стр. 330). Въ Испаніи требуется еще болѣе сложный экзаменъ (ibid. стр. 406), а въ Бельгіи — степень доктора правъ (ibid. стр. 228).

случаѣ ихъ немощей или ослабленія умственныхъ способностей, увольняются общимъ собраніемъ суда; для увольненія членовъ другихъ судовъ существуетъ особый порядокъ въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ, которымъ, сверхъ того, предоставлено право перемѣщать и увольнять членовъ суда въ случаѣ его преобразованія (ibid. т. II, стр. 782 и 785). Въ Италіи вопросъ о перемѣщеніи членовъ судебныхъ учрежденій предоставленъ особой коммиссіи изъ четырехъ совѣтниковъ и члена прокурорскаго надзора Римскаго кассаціоннаго суда, въ предсѣдательствѣ министра юстиціи (ibid. т. I, стр. 332). Въ Швеціи члены высшаго трибунала подчинены надзору сейма, для чего и существуетъ при сеймѣ должность генералъ-прокурора (ibid. т. I, стр. 129). Въ Даніи всякій судья, по достиженіи 75-лѣтняго возраста, можетъ быть отставленъ съ сохраненіемъ пенсіи (ibid., стр. 186). Въ самой Франціи кассаціонный судъ, въ общемъ собраніи, имѣетъ право временно устранять судей, а по предложенію министра юстиціи и по предварительномъ изслѣдованіи, объявлять несмѣняемыхъ судей лишенными принадлежащихъ имъ правъ (déclarer les magistrats inamovibles déchus de leurs droits; см. *Organisation Française*, par Alphonse Bertrand, Paris, 1881, стр. 296). Наконецъ, во Франціи же слѣдственные судьи могутъ быть увольняемы отъ своей должности, хотя и съ оставленіемъ въ званіи судей (Demombynes, т. II, стр. 133), а мировые судьи, равно соотвѣтствующіе имъ въ Италіи преторы, могутъ быть и вовсе увольняемы отъ службы—министромъ юстиціи.

Составители Основныхъ Положеній 1862 года, создавая русскую магистратуру, тоже озаботились, чтобы наши будущіе судьи имѣли извѣстную подготовку и были независимы. Но оказавшись далеко не требовательными относительно образованія судей, они расширили предѣлы ихъ независимости гораздо болѣе, чѣмъ на Западѣ.

Главнымъ мотивомъ для соображеній по этому вопросу послужило слѣдующее положеніе: „Удовлетворительное отправленіе правосудія зависитъ *болѣе* отъ *достоинства судей*, чѣмъ отъ *совершенства законовъ*“. (*Изд. Государств. Канц.*, ч. III, стр. XXXIV).

Удовлетворительное отправленіе судьями ихъ обязанностей на Западѣ постоянно обусловливалось столько же ихъ юридическимъ образованіемъ, сколько и совершенствомъ законодательства. Но въ нашей судебной реформѣ авторитетъ закона подчиненъ былъ индивидуальному воззрѣнію судей, и потому было бы напрасно

удивляться, что совершенству закона отведено у насъ, при соображеніи о магистратурѣ, такое скромное, второстепенное мѣсто. Теоретики судебной реформы весь центръ ея тяжести видѣли прежде всего въ достоинствѣ судей.

Составители Основныхъ Положеній 1862 года полагали, что для отправленія обязанностей предсѣдателей, ихъ товарищей, членовъ и секретарей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, а также прокуроровъ и ихъ товарищей, недостаточно одного здраваго смысла. „На такомъ важномъ поприщѣ, говорили они, должны быть употреблены въ дѣйствіе *всѣ силы*, поддерживающія *нравственное достоинство человѣка*, а образованіе имѣетъ безспорно самое благодѣтельное на нравственныя качества вліяніе.“ Такимъ образомъ они пришли къ убѣжденію, что даже изъ числа лицъ, не получившихъ юридическаго образованія, но усвоившихъ на службѣ судебную практику, слѣдуетъ допускать къ означеннымъ должностямъ тѣхъ, которыя имѣютъ *высшее* образованіе, *хотя не юридическое* (ibid. XXXV — XXXVI). Въ статьѣ же 66-й Основныхъ Положеній о судоустройствѣ (ст. 202 Учрежд. Судебн. Уст.) сказано просто, что „должности предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и судебныхъ слѣдователей, а равно прокуроровъ и секретарей, замѣщаются не иначе какъ изъ числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе, *или же доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части*“. Отсюда само собою слѣдуетъ, что у насъ *достойными судьями* могутъ быть не только люди, получившіе, какъ на Западѣ, юридическое образованіе, но и тѣ, которые получили вообще высшее образованіе: математическое, литературное и т. п., а наконецъ и тѣ, которые никакого образованія не получили.

Что же касается до несмѣняемости судей, то она, напротивъ, была опредѣлена гораздо положительнѣе.

Выборъ судебныхъ чиновъ требуетъ особой осмотрительности, а служба по судебному вѣдомству должна, по мнѣнію составителей Основныхъ Положеній 1862 года, представлять *нѣкоторыя преимущества*, потому что „для судебнаго вѣдомства требуются *лучшіе люди*, что они должны нести *съ самоотверженіемъ тяжелое бремя своихъ обязанностей*, и что они обречены *на неизбѣжную борьбу съ искушеніями, несправедливыми нареканіями и даже со мстительностію осужденныхъ, признанныхъ ими неправыми*“ (ibid. стр. XXXIV). Сверхъ того, „*дѣла судебнаго вѣдомства* касаются важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ, *ихъ гражданской жизни, чести и*

достоянія. Въ дѣлахъ этого рода могутъ быть нерѣдко заинтересованы или непосредственно, или въ качествѣ покровителей *подсудимыхъ* и *тяжущихся, начальствующіе надъ судьями или вообще лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ*. Такія лица имѣютъ множество средствъ, не роняя внѣшняго своего достоинства, *дать судьѣ почувствовать ихъ вліяніе*“ (ibid. стр. XXXVI). Но законодательство „должно поставить судей въ такое положеніе, чтобъ они могли исполнять свои обязанности безъ особыхъ съ ихъ стороны подвиговъ самоотверженія“. Въ виду этихъ-то соображеній приняты были для доставленія самостоятельности будущимъ судьямъ слѣдующія правила:

1) члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть *увольняемы и перемѣщаемы* безъ согласія и прошенія;

2) *удаленіе ихъ отъ должности должно происходить не иначе, какъ по суду* за преступленія и проступки, предусмотрѣнные въ Уложеніи о Наказаніяхъ;

3) *преданіе ихъ суду, равно наложеніе на нихъ взысканій за маловажныя нарушенія по должности*, можетъ послѣдовать *не иначе*, какъ по разсмотрѣніи дѣла особымъ дисциплинарнымъ порядкомъ *въ общемъ собраніи отдѣленій или департаментовъ того судебнаго мѣста, въ непосредственномъ вѣдѣніи коего они состоятъ* (ibid. стр. XXXVII—XXXVIII; ст. 243 Учрежд. Судебн. Уст.).

Но увольненіе судей отъ должности по суду за преступленія и проступки, предусмотрѣнные въ Уложеніи о Наказаніяхъ, не составляетъ новаго правила: такой порядокъ существовалъ у насъ еще до судебной реформы въ отношеніи ко всѣмъ должностнымъ лицамъ какъ административнымъ, такъ и судебнымъ. Точно также, если не въ принципѣ, то практически не составляла у насъ новаго правила несмѣняемость сенаторовъ. Новымъ только оказывалось постановленіе о томъ, что предсѣдатели, товарищи ихъ и члены судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ не могутъ быть увольняемы и даже переводимы помимо ихъ воли, а равно о томъ, что преданіе ихъ суду и самое наложеніе на нихъ дисциплинарныхъ нарушеній предоставлено было ихъ собственной коллегіальной иниціативѣ.

Такого рода домашній самосудъ, къ тому же по ст. 281 Учрежд. Судебн. Уст. при *закрытыхъ дверяхъ*, не могъ имѣть никакого серіознаго значенія.

Хотя дисциплинарный судъ надъ чинами судебнаго вѣдомства предоставленъ, по ст. 270 Учрежд. Судебн. Установленій, вы-

сшимъ инстанціямъ *); хотя министру Юстиціи предоставлено право, по ст. 272, возбуждать своими предложеніями дисциплинарное производство, а по ст. 256 производить ревизіи, тѣмъ не менѣе эта дисциплинарная отвѣтственность судей ограничена только *предостереженіями* **). На дѣлѣ же предсѣдатели, ихъ товарищи и члены какъ судебныхъ палатъ, такъ и окружныхъ судовъ, не могутъ лишиться своего мѣста, пока они не совершили формальнаго нарушенія закона ***).

Такого рода самостоятельность судей имѣла послѣдствіемъ доктрину о ихъ совершенной несмѣняемости, посредствомъ которой чины судебнаго вѣдомства сомкнуты были у насъ въ одно корпоративное цѣлое, независимое отъ государственной власти во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ. Государственной власти не было даже предоставлено возможности исправлять свои ошибки, неизбѣжныя въ особенности при первоначальныхъ назначеніяхъ въ должности судей.

Но назначеніе судьями *лучшихъ людей* не можетъ быть регламентировано. Лучшихъ людей выбиралъ въ судьи Фридрихъ

---

*) Дѣла, подлежащія *дисциплинарному* производству, вѣдаются: 1) о предсѣдателяхъ и членахъ судебныхъ палатъ, оберъ-прокурорахъ, прокурорахъ судебныхъ палатъ и ихъ товарищахъ—кассаціонными департаментами Правительствующаго Сената; 2) о предсѣдателяхъ, товарищахъ предсѣдателей и членахъ окружныхъ судовъ, судебныхъ слѣдователяхъ и мировыхъ судьяхъ, а также прокурорахъ окружныхъ судовъ и ихъ товарищахъ—суддбными палатами.

**) По ст. 262 Учрежд. Судебн. Уст., взысканія, коимъ должностныя лица судебнаго вѣдомства могутъ быть подвергаемы въ порядкѣ *дисциплинарнаго* производства, суть предостереженія, замѣчанія, выговоры *безъ внесенія въ послужной списокъ*, вычетъ изъ жалованья, арестъ не болѣе какъ на семь дней и перемѣщеніе съ высшей должности на низшую; но по ст. 264 *предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены судебныхъ мѣстъ, а также мировые судьи подлежатъ только предостереженіямъ.*

***) По ст. 295 и 206 Учрежд. Суд. Уст. если судья *за преступленіе или проступокъ, не относящіеся къ службѣ*, будетъ въ уголовномъ порядкѣ подвергнутъ взысканію или наказанію, хотя и не соединенному съ потерей правъ на службу, или подвергнется *личному задержанію за долги*, то вопросъ о дальнѣйшей службѣ судьи передается на обсужденіе общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ Сената, которое, истребовавъ объсненіе отъ судьи, „*можетъ, смотря по обстоятельствамъ* (?), постановить объ увольненіи его отъ должности". Слѣдовательно *можетъ*, но вовсе *не обязано.*

Великій, хотя и не былъ къ тому принуждаемъ положительными правилами. Назначеніе лучшихъ людей на должность обусловливается правильностію дѣйствій органовъ верховной власти, а не тѣмъ, что такое назначеніе не можетъ быть отмѣнено. Но при безусловно обязательномъ характерѣ судейской несмѣняемости, назначаемые въ должность судьи пріобрѣтаютъ право считать себя *лучшими людьми* даже и тогда, когда они, по своимъ нравственнымъ свойствамъ, вовсе не принадлежатъ къ этой категоріи. Такіе якобы лучшіе люди, естественно признавая себя выше всѣхъ прочихъ органовъ государственной власти, смотрятъ на нихъ не какъ на равныхъ себѣ, но какъ на низшихъ, а на себя—какъ на членовъ привилегированной касты.

Что произошло бы съ государственною службой вообще, еслибы лучшіе люди были сосредоточены въ одномъ судебномъ вѣдомствѣ, а во всѣхъ другихъ остались бы *не лучшіе*, то-есть тѣ, что похуже? Развѣ губернаторы не подвергаются *несправедливымъ нареканіямъ*? Развѣ полиція обречена менѣе судей на *неизбѣжную борьбу съ искушеніями и со мстительностію* преслѣдуемыхъ ею злоумышленниковъ? Развѣ всѣ казначеи не обречены нести со своего рода самоотверженіемъ своихъ обязанностей, собирая для казны милліоны и получая въ жалованье гроши?

Государственная служба подраздѣляется по вѣдомствамъ, а не по нравственнымъ свойствамъ служащихъ; каждое вѣдомство имѣетъ свою высокую и общеполезную задачу, и требуетъ людей спеціально подготовленныхъ, а потому лучшіе люди требуются въ равной степени и для финансовъ, и для администраціи, и для суда. Создавая же корпорацію фиктивно лучшихъ людей лишь для суда, правительство не только не достигаетъ своей цѣли, но, уничтожая высокій характеръ служенія на другихъ поприщахъ, парализуетъ общій ходъ государственной машины.

Между тѣмъ составители Основныхъ Положеній 1862 года именно выдѣлили судей изъ этой машины. Назначеніе, повышеніи и награды предоставлены государственной власти, но удалить изъ этой корпораціи вредныхъ членовъ она уже права не имѣетъ. Составители Основныхъ Положеній 1862 года даже ни однимъ словомъ не оговорили, что для пріобрѣтенія судейской несмѣняемости необходимы были, хотя бы на первое время, нѣкоторые *сроки*. Эта несмѣняемость начиналась съ должности члена окружнаго суда; чрезъ эту должность могли, въ несмѣняемое званіе судей, попадать и крайне молодые, неопытные люди, и люди безъ юридическаго образованія, и наконецъ такіе, кото-

рые, при дальнѣйшемъ прохожденіи службы, могли оказаться вполнѣ неподходящими какъ по своимъ способностямъ, такъ и по нравственнымъ свойствамъ. И всѣ эти люди, особенно въ случаѣ неспособности къ повышенію, должны были занимать судейское кресло до конца своихъ дней, *въ качествѣ безсмѣнныхъ членовъ корпораціи лучшихъ людей.*

Мы знаемъ, что въ западныхъ государствахъ не имѣютъ права смѣнять судей чередующіяся у власти министерства, сами принадлежащія къ разнымъ политическимъ партіямъ. Но въ Россіи министры гораздо устойчивѣе чѣмъ во Франціи и въ Италіи, чѣмъ даже въ Англіи и Германіи. Смѣняясь весьма рѣдко, министрами въ Россіи бываютъ лица съ извѣстными конечно взглядами, но тѣмъ не менѣе они вовсе не имѣютъ характера представителей, а еще менѣе руководителей политическихъ партій. Съ перемѣной министра у насъ не бываетъ, да и не можетъ быть той всеобщей перетасовки чиновниковъ по всѣмъ инстанціямъ, какъ это бываетъ въ конституціонныхъ государствахъ. Поэтому возможныя у насъ перемѣны въ министерскомъ персоналѣ ни сколько не угрожали огульнымъ смѣщеніемъ судебныхъ чиновъ, а новизна магистратуры, неподготовленность къ ней и неизбѣжная ошибочность первыхъ назначеній всего менѣе обусловливали *абсолютную* несмѣняемость судей, каковой нѣтъ даже на Западѣ. Къ чему же потребовалась у насъ такая несмѣняемость судей съ перваго же ихъ шага?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны еще разъ повторить приведенную нами выше цитату изъ соображеній составителей Основныхъ Положеній 1862 года: „Дѣла судебнаго вѣдомства касаются важнѣйшихъ интересовъ *частныхъ лицъ*, ихъ гражданской жизни, чести и достоянія. Въ дѣлахъ этого рода могутъ быть нерѣдко заинтересованы или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, *начальствующія надъ судьями или вообще лица, сильныя по своему положенію въ обществѣ.* Такія лица имѣютъ множество средствъ, не роняя внѣшняго своего достоинства, дать судьѣ почувствовать ихъ вліяніе“.

Слѣдовательно, главнымъ основаніемъ для несмѣняемости судей въ Россіи признана была не борьба политическихъ партій, какъ на Западѣ, но вмѣшательство въ дѣло суда начальствующихъ надъ судьями или сильныхъ по положенію въ обществѣ лицъ, заинтересованныхъ непосредственно или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся... какъ на Востокѣ, на-

примѣръ въ Турціи и въ Китаѣ! И въ виду этого-то, очевидно не общаго, но случайнаго и потому рѣдкаго неудобства, признано было нужнымъ изъять всѣхъ судей отъ серіозной дисциплинарной зависимости, рискуя этимъ открыть даже широкое поприще для судей, оказавшихся неспособными на другой же день по ихъ назначеніи.

Такое опасеніе тѣмъ болѣе неосновательно, что назначеніе новыхъ судей предоставлено было не *мѣстнымъ начальникамъ*, а единственно верховной власти, по представленію министра Юстиціи. При такомъ порядкѣ назначеній, судьи оставались во всякомъ случаѣ независимыми отъ *мѣстныхъ* властей; но, въ силу предоставленной имъ несмѣняемости, они были теперь изъяты, на пространствѣ всей Россіи, и отъ вліянія министра Юстиціи.

Собственно говоря, даже самая широкая независимость судей отъ министра Юстиціи не можетъ уничтожить вполнѣ его вліянія, которое онъ всегда можетъ дать почувствовать, оставляя судей безъ наградъ и безъ движенія впередъ. Такое вліяніе существуетъ и на Западѣ; но тамъ, не смотря на то, что министры юстиціи принадлежатъ къ числу смѣняющихся членовъ кабинета, сверхъ этого вліянія предоставлены были и законодательнымъ палатамъ и высшимъ судамъ такія средства воздѣйствія на судебный персоналъ, о которыхъ нѣтъ и помину въ нашихъ судебныхъ уставахъ.

Повторяемъ, такая независимость судей даетъ имъ совершенно корпоративный характеръ. Составляя, въ средѣ государственныхъ чиновъ, особое общество несмѣняемыхъ, якобы лучшихъ лицъ, они пользуются тою же самостоятельностію, каковою отличались корпораціи на Западѣ, прежде нежели судъ сдѣлался тамъ атрибутомъ верховной власти. Но корпорацій по роду государственныхъ занятій мы на Западѣ не встрѣчаемъ, за исключеніемъ развѣ французскихъ парламентовъ въ до-революціонную эпоху, подавшихъ своею оппозиціей противъ верховной власти сигналъ къ революціи.

И странное дѣло! Избирателямъ мировыхъ судей предоставлено право періодически смѣнять этихъ судей, а правительству безусловно отказано въ правѣ смѣнять судей неспособныхъ и нерадивыхъ, и все это для того, чтобы при рѣшеніи какого-либо гражданскаго и уголовнаго дѣла не проскользнуло вліяніе высшаго или сильнаго лица!

Очевидно, что, провозглашая судей лучшими людьми, составители Основныхъ Положеній 1862 года усмотрѣли въ нихъ за-

щитниковъ тяжущихся и подсудимыхъ противъ высшихъ и сильныхъ лицъ. Возлагая подобную задачу, какъ нѣчто исключительное, на однихъ судебныхъ чиновъ, они какъ бы призвали ихъ, сверхъ ихъ прямой, юридической спеціальности, на стражу народныхъ интересовъ, чѣмъ и поставили судебныхъ чиновъ въ ненормальныя отношенія къ администраціи, къ которой главнымъ образомъ и принадлежатъ высшія лица. Но защита правъ гражданъ составляетъ общую для всѣхъ органовъ государственной власти обязанность, а огражденіе гражданъ противъ злоупотребленій исполнителей принадлежитъ прежде всего высшимъ правительственнымъ органамъ, а не суду только, которому спеціально предоставлено рѣшать лишь текущія *гражданскія и уголовныя дѣла.*

Вступая въ эту сферу, судъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть; онъ присваиваетъ себѣ права и уклоняется въ заботы, ему несвойственныя: онъ уже самъ какъ бы дѣлается правительствомъ, но безъ той отвѣтственности, которую несетъ правительство, въ государствахъ конституціонныхъ — предъ законодательными палатами, а въ государствѣ самодержавномъ — предъ лицомъ монарха. При такомъ порядкѣ вещей, единство въ управленіи нарушается, является хроническій раздоръ между судомъ и администраціей, а члены магистратуры получаютъ политическій характеръ.

VI.

Такимъ образомъ составители Основныхъ Положеній 1862 года, а по ихъ стопамъ и составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года, создали судебную организацію, ничѣмъ не связанную съ государственною властью, и въ то же время раздвоенную на двѣ отдѣльныя отрасли, ничего между собою общаго не имѣющія. Съ одной стороны, судебная власть была вручена мировымъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ, какъ органамъ мѣстнаго самоуправленія, а съ другой—корпораціи судей, называемыхъ коронными, но отъ государственной власти независимыхъ. И тѣмъ, и другимъ предоставлено было рѣшать уголовныя дѣла безо всякихъ обязательныхъ правилъ о доказательствахъ; и тѣмъ, и другимъ предоставлено было толковать положительный законъ по общему его разуму. Мировые судьи поставлены еще были въ нѣкоторую зависимость отъ своихъ избирателей; но надъ

судьями коронными не было уже установлено никакой высшей, регулирующей ихъ дѣятельность власти: они могли понимать и примѣнять общій разумъ закона исключительно по своимъ индивидуальнымъ воззрѣніямъ и не стѣсняясь требованіями юриспруденціи.

Правда, во главѣ этой раздвоенной судебной власти поставлена была высшая кассаціонная инстанція. Но это заимствованное изъ Западной Европы учрежденіе, ограниченное въ своей дѣятельности разсмотрѣніемъ доходящихъ до него судебныхъ рѣшеній съ формальной точки зрѣнія, но не по существу, а въ дисциплинарномъ отношеніи вооруженное только правомъ дѣлать судьямъ безобидныя предостереженія, не могло обезпечить ни правильности суда, ни его единства, тѣмъ болѣе, что оно само, составляя неотъемлемую часть нашей новой магистратуры, усвоило понеобходимости и ея коренныя свойства *).

*) О высшемъ дисциплинарномъ присутствіи при Сенатѣ см. во 2-й ч., гл. I, § III.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Судъ присяжныхъ.

I. Англійскій и французскій типы присяжныхъ. — II. Видоизмѣненія французскаго типа въ Италіи, Германіи и Австріи. — III. Мотивировка института присяжныхъ составителями судебныхъ уставовъ 1864 года. — IV. Несостоятельность этой мотивировки.—V. Организація у насъ присяжнаго института. — VI. Порядокъ присяжнаго судопроизводства. — VII. Выводы.

I.

Судъ присяжныхъ или, какъ его принято называть, *судъ общественной совѣсти*, представляетъ безспорно главный видъ того общественнаго самосуда, который былъ установленъ у насъ судебною реформой. Хотя другой видъ этого самосуда, то-есть мировой судъ, имѣетъ количественно болѣе обширную сферу примѣненія, но качественно судъ присяжныхъ есть центръ тяжести нашей судебной реформы. Въ совокупности присяжныхъ приговоровъ нѣкоторые изъ нашихъ доктринеровъ склонны видѣть какъ бы катехизисъ народныхъ, основанныхъ исключительно на внутреннемъ голосѣ совѣсти, правовоззрѣній, предъ авторитетомъ коихъ положительный законъ долженъ какъ будто утрачивать свою обязательную силу. Но такого односторонняго взгляда на судъ присяжныхъ мы не встрѣчаемъ на Западѣ. Изъ этого уже видно, что судъ присяжныхъ, хотя и заимствованъ нашею судебною реформой изъ-за границы, но что въ Россіи онъ получилъ совершенно своеобразный характеръ. Между тѣмъ большинство публики, и даже судебнаго сословія *), убѣждено, что нашъ институтъ присяжныхъ есть не что иное, какъ подражаніе суще-

*) Кромѣ конечно юристовъ въ настоящемъ смыслѣ слова, которыхъ, къ сожалѣнію, у насъ такъ мало.

ствующему въ настоящее время на Западѣ институту, что, словомъ, и на Западѣ судъ присяжныхъ есть не только источникъ особаго права, но и органъ особаго общественнаго самосуда, совершенно отдѣльнаго отъ государственнаго суда и нисколько не стѣсняемаго требованіями положительнаго закона. Поэтому, прежде нежели мы приступимъ къ разсмотрѣнію суда присяжныхъ у насъ, необходимо ознакомиться съ этимъ институтомъ на Западѣ. Только этимъ путемъ уразумѣемъ мы и общій характеръ этого института, и тѣ видоизмѣненія, которымъ онъ подвергся у насъ.

Правда, археологи-дилетанты не разъ усматривали въ этомъ институтѣ и на Западѣ, и у насъ, продолженіе традиціи первобытнаго народнаго суда, сохранившагося въ той или другой формѣ, при дальнѣйшемъ развитіи государственной организаціи. Но между наслѣдственными, или сословными, или выборными судьями, замѣнившими древній народный самосудъ, и институтомъ присяжныхъ не было и нѣтъ ничего общаго даже въ Англіи, гдѣ этотъ институтъ развился и раньше, и самостоятельнѣе чѣмъ гдѣ-либо. Институтъ англійскихъ присяжныхъ коренится не въ англо-саксонскихъ учрежденіяхъ Альфреда Великаго, но въ *большихъ ассизахъ*, установленныхъ королемъ Генрихомъ II въ видахъ замѣны судебнаго поединка приговоромъ бароновъ. Изъ этихъ-то, хотя и феодальныхъ ассизовъ образовался въ XIII вѣкѣ, при королѣ Генрихѣ III, судъ присяжныхъ, развившійся мало-по-малу въ настоящую форму, какъ дополненіе суда, сосредоточеннаго въ рукахъ не корпоративныхъ группъ, но верховной власти. Во Франціи же судъ присяжныхъ возникъ хотя и изъ подражанія Англіи, но только во время революціи, въ силу закона 16 сентября 1791 года и, слѣдовательно, всего менѣе изъ подражанія Галло-Римлянамъ или Франкамъ, или средневѣковому самосуду разныхъ корпорацій. Наконецъ, въ Германіи и Италіи судъ присяжныхъ былъ введенъ лишь подъ вліяніемъ событій 1848—1849 годовъ.

Отсюда слѣдуетъ, что самостоятельно судъ присяжныхъ образовался только въ Англіи, а въ другихъ государствахъ Западной Европы онъ былъ привитъ искусственно и недавно. Это происхожденіе присяжныхъ изъ одного и того же источника, но при совершенно различныхъ условіяхъ мѣста и времени, имѣло то послѣдствіе, что теперь въ Европѣ всѣ формы института присяжныхъ группируются около двухъ основныхъ типовъ: англійскаго и французскаго, причемъ первый является, такъ ска-

зать, нормальнымъ первообразомъ, а второй его континентальнымъ подражаніемъ.

Институтъ присяжныхъ въ Англіи отличается прежде всего тѣмъ, что въ окончательномъ своемъ развитіи онъ вполнѣ утратилъ всякій политическій характеръ. Этотъ институтъ тамъ не гарантія противъ произвола верховной власти и назначаемыхъ ею судей, но лишь обыкновенная часть судопроизводства. Вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда политическія треволненія оказывали въ Англіи вліяніе на правильное исполненіе присяжными ихъ обязанностей, дѣйствіе этого института, по соглашенію правительства съ парламентомъ, было тамъ даже не разъ пріостанавливаемо на извѣстное время или въ извѣстной мѣстности. Затѣмъ, присяжные въ этой странѣ призываются при рѣшеніи не только крупныхъ уголовныхъ дѣлъ, но и менѣе важныхъ закононарушеній, и даже дѣлъ гражданскихъ, а въ измѣненномъ видѣ и въ качествѣ обвинительной инстанціи.

Далѣе, для присяжныхъ существуетъ въ Англіи весьма разнообразный имущественный цензъ. Присяжнымъ бываетъ здѣсь, въ возрастѣ отъ 21 до 60 лѣтъ: вопервыхъ, всякій землевладѣлецъ, получающій съ собственности чистаго въ годъ дохода не менѣе 10 фунтовъ стерлинговъ *); вовторыхъ, всякій платящій аренды не менѣе 20 ф. стерл. въ годъ, и втретьихъ, всякій владѣлецъ дома, обложеннаго въ пользу бѣдныхъ лодатью не менѣе 20 ф. стерл., а въ графствѣ Миддлсексѣ не менѣе 30 ф. стерл. въ годъ **). Въ Лондонѣ же никто не можетъ быть присяжнымъ, если не владѣетъ домомъ или не имѣетъ магазина или конторы, наемная цѣна коихъ не менѣе 100 фун. стерл. въ годъ ***). Но при этомъ освобождаются отъ обязанности присяжныхъ: леры, члены палаты общинъ, судьи, духовенство признанныхъ закономъ исповѣданій; доктора правъ, адвокаты и присяжные нотаріусы; придворные чины и врачи; офицеры арміи и флота, и должностныя лица при шерифѣ и при судахъ, таможенные и акцизные чиновники и т. п.; наконецъ, жители нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ—въ силу старинныхъ привилегій ****).

*) Присяжные, подходящіе подъ minimum этого ценза, составляютъ, при преобладающей въ Англіи системѣ крупнаго землевладѣнія, самое незначительное меньшинство.

**) Démombynes, *Constitutions Européennes*, Paris, 1881; томъ I, стр. 47—48. См. также слѣдующее примѣчаніе.

***) A. de Fonblanque, стр. 225.

****) Fonblanque, стр. 226. Démombynes, т. I, стр. 48.

Составленіе списка присяжныхъ дѣлается ежегодно, въ каждомъ приходѣ, надзирателемъ за бѣдными (overseer of the poors). Изъ приходскихъ списковъ, по просмотрѣ ихъ мировыми судьями въ малыхъ сессіяхъ (petty session), составляется секретаремъ мировыхъ судей общій списокъ графства. Этотъ списокъ передается шерифу, который, по требованію судьи, сообщаетъ ему каждый разъ, слѣдуя алфавитному порядку, очередной списокъ, въ коемъ помѣщается отъ 42 до 72 присяжныхъ, сообразно числу подлежащихъ разбору дѣлъ. Такъ какъ, при-разсмотрѣніи гражданскихъ тяжбъ, сторонамъ предоставляется право требовать *спеціальныхъ* присяжныхъ, то шерифъ для сей цѣли изъ общаго списка составляетъ особый, изъ эсквайровъ (помѣщиковъ), банкировъ и крупныхъ торговцевъ. Для каждаго засѣданія, послѣ отводовъ, требуется присутствіе на судѣ двѣнадцати присяжныхъ—для дѣлъ уголовныхъ, и пяти—для дѣлъ гражданскихъ. За исполненіе судебныхъ обязанностей присяжнымъ спеціальнаго жюри полагается каждому вознагражденіе по гинеѣ за засѣданіе, а обыкновеннымъ присяжныхъ по полгинеѣ *). Наконецъ, *большое жюри* (велико-присяжные), дѣйствующее по нѣкоторымъ дѣламъ въ качествѣ обвинительной инстанціи, состоитъ изъ мировыхъ судей и крупныхъ землевладѣльцевъ, избираемыхъ изъ числа почетнѣйшихъ мѣстныхъ обывателей **).

Но по гражданскимъ дѣламъ стороны и судьи прибѣгаютъ къ призыву присяжныхъ все рѣже и рѣже, такъ что главная сфера дѣятельности присяжныхъ относится въ Англіи къ преступленіямъ и проступкамъ, хотя и въ этомъ случаѣ англійское жюри имѣетъ капитальное отличіе отъ континентальнаго: присяжные призываются только тогда, когда подсудимый признаетъ себя, послѣ слѣдствія, невиннымъ ***).

Въ уголовныхъ ассизахъ присутствуетъ только одинъ изъ судей высшаго (Лондонскаго) суда, но не коллегія судей, какъ на континентѣ; этотъ судья руководитъ перекрестнымъ допросомъ и преніями обвинителя и защитника, но самъ вопросовъ не предлагаетъ; по окончаніи преній онъ суммируетъ ихъ содержаніе (summing up), а послѣ вердикта присяжныхъ произноситъ единолично приговоръ. Подсудимый долженъ обязательно имѣть защитника только въ случаѣ обвиненія въ убійствѣ ****).

*) Fonblanque, стр. 226.

**) Démombynes ,т. I, стр. 73 и Fonblanque, стр. 254.

***) Démombynes, т. I, стр. 71.

****) Démombynes. Стр. 74.

Въ Англіи не предлагается присяжнымъ никакого вопроса; они, послѣ судебнаго приговора и резюме судьи, произносятъ свой вердиктъ, объявляя подсудимаго только виновнымъ или невиновнымъ. Но при этомъ они обязаны руководиться правилами о доказательствахъ. *) Вердиктъ присяжныхъ долженъ быть единогласнымъ. Если присяжные не пришли къ единогласному заключенію въ самой залѣ засѣданія, то они удаляются для совѣщанія въ особую комнату; если же они и здѣсь не придутъ послѣ нѣкотораго времени къ единогласію, то судья можетъ ихъ распустить. **) Кромѣ того, если судья находитъ, что присяжные ошиблись, онъ имѣетъ право, какъ въ случаѣ обвиненія, такъ и оправданія, требовать отъ нихъ новаго совѣщанія. Поэтому освобождать преступника отъ наказанія вопреки закону англійскимъ присяжнымъ чрезвычайно трудно. Они не могутъ даже давать снисхожденія преступнику; имъ предоставлена только судебною практикой возможность ходатайствовать о помилованіи. ***) Подсудимому же, въ случаѣ обвинительнаго вердикта, предоставлено право жалобы высшему суду на несоблюденіе закона, но не иначе какъ съ согласія генеральнаго атторнея. Впрочемъ и судья можетъ передавать вопросы о правѣ на разрѣшеніе высшаго суда, который рѣшаетъ ихъ безаппелляціонно. ****) Вообще въ Англіи нѣтъ сложной вопросной системы, не допускаются вовсе при судебномъ состязаніи недоказательныя улики и постороннія обстоятельства, и весь процессъ съ присяжными отличается крайнею простотой. *****)

Совершенно въ другомъ видѣ представляется французскій судъ присяжныхъ. Вѣрный своему революціонному происхожденію, онъ доселѣ сохраняетъ не столько юридическій, сколько политическій характеръ, именно: характеръ гарантіи подсудимыхъ относительно назначаемыхъ правительствомъ судей. Поэтому онъ имѣлъ примѣненіе только къ дѣламъ уголовнымъ; но

---

*) Fonblanque; chap. XXI. *De la preuve en justice.*

**) Fonblanque, стр. 228.

***) Démombynes, т. I, стр. 74, и *Европейскіе и Американскіе судьи присяжныхъ*, Миттермайера, выпускъ второй, стр. 553.

****) Démombynes, т. I, стр. 74.

*****) Въ Шотландіи присяжные произносятъ вердиктъ по большинству голосовъ, и имѣютъ право давать одинъ изъ трехъ отвѣтовъ: подсудимый виновенъ, или невиновенъ, или преступленіе не доказано. Démombynes, т. I, стр. 76 и 80.

и въ этой сферѣ предѣлы его компетентности постоянно видоизмѣнялись подъ вліяніемъ борьбы партій. *) Вмѣстѣ съ тѣмъ, во Франціи, при существованіи всеобщей подачи голосовъ, не полагается никакого ценза для присяжныхъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, а также членовъ палаты депутатовъ и сената, присяжнымъ здѣсь можетъ быть всякій, отъ тридцати до семидесяти лѣтъ отъ роду, умѣющій читать и писать, пользующійся политическою, гражданскою и семейною правоспособностью, имѣющій постоянное пребываніе въ департаментѣ, если онъ не состоитъ поденщикомъ или въ качествѣ прислуги на жалованьѣ у другаго лица. Приготовительный списокъ въ каждомъ кантонѣ составляется коммиссіей, въ составъ коей входятъ мировой судья (назначаемый и смѣняемый правительствомъ), мѣстный меръ (тоже назначавшійся до семидесятыхъ годовъ правительствомъ) и два муниципальные совѣтника. Этотъ списокъ передается окружной коммиссіи (comission d'arrondissement), состоящей изъ предсѣдателя суда 1-й степени, мировыхъ судей и генеральныхъ совѣтниковъ округа. Такъ какъ за отсутствіемъ ценза, число лицъ, имѣющихъ право быть присяжными, чрезвычайно значительно, то въ списки записываютъ только по одному на 500 жителей (въ Парижѣ нѣсколько больше). Но окружная коммиссія можетъ включить и новыхъ лицъ, впрочемъ не болѣе четверти сравнительно съ числомъ первоначальнаго списка; кромѣ того, она составляетъ запасный списокъ пятидесяти присяжныхъ изъ числа лицъ, проживающихъ въ томъ городѣ, гдѣ собирается судъ присяжныхъ. Изъ окружныхъ списковъ составляется департаментскій. Такимъ образомъ присяжные во Франціи назначаются не изъ извѣстной категоріи гражданъ, какъ въ Англіи, а изъ общей массы населенія, хотя и при непосредственномъ участіи судебныхъ органовъ.

При открытіи суда назначаются для засѣданія тридцать шесть присяжныхъ; если же кто изъ нихъ отсутствуетъ, то замѣняется изъ запасныхъ; послѣ отводовъ остается только двѣнадцать. Вознагражденія имъ не полагается. Быть присяжнымъ считается не столько обязанностью, какъ въ Англіи, сколько политическимъ правомъ.

Подсудимый, независимо отъ того, признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ, предается суду присяжныхъ обвинительною

---

*) Еще недавно судъ присяжныхъ распространенъ во Франціи на преступленія политическія и на закононарушенія по дѣламъ печати.

камерой, состоящею изъ назначенныхъ правительствомъ судей. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть аппелляціонная палата, засѣданія съ присяжными происходятъ въ присутствіи трехъ совѣтниковъ этой палаты, изъ числа коихъ одинъ предсѣдаетъ; въ другихъ же мѣстахъ, въ присутствіи отряжаемыхъ для сей цѣли: совѣтника палаты, въ качествѣ предсѣдающаго, и двухъ судей первой инстанціи, назначаемыхъ обыкновенно изъ числа предсѣдателей и судей мѣстныхъ *окружныхъ* судовъ. Судебнымъ засѣданіемъ руководитъ предсѣдатель, который производитъ судебное слѣдствіе, самъ допрашивая подсудимаго и свидѣтелей, съ участіемъ впрочемъ обвинителя и защитника. Подсудимый всегда долженъ имѣть защитника. Во время судебнаго состязанія обвиненіе приводитъ противъ подсудимаго свѣдѣнія о его прежней судимости, а защита ссылается на нравственныя свойства, событія жизни и семейное положеніе подсудимаго, чтобы подѣйствовать на впечатлительность присяжныхъ въ пользу своего кліента.

По окончаніи преній, *) предсѣдатель передаетъ присяжнымъ списокъ вопросовъ, нерѣдко впрочемъ предварительно видоизмѣненныхъ по заявленіямъ обвиненія и защиты. Эти вопросы, не касаясь закона, ограничиваются только фактами обвиненія, но отличаются крайнею многосложностью. Присяжные, при произнесеніи своего вердикта, не стѣснены вовсе правилами о доказательствахъ; они даютъ *большинствомъ голосовъ* положительные или отрицательные отвѣты. Въ послѣднемъ случаѣ, или въ случаѣ равенства голосовъ, подсудимый освобождается отъ суда; но и при обвинительномъ вердиктѣ присяжные могутъ признать за подсудимымъ смягчающія обстоятельства. На основаніи обвинительнаго вердикта судьи произносятъ, согласно закону, приговоръ, по которому, въ случаѣ признанія присяжными смягчающихъ обстоятельствъ, назначается подсудимому только уменьшенное наказаніе. На приговоръ присяжныхъ жалобы не допускается вовсе; возможна только кассація, если были нарушены формальности процедуры, имѣющая посему чисто случайный характеръ. Но судьи, въ случаѣ *обвинительнаго* вердикта, могутъ признать его неправильнымъ и, пріостановившись постановленіемъ приговора, передать дѣло новому составу присяжныхъ и на этотъ разъ уже окончательно. **)

*) Резюме предсѣдателя послѣ окончанія преній отмѣнено закономъ, изданнымъ въ маѣ 1881 года.

**) Démombynes, т. II, стр. 124—129. *L'Organisatio française*, стр. 291—295.

Поэтому французскіе присяжные могутъ безаппелляціонно произносить вердикты не только вопреки закону, который для нихъ не существуетъ, но и вопреки фактической, доказанной судебнымъ слѣдствіемъ очевидности, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, не имѣющихъ, прямой связи съ предметомъ обвиненія, каковы, напримѣръ, политическое настроеніе, нервная впечатлительность, особенно же ловкая рѣчь адвоката. Съ другой стороны, многовопросная система, и безусловное отдѣленіе вопросовъ права отъ вопросовъ о фактѣ, препятствуютъ здѣсь нерѣдко присяжнымъ ясно понимать дѣло. Причины всѣхъ этихъ неудобствъ кроются въ политическомъ характерѣ института французскихъ присяжныхъ, и всѣ попытки къ устраненію этихъ неудобствъ встрѣчаютъ препятствіе въ опасеніи нарушить самостоятельность этого института. Даже участіе судебныхъ органовъ въ составленіи первоначальныхъ и окружныхъ списковъ присяжныхъ не измѣняетъ этого порядка вещей. Такимъ образомъ институтъ присяжныхъ въ той формѣ, какъ онъ развился во Франціи, не восполняетъ, но упраздняетъ самодѣятельность государственнаго суда, посредствомъ элементовъ, отнюдь не обезпечивающихъ правильнаго примѣненія юридическихъ началъ въ сферѣ уголовной юстиціи.

II.

Въ другія европейскія государства институтъ присяжныхъ перенесенъ не изъ Англіи, но изъ Франціи и, какъ выше сказано, тоже подъ вліяніемъ революціонныхъ переворотовъ. Собственно первоначальное введеніе института присяжныхъ въ средней и южной Европѣ послѣдовало еще въ 1848 году; затѣмъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ, онъ былъ отмѣненъ и потомъ снова введенъ въ измѣненной формѣ—*лишь за нѣсколько лѣтъ до нашей судебной реформы;* но и *послѣ нея* онъ опять подвергался разнымъ кореннымъ перемѣнамъ.

Вотъ тѣ главные вопросы, на которые было обращаемо при этомъ вниманіе какъ законодательныхъ палатъ, такъ и представителей юридической науки: слѣдуетъ ли примѣнять институтъ присяжныхъ ко всѣмъ уголовнымъ дѣламъ или только къ дѣламъ особой категоріи; не уничтожаетъ ли этотъ институтъ выработанной вѣками юридической науки, предоставляя рѣшать судьбу подсудимыхъ не юристамъ, а людямъ несвѣдущимъ; въ

какихъ взаимныхъ отношеніяхъ должны находиться присяжные и государственные судьи-юристы; можно ли отдѣлять сужденіе о фактѣ отъ разсмотрѣнія факта съ точки зрѣнія положительнаго закона; должны ли подлежать присяжные цензу и какому: политическому или спеціально имущественному, или цензу по способностямъ; слѣдуетъ ли присяжныхъ выбирать съ участіемъ или безъ участія привительственныхъ органовъ, судебныхъ и административныхъ; кѣмъ, въ какой формѣ и въ какой именно моментъ уголовнаго процесса должны быть поставляемы присяжнымъ вопросы; должны ли присяжные произносить свои вердикты единогласно или по простому большинству, или по большинству двухъ третей голосовъ; подлежитъ ли приговоръ присяжныхъ обжалованію; къ чему болѣе склонны присяжные въ разныхъ государствахъ: къ обвиненію или къ оправданію; слѣдуетъ ли присяжнымъ предоставлять право давать, по собственной иниціативѣ, снисхожденіе подсудимому; наконецъ, вездѣ ли, и при какихъ именно условіяхъ, введеніе суда присяжныхъ обѣщаетъ благопріятные результаты.

Замѣчательно, что большинство ученыхъ авторитетовъ высказались при этомъ противъ французскаго и въ пользу англійскаго типа присяжныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже категорически заявили свое мнѣніе вообще противъ этого института, предлагая замѣнить присяжныхъ судьями-юристами или шеффенами. И всѣ эти выводы были предложены вовсе не какъ послѣднее слово науки, а лишь въ формѣ заключеній, подлежащихъ еще дальнѣйшему обсужденію. Подробности этой полемики были резюмированы въ сочиненіи Миттермайера: *Европейскіе и Американскіе суды присяжныхъ*, вышедшемъ нѣсколько лѣтъ *позднѣе* нашихъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Перемѣны, коимъ этотъ институтъ въ то же самое время подвергался въ главныхъ государствахъ Европы, все болѣе и болѣе удаляли его отъ французскаго типа; нынѣшняя же форма института присяжныхъ въ Италіи, Германіи и Австріи установилась лишь въ семидесятыхъ годахъ, то-есть почти цѣлымъ *десятилѣтіемъ послѣ* нашей судебной реформы *).

---

*) Впрочемъ, въ Бельгіи институтъ присяжныхъ удалился отъ французскаго типа гораздо раньше. Тамъ, по закону 1869 года, присяжнымъ можетъ быть лишь тотъ, кто не только пользуется политическимъ полноправіемъ, но сверхъ того платитъ прямыхъ податей, сообразно мѣстнымъ узаконеніямъ разныхъ провинцій, отъ 90 до 250 франковъ въ

Въ Италіи, въ этомъ главномъ послѣ Франціи государствѣ Романскаго племени, судъ присяжныхъ былъ первоначально введенъ въ 1848 году только въ Сардинскомъ королевствѣ, и лишь для процессовъ печати, но потомъ было примѣненъ ко всѣмъ уголовнымъ и политическимъ преступленіямъ. По уголовному уставу, получившему силу 20 ноября 1859 года и распространенному на присоединенныя въ это время къ Сардинскому королевству италіянскія провинціи, присяжными могли быть всѣ граждане, умѣющіе читать и писать, достигшіе 30 лѣтъ отъ роду и имѣющіе право быть политическими избирателями, *) то-есть всѣ тѣ которые, независимо отъ другихъ установленныхъ закономъ условій, уплачивали ежегодно прямыхъ налоговъ не менѣе 40 лиръ. **) Кромѣ того, къ числу присяжныхъ причислены разныя лица на основаніи *ценза по способностямъ*: члены академій, профессора университетовъ и нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній, гражданскіе и военные чины (послѣдніе—когда они внѣ дѣйствительной службы), нотаріусы, адвокаты и нѣкоторые другіе. Первоначальный списокъ присяжныхъ подлежалъ троекратному сокращенію, покуда изъ него не составлялся окончательный. Прежде всего онъ сокращался общинною коммиссіей, потомъ провинціальнымъ совѣтомъ, которому было предоставлено право вычеркивать четвертую часть внесенныхъ въ списокъ присяжныхъ, и наконецъ губернаторомъ (governatore), коему было предоставлено то же право ***).

Такимъ образомъ, хотя институтъ италіянскихъ присяжныхъ оставался въ другихъ отношеніяхъ вѣрнымъ французскому типу, но еще до семидесятыхъ годовъ онъ отличался отъ послѣдняго тремя существенными особенностями: вопервыхъ, *имуществен-*

годъ. Списокъ же присяжныхъ, составляемый первоначально провинціальными совѣтами во время ихъ обыкновенныхъ засѣданій, передается затѣмъ предсѣдателю окружнаго суда, и онъ, при содѣйствіи двухъ судей, сокращаетъ его на половину. Этотъ уменьшенный списокъ поступаетъ потомъ къ первому предсѣдателю аппелляціонной палаты, который, при содѣйствіи двухъ членовъ, опять сокращаетъ его на половину. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ резюме предсѣдателя. Наконецъ, въ Бельгіи присяжнымъ не предоставлено вовсе права давать подсудимому снисхожденіе (Démombynes, т. I, стр. 225—227 и примѣчаніе къ стр. 225—226.

*) Миттермайеръ, выпускъ 2й, стр. 429.

**) Démombynes, т. 1й, стр. 279. Законъ 17 декабря 1860 года.

***) Миттермайеръ, выпускъ 2й, стр. 429—430.

нымъ цензомъ, вовторыхъ, *цензомъ по способностямъ*, и въ третьихъ, *участіемъ административной власти* въ составленіи списка присяжныхъ. Но и на этомъ дѣло не остановилось. Съ упроченіемъ Италіянскаго королевства продолжалось видоизмѣненіе института присяжныхъ сообразно условіямъ мѣстной жизни, и 8 іюня 1874 года состоялся новый законъ объ организаціи присяжнаго суда.

По ст. 2 этого закона, для присяжныхъ установленъ былъ особый, довольно высокій имущественный цензъ, и еще новый, весьма подробный цензъ по способностямъ. При условіи общей политической и гражданской правоспособности, имущественный цензъ, вмѣсто прежнихъ 40 лиръ, опредѣленъ въ 100, 200 и 300 лиръ *). Сверхъ того, независимо отъ ценза, причислены были къ присяжнымъ, кромѣ уломянутыхъ въ законѣ 1859 года лицъ, еще слѣдующія:

1) Сенаторы и делутаты, бывшіе и настоящіе (послѣдніе, когда нѣтъ сессій); 2) директоры учебныхъ заведеній; 3) доктора, bakkалавры, лиценціаты и вообще лица имѣющія дипломы и аттестаты какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній; 4) правительственные чиновники, получающіе не менѣе 2.000 лиръ жалованья или 1.000 лиръ ленсіи въ годъ; **) 5) авторы изданныхъ въ свѣтъ ученыхъ и литературныхъ произведеній; 6) инженеры, архитекторы, землемѣры; 7) врачи, формацевты и ветеринары, гдѣ ихъ болѣе чѣмъ по одному въ общинѣ; 8) бывшіе и настоящіе провинціальные совѣтники, всѣ меры и бывшіе муниципальные совѣтники общинъ, въ которыхъ не менѣе 3.000 жителей; 9) бывшіе согласители (conciliatori ***); 10) члены земледѣльческихъ и коммерческихъ палатъ, морскіе инженеры и стро-

---

*) На основаніи этого закона присяжными обязаны быть всѣ тѣ, кто согласно закону о политической избираемости платитъ ежегодно прямаго налога: 300 лиръ—въ общинѣ съ населеніемъ не менѣе 100.000 жителей, 200 лиръ—въ общинахъ съ населеніемъ не менѣе 50.000 жителей и 100 лиръ въ прочихъ общинахъ.

**) Не состоятъ присяжными только слѣдующія должностныя лица: министры, генеральные секретари, директоры отдѣловъ въ министерствахъ, члены государственнаго совѣта и счетной палаты, префекты и подпрефекты, чины судебные, полицейскіе, таможенные, почтъ и телеграфовъ, равно по сбору податей, наконецъ чиновники, занимающіе такія должности, по которымъ нѣтъ помощниковъ по штату. Не состоятъ присяжными и члены духовенства.

***) См. Гл. IV.

ители, маклера и бержевые агенты, директоры и предсѣдатели земледѣльческихъ съѣздовъ; 11) директоры и предсѣдатели признанныхъ правительствомъ банковъ въ городахъ, имѣющихъ не менѣе 6.000 жителей, равно члены наблюдательныхъ и ревизіонныхъ коммиссій при кредитныхъ и другихъ публичныхъ учрежденіяхъ; 12) чиновники провинціальныхъ и муниципальныхъ учрежденій, директоры и служащіе въ благотворительныхъ зъведеніяхъ; 13) служащіе вообще въ кредитныхъ. коммерческихъ и сберегательныхъ кассахъ, въ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ компаніяхъ и во всѣхъ утверждаемыхъ правительствомъ частныхъ учрежденіяхъ, какъ скоро они получаютъ не менѣе 3.000 лиръ жалованья или 1.500 лиръ ленсіи въ годъ, и др.

Отсюда видно, что въ Италіи, изъ общей массы политически и гражданскн полноправныхъ гражданъ, привлечено къ отправленію обязанности присяжныхъ только болѣе или менѣе имущественное и интеллигентное меньшинство, а малоимущая и неразвитая масса вовсе устранена, такъ что условіемъ отбыванія этой обязанности представляется уже не политическое право, но особое имущественное и общественное положеніе, обезпечивающее за присяжнымъ не только практическое пониманіе дѣла, но, до нѣкоторой степени, знакомство съ элементарными законоположеніями, а практически даже съ главными правовыми воззрѣніями.

Затѣмъ составленіе списка присяжныхъ видоизмѣнено было по закону 1874 года слѣдующимъ образомъ:

Первоначальные списки присяжныхъ составляются ежегодно коммиссіей изъ синдика, членовъ муниципальнаго совѣта и согласителей (conciliatori). Означенные списки передаются синдиками, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, коммиссіи изъ претора (окружнаго судьи) и всѣхъ синдиковъ округа (mandamento) для составленія окружныхъ списковъ. Эти вторые списки публикуются и поступаютъ къ предсѣдателю судебнаго трибунала, который передаетъ ихъ префекту или подпрефекту, послѣ чего окружные списки препровождаются въ третью коммиссію, гдѣ засѣдаютъ, въ предсѣдательствѣ старшаго судьи трибунала, три провинціальные совѣтника, ежегодно для сей цѣли избираемые провинціальнымъ совѣтомъ. Здѣсь составляется общій, окончательный списокъ присяжныхъ, причемъ принимаются во вниманіе какъ отзывы

*) Вмѣстѣ съ тѣмъ, закономъ 1874 года подтверждено условіе, что присяжные должны умѣть читать и писать, а возрастъ ихъ опредѣленъ отъ 25 до 65 лѣтъ.

префекта или подпрефекта, такъ и возраженія заинтересованныхъ лицъ, и устраняются изъ списка лица, признаваемыя коммиссіей неспособными къ отправленію обязанности присяжныхъ. Но рѣшенія этой коммиссіи могутъ быть обжалованы предъ аппелляціонною палатой. Minimum присяжныхъ опредѣленъ отъ 100 до 1.000 для каждаго округа, смотря по его населенности.

Такимъ образомъ, въ Италіи не только самый составъ присяжныхъ совершенно иной, чѣмъ во Франціи, но и назначеніе присяжныхъ предоставлено коммисіямъ, въ которыхъ хотя и засѣдаютъ представители мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, но дѣятельная роль предоставлена представителямъ трехъ судебныхъ инстанцій съ участіемъ администраціи.

Наконецъ, ассизный судъ съ присяжными состоитъ здѣсь, какъ и во Франціи, въ предсѣдательствѣ совѣтника аппелляціонной палаты, изъ двухъ членовъ мѣстнаго трибунала; но въ 1880 году внесенъ былъ въ Италіянскій парламентъ проектъ закона, которымъ предполагается отмѣнить этихъ трехъ засѣдателей, съ назначеніемъ предсѣдателю помощника лишь на случай продолжительнаго судебнаго разбирательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду, вмѣсто допроса посредствомъ предсѣдателя предоставить допросъ свидѣтелей обвинителю и защитнику. Этими предположеніями италіянскій судъ присяжныхъ, приближаясь до нѣкоторой степени къ англійскому типу, удалялся еще болѣе, нежели по своему составу, отъ французскаго. Тѣмъ же самымъ проектомъ обязанность первоначально формулировать вопросы присяжнымъ возлагалась на обвинительную власть *).

Обратимся теперь къ видоизмѣненіямъ французскаго типа присяжныхъ въ государствахъ германскаго племени. Тутъ, на западной окраинѣ, въ такъ-называемыхъ рейнскихъ провинціяхъ (Rheinpreussen, Rheinbayern и Rheinhessen) институтъ присяжныхъ французскаго типа существовалъ еще до 1848 года. Опираясь на замѣчательное культурное развитіе мѣстнаго населенія, онъ дѣйствовалъ довольно успѣшно. Но революціонная партія въ 1848—1849 годахъ потребовала во Франкфуртскомъ и мѣстныхъ парламентахъ повсемѣстнаго введенія института присяжныхъ въ Германіи, и извѣстно, какъ это требованіе было тогда быстро исполнено всѣми германскими правительствами. Такимъ образомъ здѣсь, по словамъ Миттермайера, „введеніе института присяжныхъ произошло совершенно *неожиданно*, и притомъ въ

*) Démombynes, т. I, стр. 325—329.

то время, когда *ощущался недостатокъ въ необходимой подготовкѣ къ этому дѣлу*. Составленіе новыхъ проектовъ въ нѣкоторыхъ государствахъ было предоставлено *лицамъ, служащимъ въ министерствахъ*, изъ коихъ нѣкоторыя были или противниками суда присяжныхъ, или же *знали только такія его формы, въ которыхъ онъ былъ введенъ во Франціи и на Рейнѣ*. Знакомство съ предметомъ пріобрѣли они большею частію *изъ немногихъ книгъ*, или же *изъ поверхностнаго наблюденія* надъ *нѣкоторыми* производившимися во Франціи или на Рейнѣ уголовными дѣлами". Понуждаемыя камерами правительства германскихъ государствъ, въ силу даннаго ими обѣщанія, должны были *ускорить* составленіе предположеній о присяжныхъ, но труды эти при недостаточной подготовкѣ, не могли быть основательны. Въ очень многихъ государствахъ, въ томъ числѣ въ Баваріи и Виртембергѣ, въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ и въ Нассау, удовольствовались только предписаніемъ о введеніи суда присяжныхъ и присяжнаго судопроизводства *); такимъ же слѣшнымъ и неполнымъ явился и законъ 3 января 1849 года, которымъ введенъ былъ институтъ присяжныхъ въ Пруссіи **). Только въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ Австріи, Ганноверѣ, Тюрингенскихъ земляхъ, изданы были болѣе полные уставы судопроизводства, съ которыми приведено было въ соглашеніе и новое судоустройство ***).

Начиная съ 1859 года, французскій типъ суда присяжныхъ въ Германіи замѣняется новыми формами, болѣе соотвѣтствующими кореннымъ условіямъ національной жизни. Къ этому именно времени относится составленіе тѣхъ уставовъ, которые подробно разбираетъ Миттермайеръ въ своемъ сочиненіи, и которые дѣйствовали въ Германіи въ шестидесятыхъ и въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія †).

Съ образованіемъ Германской имперіи возникло стремленіе къ объединенію германскаго уголовнаго судопроизводства, и вопросъ о присяжныхъ возникъ съ новою силой, причемъ стали раздаваться настоятельные голоса о замѣнѣ присяжныхъ шеффенами †*). Послѣдствіемъ обсужденія этого вопроса въ имперскомъ

*) Миттермайеръ, выпускъ первый, стр. 174—175.

**) Ibidem, стр. 179.

***) Ibidem, стр. 175

†) Ibidem, стр. 13—21.

†*) Шеффены—засѣдатели изъ мѣстныхъ обывателей, которые, въ числѣ двухъ, призываются для разбора, совмѣстно съ окружнымъ судьей Amtsrichter), менѣе важныхъ уголовныхъ законопарушеній.

и мѣстныхъ парламентахъ, равно какъ въ юридической печати, была реформа суда присяжныхъ. Закономъ 26 февраля 1876 года былъ измѣненъ, дополненъ и приноровленъ къ институту присяжныхъ уголовный кодексъ Имперіи (изданный первоначально 15 мая 1871 года); затѣмъ закономъ 27 января 1877 года о судебной организаціи и закономъ 1 февраля того же года объ уголовномъ судопроизводствѣ, дѣйствующими доселѣ на всемъ пространствѣ Германіи, дана институту присяжныхъ его настоящая форма *).

На основаніи этихъ узаконеній, присяжные избираются теперь въ Германіи изъ общаго списка шеффеновъ. Ежегодно, въ каждой общинѣ, составляется списокъ лицъ, способныхъ къ отправленію этой обязанности. Въ него включаются всѣ полноправные граждане, въ возрастѣ отъ 30 до 65 лѣтъ, проживающіе въ общинѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Освобождаются отъ обязанности быть шеффенами занимающіе разныя должности въ государственной службѣ, члены законодательныхъ палатъ, врачи, фармацевты, духовные, военные въ дѣйствительной службѣ, инспекторы первоначальнаго обученія и т. п. Вовсе не вносятся въ списокъ получавшіе въ теченіе трехъ предшедшихъ лѣтъ общественное пособіе, также тѣлесно и душевно больные и прислуга **). Составленный въ общинѣ списокъ публикуется и послѣ восьми дней передается, вмѣстѣ съ предъявленными противъ него возраженіями, окружному судьѣ (Amtsrichter), въ рукахъ коего сосредоточиваются всѣ общинные списки округа. Коммиссія, состоящая изъ окружнаго судьи, правительственнаго чиновника и семи избранныхъ общинами и округомъ довѣренныхъ лицъ (Vertrauensmänner), произноситъ окончательное рѣшеніе по этимъ возраженіямъ и составляетъ окружный списокъ шеффеновъ ***).

Изъ окружнаго списка шеффеновъ та же коммиссія составляетъ окружной списокъ присяжныхъ, число коихъ опредѣляется различно въ отдѣльныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ Имперіи, но такимъ образомъ, чтобы число назначаемыхъ коммиссіей присяжныхъ превышало въ три раза число, необходимое

---

*) Démombynes, т. II, стр. 746.

**) Умѣніе читать и писать не значится въ числѣ условій для отбыванія обязанности шеффеномъ и присяжныхъ, потому что, при обязательности въ Германіи первоначальнаго обученія, это само собою разумѣется.

***) Démombynes, т. II, стр. 756—758.

для каждаго округа. Этотъ списокъ передается областному суду (Landgericht), который выбираетъ изъ списка необходимое число очередныхъ и запасныхъ присяжныхъ, вносимыхъ затѣмъ въ особые годовые списки. Изъ годовыхъ списковъ назначаются по жребію, по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до каждой сессіи, тридцать присяжныхъ, изъ числа коихъ, послѣ отводовъ по требованію сторонъ во время судебнаго засѣданія, и остается двѣнадцать присяжныхъ для разбора дѣла. Присяжные, подобно шеффенамъ, получаютъ вознагражденіе за путевыя издержки.

Ассизный судъ, въ которомъ участвуютъ присяжные, состоитъ изъ предсѣдателя и двухъ судей. Предсѣдатель назначается для каждой сессіи президентомъ высшаго областнаго трибунала (Oberlandgericht) изъ числа членовъ высшаго или областнаго суда, а судьи—изъ членовъ послѣдняго, по выбору его президента. Предсѣдатель допрашиваетъ подсудимаго, свидѣтелей и экспертовъ, предоставляя впрочемъ обвиненію и защитѣ спрашивать ими вызванныхъ свидѣтелей и экспертовъ. *Послѣ допроса* предсѣдатель формулуетъ и прочитываетъ вопросы присяжнымъ; вопросы эти могутъ быть видоизмѣнены по заявленію сторонъ. Затѣмъ происходитъ судебное преніе между обвиненіемъ и защитой. Наконецъ, предсѣдатель произноситъ резюме, *не входя однако въ оцѣнку доказательствъ*; онъ указываетъ только присяжнымъ *на положенія закона*, которыми они должны руководиться, и это резюме не можетъ быть оспариваемо сторонами.

Обвинительный вердиктъ присяжныхъ долженъ быть постановленъ болѣе чѣмъ шестью, а въ случаѣ отказа въ признаніи за обвиненнымъ смягчающихъ обстоятельствъ—болѣе чѣмъ семью голосами; но вопросъ о смягчающихъ обстоятельствахъ можетъ имѣть мѣсто не по иниціативѣ самыхъ присяжныхъ, а лишь въ томъ случаѣ, если онъ предложенъ предсѣдателемъ, на основаніи существующихъ въ законѣ указаній. Если судъ единогласно убѣжденъ, что присяжные ошиблись въ ущербъ подсудимому, то онъ можетъ передать дѣло новому составу присяжныхъ, во время другой сессіи, причемъ оно уже рѣшается окончательно. Въ случаѣ оправдательнаго вердикта, судъ освобождаетъ подсудимаго; если же вердиктъ обвинительный, то, по выслушаніи заключеній обвиненія и защиты о мѣрѣ взысканія, судъ постановляетъ приговоръ по закону. Что же касается до жалобы на приговоръ ассизнаго суда, то она допускается въ высшій судъ Имперіи: для подсудимыхъ—въ формѣ ходатайства о ревизіи приговора въ случаѣ нарушенія закона, а для обвинительной власти—какъ протестъ

противъ нарушенія формъ судопроизводства. Ходатайство о ревизіи имѣетъ здѣсь тѣмъ болѣе значенія, что соображенія о правовыхъ отношеніяхъ не отдѣлены въ нѣмецкомъ институтѣ присяжныхъ отъ сужденія о фактѣ преступленія, такъ какъ эти соображенія входятъ путемъ предсѣдательскаго резюме и въ компетентность самихъ присяжныхъ *).

Слѣдовательно, въ Германіи, какъ и во Франціи, особаго ценза для присяжныхъ не полагается, но это обстоятельство коренится здѣсь не въ политическихъ послѣдствіяхъ права всеобщей подачи голосовъ, какъ во Франціи, а исключительно въ распространенности образованія даже въ низшихъ слояхъ населенія, почему и не возбуждаетъ особыхъ затрудненій. Съ другой стороны, въ Германіи, при составленіи списка шеффеновъ, изъ которыхъ судомъ назначаются присяжные, предоставленъ голосъ администраціи, а при составленіи списка очередныхъ присяжныхъ—рѣшаетъ судебная власть.

Таковы были видоизмѣненія французскаго типа присяжныхъ, введенныя въ семидесятыхъ годахъ въ главныхъ государствахъ Романскаго и Германскаго племени. Чтобы дополнить нашъ очеркъ, необходимо познакомиться съ организаціей института присяжныхъ въ Австріи, которая составляетъ въ Западной Европѣ главное государство со смѣшаннымъ, между прочимъ и нѣмецко-славянскимъ населеніемъ.

Выше было уже сказано, что, подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній 1848—1849 годовъ, этотъ институтъ былъ введенъ и въ Австріи, но что въ 1853 году онъ былъ тамъ отмѣненъ. Затѣмъ онъ былъ введенъ снова въ Австрійской половинѣ монархіи, но окончательную свою организацію получилъ здѣсь лишь по закону 23 мая 1873 года.

По этому закону, чтобы быть присяжнымъ, необходимо имѣть отъ тридцати до шестидесяти лѣтъ отъ роду, умѣть читать и писать, пользоваться правомъ гражданства въ одной изъ общинъ области, посылающей представителей въ рейхсратъ, имѣть въ теченіи двухъ лѣтъ пребываніе въ одной и той же мѣстности, платить въ годъ отъ десяти до двадцати флориновъ (смотря по мѣстнымъ условіямъ) прямыхъ налоговъ, или быть адвокатомъ, нотаріусомъ, профессоромъ или преподавателемъ въ высшей или средней школѣ, или, наконецъ, имѣть докторскій дипломъ отъ одного изъ австрійскихъ университетовъ. Освобождены отъ

*) Démombynes, т. II, стр. 774—779 и 772.

обязанностей присяжныхъ: члены провинціальныхъ сеймовъ, рейхсрата и делегацій во время ихъ сессій; разные государственные чины, всѣ лица, покуда они подлежатъ воинской повинности, военные, пока они на дѣйствительной службѣ; придворные; тѣ изъ профессоровъ, преподавателей, врачей, хирурговъ и фармацевтовъ, которые представятъ свидѣтельство отъ своего или городскаго начальства, что ихъ занятія препятствуютъ явиться по призыву въ судъ; духовные признанныхъ правительствомъ исповѣданій, учителя элементарныхъ школъ, служащіе на почтѣ, при телеграфахъ, желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ.

Каждый годъ, въ сентябрѣ, списокъ гражданъ, способныхъ быть присяжными, составляется предсѣдателемъ муниципальнаго управленія съ участіемъ избираемыхъ имъ для сей цѣли двухъ членовъ общиннаго представительства. Этотъ первоначальный списокъ выставляется публично въ теченіе восьми дней, и предъявляемыя противъ него возраженія обсуждаются тѣми же лицами, которыми списокъ былъ составленъ, но ихъ заключенія могутъ быть обжалованы. Исправленные общинные списки передаются президенту округа (а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, управляемыхъ по особымъ статутамъ, прямо предсѣдателю суда первой степени). Президентъ округа повѣряетъ списки и можетъ возвращать ихъ муниципальнымъ управленіямъ для исправленія; затѣмъ онъ отсылаетъ списки предсѣдателю суда первой степени, указывая поименно тѣхъ гражданъ, коихъ онъ признаетъ наиболѣе способными къ исполненію обязанности присяжныхъ.

Посылаемый предсѣдателю суда первой степени списокъ разсматривается коммиссіей, состоящею изъ предсѣдателя того же суда и, по его выбору, изъ трехъ судей и трехъ мѣстныхъ нотаблей, въ присутствіи начальника области, которому предоставленъ совѣщательный голосъ. Здѣсь составляется, по большинству голосовъ, окончательный списокъ присяжныхъ, и особый для запасныхъ, но при этомъ не допускается уже никакихъ жалобъ. Первоначальный списокъ, передаваемый предсѣдателю суда, долженъ заключать въ себѣ не менѣе 800 присяжныхъ; въ противномъ случаѣ предсѣдатель требуетъ отъ общинныхъ управленій дополнительныхъ списковъ; при этомъ цензъ можетъ быть пониженъ до пяти флориновъ.

За двѣ недѣли до открытія ассизовъ назначаются, въ публичномъ засѣданіи суда, по жребію, 36 присяжныхъ и 9 запасныхъ. Присяжные, проживающіе на разстояніи одной мили и далѣе отъ мѣста засѣданія ассизнаго суда, имѣютъ право на вознагражде-

ніе за проѣздъ. Наконецъ, въ судебномъ засѣданіи, послѣ отводовъ, остаются только 12 присяжныхъ.

Составъ ассизнаго суда и порядокъ допроса въ Австріи тотъ же, что̀ и въ Германіи. Вопросы присяжныхъ формулируются и здѣсь послѣ допроса и до судебнаго состязанія; но защита, во время состязанія, можетъ указывать на законныя послѣдствія обвинительнаго вердикта. По окончаніи состязанія, предсѣдатель произноситъ резюме, въ которомъ, повторивъ всѣ приведенныя доказательства pro и contra, объясняетъ присяжнымъ какъ закономъ опредѣленные признаки преступнаго дѣянія, такъ и смыслъ юридической терминологіи, заключающейся въ вопросахъ.

Для обвинительнаго вердикта, и по вопросу о смягчающихъ обстоятельствахъ, если только таковой былъ предложенъ присяжнымъ, требуется отъ присяжныхъ двѣ трети голосовъ. Если въ средѣ присяжныхъ, при соображеніи отвѣтовъ на предложенные вопросы, возникнетъ какое-либо сомнѣніе, то предсѣдатель ассизнаго суда, по просьбѣ старшины присяжныхъ, имѣетъ право явиться въ ихъ камеру, въ сопровожденіи секретаря, публичнаго обвинителя и защитника, и дать необходимое разъясненіе (во Франціи, по принятому обычаю, предсѣдатель, по приглашенію старшины присяжныхъ, можетъ, въ этомъ случаѣ, войти въ камеру одинъ).

По австрійскимъ законамъ, на приговоры ассизнаго суда допускается не то̀лько кассація въ кассаціонный судъ, въ случаѣ нарушенія формъ или несоблюденія закона, но, по вопросу о примѣненіи наказанія, и аппелляція въ судъ 2й степени.

По закону 23 мая 1873 года судъ присяжныхъ можетъ быть отмѣняемъ въ извѣстной мѣстности, на извѣстное время, но не болѣе какъ на годъ, по всѣмъ или нѣкоторымъ преступленіямъ, „если произойдутъ такого рода событія, вслѣдствіе коихъ эта мѣра окажется необходимою, чтобъ обезпечить безпристрастное и независимое отправленіе правосудія“. Мѣра эта принимается по заключенію совѣта министровъ и должна, съ открытіемъ рейхсрата, подлежать его утвержденію *).

Отсюда видно, что институтъ присяжныхъ въ Австріи отличается отъ таковаго въ Германіи главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Австріи для присяжныхъ существуетъ, какъ въ Италіи, хотя въ значительно меньшихъ размѣрахъ, цензъ имущественный и

*) Démombynes, т. II, стр. 202—206 и примѣчанія на стр. 767, 777 и 779.

по способностямъ, причину чего слѣдуетъ искать и здѣсь въ недостаточности образованія большинства мѣстнаго населенія. Но какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи, основное отличіе отъ французскаго типа заключается, вопервыхъ, въ томъ, что при составленіи списка присяжныхъ органы правительственной власти занимаютъ весьма вліятельное положеніе; вовторыхъ въ томъ, что вопросы присяжныхъ формулируются не послѣ, но до судебнаго пренія; втретьихъ въ томъ, что здѣсь обсужденію присяжныхъ вопросъ о фактѣ предоставляется не безгранично, но въ смыслѣ дѣйствующихъ постановленій закона, чѣмъ и устраняется противорѣчіе вердикта присяжныхъ съ требованіями закона; вчетвертыхъ въ томъ, что присяжнымъ не предоставлено права, по собственному почину, смягчать наказаніе подсудимому, такъ какъ вопросъ о смягчающихъ обстоятельствахъ предлагается только по усмотрѣнію суда, въ указанныхъ закономъ случаяхъ; и, впятыхъ, въ томъ, что право жалобы на приговоры ассизныхъ судовъ здѣсь гораздо шире, чѣмъ во Франціи.

Такова, въ общихъ чертахъ, организація института присяжныхъ въ главныхъ европейскихъ государствахъ: въ Англіи и Франціи, въ Италіи и Германіи, наконецъ въ Австріи.

Мы не послѣдуемъ примѣру составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года и не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе этого института ни во второстепенныхъ и третьестепенныхъ (въ родѣ Брауншвейга) государствахъ Германіи до ея объединенія, ни на островѣ Мальтѣ, ни въ разныхъ кантонахъ Швецарской, ни въ разныхъ штатахъ Сѣверо-Американской республикъ (въ родѣ Женевы или Нью-Йорка). Также мало могутъ служить матеріяломъ для соображеній о введеніи института присяжныхъ въ Россіи и подробности о положеніи этого института въ Португаліи или Греціи, или въ недавно освободившихся отъ турецкаго ига Румыніи, Сербіи и Болгаріи. Для такого древняго, великаго и своеобразнаго государства какъ Россія, мы можемъ находить болѣе или менѣе полезныя указанія только въ древнихъ же, великихъ и не менѣе своеобразныхъ культурныхъ государствахъ Западной Европы, а не въ мелкихъ политическихъ особяхъ, самое существованіе которыхъ обусловливается совершенно исключительными причинами, и не въ реслубликахъ, а всего менѣе въ великой Заатлантической реслубликѣ, гдѣ плачевное состояніе правосудія, восполняемое нерѣдко закономъ Линча, есть самое темное пятно на фонѣ ея государственнаго и общественнаго быта.

Но нельзя не замѣтить, что если считать всѣ большія и мелкія, въ родѣ Брауншвейга, государства, то можно, пожалуй, утверждать, что институтъ присяжныхъ господствуетъ чуть не во всей Европѣ. Однако такое мнѣніе было бы вполнѣ невѣрно, и мы положительно недоумѣваемъ, почему составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года *ни единымъ словомъ* не упомянули въ своихъ соображеніяхъ о тѣхъ государствахъ, гдѣ *институтъ присяжныхъ вовсе или почти не имѣетъ примѣненія.*

Между тѣмъ такія государства занимаютъ довольно видное мѣсто. Мы уже не говоримъ о томъ, что судъ присяжныхъ существуетъ даже не во всѣхъ Швейцарскихъ кантонахъ. Но въ числѣ государствъ Романскаго племени нѣтъ присяжныхъ въ Испаніи, которая, несмотря на борьбу политическихъ партій, не можетъ быть безусловно исключена изъ числа культурныхъ европейскихъ государствъ и по своей исторіи и по своей привычкѣ къ мѣстному (муниципальному и провинціальному) самоуправленію, и по своей конституціи, но въ особенности по своему юридическому образованію, изстари тамъ распространенному *). Въ числѣ государствъ Германскаго племени нѣтъ присяжныхъ въ Голландіи, странѣ высоко образованной, отличающейся замѣчательнымъ благосостояніемъ и имѣющей почти республиканскую конституцію. Далѣе, во многоплеменной, но конституціонной Венгріи судъ присяжныхъ существуетъ только для дѣлъ печати. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ государства Скандинавскія: Данія, Швеція и Норвегія; къ нимъ слѣдуетъ причислить и Финляндію, которая хотя и входитъ въ составъ Россійской Имперіи, но имѣетъ особое государственное устройство. Въ этихъ государствахъ, составляющихъ, въ совокупности, весьма своеобразную и далеко не незначительную группу въ средѣ европейскихъ народовъ, преобладаетъ, какъ и въ Россіи, земледѣльческое населеніе, которое, особенно въ Швеціи, Норвегіи и Финляндіи, разбросано на большихъ пространствахъ, но относительно весьма образовано и, вмѣстѣ съ другими сословіями, пользуется всѣми правами какъ мѣстнаго, такъ и политическаго самоуправленія. Тѣмъ не менѣе здѣсь, въ силу своеобразныхъ историческихъ и національныхъ условій, вовсе нѣтъ института

*) Въ Испаніи, во время революціи 1869 года, введенъ былъ институтъ присяжныхъ, но въ 1875 году, съ возстановленіемъ монархической конституціи, онъ былъ отмѣненъ съ согласія кортесовъ, безо всякихъ серіозныхъ протестовъ.

присяжныхъ, и только въ Швеціи онъ существуетъ для дѣлъ печати *).

Сводя всѣ эти данныя къ одному знаменателю, нельзя не придти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Институтъ присяжныхъ органически возникъ и окончательно развился въ своеобразной формѣ только въ Англіи, гдѣ онъ и утратилъ уже свой первоначальный политическій оттѣнокъ, усвоивъ спеціальный характеръ аттрибута судебной власти, которую онъ тамъ восполняетъ, но отнюдь не упраздняетъ.

2) Перенесенный во Францію во время революціи, этотъ институтъ пріобрѣлъ и доселѣ тамъ сохраняетъ политическій, а посему и крайне неустойчивый характеръ, служа не восполненіемъ, но рѣшительнымъ противовѣсомъ авторитету положительнаго закона, а также и суда, какъ органа государственной власти.

3) Заимствованный, въ этомъ видѣ, другими государствами Западной Европы въ 1848—1849 году, институтъ присяжныхъ подвергся однако на этой новой почвѣ переработкѣ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, и, въ семидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, значительно удалился отъ французскаго типа.

4) Тѣмъ не менѣе судъ присяжныхъ не только въ Испаніи и Венгріи, но даже въ Голландіи и цѣлой группѣ Скандинавскихъ государствъ, до сихъ поръ не признается необходимымъ, какъ не соотвѣтствующій условіямъ ихъ внутренняго развитія.

5) Такъ какъ судъ присяжныхъ перенесенъ былъ въ Россію, въ 1864 году, то очевидно что онъ былъ заимствованъ нами изъ-за границы въ ту именно эпоху, когда въ Италіи, Германіи и Австріи онъ находился еще въ состояніи броженія, не успѣвъ еще освободиться отъ крайностей французскаго типа.

III.

При вводѣ въ нашу судебную реформу столь новаго учрежденія, какъ институтъ присяжныхъ, должно было ожидать, что составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года поступятъ въ этомъ случаѣ съ приличною законодателямъ осмотрительностью, и что всѣ ихъ доводы и выводы будутъ основаны не на личныхъ только

*) Démombynes, т. II, примѣчаніе къ стр. 123—124. Въ Даніи и Норвегіи для сужденія о тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ присоединяются къ суду особые засѣдатели въ родѣ шеффеновъ.

умозрѣніяхъ, но на положительныхъ заключеніяхъ науки и практики, на подробномъ изученіи и сравненіи иностранныхъ законодательствъ, наконецъ, на глубокомъ соображеніи условій нашей дѣйствительной жизни. Но, по общему вопросу о введеніи института присяжныхъ, мы ничего подобнаго въ комментаріяхъ къ основнымъ положеніямъ и къ судебнымъ уставамъ не встрѣчаемъ. Нѣкоторыя частности института присяжныхъ обсуждены были, какъ увидимъ ниже, весьма подробно, но объ основномъ характерѣ этого института, о поводахъ или препятствіяхъ къ его введенію упомянуто въ объясненіяхъ къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства, во главѣ о подсудности по роду преступленій, лишь на *четырехъ* страничкахъ, въ формѣ комментарія къ ст. 201 *).

Исходною точкой аргументаціи ко введенію этого института приняты были слѣдующія три условія „общаго довѣрія къ уголовному суду“:

1) Отдѣленіе въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи, съ предоставленіемъ разрѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ *судьямъ*;

2) *многочисленность* судей, принимающихъ участіе въ рѣшеніи дѣла, и

3) широкое право *отвода* судей, какъ обвиняемымъ, такъ и обвинителемъ.

Затѣмъ составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года переходятъ къ слѣдующимъ соображеніямъ:

„Если рѣшеніе вопросовъ о виновности и наказаніи принадлежитъ *однимъ и тѣмъ же судьямъ*, то судьи часто стараются опредѣлить степень вины такъ, чтобы подсудимый подлежалъ тому наказанію, которому судьи желали (?) его подвергнуть. Этимъ *искажается* правильность приговора, потому что отъ личнаго убѣжденія судьи можетъ зависѣть только разрѣшеніе вопроса о винѣ или невиновности подсудимаго, а отнюдь не вопроса о слѣдующемъ ему наказаніи. Преступленія преслѣдуются во имя государственныхъ интересовъ, и изобличенные преступники должны быть наказываемы по законамъ, утвержденнымъ верховною законодательною властью, а *не по произволу судей*. Поэтому *необходимость отдѣльнаго, и даже различными судьями, рѣшенія вопросовъ о виновности и о наказаніи представлялась всякій разъ*, когда какое-либо законодательство прихо-

*) Изданіе Государств. Канц. 1867 года, т. II, стр. 95—98.

дило къ сознанію, что первый изъ этихъ вопросовъ можетъ быть справедливо рѣшенъ только по совѣсти".

Такимъ образомъ составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года находятъ что какъ скоро судьѣ предоставлено рѣшать *совокупно* вопросъ о виновности и о наказаніи, то онъ въ этомъ случаѣ подводитъ не фактъ преступленія подъ законъ о наказаніи, но законъ о наказаніи подъ фактъ преступленія. Какимъ же образомъ допустили однако они сами подобное яко бы искаженіе правосудія, предоставляя совокупное разрѣшеніе вопроса о виновности и о наказаніи мировымъ судьямъ, а также окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ при обсужденіи извѣстнаго рода закононарушеній безъ участія присяжныхъ засѣдателей? И почему судьи, вопреки своей обязанности, должны „желать" подвергать виновныхъ наказанію „по своему произволу", а не по утвержденнымъ верховною властію законамъ? Такое дѣйствіе судей было бы очевидно неправильно и должно быть отстраняемо не институтомъ присяжныхъ, а предусмотрительными правилами закона и силою установленной надъ судьями дисциплинарной власти.

Учрежденіе присяжныхъ на Западѣ было вызвано прежде всего причинами политическими, и только отчасти заботой о томъ, чтобъ оцѣнка фактической стороны преступленія въ наиболѣе важныхъ случаяхъ находилась въ рукахъ людей, близко знакомыхъ съ условіями дѣйствительной жизни, но вовсе не неспособностію судей судить одновременно какъ о виновности, такъ и о мѣрѣ наказанія. При этомъ раздвоеніе судебной функціи, выразившееся въ отдѣленіи вердикта о виновности отъ опредѣленія наказанія, было только однимъ изъ послѣдствій, но не главною причиной введенія института присяжныхъ. Не мѣшаетъ также вспомнить, что въ Голландіи и въ Скандинавскихъ государствахъ признаніе виновности и опредѣленіе наказанія вовсе не составляетъ отдѣльныхъ функцій двухъ учрежденій, но предоставлено одному и тому же суду.

Далѣе, принципъ многочисленности лицъ, призванныхъ рѣшать вопросъ о виновности подсудимаго, выводится изъ того, что въ этомъ случаѣ каждый „судья даетъ мнѣніе по чистой совѣсти, *ничѣмъ* не стѣсняемой", то-есть не отѣсняясь *закономъ*. „Какъ это *единственное* (?) качество, которое требуется отъ мнѣнія судьи по означенному вопросу, и какъ поэтому сіе мнѣніе почитается *истиннымъ*, то отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе лицъ признаютъ по совѣсти вину или невиновность подсудимаго, тѣмъ

болѣе вѣроятія, что ихъ убѣжденіе есть истина дѣйствительная". Подобный доводъ въ пользу довѣрія къ присяжнымъ, а не къ судьямъ, находимъ мы, правда, и въ законодательствѣ другихъ государствъ, и даже у Миттермайера, но тамъ онъ обставленъ совершенно другими основаніями: присяжные на Западѣ, призываемые для дачи мнѣнія не по совѣсти только, но и по разуму, въ силу логическаго убѣжденія, вовсе не поставлены тамъ какъ бы въ нормальное противорѣчіе съ закономъ, источникъ котораго въ томъ же разумѣ, но лишь обобщенномъ. Напротивъ, тамъ присяжные только орудіе для полученія рѣшенія, основаннаго на законѣ; приговоръ ихъ въ Германіи и Австріи обусловленъ въ значительной степени требованіями закона, а въ Англіи присяжные, ограниченные правилами о доказательствахъ, обязаны, кромѣ того, пересматривать свой вердиктъ, если онъ признанъ судьей неосновательнымъ, какъ въ случаѣ обвиненія, такъ и въ случаѣ оправданія. Вообще нигдѣ институтъ присяжныхъ на Западѣ не мотивированъ недовѣріемъ къ закону, но лишь уясненіемъ требованій закона посредствомъ разсмотрѣнія той фактической обстановки преступленія, ближайшее знакомство присяжныхъ съ которой и составляетъ причину общественнаго къ нимъ довѣрія. Что же касается до широкаго права отвода безъ объясненія причинъ, то оно даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ, дѣла рѣшаются съ участіемъ присяжныхъ, примѣняется также *не къ судьямъ*, а лишь къ присяжнымъ, и потому составляетъ не *общій* принципъ судебной организаціи, но *частность* организаціи одного института присяжныхъ,—частность, безъ которой этотъ институтъ, конечно, немыслимъ, но которая не можетъ еще обезлечивать возможность введенія института присяжныхъ, во всей его совокупности, въ той или другой странѣ.

Миттермайеръ дѣйствительно, какъ мы упомянули въ своемъ мѣстѣ, признаетъ многочисленность присяжныхъ и широкое право отвода ихъ одною изъ главныхъ причинъ народнаго довѣрія къ этому институту; но, констатируя оба эти мотива, онъ не возводитъ однако ихъ на степень непреложныхъ началъ, обосновываетъ институтъ присяжныхъ другими, гораздо болѣе глубокими, чисто юридическими началами, а самое введеніе института присяжныхъ ставитъ въ зависимость вовсе не исключительно отъ довѣрія къ нему, но отъ особыхъ, благопріятныхъ для такой реформы условій страны.

Такими-то нетвердыми, скудными и идеологическими условіями „полнаго довѣрія къ составу присутствія суда для дѣлъ

уголовныхъ“ мотивировали составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года институтъ присяжныхъ вообще, перейдя затѣмъ уже прямо къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, возможно ли ввести этотъ институтъ у насъ.

Вопросъ этотъ разрѣшенъ составителями Судебныхъ Уставовъ посредствомъ опроверженія *двухъ* представившихся имъ возраженій, и *одного* указанія на существующіе будто бы у насъ зачатки института присяжныхъ.

Означенныя возраженія изложены, въ отношеніи къ Россіи, въ сорока четырехъ строкахъ *), тогда какъ у Миттермайера, въ заключительной части втораго тома его сочиненія, разборъ условій, при которыхъ возможно въ той или другой странѣ введеніе института присяжныхъ, занимаетъ не менѣе шестидесяти страницъ убористой печати. Возраженія же, предусматриваемыя нашими теоретиками, сводятся единственно къ тому, что народъ у насъ недостаточно еще развитъ для этого института, и что присяжнымъ вездѣ придается характеръ политическаго института. Первое возраженіе они устраняютъ соображеніемъ, что „хорошія учрежденія развиваютъ и совершенствуютъ общество“, причемъ теоретики забываютъ, что хорошія учрежденія тогда только бываютъ хороши, когда они, коренясь въ народныхъ инстинктахъ, или соотвѣтствуя дѣйствительнымъ потребностямъ народа, не задерживаютъ его развитія и не сбиваютъ его съ пути, какъ это дѣлалось, напримѣръ, во Франціи, во время первой революціи. Изъ вышеприведенной воображаемой аксіомы наши реформаторы сдѣлали такой смѣлый выводъ: „*не вполнѣ достаточное развитіе нашего народа* не только не подтверждаетъ мнѣнія о преждевременности введенія у насъ института присяжныхъ, но, напротивъ, представляетъ основаніе къ противоположному заключенію, потому что такой именно народъ и нуждается въ особыхъ учрежденіяхъ въ судѣ, нуждается въ судьяхъ, которые бы вполнѣ его понимали и были къ нему сколь возможно ближе“. Тутъ уже *судьи* самымъ очевиднымъ образомъ отождествлены съ *присяжными*; тутъ прямо приданъ присяжнымъ характеръ *народныхъ судей*, безо всякой связи суда съ государственною властью и закономъ. По словамъ нашихъ реформаторовъ, „для рѣшенія по совѣсти вопроса о винѣ или невиновности подсудимаго нѣтъ особенной нужды ни въ спеціальномъ юридическомъ образованіи, ни въ судебной практикѣ: этотъ вопросъ можетъ

*) Ibidem, стр. 96—97.

быть *правильно* рѣшенъ *всякимъ*, даже и малообразованнымъ человѣкомъ, если онъ имѣетъ *здравыя понятія*". Коротко и ясно.

Затѣмъ политическій характеръ этого института нейтрализуется составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года устраненіемъ отъ суда присяжныхъ, „на первое время", нѣкоторыхъ дѣлъ, а именно: политическихъ процессовъ и дѣлъ о печати—какъ будто институтъ присяжныхъ имѣетъ политическій характеръ не самъ по себѣ, а лишь при обсужденіи политическихъ закононарушеній!

Всего, впрочемъ, страннѣе слѣдующая оговорка, изъ которой вполнѣ очевиденъ тотъ политическій характеръ, который дается институту присяжныхъ въ Россіи, несмотря на предлагаемое устраненіе отъ него *на первое время* нѣкоторыхъ дѣлъ: „Введеніе присяжныхъ въ Россіи болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что нигдѣ можетъ-быть историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій, замѣчается большое различіе". Такимъ образомъ нашему институту присяжныхъ предоставляется сослужить особую службу—сблизить разрозненныя сословія, что̀ пожалуй и похвально, но едва ли входитъ въ спеціальную компетентность суда.

Но въ Россіи, гдѣ не было ни свѣтской и духовной, ни парламентской, ни муниципальной аристократіи, никогда не было такой розни между сословіями, какъ на Западѣ, хотя и тамъ судъ присяжныхъ не сгладилъ этой розни и не помѣшалъ возникновенію новыхъ соціальныхъ, враждебныхъ раздѣленій. Вообще вопросъ о сословіяхъ не имѣетъ никакого отношенія къ институту присяжныхъ: съ одной стороны, сословія существуютъ въ Швеціи, гдѣ нѣтъ вовсе присяжныхъ, съ другой—въ Германіи и Австріи, наконецъ въ самой Англіи, гдѣ институтъ присяжныхъ въ полной силѣ; но и здѣсь, и тамъ—сословія нисколько не нарушаютъ равенства гражданъ предъ судомъ, и не возбуждаютъ антагонизма между судьями и подсудимыми.

Эта несостоятельная и нисколько не относящаяся къ дѣлу оговорка попала, впрочемъ, въ комментаріи къ институту присяжныхъ не случайно. Въ ней проглядываетъ тотъ же политически-тенденціозный смыслъ, который составителями Судебныхъ Уставовъ гораздо прямѣе, и даже смѣлѣе высказанъ въ сообра-

женіяхъ *о выборѣ или назначеніи судей.* Эта ссылка на общественныя якобы раздѣленія въ Россіи оказалась здѣсь необходимою, какъ посылка къ тѣмъ выводамъ, которые составители дѣлаютъ, въ примѣненіи къ присяжнымъ, изъ факта существованія у насъ до судебной реформы сословныхъ засѣдателей, будто бы представлявшихъ уже „нѣкоторые элементы для суда присяжныхъ".

Составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года выразили сначала мысль, что въ уголовныхъ дѣлахъ, съ отдѣленіемъ вопроса о виновности отъ вопроса объ опредѣленіи наказанія, даже сословные засѣдатели, существовавшіе въ старыхъ судахъ по Своду 1857 года, не были бы „ниже своихъ обязанностей", и, какъ судьи одной фактической стороны дѣла, „были бы достойными органами правосудія". Находя, что они, будучи „избираемы изъ той же среды, къ которой принадлежалъ обвиняемый, имѣли болѣе средствъ къ оцѣнкѣ факта, чѣмъ судьи, чуждые мѣстности или кругу, въ которомъ совершилось преступленіе", наши реформаторы утверждали, что если учрежденіе сословныхъ засѣдателей было въ отношеніи къ городскому и сельскому сословіямъ мертвою буквой, то потому лишь, что „сельскіе и городскіе представители, обязанные примѣнять законную теорію доказательствъ, но не имѣщіе юридическихъ свѣдѣній, не могли исполнять удовлетворительно своихъ обязанностей и подчинялись обыкновенно вліянію или коронныхъ судей, или секретарей". По словамъ нашихъ реформаторовъ, у насъ „осужденію подвергались преимущественно одни тѣ преступники, которыхъ удавалось привести къ собственному сознанію", что безусловно невѣрно, такъ какъ, при прежней системѣ доказательствъ, совокупность нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣла по закону ту же силу, какъ и собственное сознаніе. „Но съ отмѣной этой системы, развившей у насъ *безнаказанность за преступленія до крайнихъ предѣловъ*, и съ предоставленіемъ суду рѣшать вопросъ о винѣ и невиновности подсудимыхъ по однѣмъ *уликамъ, сила которыхъ нерѣдко опредѣляется лишь ближайшимъ знакомствомъ съ нравами, обычаями, образомъ жизни и кругомъ понятій подсудимыхъ* (?), представляется, по мнѣнію составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года, совершенно необходимымъ дать нашимъ *сословнымъ засѣдателямъ* значеніе судей одной фактической стороны уголовнаго дѣла, т.-е. *образовать изъ нихъ присяжныхъ судей*, со всѣми гарантіями, предоставляемыми этимъ учрежденіемъ".

Путемъ этихъ соображеній наши реформаторы приходятъ къ заключенію о предоставленіи опредѣленія вины или невиновности подсудимыхъ „*особымъ присяжнымъ засѣдателямъ*“, а съ принятіемъ этого предположенія, уже они признаютъ возможнымъ „уничтожить и наши прежніе *сословные* суды, составляющіе одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ нашего судопроизводства“.

Но объ упраздненіи какихъ же *сословныхъ* судовъ, такъ будто бы тяготѣвшихъ надъ русскою жизнью, заботятся составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года? Палаты перовъ у насъ никогда не было, хотя на Западѣ она существуетъ еще и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ институтъ присяжныхъ; особые церковные суды существовали и существуютъ на Западѣ и у насъ какъ прежде, такъ и послѣ введенія института присяжныхъ; а суды крестьянскіе, нигдѣ на Западѣ не существующіе, сохранились у насъ неприкосновенно и послѣ судебной реформы. Остаются только ратуши и магистраты, которые, имѣя ничтожный кругъ дѣлъ, считались и прежде только на бумагѣ. Слѣдовательно, кромѣ ратушъ и магистратовъ, не могло у насъ быть серіозной рѣчи объ уничтоженіи сословныхъ судовъ, такъ какъ суды земскіе и уѣздные, равно какъ гражданскія и уголовныя палаты, хотя имѣли сословныхъ засѣдателей, но были общесословными и прежде всего государственными. Тѣмъ не менѣе, приводя въ связь эту цитату съ послѣдовавшимъ судебнымъ преобразованіемъ, нельзя не убѣдиться, что, говоря такъ рѣшительно противъ сословныхъ судовъ, составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года имѣли въ виду, кромѣ не возбуждавшей никакого сомнѣнія отмѣны ратушъ и магистратовъ, уничтоженіе сословныхъ именно засѣдателей въ коронныхъ судахъ. Къ этому-то практическому для ихъ цѣлей выводу они сумѣли, посредствомъ разныхъ натяжекъ и недоговоровъ, подойти при разрѣшеніи вопроса о выборѣ или назначеніи судей, и теперь достигли своей цѣли окончательно—по поводу введенія у насъ присяжныхъ.

Съ подробностями этого обстоятельства мы ближе ознакомимся, разсматривая порядокъ составленія списка присяжныхъ; теперь же ограничимся только замѣчаніемъ, что такимъ образомъ было достигнуто не *образованіе* особыхъ присяжныхъ или сословныхъ засѣдателей, а *безусловная отмѣна* сословныхъ засѣдателей, другими словами: упраздненіе сословныхъ судей и введеніе института присяжныхъ, ничего общаго съ прежними сословными судьями не имѣющихъ.

Всѣ эти натяжки къ выводу института присяжныхъ изъ прежняго института сословно-выборныхъ судей не только искусственны, но не имѣютъ ни малѣйшаго основанія.

Самое предположеніе, что сословные засѣдатели могутъ достигать своей цѣли, которой они прежде не удовлетворяли, съ освобожденіемъ ихъ отъ вліянія системы формальныхъ доказательствъ и отъ обязанности рѣшать вопросъ о наказаніи, не выдерживаетъ критики, ибо неудовлетворительность ихъ обусловливалась другими причинами: прежде всего ихъ необразованностью, а затѣмъ ихъ выборностью, наконецъ сложностью прежней судебной процедуры и отсутствіемъ гласности. Правда, съ возведеніемъ сословныхъ засѣдателей въ рангъ безсословныхъ присяжныхъ, они были освобождены отъ сложной процедуры, и дѣятельность ихъ подчинена контролю гласности; но отчужденные отъ судей, избираемые не сословіями, а безсословно, они не становятся лучше: образованность ихъ не возвышается, а понижается, вліяніе на нихъ юридическаго элемента почти улетучивается, и остается въ перспективѣ только здравый смыслъ, который при безсословномъ избраніи встрѣчается у избираемыхъ гораздо рѣже, чѣмъ при ограниченно-сословномъ.

Къ тому же, прикрывая такъ неудачно свои „новшества“ стариной, составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года владаютъ по этому случаю въ непростительное смѣшеніе самыхъ элементарныхъ понятій.

Они прежде всего смѣшиваютъ судей съ присяжными, называя судьями и послѣднихъ. Но нельзя называть судьями людей, попавшихъ случайно въ очередной списокъ, на одно только судебное засѣданіе, для дачи отзыва по одному лишь изъ элементовъ судебнаго приговора, по фактической сторонѣ дѣла. Нигдѣ на Западѣ присяжные не называются судьями, не отождествляются съ ними.

Существенная же разница прежнихъ сословныхъ засѣдателей отъ присяжныхъ въ томъ-то и заключается, что первые, несмотря на свою срочность, были то же *судьями*; что они не только судили о фактической сторонѣ дѣла, но изрекали и окончательный приговоръ по закону; наконецъ, что они засѣдали не отдѣльно, а съ государственными судьями, составляя вмѣстѣ съ ними органъ государственной власти, были отвѣтственны и подлежали дисциплинарному надзору.

IV.

Но такихъ поверхностныхъ, спорныхъ и отвлеченныхъ аргументовъ еще недостаточно. Чтобы судить о томъ, соотвѣтствовалъ ли институтъ присяжныхъ условіямъ русской жизни, необходимо разрѣшить вопросъ: въ какой степени это учрежденіе было согласно съ *умственнымъ* и *нравственнымъ*, а также *съ политическимъ* и *общественнымъ* состояніемъ нашего отечества въ эпоху судебной реформы.

Подробное, всестороннее изложеніе мотивовъ казалось бы въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что они знакомили бы судей съ сущностью этого института во всѣхъ сферахъ его практическаго примѣненія. Такая система была принята при изложеніи другихъ вопросовъ судебной реформы, и намъ рѣшительно непонятно, что̀ было причиной столь мимоходнаго, какъ мы видѣли, отношенія составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года къ этому предмету: затруднительность ли самой мотивировки, или наивное убѣжденіе, что введеніе присяжныхъ въ Россіи составляетъ аксіому, которая не должна даже подлежать болѣе серіозному обслѣдованію. Но мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода слѣдовать этому примѣру, и позволимъ себѣ приподнять вполнѣ завѣсу, еще покрывающую этотъ эпизодъ нашей судебной реформы.

Съ точки зрѣнія *умственнаго* развитія страны, существеннымъ условіемъ для введенія присяжныхъ Миттермайеръ признаетъ распространенность *во всѣхъ классахъ школьнаго образованія*. Это условіе существуетъ въ Англіи и Германіи, во Франціи, а также, хотя и въ меньшей мѣрѣ, въ Австріи и въ Италіи. Но въ Россіи ничего подобнаго не было въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и, несмотря даже на значительное съ тѣхъ поръ размноженіе всевозможныхъ школъ, нѣтъ еще и до сихъ поръ. У насъ неизмѣримое большинство населенія—сельское, а городскаго, при рѣдкости и малонаселенности городскихъ центровъ, едва ли наберется болѣе семи милліоновъ. Вообще, въ Европейской Россіи приблизительно до 65-ти милліоновъ сельскаго населія великорусскаго, малорусскаго, бѣлорусскаго, польскаго и татарскаго племени; въ этой средѣ хотя и учатся грамотѣ, но крайне плохо и не доучиваются, или вовсе не учатся. Безграмотные присяжные въ сессіяхъ внѣгородскихъ, а иногда даже въ городскихъ, кромѣ столицъ, самое обыкновенное у насъ явленіе до сихъ поръ. Та-

кимъ образомъ, въ то самое время какъ на Западѣ безграмотность бываетъ рѣдкимъ исключеніемъ, а посему признается со стороны закона помѣхой къ отправленію обязанности присяжныхъ, у насъ она самое обыкновенное явленіе, такъ что законъ даже не могъ постановить, что безграмотность препятствуетъ быть присяжнымъ. Школьное же образованіе, въ настоящемъ смыслѣ слова, пріобрѣтаютъ у насъ только въ городахъ, хотя далеко не всѣ городскіе жители: дѣти дворянъ и купечества проходятъ курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но мѣщане, составляющіе самый многочисленный классъ городскаго населенія, весьма не многимъ грамотнѣе крестьянъ.

Слѣдовательно, у насъ не только нѣтъ школьнаго образованія во всѣхъ классахъ, но въ значительной части населенія не распространена даже самая элементарная образованность, вслѣдствіе чего наши защитники института присяжныхъ ищутъ ему незыблемой опоры не столько въ образованіи, сколько во *внутреннемъ убѣжденіи совѣсти.* *)

Но одного внутренняго убѣжденія совѣсти недостаточно для правильнаго уразумѣнія присяжными ихъ задачи: изъ краткаго очерка иностранныхъ законодательствъ, приведеннаго нами выше, мы уже знаемъ, какія сложныя обязанности возлагаются на этотъ институтъ, и потому утвержденіе Миттермайера, что для исполненія этихъ обязанностей необходимо школьное образованіе—не подлежитъ сомнѣнію. Выдвигаемая же нашими народолюбцами теорія *внутренней правды*, исключительно свойственной будто бы, при всей его необразованности, русскому человѣку, не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ никакого значенія. Эта внутренняя правда, въ той или другой мѣрѣ, свойственна не только образованнымъ, но и необразованнымъ племенамъ, въ силу ихъ человѣческой природы; но пониманіе ея весьма различно, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ, религіозныхъ и соціальныхъ условій. Она не болѣе какъ инстинктъ, переходящій изъ пассивнаго состоянія въ болѣе или менѣе активное только подъ

---

*) Мнѣніе свое по этому предмету Миттермайеръ выразилъ весьма опредѣленно, безо всякихъ оговорокъ. Онъ прямо говоритъ: „Многія узаконенія ставятъ присяжныхъ въ весьма сомнительныя для успѣшной дѣятельности этого института положенія; къ этимъ узаконеніямъ мы причисляемъ неопредѣленное узаконеніе, предписывающее присяжнымъ рѣшать дѣла по ихъ *внутреннему убѣжденію (Европейскіе и Американскіе суды присяжныхъ*, вып. I, стр. 183).

вліяніемъ внѣшнихъ побужденій, и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ нормальнымъ, умственнымъ процессомъ, котораго требуетъ отъ присяжныхъ законодательство въ Англіи, Италіи, Германіи и Австріи. Точно также недостаточно присяжнымъ, для произнесенія вердикта, и врожденной русскому человѣку *смѣтливости*: она вполнѣ умѣстна при разрѣшеніи отдѣльныхъ, практическихъ задачъ обиходной, въ особенности экономической жизни, но не при обсужденіи отвлеченныхъ вопросовъ о винѣ или невиновности подсудимаго. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ нужно: вдумываніе въ фактъ преступленія, соображеніе этого факта съ выясненными судебнымъ слѣдствіемъ частностями и выводъ затѣмъ необходимыхъ послѣдствій, не съ точки зрѣнія своихъ *личныхъ* дѣлъ, но съ гораздо болѣе широкой точки зрѣнія *общаго интереса*. Все это, повторяемъ, рѣшительно недоступно безъ того процесса мышленія, который внѣдряется въ людяхъ еще съ юности самымъ фактомъ школьнаго обученія, хотя бы и низшаго, но болѣе чѣмъ первоначальнаго.

Разсматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, можно ли не изумляться наивному оптимизму теоретиковъ судебной реформы? Ссылаясь на примѣръ западныхъ государствъ, гдѣ *сочиненія о доказательствахъ* не только способствуютъ уразумѣнію этой теоріи между юристами, но будто бы *распространяютъ понятія о ней въ народѣ*, они не обинуясь утверждаютъ: *такъ точно будетъ и у насъ*. *) Но сочиненія о доказательствахъ не распространяются въ народѣ даже и на Западѣ; ожидать же этого у насъ, гдѣ подобныя сочиненія крайне рѣдки, а масса народа или полуграмотна, или вовсе безграмотна, болѣе чѣмъ смѣло.

Далѣе, къ числу условій, при которыхъ возможенъ институтъ присяжныхъ, принадлежитъ сознаніе высокаго значенія *нравственной жизни*, имѣющее послѣдствіемъ, съ одной стороны, всеобщее уваженіе *къ закону*, а съ другой — содѣйствіе *большинства* господству закона. Это сознаніе высокаго значенія нравственной жизни не въ отдѣльныхъ только ея проявленіяхъ, но въ ея совокупности далеко не тождественно съ признаніемъ нравственныхъ правилъ въ частной жизни. Пьянство какъ нигдѣ, упадокъ, послѣ освобожденія крестьянъ, общественной и семейной между ними дисциплины, все это отнюдь не способствовало возникновенію хотя бы нѣсколько стройнаго идеала гражданскихъ правъ и обязанностей, который бы стоялъ въ

*) Изданіе Государств. канцеляріи, 1867 годъ, т. II, стр. 280—281.

міровоззрѣніи народныхъ массъ нѣсколько выше, чѣмъ ежедневныя, матеріальныя и индивидуальныя заботы о злобѣ дня. При такомъ порядкѣ вещей, на всеобщее уваженіе къ закону нельзя и разсчитывать, особенно при низкомъ уровнѣ нашего элементарнаго обученія. Безспорно, въ нашихъ народныхъ массахъ твердо господствуетъ исторически выработавшееся сознаніе необходимости и неприкосновенности государственной власти, олицетворяемой монархомъ, но не уваженіе къ законамъ, въ которыхъ народъ гораздо болѣе склоненъ видѣть изощреніе чиновничьей притязательности, нежели выраженіе столь чтимой имъ власти. Такъ шатко воззрѣніе нашихъ массъ на авторитетъ закона и на то высшее значеніе гражданской жизни, огражденіе интересовъ коей возлагается на присяжныхъ. Эта шаткость доходитъ до того, что преступникъ даже до сихъ поръ, въ большей части случаевъ, считается, по древней традиціи, не столько врагомъ общества, сколько жертвой немилосердыхъ законниковъ, подлежащею не столько карѣ, соразмѣрной съ его виной, сколько милости, и даже прощенію.

Но и въ интеллигентныхъ слояхъ нашего общества сознаніе необходимости равновѣсія между правами и обязанностями, этого кореннаго условія общежитія, крайне слабо и замѣняется часто или полнымъ индифферентизмомъ, или совершеннымъ забвеніемъ обязанностей. Это мнѣніе не наше. Оно было высказано въ замѣчаніяхъ практиковъ на проектъ II Отдѣленія о гражданскомъ судопроизводствѣ въ 1859 году. „Впереди всѣхъ недостатковъ (нашего стараго суда), сказано въ одномъ изъ этихъ замѣчаній, стоитъ *повсемѣстное неуваженіе къ закону* и *повседневное его нарушеніе*.“ По этому случаю было заявлено даже Соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта въ 1860 году, въ журналѣ № 62, что „*повсемѣстное неуваженіе къ закону не есть вопросъ судопроизводства, и не можетъ быть прекращено уставомъ о судопроизводствѣ*.“ *) Откуда же могли явиться у насъ присяжные, проникнутые сознаніемъ о вредѣ воспрещаемыхъ закономъ дѣяній, если сами присяжные должны быть избираемы изъ членовъ общества, проникнутаго неуваженіемъ къ закону?

Съ общественной и политической точки зрѣнія, въ Россіи нѣтъ, конечно, упорной борьбы и ненависти между сословіями; наше оте-

*) Ibidem, т. I. *Основныя Положенія гражданскаго судопроизводства*, стр. XII—XIII.

чество не раздирается политическими и религіозно-фанатическими партіями, служащими, по сужденію Миттермайера, препятствіемъ къ правильному дѣйствію института присяжныхъ; у насъ даже нѣтъ вовсе партій, возникшихъ исторически, окрѣпшихъ во взаимной враждѣ и хотя сколько-нибудь организованныхъ и дисциплинированныхъ. За то въ Россіи не мало глубокихъ раздѣленій на племенныя и религіозныя группы. Эти группы, живя особою внутреннею жизнью, не ведутъ между собою борьбы для пріобрѣтенія господства, но до такой степени исключаютъ другъ друга, что добиться отъ нихъ безпристрастнаго, совмѣстнаго дѣйствія для общей цѣли—крайне трудно. На востокѣ значительная часть населенія Татары, племенныя и религіозныя особенности коихъ отнюдь не сходятся съ воззрѣніями русскаго кореннаго населенія; на западѣ крупное мѣсто занимаютъ представители Польскаго племени, которые не столько по причинѣ своего католическаго вѣроисповѣданія, сколько въ силу давнишней политической вражды, смотрятъ на многіе существенные вопросы внутренняго порядка совсѣмъ не такъ, какъ населеніе православное; кромѣ того, на западѣ же и на югѣ осѣла масса Евреевъ, міровоззрѣніе коихъ еще болѣе односторонне, нежели у Татаръ и Поляковъ. Наконецъ, нельзя забывать, что въ самой средѣ кореннаго русскаго населенія насчитывается около десяти милліоновъ раскольниковъ; ихъ взглядъ на внѣшній міръ, какъ на царство антихриста, въ особенности же соціальныя теоріи нѣкоторыхъ сектъ, какъ, напримѣръ, бѣгуновъ, молоканъ и др., вызываютъ тоже не мало препятствій къ совокупному дѣйствію съ другими частями населенія.

Что же касается интеллигентныхъ слоевъ нашего общества, то не мѣшаетъ замѣтить, что если въ самую эпоху составленія Судебныхъ Уставовъ и воспрянуло у насъ общее патріотическое настроеніе въ отпоръ польскимъ и иностраннымъ притязаніямъ, то въ это же самое время обнаружилась въ этой средѣ и коренная рознь во взглядахъ на семейную, соціальную и государственную жизнь. Крайнимъ выраженіемъ этой розни было развитіе нигилистической пропаганды. Это вредное направленіе не захватило собою всей нашей интеллигенціи, но оно не ограничивается одною лишь недоучившеюся молодежью, и еще менѣе лицами, подвергшимися оффиціальному преслѣдованію. Нигилизмъ — симптомъ такого внутренняго броженія, которое весьма глубоко и вліяетъ, въ той или другой мѣрѣ, на весьма многихъ. Не мало въ образованномъ обществѣ людей, чуждающихся раз-

рушительной теоріи завзятыхъ нигилистовъ, но безсознательно раздѣляющихъ отрицательную манію послѣднихъ. Послѣдствіемъ такого ненормальнаго состоянія было то, что всѣ коренныя понятія о правѣ и пользѣ значительно поколебались въ средѣ даже наиболѣе образованныхъ классовъ. Это броженіе умовъ и воли, продолжающееся донынѣ, отнюдь не обезпечивало у насъ правильнаго отношенія присяжныхъ къ ихъ задачѣ, даже и въ интеллигентной средѣ.

Вообще, когда въ государствѣ производятся одновременно такія всеобъемлющія реформы, какъ у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, то въ интеллигентныхъ слояхъ общества возникаетъ всегда тревожное настроеніе, отличительною чертой коего бываетъ не только крайнее разнообразіе, но и непостижимая для всякой другой эпохи путаница воззрѣній по самымъ элементарнымъ вопросамъ государственнаго и нравственнаго порядка. Стоитъ только обратиться къ урокамъ исторіи Запада съ конца прошлаго столѣтія, чтобъ убѣдиться, что не въ такое время слѣдуетъ вводить учрежденія, требующія, наоборотъ, какъ институтъ присяжныхъ, самаго устойчиваго настроенія. Доселѣ присущіе присяжнымъ недостатки во Франціи, гдѣ этотъ институтъ былъ введенъ и видоизмѣняемъ во время самаго сильнаго умственнаго броженія, служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Наконецъ, независимо отъ этихъ общихъ условій, введеніе института присяжныхъ обусловливается еще двумя слѣдующими, спеціально юридическими обстоятельствами: вопервыхъ, надлежащею подготовкой судей, и вовторыхъ, характеромъ дѣйствующаго въ странѣ уголовнаго кодекса.

Извѣстно, что на Западѣ судьи не только со введеніемъ института присяжныхъ, но и задолго до того были назначаемы исключительно изъ юристовъ. Конечно, кромѣ желанія ограничить авторитетъ назначаемыхъ правительствомъ судей, самая рутина, усвоенная ими при отправленіи судопроизводства, была одною изъ причинъ, что реформаторы Франціи во время первой революціи, а въ другихъ государствахъ въ 1848—1849 г. обратились къ присяжнымъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что если эти судьи отличались педантизмомъ, предпочитали юридическіе изворотъ существу дѣла и, въ концѣ концовъ, бывали нерѣдко односторонними формалистами, то, во всякомъ случаѣ, они не были новичками въ судебномъ дѣлѣ, глубоко зная не только положительное законодательство и пріемы судопроизводства, но также теорію права; они, словомъ, были прямымъ, ло-

слѣдовательнымъ выраженіемъ предшедшихъ юридическихъ традицій и давнишней обширной юридической литературы. Подъ вліяніемъ судебныхъ преобразованій текущаго столѣтія, свойственные западнымъ судьямъ педантизмъ и формализмъ были устранены, но глубокое знакомство судей съ ихъ спеціальною сферой осталось при нихъ, и потому на Западѣ они вездѣ явились, согласно новымъ законоположеніямъ, вполнѣ подготовленными руководителями присяжныхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что примкнувъ къ такой юридической почвѣ, присяжные въ свою очередь оживили, въ извѣстной степени, судебный элементъ притокомъ новыхъ силъ. Такой исходъ введенія присяжныхъ оказался тѣмъ болѣе возможнымъ, что эти силы были не слѣпо набраны изъ массы, но тщательно подобраны посредствомъ ценза и особыхъ правилъ о составленіи списка присяжныхъ, и столь же тщательно пріурочены къ прежней судебной власти, незыблемо сохранившейся въ своихъ общегосударственныхъ и юридическихъ основахъ. Въ этомъ взаимодѣйствіи магистратуры, опытной въ юриспруденціи, и присяжныхъ, опытныхъ въ сферѣ практической жизни, и заключается на Западѣ, въ принципѣ, главный смыслъ присяжнаго судопроизводства. Но мы видѣли, что, въ силу общихъ условій нашего быта, ни необходимаго для присяжныхъ опыта, ни опытныхъ судей, способныхъ руководить присяжными, у насъ не выработалось. И откуда, въ самомъ дѣлѣ, могли у насъ явиться столь опытные судьи? До судебной реформы у насъ были срочные, сословно выборные судьи, но магистратуры изъ юристовъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, не было вовсе. Эта магистратура была создана только Уставами 1864 года, слѣдовательно—это учрежденіе самое у насъ юное, не установившееся, не только неспособное руководить присяжными, но само еще требующее серіознаго руководства. И вышло у насъ такимъ образомъ нѣчто чрезвычайно странное: въ то время, какъ вездѣ на Западѣ институтъ присяжныхъ, болѣе или менѣе подготовленный условіями тамошняго образованія, примыкалъ къ издавна существовавшей, а потому вполнѣ опытной магистратурѣ,—у насъ, наоборотъ, несоотвѣтствовавшій нашимъ условіямъ и нравамъ институтъ присяжныхъ пріуроченъ былъ къ только-что возникшей, и потому вполнѣ неопытной магистратурѣ. Очевидно, что члены нашей магистратуры, не имѣя ни судебныхъ традицій, ни солиднаго юридическаго образованія, а нерѣдко и вовсе его лишенные, не могли быть на высотѣ своего призванія, и должны были зачастую сбивать съ тол-

ку присяжныхъ неправильнымъ направленіемъ судебнаго слѣдствія, неумѣніемъ удерживать обвиненіе и защиту на фактической почвѣ, черезчуръ развязными предсѣдательскими резюме и постановкой несообразныхъ вопросовъ.

Составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года были убѣждены, что при совокупной дѣятельности „ученаго и опытнаго обвинителя“, „столь же искуснаго адвоката“, наконецъ „свѣдущаго въ законѣ и практикѣ предсѣдателя“, присяжные будутъ имѣть вѣрный взглядъ на поручаемыя имъ дѣла. Увлекаясь чужимъ примѣромъ, они подтверждали свой взглядъ тѣмъ соображеніемъ, „что юридическое образованіе *видимо* (?) у насъ распространяется, а судебная практика успѣла уже, *кажется*, утвердиться на прочныхъ основаніяхъ (до реформы 1864 года ?), вслѣдствіе чего, съ отмѣною законной теоріи доказательствъ, придетъ въ помощь судьѣ и наука, и юриспруденція“. *) Но двадцатилѣтняя практика нашего института присяжныхъ доказала, что все это только *казалось*, или было *видимо* лишь теоретикамъ судебной реформы, что до сихъ поръ у насъ почти нѣтъ ни *ученыхъ и опытныхъ обвинителей*, ни *свѣдущихъ въ законѣ и практикѣ предсѣдателей*, а развелись только черезчуръ *искусные адвокаты*, спекулирующіе на впечатлительность неразвитыхъ присяжныхъ. И было бы странно этому удивляться, ибо странны были въ этомъ случаѣ лишь оптимизмъ и самоувѣренность составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года, возмечтавшихъ, что всѣ ихъ ожиданія непремѣнно осуществятся. Они забывали, что наука и юриспруденція, а вмѣстѣ съ тѣмъ опытные и свѣдущіе обвинители, адвокаты и предсѣдатели возникаютъ не по вызову самонадѣянныхъ преобразователей, а лишь въ силу внутренняго, культурнаго процесса, который подвигается впередъ гораздо медленнѣе и обусловливается единственно постепеннымъ усиленіемъ серіознаго юридическаго образованія. Вмѣсто ученыхъ и опытныхъ судей возникла у насъ, правда, привилегированная корпорція „лучшихъ людей“: *) но люди, сами считающіе себя лучшими исключительно въ силу своего привилегированнаго положенія, не представляютъ еще ни малѣйшей гарантіи въ томъ, что они хорошіе судьи. Съ механическими пріемами суда присяжныхъ познакомиться, конечно, не трудно; но между этою механикой и существомъ самаго дѣла—цѣлая пропасть, перейти

*) Ibidem, т. стр. 280—281.

*) Стр. 89—90.

которую неподготовленнымъ судьямъ было, и всегда будетъ не по силамъ.

Введеніе присяжныхъ встрѣчало у насъ препятствіе и въ устарѣломъ уголовномъ кодексѣ, всѣ опредѣленія коего основаны на исключительномъ господствѣ формальныхъ доказательствъ, а всѣ мѣры взысканія—на системѣ, не имѣющей ничего общаго съ началами совершившейся у насъ судебной реформы. Несоотвѣтствіе Уложенія о Наказаніяхъ 1845 года съ присяжнымъ судопроизводствомъ не было упущено изъ виду составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года, но оно было ими безцеремонно обойдено простымъ лишь указаніемъ на необходимость пересмотра этого Уложенія. Такимъ образомъ, это трудное и сложное дѣло они отнесли къ будущему. Но задача эта не исполнена еще доселѣ, двадцать лѣтъ спустя послѣ введенія суда присяжныхъ въ Россіи. Напрасно бы стали составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года выгораживать себя, ссылаясь на такую медленность. Новый уголовный кодексъ не печется, какъ блины, и требуетъ гораздо болѣе обдуманности, чѣмъ та, какую выказали составители Судебныхъ Уставовъ при введеніи присяжныхъ. Но пока нѣтъ новаго уголовнаго кодекса, не могло быть (даже при болѣе подготовленныхъ, чѣмъ у насъ, судьяхъ) и правильно дѣйствующаго института присяжныхъ. Мы могли бы избѣжать этой ошибки, еслибы, вмѣсто голаго подражанія заграничнымъ образцамъ наши реформаторы обратили въ этомъ случаѣ болѣе глубокое вниманіе на примѣръ Германіи: здѣсь присяжные были введены подъ вліяніемъ событій 1848—1849 года внезапно, при старыхъ кодексахъ, но потому именно, по свидѣтельству Миттермайера, и дѣйствовали крайне неудачно, что̀ и было причиной цѣлаго ряда колебаній этого института, прекратившихся (на долго ли?) лишь въ семидесятыхъ годахъ, съ изданіемъ новаго уложенія о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Изо всего этого легко убѣдиться, что введеніе у насъ института присяжныхъ не соотвѣтствовало ни умственнымъ и нравственнымъ, ни политическимъ и общественнымъ условіямъ нашего быта и, кромѣ того, было вполнѣ несвоевременно съ точки зрѣнія условій спеціально судебныхъ. Наше внутреннее развитіе не имѣло ничего общаго съ таковымъ въ Англіи; съ другой стороны, Россія не находилась и подъ вліяніемъ тѣхъ политическихъ переворотовъ, которые въ 1848—1849 году заставили Германію, по примѣру революціонной Франціи, ввести quand-même институтъ присяжныхъ. Главныя потребности нашего право-

судія, не имѣя вовсе политическаго характера, сводились прежде всего къ гласности судопроизводства, къ ограниченію системы формальныхъ доказательствъ и къ сокращенію инстанцій, а наконецъ къ улучшенію судебнаго персонала, словомъ, ко всему тому, что̀ достигнуто въ Голландіи и въ Скандинавскихъ государствахъ, не менѣе образованныхъ, чѣмъ Англія и Франція, безъ института присяжныхъ. Улучшеніе судебнаго персонала достигалось и у насъ не воздѣйствіемъ присяжныхъ, но усиленіемъ въ немъ столь слабаго доселѣ юридическаго образованія, а затѣмъ приданіемъ ему самостоятельности посредствомъ замѣны судей срочно-выборныхъ назначаемыми отъ правительства. Если же при этомъ сознавалась потребность, по примѣру другихъ странъ, дополнить юридическую дѣятельность судей житейскою опытностью гражданъ, то изъ этого не возникало необходимости вводить институтъ присяжныхъ. Задача оживотворенія дѣятельности коронныхъ юристовъ участіемъ не судей въ судебномъ дѣлѣ разрѣшалась у насъ гораздо проще по указаніямъ нашей собственной исторіи. Наши прежніе сословно-выборные судьи должны были несомнѣнно уступить мѣсто коронныхъ юристамъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что столь сросшееся съ народною жизнью учрежденіе, какъ сословно-выборные судьи, нужно было безслѣдно стереть съ лица земли? Если они, по отсутствію юридическаго образованія и по своей срочности, не могли быть судьями-юристами, то, съ другой стороны, слѣдовало вспомнить, что они однако были сами по себѣ, въ полной силѣ, такими же экспертами практической жизни, какъ и присяжные на Западѣ. Несмотря на сословный выборъ, они, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и введеніемъ земскихъ учрежденій, не могли быть ни коимъ образомъ представителями сословныхъ особенностей, а потому представлялись готовыми уже органами того общественнаго, служилаго начала, которое требуется на Западѣ отъ присяжныхъ. Гласность, устность и состязательность судопроизводства ставили ихъ вполнѣ въ уровень съ этою новою задачей. Оставалось только пріискать форму для гармоническаго сочетанія прежнихъ сословно-выборныхъ судей съ новымъ институтомъ коронныхъ юристовъ, и этимъ путемъ можно было, оставаясь на исторической и практической почвѣ, избѣгнуть всѣхъ тѣхъ неодолимыхъ препятствій, которыя встрѣтилъ у насъ институтъ присяжныхъ въ самыхъ коренныхъ условіяхъ нашего быта.

Но всѣмъ подобнымъ воображеніямъ не суждено было войти въ программу составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года. При обсужденіи вопроса о выборѣ или назначеніи судей эти реформаторы внесли уже въ судебное преобразованіе тѣ односторонніе политическіе воззрѣнія, которыя должны были неминуемо привести ихъ къ такому институту присяжныхъ, какого испугалась бы даже Франція.

V.

Встрѣчались иногда геніальные законодатели, которые внезапно и энергически вводили реформы, нисколько повидимому не соотвѣтствовавшія положенію извѣстной страны, но прививавшіяся къ ней съ теченіемъ времени и органически съ нею сроставшіяся. Но при этомъ всегда оказывалось, что если необходимость реформъ не коренилась въ историческомъ развитіи народа, то по крайней мѣрѣ онѣ совпадали съ потребностями его дальнѣйшаго развитія и могли достигать своей цѣли потому, что государственная власть непосредственно руководила ихъ осуществленіемъ, не предоставляя ихъ на произволъ судьбы или сторонникъ вліяній. Такъ были у насъ замѣнены древніе хаотическіе приказы правильно организованными коллегіями, преобразовавшимися, въ началѣ нынѣшняго вѣка, въ министерства; такъ были учреждены Сенатъ и прокурорскій надзоръ, эти наиболѣе оригинальныя созданія Петра Великаго, сохранявшія свою первоначальную физіономію, несмотря на всѣ колебанія, до самой судебной реформы; такъ возникло у насъ при Екатеринѣ II учрежденіе о губерніяхъ; такъ, наконецъ, по иниціативѣ графа Сперанскаго, учрежденъ былъ при Александрѣ I Государственный Совѣтъ взамѣнъ прежнихъ: Кабинета при Аннѣ, Конференціи при Елисаветѣ и Придворнаго Совѣта при особѣ Екатерины II.

Многимъ, пожалуй, покажется страннымъ, что въ параллель съ этими крупными, объемлющими все государственное управленіе учрежденіями, мы ставимъ и институтъ присяжныхъ, составляющій формально только часть судебной реформы, всего не болѣе 70 параграфовъ въ Уставахъ 1864 года. Но суду присяжныхъ присвоена у насъ такая необычайная самостоятельность, ему предоставлено такое обширное вліяніе на уголовную и нравствен-

ную жизнь всего народа, что этому институту едва ли можно придавать менѣе значенія, чѣмъ вышеупомянутымъ учрежденіямъ.

Можно ли однако сказать, что институтъ присяжныхъ, нисколько не обусловливавшійся нашимъ историческимъ развитіемъ, былъ у насъ введенъ съ подобною этимъ реформамъ законодательною предусмотрительностію, и что организація этого института была хотя сколько-нибудь гарантирована руководящимъ вліяніемъ государственной власти отъ случайныхъ, но тѣмъ не менѣе ненормальныхъ, постороннихъ воздѣйствій?

Чтобъ оцѣнить введенный составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года институтъ присяжныхъ, необходимо разсмотрѣть въ трехъ его главныхъ моментахъ, а именно: вопервыхъ, съ точки зрѣнія установленнаго у насъ для присяжныхъ ценза, вовторыхъ, принятой у насъ системы для составленія списка присяжныхъ и, втретьихъ, самой процедуры присяжнаго судопроизводства.

Изъ числа полноправныхъ русскихъ подданныхъ въ возрастѣ отъ 25 до 70 лѣтъ, знающихъ русскій языкъ, къ отправленію обязанности присяжныхъ призваны у насъ повидимому лица, соотвѣтствующія извѣстному цензу, не только имущественному, но, какъ въ Италіи, и по способностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, по первымъ четыремъ подраздѣленіямъ ст. 84 Учрежд. Судебн. Уст. въ общіе списки присяжныхъ вносятся пять категорій гражданъ по способностямъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы цензъ по способностямъ не занималъ у насъ самаго ничтожнаго мѣста въ институтѣ присяжныхъ. Къ цензу по способностямъ причислены прежде всего (пункты 1, 2, 3 и 4): почетные мировые судьи, равно лица состоящія, за нѣкоторыми исключеніями, въ государственной службѣ; далѣе, служащіе по выборамъ дворянскихъ и городскихъ обществъ и военнослужащіе внѣ строевой службы; но всѣ они составляютъ только незначительную часть городскихъ обывателей и личныхъ землевладѣльцевъ, совершенно ничтожную сравнительно съ общею численностію городскаго населенія, и вполнѣ уже микроскопическую сравнительно съ общимъ населеніемъ страны. Затѣмъ слѣдуетъ категорія (пунктъ 5-й), къ которой принадлежитъ дѣйствительно большинство, то-есть крестьяне, избранные въ очередные судьи волостныхъ судовъ или въ добросовѣстные волостныхъ и сельскихъ расправъ и сельскихъ судовъ, а также занимавшіе безпорочно, не менѣе трехъ лѣтъ, должности волостныхъ старшинъ, головъ, *сельскихъ старостъ, или въ другія соотвѣтствующія симъ*

должности въ общественномъ управленіи сельскихъ обывателей разныхъ наименованій и, наконецъ, бывшіе церковными старостами. Но если крестьяне, состоявшіе и состоящіе въ должности волостныхъ старшинъ и головъ представляютъ, по своей административной опытности, нѣкоторое основаніе для отбыванія обязанности присяжныхъ, то нельзя того же сказать о волостныхъ и сельскихъ судьяхъ, которые, занимаясь разборомъ мѣстныхъ мелкихъ дѣлъ, хотя и титулуются судьями, но зачастую безграмотны, и посему находятся въ зависимости отъ волостныхъ и сельскихъ писарей. Впрочемъ, и они не составляютъ еще главнаго контингента крестьянскаго большинства, къ которому принадлежатъ собственно безчисленные сельскіе старосты и крестьяне, занимающіе *соотвѣтствующія* этому званію *должности*, которые всего менѣе способны къ роли присяжныхъ по своей неопытности, малограмотности, а всего чаще и по своей матеріальной необезпеченности. Допущеніе ихъ къ отправленію обязанностей присяжныхъ равносильно привлеченію въ этотъ институтъ самой бѣдной и самой темной части населенія. Такимъ образомъ, всѣ эти пять категорій по способностямъ предоставляютъ въ сущности *преобладаніе* людямъ, не подходящимъ въ дѣйствительности вовсе подъ категорію о способностяхъ, какъ она, напримѣръ, разумѣется въ италіянскомъ законодательствѣ. Нашъ цензъ по способностямъ — воображаемый; въ немъ культурные элементы занимаютъ только переднія декораціи, за которыми скрывается толпа, ничего общаго съ этими культурными элементами неимѣющая.

Еще несостоятельнѣе оказались всѣ разсужденія составителей Судебныхъ Уставовъ объ имущественномъ цензѣ присяжныхъ. Конечно, они, по примѣру Англіи, установили весьма разнообразный цензъ и для недвижимаго, и для движимаго имущества, и особый возвышенный цензъ для столицъ и нѣкоторыхъ городовъ; они, съ замѣчательною настойчивостью, заявили, что имущественный цензъ „долженъ быть у насъ, по крайней мѣрѣ на первое время, *довольно высокъ*, иначе въ присяжные поступали бы *лица бѣдныя, не имѣющія достаточнаго образованія и не довольно развитыя* для того, чтобъ исполнять важную и трудную обязанность присяжныхъ засѣдателей". Мало того: при *окончательномъ обсужденіи* этого вопроса, „дабы отъ присяжныхъ засѣдателей можно было *съ увѣренностью* ожидать заботливости объ охраненіи *общественной и частной безопасности* и *законнаго порядка*", первоначально предложенный цензъ былъ даже

признанъ непредставляющимъ достаточнаго ручательства *). Но эти благія намѣренія составители Судебныхъ Уставовъ облекли неожиданно въ такую форму, которая привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ.

Постановленія объ имущественномъ цензѣ присяжныхъ формулированы въ 6 пунктѣ ст. 84 учрежд. Судебн. Уст. По силѣ этого пункта, отправленію обязанности присяжныхъ, кромѣ поименутыхъ въ предшествующихъ пунктахъ лицъ (по способностямъ), подлежатъ:

а) Въ *столицахъ*—обладатели *недвижимыхъ имуществъ* цѣной не менѣе *двухъ тысячъ рублей.*

б) Въ *губернскихъ городахъ* и *градоначальствахъ*—цѣной не менѣе *тысячи руб.*

в) Въ *прочихъ* мѣстахъ—не менѣе *500 руб.* или владѣющіе землей не менѣе *ста десятинъ.*

г) Всѣ вообще лица, получающія жалованье, доходъ отъ своего капитала, занятія, ремесла или промысла: въ *столицахъ*—не менѣе *500 рублей*, а въ *прочихъ мѣстахъ*—не менѣе *двухсотъ руб.* въ годъ.

Прежде всего поражаетъ въ этомъ распредѣленіи неравномѣрность ценза. Обладатели недвижимыхъ имуществъ въ двѣ тысячи рублей получаютъ дохода, примѣрно, по 6%, не болѣе 120 рублей; имуществъ въ тысячу рублей—не болѣе 60 рублей; а имуществъ въ 500 рублей—только 30 рублей: несмотря на то они приравнены къ лицамъ, получающимъ въ годъ жалованья или дохода отъ капиталовъ, ремесла или промысла отъ 500 до 200 рублей. Но такъ какъ лица, получающія меньшій доходъ, всегда и вездѣ гораздо многочисленнѣе, нежели получающія бо́льшій, то очевидно, что и большинство нашихъ присяжныхъ должно принадлежать къ числу тѣхъ, которые получаютъ не 500 или 200 руб. въ годъ дохода, а только 120 руб въ столицахъ, 60 руб. въ губернскихъ городахъ, въ прочихъ же мѣстностяхъ—лишь 30 руб. Такой несообразно низкій цензъ совершенно противорѣчитъ заявленной составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года необходимости установить у насъ, хотя бы на первое время, значительный цензъ. Если цензъ въ 500 руб. можно признать соотвѣтствующимъ цѣли, то цензъ въ 200 руб., едва доставляя у насъ средства для прокормленія семейства, уже обозначаетъ людей обремененныхъ такими тягостными матеріальными заботами,

*) Изданіе Государст. Канцеляріи, 1867 года, т. III, стр. 82—83.

при коихъ отправленіе обязанности присяжныхъ вовсе немыслимо, а люди, получающіе 120 руб., 60 и 30 находятся въ такомъ же точно положеніи какъ тѣ, которые состоятъ въ услуженіи у частныхъ лицъ и потому, по ст. 86, вовсе не допускаются до званія присяжныхъ. Наконецъ, самый цензъ во 100 десятинъ, весьма значительный въ черноземныхъ губерніяхъ, представляетъ въ другихъ полосахъ самый скудный доходъ, особенно если эти десятины лежатъ вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, сплавныхъ рѣкъ и торговыхъ центровъ, или состоятъ изъ неудобныхъ земель, какъ это часто встрѣчается въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ.

Слѣдовательно, изъ этой массы цензовыхъ обывателей состоятельны къ отправленію обязанности присяжныхъ, по пункту 6 ст. 84, только получающіе 500 р. жалованья или дохода отъ капиталовъ, ремеслъ и промысловъ, да обладатели 100 десятинъ земли въ черноземной полосѣ или при другихъ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ. Вся же остальная, преобладающая масса принадлежитъ къ самому несостоятельному классу населенія, подобно сельскимъ старостамъ и другимъ малоимущимъ крестьянамъ, зачисленнымъ въ число присяжныхъ по пункту пятому той же ст. 84.

Отсюда ясно, что составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года, такъ заботившіеся въ своихъ соображеніяхъ о возвышенномъ цензѣ для русскихъ присяжныхъ, установили у насъ тѣмъ не менѣе такія условія, въ силу коихъ лишь *меньшинство* присяжныхъ подлежитъ дѣйствительно цензу по способностямъ и по имуществу, а *большинство* вербуется при такомъ минимальномъ цензѣ, который какъ по способностямъ, такъ и по имуществу равняется нулю.

Съ этой точки зрѣнія цензъ теряетъ всякое значеніе. Можно даже безъ преувеличенія сказать, что вмѣсто имущественнаго ценза у насъ установленъ для присяжныхъ какой-то своеобразный *цензъ бѣдности*, чего даже нѣтъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ присяжные свободны ото всякаго ценза, а именно въ Германіи и Франціи, такъ какъ тамъ масса образованнаго и достаточнаго населенія гораздо значительнѣе, чѣмъ у насъ. Если же принять во вниманіе, что присяжными на Западѣ могутъ быть только грамотные, а у насъ не существуетъ по закону и этого условія, то легко убѣдиться, что составъ русскихъ присяжныхъ гораздо ниже, чѣмъ тамъ не только по имущественному положенію, но и по образованію.

Еще непослѣдовательнѣе разрѣшенъ былъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ изъ этой массы присяжныхъ слѣдуетъ составлять общіе и очередные списки. За границей подобные списки составляются особыми коммиссіями, и эта система была принята у насъ, но все дѣло въ составѣ этихъ коммиссій.

По этому случаю еще при составленіи Основныхъ Положеній 1862 года возникли разныя мнѣнія, на которыя мы должны обратить такое же вниманіе, какъ и на разногласіе, возникшее при обсужденіи вопроса о выборѣ или назначеніи судей, такъ какъ и здѣсь всѣ эти разногласныя мнѣнія были подъ конецъ устранены компромиссомъ, въ коемъ теорія и политика взяли верхъ надъ требованіями практики и юридическими задачами судебной реформы.

Прежде всего предложено было поручить составленіе общаго списка присяжныхъ засѣдателей каждаго уѣзда комитету, состоящему изъ уѣзднаго предводителя, городскаго головы и всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда, съ тѣмъ, чтобы комитетъ имѣлъ право включать въ этотъ общій списокъ всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, *которыхъ онъ признаетъ способными* къ исполненію обязанности присяжныхъ, безъ различія сословій. Изъ общаго списка предоставлено было губернатору составлять окончательный списокъ присяжныхъ на предстоящій періодъ засѣданій, также не стѣсняясь сословными преимуществами. Защитники такой системы назначенія присяжныхъ основывали свое мнѣніе преимущественно на томъ предположеніи, что судъ присяжныхъ учрежденіе чисто *юридическое*, а не *политическое*, и что въ сущности нѣтъ никакой надобности, чтобы *присяжные были избираемы мѣстными обывателями*. Необходимо, чтобъ они были избраны *изъ мѣстныхъ обывателей* и составляли въ судѣ особый, временный элементъ въ противоположность постоянному его составу. Посему предложено было *предварительное* избраніе присяжныхъ возложить на особый комитетъ, а *окончательное*— на высшую административную власть въ губерніи, то-есть на губернатора *).

Возраженія, которыя можно было противъ этого предположенія сдѣлать, заключались, вопервыхъ, въ томъ, что дѣло это поручалось уѣздному комитету, которому затруднительно знать всѣхъ безъ исключенія мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а посему гораздо успѣшнѣе могло быть исполнено отдѣльными сословными

*) Ibidem, т. III, основныя положенія судоустройства, стр. XXV.

собраніями уѣзда, списки коихъ могли быть въ уѣздномъ комитетѣ только вновь пересматриваемы и сводимы въ одинъ общій уѣздный списокъ; а вовторыхъ, въ томъ, что въ означенной комбинаціи оказывалось слишкомъ незначительно представительство судебнаго элемента. Но не эти возраженія были сдѣланы противъ предположенной уѣздной коммиссіи. Она была признана *крайне неудобною* только „потому, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуютъ присяжные, *на практикѣ обнаружено* (?), *что подобные комитеты составляютъ списки присяжныхъ весьма небрежно*, и вообще предоставленіе высшей административной власти, то-есть губернатору, составленія окончательнаго списка присяжныхъ было бы *несогласно съ началомъ отдѣленія судебной власти отъ административной*“. *)

Какими при этомъ руководились доказательствами наши преобразователи, изъ чего они заключали, что подобные комитеты составляютъ за границей списки присяжныхъ *весьма небрежно*, и какимъ образомъ участіе губернатора не въ рѣшеніи дѣлъ, а лишь въ составленіи *общаго*, даже не *очереднаго* списка присяжныхъ, составляетъ вмѣшательство администраціи въ сущность судебнаго разбирательства, все это объяснено не было и быть не могло.

Взамѣнъ предположенной системы для избранія присяжныхъ, предложена была, тоже еще при составленіи Основныхъ Положеній 1862 года, другая. „Сущность этой системы состояла въ томъ, чтобы составлять *три отдѣльные списка по сословіямъ*. *Въ первый* списокъ предполагалось вносить всѣхъ мѣстныхъ дворянъ, имѣющихъ *право быть избранными въ какую-либо должность по выборамъ или состоящихъ на государственной службѣ* по всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ судебнаго; во *второй* списокъ—всѣхъ мѣстныхъ и городскихъ жителей, *пользующихся правомъ участія въ дѣлахъ собранія* (какого?), *а равно состоящихъ на общественной службѣ въ городѣ*. Опредѣленіе порядка составленія означенныхъ двухъ списковъ не представляло никакого затрудненія: назначеніе въ присяжные засѣдатели по первому списку полагалось предоставить уѣздному предводителю дворянства, а по второму—городскому головѣ по соглашенію съ обществами. Но затрудненія возникли при обсужденіи порядка составленія *третьяго* списка присяжныхъ засѣдателей—отъ сельскихъ обывателей. Предоставить назначать ихъ обыкновеннымъ

*) Ibidem.

порядкомъ выборовъ по волостямъ было неудобно въ томъ отношеніи, *во-первыхъ*, что это привело бы одновременно въ движеніе большое количество людей; *во-вторыхъ*, что сельскіе обыватели, не сознавая съ перваго раза всей важности обязанностей присяжныхъ засѣдателей, избрали бы людей иногда не соотвѣтствующихъ этому назначенію; и *въ-третьихъ*, контроль составленнаго такимъ образомъ списка былъ бы весьма затруднителенъ, потому что мировому судьѣ, или предназначенному для сего другому лицу, не могутъ быть извѣстны всѣ избранные. Для устраненія этихъ неудобствъ сдѣлано было предложеніе: включить въ третій списокъ всѣхъ избранныхъ въ очередные судьи волостныхъ судовъ, и добросовѣстныхъ волостныхъ расправъ и равныхъ съ оными сельскихъ судовъ, поручивъ составленіе этого списка мировому судьѣ". *

Этимъ вторымъ предложеніемъ устранялись до нѣкоторой степени указанные выше недостатки сосредоточенія выборовъ въ уѣздной коммиссіи, проектированной въ первомъ предложеніи, и признавалось участіе мировыхъ судей при назначеніи присяжныхъ отъ сельскихъ обывателей. Но это предложеніе было также отвергнуто.

„При окончательномъ обсужденіи сего вопроса", означеннымъ двумъ предположеніямъ, имѣвшимъ во всякомъ случаѣ нѣкоторый практическій характеръ, предпочтены были слѣдующія отвлеченныя соображенія:

„Одни изъ условій, опредѣляющія законныя качества для назначенія въ присяжные, должны быть *внѣшнія*, какъ-то: опредѣленный возрастъ, жительство въ извѣстномъ мѣстѣ, владѣніе имуществомъ и т. п., а другія—*внутреннія*, къ коимъ принадлежатъ: признаки извѣстной степени развитія, образованія, заслуженное довѣріе, добрая нравственность и т. п. Внѣшнія качества указываютъ только на способность быть присяжнымъ, а внутреннія составляютъ необходимое условіе самаго права быть имъ. На этомъ различіи основано и различіе въ составленіи списковъ *первоначальныхъ* или общихъ и окончательныхъ или *очередныхъ*. Въ *первоначальные списки* должны быть внесены всѣ, безъ различія по сословіямъ, мѣстные обыватели, которые соединяютъ въ себѣ *внѣшнія* законныя *условія*: ибо званіе присяжныхъ есть общественная повинность, отъ исполненія которой не можетъ уклониться ни одинъ членъ общества, способный нести

* Ibidem стр. XXV—XXVI.

ее, и потому всякаго, удовлетворяющаго внѣшнимъ законнымъ признакамъ, должно вносить въ первоначальный списокъ. Въ такомъ видѣ составленіе первоначальныхъ списковъ присяжныхъ, какъ дѣло чисто исполнительное, *не требуетъ коллегіальнаго обсужденія*, и для сего достаточно обозначенія всѣхъ мѣстныхъ обывателей, обязанныхъ по закону нести повинность присяжнаго, что впрочемъ не можетъ быть дѣлаемо безъ высшаго надзора начальника губерніи, какъ главнаго блюстителя общественнаго порядка въ подвѣдомственной ему мѣстности". *

При изложеніи разныхъ фазисовъ судебной реформы, мы уже не разъ видѣли, какъ составители Основныхъ Положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года, исходя изъ теоретическаго и общеизвѣстнаго принципа, приходили однако, путемъ разныхъ натяжекъ, къ совершенно противоположнымъ практическимъ выводамъ. Начавъ съ изложенія принципа, они затѣмъ вполнѣ устраняли его, въ смыслѣ предвзятой тенденціи, всевозможными оговорками. Такъ было поступлено при разрѣшеніи вопроса о выборѣ и назначеніи судей; такъ разрѣшенъ былъ вопросъ о необходимости значительнаго ценза для нашихъ присяжныхъ; такъ было поступлено и въ настоящемъ случаѣ. Приведенное нами выше теоретическое раздвоеніе функцій при опредѣленіи формальныхъ и внутреннихъ условій для выбора присяжныхъ повело не къ раздѣльности этихъ функцій, но послужило лишь— сначала къ устраненію при этомъ дѣлѣ самостоятельнаго голоса сословныхъ представителей, которые гораздо ближе могли знать избираемыхъ ими присяжныхъ, нежели всесословные, а затѣмъ и всякаго вмѣшательства не только административной, но и судебной власти; когда же цѣль эта была достигнута, составители, вопреки ими самими выдвинутой теоріи, опять соединили обѣ эти раздѣльныя функціи во всесословномъ *коллегіальномъ* учрежденіи. Вотъ какъ это произошло:

Задавшись мыслію, что составленіе первоначальнаго списка *не требуетъ коллегіальнаго обсужденія*, наши преобразователи порѣшили, что „общіе списки всѣхъ вообще лицъ, соединяющихъ въ себѣ внѣшнія качества, которыми опредѣляется, въ силу самаго закона, способность быть присяжнымъ, составляются по каждому округу отдѣльно и представляются губернатору" (ст. 33 Основныхъ Положеній 1862), но кѣмъ составляются эти общіе списки, это обойдено было при начертаніи Основныхъ Поло-

* Ibidem, стр. XXVI—XXVII.

женій 1862 года молчаніемъ. При составленіи же Судебныхъ Уставовъ 1864 года возникли по этому предмету слѣдующія соображенія:

Первоначально предполагалось составленіе *общаго списка* присяжныхъ засѣдателей и ежегодную провѣрку онаго возложить, по каждому мировому участку, на мироваго судью, по тому соображенію, что мировому судьѣ, какъ избранному всѣми сословіями изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, и по самому существу возлагаемыхъ на него служебныхъ обязанностей долженствующему находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями ввѣреннаго ему участка, могутъ быть ближе и лучше чѣмъ всякому иному лицу извѣстны не только *внѣшнія*, но и *внутреннія* качества жителей того участка, требуемыя закономъ для внесенія ихъ обывателей въ списки присяжныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось постановить, „чтобы при исполненіи сего труднаго и многосложнаго дѣла, мировому судьѣ было оказываемо, въ случаѣ его требованія, содѣйствіе какъ мѣстъ и лицъ, завѣдующихъ *общественными* дѣлами подлежащихъ внесенію въ списокъ лицъ, такъ и полиціи“. *

Такое предложеніе тоже казалось толковымъ: если здѣсь къ участію въ составленіи первоначальнаго списка присяжныхъ не привлекались органы сословнаго самоуправленія, то за то эта обязанность возлагалась на мѣстную судебную власть, при содѣйствіи мѣстной полиціи, то-есть на тѣ два органа мѣстнаго же управленія, которые всего болѣе компетентны по части опредѣленія формальныхъ или внѣшнихъ условій, необходимыхъ для того, чтобы быть присяжнымъ, а именно: возраста, ценза и общей правоспособности.

Но при *окончательномъ* обсужденіи сего вопроса было признано, „что возложеніе этихъ обязанностей на мировыхъ судей, коихъ кругъ занятій по разбору многочисленныхъ дѣлъ гражданскихъ и о преступленіяхъ и проступкахъ, а также по другимъ, относящимся къ ихъ вѣдомству предметамъ, и безъ того будетъ весьма обширенъ, обременило бы ихъ до чрезвычайности, тѣмъ болѣе, что и самое собраніе свѣдѣній—въ какой мѣрѣ то или другое лицо соотвѣтствуетъ условіямъ, требуемымъ отъ присяжнаго засѣдателя, сопряжено съ немалыми затрудненіями“. **

---

* Ibidem, стр. 84.

** Ibidem, стр. 84—85.

Составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года, устраняя мировыхъ судей отъ участія въ составленіи *общихъ списковъ*, подъ тѣмъ предлогомъ, что мировымъ судьямъ трудно будетъ заняться этимъ предметомъ, забывали, что въ настоящемъ случаѣ все дѣло заключалось въ собраніи только *формальныхъ* свѣдѣній, при содѣйствіи мѣстныхъ общественныхъ учрежденій и полиціи, а посему и не представляло никакого обремененія; на Западѣ мировые судьи вездѣ принимаютъ непосредственное участіе въ первоначальномъ составленіи списковъ присяжныхъ, хотя тамъ эти судьи несутъ, кромѣ чисто судебныхъ, иногда еще слѣдственныя и, какъ въ Англіи, административныя и полицейскія обязанности.

Тѣмъ не менѣе, этого воображаемаго, неизвѣданнаго на опытѣ препятствія оказалось достаточно, чтобъ, отклонивъ уже прежде участіе органовъ сословнаго управленія, устранить теперь и мировыхъ судей, и полицію отъ участія при составленіи общихъ списковъ, передавъ затѣмъ опять это, чисто формальное дѣло *коллегіальному* обсужденію, но уже всесословно-выборному.

„Общіе списки присяжныхъ засѣдателей, гласитъ ст. 89 учрежд. Судебн. Устан., составляются по каждому уѣзду отдѣльно, *особыми временными коммиссіями*, состоящими изъ лицъ, назначаемыхъ для сей цѣли ежегодно уѣздными земскими собраніями, а въ столицахъ соединенными засѣданіями общихъ городскихъ думъ и мѣстныхъ уѣздныхъ собраній“.

И учрежденіе этихъ особыхъ коммиссій мотивировано тѣмъ, что въ стт. 35 и 36 Основныхъ Положеній 1862 года „упоминается объ *особыхъ коммиссіяхъ*“, * хотя эти особыя коммиссіи были предположены, при начертаніи этихъ положеній, для опредѣленія *внутреннихъ*, а не *внѣшнихъ* способностей присяжныхъ, такъ какъ для опредѣленія внѣшнихъ способностей сами же составители Основныхъ Положеній признали всякое коллегіальное обсужденіе *ненужнымъ*.

Но подъ этою формальною непослѣдовательностью заключается своего рода глубокій смыслъ. По ст. 89 учрежд. Судебн. Уст., составленіе общихъ списковъ присяжныхъ изъято было изъ вѣдѣнія государственной власти и вполнѣ предоставлено всесословному выбору, такъ что вся приведенная выше полемика по поводу разныхъ предположеній о назначеніи присяжныхъ привела не къ выясненію слабыхъ сторонъ этихъ предположеній, но къ утвержденію теоріи, провозглашенной при разрѣшеніи вопроса о

* Ibidem, стр. 85.

выборѣ и назначеніи судей, той именно теоріи, въ силу которой „всякій имѣетъ право избирать себѣ мѣстнаго начальника, судью“ и т. д., * въ силу, наконецъ, той теоріи, по которой институтъ присяжныхъ, какъ мы ниже увидимъ, не восполняетъ государственнаго суда, но самостоятельно его замѣняетъ, какъ независимый отъ государственной власти органъ земскаго самоуправленія.

Выше мы замѣтили, что вмѣстѣ съ судебною, устранена вполнѣ и административная власть отъ участія въ составленіи списка присяжныхъ. Между тѣмъ по ст. 94 учрежд. Судебн. Устан., составленные особыми временными коммиссіями первоначальные списки должны быть представляемы губернатору, „который, повѣривъ, соблюдены ли при составленіи сихъ списковъ предписанныя закономъ условія, разрѣшивъ неуваженныя коммиссіей заявленія (по жалобамъ о внесеніи или невнесеніи въ этотъ списокъ), и исключивъ изъ списковъ неправильно туда внесенныхъ лицъ, съ указаніемъ противъ каждаго причины исключенія, возвращаетъ списки къ 1 ноября тѣмъ же временнымъ коммиссіямъ“. Но весьма ошибся бы тотъ, кто увидѣлъ бы въ этомъ что-нибудь серіозное. Это право—чисто фиктивное. Еслибъ это право было дѣйствительное, то можно было бы удивляться, что на губернатора, обремененнаго занятіями и отвѣтственностію гораздо болѣе, чѣмъ мировые судьи, возложено наблюденіе за составленіемъ списковъ присяжныхъ по всей губерніи, тогда какъ составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года убоялись обременить мироваго судью порученіемъ ему подобнаго дѣла даже по одному его участку. Но въ настоящемъ случаѣ ничего подобнаго не было, ибо ст. 94 ставила по этому вопросу губернатора въ самое пассивное положеніе. На его просмотръ представлялись общіе, то-есть первоначальные списки, въ которые присяжные должны быть вносимы въ силу внѣшнихъ, а не внутреннихъ условій, и на губернатора возлагалась обязанность только повѣрить, соотвѣтствуютъ ли внесенныя лица требованіямъ закона лишь въ формальномъ отношеніи, то-есть требованіямъ ценза. Весь этотъ просмотръ ограничивается очевидно простою справкой, и губернатору остается только переслать списки для подобной повѣрки съ документами исправнику или полицеймейстеру, если онъ не находитъ возможнымъ положиться на коммиссію, которая, дѣйствуя на мѣстѣ, гораздо ближе къ источнику этихъ справокъ, нежели самъ

* Ibidem, стр. XIII.

губернаторъ. Даже въ томъ случаѣ, когда губернаторъ, усмотрѣвъ неправильное съ формальной точки зрѣнія внесеніе какого-либо лица въ списокъ, сочтетъ нужнымъ его исключить, онъ, по ст. 94, не только обязанъ объяснять коммиссіи причину исключенія, но самое его рѣшеніе подчинено, по ст. 96, обжалованію въ Сенатъ, такъ какъ „никто не можетъ быть въ одномъ и томъ же дѣлѣ и стороной, и судьей", сказано въ комментаріяхъ къ ст. 94 учрежд. Судебн. Уст. „Посему, говорится далѣе, губернаторы, какъ первые въ губерніяхъ блюстители пользъ государства и общественнаго порядка, должны принимать сколь возможно *менѣе* участія въ избраніи присяжныхъ, дабы не подать никакого повода къ подозрѣнію, что судъ присяжныхъ составленъ въ односторонникъ видахъ обвиненія, изъ *агентовъ административной власти*, и не подорвать тѣмъ довѣрія къ этому учрежденію". Въ противномъ случаѣ, по мнѣнію составителей Судебныхъ Уст., „учрежденіе присяжныхъ не достигло бы своего назначенія, потому что *не доставляло бы даже тѣхъ* огражденій, которыя представляетъ постоянный судъ, составленный изъ опытныхъ юристовъ" (?) *. Какимъ образомъ дѣйствительный, а не фиктивный контроль губернатора, въ составленіи списка присяжныхъ дѣлаетъ его судьей? Какимъ образомъ, при этомъ контролѣ, судъ оказывается составленнымъ въ односторонникъ видахъ обвиненія, когда обвинителями являются независимые отъ губернаторовъ прокуроры? Какимъ образомъ, наконецъ, участіе губернатора въ составленіи списка присяжныхъ дѣлаетъ послѣднихъ огуломъ *агентами административной власти*, когда губернаторъ не имѣетъ никакого отношенія къ судопроизводству?

Далеко не такія ограниченныя права предоставлены, по ст. 99, той же самой коммиссіи, когда она, по полученіи отъ губернатора общихъ списковъ, составляетъ, по ст. 97, списокъ очередныхъ и запасныхъ засѣдателей, т.-е. выбираетъ изъ общаго списка, составленнаго на основаніи внѣшнихъ условій, тѣхъ лицъ, которыя *по внутреннимъ условіямъ* должны отправлять активно обязанности присяжныхъ: здѣсь уже не допускается не только вмѣшательства губернатора, но и обжалованія заинтересованныхъ лицъ. Правда, въ этихъ коммиссіяхъ, состоящихъ изъ избранныхъ земскимъ собраніемъ членовъ, участвуетъ при составленіи очередныхъ списковъ, по ст. 97, *одинъ* изъ мировыхъ судей, и предсѣдаетъ уѣздный предводитель, но оба они имѣютъ только

* Ibidem, стр. 86.

два голоса, и составляютъ посему меньшинство; оба они очевидно пріурочены къ этому дѣлу, какъ и губернаторъ къ повѣркѣ общихъ списковъ, только какъ декорація, отнюдь не препятствующая безконтрольному и окончательному преобладанію членовъ всесословнаго большинства, органами коего, по смыслу всѣхъ этихъ узаконеній, и должны быть присяжные.

Изъ этого видно, что, по убѣжденію составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года, избраніе присяжныхъ представителями земства, при пассивномъ предсѣдательствѣ уѣзднаго предводителя дворянства, при столь же пассивномъ участіи одного изъ выборныхъ судей и при фактическомъ устраненіи административной власти ото всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, является тѣмъ спасительнымъ фильтромъ, чрезъ процѣживаніе въ коемъ получается „выраженіе чистой совѣсти лучшихъ людей“, признаваемое уже затѣмъ „*приговоромъ общественной совѣсти*“ *, хотя вопросъ о томъ, дѣйствительно ли земство способно выдѣлять изъ своей среды *лучшихъ* людей и одну только *чистую* совѣсть, не разрѣшенъ еще и теперь, по истеченіи двадцатилѣтняго опыта, а приговоры избранныхъ такимъ образомъ присяжныхъ такъ далеко разошлись съ общественною совѣстью, въ теченіе этого же періода времени, что для улучшенія системы выбора присяжныхъ призваны были недавно къ участію во временныхъ коммиссіяхъ не только прокурорскій надзоръ, но и мѣстная полиція **.

Вообще, раздѣленіе процедуры назначенія присяжныхъ на двѣ функціи: на опредѣленіе сначала внѣшнихъ, а затѣмъ внутреннихъ условій, существуетъ вездѣ въ европейскихъ государствъ, но нигдѣ эти функціи не предоставлены одной и той же коммиссіи, и нигдѣ органы государственной власти не устранены отъ непосредственнаго участія при назначеніи присяжныхъ. Изъ очерка иностранныхъ законодательствъ, приведеннаго выше, намъ извѣстно, что, кромѣ Англіи, гдѣ очередные присяжные берутся по-очереди изъ цензоваго списка, въ Италіи, Германіи и Австріи, даже во Франціи, это раздвоеніе процедуры выразилось въ воз-

---

* Ibidem, стр. 88.

** Высочайше утвержденное 12 іюня 1884 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, ст. V, §§ 3 и 4 (въ дополненіе къ ст. 97 Учрежд. Судебн. Уст.). Впрочемъ, этихъ новыхъ правилъ совершенно недостаточно для устраненія тѣхъ неудобствъ, которыми сопровождается у насъ выборъ присяжныхъ засѣдателей, о чемъ будетъ нами подробно сказано въ своемъ мѣстѣ.

ложеніи упомянутыхъ двухъ функцій на отдѣльныя коммиссіи, причемъ опредѣленіе внѣшнихъ, формальныхъ условій предоставлено было управленію общинъ, а окончательное опредѣленіе внутреннихъ условій—областнымъ коммиссіямъ, въ которыхъ участвуютъ представители судебной и административной власти (во Франціи, одной судебной). Независимо отъ сего, тамъ существуетъ между этими двумя инстанціями еще особая, средняя инстанція для составленія изъ общинныхъ списковъ—окружнаго; въ ней участвуютъ и выборные представители мѣстнаго самоуправленія, но не иначе, какъ совмѣстно съ представителями судебной власти.

Такимъ образомъ на Западѣ, вопреки установленнымъ у насъ порядкамъ, назначеніе присяжныхъ, начинаясь съ опредѣленія ихъ формальныхъ условій въ общинѣ, подвергается повѣркѣ и объединенію въ окружныхъ коммиссіяхъ, и окончательно, съ точки зрѣнія внутреннихъ условій, разрѣшается въ коллегіи, имѣющей уже государственный характеръ, вслѣдствіе чего назначенные послѣднею присяжные и являются не выборными делегатами мѣстнаго самоуправленія, а призванными государственною властью участниками судебнаго дѣла.

VI.

Можно было по крайней мѣрѣ надѣяться, что, привлекая къ обязанности присяжныхъ наименѣе образованную и наименѣе развитую часть населенія, назначая присяжныхъ посредствомъ всесословнаго выбора безо всякаго участія власти, ни административной, ни судебной, составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года озаботятся, чтобъ эти присяжные были обставлены необходимыми гарантіями противъ собственнаго увлеченія, чтобы процедура судопроизводства была у насъ если не болѣе, то столько же какъ на Западѣ ограждена вліяніемъ юридическаго элемента отъ случайности впечатлѣній, и чтобы вердикты присяжныхъ были подчинены непремѣннымъ требованіямъ фактической очевидности.

Но при составленіи Уставовъ 1864 года было поступлено совершенно налерекоръ этому взгляду.

По стт. 100 и 102 учрежд. Судебныхъ Уст., въ очередной списокъ присяжныхъ засѣдателей вносятся: въ столицахъ съ ихъ уѣздами по 1.200 лицъ; по уѣздамъ, въ которыхъ болѣе 100.000 жителей—400 лицъ, а по уѣздамъ, гдѣ менѣе 100.000 жителей—

200 лицъ и, кромѣ того, въ спискахъ запасныхъ присяжныхъ: въ столицахъ—по 200, въ прочихъ городахъ—по 60 лицъ. Внесенныя въ очередные списки лица распредѣляются временною коммиссіей, согласно ст. 107, по четвертямъ года, и затѣмъ списки съ этимъ подраздѣленіемъ сообщаются предсѣдателю окружнаго суда, а указанные въ спискахъ присяжные увѣдомляются полиціей съ обозначеніемъ очереди, въ которой они обязаны явиться по требованію суда. По ст. 550 Уст. Угол. Судопр., за три недѣли до открытія судебныхъ засѣданій съ присяжными засѣдателями, изъ очереднаго списка ихъ назначаются по жребію, при открытыхъ дверяхъ присутствія, 30 присяжныхъ и 6 запасныхъ. Затѣмъ, по ст. 656, передъ самымъ судебнымъ засѣданіемъ, послѣ отвода сторонами, должно остаться неотведенныхъ присяжныхъ не менѣе 18, изъ коихъ, по стт. 658, 659 и 661, остаются по жребію 14: двѣнадцать изъ нихъ составляютъ присутствіе присяжныхъ; остальные двое—запасные, постулающіе въ составъ присутствія лишь по выбытіи кого-либо изъ числа двѣнадцати *.

Въ этомъ составѣ присутствіе присяжныхъ выслушиваетъ сначала обвинительный актъ, потомъ допросъ подсудимыхъ и свидѣтелей, составляющій такъ-называемое судебное слѣдствіе, далѣе пренія обвинителя и защитника и резюме предсѣдателя и, наконецъ, произноситъ свой вердиктъ въ формѣ отвѣтовъ на предлагаемые предсѣдателемъ вопросы.

Мы не остановимся на обвинительномъ актѣ, изготовляемомъ на основаніи предварительнаго слѣдствія (и утверждаемомъ су-

---

* Нельзя не обратить при этомъ вниманія на слѣдующее обстоятельство. По смыслу ст. 84 учрежд. Суд. Уст., большинство присяжныхъ выбираются изъ наименѣе обезпеченныхъ классовъ населенія, и тѣмъ не менѣе имъ не предоставлено денежнаго вознагражденія за проѣздъ и на содержаніе, хотя судебныя засѣданія часто происходятъ верстъ за 50 и болѣе отъ мѣста жительства присяжныхъ и продолжаются иногда до трехъ дней. Отсутствіе этого вознагражденія, въ особенности присяжнымъ изъ сельскаго населенія, нельзя ничѣмъ оправдать. Еслибы присяжные участвовали въ судебномъ засѣданіи по *праву*, факультативно, то отсутствіе вознагражденія было бы еще понятно; но сами составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года провозгласили, что это *обязанность*, и за уклоненіе отъ ея исполненія установили штрафъ. Даже въ Англіи, гдѣ присяжные избираются изъ числа лицъ, подлежащихъ значительному цензу, назначается каждому по полгинеи за всякое судебное засѣданіе.

дебною палатой), такъ какъ судебное слѣдствіе не только часто опровергаетъ предварительное, но даже вводитъ совершенно новые факты для сужденія о дѣлѣ; поэтому мы перейдемъ прямо къ судебному слѣдствію, которое, вмѣстѣ съ преніемъ сторонъ, представляетъ тѣ два капитальные момента, на коихъ зиждется вердиктъ присяжныхъ.

Повидимому, въ постановленіяхъ о судебномъ слѣдствіи заключается все, что необходимо для огражденія присяжныхъ отъ неправильнаго разрѣшенія вопроса о виновности или невиновности подсудимаго, даже тогда, когда по ст. 680 Уст. Угол. Судопр. онъ на судѣ самъ признаетъ себя виновнымъ, чего нѣтъ вовсе въ Англіи, гдѣ присяжные участвуютъ въ разсмотрѣніи дѣла лишь въ томъ случаѣ, когда подсудимый не признаетъ себя виновнымъ. Но стт. 684, 719 и 724, право допроса подсудимаго и свидѣтелей предоставлено не только сторонамъ, какъ въ Англіи, но и предсѣдателю суда, судьямъ и самимъ присяжнымъ. Затѣмъ, по ст. 721, обвинителю и защитнику дана возможность устранять изъ доказательствъ то, чего свидѣтели самолично не видѣли и не слыхали, то-есть доказательства, исходящія не изъ прямаго источника, но предъявляемыя посредственно, по слуху, изо вторыхъ или третьихъ рукъ. Наконецъ, въ случаѣ предъявленія новыхъ доказательствъ одною изъ сторонъ, другой предоставлено право, по ст. 734, выставить соотвѣтственное опроверженіе; кромѣ того, по ст. 739, обвинителю запрещено въ своей рѣчи быть одностороннимъ, а защитнику по ст. 745—распространяться о предметахъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ дѣлу.

Но всѣ эти постановленія нисколько не оберегаютъ присяжныхъ отъ усвоенія ими самымъ хаотическихъ понятій о признакахъ и дѣйствительности преступленія.

Странно положеніе присяжныхъ, когда имъ приходится отыскивать признаки невиновности подсудимаго, признавшаго себѣ на судѣ виновнымъ. Подобнымъ признаніемъ подсудимый подтверждаетъ правильность предварительнаго слѣдствія, а новымъ судебнымъ слѣдствіемъ эта правильность очевидно оспаривается. Такая коллизія двухъ слѣдственныхъ процедуръ сопровождается неизбѣжно разными усложненіями, и оцѣнка ихъ требуетъ глубокаго опыта, которымъ едва ли часто отличаются присяжные. Кромѣ того, уничтожая все значеніе собственнаго сознанія подсудимыхъ на судѣ, такой порядокъ вещей приводитъ по необходимости къ приданію первенствующей силы доказательствамъ

второстепеннымъ и косвеннымъ. Это постановленіе включено въ нашъ Уставъ Уголовнаго Судопроизводство конечно съ цѣлію оградить виновнаго отъ его собственнаго увлеченія; но такой характеръ могло оно имѣть только при прежнемъ порядкѣ судопроизводства, когда подсудимый, подъ тяжестію формальныхъ уликъ и продолжительнаго предварительнаго заключенія, при отсутствіи гласной процедуры, а главное, не имѣя защитника, предпочиталъ иногда посредствомъ вынужденнаго сознанія вырваться изъ рукъ слѣдователей и судей и такъ или иначе рѣшить свою участь. При новыхъ же формахъ судопроизводства, при гласности, при устной защитѣ, при отсутствіи формальныхъ доказательствъ, при ускоренности процесса—эти причины вынужденнаго сознанія исчезаютъ, и сознаніе въ собственной винѣ должно было бы, напротивъ, вести лишь къ устраненію той особой инстанціи которой, въ случаѣ несознанія подсудимаго, предоставлено рѣшать вопросъ о его винѣ или невиновности. Поэтому-то въ Англіи рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ, въ случаѣ сознанія подсудимаго безъ участія присяжныхъ, никогда не считалось нарушеніемъ правъ обвиненнаго, тѣмъ болѣе, что идти въ тюрьму, на каторгу, или на смерть, имѣя средства оправдаться, едва ли придетъ кому на умъ. Вообще, подобныя сознанія по значительнымъ преступленіямъ встрѣчаются рѣдко, а случаи, чтобы невинный сознательно принялъ на себя вину—еще рѣже. Тѣмъ не менѣе даже въ Англіи, хотя подсуди-мый, сознавшійся въ преступленіи, не судится судомъ присяжныхъ, но судьба его не рѣшается простымъ подведеніемъ его преступленія подъ извѣстную статью закона: его сознаніе не останавливаетъ прені я сторонъ, и приговоръ судьи является результатомъ не только сознанія подсудимаго, но и этихъ преній pro и contra. Непремѣнное же участіе присяжныхъ, какъ доказалъ опытъ, вовсе не гарантія противъ юридическихъ ошибокъ. Съ другой стороны, предполагаютъ, что слѣдователь при производствѣ предварительнаго слѣдствія, прокуроръ при составленіи обвинительнаго акта, обвинительная инстанція при утвержденіи этого акта, наконецъ самый судъ по выслушаніи защиты—не усмотрятъ, что обвиненный сознался неправильно, было бы болѣе чѣмъ непослѣдовательно. Доискиваться же правды только въ вердиктѣ присяжныхъ, руководимыхъ защитой, равносильно упраздненію авторитета всѣхъ судебныхъ органовъ предъ авторитетомъ присяжныхъ и вліяніемъ защиты, которая въ этомъ случаѣ пріобрѣтаетъ по сему уже не равныя съ обвиненіемъ права, но безусловное надъ обвиненіемъ преобладаніе. Между тѣмъ настой-

чивое судебное переизслѣдованіе, направленное исключительно къ оспариванію выводовъ предварительнаго слѣдствія, уже съ самаго начала предрасполагаетъ присяжныхъ не къ безпристрастію, но къ снисхожденію, въ ущербъ кореннымъ требованіямъ правосудія.

Что же касается устраненія доказательствъ, исходящихъ не изъ прямаго источника, то оно состоитъ лишь въ томъ, что сторонамъ предоставлено право предлагать свидѣтелю вопросъ „не только о томъ, что онъ видѣлъ, или слышалъ, но также и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя доказываютъ, что онъ не могъ показаннаго ни видѣть, ни слышать, или по крайней мѣрѣ не могъ видѣть или слышать такъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ". Само собою разумѣется, что обвиненіе и защита, получивъ такія показанія, имѣютъ полное основаніе заключать изъ нихъ о недѣйствительности предъявленныхъ доказательствъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы послѣднія совершенно теряли силу и въ глазахъ присяжныхъ. Самый фактъ предъявленія на судѣ *посредственныхъ* доказательствъ, какъ бы затѣмъ не опровергалась ихъ сила, не остается безслѣднымъ для присяжныхъ, особенно если одна изъ сторонъ сумѣетъ ловкими софизмами заподозрить или ослабить ихъ заочность. Присяжнымъ остается во всякомъ случаѣ открытымъ поле для широкихъ сомнѣній, которыя, по примѣру Англіи и по мнѣнію Миттермайера, отклоняются только положительнымъ недопущеніемъ, при присяжномъ судопроизводствѣ, системы посредственныхъ, заочныхъ и вообще доказательствъ, основанныхъ на предположеніяхъ, а не на фактахъ. Но о недопущеніи вовсе на судѣ такихъ сомнительныхъ доказательствъ въ нашемъ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства нѣтъ и помину: ст. 721 разрѣшаетъ только заподозривать ихъ посредствомъ допроса, но отнюдь не воспрещаетъ ихъ. Такимъ образомъ, судебное слѣдствіе можетъ быть обремѣняемо не только массой сомнительныхъ доказательствъ, но усложняется и расплывается въ своемъ объемѣ, чѣмъ несомнѣнно затрудняется ясное, наглядное, фактическое пониманіе дѣла присяжными. Эта неограниченность доказательствъ, составляющая въ то же время естественное послѣдствіе отсутствія въ уставѣ уголовнаго судопроизводства *правилъ о доказательствахъ*, раздробляетъ вниманіе присяжныхъ, побуждая ихъ, подъ вліяніемъ ловкаго обвинителя, и еще болѣе ловкаго защитника, сосредоточивать свое вниманіе не на фактахъ преступленія, но на личныхъ свойствахъ подсудимаго, прямаго отношенія къ преступленію не имѣющихъ, но имѣющихъ цѣлію представить подсудимаго: съ точки зрѣнія

обвиненія—безусловно способнымъ на всякое преступленіе, а съ точки зрѣнія защиты—столь же безусловно неспособнымъ ни на какое. Это ставитъ присяжныхъ въ такое положеніе, что имъ приходится не рѣдко произносить вердиктъ на основаніи общихъ, полубезсознательныхъ соображеній о томъ, можетъ ли напр. человѣкъ никогда не воровавшій оказаться когда-нибудь способнымъ къ воровству, а хорошій семьянинъ—совершить поддѣлку документовъ, человѣкъ съ чувствительнымъ сердцемъ—предумышленное убійство и т п.

Въ этомъ лабиринтѣ фактовъ и впечатлѣній весьма трудно разобраться даже ученому юристу, и самому практическому судьѣ, а не только присяжному, случайно привлеченному къ рѣшенію подобныхъ дѣлъ, и взятому изъ неразвитой городской среды или изъ безграмотнаго сельскаго населенія.

Самая ст. 734 отнюдь не устраняетъ наплыва косвенныхъ и постороннихъ доказательствъ; ею предписывается лишь предварительное заявленіе суду о новыхъ доказательствахъ, не предвидѣнныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и предоставленіе противной сторонѣ возможности приготовиться къ состязанію—но и только.

Затруднительное положеніе нашихъ неразвитыхъ, полуграмотныхъ присяжныхъ становится, при такомъ характерѣ судебнаго слѣдствія, еще затруднительнѣе послѣ рѣчей обвиненія и защиты.

Конечно, ст. 739 не дозволяетъ обвинителю быть односторонникъ, а ст. 745 запрещаетъ защитнику распространяться о предметахъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ дѣлу. Но оба эти постановленія не имѣютъ серіознаго значенія. Воспрещеніе обвинителю быть односторонникъ такъ обще и неопредѣленно, что его даже странно встрѣтить въ положительномъ законѣ, Односторонность—понятіе отвлеченное и неуловимое: провести фактическую грань между односторонностію и безпристрастіемъ далеко не легко. Законъ освобождаетъ прокурора отъ обвиненія, если оно, по его убѣжденію, оказывается недосказаннымъ; но если прокуроръ убѣжденъ въ виновности подсудимаго, то его обвинительная рѣчь не можетъ быть заявленіемъ pro и contra подсудимаго, а необходимо будетъ только contra. Тутъ средины не можетъ быть; остается, конечно, желать, чтобы обвинитель не усиливалъ обвиненія сверхъ мѣры, но это уже вопросъ о личныхъ свойствахъ прокурора, которыя не могутъ быть регламентовзны никакимъ формальнымъ постановленіемъ, но должны имѣться въ виду только начальствомъ, при избраніи прокуро-

ровъ. Какъ не стѣсненъ относительно оправданія защитникъ, такъ не можетъ быть стѣсненъ въ обвиненіи прокуроръ; въ противномъ случаѣ нарушается равновѣсіе правъ обвиненія и защиты. Естественное ограниченіе односторонности какъ обвиненія, такъ и защиты, заключалось бы, какъ въ Англіи, въ правилахъ о доказательствахъ, а не въ отвлеченномъ предписаніи умѣренности той или другой сторонѣ. За отсутствіемъ же правилъ о доказательствахъ, односторонность является неизбѣжною, какъ для энергическаго обвиненія, такъ и для страстной защиты, но и то, и другое еще болѣе должно затруднить объективный характеръ вердикта присяжныхъ. Гораздо легче соблюсти, повидимому, постановленіе, чтобы защитникъ не распространялся о предметахъ, не относящихся къ дѣлу. Но какъ скоро нашъ законъ не разборчивъ относительно косвенныхъ и постороннихъ доказательствъ, то странно предполагать, что воспрещеніе адвокатурѣ касаться не относящихся къ дѣлу предметовъ можетъ быть примѣнено на практикѣ. Есть много обстоятельствъ, которыя касаются подсудимаго не прямо, а посредственно, и еще болѣе подробностей, которыя, не касаясь фактически corpus dilicti, характеризуютъ нравственную физіономію подсудимаго. Какъ скоро законъ не ограничиваетъ судебнаго разбирательства правилами о доказательствахъ, всѣ эти косвенные ингредіенты, дающіе сильное, хотя и одностороннее оружіе обвиненію и защитѣ, не могутъ быть безусловно удаляемы изъ судебныхъ преній, какъ это мы и видимъ во Франціи. Самые неподходящіе эпизоды изъ жизни подсудимаго, самыя смѣлыя аналогіи могутъ быть въ этомъ случаѣ пріурочиваемы къ предмету обвиненія посредствомъ самыхъ софистическихъ пріемовъ.

Такимъ образомъ рѣчи обвиненія и защиты усложняютъ еще болѣе, чѣмъ не въ мѣру расплывающееся судебное слѣдствіе, задачу нашихъ присяжныхъ, то утомляя, то возбуждая, хотя и не равномѣрно, ихъ вниманіе, причемъ впечатлительность ихъ неизбѣжно склоняется не на тѣ пункты процесса, которые должны имѣть нормальное значеніе съ точки зрѣнія уголовнаго правосудія, а преимущественно на болѣе эффектныя мѣста обвинительной и защитительной рѣчей.

Этому разброду и одностороннему направленію впечатлительности присяжныхъ должна, по идеѣ составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года, противодѣйствовать слѣдующая за преніями сторонъ постановка вопросовъ, и въ особенности резюме, съ которымъ обращается къ присяжнымъ предсѣдатель суда, вручая

имъ вопросы *). Но постановка вопросовъ производитъ на присяжныхъ только минутное, почти незамѣтное впечатлѣніе, а синтезисъ предсѣдателя, даже при всевозможномъ съ его стороны безпристрастіи, не въ силахъ сосредоточить вниманіе присяжныхъ: это краткое изложеніе сущности дѣла не можетъ отвлечь ихъ отъ тѣхъ разнородныхъ думъ и сомнѣній, которыя были возбуждены судебнымъ слѣдствіемъ и преніемъ сторонъ, продолжавшимися, въ особенности при сложныхъ процессахъ, въ теченіе цѣлаго дня, даже ночи, а иногда даже нѣсколькихъ дней и ночей. Съ другой стороны, такой резюме затруднителенъ для самыхъ искусныхъ, самыхъ опытныхъ, самыхъ ученыхъ предсѣдателей-юристовъ, и потому еще затруднительнѣе для предсѣдателей неопытныхъ и не солидно образованныхъ, для предсѣдателей, коихъ вся наука ограничена сдачей въ ранней юности выпускнаго экзамена въ Школѣ Правовѣдѣнія или по юридическому факультету въ одномъ изъ университетовъ. Столь сложнаго синтезиса изъ такой хаотической массы прямыхъ и косвенныхъ, посредственныхъ и непосредственныхъ доказательствъ не требуется даже отъ гораздо болѣе испытанныхъ, чѣмъ у насъ, предсѣдателей на Западѣ, ибо тамъ, кромѣ Франціи, и судебное слѣдствіе, а слѣдовательно и резюме предсѣдателя ограничены

---

*) Вопросы первоначально формулируются у насъ коллегіальнымъ присутствіемъ суда, то-есть предсѣдателемъ, или товарищемъ предсѣдателя окружнаго суда, совокупно съ участвующими въ засѣданіи судьями. Не мѣшаетъ однако замѣтить, что кромѣ Англіи, гдѣ при разрѣшеніи дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей руководитъ засѣданіемъ только одинъ судья (высшаго суда), въ другихъ западныхъ государствахъ участвуетъ въ этомъ случаѣ, какъ и у насъ, тоже судебная коллегія; но тамъ она составляется изъ членовъ, назначаемыхъ предсѣдателемъ, аппелляціоннаго суда изъ судей первой инстанціи, въ предсѣдательствѣ почти всегда одного изъ судей аппелляціоннаго суда. При составленіи Основныхъ Положеній 1862 года было предположено и у насъ, что, по *важнымъ уголовнымъ дѣламъ члены Палаты могутъ быть командируемы для предсѣданія въ засѣданіяхъ окружныхъ судовъ съ присяжными засѣдателями* (ibidem, т. III, стр. IX); но это предположеніе оставлено было, при составленіи Судебныхъ Уставовъ 1864 года, безъ послѣдствій. Мы рѣшительно недоумѣваемъ почему, вопреки примѣру западныхъ государствъ, гдѣ присяжные существовали задолго до нашей судебной реформы, устранено было у насъ въ этомъ случаѣ участіе судей высшей инстанціи, то есть палаты, гораздо болѣе опытныхъ чѣмъ чины окружныхъ судовъ, то-есть инстанціи низшей.

разборомъ не всѣхъ обстоятельствъ безъ различія, но только тѣхъ, которыя подходятъ подъ принятыя закономъ правила о доказательствахъ. Между тѣмъ у насъ, по ст. 801, требуется отъ предсѣдателей своего рода юридическая лекція, такъ какъ они обязаны, для вящаго просвѣщенія присяжныхъ, объяснять при этомъ, сверхъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла, не только *законы*, относящіеся къ опредѣленію свойства преступленія или проступка, но и *общія юридическія основанія* къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго. Правда, такое указаніе на законы не имѣетъ въ дѣйствительности никакого значенія, ибо по ст. 804 тотъ же самый предсѣдатель, въ заключеніе своего резюме, принужденъ напоминать присяжнымъ, что они должны опредѣлить вину или невиновность подсудимаго *только по внутреннему своему убѣжденію* и, слѣдовательно, отнюдь не стѣсняясь постановленіемъ закона. Да и вообще авторитетъ всего предсѣдательскаго резюме не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ по ст. 803, онъ излагаетъ свои объясненія *не въ видѣ непреложныхъ указаній*, а лишь въ смыслѣ *предостереженія* отъ всякаго увлеченія, такъ что присяжные, даже по закону, совершенно вольны не обращать ни малѣйшаго вниманія на всю эту лекцію.

Подобный порядокъ вещей затруднилъ бы присяжныхъ, гораздо болѣе развитыхъ и образованныхъ, чѣмъ наши. Выслушавъ предсѣдательское резюме, присяжные остаются, какъ и прежде, подъ тягостію самыхъ разнорѣчивыхъ впечатлѣній, которыя имъ чрезвычайно трудно привести къ общему знаменателю, даже несмотря на то, что ихъ отвѣты, до извѣстной степени, ограничены рамкой предложенныхъ имъ послѣ резюме вопросовъ.

Способъ постановки вопросовъ присяжнымъ опредѣленъ въ стт. 750—764. Этими постановленіями введена у насъ та система многовопросности, которая свойственна французскому типу присяжныхъ, въ противоположность англійскому, по которому ставится только одинъ вопросъ о виновности подсудимаго. Дробность и сложность этой системы не могутъ не затруднять присяжныхъ, отъ которыхъ требуется, чтобъ они выразили не только свое общее впечатлѣніе о дѣлѣ, но еще вошли и въ детальную оцѣнку многочисленныхъ доказательствъ pro и contra. Допускаемое по закому участіе сторонъ при постановкѣ вопросовъ, хотя и существенно необходимо въ интересахъ обвиненія и защиты, само по себѣ не содѣйствуетъ объективности вопросовъ, такъ какъ стороны имѣютъ при этомъ въ виду, по своему на-

значенію, вовсе не объективность, а совершенно другія цѣли. Вотъ почему предсѣдатель долженъ нерѣдко отстаивать эту объективность, даже противъ притязанія сторонъ, что̀ требуетъ не только опытности, но еще особаго умѣнья и глубокаго юридическаго образованія, ожидать чего однако отъ нашей новосозданной магистратуры невозможно. Затрудняясь массой матеріала, представляемаго судебнымъ слѣдствіемъ и преніемъ сторонъ, предсѣдатель, не подготовленный судебнымъ опытомъ и недостаточно проникнутый юридическими воззрѣніями, можетъ скорѣе самъ увлечься предвзятыми идеями и формулировать въ этомъ смыслѣ вопросы, а предсѣдатель неспособный можетъ поставить вопросы запутанные, и даже взаимно противорѣчащіе, предлагая, напримѣръ, отдѣльно вопросъ о фактѣ, и отдѣльно вопросъ о виновности по тому же факту, какъ это у насъ часто и повторялось въ теченіе истекшихъ двадцати лѣтъ.

При такомъ порядкѣ вещей, характеръ предлагаемыхъ присяжнымъ вопросовъ, извлекаемыхъ изъ массы прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, вполнѣ зависитъ, такъ-сказать, отъ случая. При нивознѣ дѣла это ведетъ всего чаще къ тому, что многовопросная система, и безъ того затрудняющая неразвитыхъ и полуграмотныхъ присяжныхъ, получаетъ огромное развитіе, выражается въ десяткахъ, въ сотнѣ (и даже болѣе) вопросовъ, вслѣдствіе чего вниманіе присяжныхъ еще болѣе раздробляется: они теряютъ всякую руководящую нить, затрудняются вникнуть въ основные элементы процесса, оставаясь безсознательными отголосками только тѣхъ его частей, которыя были имъ съ особенною рельефностью подчеркнуты сторонами, и всего болѣе защитникомъ, говорившимъ въ опроверженіе обвинителя и послѣ него.

Заимствуя отъ Запада институтъ присяжныхъ, составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года не могли обойти молчаніемъ вопроса о томъ: какая система предпочтительнѣе: многовопросная или единовопросная. Они сначала выразили мысль, что „принятіе французской системы постановки дробныхъ вопросовъ угрожаетъ еще и тѣмъ, что заключительныя пренія сторонъ получатъ у насъ то же развитіе, какъ во Франціи, *гдѣ все стремленіе прокурора и защитника направлено къ распаленію страстей возбужденіемъ ненависти или жалости къ подсудимому, безо всякаго почти отношенія къ доказательствамъ, собраннымъ слѣдствіемъ*“. Въ подтвержденіе этого совершенно справедливаго взгляда, они даже прибѣгаютъ къ авторитету Миттермайера, приводя цитату изъ его сочиненія: *Die Gesetzgebung und Rechtsübung über*

Strafverfahren 1856 года, въ которой этотъ защитникъ истиутa присяжныхъ, не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ французской системы дробныхъ вопросовъ, полагаетъ однако видоизмѣнить ее по англійскому образцу: „*упростивъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе обвинительнаго акта, направивъ судебное слѣдствіе и приговоръ присяжныхъ только на то преступленіе, въ которомъ кто либо обвиняется*, и давъ рѣчи предсѣдателя надлежащее значеніе". „Принятіе англійской системы имѣло бы тѣ выгоды, сказано по этому поводу дальше, что присяжнымъ легко было бы слѣдовать внушенію своей совѣсти и *избѣгнуть принужденій и заблужденій, возможныхъ при искусственной постановкѣ вопросовъ по французской системѣ*".

Но всѣ эти благія намѣренія были огульно устранены составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года „при окончательномъ обсужденіи сего вопроса". *) Вся ихъ аргументація сведена лишь къ тому, „что предсѣдатель суда дѣлаетъ присяжнымъ объясненія по постановленіи вопросовъ", а не посредственно послѣ прeнія сторонъ; похвальныя же соображенія о томъ, чтобы не возбуждать ненависти или жалости къ подсудимому, упростить содержаніе обвинительнаго акта, направить судебное слѣдствіе и приговоръ присяжныхъ только на преступленіе, въ которомъ обвиняется подсудимый, ограничить наконецъ вредъ многовопросной системы, все это приведено въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ только для красоты слога, и французская многовопросная система была пересажана къ намъ безъ малѣйшаго ограниченія.

Нѣтъ посему ничего удивительнаго, что самое крупное, самое глубокое впечатлѣніе на присяжныхъ должно производить обязательное, по ст. 804, упоминаніе предсѣдателя, что присяжные, отвѣчая на вопросъ о виновности по внутреннему своему убѣжденію, могутъ признать подсудимаго и заслуживающимъ *снисхожденія*. Составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года, слѣдуя французскому образцу, совсѣмъ забыли, что если вопросъ о виновности можетъ быть болѣе или менѣе рѣшаемъ безъ юридической подготовки, по впечатлѣніямъ разума и совѣсти, то вопросъ о смягченіи наказанія есть уже спеціально юридическій— о мѣрѣ наказанія, который можетъ быть основательно рѣшенъ только судьями. У насъ этотъ спеціально юридическій вопросъ предлагается присяжнымъ, еще менѣе подготовленнымъ опытомъ

*) Изданіе Государст. Канцеляріи 1867 года, т. II, стр. 293—294.

жизни чѣмъ на Западѣ, и въ тотъ именно критическій моментъ, когда имъ ясно видны не обстоятельства дѣла, не разумно, логически взвѣшенныя доказательства pro и contra, не требованія закона, а лишь окончательный исходъ дѣла, сужденіе о коемъ отъ нихъ требуется по общему безсознательному впечатлѣнію отъ происходившей на ихъ глазахъ драмы. Но этотъ исходъ представляется имъ не въ видѣ объективнаго рѣшенія о виновности, а въ смыслѣ болѣе понятномъ для ихъ народнаго міровоззрѣнія, въ смыслѣ не осужденія или оправданія по разумному соображенію всѣхъ доказательствъ, которыхъ они нерѣдко не могутъ даже удержать въ памяти, а помилованія или непомилованія подсудимаго. Можно ли поэтому удивляться, что, при столь возможныхъ въ подобномъ случаѣ колебаніяхъ и разногласіяхъ, они хватаются если не всегда за полное оправданіе, то чаще всего за дачу снисхожденія, видя въ этомъ актѣ какъ бы компромиссъ своей совѣсти съ требованіями чиновныхъ прокуроровъ и судей. Всякому, не призванному въ силу своего оффиціальнаго званія и въ силу опредѣленной по закону обязанности произносить обвинительные приговоры очень тяжело, по чисто человѣческому чувству, давать вердиктъ, послѣдствіе котораго есть тяжкое уголовное наказаніе; еще труднѣе это присяжнымъ, взятымъ изъ народа, людямъ неразвитымъ и полуграмотнымъ, обуреваемымъ сомнѣніями, непонимающимъ часто сути дѣла, отуманеннымъ сѣтями адвокатской софистики и, къ тому же, въ силу своего традиціоннаго міровоззрѣнія, считающимъ зачастую подсудимаго не столько врагомъ государственнаго и общественнаго порядка, сколько несчастнымъ. Въ своемъ юридическомъ неразумѣ, чтобы не принять грѣха на душу, они всегда будутъ болѣе склонны простить подсудимому или облегчить его участь, хотя ихъ задача — рѣшать вопросъ безпристрастно. И они тѣмъ легче склоняются въ эту сторону, что рѣшительно ничѣмъ не стѣснены и совершенно безотвѣтственны, даже менѣе стѣснены, чѣмъ верховная власть, которая, имѣя право изрекать помилованіе подсудимымъ, несетъ въ этомъ случаѣ хотя не юридическую, но глубокую, для всѣхъ очевидную нравственную отвѣтственность и сообразуетъ свои акты милосердія съ предусматриваемымъ вліяніемъ ихъ на нравственное состояніе народа.

Ссылка на крайнюю строгость нашихъ уголовныхъ законовъ, какъ на мотивъ для предоставленія присяжнымъ права давать подсудимому снисхожденіе, не можетъ имѣть никакого значенія. Если законъ признается, по своей строгости, несоотвѣтствен-

нымъ, то это неудобство устраняется измѣненіемъ закона, а доколѣ законъ не измѣненъ—ходатайствомъ суда предъ верховною властью о смягченіи наказанія. Предоставленіе же этой верховной прерогативы присяжнымъ тождественно съ передачей имъ одного изъ коренныхъ аттрибутовъ верховной власти. Если этотъ порядокъ существуетъ во Франціи, то не мѣшало бы вспомнить, что тамъ верховная власть, даже во время Второй Имперіи, признавалась исходящею въ принципѣ отъ народа. Но этого нѣтъ въ Англіи, а въ Германіи и Австріи присяжные даютъ снисхожденіе не факультативно, но лишь когда судъ, въ указанныхъ закономъ случаяхъ, предлагаетъ имъ о томъ особый вопросъ.

Настроенные такимъ образомъ присяжные должны наконецъ произнести свой вердиктъ. *) Вопросъ о томъ, долженъ ли этотъ вердиктъ быть постановленъ единогласно или по большинству голосовъ, обратилъ на себя особое вниманіе составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года. Они вошли при этомъ въ разсмотрѣніе не только западныхъ законодательствъ, но и нашихъ порядковъ, и мнѣнія по этому вопросу также раздѣлились, какъ при разсмотрѣніи системы выбора или назначенія судей, правилъ о доказательствахъ и способа назначенія присяжныхъ. Но какъ и въ этихъ случаяхъ, разнорѣчіе составителей Судебныхъ Уставовъ имѣло здѣсь послѣдствіемъ странный компромиссъ.

Въ защиту единогласія, принятаго въ Англіи, Ирландіи, на островѣ Мальтѣ и въ Сѣверной Америкѣ и, до преобразованія въ 1877, году существовавшаго въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, приводилось, что только этою системой подачи голосовъ устраняется вполнѣ всякое сомнѣніе въ справедливости приговора

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что, по ст. 805, присяжные, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній, не могутъ обращаться за разъясненіемъ къ предсѣдателю суда обыкновеннымъ порядкомъ, но должны для сего вернуться изъ своей камеры въ залу засѣданія и тамъ обратиться къ предсѣдателю со своими вопросами *публично*, какъ бы подъ контролемъ публики. Между тѣмъ въ Австріи предсѣдателю суда предоставлено по закону входить съ этою цѣлью въ камеру присяжныхъ въ сопровожденіи секретаря, прокурора и адвоката подсудимаго, а во Франціи, по обычаю, предсѣдатель суда, въ случаѣ заявленія присяжныхъ о необходимости какого-либо разъясненія, входитъ въ камеру присяжныхъ *одинъ*. Такимъ образомъ у насъ всякое *непосредственное* соприкосновеніе присяжныхъ съ судомъ такъ же тщательно устранено, какъ и участіе органовъ государственной власти при назначеніи присяжныхъ.

присяжныхъ; что двухъ справедливыхъ рѣшеній одного дѣла быть не можетъ; что отсутствіе согласія всегда есть признакъ незрѣлости убѣжденія и поверхностности совѣщанія; что признавать разнорѣчивый приговоръ за достаточный значило бы утверждаться на *случайныхъ мнѣніяхъ*; что вообще основываться при этомъ на большинствѣ голосовъ значило бы окончательно отказаться отъ внутренней *правды*, принести ее въ жертву *чистому произволу*, прикрытому большинствомъ голосовъ, и сдѣлать изъ суда *лотерею*, гдѣ вопросъ о жизни или смерти рѣшается простымъ математическимъ уравненіемъ и т. п. Вообще же защитники единогласія утверждали, что, при отсутствіи законной теоріи доказательствъ, одно лишь единодушіе можетъ служить вѣрною порукой въ томъ, что судьба обвиняемаго рѣшается не произвольно, и настойчиво указывали на то, что *„вѣковой опытъ Англіи служитъ доказательствомъ возможности единогласія, такъ какъ случаи, въ коихъ оно не могло быть достигнуто, вообще чрезвычайно рѣдки: по статистическимъ свѣдѣніямъ, они являются не болѣе одного раза въ періодъ отъ пяти до десяти лѣтъ.“* *) (Хотя, при всей убѣдительности этихъ доводовъ, защитники единогласія ошибались, думая, что въ Англіи нѣтъ, по закону, правилъ о доказательствахъ, которыя собственно и облегчаютъ достиженіе единогласія присяжными).

Противники единогласія, со своей стороны, доказывали, что „нерѣдко единогласіе бываетъ вынужденное и основанное не на внутреннемъ убѣжденіи, а на необходимости единодушнаго приговора, и слѣдовательно на насиліи“, забывая, что при системѣ большинства то же насиліе испытываетъ меньшинство, голосъ котораго безслѣдно устраняется вслѣдствіе случайнаго перевѣса одного или двухъ голосовъ. Примѣръ же Англіи они находили неубѣдительнымъ лишь потому, что и тамъ въ послѣднее время возбуждались различныя предложенія противъ единогласія присяжныхъ, хотя всѣ эти предложенія и не имѣли до сихъ поръ никакихъ практическихъ послѣдствій. Затѣмъ ссылались на примѣръ Пруссіи (до введенія новаго, общаго для всей Германіи Устава Уголовнаго Судопроизводства) и на примѣръ другихъ европейскихъ государствъ, въ которыхъ признается необходимымъ большинство *двухъ третей* голосовъ. Но все это — примѣры законодательствъ, въ которыхъ институтъ присяжныхъ возникъ по французскому тилу; вотъ почему противники едино-

*) Ibidem, стр. 298.

гласія, считая эти примѣры недостаточно убѣдительными, ссылались *съ особою подробностью* на примѣръ Франціи, находя въ ней „важное разъясненіе настоящаго вопроса“. Вотъ что они говорятъ:

„Законодательство Франціи рѣшилось испытать на себѣ всѣ практическія послѣдствія различныхъ системъ разрѣшенія спорнаго вопроса, ибо оно, со времени введенія суда присяжныхъ и до настоящей поры, представляетъ рядъ постоянныхъ колебаній“. На этомъ основаніи приводится подробный перечень всѣхъ измѣненій по этой части во Франціи, но при этомъ противники единогласія благоразумно умалчиваютъ, что всѣ эти измѣненія обусловлены были *не рѣшимостью испытать различныя системы голосованія присяжныхъ съ точки зрѣнія юридической*, но вліяніемъ политическихъ партій, имѣвшихъ всего менѣе въ виду безпристрастное и независимое отправленіе правосудія. Тѣмъ не менѣе, сами противники единогласія должны были признаться что „изъ опыта французскаго законодательства трудно выводить какое-либо положительное заключеніе: ибо, хотя приведенныя выше (то-есть въ ихъ аргументаціи) свѣдѣнія и указываютъ иногда на увеличеніе числа осуждающихъ приговоровъ, но *никто не можетъ знать, сколько на дѣлѣ преступниковъ избавлялось отъ наказанія при дѣйствіи одного закона, и не наказывались ли невинные люди при дѣйствіи другаго*“ *).

При такой неудовлетворительности вывода изъ подробнаго разсмотрѣнія французскаго законодательства, можно было надѣяться, что даже и въ средѣ противниковъ единогласія французская система большинства минуетъ нашу судебную реформу.

Этого тѣмъ болѣе можно было ожидать, что въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ, изданныхъ Государственною Канцеляріей, помѣщены, вслѣдъ за этими соображеніями, указанія на то, что въ Россіи почти никогда не было системы абсолютнаго большинства голосовъ при рѣшеніи дѣлъ въ общественныхъ и коллегіальныхъ учрежденіяхъ: русскій народный обычный судъ, *міръ*, рѣшаетъ дѣла единогласно; порядокъ единогласнаго рѣшенія существовалъ до 1868 г. и въ Департаментахъ Сената, а въ общемъ собраніи Сената заключенія постановляются окончательно двумя третями голосовъ; наконецъ, система относительнаго, а не абсолютнаго большинства голосовъ принята у насъ при исключеніи

*) Ibidem, стр. 298—301.

дворянина изъ дворянскихъ собраній, при удаленіи порочнаго мѣщанина изъ общества и т. п.

Констатируя поэтому, что „простое большинство голосовъ доселѣ не допускалось“, составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года даже заявляли, что „нельзя было однако жаловаться у насъ на то, что общества были слишкомъ снисходительны при пользованіи предоставленнымъ имъ правомъ удаленія порочныхъ людей“.

„На основаніи всѣхъ сихъ соображеній, *предполагалось* постановить, что, при разрѣшеніи предложенныхъ присяжнымъ вопросовъ, осужденіе обвиняемаго должно быть произносимо не иначе, какъ большинствомъ *двухъ третей* всѣхъ голосовъ, а именно восемью голосами“ *).

Но этотъ компромиссъ защитниковъ и противниковъ единогласія послужилъ лишь, какъ это ни кажется страннымъ, поводомъ къ безусловному принятію французской системы абсолютнаго большинства голосовъ; и до такого противорѣчиваго рѣшенія составители Судебныхъ Уставовъ дошли—что̀ должно показаться еще болѣе страннымъ, опираясь на теорію единогласія.

Именно, вслѣдствіе возраженія, предъявленнаго впослѣдствіи противъ означеннаго компромисса защитниками единосласія, принятъ былъ затѣмъ **) другой компромиссъ, въ силу котораго присяжнымъ для достиженія единогласія назначено было, въ комнатѣ опредѣленной для совѣщанія, *не менѣе двухъ часовъ* времени, послѣ чего, въ случаѣ разномыслія, имъ вмѣнено уже разрѣшать предложенные вопросы по простому большинству голосовъ.

Такимъ образомъ, *подъ предлогомъ уступки принципу единогласія двухъ часовъ для совѣщанія, устранено было вполнѣ и относительное большинство двухъ третей голосовъ.*

Но и это заключеніе не было окончательнымъ, а только посредствующимъ. Чтобы доставить окончательное торжество французской системѣ, надо было теперь устранить и эти *два* часа.

Означенная цѣль была достигнута „при окончательномъ обсужденіи сего вопроса“; это все та же мистическая фраза, которою составители Судебныхъ Уставовъ уже не разъ прикрывали свое отступленіе отъ провозглашенныхъ ими же самими благихъ намѣреній. „При окончательномъ обсужденіи сего вопроса *признано*„

*) Ibidem, стр. 303.

**) Ibidem, стр. 304.

что вышеизложенный краткій очеркъ *развитія института присяжныхъ во Франціи* показываетъ только, что практикой доказана уже несостоятельность *всякой другой системы* постановленія рѣшеній присяжными, кромѣ системы простаго большинства голосовъ (?). Требовать для постановленія обвиненія приговора не менѣе восьми или десяти голосовъ изъ двѣнадцати, значитъ возвращаться къ той системѣ, которая признана уже на опытѣ ведущею къ безнаказанности преступниковъ (?). Но и правило о томъ, что въ случаѣ разномыслія между присяжными засѣдателями, они должны оставаться въ комнатѣ, назначенной для совѣщанія, не менѣе двухъ часовъ, не можетъ быть принято. Такое правило замедлило бы ходъ уголовныхъ дѣлъ (на два часа?) и было бы излишнимъ (?) бременемъ въ исполненіи довольно тягостной обязанности присяжныхъ засѣдателей, не принося взамѣнъ того никакой пользы. Добросовѣстные присяжные и безъ предписанія закона не прекратятъ совѣщаній до уясненія себѣ предмета разномыслія и до испытанія всѣхъ средствъ убѣжденія къ соглашенію различныхъ мнѣній; присяжныхъ же засѣдателей, равнодушныхъ къ исполненію своего дѣла, такое правило могло бы побудить къ принятію, вопреки ихъ внутреннему убѣжденію, мнѣнія наиболѣе настойчиваго товарища ихъ, лишь бы отдѣлаться скорѣе отъ совѣщаній и засѣданія въ судѣ. Единогласіе присяжныхъ желательно только при томъ условіи, чтобъ оно выражало дѣйствительно одинаковость убѣжденій, придающую нравственную силу ихъ рѣшенію. Но нѣтъ никакого основанія желать, чтобы на судѣ присяжныхъ преобладалъ голосъ кого-либо одного изъ нихъ, можетъ-быть такого лица, котораго настойчивость имѣетъ источникомъ не силу внутренняго убѣжденія, а какое-либо внѣшнее вліяніе“ *).

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, многовѣковой примѣръ Англіи и Сѣверной Америки, гдѣ принята система единогласія, и многолѣтній примѣръ другихъ государствъ Запада, гдѣ принята система относительнаго большинства, наконецъ примѣры изъ нашего же, русскаго, законодательства признаны были со стороны теоретиковъ судебной реформы незаслуживающими ни малѣйшаго вниманія, и только примѣръ Франціи, гдѣ институтъ присяжныхъ развился изъ борьбы партій между собою и съ верховною властію, провозглашенъ достойнымъ подражанія для рус-

*) Ibidem, стр. 304—305.

скаго суда. Въ своемъ увлеченіи эти теоретики даже не замѣтили, что самую необходимость единогласнаго рѣшенія присяжныхъ они опровергали такими обоюдоострыми аргументами, которые въ равной степени направлены какъ противъ относительнаго, такъ и противъ излюбленнаго ими простаго большинства, какъ, напримѣръ, равнодушіе присяжныхъ, настойчивость одного изъ нихъ и т. п.; что, наконецъ, они весь судъ присяжныхъ подчинили, какъ лотерею, не нормальному, но самому случайному господству числа.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ разногласій, компромиссовъ и переобсужденій явилась ст. 813 Уст. Уголовн. Судопроизв., на основаніи которой присяжные *„должны* склонять свои мнѣнія къ единогласному рѣшенію“, а въ томъ случаѣ если разномысліе между ними не устранится, предложенные вопросы „разрѣшаются ими *по большинству голосовъ*“.

Должны склоняться къ единогласію, но рѣшаютъ *по большинству*,—то-есть должны, но отнюдь не обязаны. Согласна ли такая редакція съ тою положительностью, которая требуется отъ закона? Какую обязательную силу имѣетъ въ этомъ случаѣ слово *должны*, когда присяжнымъ предоставляется дѣйствовать и иначе?

При этомъ ст. 813 опредѣляетъ, что „при раздѣленіи голосовъ *поровну* принимается то мнѣніе, которое послѣдовало въ пользу подсудимаго“; точно также по ст. 814 рѣшается и вопросъ о дачѣ снисхожденія. Слѣдовательно, по принятой у насъ, какъ и во Франціи, системѣ простаго большинства голосовъ, вопросъ о виновности рѣшается не двѣнадцатью голосами, но только шестью, а согласить шесть голосовъ неразвитыхъ и полуграмотныхъ, и потому пассивныхъ присяжныхъ вовсе не трудно, въ особенности при распространенномъ въ нашемъ народѣ взглядѣ на подсудимаго, какъ на несчастнаго. Ясно посему, что весь нашъ институтъ присяжныхъ есть не что иное какъ машина для оправданія или смягченія участи подсудимаго, но вовсе не для объективнаго сужденія о его винѣ. Замѣчательно, что такой порядокъ установленъ у насъ составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года, несмотря даже на опасеніе, ими же выраженное, что наши присяжные будутъ имѣть „неизбѣжное безъ того побужденіе къ оправданію такихъ преступниковъ, которые, въ случаѣ признанія ихъ виновными, подлежали бы по закону строгому наказанію *).

*) Ibidem, стр. 308. Несмотря на то, по ст. 828, нашимъ судьямъ предоставлено, по примѣру западныхъ законодательствъ, право ходатай-

И судъ, подобно автомату, подводитъ этотъ незрѣлый и случайный вердиктъ подъ статью дѣйствующаго кодекса и изрекаетъ свой приговоръ, исходящій въ дѣйствительности только формально отъ органовъ верховной власти, а въ сущности изъ того агрегата случайныхъ впечатлѣній, которымъ въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ дано пышное названіе *суда общественной совѣсти.*

По ст. 854, постановленный на основаніи такого вердикта присяжныхъ приговоръ признается окончательнымъ и можетъ быть отмѣненъ (по ст. 855) по жалобѣ подсудимаго и по протесту прокурорскаго надзора только *въ кассаціонномъ порядкѣ*, то-есть (по 912) лишь въ случаѣ нарушенія существенныхъ *обрядовъ* и *формъ* судопроизводства и прямаго смысла закона при опредѣленіи преступленія и рода наказанія, — словомъ, по вопросамъ касающимся только дѣятельности суда, но не присяжныхъ, случайное рѣшеніе которыхъ, какъ бы оно ни было несообразно, остается посему не только выше приговора суда, но очевидно обставлено тою же неприкосновенностью, какъ и акты верховной власти.

Во Франціи вердиктъ присяжныхъ, въ силу принципа народодержавія, тоже не отмѣняемъ и не стѣсненъ положительнымъ закономъ, но за то присяжные, при общей распространенности тамъ школьнаго образованія, назначаются съ участіемъ опредѣляемыхъ правительствомъ мировыхъ судей, а въ Италіи они вербуются изъ лицъ обладающихъ значительнымъ имущественнымъ цензомъ и цензомъ по способностямъ. Въ Германіи, гдѣ школьное образованіе развито какъ нигдѣ, и въ Австріи, гдѣ оно гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Россіи, присяжные назначаются при участіи судебныхъ и административныхъ органовъ; кромѣ того, здѣсь допускается для подсудимыхъ жалоба на приговоръ ассизнаго суда въ формѣ ходатайства о ревизіи, которая, какъ мы въ своемъ мѣстѣ объяснили, имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что соображенія о правовыхъ отношеніяхъ не отдѣлены въ нѣмецкомъ законодательствѣ отъ сужденія о фактѣ и входятъ, путемъ предсѣдательскаго резюме, въ компетентность присяжныхъ безъ той въ законѣ оговорки, которая у насъ совершенно дискредитируетъ предсѣдательскій резюме, предоставляя окончательному усмотрѣ-

---

ства предъ верховною властью о помилованіи, а по ст. 818, право передачи дѣла новому составу присяжныхъ по единогласному мнѣнію судей о невиновности подсудимаго, признаннаго присяжными виновнымъ.

нію нашихъ присяжныхъ обращать или не обращать на это резюме ни малѣйшаго вниманія. Въ Австріи же на приговоры ассизнаго суда допускается, сверхъ кассаціи, и аппеляція по вопросу о наказаніи въ судъ второй степени. Наконецъ, въ Англіи не только существуютъ правила о доказательствахъ, значительно ограничивающія присяжныхъ, но какъ въ случаѣ *оправданія*, такъ и въ случаѣ обвиненія, судья имѣетъ право признать вердиктъ присяжныхъ ошибочнымъ и требовать отъ нихъ новаго совѣщанія, а въ случаѣ сознанія подсудимаго постановляетъ приговоръ даже безъ участія присяжныхъ.

VIII.

Изъ всего этого легко усмотрѣть, что въ то самое время, когда континентальныя государства Европы заботились о выработкѣ своеобразнаго, свойственнаго ихъ національнымъ особенностямъ, типа присяжныхъ, удаляясь отъ французскаго первообраза и приближаясь къ англійскому,—составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года ввели у насъ этотъ институтъ не только по французскому типу, но даже усилили свойственный и безъ того этому типу характеръ общественнаго самосуда, изъявъ выборъ присяжныхъ отъ всякаго участія органовъ государственной власти. И это нововведеніе было насаждено у насъ несмотря на то, что съ одной стороны, институтъ присяжныхъ нисколько не соотвѣтствовалъ умственному, нравственному, политическому и общественному развитію Россіи, а съ другой—наши новосозданные судьи, не имѣя вовсе соотвѣтственной подготовки, поставлены были въ необходимость примѣнять къ присяжному судопроизводству устарѣлый уголовный кодексъ, составленный въ виду совершенно другихъ требованій.

Съ юридической точки зрѣнія, нашъ институтъ присяжныхъ отличается двумя крупными особенностями: отсутствіемъ въ законѣ правилъ о доказательствахъ и совершенною обособленностію отъ суда.

Между тѣмъ Миттермайеръ главную заслугу нашей судебной реформы (по Основнымъ Положеніямъ 1862 года) находилъ именно въ предположеніи включить въ Судебные Уставы особыя правила о доказательствахъ. Вотъ его собственныя слова: „во избѣжаніе приговоровъ, основанныхъ только на неопредѣленномъ, *такъ-называемомъ внутреннемъ убѣжденіи*, въ проектъ предпола-

галось, для руководства судей и присяжныхъ, помѣстить, въ приложеніи, правила для обсужденія доказательствъ". Далѣе онъ говоритъ: „Правда, въ этомъ проектѣ были и такія статьи, которыя возбуждали немаловажныя сомнѣнія. Послѣ многихъ совѣщаній, уставъ уголовнаго судопроизводства былъ составленъ, и изъ сравненія его съ проектомъ (т.-е. съ Основными положеніями 1862 года) оказалось, что въ него внесены многія новыя, *не находящіяся даже въ другихъ законодательствахъ, опредѣленія*, но въ то же время не исправлены и многія неточности, вошедшія въ него въ видѣ исключенія; кромѣ того, *хорошія опредѣленія совсѣмъ упущены*", — въ томъ числѣ и столь похваляемыя имъ *правила о доказательствахъ* *).

Устраненіе этихъ правилъ и дало всего болѣе возможность обвиненію, а въ особенности защитѣ, сосредоточивать утомленное судебнымъ слѣдствіемъ вниманіе нашихъ неразвитыхъ и полуграмотныхъ присяжныхъ на постороннихъ эпизодахъ дѣла, равно какъ на показаніяхъ неприсяжныхъ свидѣтелей, превращая судебную процедуру въ сенсаціонную мелодраму, исходъ которой зависитъ не отъ существа доказательствъ, но отъ софистики и краснобайства сторонъ.

И при такихъ-то обстоятельствахъ было у насъ совершенно нейтрализовано умѣряющее и разъяснительное вліяніе суда на присяжныхъ. Судъ и присяжные, это двѣ чуждыя другъ другу коллегіи по нашимъ Судебнымъ Уставамъ. Единственная, активная дѣятельность суда выражается лишь въ постановкѣ вопросовъ, которые, вытекая изъ неограниченныхъ правилами о доказательствахъ судебнаго слѣдствія и пренія сторонъ, способны, при введенной у насъ многовопросной системѣ, скорѣе сбить присяжныхъ съ толку, нежели сосредоточить ихъ вниманіе на ясномъ пониманіи существенныхъ сторонъ дѣла. Но затѣмъ, въ произнесеніи вердикта, присяжные не стѣснены ни закономъ, ни даже фактомъ: они облечены такою дискреціонною властію, которой не имѣетъ ни одно учрежденіе во всей Россійской Имперіи.

Этой самостоятельности присяжныхъ изъ неразвитыхъ и полуграмотныхъ слоевъ населенія придано у насъ еще особенное значеніе. Избираемые помимо всякаго участія органовъ государственной власти, они являются независимыми, хотя и крайне измѣнчивыми, органами мѣстнаго самоуправленія; но облечен-

*) *Европейскіе и американскіе суды присяжныхъ*, выпускъ 2й, стр. 474—475 и 479.

ные правомъ смягченія участи подсудимыхъ, и даже правомъ совершеннаго помилованія, посредствомъ признанія подсудимыхъ невиновными вопреки фактической очевидности, они въ то же время оказываются носителями такихъ прерогативъ, которыя доселѣ были присущи только верховной власти.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года, создавая изъ нѣдръ земства такую самостоятельную инстанцію, обставили ее приличнымъ церемоніаломъ: по ст. 817, „*всѣ* находящіяся въ засѣданіи лица встаютъ со своихъ мѣстъ и выслушиваютъ рѣшеніе присяжныхъ *стоя*“,—какъ при провозглашеніи Высочайшихъ повелѣній и приговоровъ, произносимыхъ органами государственнаго суда по указу Его Императорскаго Величества.

Очевидно, что возникшій въ этомъ видѣ въ Россіи въ 1864 году *суда присяжныхъ*,—не столько судъ *общественной совѣсти*, какъ его у насъ назвали, сколько *общественный самосудъ* въ самомъ широкомъ смыслѣ, не имѣющій никакой связи съ государственнымъ судомъ, не существующій ни въ одной монархіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мировой судъ.

I. Сокращенное судопроизводство по мелкимъ тяжбамъ и проступкамъ на Западѣ.—II. Предположенія о мировомъ судѣ въ проектахъ графа Блудова.—III. Видоизмѣненіе этихъ предположеній въ Основныхъ Положеніяхъ 1862 года.—IV. Цензъ и выборъ мировыхъ судей.—V. Законъ и обычай.—VI. Аппелляція.—VII. Кассація.—VII. Заключеніе.

I.

Почти вездѣ на Западѣ существуютъ, сверхъ общихъ судебныхъ инстанцій, особые мѣстные суды, разбирающіе мелкіе проступки и тяжбы сокращеннымъ порядкомъ. По непосредственной связи съ мѣстными условіями народной жизни, организація и характеръ мѣстнаго суда не выработались въ видѣ какого-либо единообразнаго, нормальнаго типа; въ каждомъ государствѣ этотъ судъ имѣетъ, напротивъ, своеобразную форму. Но составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года совершенно невѣрно полагали, что „мировое прекращеніе дѣлъ до начала судебнаго разбора, и даже во время онаго, должно быть преимущественною его задачей, и потому судъ сей извѣстенъ подъ названіемъ мироваго“ *). Мѣстный судъ называется мировымъ только въ нѣкоторыхъ государствахъ, и самое прекращеніе дѣлъ миромъ далеко не вездѣ составляетъ „преимущественную“ задачу мѣстнаго суда, да и примѣнимо оно лишь къ гражданскимъ дѣламъ и къ искамъ по оскорбленіямъ, но отнюдь не къ проступкамъ. Самое названіе мѣстнаго суда *мировымъ* въ Англіи произошло не отъ обязанности его *примирять* стороны, а отъ слова *миръ* въ смыслѣ гораздо болѣе широкомъ. Мировые судьи, возникшіе прежде всего въ этой странѣ, были властными обере-

*) Изданіе Государств. Канц. 1867 года, т. I, стр. 42.

гателями *земскаго мира*, то есть общественной тишины и безопасности; для обезпеченія этого мира, они, кромѣ судебной, имѣли еще обширную административную власть, вопреки тому принципу безусловнаго отдѣленія судебной власти отъ полицейско-административной, который былъ положенъ въ основаніе нашего мироваго института *).

Еще по древне-саксонскому праву существовали въ Англіи такъ-называемые custodes pacis и conservatores pacis. Они принимали мѣры противъ грабежа и разбоя, завѣдывали полиціей, чинили судъ и расправу. Должность эта была первоначально наслѣдственною, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выборною. Но король Эдуардъ III Исповѣдникъ (1042—1066 годовъ) самъ сталъ назначать этихъ должностныхъ лицъ, переименовавъ ихъ въ мировыхъ судей и опредѣливъ точнѣе ихъ судебныя обязанности **).

Въ такой видоизмѣненной формѣ это древнее учрежденіе сохранилось въ Англіи, несмотря на всѣ превратности историческихъ судебъ, почти до настоящаго времени. Оно удержалось при нашествіи Норманновъ, не исчезло въ буряхъ средневѣковаго феодализма, уцѣлѣло при усиленіи королевской власти и ужилось съ новыми условіями конституціонной формы правленія. До половины текущаго столѣтія мировые судьи были дѣйствительными правителями отдѣльныхъ округовъ, на которыя подраздѣляются графства въ Англіи. Хотя они назначались верховною властью изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ 100 фунт. стерлинговъ ежегоднаго дохода, но всегда изъ аристократическихъ (не по происхожденію только, но и по богатству) классовъ. Званіе это до такой степени срослось съ государственною жизнью Англіи, до такой степени стало почетнымъ, что оно было также присвоено всѣмъ перамъ, членамъ тайнаго совѣта, короннымъ судьямъ, городскимъ мерамъ и нѣкоторымъ высшимъ государственнымъ чинамъ. Въ большихъ городахъ имѣлись еще особые мировые судьи. Обязанности мировыхъ судей были пожизненныи и безмездныя. Они опредѣляли почти всѣхъ второстепенныхъ въ округѣ чиновниковъ, распредѣляли сборы

---

*) *Ibidem*, стр. X, пунктъ 2.

**) При этомъ надо замѣтить, что въ то отдаленное время подъ названіемъ *судей* обозначались вообще лица, на которыхъ возлагались безразлично какъ судебныя, такъ и правительственныя обязанности. Таковы были напримѣръ judices въ началѣ Среднихъ Вѣковъ въ Римѣ (Gregorovius, *Geschihte der Stadt Rom*).

на мѣстныя потребности, ловѣряли отчеты, были непремѣнными членами приходскихъ совѣтовъ, имѣли наблюденіе за подозрительными лицами, разгоняли мятежныя сборища, прекращали драки, подвергали аресту каждаго нарушителя общественной тишины и разбирали мелкія тяжбы и проступки въ малыхъ и четвертныхъ сессіяхъ. *)

Но эта система, принесшая Англіи въ свое время огромную пользу, оказалась, съ наступленіемъ новыхъ, болѣе сложныхъ государственныхъ и общественныхъ условій, недостаточною. Необходимость болѣе дѣйствительной государственной централизаціи сознали и въ Англіи: въ 1871 году образованъ былъ здѣсь, въ составѣ министерства, *совѣтъ мѣстнаго управленія* (Local Government Board), послѣдствіемъ чего было учрежденіе мѣстныхъ коммиссій, хотя и сохранившихъ въ значительной степени права прежняго мѣстнаго самоуправленія, но подчиненныхъ этому совѣту. Съ учрежденіемъ означенныхъ коммиссій, къ нимъ перешла бо́льшая часть административной власти мировыхъ судей, которые удержали свое вліяніе лишь въ качествѣ членовъ этихъ коммиссій **). А еще прежде, въ 1846 году, была ограничена юрисдикція мировыхъ судей по гражданскимъ дѣламъ. Теперь по дѣламъ гражданскимъ разбирательству мировыхъ судей подлежатъ въ Англіи только тяжбы, которыя не подсудны судамъ графствъ ***). По дѣламъ уголовнымъ единоличная юрисдикція мировыхъ судей тоже весьма ограниченная; болѣе значительная закононарушенія разбираются ими въ такъ-называемыхъ petty session (малыя засѣданія), гдѣ засѣдаютъ двое судей, и въ quarter session (четвертныя засѣданія), гдѣ ихъ бываетъ нѣсколько. Послѣднимъ засѣданіямъ подвѣдомы: воровство безъ взлома, мошенничество, покушеніе на преступленіе, ущербы, нерадѣніе при исполненіи публичныхъ обязанностей, нарушеніе правилъ объ охотѣ и о благоустройствѣ дорогъ, пьянство, споры между хозяевами и рабочими и т. п. Жалоба на ихъ рѣшенія допу-

*) Fonblanque, стр. 248, Démombynes ч. I, стр. 22—23.

**) *Démombines*, ч. I, ibid и стр. 21; *Fonblanque*, стр, 88—89.

***) Судамъ графствъ подсудны разные иски въ 10, 20, 50 фунт. стерлинговъ, а по нѣкоторымъ дѣламъ и выше, оскорбленія посредствомъ печати (libels) и брачныя обѣщанія; аппелляція по искамъ выше 20 фунт. стерлинговъ подается въ высшій судъ, по искамъ же ниже этой суммы—только съ разрѣшенія самого судьи. Вообще судъ графствъ, хотя и единоличный, имѣетъ всѣ признаки суда первой степени. Démombynes, ibidem, стр. 49—52.

скается, за отсутствіемъ вообще въ Англіи судовъ второй степени, въ *аппелляціонное* отдѣленіе высшаго суда; она должна быть мотивирована неправильнымъ примѣненіемъ закона или несоблюденіемъ установленныхъ формъ судопроизводства. Малыя же засѣданія обыкновенно ограничиваются первоначальнымъ изслѣдованіемъ разныхъ закононарушеній *), причемъ они имѣютъ право освобождать обвиняемаго отъ преслѣдованія за отсутствіемъ доказательствъ, или отсылать его къ подлежащему суду, смотря по роду преступленій; только въ самыхъ неважныхъ случаяхъ мировые судьи въ малыхъ засѣданіяхъ могутъ приговаривать къ наказаніямъ. **) Предсѣдателемъ четвертныхъ засѣданій въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ мировые судьи избираютъ обыкновенно извѣстнаго или опытнаго юриста (судью или адвоката), получающаго за это особое вознагражденіе; секретарь же мироваго суда въ каждомъ мировомъ округѣ (clerk of the peace), получающій тоже весьма значительное содержаніе (1.200 фунтовъ стерлинговъ въ годъ), назначается изъ лицъ, занимавшихся при судьѣ или при извѣстномъ адвокатѣ не менѣе четырнадцати лѣтъ, или бывшихъ клерками при полицейскомъ судѣ не менѣе семилѣтъ ***).

Вообще англійскіе мировые судьи, возникши изъ феодальныхъ отношеній, имѣютъ доселѣ еще значительно сословный характеръ и, кромѣ административныхъ обязанностей, отправляютъ, въ судебномъ отношеніи, обязанности судебной полиціи и исправительнаго суда, касаясь весьма мало суда гражданскаго, а посему ихъ примирительная дѣятельность совершенно ничтожна ****).

Изъ Англіи, мировой судъ былъ перенесенъ, въ концѣ прошлаго вѣка, во Францію, но здѣсь это учрежденіе получило совершенно иной характеръ. Въ сущности мировой судъ во Франціи замѣнилъ прежнюю мѣстную патримоніальную, муниципальную и цеховую юрисдикцію, и потому есть шагъ впередъ по пути объединенія судебной власти и подчиненія ея въ этой странѣ государственному началу. Но введенные въ 1789 году мировые судьи

---

*) Кромѣ дѣлъ объ убійствахъ, слѣдствіе по которымъ производитъ coroner, и дѣлъ о государственной измѣнѣ, по которымъ существуетъ въ Англіи особая слѣдственная процедура, Fonblaque, стр. 250.

**) Fonblanque, стр. 249—250.

***) Démombynes, ч. I, стр. 23.

****) Болѣе крупное значеніе вообще, и болѣе широкую юрисдикцію сохранили мировые судьи въ Шотландіи. Démombynes, ч. I, стр. 79.

были не только всесословными; они были еще выборными, а слѣдовательно срочными. Отчасти по этой причинѣ, но еще болѣе вслѣдствіе потрясенія во время революціи всѣхъ мѣстныхъ отношеній, этотъ институтъ не имѣлъ первоначально никакого значенія; онъ подвергся коренному преобразованію во время консульства и первой имперіи, и съ тѣхъ поръ почти уже не испытывалъ существенныхъ измѣненій.

Мировыми судьями во Франціи могутъ быть, безо всякаго ценза, лица достигшія тридцати лѣтъ; они не принадлежатъ къ несмѣняемой магистратурѣ, ибо министръ юстиціи, назначающій ихъ, можетъ своею властію и удалять ихъ отъ должности. Каждый кантонъ имѣетъ своего мироваго судью, иногда съ помощникомъ. Кромѣ судебныхъ дѣлъ, на нихъ возлагается нерѣдко производство слѣдствій; они также несутъ многія административныя обязанности: предсѣдаютъ въ семейныхъ совѣтахъ, составляютъ разные акты, представляютъ интересы отсутствующихъ при составленіи инвентарей, наблюдаютъ за управленіемъ арестованнымъ имуществами, распоряжаются продажей захваченнаго скота, арестуютъ, при отсутствіи полицейскаго коммиссара, изданныя въ нарушеніе правъ литературной собственности произведенія печати, а также искусствъ, предсѣдаютъ въ жюри по экспропріаціи при проведеніи сельскихъ дорогъ и т. п.

Судебная власть французскаго мироваго судьи единоличная. Онъ склоняетъ къ примиренію по подсуднымъ ему гражданскимъ дѣламъ, и даже по нѣкоторымъ изъ подсудныхъ суду первой степени. Затѣмъ онъ рѣшаетъ *окончательно* иски не свыше 100 франковъ и *неокончательно*: иски до 200 франковъ, споры между содержателями гостиницъ, трактировъ и меблированныхъ комнатъ съ нанимателями, извощиковъ и лодочниковъ съ пассажирами, претензіи по найму и по арендѣ имуществъ, а также по всякимъ убыткамъ до 1.500 франковъ, всѣ недоразумѣнія по личному найму, по потравамъ и порубкамъ, по оскорбленіямъ словомъ и печатью, въ дракѣ и т. п. По дѣламъ уголовнымъ онъ разбираетъ вообще мелкія закононарушенія, не подсудныя суду первой инстанціи, за которыя положено не свыше 15 франковъ штрафа и пяти дней ареста. Но обнаруженіе закононарушеній принадлежитъ не мировому судьѣ, а прокурорскому надзору, который и получаетъ всѣ донесенія, заявленія и жалобы; представитель этого надзора присутствуетъ и при самомъ разбирательствѣ уголовныхъ дѣлъ.

На неокончательные приговоры мироваго судьи по дѣламъ гражданскимъ, а по уголовнымъ—при назначеніи *ареста вообще* или вознагражденія *свыше пяти франковъ*, допускается аппелляція въ окружный трибуналъ.

На окончательныя же рѣшенія мироваго судьи какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, можетъ быть приносима кассаціонная жалоба въ кассаціонный судъ; но эта процедура, по ничтожности подлежащихъ окончательному рѣшенію мироваго судьи дѣлъ, почти фиктивная и рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности *).

Изъ сего слѣдуетъ, что мировой судья во Франціи, не принадлежа ни къ составу магистратуры, ни къ органамъ мѣстнаго самоуправленія, есть не что̀ иное какъ судебно-полицейскій чиновникъ, состоящій подъ наблюденіемъ судебной и административной властей, безо всякаго самостоятельнаго значенія **).

Сокращенное судопроизводство по мелкимъ спорамъ и проступкамъ въ Италіи отличается особою оригинальностью. Для этой цѣли тамъ имѣются двѣ инстанціи, и одна изъ нихъ, низшая, хотя основана на началѣ примиренія и выборности, но не входитъ въ составъ магистратуры. Такое значеніе имѣютъ *согласители* (conciliatori) ***), по одному въ каждой общинѣ; въ болѣе обширныхъ общинахъ бываетъ нѣсколько согласителей. Они назначаются королемъ изъ трехъ кандидатовъ, избираемыхъ на три года и представляемыхъ общиннымъ совѣтомъ изъ числа гражданъ не моложе 25 лѣтъ и пользующихся избирательными правами. Обязанности ихъ безвозмездны; рѣшаютъ они дѣла единолично, но кругъ ихъ вѣдомства ограниченъ лишь мелкими *гражданскими* и *коммерческими* дѣлами, на сумму не свыше 30 лиръ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда не послѣдуетъ соглашенія, на приговоры ихъ приносится аппелляція въ высшую надъ ними мѣстную инстанцію, представляемую преторомъ. За отсутствіемъ въ общинѣ согласителя, его обязанности исполняетъ согласитель

---

*) Démombynes, ч. II, стр. 115—116 и 133.

**) Въ Бельгіи мировые судьи имѣютъ болѣе обширную компетентноть; они несмѣняемы и назначаются королемъ изъ *докторовъ правъ*. По уголовнымъ дѣламъ здѣсь мѣсто обвинителя занимаетъ полицейскій коммиссаръ, а въ его отсутствіи—бургомистръ или членъ думы (échevin); прочее почти какъ во Франціи; Démombynes, ч. I, стр. 222—223 и 228 и примѣчаніе на стр. 263.

***) Отъ conciliare—соглашать, а не мирить (pacificare).

сосѣдней общины, а если по сосѣдству нѣтъ и такового, то преторъ, и уже безъ аппелляціи.

Преторъ имѣется въ каждомъ округѣ (mandamento—въ составъ его входитъ нѣсколько общинъ); въ помощь ему полагается одинъ или нѣсколько вице-преторовъ. Въ городахъ съ населеніемъ въ 40.000 жителей имѣется нѣсколько преторовъ, и особый преторъ по дѣламъ уголовнымъ. Вице-преторы опредѣляются изъ числа состоящихъ при судебныхъ учрежденіяхъ кандидатовъ (auditori), то-есть изъ лавреатовъ университета, выдержавшихъ конкурсное испытаніе въ особой коммиссіи изъ судебныхъ чиновъ, юридическихъ профессоровъ и адвокатовъ-практиковъ. Но чтобы быть преторомъ необходимо пробыть аудиторомъ въ теченіе по крайней мѣрѣ года, и выдержать новый практическій экзаменъ предъ коммиссіей изъ двухъ совѣтниковъ судебной палаты, генеральнаго адвоката и его субститута, въ предсѣдательствѣ президента палаты; кромѣ того, преторами назначаются вице-преторы послѣ двухъ лѣтъ службы, а адвокаты, повѣренные, нотаріусы изъ лавреатовъ—послѣ 5—8 лѣтъ практики. Какъ преторы, такъ и вице-преторы, назначаются правительствомъ и не пользуются правомъ судейской несмѣняемости.

По гражданскимъ дѣламъ преторъ разбираетъ окончательно аппелляціонныя жалобы на рѣшенія примирителей и, въ первой инстанціи, гражданскіе и коммерческіе споры цѣной до 1.500 лиръ, а по уголовнымъ—полицейскія закононарушенія; аппелляція на его приговоры поступаетъ въ судъ 1-й инстанціи.

При судѣ претора присутствуетъ представитель прокуратуры: или agiunto judiziario, или uditore, или наконецъ делегатъ общественной безопасности (то-есть полиціи) *.

Въ Германіи мѣстный судъ принадлежалъ, какъ и во Франціи, патримоніальнымъ, муниципальнымъ и цеховымъ учрежденіямъ,

---

*) Démombynes, ч. I, стр. 320—322 и 331.

Въ Испаніи обязанности итальянскихъ согласителей и преторовъ исполняетъ муниципальный судья, назначенный предсѣдателемъ аппелляціоннаго суда (audiencia) изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ ему предсѣдателемъ суда 1-й степени (partido), на два года. безъ особаго ценза, изъ мѣстныхъ жителей. Кругъ вѣдомства этого судьи: окончательно—соглашенія сторонъ по разнымъ спорамъ, и неокончательно—по искамъ цѣной до 250 песетъ (270 франковъ), а по уголовнымъ дѣламъ—полицейскія закононарушенія; аппелляція въ судъ 1-й степени. При рѣшеніи дѣлъ присутствуетъ представитель правительственной власти (fiscal). Démombynes, ч. I, стр. 401.

но упраздненіе и замѣна ихъ общимъ для всѣхъ государственнымъ судомъ совершились въ этой странѣ гораздо медленнѣе и безъ революціонно-радикальныхъ переворотовъ. Не только примѣръ Французской революціи, но и распространеніе при Наполеонѣ I французскаго владычества на нѣкоторую часть Германіи, не искоренили здѣсь этой сословной юрисдикціи, и она сохранилась въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ даже послѣ переворота 1848—1849 годовъ. Окончательное упраздненіе всѣхъ этихъ судовъ послѣдовало только съ объединеніемъ Германіи послѣ Франко-Германской войны. Закономъ 27 января 1877 года о судебной организаціи постановлено было между прочимъ слѣдующее основное начало:

„Всѣ суды суть учрежденія государственныя. Существовавшія прежде частныя юрисдикціи упраздняются и замѣняются юрисдикціей государствъ, входящихъ въ составъ имперіи. Право представленія на судебныя должности тоже отмѣняется“. Остались въ силѣ только немногія особенности, свойственныя нѣкоторымъ отдѣльнымъ государствамъ; такъ, напримѣръ, въ Виртембергѣ и Баденѣ сохранены общинные суды, которымъ подвѣдомы гражданскіе иски не свыше 60 марокъ. Но затѣмъ во всей Германіи установлена одна общая форма мѣстнаго суда, Amtsgericht, представляемаго въ каждой волости амтсрихтеромъ. По гражданскимъ дѣламъ это судъ единоличный, по уголовнымъ — коллегіальный, съ участіемъ двухъ шеффеновъ.

Амтсрихтеры назначаются правительствомъ, какъ и всѣ судьи, изъ выдержавшихъ два раза экзаменъ предъ особою коммиссіей, состоящею изъ членовъ областнаго трибунала, прокуратуры, адвокатовъ и юридическихъ профессоровъ; первый до поступленія на службу, а второй по отбытіи четырехъ лѣтъ въ качествѣ референдарія при одномъ изъ судебныхъ учрежденій.

Порядокъ выбора шеффеновъ былъ нами уже указанъ по поводу выбора нѣмецкихъ присяжныхъ; порядокъ же участія шеффеновъ въ засѣданіи амтсгерихта опредѣляется заблаговременно по жребію, такъ что шеффенамъ неизвѣстны впередъ тѣ дѣла, къ обсужденію коихъ они призываются. Имъ полагается вознагражденіе за проѣздъ.

Прокуроръ (Amtsanwalt) присутствуетъ при рѣшеніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ.

По дѣламъ *гражданскимъ* единоличному суду амтсрихтера подсудны: 1) иски до 300 марокъ; 2) на всякую сумму—споры собственниковъ, хозяевъ и нанимателей съ рабочими и прислу-

той, трактирщиковъ съ путешественниками и т. п., 3) нарушеніе правилъ охоты; 4) просьбы объ интердиктѣ по причинѣ душевной болѣзни и расточительности; 5) банкротства и т. п. Кромѣ того, амтсрихтеру предоставленно склонять къ примиренію супруговъ, требующихъ развода или имѣющихъ намѣреніе разъѣхаться. Онъ также производитъ нѣкоторыя слѣдствія по гражданскимъ дѣламъ.

По дѣламъ *уголовнымъ* суду амтсрихтера съ шеффенами подсудны: 1) полицейскія закононарушенія; 2) преступленія, наказываемыя трехмѣсячнымъ заключеніемъ или штрафомъ до 600 марокъ; 3) обиды и увѣчья, преслѣдуемыя по иску оскорбленныхъ и потерпѣвшихъ; 4) воровство, утайка и мошенничество, если убытокъ не превышаетъ 25 марокъ. Наконецъ, по порученію прокурора суда первой степени, на амтсрихтеровъ можетъ быть возлагаемо и производство уголовныхъ слѣдствій.

По всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ приговорамъ амтсгерихта допускается аппеляція въ судъ первой степени (Landgericht), а обжалованіе частныхъ опредѣленій (Beschwerde) и въ аппелляціонную инстанцію (Oberlandgericht). Судъ первой степени можетъ уничтожить рѣшеніе и постановить новое, но въ случаѣ несоблюденія законныхъ формъ дѣло возвращается прежнему судьѣ для перерѣшенія.

Независимо отъ судебныхъ и слѣдственныхъ обязанностей, въ Пруссіи на амтсрихтеровъ возложены закономъ 8 апрѣля 1878 года и административныя: завѣдываніе дѣлами по переходу наслѣдственныхъ имуществъ, исполненіе, констатированіе и утвержденіе безспорныхъ актовъ, наблюденіе за веденіемъ поземельныхъ книгъ и коммерческихъ реестровъ, за имуществами принадлежащими благотворительнымъ учрежденіямъ и т. п. *).

---

*) Démombynes, ч. II, стр. 747, 754—756, 758, 761, 765, 784—785. Въ Голландіи существуетъ въ каждомъ кантонѣ мѣстный судья съ помощниками. Онъ назначается королемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, имѣющихъ степень *доктора правъ*, представляемыхъ судомъ первой степени. По гражданскимъ дѣламъ ему подсудны: окончательно—иски до 50 флориновъ, неокончательно — иски до 200 флор. и на высшую сумму, но по нѣкоторымъ только предметамъ; по уголовнымъ же дѣламъ: окончательно—взысканія до 20 флор. и не окончательно—взысканія до 75 флор. и арестъ до семи дней. На всѣ неокончательныя рѣшенія допускается аппелляція въ судъ первой степени. При разбирательствѣ дѣлъ у мироваго судьи присутствуетъ представитель прокуратуры. Démombynes, ч. I, стр. 262—263.

Въ Австріи полагается въ каждомъ уѣздѣ особый судъ (Bezirksgericht), состоящій изъ уѣзднаго судьи, иногда съ помощниками. Судья и помощники назначаются императоромъ изъ выдержавшихъ юридическій экзаменъ и пользуются правами судейской несмѣняемости. Представитель прокурорскаго надзора присутствуетъ только по дѣламъ уголовнымъ; эта обязанность возлагалась прежде на бургомистра, а теперь на чиновъ прокурорскаго надзора при судѣ первой степени, или на особаго чиновника по назначенію предсѣдателя аппелляціонной палаты. Въ значительныхъ городахъ, гдѣ есть судъ первой степени, предсѣдатель его можетъ поручать юрисдикцію мѣстнаго судьи и нѣкоторымъ состоящимъ при судѣ чиновникамъ.

Компетентность уѣзднаго судьи по дѣламъ гражданскимъ простирается здѣсь на иски до 25 флориновъ, и на взысканія по документамъ до 500 флориновъ, а также на споры до 500 флор., если стороны согласны на подсудность этихъ споровъ уѣздному судьѣ. Замѣчательно, что здѣсь при разборѣ уѣзднымъ судьей гражданскихъ споровъ дѣлъ воспрещается чтеніе письменныхъ доказательствъ. Въ уголовномъ отношеніи судьѣ подвѣдомы всѣ полицейскія нарушенія, въ томъ числѣ и по дѣламъ печати.

Жалобы на рѣшенія уѣзднаго судьи могутъ имѣть предметомъ лишь дѣйствительность рѣшенія и приносятся: по дѣламъ гражданскимъ — аппелляціонной палатѣ, а по дѣламъ уголовнымъ — суду первой степени. Въ случаѣ отмѣны рѣшенія дѣло передается другому уѣздному суду *).

Гораздо болѣе своеобразный характеръ сохранилъ мѣстный судъ въ Венгріи. Какъ и въ Италіи, онъ имѣетъ здѣсь двѣ инстанціи, но обѣ онѣ, болѣе чѣмъ тамъ, носятъ на себѣ отпечатокъ исторической жизни, который однако мало-по-малу сглаживается подъ объединяющимъ вліяніемъ государственной власти.

По закону 1877 года, въ большихъ и автономныхъ городахъ есть еще общинные судьи, избираемые для сей цѣли муниципальнымъ совѣтомъ; въ Будапештѣ мѣстный судъ производится единолично особыми должностными лицами городскаго управленія въ каждомъ кварталѣ; въ другихъ городахъ и большихъ общинахъ — бургомистромъ, съ участіемъ члена исполнительнаго городскаго комитета и нотаріуса, исполняющаго при этомъ обязанности секретаря; въ мелкихъ общинахъ — бургомистромъ, съ участіемъ

*) Démombynes, ч. II, стр. 196 и 197—198.

двухъ членовъ общиннаго совѣта. Всѣ они отправляютъ свои обязанности безвозмездно, и компетентны только по мелкимъ гражданскимъ искамъ въ 20 флор.

Жалобы на рѣшенія этихъ судовъ приносятся мѣстному судьѣ (jurasbiro), который составляетъ вторую инстанцію для разбора мелкихъ тяжбъ и проступковъ. Онъ назначается королемъ и несмѣняемъ. Кромѣ аппелляцій на общинные суды, ему подсудны: иски до 50 флориновъ, споры до 200 флор., а въ Будапештѣ до 400 флор., нарушенія правилъ по сельскому благоустройству, иски объ обидахъ и диффамаціи и т. п. Но ту же компетентность имѣетъ и окружной начальникъ (szolgabiro), избираемый областнымъ (комитатскимъ) собраніемъ; къ нему дозволяется обращаться съ цѣлью скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ, если онъ на то уполномоченъ министромъ юстиціи, но, кромѣ того, выдержалъ государственный экзаменъ изъ юридическихъ наукъ и исполнялъ прежде судебныя обязанности. Наконецъ, въ большихъ, вольныхъ и автономныхъ городахъ существуютъ, съ тою же компетенціей, назначаемые министромъ юстиціи, по ходатайству органовъ мѣстнаго самоуправленія, особые мировые судьи изъ получившихъ юридическое образованіе. Впрочемъ, эти мировые судьи не пользуются правами судейской несмѣняемости, а судейское полномочіе окружнаго начальника министръ всегда можетъ прекратить. Кромѣ того, мировые судьи, по желанію муниципальныхъ управленій, могутъ также отправлять обязанности и общинныхъ судей.

Жалобы на рѣшенія мѣстнаго судьи, окружнаго начальника и мироваго судьи приносятся въ судъ первой степени; предметомъ этихъ жалобъ можетъ быть только некомпетентность судьи, несоблюденіе формальностей и недѣйствительность рѣшенія по какимъ-либо другимъ причинамъ *).

Наконецъ, въ Скандинавскихъ государствахъ вовсе нѣтъ особой юрисдикціи для мелкихъ споровъ и проступковъ, которые посему подсудны судамъ первой степени. Это объясняется тѣмъ, что тамъ мѣстные судьи первой степени, въ лицѣ судьи съ участіемъ ассессоровъ изъ мѣстныхъ жителей, существуютъ не только въ городахъ, но и въ сельскихъ округахъ. Въ Швеціи нѣтъ даже особаго органа для примирительнаго разбирательства. Но въ Даніи, по закону 10 мая 1854 года, въ каждой общинѣ полагается согласитель, назначаемый приходскимъ совѣтомъ съ со

*) Démombynes, ч. II, стр. 255—258 и 265.

гласія волостнаго управленія, а въ городахъ съ ихъ округами особыя для той же цѣли коммиссіи *) изъ двухъ членовъ: одного отъ магистрата и другаго отъ прилегающей волости; законъ назначаетъ имъ небольшое вознагражденіе. Какъ согласители, такъ и коммиссіи сами ничего не рѣшаютъ; они обязаны лишь склонять тяжущихся къ примиренію, а если такого не послѣдовало, то выдаютъ имъ о томъ свидѣтельсево, на основаніи коего тяжущіеся имѣютъ уже право обращаться въ судебныя инстанціи. Точно такія же избирательныя коммиссіи изъ мѣстныхъ жителей существуютъ въ городахъ и селеніяхъ Норвегіи; впрочемъ, здѣсь этимъ коммиссіямъ предоставлено право постановлять и рѣшенія, но по самымъ мелкимъ спорамъ **).

Этотъ краткій обзоръ иностранныхъ законодательствъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Склоненіе сторонъ къ миру по гражданскимъ дѣламъ, или вѣрнѣе къ соглашенію, составляетъ основную особенность только Даніи и Норвегіи, гдѣ существуютъ для этого особыя учрежденія, хотя и выборныя, но не входящія въ составъ судебныхъ установленій; въ прочихъ же государствахъ Западной Европы согласительное разбирательство составляетъ самую ничтожную часть обязанностей мѣстныхъ судебныхъ учрежденій.

2) Нынѣшніе мировые судьи въ Англіи, Франціи, Бельгіи и въ нѣкоторыхъ городахъ Венгріи отнюдь не напоминаютъ, по своимъ обязанностямъ, прежнихъ оберегателей земскаго мира въ Англіи; съѣзды мировыхъ судей имѣются только въ Англіи, но сохранились тамъ въ качествѣ суда для дѣлъ извѣстнаго рода, безо всякаго однако аппелляціоннаго характера въ отношеніи къ единоличнымъ рѣшеніямъ мировыхъ судей.

3) Сокращенный разборъ мелкихъ мѣстныхъ тяжбъ и проступковъ принадлежитъ судьямъ, назначаемымъ правительственною властью; только мѣстные судьи въ Исланіи, нѣкоторые судьи въ Венгріи и согласители въ Италіи опредѣляются правительствомъ изъ числа выбранныхъ мѣстными учрежденіями лицъ. Но мировые судьи во Франціи, преторы въ Италіи и нѣкоторые мѣстные судьи въ Венгріи вовсе не пользуются правами судейской несмѣняемости.

---

*) Forligs-commission; слово forligs происходитъ не отъ слова миръ, но отъ глагола, которому въ нѣмецкомъ языкѣ соотвѣтствуетъ выраженіе vergleichen, обозначающее сравнивать, соглашать.

**) Démombynes, ч. I, стр. 125, 187—188, 149—151.

4) Кромѣ Англіи и Франціи, а также кромѣ согласителей въ Италіи, мѣстные судьи назначаются по закону или изъ докторовъ правъ, или изъ выдержавшихъ государственный юридическій экзаменъ, или получившихъ по крайней мѣрѣ юридическое образованіе; но на практикѣ и въ Англіи, и во Франціи правительство утверждаетъ въ этихъ должностяхъ тоже такихъ только лицъ, которыя обладаютъ высшимъ образованіемъ.

5) Комлетентность этихъ судей по гражданскимъ дѣламъ въ Англіи и Франціи самая ничтожная; по уголовнымъ дѣламъ въ Англіи довольно значительная, но вездѣ гораздо ниже компетентности нашихъ мировыхъ судей.

6) Почти вездѣ приговоры мѣстнаго суда восходятъ по жалобамъ, кромѣ самыхъ мелкихъ дѣлъ, въ суды первой степени; но жалобы на рѣшенія *общинныхъ* судовъ въ Испаніи и Венгріи и *согласителей* въ Италіи восходятъ только къ мѣстнымъ судьямъ. Лишь во Франціи и Бельгіи жалобы на окончательныя рѣшенія мировыхъ судей, слѣдовательно по самымъ ничтожнымъ дѣламъ, восходятъ въ кассаціонный судъ. Кромѣ того, при разрѣшеніи дѣлъ уголовныхъ вездѣ, а въ нѣкоторыхъ странахъ и по дѣламъ гражданскимъ, принимаетъ участіе прокуратура.

7) Въ Германіи, гдѣ выработался наиболѣе полный типъ сокращеннаго мѣстнаго суда, существуетъ отдѣльная процедура для дѣлъ уголовныхъ, совершенно различная отъ процедуры для дѣлъ гражданскихъ. Почти вездѣ мѣстные судьи отправляютъ кромѣ судебныхъ, еще слѣдственныя, административныя, а въ Англіи и полицейскія обязанности *).

Такимъ образомъ, несмотря на разнообразіе формъ, установившихся на Западѣ для сокращеннаго судопроизводства, нельзя однако не убѣдиться, что даже въ означенныхъ формахъ, за немногими исключеніями, преобладаютъ извѣстныя, такъ сказать, нормальныя условія для правильной организаціи мѣстнаго суда, а именно: юридическое или высшее образованіе мѣстныхъ судей;

*) Мы не сочли нужнымъ распространяться объ организаціи мѣстнаго суда въ Швейцарской и Сѣверо-Американской республикахъ, какъ по причинѣ чрезвычайнаго разнообразія его формъ въ отдѣльныхъ кантонахъ и штатахъ, такъ и потому, что народно-избирательныя формы тамошняго суда не имѣютъ ничего общаго съ историческими и общественными условіями другихъ образованныхъ государствъ. Даже во Французской республикѣ устройство суда вообще, и мироваго въ частности, отнюдь не напоминаетъ судовъ швейцарскихъ или сѣверо-американскихъ.

опредѣленіе ихъ правительствомъ; предоставленіе имъ юрисдикціи только по мелкимъ дѣламъ; участіе прокурорскаго надзора по дѣламъ уголовнымъ; право аппелляціи на рѣшенія мѣстныхъ судей въ ближайшія общія судебныя инстанціи; наконецъ, совмѣщеніе въ лицѣ мѣстныхъ судей обязанностей судебныхъ съ нѣкоторыми административными и слѣдственными, подъ контролемъ государственной власти. Вообще мѣстный судъ на Западѣ не выдѣляется изъ общаго управленія и суда, отнюдь не имѣетъ характера общественнаго самосуда и рѣшаетъ дѣла по закону.

II.

Обращаясь къ Россіи, мы должны сначала опредѣлить тѣ мотивы, которые приняты были судебною реформой 1864 года для установленія мѣстнаго суда у насъ, а затѣмъ выяснить вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ нашъ мировой судъ соотвѣтствуетъ вообще указаннымъ выше нормальнымъ условіямъ, и въ частности дѣйствительнымъ потребностямъ нашего быта съ точки зрѣнія государственной и общественной.

Организація въ Россіи сокращеннаго суда по мелкимъ тяжбамъ и проступкамъ принадлежала къ числу весьма трудныхъ задачъ, потому что такой судъ болѣе чѣмъ всѣ другія учрежденія долженъ носить на себѣ отпечатокъ исторической жизни народа и соотвѣтствовать практическимъ особенностямъ мѣстной жизни, которыя гораздо неуловимѣе у насъ, чѣмъ въ другихъ государствахъ, далеко не столь обширныхъ и не столь разнообразныхъ по своему составу, какъ Россія. Съ другой стороны, наше государственное строительство, имѣвшее въ виду прежде всего потребности внѣшней безопасности и внутренняго единства, озабочено было преимущественно созиданіемъ формъ и органовъ центральныхъ, а не мѣстныхъ. Въ этомъ процессѣ всѣ прежнія, непрочныя попытки по устройству мѣстнаго управленія и суда, возникавшія до и послѣ реформы Петра Великаго, исчезли безслѣдно, за исключеніемъ крестьянскаго міра и вотчинной юрисдикціи прежнихъ помѣщиковъ. Уѣздное управленіе впервые было у насъ упорядочено только при Екатеринѣ II Учрежденіемъ о губерніяхъ. Сельское же, даже весьма долго послѣ этого акта, оставалось еще въ неопредѣленномъ положеніи, и было точнѣе опредѣлено лишь въ тридцатыхъ годахъ въ казенныхъ и удѣль-

ныхъ селеніяхъ; въ селеніяхъ же помѣщичьихъ оно было окончательно регламентировано не ранѣе освобожденія крестьянъ въ 1861 году. Почти одновременно съ послѣднимъ событіемъ, состоялось у насъ нынѣшнее устройство уѣздной полиціи— чрезъ отдѣленіе отъ нея земскихъ, административныхъ и слѣдственныхъ обязанностей, а окончательное выдѣленіе изъ нея мѣстнаго суда совершилось лишь въ 1864 году, то-есть съ утвержденіемъ Судебныхъ Уставовъ.

Изъ этого видно, что на долю судебной реформы, при организаціи мѣстнаго суда, выпала обязанность имѣть дѣло съ самыми скудными прецедентами. Самое выясненіе будущихъ потребностей этого суда въ отношеніи къ народной жизни оказывалось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что элементы, изъ которыхъ должны были сложиться, подъ вліяніемъ предпринятыхъ тогда же во всемъ государственномъ механизмѣ преобразованій, новыя общественныя отношенія, въ то время еще не выяснились, находились еще въ броженіи, сознавались крайне неопредѣленно, и даже односторонне.

Вслѣдствіе всего этого, самое преобразованіе или, вѣрнѣе, созданіе у насъ основаннаго на новыхъ началахъ сокращеннаго разбора мелкихъ тяжбъ и проступковъ представлялось не дальнѣйшимъ органическимъ развитіемъ чего-либо существовавшаго прежде, но исканіемъ совершенно новыхъ формъ.

При такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ требовалась крайняя осторожность. Нужно было придумывать новыя учрежденія, но такимъ образомъ, чтобъ они вполнѣ соотвѣтствовали нашему государственному и общественному строю, не внося къ намъ ничего такого, что̀ намъ чуждо, что̀, словомъ, можетъ не устранить, но напротивъ увеличить прежнюю неурядицу.

Приходилось обращаться къ заимствованьямъ изъ опыта другихъ культурныхъ народовъ, но не слѣдовало дѣлать заимствованій механически, безъ строгой критики, безъ предварительнаго изученія заимствуемыхъ формъ по существу; кромѣ того, эти заимствуемыя формы подлежали еще тщательному видоизмѣненію, согласно условіямъ нашей національной жизни.

При всей затруднительности этой задачи, несомнѣнны были слѣдующія положенія: вопервыхъ, необходимость организовать мѣстный судъ, не выдѣляя его однако изъ общаго управленія и суда, и не нарушая единства государственнаго механизма; вовторыхъ, сохраненіе, въ извѣстной степени, раздѣленія мѣстнаго суда, сообразно двумъ кореннымъ группамъ нашего населенія,

на судъ сельскій и на судъ, общій для всѣхъ обывателей; втретьихъ, комплектованіе органовъ того и другаго суда изъ мѣстныхъ силъ, за невозможностію, при обширности нашего государства, имѣть мѣстными судьями только коронныхъ, оплачиваемыхъ казной; вчетвертыхъ, усиленіе въ сферѣ мѣстныхъ судей юридическаго или, по крайней мѣрѣ, общаго образованія, такъ какъ, если это условіе неисполнимо въ отношеніи къ сельскимъ судьямъ, то оно неизбѣжно въ примѣненіи къ судьямъ, обязаннымъ рѣшать болѣе сложныя дѣла всѣхъ вообще обывателей, и впятыхъ, приданіе мѣстнымъ судьямъ самостоятельности, такъ какъ наши прежніе мѣстные судьи, срочные и зависимые отъ мѣстныхъ избирателей, не представляли въ этомъ отношеніи ни малѣйшихъ гарантій.

И составители проектовъ II Отдѣленія, внесенныхъ графомъ Блудовымъ въ Государственный Совѣтъ, и составители Основныхъ Положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года избрали для сокращеннаго мѣстнаго судопроизводства форму мироваго суда. Но мы уже видѣли выше, что на Западѣ подъ этою формой укладывается самое разнообразное содержаніе. Поэтому, чтобъ опредѣлить характеръ мироваго суда, введеннаго нашею судебною реформой, необходимо прослѣдить, какимъ образомъ возникла у насъ мысль объ этомъ институтѣ.

При этомъ мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, который характеризуетъ всѣ наши преобразовательныя работы по судебной части. Послѣдовательное знакомство съ соображеніями, послужившими къ организаціи мироваго суда, убѣждаетъ насъ нагляднѣе, чѣмъ по другимъ частямъ судебной реформы, до какой степени взгляды на этотъ предметъ II Отдѣленія были своеобразно дополнены и получили совершенно новый видъ, подъ предлогомъ дальнѣйшей будто бы разработки этого вопроса, составителями Основныхъ Положеній и Судебныхъ Уставовъ.

Основной типъ нашего прежняго уѣзднаго управленія отличался прежде всего тѣмъ, что судъ и слѣдственная часть соединены были съ мѣстною полиціей: въ городахъ съ городскою, а внѣ города съ земскою. Затѣмъ, самыя должностныя лица мѣстныхъ судебно-полицейскихъ управленій, кромѣ начальниковъ городской полиціи, избирались: земскій исправникъ и непремѣнный засѣдатель земскаго суда изъ дворянъ, сельскіе засѣдатели того же суда изъ крестьянъ, а въ городскомъ полицейскомъ управленіи присутствовали ратманы, командируемые мѣстнымъ городовымъ магистратомъ или ратушей. Кромѣ судебно-полицейскаго

разбирательства, на обязанность городскаго полицейскаго управленія возложенъ былъ и „словесный разборъ“ мелкихъ споровъ, съ запиской жалобъ и рѣшеній по нимъ въ особую книгу; но этого словеснаго разбора въ дѣйствительности не было, а книги эти, при ревизіи губернаторовъ, оказывались безо всякихъ записей. Наконецъ, внѣ городовъ первоначальная полиція и разборъ мелкихъ споровъ и нарушеній составляли: въ селеніяхъ помѣщичьихъ — вотчинное право крѣпостныхъ владѣльцевъ; въ селеніяхъ казенныхъ, съ 1838 года, обязанность волостныхъ и сельскихъ выборныхъ учрежденій, подъ надзоромъ особыхъ окружныхъ начальниковъ. *)

II Отдѣленіе взялось переустроить эту часть, не только по поводу составленія новыхъ Судебныхъ Уставовъ, но и по случаю упраздненія крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ.

Мы не будемъ распространяться объ учрежденныхъ въ 1861 году крестьянскихъ судахъ (сельскихъ и волостныхъ), сохраняющихъ доселѣ характеръ особыхъ сословныхъ учрежденій, безо всякой связи съ общею судебною организаціей; мы не остановимся теперь и на выдѣленіи слѣдственной части изъ полиціи, послѣдовавшемъ въ 1862 году, и обратимся прямо къ вопросу объ отдѣленіи судебной власти отъ полицейской.

Вопросъ этотъ былъ предрѣшенъ въ принципѣ въ 1859 году еще въ коммиссіи, имѣвшей задачей преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій въ связи съ предстоявшимъ тогда освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ. Для устройства *уѣздной* полиціи было, между прочимъ, постановлено: при опредѣленіи вѣдомства и обязанностей полицейскаго управленія, имѣть постоянно въ виду, *чтобы власть судебная по возможности была отдѣлена отъ власти исполнительной*, и стараться сію послѣднюю ограничить исключительно полицейскими обязанностями. Въ развитіе этихъ началъ выражена была тогда же II Отдѣленіемъ мысль о необходимости установленія въ каждомъ уѣздѣ *малыхъ судовъ*, болѣе близкихъ къ мѣсту, гдѣ совершены маловажные проступки, и о введеніи въ этихъ судахъ *особеннаго, сокращеннаго судопроизводства*. Къ обязанностямъ новыхъ мѣстныхъ судовъ предположено было затѣмъ отнести и разрѣшеніе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ, а самые суды сіи наименовать *мировыми* (общ. зал. гр. Блудова къ проекту Угол. Судопр.,

*) Были еще особыя полицейско-судебныя учрежденія по вѣдомству удѣловъ, по горнозаводскому управленію и по военнымъ поселеніямъ.

стр. 1 — 4). *) Учрежденіемъ этихъ судовъ устранялось, между прочимъ, и раздробленіе мѣстной судебной власти на городскую и земскую, и юрисдикція особыхъ вѣдомствъ: государственныхъ имуществъ, удѣловъ и др.

Означенными мотивами ясно опредѣлялось то значеніе, которое имѣлось въ виду дать нашимъ мировымъ судьямъ: значеніе обыкновенныхъ органовъ сокращенной низшей судебной процедуры, только съ предоставленіемъ имъ, въ отличіе отъ прочихъ судей, примирительнаго, или, вѣрнѣе, согласительнаго разбирательства по мелкимъ гражданскимъ дѣламъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ II Отдѣленіе внесло въ Государственный Совѣтъ 15 апрѣля 1860 года проектъ Положенія о судоустройствѣ, въ коемъ самая важная перемѣна сравнительно со Сводомъ 1857 года состояла въ учрежденіи мировыхъ судей.

При первоначальномъ разсмотрѣніи въ 1861 году этого проекта и сдѣланныхъ на него пратиками замѣчаній, предположенный характеръ мироваго суда формулированъ былъ соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта въ слѣдующемъ видѣ:

1) „Для разсмотрѣнія производящихся въ *полицейскихъ* учрежденіяхъ маловажныхъ гражданскихъ споровъ и маловажныхъ преступленій и проступковъ, учреждаются по уѣздамъ и городамъ должности мироваго судьи и особаго къ нему кандидата. Мировой судья и кандидатъ къ нему избираются *по выбору всѣхъ сословій*, съ утвержденіемъ отъ правительства".

2) „Въ законѣ должно быть положительно опредѣлено, какія именно дѣла предоставляются окончательному рѣшенію мироваго судьи, а также по какимъ именно дѣламъ допускается *апелляція* на его рѣшенія *въ высшую надъ нимъ судебную инстанцію*". **)

Вмѣстѣ съ симъ предположенъ былъ II Отдѣленіемъ и новый *сокращенный* порядокъ для производства дѣлъ у мировыхъ судей, который, Положеніемъ 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ, былъ примѣненъ и къ дѣлопроизводству мировыхъ посредниковъ. ***)

Компетентность мироваго суда по дѣламъ гражданскимъ ограничена была исками не свыше 500 рублей. ****) А по дѣламъ

---

*) Изданіе Госуд. Канц. 1867 года, т. II, стр. 42.

**) Ibidem, т. III, стр. II и III.

***) Ibidem, т. II, стр. II.

****) Ibidem, т. I, стр. 44.

уголовнымъ юрисдикціи его была, въ сравненіи съ юрисдикціей прежнихъ полицейскихъ судовъ, значительно расширена тѣмъ, что его вѣдѣнію подчинены были полицейскія закононарушенія, совершаемыя лицами всѣхъ сословій. *)

Слѣдовательно, по смыслу первоначальныхъ предположеній мировой судъ долженъ былъ быть по выбору всѣхъ сословій и завѣдывать, безъ различія сословій, дѣлами прежняго полицейскаго суда, но съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ его рѣшеній, которыя не принадлежатъ къ окончательнымъ, подлежали аппелляціи „въ высшую надъ нимъ судебную инстанцію“.

Въ этой формѣ предположенія II Отдѣленія о мировомъ судѣ, вмѣстѣ съ прочими проектами судебной реформы, поступили, въ силу состоявшагося въ 1861 году Высочайшаго повелѣнія, въ Государственную Канцелярію, которой было поручено „обсудить общія начала судопроизводства гражданскаго и уголовнаго и судоустройства въ общей ихъ совокупности и связи“. **)

III.

Такимъ образомъ составителямъ Основныхъ Положеній 1862 года предстояло обсудить начала, предположенныя II Отдѣленіемъ для мироваго суда, *въ общей совокупности и связи* съ общими началами судебной реформы, то-есть обработать частности, согласивъ ихъ съ новымъ порядкомъ судебной процедуры и съ новою судебною организаціей, принятыми уже въ основаніи при разсмотрѣніи проектовъ II Отдѣленія въ Государственномъ Совѣтѣ.

Но составители Основныхъ Положеній, не удовольствовавшись столь скромною задачей, совершенно вышли изъ предуказанныхъ имъ рамокъ. Устраняя указанія Государственнаго Совѣта, они измѣнили самыя существенныя основанія проектовъ II Отдѣленія по всѣмъ частямъ судебной реформы; относительно же мироваго института они, вмѣсто *соглашенія* его съ общею судебною организаціей, вполнѣ *выдѣлили* его изъ нея, расширивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, до-нельзя его компетентность.

---

*) Ibidem, т. II, стр. 44—45.

**) Ibidem, т. III, стр. VI.

Формальнымъ поводомъ къ такому выдѣленію мироваго суда послужило избраніе мировыхъ судей всѣми сословіями, допущенное въ предположеніяхъ II Отдѣленія.

При разсмотрѣніи вопроса о выборѣ и назначеніи судей, мы уже указали на несостоятельность системы избранія судей вообще, и мировыхъ въ частности. Это была самая слабая сторона въ предположеніяхъ II Отдѣленія. Тѣмъ не менѣе, коренясь въ прежней выборности нашихъ судей, которые, несмотря на свою сословность, были однако судьями вполнѣ государственными, даже всесословное избраніе мировыхъ судей еще не выдѣляло ихъ изъ государственнаго организма. Чтобы произвести это выдѣленіе надо было сначала придать мировому суду извѣстные признаки, изъ которыхъ вытекала бы уже затѣмъ его обособленность, какъ прямое послѣдствіе. Означенной цѣли составители Основныхъ Положеній 1862 года достигли, усвоивъ мировымъ судьямъ особый характеръ въ сравненіи съ судьями коронными.

Въ этихъ видахъ было признано что: „Вопервыхъ, на мироваго судью возлагается разсмотрѣніе всѣхъ менѣе важныхъ дѣлъ, ежедневно почти возникающихъ между большинствомъ населенія, значительная часть котораго *не знаетъ законовъ, не терпитъ формализма*, уважаетъ естественную справедливость и *дорожитъ временемъ*, а потому главнѣйше заботится о *скоромъ* и на *своихъ* (?) *понятіяхъ о справедливости* основанномъ рѣшеніи". „Главнѣйшая задача и высшее качество сего правосудія—примиреніе. Для успѣшнаго исполненія такого важнаго призванія, мировой судья долженъ пользоваться особымъ *довѣріемъ* мѣстныхъ жителей, а довѣріе это онъ можетъ заслужить не столько *юридическимъ образованіемъ*, сколько знаніемъ *народныхъ понятій, нравовъ, обычаевъ*, вообще всѣхъ условій мѣстной жизни, и въ особенности своимъ *здравымъ умомъ, честнымъ характеромъ* и *безукоризненною жизнію*".

„Вовторыхъ, вслѣдствіе *единоличнаго* состава мировыхъ судей, мировой судья долженъ совмѣщать въ себѣ тѣ разнородныя обязанности, которыя въ общемъ порядкѣ судопроизводства подлежатъ строгому разграниченію: въ лицѣ его соединяются обязанности *примирителя, присяжнаго повѣреннаго, гражданскаго и уголовнаго судьи*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ будетъ исполнять должность *слѣдователя*, и даже *исполнителя* своихъ приговоровъ. Мировой судья долженъ имѣть *непосредственное отношеніе* ко всѣмъ почти отраслямъ государственнаго управленія и ко мно-

горазличнымъ сторонамъ и проявленіямъ *народной жизни*. И по *этой причинѣ* также онъ долженъ пользоваться *довѣріемъ* мѣстныхъ жителей, и имѣть *болѣе практическихъ свѣденій* и житейской мудрости, чѣмъ юридическихъ познаній и судебной *опытности* (?).“

„Втретьихъ, вслѣдствіе *разнородности* обязанностей и должностей и *многосложности* занятій мировыхъ судей, кругъ дѣйствія ихъ долженъ быть *ограниченъ въ пространствѣ*, какъ мѣстныхъ судей, до которыхъ всякому и всегда нужда; ихъ должно быть гораздо *болѣе* въ данной мѣстности, чѣмъ членовъ общихъ судебныхъ учрежденій. Поэтому (?) мировые судьи должны имѣть преобладающее вліяніе *по охраненію и утвержденію общаго порядка и спокойствія*, а для этого также необходимо, чтобъ они были назначаемы изъ мѣстныхъ жителей, не только знающихъ *вполнѣ* свой округъ, но и имѣющихъ собственный интересъ въ поддержаніи общаго порядка и спокойствія“. *)

Составители Основныхъ Положеній забыли, что *охраненіе земскаго мира* состоитъ не въ согласительномъ разбирательствѣ по гражданскимъ дѣламъ и по жалобамъ оскорбленныхъ, и не въ присужденіи къ наказаніямъ виновныхъ въ нарушеніи благочинія, но въ принятіи *предварительныхъ* и *понудительныхъ* мѣръ къ устраненію уличныхъ безпорядковъ и народныхъ волненій, а эта функція составляетъ во всѣхъ современныхъ образованныхъ государствахъ главную и самую отвѣтственную обязанность не мѣстнаго суда, но полиціи.

Далѣе, совершенно справедливо, что мѣстные суды должны состоять изъ мѣстныхъ элементовъ, но только тамъ, гдѣ имѣются въ наличности силы, соотвѣтствующія этой цѣли. Довѣріе же необходимо не для однихъ мѣстныхъ судей; оно также необходимо и для коронныхъ, и вовсе не обусловливается выборомъ который вообще, но въ особенности на должности со спеціальнымъ характеромъ, какова судейская, можетъ быть болѣе случайнымъ и ошибочнымъ, чѣмъ назначеніе отъ правительства. Знаніе судьей своихъ спеціальныхъ обязанностей, отвѣтственность его по закону и независимость отъ подсудимыхъ, вотъ чѣмъ обезпечивается вездѣ довѣріе къ судьѣ.

Съ этой точки зрѣнія разглагольствованія составителей Основныхъ Положеній 1862 года противъ юридическаго образованія мировыхъ судей болѣе чѣмъ странны. Правда, мелкое, обиход-

*) Ibidem. т. III, стр. 24—25.

ное, домашнее судебное разбирательство крестьянъ регулируется обычаемъ, почему оно и предоставлено у насъ волостнымъ и сельскимъ судамъ. Но эта система непримѣнима по болѣе крупнымъ дѣламъ даже къ сельскимъ обывателямъ изъ прочихъ званій, по искамъ коихъ maximum достигаетъ 500 рублей, и по проступкамъ, за которые подсудимый приговаривается къ лишенію даже свободы, нерѣдко на продолжительные сроки. Хотя дѣла подобнаго рода въ общемъ судебномъ порядкѣ можно причислять къ сравнительно мелкимъ, но нигдѣ они не рѣшаются „по понятіямъ подсудимыхъ о справедливости“, такъ какъ эти понятія не только не уловимы, но и безконечно разнообразны, а еще болѣе противорѣчивы. Вотъ почему, по примѣру государствъ Запада, такія дѣла могутъ быть правильно разрѣшаемы исключительно на основаніи единообразныхъ законовъ, установляемыхъ верховною властію и требующихъ тщательнаго изученія.

Съ другой стороны, не одни мѣстные жители *не знаютъ законовъ, не терпятъ формализма и дорожатъ временемъ*: эти черты составляютъ отличительную характеристику большинства всѣхъ тяжущихся и подсудимыхъ, и должны быть принимаемы въ разсчетъ не одними мировыми, но всѣми судебными учрежденіями.

Вообще особенности сокращенной юрисдикціи мироваго суда, относясь къ спорамъ и закононарушеніямъ менѣе крупнымъ, чѣмъ иски и преступленія, подсудные общимъ судамъ, обусловливаются не этими мотивами, но единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что, сопровождаясь менѣе значительными послѣдствіями, эти дѣла возникаютъ однако гораздо чаще; вотъ главный мотивъ того *сокращеннаго* судопроизводства, коимъ мѣстный судъ долженъ отличаться отъ общихъ судебныхъ инстанцій. Если же въ дѣлахъ этого рода, преимущественно въ дѣлахъ гражданскихъ, проявляется иногда вліяніе мѣстныхъ обычаевъ, то сокращенная форма судопроизводства именно и даетъ возможность принимать обычай въ надлежащее вниманіе, насколько это возможно по общему смыслу закона. Но этотъ случайный элементъ отнюдь не налагаетъ господствующаго отпечатка на мировой судъ, и никоимъ образомъ не можетъ обусловливать его общей организаціи.

Словомъ, всѣ тѣ особенности, которыя были выставлены составителями Основныхъ Положеній 1862 года, какъ присущія однимъ мировымъ судамъ, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики и сводятся въ дѣйствительности къ нулю.

Тѣмъ не менѣе это именно убѣжденіе, что мировые судьи должны у насъ быть хранителями общаго мира, что они, болѣе чѣмъ коронные, должны пользоваться довѣріемъ мѣстныхъ жителей, и не нуждаются въ юридическомъ образованіи—и привело къ полному обособленію мироваго суда.

Эта мысль выражена въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ въ слѣдующей формѣ:

„Учреждая мировыхъ судей и ихъ съѣзды въ качествѣ мѣстнаго суда для дѣлъ меньшей важности, по возможности близкаго къ нуждающимся въ томъ жителямъ, Основныя Положенія (1862 года) даютъ этому установленію *особый характеръ, нѣкоторымъ образомъ выдѣляющій его изъ общей системы судебныхъ учрежденій.* Къ числу особенностей этого установленія, сверхъ рода и свойства подчиняемыхъ оному дѣлъ, принадлежатъ также: что мировые судьи назначаются *по выборамъ*, тогда какъ всѣ другіе чины судебнаго вѣдомства опредѣляются отъ правительства; что для занятія должности мироваго судьи не требуются столь строгія условія въ отношеніи *юридическаго образованія*, какъ для членовъ общихъ судовъ, а *вмѣсто того* мировой судья долженъ быть изъ мѣстныхъ жителей и владѣть недвижимымъ имуществомъ, приносящимъ извѣстный доходъ: наконецъ, что *рѣшенія мировыхъ судовъ и ихъ съѣздовъ не подлежатъ переносу по аппелляціи въ общія судебныя мѣста*“ *). Кромѣ того, для возвышенія должности мироваго судьи, признано было необходимымъ поставить его „внѣ всякаго вліянія какой-либо подчиненности“ **).

Составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года назвали это искусственное, ими самими изобрѣтенное учрежденіе *самобытнымъ* ***), то-есть такимъ, которое будто бы само собой, органически возникло у насъ изъ нѣдръ народной жизни.

При болѣе подробномъ разсмотрѣніи этого института мы безъ труда убѣдимся, что онъ представляется, напротивъ, лишь противорѣчивымъ агломератомъ разныхъ иностранныхъ лозаимствованій, изъ коихъ путемъ всевозможныхъ натяжекъ составилось такое цѣлое, которое, всего менѣе напоминая преданія нашей исторической жизни, подходитъ гораздо ближе къ односторонним идеаламъ совершенно чуждыхъ намъ теорій.

---

*) *Ibidem*, стр. 31—32.

**) *Ibidem*, стр. 34.

***) *Ibidem*, т. I, стр. 98.

IV.

Изъ вышеизложеннаго мы уже знаемъ, что нашему мировому институту имѣлось въ виду придать слѣдующія особенности: вопервыхъ, чтобы мировые судьи были изъ мѣстныхъ жителей; вовторыхъ, чтобъ они были избираемы мѣстными обывателями, и, втретьихъ, чтобъ они при этомъ были независимы.

Посмотримъ теперь, въ какой степени достигнута была эта цѣль при составленіи Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

По ст. 19 Учр. Суд. Уст. „въ мировые судьи могутъ быть избираемы тѣ изъ *мѣстныхъ* жителей“, которые соотвѣтствуютъ опредѣленному въ этой статьѣ умственному и имущественному цензу.

Чѣмъ же однако опредѣляется принадлежность того или другаго лица къ числу *мѣстныхъ жителей*? Можно подходить подъ извѣстный умственный цензъ, имѣть въ извѣстной мѣстности и имущественный цензъ, происходить изъ мѣстныхъ жителей, но при этомъ не быть „мѣстнымъ жителемъ“, не быть извѣстнымъ среди мѣстныхъ обывателей, не знать вовсе мѣстныхъ условій. Вообще званіе мѣстнаго жителя можетъ быть дѣйствительнымъ, если обыватель, сверхъ происхожденія и имущественнаго въ извѣстной мѣстности ценза, имѣетъ въ ней постоянное или довольно продолжительное пребываніе; но это званіе можетъ быть лишь номинальнымъ, если кто-либо родился въ извѣстной мѣстности и обладаетъ въ ней имущественнымъ цензомъ, а самъ въ ней вовсе не проживаетъ, или крайне рѣдко и не долго. Поэтому, сверхъ имущества, сверхъ даже происхожденія, званіе дѣйствительнаго мѣстнаго жителя опредѣляется еще *мѣстопребываніемъ* въ теченіе *опредѣленнаго срока*, которое и даетъ возможность ознакомиться съ мѣстными жителями и отношеніями *). Тѣмъ не менѣе, въ ст. 19 никакихъ сроковъ для пребыванія мѣстныхъ жителей въ мѣстѣ ихъ избранія въ мировые судьи не обозначено: достаточно, сверхъ ценза, пробыть на мѣстѣ нѣсколько дней, предшествующихъ напримѣръ выборамъ, чтобы быть юридически *мѣстнымъ жителемъ* и кандидатомъ для выбора въ мировые судьи. Такимъ об-

*) Въ Англіи, чтобы быть мировымъ судьей, требуется, кромѣ имущественнаго ценза, еще двухлѣтнее пребываніе въ мировомъ округѣ. Démombynes, ч. I, стр. 22.

разомъ главное условіе, предположенное составителями Основныхъ Положеній 1862 года для избранія въ мировые судьи—органическая живая связь судьи съ мѣстомъ его будущей дѣятельности—нисколько не обезпечено, и подъ фирмой мѣстныхъ жителей открытъ къ мировому институту доступъ совершенно постороннимъ данной мѣстности обывателямъ, если только они сумѣли склонить на свою сторону большинство избирателей, то-есть членовъ земскаго уѣзднаго собранія.

Обращаясь къ умственному цензу, установленному для этихъ дѣйствительныхъ и номинальныхъ обывателей, нельзя не замѣтить, что самое требованіе отъ нихъ образованія тоже вполнѣ фиктивно. Сначала предполагалось, чтобы въ столицахъ мировыми судьями были избираемы „только лица, окончившія курсъ юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобъ это ограниченіе могло быть распространяемо на мировыхъ судей губернскихъ и уѣздныхъ, не иначе однакожь какъ въ законодательномъ порядкѣ". Но мѣра эта *при окончательномъ обсужденіи* была отклонена на томъ основаніи, что мировые судьи и въ столицахъ „не будутъ вѣдать никакихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ тѣхъ, которыя возлагаются на мировыхъ судей вообще; вслѣдствіе этого положено не требовать высшаго юридическаго образованія отъ мировыхъ судей ни въ столицахъ, ни въ другихъ многолюдныхъ городахъ, не стѣсняя избирателей такими условіями, которыя не обязательны для другихъ мѣстностей и даже вовсе къ нимъ непримѣнимы" *). Затѣмъ, по пункту 2 ст. 19, хотя и требуется для мировыхъ судей образованіе въ высшихъ заведеніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признается достаточнымъ и образованіе, полученное въ среднихъ, а наконецъ даже образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не признается необходимымъ, такъ какъ оно можетъ быть замѣнено предварительною службой не менѣе *трехъ* лѣтъ въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ можно пріобрѣсти *практическія свѣдѣнія* въ производствѣ судебныхъ дѣлъ. Такъ какъ ни члены, ни товарищи прокуроровъ, ни секретари окружныхъ судовъ, ни даже слѣдователи, разсчитывая на болѣе видную и прочную карьеру, не могутъ считаться кандидатами въ мировые судьи, то очевидно, что эти практическія свѣдѣнія приходится пріобрѣтать лишь въ низшихъ канцелярскихъ должностяхъ. Но развѣ этой практики,

---

*) Изданіе Государ. Канц. 1867 года. Т. III, стр. 39—40.

да еще въ теченіе трехъ лѣтъ, достаточно для ознакомленія съ дѣлами?

Правда, было мало поводовъ опасаться, что незнакомые съ дѣлами мировые судьи, подобно прежнимъ сословно-выборнымъ, очутятся въ рукахъ своихъ секретарей: при гласности и устности новаго судопроизводства это уже дѣлалось не столь возможнымъ; но за то эти судьи должны были невольно подчиниться вліянію частныхъ ходатаевъ, по своей казуистикѣ и лицепріятію ничѣмъ не уступающихъ прежнимъ секретарямъ.

Такимъ образомъ установленный для мировыхъ судей умственный цензъ вовсе не обезпечивалъ столь желанной теоретиками самостоятельности этого института, то-есть такой самостоятельности, которая гарантируетъ судью отъ случайныхъ внѣшнихъ вліяній посредствомъ сознательнаго отношенія его къ разсматриваемому имъ дѣлу.

Составители Судебныхъ Уставовъ рѣшились повидимому предоставить мировымъ судьямъ эту самостоятельность другимъ путемъ—установленіемъ *имущественнаго ценза.*

Вообще имущественный цензъ въ сферѣ судебной службы существуетъ только въ Англіи, откуда онъ очевидно и заимствованъ составителями Судебныхъ Уставовъ 1864 года, такъ какъ наши дореформенные судьи выбирались по сословіямъ, а не по цензу. Въ Англіи же хотя цензъ во 100 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго поземельнаго дохода (цифра, оставшаяся по преданію отъ давнихъ временъ, когда цѣны имѣли совсѣмъ иное, чѣмъ нынѣ значеніе) и имѣетъ характеръ землевладѣльческій и слѣдовательно какъ бы всесословный, но на самомъ дѣлѣ поземельная собственность въ Англіи почти вся находится въ рукахъ богатыхъ и аристократическихъ классовъ, члены коихъ обладаютъ доходомъ далеко превышающимъ 100 фунтовъ стерлинговъ. Такимъ образомъ англійскіе мировые судьи de facto сохраняютъ сословный привилегированный характеръ, *независимо* и даже *вопреки* цензу, который, по своему минимальному размѣру, не имѣетъ никакого значенія. Съ другой стороны, принадлежа къ мѣстной аристократіи, англійскіе мировые судьи не зависятъ отъ выборовъ и назначаются правительствомъ. Вотъ въ этихъ-то двухъ условіяхъ, а не въ минимальномъ и безсословномъ цензѣ коренится самостоятельность тамошнихъ мировыхъ судей. У насъ же мировые судьи, смѣняемые по выборамъ чрезъ каждые три года, совершенно въ другомъ положеніи, причемъ установленный для нихъ имущественный цензъ представляется, очевидно,

только какъ гарантія „противъ разнаго рода вліяній или даже искушеній“ *). Поэтому, чтобы мировые судьи были не простыми коммиссіонерами своихъ избирателей по судебнымъ дѣламъ, но дѣйствительно независимыми, необходимо было по крайней мѣрѣ установить, при безсословной системѣ выборовъ, значительный имущественный цензъ.

Между тѣмъ, по пункту 3 ст. 19, для избранія мироваго судьи установленъ былъ слѣдующій цензъ:

а) количество *земли вдвое* противъ того, которое опредѣлено для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія;

б) всякое *другое* недвижимое имущество цѣной не ниже 15.000 руб.;

в) въ *городахъ* же недвижимая собственность, оцѣненная для взиманія налога: въ столицахъ *не менѣе 6.000 р.*, въ другихъ же городахъ *не менѣе 3.000 р.*

Такимъ образомъ цензъ подраздѣленъ у насъ на внѣгородской и на городской.

Внѣгородской цензъ долженъ считаться достаточнымъ, хотя очевидно, что если подъ владѣльцами земли вдвое противъ размѣра, опредѣленнаго для непосредственнаго участія въ земскомъ собраніи, разумѣются преимущественно прежніе помѣщики, то-есть наиболѣе образованная часть мѣстнаго населенія, то подъ обладателями всякаго *другаго* внѣгородскаго имущества цѣной въ 15.000 р. слѣдуетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ владѣльцевъ не земельной, но промышленной собственности, фабрикъ и заводовъ, то-есть людей, которые, при знаніи мѣстныхъ отношеній, нерѣдко отличаются самымъ слабымъ образованіемъ и весьма мало имѣютъ досуга для занятія мѣстъ мировыхъ судей.

Что же касается ценза городскаго, то, по ничтожности своей, онъ отнюдь не обезпечиваетъ самостоятельности мировыхъ судей, ибо, считая по 6% прибыли, онъ обозначаетъ въ столицахъ—самыхъ мелкихъ домовладѣльцевъ, получающихъ не болѣе 300 р., а въ другихъ городахъ, всего лишь 180 р. въ годъ дохода, часто же и того меньше.

Кромѣ того, по тому же 3 пункту ст. 19, первыя двѣ категоріи имущественнаго ценза (*а* и *б*) могутъ составляться изъ имущества, находящагося „хотя бы и въ разныхъ мѣстахъ“, то-есть не въ одномъ и томъ же уѣздѣ, вслѣдствіе чего мировой

*) Ibidem, стр. 38.

судья можетъ въ избирательномъ участкѣ владѣть самою ничтожною долей цензоваго имущества.

Такъ какъ владѣльцы внѣгородскихъ промышленныхъ заведеній, въ виду своихъ спеціальныхъ занятій, могутъ попадать въ мировые судьи только какъ исключеніе, то большинство кандидатовъ на это званіе слагается очевидно—внѣ городовъ, изъ землевладѣльцевъ, обладающихъ землей вдвое противъ количества, опредѣленнаго для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ земскаго собранія, а въ городахъ: изъ домовладѣльцевъ, обладающихъ домами цѣной, внѣ столицъ, не ниже 3.000 руб.

И тѣ, и другіе избираются на общихъ выборахъ однимъ и тѣмъ же земскимъ собраніемъ, безъ дальнѣйшаго уже затѣмъ раздѣленія, по мѣсту ихъ дѣятельности, на городскихъ и внѣгородскихъ.

Все дѣло, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, какая группа кандидатовъ, согласно условіямъ нашей мѣстной жизни, должна стремиться къ избранію и достигать его: кандидаты внѣгородскіе—изъ бывшихъ помѣщиковъ, то-есть наиболѣе обезпеченные своимъ поземельнымъ цензомъ, или кандидаты городскіе, обладающіе цензомъ самымъ ничтожнымъ?

Составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года не разъ выражали надежду, что бывшіе помѣщики будутъ стремиться къ занятію должности мировыхъ судей, и исправлять ея обязанности съ тою же ревностію, какъ прежніе мировые посредники. Но это предположеніе не могло оправдаться, потому что между положеніемъ мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей нѣтъ ничего общаго.

Мировые посредники, имѣя главною задачей регулированіе отношеній между прежними помѣщиками и бывшими ихъ крестьянами, были призваны къ этой обязанности, благодаря своему привилегированному, сословному положенію. Они не избирались всѣми сословіями, но назначались правительствомъ изъ кандидатовъ, указываемыхъ ему только мѣстною дворянскою корпораціей.

Слѣдовательно, въ институтѣ мировыхъ судей прежніе помѣщики теряли свое видное положеніе, подвергаясь чрезъ каждые три года контролю и переизбранію самыхъ разнослойныхъ избирателей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при этихъ условіяхъ должность мироваго судьи перестала быть для нихъ привлекательною, и изо всей массы прежнихъ коренныхъ землевладѣльцевъ должны были устремиться къ должности мировыхъ судей лишь наименѣе образованные, а главное—наименѣе обезпеченные,

которые, съ уменьшеніемъ ломѣщичьихъ доходовъ, стали разсчитывать на жалованье мироваго судьи, да и эти лишь въ томъ случаѣ, если они не находили возможности пристроиться выгоднѣе на другаго рода службѣ или по коммерческимъ дѣламъ, покидая при этомъ нерѣдко свои вотчины.

Такимъ образомъ большинство кандидатовъ на должность мировыхъ судей оказались изъ городскихъ жителей, то-есть бывшіе мелкіе губернскіе и уѣздные чиновники, сбившіе себѣ копѣйку и подходящіе подъ земельный, разсѣянный по разнымъ уѣздамъ цензъ, или подъ ничтожный цензъ домовладѣльческій.

Но и этотъ, самъ по себѣ незначительный цензъ былъ поколебленъ въ своемъ основаніи, такъ какъ въ силу ст. 34 допущенъ, по *единогласному* постановленію земскаго собранія *въ полномъ его составѣ*, выборъ въ мировые судьи и такихъ лицъ, которыя пріобрѣли общественное довѣріе и уваженіе своими *заслугами и полезною дѣятельностью*, хотя бы они не имѣли *никакого ценза*, ни имущественнаго, ни умственнаго. Впрочемъ и этого оказалось мало: такъ какъ уѣздное земское собраніе очень рѣдко собирается въ полномъ составѣ, то избраніе такихъ судей признано было Государственнымъ Совѣтомъ дѣйствительнымъ и въ томъ случаѣ, если они были избраны единогласно только всѣми *присутствующими* въ засѣданіи гласными *), хотя бы и не въ *полномъ* составѣ—слѣдовательно, по смыслу ст. 25, въ числѣ не менѣе 12 членовъ.

Изъ этого видно, что цензъ, какъ имущественный, такъ и умственный, расширенъ былъ у насъ до-нельзя. Составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года, забывъ, что они сами признавали въ цензѣ обезпеченіе самостоятельности мировыхъ судей, кончили тѣмъ, что провозгласили слѣдующій афоризмъ: „чѣмъ шире будетъ кругъ, изъ котораго можно будетъ избирать въ важную должность мировыхъ судей, разумѣется при соединеніи всѣхъ остальныхъ требуемыхъ закономъ условій (но ст. 34 отмѣняетъ и ихъ?), тѣмъ болѣе обезпечится и возможность призванія къ этимъ обязанностямъ *лучшихъ и достойнѣйшихъ людей*“ **). Можно бы спросить: если система призыва *лучшихъ и достойнѣйшихъ людей* обезпечивается широтой круга, изъ котораго ихъ слѣдуетъ избирать, то къ чему было ограничивать этотъ кругъ даже фиктивными постановленіями о цензѣ въ 15.000 руб.?

*) Ibidem, стр. 53.

**) Ibidem, стр. 40.

Очевидно, что составители Судебныхъ Уставовъ, постановивъ сначала условія для умственнаго и имущественнаго ценза, сами затѣмъ постарались низвести этотъ цензъ до полнаго ничтожества разными дополнительными опредѣленіями.

Но эти несостоятельные по своему цензовому положенію мировые судьи окончательно теряютъ свою независимость, будучи выборными и срочными.

Въ своемъ мѣстѣ нами было объяснено, что самостоятельность судьи обусловливается, съ одной стороны, его назначеніемъ верховною властію, стоящею выше мѣстныхъ избирательныхъ интригъ, а съ другой, его безсрочностью и отвѣтственностію лишь предъ государственною властію. Но изъ самаго поверхностнаго знакомства съ системой избранія нашихъ мировыхъ судей легко убѣдиться, что назначеніе и увольненіе ихъ предоставлено именно самымъ мелкимъ избирательнымъ интригамъ, даже не мѣстнаго населенія въ его совокупности, а лишь самаго ничтожнаго числа представителей этого населенія.

Выборъ мировыхъ судей, на основаніи ст. 26, производится по списку, составляемому за три мѣсяца до выбора, по каждому мировому округу, уѣзднымъ предводителемъ дворянства „по соглашенію“ съ городскимъ головой и мѣстными мировыми судьями. Но въ дѣйствительности здѣсь не можетъ быть никакого соглашенія, и участіе уѣзднаго предводителя, городскаго головы и мировыхъ судей въ составленіи списка не представляетъ ни малѣйшаго ручательства за добросовѣстность и способность вносимыхъ въ списокъ лицъ, потомучто въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о выборѣ кандидатовъ *по ихъ нравственнымъ качествамъ*, а только о регистраціи кандидатовъ *по ихъ формальнымъ цензовымъ условіямъ*.

Вопросъ же о добросовѣстности и способности кандидатовъ рѣшается при избраніи ихъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ (ст. 24), а если въ это собраніе явится менѣе 12 гласныхъ, то губернскимъ (ст. 25). При такомъ minimum'ѣ членовъ уѣзднаго собранія, переносъ выборовъ въ губернское представляется рѣдкимъ исключеніемъ, а такъ какъ по ст. 33 выборы мировыхъ судей производятся уѣзднымъ собраніемъ по большинству голосовъ, то очевидно, что семь гласныхъ въ этомъ уѣздѣ окончательно рѣшаютъ судьбу этихъ выборовъ. Отсюда видно, во-первыхъ, что наши мировые судьи избираются даже и не мѣстными жителями, а уѣздными гласными, которые назначаются въ свою очередь тоже не самими мѣстными жителями, но лишь уполно-

моченными отъ нихъ избирателями *), а вовторыхъ, что судьба выборовъ мировыхъ судей, при обычной немноголюдности нашихъ уѣздныхъ земскихъ собраній, зависитъ отъ случайнаго большинства семи голосовъ, хотя наши уѣзды зачастую имѣютъ населенія отъ 100,000 до 150.000 душъ и болѣе.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, что выборъ мировыхъ судей предоставленъ мѣстнымъ жителямъ номинально, а въ дѣйствительности зависитъ отъ ничтожнаго меньшинства нѣсколькихъ лично заинтересованныхъ коноводовъ земскаго собранія? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что выборъ въ мировые судьи „лучшихъ людей“ можетъ быть только счастливою лотереей?

Но даже въ случаѣ самаго правильнаго избранія, можетъ ли мировой судья быть самостоятельнымъ, когда онъ избирается по ст. 23 всего на *три* года, а затѣмъ, если онъ своимъ безпристрастіемъ не угодилъ заинтересованнымъ коноводамъ земскаго собранія, подвергается опасности быть забаллотированнымъ на слѣдующее трехлѣтіе? **)

---

*) Было впрочемъ заявлено предположеніе, чтобы, въ выборѣ мировыхъ судей „принимало непосредственное и болѣе широкое участіе мѣстное населеніе“, для чего имѣлось въ виду установить, выборъ мировыхъ судей, по каждому участку, отдѣльно. Но это предположеніе было устранено между прочимъ потому, что, при такомъ порядкѣ, на мировыхъ съѣздахъ ни одинъ изъ обывателей не былъ бы судимъ „избраннымъ имъ судьей“ (?), Ibidem, стр. 48.

**) При окончательномъ редижированіи ст. 23 составители Судебныхъ Уставовъ находили однако, что „краткость этого срока можетъ быть на практикѣ поводомъ къ различнымъ неудобствамъ, а между прочимъ на семъ основаніи могутъ, по случающимся нерѣдко при выборахъ дѣйствіямъ *партій*, быть устраняемы люди вполнѣ достойные, и уже пріобрѣвшіе опытность въ трудныхъ занятіяхъ мировыхъ судей“. Посему положено было „оставивъ въ Уставѣ вышеозначенное правило, какъ согласное съ Основными Положеніями (?), предоставить министру Юстиціи сообразить, не слѣдуетъ ли увеличить срокъ, на который должны быть избираемы мировые судьи, и до истеченія перваго трехлѣтія, послѣ первоначальнаго избранія мировыхъ судей, внести свои по сему предмету соображенія въ государственный Совѣтъ установленнымъ порядкомъ“, (Ibidem, стр. 47).

Странно, что составители Уставовъ, не разъ отступавшіе отъ Основныхъ Положеній, затруднились однако поступить такимъ же образомъ въ настоящемъ случаѣ, хотя и сознавали, что Основныя Положенія на сей разъ далеко не убѣдительны Еще страннѣе, что составители Судебныхъ Уставовъ полагали возможнымъ устранить вліяніе партій при

Конечно, выборъ въ должность уже предопредѣляетъ ея срочность, предоставляя избирателямъ неотъемлемое, по самому свойству избирательной системы, право контролировать дѣятельность избираемаго, выражать ему свое одобреніе или неодобреніе, выбирать его вновь или устранять, выбирая другаго.*) Но съ установленіемъ такого контроля избирателей надъ судомъ, составляющимъ въ принципѣ аттрибутъ государственной власти, послѣдняя очевидно замѣнялась какъ бы равною ей властію общественною, и такимъ образомъ самъ себя упраздняла.

Что же это однако за мѣстный судья, который, часто не зная мѣстныхъ условій, обладая большею частію ничтожнымъ цензомъ, незнакомый съ судебными дѣлами, возводится и низводится не силой правительственной власти, а интригами, прихотью и лицепріятіемъ уѣздной олигархіи, дѣйствующей якобы отъ лица многочисленнаго мѣстнаго населенія?

Въ такомъ положеніи мировой судья является не избранникомъ мѣстнаго населенія, не безпристрастнымъ, сознательнымъ и независимымъ представителемъ его полномочій по судебнымъ дѣламъ, но прикащикомъ (commis) мѣстной клики, самостоятельнымъ, когда онъ дѣйствуетъ въ ея интересахъ, но и безцеремонно чрезъ три года смѣняемымъ, если не съумѣлъ заслужить ея довѣрія.

И этому всевластію мѣстной клики не противопоставлено въ дѣйствительности никакихъ серіозныхъ преградъ. Губернатору, по ст. 29, предоставлено *до выбора* мировыхъ судей право формальнаго только просмотра списка кандидатовъ, а Первому Департаменту Правительствующаго Сената, по ст. 37, формальное лишь утвержденіе избранныхъ лицъ, которыя однако, по ст. 36, принимаютъ присягу и вступаютъ въ свою должность немедленно послѣ избранія, не дожидаясь сенатскаго утвержденія. **)

избраніи въ мировые судьи продленіемъ срока полномочія мировыхъ судей, такъ какъ, даже и при продленіи срока мировой службы, вліяніе партій при избраніи все-таки сохраняло свою силу. Впрочемъ бывшіе министры Юстиціи даже и не подумали воспользовать предоставленнымъ имъ правомъ продлить срокъ для должности мировыхъ судей, что конечно не измѣнило существа дѣла, такъ какъ вопросъ вовсе не въ срокѣ, а, повторяемъ, въ самой системѣ избранія.

*) Ibidem, стр. 46.

**) Губернатору въ этомъ случаѣ предоставлено, по ст. 30, сообщать „свои замѣчанія“ земскому собранію о лицахъ, внесенныхъ неправильно въ избирательный списокъ, слѣдовательно лишь тогда, когда эти лица внесены несогласно съ формальными цензовыми условіями, опредѣлен-

V.

Такимъ образомъ ни по цензу, ни по своей избираемости, ни по краткосрочности своей должности, мировые судьи не имѣютъ той самостоятельности, которая должна быть присуща судьямъ и которую составители Судебныхъ Уставовъ провозгласили, какъ conditio sine qua non введеннаго у насъ мироваго института.

Но за то эту самостоятельность, съ безусловною послѣдовательностію, составители предоставили мировымъ судьямъ въ отношеніи къ *закону*.

Законъ, и въ теоріи права, и въ практикѣ западныхъ государствъ, составляетъ незыблемое основаніе правосудія какъ въ судахъ общихъ, такъ и въ мѣстныхъ, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ. У насъ же, въ примѣненіи къ мировому суду, эта обязательность закона не только была ослаблена по дѣламъ уголовнымъ, но и почти вовсе отмѣнена въ дѣлахъ гражданскихъ.

Мы уже знаемъ, что судьямъ общихъ судебныхъ установленій Судебными Уставами 1864 года предоставлено, въ случаѣ неполноты, неясности или противорѣчія въ законахъ, основывать свои рѣшенія на *общемъ смыслѣ* закона, чѣмъ и допущено было, вмѣсто единообразнаго, самое разнообразное его истолкованіе; тѣмъ не

ными для мировыхъ судей. Впрочемъ и эти скромныя замѣчанія, подлежа обсужденію земскаго собранія, не устраняютъ указанныхъ губернаторомъ лицъ отъ избранія, и только лишь представляются, post factum, въ I Департаментъ Сената, при утвержденіи судей въ должности. Даже самое представленіе объ избранныхъ судьяхъ въ Сенатъ на утвержденіе возложено, по ст. 37, помимо губернатора, на предсѣдателя земскаго собранія.

Только въ 1879 году, и то въ видѣ *временной* мѣры, постановлено было наконецъ, чтобы земскія (и городскія, гдѣ они избираютъ мировыхъ судей) учрежденія, одновременно съ представленіемъ Правительствующему Сенату объ утвержденіи избранныхъ собраніями мировыхъ судей, *препровождали списки избранныхъ также мѣстному губернатору* (или градоначальнику) съ тѣмъ, чтобы послѣдній представлялъ въ Сенатъ свои замѣчанія *о нравственныхъ качествахъ и о благонадежности* избранныхъ лицъ, а Сенатъ входилъ *въ ближайшую оцѣнку* и повѣрку этихъ отзывовъ, въ связи съ заключеніемъ министра Юстиціи. (Примѣчаніе къ ст. 27 учр. Суд. Уст. въ Судебныхъ Уставахъ Императора Александра II.)

менѣе, по ст. 12 Основныхъ Положеній 1862 года о гражданскомъ судопроизводствѣ, принято было въ основаніе, „что всѣ судебныя мѣста обязаны рѣшать дѣла *по точному разуму существующихъ законовъ*“, и это коренное правило вошло въ Уставъ Гражд. Судопр. (ст. 9).

Между тѣмъ, въ томъ же Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства, для мироваго института принятъ слѣдующій порядокъ (ст. 129): „Мировой судья, по выслушаніи сторонъ, принимаетъ въ соображеніе всѣ приведенныя по дѣлу обстоятельства и, опредѣливъ по убѣжденію совѣсти значеніе и силу доказательствъ, *постановляетъ рѣшеніе, которое не должно противорѣчить закону*.

Слѣдовательно, въ общихъ судебныхъ мѣстахъ дѣла должны быть рѣшаемы по точному разуму закона, а рѣшенія мировыхъ судей должны только *не противорѣчить* закону!

Разница очевидно огромная.

Въ частной дѣятельности гражданъ, пока она не выразилась въ предъявляемомъ суду спорѣ, возникаетъ не мало отношеній, которыя признаются безразличными, потому что они не противорѣчатъ законамъ, не нарушаютъ ихъ прямо или косвенно. Но какъ скоро изъ этихъ отношеній возникаетъ споръ, и споръ этотъ не заканчивается соглашеніемъ сторонъ, то онъ становится уже судебнымъ казусомъ, который не можетъ имѣть иного регулятора, кромѣ закона. Въ противномъ случаѣ законъ низводится на степень узды, предназначаемой лишь ограничивать судейскій произволъ, утрачивая такимъ образомъ свое высшее назначеніе—служить положительнымъ правиломъ для разрѣшенія спорнаго вопроса въ точно преоусказанномъ смыслѣ, независимо отъ индивидуальныхъ взглядовъ самого судьи. Ни въ одномъ европейскомъ законодательствѣ, и даже, не смотря на все несовершенство русскихъ законовъ, даже у насъ не предписывалось никогда судьѣ такого отрицательнаго отношенія къ закону, исходящему отъ верховной власти и сохраняющему присущій ему авторитетъ только подъ условіемъ полной его обязательности.

Не противорѣчить закону не значитъ исполнять его. Можно, напримѣръ, обходить законъ, даже не хотѣть знать его, и тѣмъ избѣгать прямаго съ нимъ противорѣчія; но если этимъ непрямымъ путемъ узаконяются и ограждаются отъ отвѣтственности нѣкоторыя дѣйствія частныхъ лицъ, то согласно ли съ достоинствомъ законодателя уполномочивать на такое же отношеніе къ законамъ и самихъ судей?

Ключъ къ этой загадочной ст. 129 мы находимъ въ ст. 130, которая гласитъ:

При постановленіи рѣшенія мировой судья *можетъ*, по ссылкѣ *одной* или *обѣихъ* сторонъ, руководствоваться *общеизвѣстными мѣстными обычаями*, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ *дозволяется* именно закономъ, или *въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ закономъ*".

Прежде нежели перейдемъ къ оцѣнкѣ этого постановленія, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о происхожденіи и значеніи юридическихъ обычаевъ вообще.

Обычаи, за отсутствіемъ писанаго закона, регулируютъ отношенія частныхъ лицъ между собой, и даже между частными лицами и государственною властью. Вообще, въ періодъ первоначальнаго развитія народовъ, отвлеченныя, точно формулованныя законоположенія еще не существуютъ, и люди руководятся традиціями своихъ предковъ, находя въ этихъ традиціяхъ указаніе на все то, что признается полезнымъ и правильнымъ. Примѣръ, подражаніе, всеобщее согласіе — вотъ главные элементы, изъ которыхъ возникаютъ обычаи; отличительная ихъ черта—крайнее разнообразіе соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, развитію и характеру отдѣльныхъ племенъ. Но съ распространеніемъ цивилизаціи ощущается, мало-по-малу, необходимость въ болѣе положительномъ и всесторонне разработанномъ правовомъ положеніи, вслѣдствіе чего вездѣ появляется письменное законодательство, которое, по мѣрѣ своего развитія, сначала дополняетъ, а за тѣмъ и вовсе отмѣняетъ силу обычнаго права.

Въ древнемъ Римѣ сліяніе обычнаго права съ положительнымъ законодательствомъ совершилось, главнымъ образомъ, посредствомъ преторскаго суда. Кодификація преторскихъ эдиктовъ при императорѣ Адріанѣ, въ формѣ такъ-называемаго *вѣчнаго эдикта*, была послѣднимъ выраженіемъ совмѣстнаго существованія этихъ двухъ началъ, послѣ чего обычное право утратило въ Римской имперіи всякое практическое на судѣ значеніе.

Затѣмъ появляются въ началѣ Среднихъ Вѣковъ столь извѣстные въ исторіи европейскаго законодательства *leges barbarorum*, первая попытка кодификаціи и видоизмѣненія германскихъ юридическихъ обычаевъ подъ вліяніемъ Римскаго права. Этотъ процессъ продолжался въ разныхъ формахъ довольно долго и послужилъ основаніемъ не только для политическаго устройства, но и для новаго порядка гражданскаго и уголовнаго судопроизводства; сущность его заключалась въ томъ, что, съ одной

стороны, изъ массы германскихъ обычаевъ выдѣлилось, въ формѣ положительнаго законодательства, все то, что въ нихъ заключалось органическаго для дальнѣйшаго развитія европейскихъ обществъ на новыхъ, своеобразныхъ началахъ, а съ другой въ томъ, что не имѣвшіе этой жизненной силы обычаи потеряли мало-по-малу свое практическое значеніе.

Въ Германіи обычаи были кодифицированы въ 1218 году подъ названіемъ Speculum Saxonicum; затѣмъ послѣдовали другіе сборники, особенно въ XVI столѣтіи, занимающіе доселѣ весьма почетное мѣсто, но только въ исторіи права, такъ какъ германское законодательство усвоило уже себѣ, въ томъ же XVI вѣкѣ, характеръ однихъ положительныхъ, писаныхъ законоположеній, утвержденныхъ не обычаемъ, а законодательною властію.

Во Франціи, въ тѣхъ частяхъ ея, гдѣ германскій элементъ былъ сильнѣе романскаго, а именно въ центрѣ и на сѣверѣ, такъ-называемыя *coutumes* существовали оффиціально гораздо долѣе, чѣмъ въ Германіи; но эти обычаи, почти не касаясь суда, имѣли преимущественно политическій характеръ, опредѣляя формы мѣстнаго самоуправленія. Впрочемъ и они, съ объединеніемъ французскаго законодательства въ эпоху революціи, были отмѣнены и уступили господство общему для всей страны законодательству.

Изо всѣхъ европейскихъ государствъ обычное право сохранилось въ судебной сферѣ, оффиціально и практически, только въ Англіи, но конечно не въ первобытной формѣ. Не слѣдуетъ забывать, что въ этой островной странѣ, усвоившей сначала римскую цивилизацію и римскіе законы, вторгавшіеся затѣмъ разноплеменные завоеватели: Саксы, Датчане и Норманы осѣдали прочнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, удерживая однако при этомъ весьма долго и свои прежніе обычаи. Изъ этого взаимодѣйствія разноплеменныхъ обычаевъ и римской цивилизаціи образовалось, уже въ Средніе Вѣка, особое уваженіе къ мѣстнымъ юридическимъ традиціямъ, хотя отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы традиція въ этой странѣ сохраняла упорно свой стародавній характеръ. Нѣтъ, она тоже развивалась, переходила изъ прежняго безсознательнаго въ болѣе сознательное положеніе, принимала наконецъ новыя, болѣе совершенныя формы. Такимъ образомъ выработалось въ Англіи обычное право, признаваемое до сихъ поръ на ряду со статутнымъ, отличающееся отъ послѣдняго по своему историческому происхожденію, но столь же точно опредѣленное, какъ и статутное. Эти юридическіе обычаи, съ теченіемъ времени, значительно

обобщились; они были разносторонне разработаны юридическою литературой и кодифицированы въ частныхъ сборникахъ, а юридическое ихъ примѣніе утверждено продолжительною судебною практикой. Поэтому обычное право въ Англіи опирается на обширную учено-литературную и судебно-практическую интерпретацію, такъ что самое названіе обычнаго права въ Англіи *неписанными* фактически вѣрно только въ томъ отношеніи, что это право происходитъ не изъ *формальнаго* письменнаго законодательства, но изъ источника, возникшаго въ отдаленномъ періодѣ изъ нѣдръ народной жизни. И самое существованіе обычая констатируется тамъ доселѣ въ судебной практикѣ не ссылкой сторонъ (какъ постановлено у насъ въ ст. 130 Уст. Гражд. Судопр.), а только несомнѣнными, болѣе или менѣе древними судебными прецедентами. *)

Ничего подобнаго не было, нѣтъ и не можетъ быть въ Россіи. У насъ, конечно, существовали въ старину юридическіе обычаи но они никогда не имѣли, а въ настоящее время менѣе, нежели когда-либо могутъ имѣть то общее значеніе, которое имъ усвоено въ Англіи. Процессъ образованія государственности противодѣйствовалъ у насъ болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, самостоятельному развитію обычнаго права, которое одновременно съ историческимъ ростомъ Россіи вездѣ отступало назадъ, давая мѣсто исходящимъ отъ государственной власти законамъ; въ концѣ концовъ обычаи сохранились у насъ въ извѣстной мѣрѣ лишь въ крестьянской и мелкоторговой сферахъ, которыя, почти не соприкасаясь съ закономъ, имѣютъ еще характеръ отношеній, регулируемыхъ традиціей и примѣромъ. Внѣ крестьянской и мелкоторговой жизни обычай у насъ не имѣетъ никакой силы; даже въ юридической наукѣ, какъ матеріалъ историческій, онъ еще недостаточно изслѣдованъ; наконецъ, самые крестьянскіе и мелкоторговые обычаи наши не собраны, не опредѣлены съ точностью, нерѣдко спорны, а всего чаще—кромѣ заинтересованныхъ лицъ почти никому не извѣстны. Даже законодательство наше допускаетъ авторитетъ обычая единственно для однихъ крестьянъ, и только въ двухъ случаяхъ: вопервыхъ, постановляя въ ст. 13 Правилъ (изданныхъ въ 1846 году) для надѣленія государственныхъ крестьянъ семейными участками, что „имущество домохозяина, за исключеніемъ внесеннаго въ постоянную хозяйственную опись, по смерти его раздѣляется между наслѣдниками

*) *Fonblanque*, стр. 209.

на основаніи общихъ законовъ и *мѣстныхъ обычаевъ*", и вовторыхъ, опредѣляя въ Положеніи 19 февраля 1861 года, что въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій, а равно въ порядкѣ наслѣдованія имуществами и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ крестьянамъ предоставляется руководиться *мѣстными своими обычаями*.

Несмотря на все это, составители Судебныхъ Уставовъ, требуя отъ мировыхъ судей, чтобъ ихъ рѣшенія лишь не противорѣчили закону, предоставили этимъ судьямъ руководствоваться, наравнѣ съ закономъ, и обычаемъ не только въ сферѣ имущественныхъ отношеній крестьянъ и мелкоторговыхъ сдѣлокъ, но и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ нашей гражданской жизни, принявъ въ то же время для признанія за обычаемъ силы закона такую широкую систему, которой мы не встрѣчаемъ въ самой Англіи.

Вотъ какъ опредѣлили составители Судебныхъ Уставовъ отношеніе между обычаемъ и закономъ:

„Извѣстно, что самые лучшіе и прочные законы суть тѣ, которые возникаютъ изъ народной *потребности*, которые сознаны въ своей необходимости тѣмъ, кого они непосредственно касаются, и которыхъ польза уже доказана долговременнымъ примѣненіемъ на практикѣ. Съ этою цѣлію *обычаи* нерѣдко утверждаются верховною властію и получаютъ такимъ образомъ силу закона. И наоборотъ, подъ вліяніемъ обычая, *замѣняющаго въ жизни законъ* (?), который не соотвѣтствуетъ ея потребностямъ, этотъ послѣдній подвергается отмѣнѣ". *)

Изъ этого опредѣленія видно, что, по мнѣнію теоретиковъ судебной реформы, законодательство, даже во вторую половину XIX вѣка, должно быть отголоскомъ стародавнихъ обычаевъ, а не практическихъ потребностей извѣстной эпохи не государственныхъ условій и не прогрессивнаго разработыванья юридической науки.

Обозначивъ такимъ образомъ, въ принципѣ, отношеніе между обычаемъ и закономъ, составители Судебныхъ Уставовъ подводятъ сначала подъ силу обычнаго права всѣ словесные сдѣлки и договоры, затѣмъ распространяютъ это обычное право на всѣ сословія, а наконецъ установляютъ и самый порядокъ для признанія обычая въ силѣ закона.

„Вѣдомству мировыхъ судей подлежатъ иски, возникающіе изъ договоровъ и сдѣлокъ, которые во многихъ случаяхъ не утверж-

*) Изданіе Государств. Канц. 1867 года. Т. I, стр. 72.

даются не только формальными контрактами, но даже и домашними условіями, но которые тѣмъ не менѣе имѣютъ силу въ практической жизни на основаніи *обычаевъ*, признающихъ обязательность всѣхъ такихъ договоровъ и дѣйствій подъ тѣмъ или другимъ условіемъ. Въ сихъ случаяхъ *обычай*, замѣняетъ или восполняетъ собой законъ частію вслѣдствіе неграмотности лицъ, вступающихъ между собой въ договоръ, частію вслѣдствіе краткости срока, на который онъ заключается, послѣшности его совершенія или по невозможности личнаго соглашенія за отсутствіемъ одной изъ сторонъ; частію, наконецъ, потому что договоръ или сдѣлка предполагаются". *)

Если изъ этого положенія исключить терминъ „обычай", то оно окажется примѣнимымъ къ юрисдикціи всѣхъ мѣстныхъ судей на Западѣ, хотя тамъ никому не вздумалось еще выводить подобную юрисдикцію изъ обязательной силы обычая. Дѣло въ томъ, что въ этомъ положеніи признаются исходящими изъ обычая такіе договоры и сдѣлки, которые существуютъ вездѣ, а слѣдовательно и у насъ, но ничего общаго съ обычаемъ не имѣютъ. Здѣсь очевидно подведены подъ обычаи тѣ сдѣлки и договоры, которые во всѣхъ положительныхъ законодательствахъ именуются *словесными*, то-есть заключаются на *вѣру, безъ письменнаго акта*, по взаимному согласію часто не высказываемому, а только предполагаемому. Таковы договоры и сдѣлки о мелкой куплѣ, продажѣ и мѣнѣ, о наймѣ слугъ и рабочихъ; таковы разчеты между содержателями гостиницъ и нанимателями нумеровъ, трактирные счеты и т. п. Вездѣ эти сдѣлки вытекаютъ изъ развитія современной жизни, а не обычая; вездѣ для нихъ существуютъ извѣстныя, *безпрестанно видоизмѣняемыя* общественною жизнью нормы; но ни въ Англіи, ни во Франціи и Италіи, ни въ Германіи и Австріи онѣ не признаются обычаями въ юридическомъ смыслѣ. Подлежа разбирательству низшихъ мѣстныхъ судей, эти дѣла производятся обыкновенно сокращеннымъ словеснымъ порядкомъ, и подчинены обязательной силѣ закона, какъ и всѣ другія проявленія современной гражданской жизни, но, повторяемъ, нигдѣ не служатъ поводомъ къ закрѣпленію обычая въ формѣ закона. Да и наше законодательство признавало, какъ мы видѣли, силу обычая не въ сферѣ всѣхъ безъ различія словесныхъ договоровъ, а спеціально лишь въ примѣненіи къ опекамъ и наслѣдованію крестьянъ, то-есть къ такимъ проявле-

*) Ibidem, т. I, стр. 68—69.

ніямъ гражданской жизни, которыя характеризуются не измѣнчивою волей договаривающихся объ обиходныхъ интересахъ мелкой жизни, но издавна безлично установившеюся нормой для урегулированія отношеній, гораздо болѣе стойкихъ и менѣе измѣнчивыхъ. Если, по особымъ условіямъ русской народной жизни, можно было еще расширить прежнюю сферу силы обычая, то только въ примѣненіи къ сдѣлкамъ, проистекающимъ изъ нашей артели, но и то лишь отчасти, потому что всѣ послѣдствія артельной сдѣлки регулируются обыкновенно посредниками.

Такимъ образомъ составители Судебныхъ Уставовъ пріурочили *всѣ* безъ изъятія словесные сдѣлки и договоры, возникающіе изъ общественной современной жизни, къ проявленіямъ исключительно стародавней жизни предковъ, изъяли ихъ изъ силы закона, подчинили ихъ силѣ обычая, и затѣмъ придали этому обычаю самое широкое и неправильное значеніе. По ихъ словамъ, „такое значеніе и такая сила обычая въ жизни требуютъ, чтобъ онъ былъ допущенъ и при разборѣ дѣлъ у мироваго судьи, ибо, въ противномъ случаѣ, стѣснялась бы, безо всякой надобности, *сама жизнь* (?) и рѣшеніе судьи было бы явно *несправедливымъ*“. *)

Озабочиваясь съ необычайною ревностью, чтобы мировые судьи основанными на законѣ рѣшеніями *не стѣсняли народной жизни*, составители Судебныхъ Уставовъ нашли, что „было бы въ высшей степени непослѣдовательно со стороны законодательства, допустивъ однажды силу обычаевъ на судѣ у мировыхъ посредниковъ, не допустить ея при разборѣ *тѣхъ же дѣлъ* (?) мировыми судьями, которые будутъ въ столь же близкихъ, какъ и мировые посредники, отношеніяхъ къ народу“. **) Но, приравнивая въ настоящемъ случаѣ мировыхъ судей къ мировымъ посредникамъ, составители Судебныхъ Уставовъ вовсе не имѣли въ виду подчиненія силѣ обычая *только* тѣхъ дѣлъ, которыя были подвѣдомы мировымъ посредникамъ: въ ст. 130 Устава Гражд. Судопр. сила обычая обобщена въ отношеніи ко всѣмъ дѣламъ и лицамъ всѣхъ сословій. И такое расширеніе силы обычая мотивировано слѣдующими доводами:

„Что касается разбора дѣлъ между крестьянами, а равно между ними и лицами *другихъ сословій*, то законъ, признавшій, что *въ волостныхъ судахъ эти дѣла могутъ быть рѣшаемы на осно-*

*) Ibidem, стр. 69.

**) Ibidem, стр. 70.

ваніи обычаевъ, еслибы постановилъ затѣмъ противное правило относительно рѣшенія тѣхъ же дѣлъ *мировыми судьями*, не только *впалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собой*, но и сдѣлалъ бы это *въ явное* нарушеніе правъ того изъ тяжущихся, котораго требованіе имѣетъ обязательную силу *для его противника* на основаніи обычая; ибо очевидно, что послѣдній, во всѣхъ случаяхъ, когда это дозволяется закономъ, сталъ бы отвѣчать не иначе какъ у мироваго судьи, чтобы такимъ образомъ не исполнить своего обязательства или избѣжать отвѣтственности". Въ подтвержденіе правильности этого вывода приводится тутъ же примѣръ о раздѣлѣ наслѣдства послѣ умершаго домохозяина. *)

Но такой выводъ безусловно неправиленъ. Означенный примѣръ относится, какъ мы уже выше видѣли, къ вопросу о наслѣдствѣ въ крестьянской средѣ, весьма рѣдко поступающему на разрѣшеніе мироваго суда. Приведенными же выше узаконеніями сила обычая признается только въ крестьянскихъ судахъ и слѣдовательно только въ дѣлахъ крестьянъ между собой, а не въ общихъ и мѣстныхъ судахъ и не въ дѣлахъ другихъ сословій. Кромѣ того, принужденіе другихъ сословій подчиняться обычаю развѣ не колеблетъ, въ самомъ его основаніи, общеобязательный авторитетъ закона?

Но такъ какъ наши юридическіе обычаи не только не опредѣлены съ точностью, а даже почти неизвѣстны, то составители Судебныхъ Уставовъ задались похвальною мыслію проектировать и особую мѣру для кодифицированія этого новаго у насъ источника общаго права посредствомъ записи этихъ обычаевъ въ особыя книги, представляемыя по истеченіи года въ Министерство Юстиціи **).

Но даже между составителями Судебныхъ Уставовъ возникло сомнѣніе: какъ же давать силу закона обычаямъ, которые еще не собраны и часто неизвѣстны?

Одни изъ нихъ находили, что сами *крестьяне* имѣютъ объ обычаѣ *весьма неопредѣленное, смутное понятіе*, что „*подъ име-*

---

*) Ibidem.

**) Ibidem, стр. 72—73. При этомъ выражено даже было слѣдующее оптимистическое убѣжденіе: „можно *смѣло* ручаться, что, въ продолженіе *самаго краткаго времени* и безо всякихъ издержекъ со стороны правительства, составился бы у насъ истинно драгоцѣнный сборникъ юридическихъ обычаевъ". Но вотъ уже прошло 20 лѣтъ, а надежда эта такъ и остается только *смѣлою*, ни на іоту не осуществившеюся.

немъ рѣшеній по обычаямъ будутъ постановляться рѣшенія по произволу судьи“, что такимъ образомъ „обычаи въ тѣхъ случаяхъ, когда они противорѣчатъ закону, *будутъ имѣть перевѣсъ надъ нимъ*, между тѣмъ какъ въ числѣ ихъ есть и такіе, которые признаются безнравственными и вредными, и поддерживаются только суевѣріемъ и необразованностію“. Поэтому они признавали необходимымъ „дать перевѣсъ закону, выразивъ положительно, что мировой судья долженъ постановлять рѣшенія на основаніи закона, но при этомъ можетъ принимать въ руководство и *общеизвѣстные обычаи*“ *).

Эта скромная, почти боязливая защита авторитета закона оставлена была безъ вниманія. Но чтобъ устранить формальное обвиненіе мировыхъ судей въ произволѣ, было въ ст. 130 оговорено, что мировой судья, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, можетъ руководиться обычаемъ въ томъ лишь случаѣ, „когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно неразрѣшаемыхъ закономъ.“

Можно, конечно, было предполагать, что, по смыслу этой оговорки, руководство обычаемъ дозволялось собственно лишь въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 12 изданныхъ въ 1842 году правилъ для надѣленія государственныхъ крестьянъ семейными участками, и въ стт. 21 и 38 Положенія 19 февраля, то-есть *въ извѣстныхъ только случаяхъ крестьянской жизни*; но ошибся бы тотъ, кто понялъ бы эту оговорку въ такомъ ограничивающемъ смыслѣ, такъ какъ по ст. 129 мировой судья вовсе не обязанъ постановлять рѣшенія по закону; ему предписано только вообще не противорѣчить закону. При столь эластическомъ смыслѣ ст. 129, оговорка въ ст. 130 теряетъ всякое практическое значеніе, и мировой судья имѣетъ полную свободу во всѣхъ безъ различія дѣлахъ своей юрисдикціи руководиться обычаемъ или закономъ по своему личному усмотрѣнію, или вѣрнѣе по своему произволу, слѣдуя въ этомъ случаѣ мотивамъ самихъ составителей Судебныхъ Уставовъ.

Переходя затѣмъ къ способу констатированія обычаевъ, долженствующихъ имѣть силу на судѣ, эти безусловные защитники обычнаго права какъ будто сами испытываютъ нѣкоторое сомнѣніе, и задаются сначала слѣдующими вопросами:

„Какіе обычаи могли бы получить силу закона, какіе *могли бы* лишь въ извѣстныхъ случаяхъ допускаться, и какіе, наконецъ,

*) Ibidem, стр. 71.

слѣдуетъ *воспретить* какъ положительно вредные, на это нельзя указать, не зная обычаевъ дѣйствующихъ въ разныхъ мѣстахъ“ *). Казалось бы, что одного такого сомнѣнія было вполнѣ достаточно, чтобъ остановиться на скользкомъ пути предоставленія неизвѣстному обычаю силы закона. Но оно было самоувѣренно устранено нашими реформаторами: въ ожиданіи будущаго сборника обычаевъ, они рѣшились отыскать для устраненія сказаннаго сомнѣнія такой исходъ, который можно было бы примѣнить, безъ дальнѣйшихъ околичностей, тотчасъ по введеніи судебной реформы. Съ этою цѣлью предложено было вмѣнить мировому судьѣ въ обязанность, при рѣшеніи дѣла на основаніи обычая, приглашать для подтвержденія таковаго „мѣстныхъ жителей“ (отъ трехъ до шести). Но и эта предосторожность была затѣмъ отвергнута, какъ стѣснительная для судьи и для обывателей, и въ окончательной редакціи ст. 130 рѣшеніе дѣла по обычаю предоставлено мировому судьѣ *„по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ“*.

Такимъ образомъ принято за правило, что обычаемъ, имѣющимъ силу закона, признается то, что̀ заблагоразсудитъ считать таковымъ одна изъ тяжущихся сторонъ. Если согласіе обѣихъ сторонъ даетъ нѣкоторымъ гражданскимъ спорамъ какъ бы характеръ примирительнаго разбирательства на основаніи принятой *обѣими* сторонами общей формулы, то предоставленіе обычаю силы закона по заявленію *одной* только стороны есть вопіющая несправедливость, исключающая всякое понятіе *о судѣ—равномъ для всѣхъ*.

Составители Судебныхъ Уставовъ, ограждая интересы меньшей братіи, то-есть крестьянъ и мѣщанъ, отъ законовъ, установленныхъ какъ бы только въ эгоистическихъ видахъ высшихъ классовъ, не ограничились однако этою премiей въ пользу неразвитыхъ массъ, признающихъ силу обычая, но пошли ещѐ далѣе, допустивъ порядокъ, немыслимый въ государствѣ, заботящемся о распространеніи грамотности среди низшихъ слоевъ населенія. По пункту 1 ст. 246 Уст. Гражд. Судопр. *неграмотнымъ* лицамъ воспрещено быть повѣренными въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, но по ст. 45, гдѣ идетъ рѣчь о повѣренныхъ въ мировыхъ судахъ, это правило обойдено молчаніемъ, а въ комментаріяхъ къ этой статьѣ прямо сказано, что пунктъ 1-й ст. 246 не распространяется на повѣренныхъ въ мировомъ судѣ,

*) Ibidem, стр. 72.

такъ какъ, въ противномъ случаѣ, тяжущіеся были бы поставлены въ большое затрудненіе при пріисканіи себѣ повѣренныхъ *). Но, несмотря даже на относительную необразованность нашего сельскаго и мелкаго торговаго населенія, едва ли можно утверждать съ такою положительностію, что въ нашихъ селахъ и уѣздныхъ городахъ такъ уже трудно пріисканіе грамотныхъ людей. Съ другой стороны, если, по свойству нашихъ народныхъ условій, могутъ быть въ мировомъ судѣ безграмотныя стороны, то болѣе чѣмъ странно допускать еще неграмотныхъ повѣренныхъ, такъ какъ повѣренные въ мѣстныхъ судахъ и въ прежнее время бывали обыкновенно изъ числа грамотныхъ, какъ лица, болѣе знакомыя съ дѣлами и несущія предъ своими неграмотными довѣрителями не только юридическую, но еще болѣе нравственную отвѣтственность. Такое допущеніе безграмотныхъ повѣренныхъ, неумѣющихъ даже подписать своего имени подъ протоколомъ мироваго судьи, и посему не оставляющихъ никакого видимаго, формальнаго слѣда своего участія при судоговореніи и постановленіи рѣшенія, по которому однако допускается и аппелляція, и кассація, принадлежитъ къ числу наиболѣе оригинальныхъ чертъ нашего мироваго суда. И по заявленію такого-то неграмотнаго повѣреннаго *одной* стороны судьѣ предоставлено подчинять *другую* силѣ ничѣмъ не опредѣленнаго обычая, обходя гораздо болѣе точный законъ, исходящій отъ верховной власти!

По дѣламъ уголовнымъ закону предоставлено было въ мировомъ судѣ какъ будто болѣе авторитета, чѣмъ по дѣламъ гражданскимъ: по ст. 28 Основныхъ Положеній 1862 года объ уголовномъ судопроизводствѣ, „мировой судья опредѣляетъ наказаніе виновнымъ на основаніи существующихъ законовъ“, а по ст. 119 Уст. Угол. Судопр. онъ „руководствуется правилами, постановленными въ стт. 12 и 13“ для общихъ судебныхъ установленій, то-есть обязанъ „рѣшать дѣла *по точному разуму существующихъ законовъ*“.

Но въ той же ст. 119 оговорено, что „мировой судья рѣшаетъ вопросъ о винѣ или невиновности подсудимаго *по внутреннему своему убѣжденію*, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ“. Такимъ образомъ самый главный вопросъ уголовной юрисдикціи мироваго института, тотъ именно вопросъ, которымъ предрѣшается нака-

*) Ibidem, стр. 49.

зуемость подсудимаго, разрѣшается не по твердо установленнымъ нормамъ положительнаго законодательства, но единственно по индивидуальному усмотрѣнію судьи, являющагося въ этомъ случаѣ чѣмъ-то въ родѣ единоличнаго присяжнаго засѣдателя. Да и самое наказаніе постановляется мировымъ судьей, какъ мы видѣли, не *по прямому смыслу закона*, а „по точному разуму существующихъ законовъ“, причемъ опредѣленіе этого *точнаго разума законовъ* опять-таки предоставлено самому мировому судьѣ, который, при отсутствіи юридическаго образованія и по своимъ отношеніямъ къ избирателямъ, далеко не всегда можетъ сознательно и безпристрастно проникать въ „точный разумъ существующихъ законовъ“.

Съ другой стороны, во всѣхъ континентальныхъ государствахъ, въ низшихъ мѣстныхъ судахъ, при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ присутствуетъ и даетъ свое заключеніе представитель прокурорскаго надзора, а въ случаѣ его отсутствія—представитель тѣхъ учрежденій, которыя непосредственно и отвѣтственно заинтересованы въ сохраненіи мѣстнаго порядка и благочинія. Но при разбирательствѣ нашихъ мировыхъ судей устранена и эта гарантія. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда „мировой судья встрѣтитъ какое-либо затрудненіе“, ему не вмѣнено въ обязанность входить съ представленіемъ въ высшее, болѣе компетентное учрежденіе, но по ст. 118 предписано лишь, какъ будто опытному и самостоятельному юристу, разрѣшать эти сомнѣнія „*по соображеніи* постановленій изложенныхъ въ настоящей книгѣ (то-есть въ той книгѣ, гдѣ изложены правила мироваго судопроизводства) съ подробными правилами судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мировымъ судьямъ, по пункту 3 ст. 42 Уст. Угол. Судопр., предоставлено приступать къ разбирательству дѣла по *непосредственно* усмотрѣннымъ ими преступнымъ дѣйствіямъ, т. е. совмѣщать въ себѣ роль и обвинителя, и судьи, тогда какъ раздѣленіе этихъ функцій составляетъ наисущественнѣйшую гарантію правильнаго суда. При такомъ порядкѣ вещей обвиненіе, исходя отъ обсуждающаго затѣмъ оное въ судебномъ порядкѣ лица, не обставлено вовсе тѣми ограждающими формами, которыя необходимы, чтобъ обвиненіе имѣло не произвольный, а свойственный ему по закону характеръ. Тотъ, кто обвиняетъ, обязанъ представить суду и доказательства совершившагося закононарушенія, и только независимый отъ обвинительной инстанціи судъ можетъ безпристрастно рѣшать, въ какой степени эти до-

казательства состоятельны. При смѣшеніи же обвинительной власти съ судебною, мировой судья самъ подыскиваетъ доказательства и самъ же рѣшаетъ вопросъ объ ихъ состоятельности, то-есть дѣлаетъ то, въ чемъ были упрекаемы наши прежніе полицейскіе суды. Такой порядокъ вещей дѣлаетъ мироваго судью внѣ его камеры какъ бы безсмѣннымъ полицейскимъ чиновникомъ, но лишь безъ того контроля и той отвѣтственности, которой подлежатъ чины полиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ мировому судьѣ предоставляется въ своихъ частныхъ, личныхъ отношеніяхъ со знакомыми, въ обществѣ, внѣ всякой сдерживающей оффиціальной обстановки, крайне опасное въ общежитіи право: признавать то, что̀ ему почему-либо не нравится, незаконнымъ и затѣмъ привлекать всѣхъ и каждаго, безъ достаточнаго разбора, къ своему суду. Такого широкаго права не предоставлено судьямъ нигдѣ; это уже не судъ, а самоуправа.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что авторитетъ закона, съ его обязательными, равными для всѣхъ требованіями, занимаетъ въ нашей мировой юстиціи самое незавидное мѣсто, отступая на задній планъ: въ дѣлахъ гражданскихъ—предъ неопредѣленнымъ обычаемъ, а въ дѣлахъ уголовныхъ—предъ столь же неопредѣленнымъ индивидуальнымъ воззрѣніемъ мировыхъ судей.

VI.

При разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ, въ 1861 году, проекта II Отдѣленія о судоустройствѣ, соединенными департаментами было, между прочимъ, постановлено, чтобы въ законѣ было положительно опредѣлено: по какимъ именно дѣламъ допускается аппелляція на мировой судъ „въ высшую надъ нимъ судебную инстанцію“. Но самое опредѣленіе этой высшей инстанціи предоставлено было дальнѣйшей законодательной разработкѣ, и обстоятельство это естественно усложнилось тѣмъ, что составители Судебныхъ Уставовъ, при начертаніи Основныхъ Положеній 1862 года, выдѣлили мировой судъ изъ системы общихъ судебныхъ учрежденій. Вотъ почему, при разрѣшеніи вопроса объ аппелляціонной инстанціи надъ мировыми судьями, возникло въ средѣ составителей Судеаныхъ Уставовъ коренное разногласіе: въ то время какъ большинство твердо стояло за аппелляцію въ мировой съѣздъ, меньшинство полагало, напротивъ, что аппелляція на мировой судъ должна быть приносима окружному суду, то-есть общему суду 1-й степени.

Сторонники аппелляціи въ окружной судъ ссылались на слѣдующіе доводы: вопервыхъ, разсмотрѣніе дѣлъ въ мировыхъ съѣздахъ противно общему началу, по коему, при рѣшеніи дѣлъ второю инстанціей, не должны принимать участіе судьи, рѣшавшіе оныя въ первой инстанціи; вовторыхъ, съѣзды мировыхъ судей не соотвѣтствуютъ правилу, требующему, чтобъ аппелляціонный судъ состоялъ изъ *лучшихъ юристовъ*, чѣмъ судъ первой инстанціи, и втретьихъ, при существованіи съѣздовъ дѣла будутъ рѣшаться *разнообразно*, по усмотрѣнію судей, составляющихъ съѣздъ, и такимъ образомъ не будетъ единства въ производствѣ самаго большаго числа дѣлъ. *)

Сущность перваго изъ этихъ доводовъ заключалась, очевидно, „въ опасеніи чтобы, при разсмотрѣніи дѣлъ на мировыхъ съѣздахъ, мировые судьи, *изъ угодливости и потворства своимъ товарищамъ*, не утверждали рѣшеній явно несправедливыхъ“. Это весьма вѣское соображеніе защитники аппелляціи въ мировой съѣздъ постарались устранить такимъ соображеніемъ: „назначеніе въ мировые судьи людей, *пользующихся довѣріемъ и уваженіемъ избравшихъ ихъ обществъ*, участіе въ съѣздахъ *почетныхъ* мировыхъ судей, въ числѣ которыхъ могутъ находиться и *высшіе государсвенные сановники*, и люди *съ замѣчательнымъ (?) юридическимъ образованіемъ* и *судебною опытностію*, и, наконецъ, *гласность* засѣданій послужатъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что мировые судьи, ревизуя другъ друга, не увлекутся чувствомъ *пріязни и взаимной угодливости*, и будутъ разбирать ввѣренныя имъ дѣла не послѣпшо и поверхностно, но съ должнымъ вниманіемъ и добросовѣстностью.“

Выше мы уже видѣли, что выборъ мировыхъ судей производится совсѣмъ не „обществами“, а ничтожнымъ меньшинствомъ, которое играетъ роль рѣшающаго большинства лишь по отсутствію полнаго числа гласныхъ; поэтому избранные судьи не только по своему ничтожному цензу, но уже въ силу такого избранія, могутъ пользоваться *довѣріемъ и уваженіемъ* „обществъ“ далеко не всегда и не вездѣ, и самый *съѣздъ такихъ судей* вовсе не заключаетъ въ себѣ гарантій для правильной и безпристрастной ревизіи дѣлъ, рѣшенныхъ этими судьями-товарищами въ первой инстанціи. Мысль же объ усиленіи съѣзда государственными сановниками и замѣчательными юристами изъ почетныхъ мировыхъ судей, какъ ни на чемъ не основанная, на практикѣ

*) Ibidem, т. I, стр. 82—83.

отнюдь не оправдалась. Что же касается гласности, то она, будучи общею принадлежностію современнаго судопроизводства во всѣхъ безъ исключенія инстанціяхъ, нигдѣ не служила однако специфическимъ мотивомъ для лучшаго направленія аппелляціонныхъ собственно дѣлъ, успѣшность разрѣшенія коихъ зависитъ, кромѣ гласности, еще и отъ особой организаціи аппелляціонныхъ инстанцій.

Особенность этой организаціи, какъ на то указывали и защитники аппелляціи въ окружной судъ, естественно вытекаетъ изъ необходимости бо̀льшаго юридическаго образованія судей аппелляціонныхъ, въ сравненіи съ судьями первой инстанціи. Но и этотъ доводъ защитниковъ аппелляціи въ общіе суды признанъ былъ защитниками мировыхъ съѣздовъ несостоятельнымъ въ отношеніи къ мировымъ учрежденіямъ на слѣдующемъ основаніи.

„Спеціальное юридическое образованіе необходимо при разсмотрѣніи дѣлъ формальнымъ судебнымъ порядкомъ, а между тѣмъ *польза* мироваго разбирательства именно зависитъ отъ того, чтобъ аппелляціонныя жалобы на рѣшенія мировыхъ судей были разрѣшаемы тѣмъ же порядкомъ, которымъ дѣла производились сими судьями въ первой инстанціи.“

Оказывается такимъ образомъ, что аппелляціонная жалоба на мировыхъ судей можетъ быть съ *пользой* разсматриваема только судьями, лишенными юридическаго образованія, какъ будто знакомство общихъ судей съ формальнымъ судебнымъ порядкомъ дѣлаетъ ихъ неспособными понимать какъ болѣе простую процедуру сокращеннаго дѣлопроизводства, такъ и истинный смыслъ мелкихъ судебныхъ дѣлъ. *)

Наконецъ, послѣдній доводъ защитниковъ аппелляціи въ общіе суды даетъ сторонникамъ мировыхъ съѣздовъ поводъ къ слѣдующему заявленію:

„Предоставляя мировымъ судьямъ разсматривать дѣла, не стѣсняясь всѣми установленными для общихъ судовъ обрядами и формальностями, и рѣшать оныя, въ указанныхъ въ ст. 130

---

*) Тѣмъ не менѣе, вопреки этому взгляду, сами же защитники мировыхъ съѣздовъ, какъ мы увидимъ ниже, подчиняютъ рѣшенія мировыхъ съѣздовъ въ кассаціонномъ порядкѣ—кассаціоннымъ департаментамъ Сената, то-есть тѣмъ же общимъ судьямъ, но еще болѣе связаннымъ формальными требованіями судопроизводства, чѣмъ члены окружныхъ судовъ.

случаяхъ, по соображенію съ мѣстными обычаями, нельзя требовать, чтобы нѣкоторыя дѣла были въ разныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго государства, населеннаго разноплеменными и разнообычными народами, рѣшаемы вполнѣ одинаково". *)

Отсюда видно, что крайнее разнообразіе въ рѣшеніи дѣлъ при аппелляціи въ мировой съѣздъ, защитники съѣзда не только не отвергаютъ, но подтверждаютъ. И дѣйствительно, даже тамъ, гдѣ мѣстные судьи, какъ на Западѣ, подчинены не обычаю, а положительному закону, ихъ рѣшенія отличаются крайнимъ разнообразіемъ. Но для того именно, чтобъ это разнообразіе не переходило должныхъ предѣловъ, не превращалось въ произволъ мѣстныхъ судей, и существуетъ вездѣ аппелляція на нихъ въ общіе суды 1-й степени. Наши же защитники мировыхъ съѣздовъ, не полагая никакихъ предѣловъ этому разнообразію, стараются, напротивъ, укоренить его даже и въ высшей надъ мировыми судьями инстанціи, прекращая тѣмъ для тяжущихся всякую возможность аппеллировать на столь неопредѣленно понимаемый у насъ обычай въ инстанцію, дѣйствующую на основаніи закона.

Предлагая на столь несостоятельныхъ началахъ аппелляцію въ мировой съѣздъ, защитники этой мѣры доказывали, сверхъ того, что этимъ путемъ устраняются и весьма существенныя неудобства, сопряженныя съ системой аппелляціи въ окружной судъ.

Неудобства эти, по ихъ мнѣнію, заключаются главнѣйше въ томъ, что, при принесеніи жалобъ на мировыхъ судей въ окружной судъ, нарушаются всѣ условія близкаго, скораго и дешеваго суда.

Но при нашихъ большихъ разстояніяхъ, даже мировые съѣзды не всегда близки къ тяжущимся. Ничто не мѣшало, вмѣсто этихъ съѣздовъ, установить, особенно въ случаѣ накопленія дѣлъ, особыя подвижныя присутствія окружныхъ судовъ и сократить, для аппелляціи на мировыхъ судей, не только формальности въ судопроизводствѣ, но и самыя судебныя издержки.

На все это не было обращено вниманія, и общій съѣздъ избирательныхъ мировыхъ судей былъ признанъ цѣлебнымъ бальзамомъ для уврачеванія всѣхъ промаховъ, на которые способенъ каждый изъ этихъ судей въ отдѣльности.

---

*) Ibidem, стр. 38.

Однако, создавая этотъ товарищескій самосудъ, составители Судебныхъ Уставовъ, при всемъ своемъ оптимизмѣ, сознавали, что ихъ комбинація основана на черезчуръ шаткой почвѣ, и потому старались защитить ее аргументами не только отъ настоящаго, но еще болѣе въ будущаго. Они разчитывали, что мировые съѣзды, воспользовавшись личностями, вызванными къ дѣлу крестьянскимъ вопросомъ, а также почетными мировыми судьями, „составятъ для мировыхъ судей *хорошую школу, пріучатъ ихъ къ точному разъясненію ихъ обязанностей, однообразному обсужденію однородныхъ дѣлъ, правильному пониманію законовъ*, и приведутъ къ постепенному установленію разумныхъ правилъ мироваго разбирательства, основаннаго на справедливости и опытѣ.“ *)

Изъ этого, однако, видно, что сами составители Судебныхъ Уставовъ находили, что нашимъ мировымъ судьямъ, для правильнаго пониманія дѣлъ, нужно было пройти еще школу, и эта школа предложена была въ формѣ мироваго съѣзда для рѣшенія аппелляціонныхъ дѣлъ. Но аппелляціи могутъ успѣшно разсматриваться только въ судѣ, а не въ школѣ, гдѣ судьямъ еще нужно учиться „своимъ обязанностямъ“, „справедливости“, „опыту“ и т. п., подъ предполагавшимся, *но не осуществившимся на дѣлѣ* руководствомъ почетныхъ мировыхъ судей и бывшихъ дѣятелей по крестьянскому вопросу.

Вообще самообученіе мировыхъ судей представляется какою-то странною химерой; даже допуская столь необычайный способъ подготовки судей, нельзя не замѣтить, что курсъ этой школы ограниченъ былъ только трехлѣтнимъ срокомъ, на который предположено было избирать мировыхъ судей, и что даже участіе въ съѣздѣ лицъ прокурорскаго надзора, этихъ своего рода педагоговъ для мало знакомыхъ съ законами мировыхъ судей, допущено было въ сферѣ гражданской лишь по нѣкоторымъ дѣламъ (ст. 179).

Приведенныя нами соображенія составителей Судебныхъ Уставовъ въ пользу аппелляціи съѣзду мировыхъ судей относятся къ дѣламъ гражданскимъ, и главнымъ основаніемъ этого порядка послужило очевидно то обстоятельство, что эти дѣла, подлежа разсмотрѣнію съ точки зрѣнія обычнаго права, должны быть рѣшаемы мѣстными выборными судьями въ качествѣ лицъ, будто бы непремѣнно болѣе знакомыхъ съ обычаями, чѣмъ судьи общіе. Поэтому можно было надѣяться, что по крайней мѣрѣ

*) Ibidem, стр. 85.

аппелляція на мировыхъ судей по дѣламъ уголовнымъ будетъ имѣть другой характеръ, такъ какъ дѣла этого рода должны безусловно подлежать разсмотрѣнію съ точки зрѣнія не обычая, но закона. Даже на Западѣ, гдѣ аппелляціонныя жалобы на мѣстный судъ поступаютъ въ общіе суды 1-й степени, аппелляція по дѣламъ уголовнымъ отличается отъ аппелляціи по дѣламъ гражданскимъ тѣмъ, что послѣдняя ограничена только дѣлами извѣстной цѣнности, а первой подлежатъ всѣ рѣшенія, коими подсудимые подвергаются лишенію или ограниченію свободы. Это болѣе широкое право аппелляціи обусловливается естественно тѣмъ, что наказаніе имѣетъ здѣсь вліяніе не только на частные интересы подсудимыхъ, но и на ихъ общественное положеніе, къ которому правосудіе обязано относиться не иначе, какъ съ крайнею осторожностью.

Между тѣмъ, по нашимъ Судебнымъ Уставамъ, аппелляція на мировыхъ судей въ мировой съѣздъ распространена, безо всякой даже мотивировки, и на дѣла уголовныя, которыя такимъ образомъ совершенно неправильно отождествлены съ гражданскими, рѣшаемыми на основаніи обычая. Единственное отличіе нашей мировой уголовной процедуры отъ гражданской заключается въ томъ, что при первой присутствуетъ представитель прокурорскаго надзора. Но такъ какъ протесты прокуратуры на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ подлежатъ разсмотрѣнію кассаціоннымъ порядкомъ въ Сенатѣ, то очевидно, что эта сложная, продолжительная процедура совершенно парализуетъ значеніе прокурорскаго надзора въ этой товарищеской коллегіи, не имѣющей, по своему происхожденію, ничего общаго съ государственною властью, и почти свободной отъ положительныхъ требованій закона.

Сверхъ того, не слѣдуетъ терять изъ виду, что, по ст. 124, аппелляціи въ мировой съѣздъ по уголовнымъ дѣламъ подлежатъ только приговоры, по которымъ подсудимые присуждены были мировымъ судьей къ денежному взысканію свыше 15 рублей, къ убыткамъ свыше 30 рублей и къ аресту свыше трехъ дней. Слѣдовательно всѣ штрафы ниже 15 рублей и убытки ниже 30 рублей, весьма еще значительные для большинства мѣстнаго населенія, и *лишеніе свободы на срокъ менѣе трехъ дней* были такимъ образомъ изъяты отъ аппелляціи и предоставлены вполнѣ усмотрѣнію единоличнаго судьи, безо всякаго участія прокурорскаго надзора. Это уже такая широкая юрисдикція, какой нигдѣ на Западѣ, да и у насъ до судебной реформы не было предоставлено избирательнымъ судьямъ, безъ охранительныхъ для подсу-

димаго гарантій, заключавшихся въ прокурорскомъ надзорѣ и въ правѣ аппелляціи въ высшую инстанцію *).

Но полномочіе нашихъ мировыхъ судей не исчерпывается такимъ ограниченіемъ права аппелляціи на ихъ рѣшенія.

Всѣмъ частнымъ лицамъ, подсуднымъ мировому судьѣ въ уголовномъ порядкѣ, предоставлено подавать на рѣшенія мировыхъ судей, въ извѣстныхъ случаяхъ, аппелляціонныя жалобы; но полиція, заявляющая мировому судьѣ по ст. 49 объ обнаруженныхъ ею „въ кругѣ ея дѣйствія проступкахъ, которые подлежатъ преслѣдованію безъ жалобъ частныхъ лицъ“, обязана, по ст. 146, въ случаѣ неудовольствія на приговоръ, „представить о томъ товарищу прокурора, который можетъ или предъявить отзывъ мировому судьѣ, или оставить объявленное неудовольствіе безъ послѣдствій“. Отсюда ясно, что право полиціи заявлять неудовольствіе на приговоръ судьи обусловлено разрѣшеніемъ прокурора, *на судѣ не присутствующаго*, а полиція, при передачѣ на судъ мироваго судьи закононарушеній, является не обвинительною властью, но лишь въ качествѣ *свидѣтеля*. Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ обвиненіе, никѣмъ не будучи поддерживаемо, теряетъ всю свою силу. Это неравенство въ пользу частныхъ лицъ, и въ ущербъ полиціи, не можетъ конечно не давать первымъ перевѣса надъ послѣднею; предполагать же, что такое неравенство нейтрализуется независимостью мироваго судьи отъ обѣихъ сторонъ, было бы крайне неосновательно, такъ какъ мировой судья весьма естественно гораздо болѣе озабоченъ достиженіемъ популярности между своими мѣстными избирателями, чѣмъ безпристрастіемъ въ отношеніи къ полиціи, предъявляющей по своему долгу такія требованія, которыя нерѣдко бываютъ, хотя и въ видахъ общей пользы, стѣснительны для мѣстныхъ жителей, а слѣдовательно и для избирателей мироваго судьи *).

---

*) Хотя на рѣшенія этого рода допускается кассація въ мировой съѣздъ, но ниже мы убѣдимся, до какой степени несостоятельна эта процедура, которая касается не существа, но лишь формальной стороны дѣла.

*) Ст. 146 мотивирована составителями Судебныхъ Уставовъ слѣдующимъ куріознымъ образомъ:

„Если, *по необходимости* (?), на полицію возлагается преслѣдованіе виновныхъ предъ мировымъ судьей, то изъ этого не вытекаетъ еще нисколько, чтобъ она имѣла право непосредственно изъявлять неудовольствіе на рѣшенія самого мироваго судьи. Поэтому предоставленіе ей непосредственнаго права обжалованія было бы непослѣдовательно“.

Вообще, наши мировые съѣзды изъ судей не юристовъ устроены были по образцу съѣздовъ мировыхъ посредниковъ и, вмѣсѣ тѣмъ, по примѣру малыхъ и четвертныхъ засѣданій англійскихъ мировыхъ судей. Но мы уже въ своемъ мѣстѣ оговорили, что по характеру дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ, между мировыми посредниками и мировыми судьями, равно какъ между съѣздами тѣхъ и другихъ, нѣтъ никакой аналогіи. Что же касается съѣздовъ англійскихъ мировыхъ судей, то и они не имѣютъ ничего общаго съ нашими мировыми съѣздами, ибо тамошнія малыя и четвертныя засѣданія отнюдь не имѣютъ характера аппелляціоннаго пересмотра единоличныхъ приговоровъ мировыхъ судей. Эти малыя и четвертныя засѣданія имѣютъ свой кругъ слѣдственныхъ и судебныхъ обязанностей и составляютъ особыя инстанціи, съ болѣе широкою властью, чѣмъ власть единоличнаго мироваго судьи; но рѣшенія единоличныхъ мировыхъ судей подлежатъ въ Англіи, какъ и вездѣ на Западѣ, контролю лишь общихъ судовъ. Кромѣ того, несмотря на то, что англійскіе мировые судьи принадлежатъ, по своему общественному положенію, къ образованнѣйшей части тамошняго общества, они тѣмъ не менѣе, не будучи сами присяжными юристами, избираютъ обыкновенно своимъ предсѣдателемъ на четвертныхъ съѣздахъ одного изъ извѣстнѣйшихъ мѣстныхъ юристовъ, а секретаремъ—лицо, знакомое изъ многолѣтней опытности со всѣми судебными пріемами; такимъ образомъ англійскіе мировые судьи восполняютъ свою судебную неопытность, о чемъ не было и помину при организаціи нашихъ мировыхъ съѣздовъ.

Если вообще побудительною причиной къ приданію у насъ мировымъ съѣздамъ аппелляціоннаго характера было желаніе „освободить общія судебныя мѣста отъ большаго количества

Почему же это право непослѣдовательно въ примѣненіи къ преслѣдованію виновныхъ при нарушеніи благочинія, но послѣдовательно въ примѣненіи къ искамъ частныхъ лицъ по нарушенію частныхъ интересовъ?

Какъ скоро законъ, по непостижимой аномаліи, устраняетъ прокурорскій надзоръ отъ присутствія при уголовномъ разбирательствѣ мироваго судьи, то полиція является уже предъ мировымъ судьей, во имя общихъ интересовъ, такою же стороной, какъ и частные истцы, и должна бы по крайней мѣрѣ пользоваться не меньшими правами, чѣмъ и послѣдніе.

дѣлъ“ *) и тѣмъ сократить расходы казны, то нельзя не замѣтить, что интересамъ казны, затронутымъ этою частью судебной реформы, дано было не только преувеличенное, но и не соотвѣтствующее значеніе: расходы казны по аппелляціонной инстанціи на мѣстныхъ судей устранялись усиленіемъ на счетъ земствъ состава окружныхъ судовъ.

Но очевидно, что въ настоящемъ случаѣ забота объ освобожденіи общихъ судебныхъ мѣстъ отъ наплыва дѣлъ и о сокращеніи расходовъ казны занимала въ соображеніяхъ составителей Судебныхъ Уставовъ послѣднее мѣсто, такъ какъ созданіе мировыхъ съѣздовъ въ формѣ аппелляціонной инстанціи было прежде всего прямымъ послѣдствіемъ выдѣленія мироваго суда изъ общесудебнаго механизма, которое было принято какъ основное начало при переработкѣ предположеній графа Блудова о преобразованіи нашего мѣстнаго суда.

VII.

Еще болѣе теоретическихъ увлеченій и практическихъ несообразностей усматриваемъ мы въ порядкѣ, установленномъ Судебными Уставами для разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ на *окончательныя* рѣшенія мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ. Такъ какъ этотъ порядокъ мотивированъ былъ не особымъ свойствомъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ мировой юрисдикціи, но отвлеченными соображеніями о сущности кассаціоннаго въ государствѣ надзора, то, приступая къ разсмотрѣнію вопроса о порядкѣ кассаціи по окончательнымъ рѣшеніямъ мировыхъ учрежденій, намъ необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ о кассаціонномъ судопроизводствѣ вообще.

Система высшаго кассаціоннаго надзора по судебнымъ дѣламъ возникла не столько изъ историческо-практическихъ, сколько изъ отвлеченно-юридическихъ соображеній, принятыхъ первоначально въ примѣненіи къ французской судебной реформѣ Учредительнымъ Собраніемъ 1789 года, и окончательно вошедшихъ въ силу при изданіи гражданскаго кодекса во время Консульства. Цѣль кассаціонной процедуры—единообразное пониманіе закона и неуклонное соблюденіе судебныхъ формъ; поэтому кассація примѣнима въ полной силѣ лишь тамъ, гдѣ не только судопроизвод-

*) Ibidem, т. I, стр. 85.

ство, но въ особенности гражданскіе и уголовные законы приведены въ совершенную ясность, гдѣ существуетъ прочно установившаяся судебная практика, гдѣ эти законы, и эта практика издавна разработаны юридическою литературой, гдѣ, наконецъ, въ судахъ издавна засѣдаютъ ученые и опытные юристы.

Эти условія, несмотря на сложность, продолжительность и другіе недостатки дореволюціонной судебной процедуры, были однако налицо во французской магистратурѣ, вслѣдствіе чего тамъ была уже вполнѣ готовая почва для подобнаго нововведенія. Эти же благопріятныя для введенія кассаціи условія существовали въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи, въ Голландіи и Бельгіи, гдѣ потому и возникли, по примѣру Франціи, особыя кассаціонныя палаты; въ Англіи же, гдѣ судебный строй, при всѣхъ его достоинствахъ, выразился въ совершенно своеобразныхъ формахъ, хотя и существуетъ кассаціонная процедура, но нѣтъ однако и доселѣ отдѣльной высшей кассаціонной палаты.

Но у насъ, при новизнѣ введенныхъ уставами 1864 года формъ, а еще болѣе при несовершенствѣ гражданскаго и уголовнаго законодательства, при слабости образованія судей, не было вовсе готовой почвы для установленія кассаціонной процедуры, по крайней мѣрѣ во всемъ ея теоретическомъ объемѣ. При такихъ обстоятельствахъ можно было въ 1864 году положить только скромные зачатки этой системы въ отношеніи къ общимъ судамъ, то-есть къ такимъ учрежденіямъ, въ которыхъ руководство закономъ и юридическое образованіе судей обезпечивало еще до извѣстной степени правильное пониманіе закона и соблюденіе формъ судопроизводства; но не имѣлось въ виду никакихъ благопріятныхъ условій для примѣненія кассаціоннаго порядка къ срочно избираемымъ мировымъ судьямъ, надзоръ за рѣшеніями коихъ, по относительной несложности порученныхъ этимъ судьямъ дѣлъ, вовсе не требовалъ такого затруднительнаго и формальнаго контроля, тѣмъ болѣе что такой центральный контроль въ Россіи, ужь по одной своей отдаленности отъ мѣстнаго суда, могъ быть только бюрократическимъ, а всего чаще лишь фиктивнымъ. Въ этомъ случаѣ обыкновенный аппелляціонный порядокъ вполнѣ могъ удовлетворять потребности пересмотра мировыхъ рѣшеній, конечно не въ мировыхъ съѣздахъ, но въ ближайшихъ общихъ судахъ. Это было бы тѣмъ правильнѣе, что даже во многихъ цивилизованныхъ государствахъ Европы кассація для мѣстныхъ судовъ замѣняется, съ большимъ успѣхомъ, аппелляціей въ суды первой степени, въ особенности по уголов-

нымъ дѣламъ; самая же отмѣна рѣшеній въ кассаціонномъ порядкѣ ограничена только немногими случаями и отнесена вездѣ, кромѣ Франціи и Бельгіи, къ обязанностямъ аппелляціонныхъ, а не кассаціонныхъ палатъ. Но составители Судебныхъ Уставовъ взглянули на это дѣло совершенно иначе, задавшись слѣдующими соображеніями:

„Власть отмѣнять окончательныя рѣшенія судебныхъ мѣстъ, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, можетъ принадлежать только одному верховному въ государствѣ судилищу, которое и учреждается для того именно, чтобы, не рѣшая дѣлъ по существу, наблюдать за сохраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными мѣстами Имперіи. Раздробленіе этой власти между палатами (судебными), то-есть предоставленіе имъ права толкованія законовъ и существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства умалило бы совершенно значеніе высшаго судилища, и вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы поводъ къ различнымъ объясненіямъ закона, а сила и значеніе всякаго закона необходимо обусловливаются единообразнымъ его исполненіемъ. Дозволить принесеніе жалобъ на окончательныя рѣшенія въ палаты, а не въ Сенатъ, значитъ допустить столько же различныхъ толкованій одного закона, сколько будетъ палатъ, а разнообразное толкованіе закона поставитъ гражданъ въ такое положеніе, что имъ нельзя будетъ разчитывать на силу гражданскаго закона, на его *неприкосновенность* и *ненарушимость*. Тогда, вмѣсто ожидаемыхъ отъ судебнаго преобразованія улучшеній, явится *самое ужасное зло*, потому что для гражданъ не можетъ быть бо́льшаго зла, когда они не знаютъ, *что̀ законно и что̀ противно закону*, когда они теряютъ *сознаніе о своихъ правахъ и обязанностяхъ*, между тѣмъ какъ всякое гражданское общество существуетъ прочно только подъ управленіемъ на твердомъ основаніи закона“. Проникнутые „мыслію о такомъ высокомъ значеніи сената“, защитники этой системы полагали, что „охраненіе силы и истиннаго смысла закона“ можетъ быть ввѣрено только лицамъ, пользующимся особеннымъ довѣріемъ верховной власти *).

Но противъ этого мнѣнія сдѣлано было нѣкоторыми составителями Судебныхъ Уставовъ весьма практическое возраженіе. Было замѣчено, что „разсмотрѣніе прошеній объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ судебною палатой, а не

*) Ibidem, стр. 95. „Пользующимся особеннымъ довѣріемъ верховной власти“.

Сенатомъ, не представляетъ никакихъ неудобствъ, а, напротивъ, будетъ соотвѣтствовать одному изъ главныхъ условій мироваго разбирательства, возможной скорости разрѣшенія дѣлъ, и доставитъ тяжущимся возможность воспользоваться предоставляемымъ имъ по закону правомъ присутствовать при разсмотрѣніи судомъ означеннаго рода прошеній. За 1,000 или 1,500 верстъ не всегда можно ѣхать бѣдному человѣку, такъ какъ на это нужно не мало средствъ; на поѣздку же за 100 или 200 верстъ этихъ средствъ потребуется во всякомъ случаѣ гораздо менѣе.“ Кромѣ того, при точномъ опредѣленіи случаевъ кассаціи (по ст. 186 Уст. Гражд. Суд.), „отъ смѣшенія въ палатѣ власти аппелляціонной и кассаціонной нельзя ожидать никакихъ вредныхъ послѣдствій, такъ какъ, при совершенно особомъ положеніи мировыхъ учрежденій, толкованіе закона по приложенію къ ихъ рѣшеніямъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить руководствомъ въ примѣненіи сего закона къ рѣшеніямъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Между тѣмъ разсмотрѣніе прошеній объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ учрежденій, по причинѣ неправильнаго истолкованія или примѣненія закона, палатой, а не Сенатомъ, будетъ имѣть и то важное преимущество, что она, какъ мѣсто ближайшее, будетъ имѣть возможность знать *мѣстныя условія*, *выслушать тяжущихся* и рѣшить дѣло справедливо“. По симъ основаніямъ предположено было *отмѣну рѣшеній мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ* предоставить судебнымъ палатамъ. *)

Съ своей стороны, замѣтимъ, что риторическая экспозиція принциповъ въ пользу кассаціи Сенатомъ грѣшитъ еще крайнимъ преувеличеніемъ, и сама себѣ противорѣчитъ. Едва ли надеженъ тотъ государственный порядокъ, гдѣ *неприкосновенность* и *ненарушимость* закона находятъ убѣжище только въ кассаціонномъ судѣ. Эти цѣли достигаются совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ государственныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и общихъ судовъ, причемъ послѣдніе только регулируются кассаціонною инстанціей, но, не менѣе чѣмъ она, и даже гораздо чаще чѣмъ она, охраняютъ, вмѣстѣ съ учрежденіями административными, неприкосновенность и силу закона. Кромѣ того, общія судебныя мѣста дѣйствуютъ на основаніи тѣхъ же законовъ, коими руководится и кассаціонный судъ; а опытъ доказалъ, что то *ужасное зло*, при одной мысли о коемъ такъ содрагались составители Судебныхъ Уставовъ, нисколько не было у насъ устра-

*) Ibidem, стр. 98—99.

нено кассаціонными департаментами Сената, которые, какъ это выяснено двадцатилѣтнею практикой, часто постановляли по одному и тому же вопросу права столь же противорѣчивыя рѣшенія, какъ и подчиненные ихъ кассаціи судебныя палаты и окружные суды. Къ тому же растяжимое толкованіе закона „по общему его разуму“ предоставлено самими составителями Судебныхъ Уставовъ судьямъ всѣхъ ранговъ, а при этомъ порядкѣ вещей, особенно при отсутствіи судебныхъ традицій и при слабости юридическаго образованія, нѣтъ ни малѣйшаго основанія возлагать на нашъ кассаціонный судъ тѣ надежды, которыя это учрежденіе оправдываетъ въ другихъ странахъ Европы. Наконецъ, какъ можетъ соблюдать кассаціонный судъ единообразное исполненіе закона по тѣмъ гражданскимъ дѣламъ, которыя предоставлено мировымъ судьямъ разрѣшать не по закону, а по обычаю? *)

Тѣмъ не менѣе, настаивая на кассаціи въ Сенатѣ, защитники этой системы доказывали еще, что самая отдаленность Сената не можетъ въ этомъ случаѣ служить препятствіемъ, потому что „если близость суда есть одно изъ условій правильнаго отправленія правосудія, то это условіе не подходитъ однако вообще подъ кассаціонное производство, а личная явка тяжущихся или ихъ повѣренныхъ въ Сенатъ, и состязаніе ихъ тамъ, для обнаруженія поводовъ къ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ, совсѣмъ не нужны: для доказательства того, что дѣло не подлежитъ вѣдомству мировыхъ учрежденій, что стороны не были выслушаны, что въ производствѣ дѣла принималъ участіе отведенный судья, что въ рѣшеніи не приведено основаній, на которыхъ оно постановлено, или что рѣшеніемъ присуждено болѣе требуемаго истцомъ,—достаточно имѣть въ виду обжалованное рѣшеніе и протоколы составленные по дѣлу“. Но съ этимъ нельзя согласиться уже потому, что такимъ возраженіемъ отмѣняются устность и состязательность, которыя, составляя самое коренное условіе судебной реформы, въ особенности безусловно необходимы въ сферѣ мелкихъ дѣлъ, разматриваемыхъ сокращеннымъ порядкомъ, причемъ словесное объясненіе составляетъ самое важное дополненіе къ существу дѣла.

*) Вообще вся эта экспозиція принциповъ въ пользу кассаціи въ Сенатѣ имѣла очевидно главною цѣлію не интересы мироваго правосудія, но усиленіе авторитета Сената, члены коего пользуются, впрочемъ, вовсе не „особеннымъ“, а тѣмъ же самымъ довѣріемъ верховной власти, каковаго удостоиваются всѣ вообще должностныя лица, назначаемыя именными Высочайшими указами.

Далѣе, противъ указанія на обремененіе Сената просьбами объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ учрежденій, защитники сенатской кассаціи возражали, что ссылаться на обремененіе сената дѣлами этого рода значитъ „*не имѣть никакого довѣрія къ этимъ учрежденіямъ, и заподазривать заранѣе здравый смыслъ или честность мировыхъ судей*“, такъ только какъ при этомъ условіи жалобы на нихъ могутъ быть многочисленны. *) Но не говоря уже о томъ, что въ теченіе двадцати лѣтъ со времени введенія судебной реформы далеко не всѣ наши избирательные мировые судьи заявили себя здравымъ смысломъ и даже честностью; несмотря и на то, что Сенатъ за все это время буквально изнемогалъ, и до сихъ поръ, несмотря на увеличеніе его состава, изнемогаетъ подъ бременемъ кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ учрежденій,—нельзя не замѣтить, что защита какой бы то ни было логической комбинаціи ссылкой на безотчетную вѣру въ ея успѣхъ въ будущемъ составляетъ доводъ, ничего не разъясняющій и оставляющій по сему въ полной силѣ то возраженіе, къ опроверженію коего онъ направленъ.

Несмотря на все это, „при окончательномъ обсужденіи сего вопроса“, восторжествовало мнѣніе защитниковъ сенатской кассаціи, на томъ основаніи, что Сенатъ „*всзо свякого сомнѣнія* будетъ исполнять свои кассаціонныя обязанности и въ отношеніи къ мировымъ учрежденіямъ *лучше*, нежели судьи, кругъ дѣятельности которыхъ ограничивается разсмотрѣніемъ въ аппелляціонномъ порядкѣ тяжебныхъ дѣлъ извѣстной только мѣстности“. **) Этимъ неопредѣленнымъ аргументомъ окончательно была устранена кассація въ судебныя палаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ сомнѣнія касательно отдаленности Сената, обремененія его дѣлами мировыхъ учрежденій, затрудненія для тяжущихся и ихъ повѣренныхъ присутствовать при кассаціонномъ разбирательствѣ. Но особенно важно то обстоятельство, что при этомъ самая кассація на мировыя учрежденія въ Сенатъ подвергалась чрезвычайному ограниченію, а именно: *кассація въ Сенатъ допущена только на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ*, а кассація по рѣшеніямъ мировыхъ судей передана была не Сенату, и не палатѣ, но аппелляціонной же надъ мировыми судьями инстанціи, то-есть *мировому съѣзду*.

---

*) Ibidem, стр. 95—96.

**) Ibidem., стр. 99.

Защитники разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей въ мировыхъ съѣздахъ, забывъ свои доводы въ пользу сенатской кассаціи, стали теперь ссылаться на отдаленіе Сената отъ мировыхъ судовъ, на обремененіе Сената разсмотрѣніемъ кассаціонныхъ жалобъ на эти суды, и даже на невозможность при иномъ порядкѣ вещей сохранить единообразіе въ толкованіи законовъ. Но, кромѣ этого противорѣчія, они впали еще въ другія, забывъ, что, съ передачей кассаціонныхъ жалобъ на мировыхъ судей въ съѣзды, возникаетъ именно то смѣшеніе аппелляціонной и кассаціонной властей, противъ коего они возставали, когда шла рѣчь о сосредоточеніи въ палатѣ кассаціоннаго разбирательства по рѣшеніямъ мироваго суда. При этомъ не было даже принято во вниманіе, что на съѣздахъ такое смѣшеніе властей будетъ касаться дѣлъ *одного рода*, тогда какъ въ палатѣ дѣла аппелляціонныя, возникая по жалобамъ на рѣшенія общихъ судовъ, не представляли никакой аналогіи съ дѣлами кассаціонными по жалобамъ мировыхъ только учрежденій. Наконецъ, обойдено было теперь молчаніемъ, что сами же защитники сенатской кассаціи настаивали на томъ, чтобы кассація была подвѣдома судьямъ, поставленнымъ выше тѣхъ, на которыхъ приносятся жалобы, и что эти жалобы должны разсматриваться исключительно съ точки зрѣнія общихъ для всей Имперіи законовъ, хранителемъ коихъ признавали только кассаціонныхъ сенаторовъ, а не судей, избранныхъ мѣстнымъ обществомъ и не обладающихъ юридическимъ образованіемъ.

Какъ на главный доводъ въ пользу кассаціи въ съѣздѣ, защитники этой мѣры указываютъ на то, что мировые судьи должны руководиться обычаями, вслѣдствіе чего „кассаціонные Департаменты, незнакомые съ обычаями, будутъ поставлены въ положительную невозможность судить о степени уважительности прошеній объ отмѣнѣ постановленныхъ на семъ основаніи рѣшеній“, *) причемъ защитники этой мѣры забываютъ, что сами же они отстаивали и отстояли разсмотрѣніе кассаціонными Департаментами прошеній объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, хотя эти рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ, подобно единоличнымъ рѣшеніямъ мировыхъ судей, могутъ быть точно также основаны на обычаѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что для отмѣны рѣшеній мировыхъ съѣздовъ Сенатъ не слишкомъ отдаленъ отъ тяжущихся

*) Ibidem, стр. 99.

и компетентенъ въ обычаяхъ, а для отмѣны рѣшеній единоличныхъ мировыхъ судей не только Сенатъ, но даже палаты и черезчуръ отдалены, и совсѣмъ не компетентны въ тѣхъ же самыхъ обычаяхъ.

Вотъ на какихъ основаніяхъ установлена была у насъ кассація рѣшеній мироваго суда по дѣламъ *гражданскимъ*.

Но и кассація рѣшеній мироваго суда по дѣламъ *уголовнымъ* мотивирована и принята была въ той же формѣ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, хотя въ дѣлахъ уголовныхъ затрогиваются не частные только интересы, а уже общегосударственные; объ этомъ особенномъ характерѣ уголовныхъ дѣлъ составители Судебныхъ Уставовъ упомянули въ настоящемъ случаѣ только вскользь, считая вопросъ существенно уже разъясненнымъ при установленіи кассаціи по дѣламъ гражданскимъ.

Защитники сенатской кассаціи и въ этомъ случаѣ указывали на то, что „неудобно было допустить разнообразное толкованіе *законовъ уголовныхъ*, особенно при отнесеніи къ вѣдомству нашихъ мировыхъ судовъ не только простыхъ нарушеній, но также *„воровства, обидъ, угрозъ, клеветы и другихъ весьма важныхъ дѣлъ*“, такъ какъ, въ случаѣ производства такихъ дѣлъ въ вѣдомствѣ разныхъ палатъ, можетъ произойти не только то „ужасное зло“, которое предусматривали защитники сенатской кассаціи отъ передачи палатамъ кассаціи по дѣламъ гражданскимъ, но даже *„можетъ утратиться одна изъ самыхъ прочныхъ связей единства и цѣлости Имперіи* (!), состоящая въ единствѣ суда и расправы“.

Не смущаясь однако этимъ грознымъ опасеніемъ, и рискуя прослыть врагами *единства и цѣлости Имперіи*, противники сенатской кассаціи утверждали совершенно справедливо, что „первое условіе отмѣны приговоровъ и состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность суду, имѣющему право уничтожать приговоры мировыхъ судей, разсматривать дѣла не съ *формальной* только, но и справедливой точки зрѣнія“, а потому попрежнему утверждали: „чѣмъ ближе къ мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ то судебное мѣсто, на которое будетъ возложена обязанность отмѣны ихъ приговора, чѣмъ оное болѣе будетъ имѣть возможности *выслушать обѣ стороны* и разрѣшать дѣло справедливо, тѣмъ болѣе оно заслужитъ уваженія, тѣмъ болѣе оно принесетъ пользы Россіи и тѣмъ болѣе оно поддержитъ коренную задачу преобра-

зованія". Посему противники сенатской кассаціи, настаивая, чтобы кассація по дѣламъ уголовнымъ, согласно ихъ предположеніямъ по дѣламъ гражданскимъ, была предоставлена палатамъ, объясняли: „не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такъ какъ палата ближе къ мировому учрежденію, коего приговоръ уничтожается, и къ участвовавшимъ въ дѣлѣ сторонамъ, то и самая возможность для послѣднихъ *защитить* себя, съ соблюденіемъ *коренныхъ условій суда гласнаго и словеснаго*, не только значительно облегчается, но примѣняется къ *положенію тѣхъ лицъ*, которыя по большей части будутъ подчинены суду мировыхъ учрежденій".

Но какъ мы это уже не разъ видѣли, при составленіи Судебныхъ Уставовъ означенныя практическія возраженія оставлены были безъ послѣдствій. Именно „при окончательномъ рѣшеніи означеннаго вопроса" признано было, что „по смыслу основныхъ положеній о судебной части, отмѣна окончательныхъ рѣшеній (по уголовнымъ дѣламъ) можетъ быть ввѣрена только кассаціоннымъ департаментамъ Сената", такъ какъ эта отмѣна „составляетъ столь важное *въ государственномъ отношеніи* право, что оно можетъ быть ввѣрено лишь верховному мѣсту судебнаго управленія". Такимъ образомъ, для сохраненія этого теоретическаго начала поколеблены были и въ сферѣ уголовной самыя коренныя условія судебной реформы, то-есть *личное представительство сторонъ на судѣ* и ихъ *состязательность*, и не менѣе коренное условіе всякаго *мѣстнаго*, а слѣдовательно и мироваго суда—сокращенность процедуры. Но предоставивъ на этомъ основаніи кассацію рѣшеній мироваго съѣзда Сенату, сами составители Судебныхъ Уставовъ тотчасъ же сдѣлали рѣшительное отступленіе не только отъ основныхъ положеній, но и ото всѣхъ своихъ доводовъ въ пользу сенатской кассаціи, опредѣливъ „въ видѣ изъятія изъ общаго правила", что кассація окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей должна быть предоставлена не Сенату, а съѣзду этихъ самыхъ судей.

Повтореніе, въ примѣненіи къ уголовнымъ дѣламъ, того же отступленія отъ общихъ началъ судебной реформы, которое мы уже видѣли по дѣламъ гражданскимъ, латентованные наши теоретики объяснили тѣмъ, что, вопервыхъ, единственнымъ удостовѣреніемъ дѣйствій мироваго судьи можетъ служить его протоколъ, въ который, по дѣламъ о незначительныхъ нарушеніяхъ, могутъ быть вносимы лишь самыя краткія отмѣтки, по коимъ Сенату трудно будетъ судить основательно о правильности или

неправильности дѣйствій судьи безъ дополнительнаго допроса свидѣтелей и собранія другихъ свѣдѣній; вовторыхъ, при огромномъ числѣ мировыхъ судей въ Имперіи, количество жалобъ на ихъ приговоры могло бы достигнуть такихъ размѣровъ, которые сдѣлали бы рѣшительно невозможнымъ сколько-нибудь „совѣстливое и внимательное ихъ разсмотрѣніе верховнымъ въ Имперіи судомъ“ и, втретьихъ, маловажные проступки, по коимъ судьѣ предоставляется постановлять окончательные приговоры, требуютъ по возможности непродолжительнаго разбирательства, а это было бы недостижимо при пересылкѣ жалобъ по такимъ рѣшеніямъ „на значительное разстояніе“ *).

Но всѣ эти аргументы, отнюдь не оправдывая разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ на мировыхъ судей въ ихъ товарищескомъ съѣздѣ, говорятъ только противъ предоставленія Сенату пересмотра кассаціонныхъ жалобъ и на мировые съѣзды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мировымъ судьямъ, примѣняясь къ ст. 28 Основныхъ Положеній по уголовной части, предоставлено, по стт. 118 и 774 Уст. Угол. Суд., смягчать наказаніе одною или двумя степенями и подъ видомъ смягченія (напримѣръ, замѣняя *трехдневный* арестъ *двухдневнымъ*) приговаривать виновныхъ не къ тому наказанію, на которое можетъ быть принесена аппелляція, а къ такому, которое по ст. 124 считается окончательнымъ,—превращая такимъ образомъ, по своему личному усмотрѣнію, рѣшенія, подлежащія аппелляціи, въ окончательныя, просьба объ отмѣнѣ коихъ въ кассаціонномъ порядкѣ не только затруднительнѣе, но, по своему формальному характеру, не всегда возможна.

Правда, въ мировомъ съѣздѣ, при разсмотрѣніи дѣлъ уголовныхъ, присутствуетъ представитель прокурорскаго надзора; но обстоятельство это, даже при самой напряженной дѣятельности этого представителя (чего однако не всегда можно ожидать), не можетъ усвоить съѣзду по дѣламъ этого рода необходимыхъ кассаціонной инстанціи свойствъ. Эти свойства обусловливаются соотвѣтственною цѣли судебною организаціей, а не однимъ только участіемъ прокурорскаго надзора.

VIII.

Хотя число поступавшихъ въ кассаціонные Департаменты Сената кассаціонныхъ жалобъ на приговоры мировыхъ съѣздовъ

*) Ibidem. T. II, стр. 86—89.

достигало въ истекшемъ двадцатилѣтіи громадной цифры 4.000 и болѣе въ годъ, и поэтому обременяло до невозможности это учрежденіе, тѣмъ не менѣе, сравнительно съ общею массой дѣлъ, подлежавшихъ разбирательству *мировыхъ съѣздовъ во всѣхъ тѣхъ уѣздахъ* Европейской Россіи, гдѣ была введена судебная реформа,—это число жалобъ нельзя не признать совершенно ничтожнымъ. Такихъ образомъ, бо́льшая часть неправильныхъ рѣшеній мировыхъ съѣздовъ, за отдаленностью Сената и по затрудненію для тяжущихся и подсудимыхъ лично поддерживать въ Сенатѣ свои интересы, остаются не обжалованными, а самое право подавать кассаціонныя жалобы въ Сенатъ оказывается для большинства мѣстныхъ жителей только номинальнымъ.

Затѣмъ единственную управу противъ ошибокъ и произвола мировыхъ судей остается искать лишь на мировыхъ съѣздахъ. Но при ничтожномъ цензѣ, въ должность мировыхъ судей попадаютъ зауряд лица недостойныя званія судьи, вслѣдствіе чего правильность ихъ дѣятельности такъ же мало обезпечена, когда они дѣйствуютъ единолично, какъ и тогда, когда они дѣйствуютъ коллегіально. Рѣшенія мировыхъ судей въ этомъ смыслѣ тѣмъ естественнѣе, что эти судьи не стѣснены закономъ, и могутъ, вмѣсто него, руководиться какъ обычаемъ, доселѣ еще неопредѣленнымъ, такъ и своими личными взглядами.

Кромѣ того, въ своей уголовной дѣятельности мировые судьи даже не стѣснены прокурорскимъ надзоромъ; но, смягчая произвольно мѣру взысканія, они могутъ затруднять жалобы на свои рѣшенія даже въ съѣздъ, а имѣя право, по личному усмотрѣнію, подвергать каждаго своему суду, они совокупляютъ въ своемъ лицѣ роль обвинителя и судьи.

Такимъ образомъ, мировые судьи и ихъ съѣзды составляютъ своего рода самосудъ, безъ дѣйствительнаго, высшаго контроля, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мало обезпечивающій какъ гражданскіе интересы мѣстныхъ жителей, такъ и общіе интересы мѣстнаго благочинія и благоустройства. Вліяніе этого самосуда на мѣстную жизнь тѣмъ неправильнѣе, что мировые судьи, сравненные по рангу съ членами общихъ судебныхъ мѣстъ, то-есть съ членами окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, могутъ подвергаться преслѣдованію только при явномъ нарушеніи уголовныхъ законовъ; но за нерадѣніе или лицепріятіе при исполненіи своихъ обязанностей, не подходящія подъ букву уголовнаго закона, они, по ст. 264 Учрежд. Суд. Уст., могутъ быть подвергнуты только *предостереженіямъ*, не имѣющимъ никакихъ послѣдствій.

Ихъ широкая власть, стѣсняемая только жалобой въ ихъ товарищескій съѣздъ, предоставлена судьямъ не по правительственному назначенію, но по мѣстному избранію. Отсюда ясно, что, по мысли составителей Судебныхъ Уставовъ, этотъ мѣстный самосудъ есть не что̀ иное, какъ одна изъ отраслей мѣстнаго самоуправленія, а не государственной власти, то-есть самосудъ въ томъ именно смыслѣ, который такъ ясно высказанъ былъ при разсмотрѣніи вопроса о выборѣ или назначеніи судей, въ формѣ слѣдующаго афоризма: „*всякій имѣетъ право избирать себѣ начальника, судью*“ и т. п.

Но даже и эта теорія à la Rousseau не была вполнѣ выдержана, такъ какъ выборъ мировыхъ судей предоставленъ былъ *не мѣстнымъ обывателямъ*, а ничтожному меньшинству избранныхъ мѣстными обывателями гласныхъ земскаго собранія.

Созданный въ этомъ видѣ Судебными Уставами мировой институтъ, въ своей совокупности, нисколько не напоминаетъ, конечно, нашихъ прежнихъ учрежденій, но ничего подобнаго этому институту мы не встрѣчаемъ и въ цивилизованныхъ государствахъ Запада. Вообще, нашъ мировой судъ есть самое искусственное, пожалуй самое оригинальное, но въ то же время и самое несостоятельное произведеніе судебной реформы 1864 года.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Слѣдователи, обвинители и защитники:

Съ расширеніемъ юрисдикціи выборныхъ мировыхъ судей и съ подчиненіемъ ихъ рѣшеній аппелляціонному пересмотру въ мировыхъ съѣздахъ, судебное разбирательство не только по мелкимъ, но и по довольно значительнымъ дѣламъ изъято было изъ вѣдѣнія государственнаго суда, а предоставленіе непомѣрной самостоятельности рѣшеніямъ присяжныхъ почти упразднило активную роль государственнаго суда и въ примѣненіи къ наиболѣе важнымъ уголовнымъ дѣламъ. Всецѣло и нераздѣльно государственный судъ сохранилъ присущіе ему аттрибуты только по крупнымъ гражданскимъ дѣламъ, и еще по тѣмъ немногимъ преступленіямъ, которыя изъяты были изъ вѣдѣнія присяжныхъ. Такимъ образомъ судъ, изъ государственнаго, сдѣлался какъ бы общественнымъ или, по модному выраженію нашего времени, земскимъ. Нѣтъ посему ничего удивительнаго, что іерархическое воздѣйствіе министра Юстиціи, въ качествѣ генералъ-прокурора, на персоналъ суда допущено было почти только номинально, а подчиненіе этого суда формальному казуистическому контролю кассаціонныхъ департаментовъ Сената, столь громкое по буквѣ закона, оказалось на дѣлѣ болѣе фиктивнымъ, нежели дѣйствительнымъ.

Это неправильное, въ принципѣ, положеніе суда, не вполнѣ обычное даже въ республикахъ, осложнено было еще самымъ ненормальнымъ устройствомъ тѣхъ вспомогательныхъ судебныхъ органовъ, которыхъ дѣятельность значительно обусловливаетъ и самое судебное рѣшеніе, а именно: института слѣдователей, прокурорскаго надзора и адвокатуры.

Мы не будемъ здѣсь распространяться о предварительномъ слѣдствіи, обвиненіи и защитѣ въ примѣненіи къ дѣламъ мировой юстиціи, такъ какъ всѣ эти три момента почти исчезаютъ

въ самостоятельной дѣятельности мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ. Въ излагаемыхъ ниже соображеніяхъ мы будемъ имѣть въ виду положеніе слѣдователей, прокуроровъ и адвокатовъ только въ отношеніи къ дѣламъ,. подсуднымъ общимъ судамъ. Эти вспомогательные органы суда заслуживаютъ тѣмъ болѣе вниманія, что они получили у насъ гораздо болѣе капитальное вліяніе на исходъ уголовнаго процесса, чѣмъ коронные судьи, такъ какъ въ дѣятельности этихъ именно органовъ находится корень тѣхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ которыхъ присяжные, произнося свои вердикты, окончательно рѣшаютъ судьбу уголовныхъ дѣлъ.

I.

Чтобы пріобрѣсти надлежащее понятіе объ институтѣ слѣдователей по Уставамъ 1864 года, необходимо возобновить въ памяти то, что̀ уже было сказано нами объ устройствѣ у насъ слѣдственной части еще до судебной реформы.

Хотя въ общемъ порядкѣ судопроизводства слѣдственная часть составляла въ то время обязанность мѣстной полиціи, но въ дѣйствительности этотъ порядокъ примѣнялся къ обнаруженію только мелкихъ закононарушеній. Собственно же говоря, у насъ до судебной реформы было нѣсколько категорій слѣдователей. Кромѣ слѣдователей по спеціальнымъ дѣламъ (напримѣръ, по конокрадству и по корчемству въ нѣкоторыхъ губерніяхъ), въ обѣихъ столицахъ были еще учреждены слѣдственные пристава, а наиболѣе важныя слѣдствія были вездѣ поручаемы особо уполномоченнымъ чиновникамъ, состоявшимъ при губернаторахъ, генералъ-губернаторахъ и министрахъ (Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи), и даже коммиссіямъ, назначавшимся по Высочайшему повелѣнію. Чѣмъ важнѣе оказывалось преступленіе, чѣмъ болѣе встрѣчало слѣдствіе препятствій въ безсиліи или лицепріятіи низшихъ исполнителей, или со стороны мѣстныхъ вліяній, тѣмъ энергичнѣе бывали усилія правительственной власти къ открытію истины посредствомъ призыва къ дѣлу болѣе авторитетныхъ по ихъ положенію слѣдователей. О противодѣйствіи этимъ слѣдователямъ со стороны полиціи не могло быть и рѣчи. Конечно, при такомъ порядкѣ слѣдствіе иногда затягивалось дополненіемъ, а нерѣдко и всецѣлымъ переслѣдованіемъ подъ руководствомъ новыхъ слѣдователей, но за то эти задержки весьма часто приводили, въ окончательномъ результатѣ, къ открытію истины,

искусно въ началѣ замаскированной *). Но это исключительное отношеніе власти къ производству слѣдствій по важнымъ уголовнымъ дѣламъ тѣмъ и ограничивалось, такъ какъ и особо уполномоченные чиновники, и даже коммиссіи, назначаемыя по Высочайшему повелѣнію, обязаны были производить слѣдствіе общимъ, установленнымъ въ законѣ порядкомъ, а съ другой стороны, всѣ эти слѣдствія по окончаніи поступали, за весьма рѣдкими исключеніями, въ общія судебныя инстанціи. Впрочемъ, прибѣгая, по требованію обстоятельствъ, къ усиленію слѣдственной энергіи въ этой формѣ, прежнее судебное законодательство не оставляло подслѣдственныхъ лицъ подъ безусловнымъ и безконтрольнымъ давленіемъ означенныхъ чиновниковъ и коммиссій, допуская къ нахожденію при слѣдствіи депутатовъ отъ тѣхъ вѣдомствъ и сословій, къ которымъ принадлежали подслѣдственныя лица, а въ производствѣ этихъ слѣдствій всегда участвовали представители тогдашняго прокурорскаго надзора: уѣздные стряпчіе или губернскіе прокуроры, послѣдніе въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ слѣдственныхъ коммиссій.

Такимъ образомъ, до судебной реформы у насъ были слѣдователи, которые, вслѣдствіе продолжительной службы по этой части, были спеціально знакомы со своимъ дѣломъ; былъ и контроль надъ слѣдственною частью. Но тѣмъ не менѣе этихъ слѣдователей-спеціалистовъ было мало, а контроль, дѣйствительный по наиболѣе важнымъ дѣламъ, оказывался далеко не дѣйствительнымъ по слѣдствіямъ, не обращавшимъ на себя вниманіе высшихъ властей. Эти-то именно мелкія, столь многочисленныя слѣдствія и оставались, такъ сказать, безотвѣтно въ вѣдѣніи мѣстной полиціи, которая, съ одной стороны, такъ была ими обременена количественно, что относилась къ нимъ крайне небрежно, а съ другой стороны, руководилась въ этомъ случаѣ зачастую мѣстными интригами и, не имѣя надъ собой ближайшаго, непрерывнаго энергическаго контроля, еще чаще дѣйствовала подъ вліяніемъ корыстныхъ побужденій. Далѣе, прежній слѣдственный порядокъ, при существовавшей въ то время системѣ строго формальныхъ доказательствъ, отличался и крайнимъ формализмомъ, а кромѣ того и совершеннымъ обособленіемъ отъ власти судебной, ибо, хотя прежніе судьи и могли при разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ по существу требовать дополненія

*) Въ этомъ легко убѣдиться изъ многочисленныхъ сенатскихъ записокъ той эпохи по уголовнымъ дѣламъ.

и исправленія слѣдствій, но самый контроль надъ слѣдствіями всецѣло принадлежалъ властямъ административнымъ, при нѣкоторомъ лишь участіи прокурорскаго надзора.

Починъ отдѣленія слѣдственной части отъ полиціи не могъ возникнуть ранѣе мысли о коренномъ преобразованіи послѣдней.

Послѣ разныхъ частныхъ попытокъ при императорѣ Николаѣ I, необходимость такой реформы была признана одновременно, и даже въ связи съ вопросомъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. На этомъ основаніи, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, учреждена была при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссія для преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Имѣя въ виду, что съ освобожденіемъ крестьянъ должны необходимо осложниться и обязанности полиціи, эта коммиссія настойчиво потребовала рѣшительнаго освобожденія полицейскихъ чиновъ отъ обязанностей земско-хозяйственныхъ и судебно-слѣдственныхъ. Согласно съ этимъ, въ проектѣ уголовнаго судопроизводства, составленномъ II Отдѣленіемъ и внесенномъ графомъ Блудовымъ по частямъ въ Государственный Совѣтъ, уже заключалось предположеніе объ отдѣленіи отъ полиціи слѣдственной части и о подчиненіи ея судебному вѣдомству *). Хотя означенный проектъ не получилъ дальнѣйшаго движенія и переданъ былъ въ 1861 году, вмѣстѣ съ другими проектами II Отдѣленія, въ особую коммиссію при Государственной Канцеляріи, но предположеніе объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи было разсмотрѣно Государственнымъ Совѣтомъ отдѣльно отъ общаго проекта, и, въ видѣ временной мѣры, Высочайше утверждено 8 іюня 1860 года, вмѣстѣ съ особымъ наказомъ для новоучрежденныхъ судебныхъ слѣдователей.

Положеніемъ 8 іюня 1860 года, опредѣленіе и увольненіе слѣдователей хотя и было предоставлено министру Юстиціи, но по представленію начальника губерніи. Этимъ новымъ органамъ судебно-слѣдственной власти предоставлено было приступать къ производству слѣдствій: по письменнымъ требованіямъ судебныхъ мѣстъ, губернскаго прокурора, стряпчихъ и мѣстной полиціи; прочія мѣста и лица обязаны были относиться о производствѣ слѣдствій въ уѣздный судъ. Непосредственно же самъ судебный слѣдователь долженъ былъ начинать слѣдствіе въ случаѣ явки къ нему преступника съ повинною, или же когда преступленіе и проступокъ усмотрѣны имъ во время ихъ соверше-

*) Изданіе Госуд. Канц. 1867 года, т. II, стр. 11.

нія, или обнаружены при производствѣ слѣдствія по какому-либо другому преступленію или проступку, или же по словесному или письменному объявленію полицейскихъ служителей, чиновъ волостной и сельской полиціи, и даже частныхъ лицъ. Затѣмъ производство слѣдствій подчинено было надзору прокуроровъ. Что же касается назначенія (въ особенно важныхъ случаяхъ) слѣдственныхъ коммиссій, то оно предоставлено было судебнымъ мѣстамъ или непосредственно, или по представленію полиціи, по предложенію уѣзднаго стряпчаго и губернскаго прокурора, или по предписанію начальника губерніи. Составъ этихъ коммиссій опредѣленъ былъ слѣдующимъ образомъ: судебный слѣдователь, другой членъ отъ уѣзднаго суда или магистрата, и чиновникъ мѣстной городской или земской полиціи; а начальнику губерніи, по требованію котораго назначена была коммиссія, предоставлено, сверхъ того, отряжать въ нее особаго чиновника по своему усмотрѣнію. Кромѣ того, коммиссія обязана была приглашать, для нахожденія при слѣдствіи, депутатовъ отъ тѣхъ сословій и вѣдомствъ, къ которымъ принадлежали обвиняемые. Наконецъ, содержаніе слѣдователей въ сравненіи съ прежними полицейскими штатами было значительно возвышено—до 1.000 рублей въ годъ каждому, а по § 3 Наказа въ должность судебныхъ слѣдователей предписано было назначать преимущественно лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и занимавшихся уголовными дѣлами, или произведшихъ уже съ успѣхомъ нѣсколько слѣдствій.

Съ учрежденіемъ судебныхъ слѣдователей, на обязанности полиціи оставлено было только производство изслѣдованій по тѣмъ маловажнымъ закононарушеніямъ, которыя оставались впредь до судебной реформы въ вѣдѣніи полицейскихъ судовъ, а также первоначальное дознаніе о происшествіяхъ, которыя могутъ, по связи съ преступленіемъ болѣе важнымъ, подлежать разсмотрѣнію общихъ судовъ.

Учрежденіе судебныхъ слѣдователей состоялось такимъ образомъ независимо отъ судебной реформы, *за два года* до появленія Основныхъ Положеній 1862 года; оно составляло переходъ отъ прежняго порядка къ новому, выдѣляя слѣдствіе изъ полиціи и подчиняя его ближайшему контролю мѣстной судебной власти. Но оно сохраняло, въ точно опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ, вліяніе губернатора какъ отвѣтственнаго блюстителя за общимъ въ губерніи благочиніемъ; признавало, въ важныхъ случаяхъ, необходимость слѣдственныхъ коммиссій, какъ сред-

ство для усиленія энергіи слѣдственной процедуры, и не упразднило депутатовъ отъ вѣдомствъ и сословій. Вообще, учрежденіе на этомъ основаніи судебныхъ слѣдователей послужило къ улучшенію всей слѣдственной системы въ государствѣ, такъ какъ эта часть была теперь сосредоточена въ рукахъ лицъ, спеціально только ею занятыхъ и матеріально обезпеченныхъ.

Но окончательное преобразованіе слѣдственной части предоставлено было судебной реформѣ 1862—1864 годовъ, которая существенно измѣнила положеніе 8 іюня 1860 года.

Хотя цѣль и общіе пріемы слѣдственной процедуры остались при этомъ въ сущности прежніе, но производимое до суда изслѣдованіе получило совершенно иное значеніе. Прежде, кромѣ предварительнаго полицейскаго дознанія, существовало одно *формальное* слѣдствіе, заключавшееся въ пріисканіи и констатированіи слѣдователемъ только такихъ уликъ, которыя признаваемы были въ силѣ доказательствъ на основаніи формальныхъ опредѣленій закона; произведенное такимъ образомъ слѣдствіе, по поступленіи въ судъ, служило не только обвинительнымъ актомъ, но и единственнымъ основаніемъ для рѣшенія дѣла. Съ замѣной же слѣдственнаго процесса обвинительнымъ, и съ отмѣной системы формальныхъ доказательствъ, рѣшеніе дѣла судомъ обусловлено было, кромѣ обвинительнаго акта, составляемаго обвинительною властью на основаніи произведеннаго слѣдователемъ изслѣдованія, еще и особымъ *судебнымъ слѣдствіемъ*, производимымъ на самомъ судѣ, а затѣмъ состязаніемъ обвиненія и защиты. Поэтому слѣдствіе, производимое до суда слѣдователемъ, утративъ прежній формальный характеръ, изъ окончательнаго превратилось въ *предварительное*, другими словами: оно стало только матеріаломъ для обвинительнаго акта, и матеріаломъ, подлежащимъ во всякомъ случаѣ ловѣркѣ на судѣ, такъ что центръ тяжести слѣдственнаго производства перенесенъ былъ на слѣдствіе судебное.

Преимущества предварительнаго въ этомъ смыслѣ слѣдствія предъ прежнимъ формальнымъ заключаются въ томъ, что первое не будучи стѣснено системой формальныхъ доказательствъ, и подлежа ловѣркѣ на самомъ судѣ, можетъ быть скорѣе и легче дополняемо и исправляемо; хотя, съ другой стороны, эта самая повторительность слѣдственной процедуры даетъ подсудимымъ возможность измѣнять на судѣ свои первоначальныя показанія подъ вліяніемъ ухищреній ловкаго защитника.

Вотъ почему, хотя предварительное слѣдствіе обвинительнаго процесса должно имѣть менѣе рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла въ судѣ, чѣмъ прежнее формальное, оно тѣмъ не менѣе требуетъ самаго тщательнаго вниманія и самыхъ опытныхъ дѣятелей, чтобы не дать подсудимымъ въ послѣдствіи повода къ противорѣчивымъ показаніямъ. Избѣгнуть этого послѣдняго неудобства можно только тогда, когда слѣдователь является не обвинителемъ, какъ бывало большею частію при формальномъ слѣдствіи, а лишь объективнымъ орудіемъ для фактическаго констатированія предъявленныхъ ему, или обнаруженныхъ имъ уликъ. Для установленія же этой сложной грани между слѣдствіемъ и обвиненіемъ требуется отъ слѣдователя не только многосторонняя опытность, но также чисто судейское безпристрастіе и свойственная судьѣ самостоятельность.

Поэтому обязанности слѣдователя во Франціи, а по ея примѣру въ Бельгіи, Германіи и Австріи *), возлагаются на особо для сего назначаемыхъ судей первой инстанціи, практически уже знакомыхъ съ судебными дѣлами **). Эти судьи, получивъ предварительное полицейское дознаніе чрезъ прокуратуру, производятъ слѣдствіе вполнѣ независимо отъ послѣдней. По окончаніи слѣдствія, судья передаетъ его, прямо или чрезъ судъ, прокуратурѣ для составленія обвинительнаго акта. Прокурорскій надзоръ можетъ конечно протестовать противъ дѣйствій слѣдственнаго судьи, но обращаясь единственно къ суду.

Въ другихъ странахъ, въ Италіи, Испаніи и Венгріи, слѣдствія производятся большею частію мѣстными судьями, но всегда подъ *непосредственнымъ контролемъ прокуратуры* ***.

---

*) Démombynes, 1881, Paris; т. II, стр. 120; т. I, стр. 223; т. II, стр. 766; ibidem, стр. 200. Впрочемъ, въ Германіи и Австріи слѣдствіе по уголовнымъ дѣламъ можетъ быть возлагаемо и на мѣстнаго судью.

**) Во Франціи и Бельгіи слѣдственные судьи постоянные, назначаемые и увольняемые министромъ юстиціи; но въ Германіи и Австріи судьи для производства слѣдствій назначаются каждый разъ ad hoc.

***) Въ Англіи слѣдствія производятся мировыми судьями въ малыхъ засѣданіяхъ (petty session), кромѣ случаевъ насильственной смерти, подлежащихъ изслѣдованію coroner'a, и дѣлъ о государственной измѣнѣ, изслѣдуемыхъ государственнымъ секретаремъ. Но по закону 3 іюля 1881 года правительству дано тамъ право учреждать, по требованію обстоятельствъ, должность особаго *директора публичныхъ преслѣдованій*, которому предоставлено, подъ наблюденіемъ генералъ-атторнея, возбуждать уголовную процедуру и давать указанія полиціи и судебнымъ чи-

Составителямъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года предстояло очевидно примѣнить ко вводимому у насъ обвинительному процессу такой порядокъ слѣдственнаго производства, который наиболѣе соотвѣтствовалъ бы нашимъ условіямъ. Такъ какъ до судебной реформы у насъ не выработалось сословія судей-юристовъ, то создаваемая уставами 1864 года нова ямагистратура должна была, по необходимости, состоять еще на долгое время изъ судей, хотя и получившихъ юридическое образованіе, но крайне неопытныхъ. Вслѣдствіе этого трудно было найти, особенно въ судахъ первой инстанціи, такихъ судей, которые были бы годны для самостоятельнаго производства слѣдствій, безъ непосредственнаго контроля прокурорскаго надзора. Вотъ почему система назначенія судебныхъ слѣдователей изъ членовъ окружнаго суда, независимыхъ по своему положенію отъ прокурора, встрѣчала у насъ серіозныя препятствія и являлась необходимость возложенія слѣдствій на лица, подчиненныя прокурорскому надзору, состоящему изъ дѣятелей болѣе опытныхъ, и, въ качествѣ составителей обвинительнаго акта, непосредственно заинтересованныхъ въ правильномъ производствѣ предварительнаго слѣдствія. Оказывалось, словомъ, необходимымъ сохранить въ принципѣ порядокъ, который былъ установленъ въ Положеніи 8 іюня 1860 года, согласно проекту II Отдѣленія. При этомъ вопросъ объ учрежденіи у насъ самостоятельныхъ слѣдственныхъ судей не упразднялся, но лишь отлагался до той поры, когда наша новая магистратура пріобрѣтетъ необходимый опытъ. Затѣмъ, вмѣстѣ съ пріуроченіемъ существовавшихъ уже у насъ судебныхъ слѣдователей къ потребностямъ обвинительнаго процесса, необходимо было очевидно удержать, по примѣру Положенія 8 іюня 1860 года, съ одной стороны—возможность усиленія энергіи ординарныхъ слѣдователей въ особенно важныхъ случаяхъ посредствомъ судебно-

---

намъ при производствѣ предварительныхъ слѣдствій. При директорѣ полагаются шесть помощниковъ, и всѣ они, равно какъ и самъ директоръ, назначаются изъ баристеровъ, или изъ числа солиситоровъ высшаго суда Принимая на себя эти обязанности, они получаютъ значительное содержаніе отъ казны; срокъ ихъ должности семилѣтній, и въ это время они не могутъ уже заниматься хожденіемъ по частнымъ дѣламъ.

Въ Швеціи уголовныя преслѣдованія составляютъ обязанность государственныхъ фискаловъ (staatsfiskaler); въ Норвегіи и Даніи виновные приводятся къ суду агентами административной власти (Démombynes, т. I, стр. 125, 149 и 186).

слѣдственныхъ коммиссій, а съ другой стороны—и тѣ гарантіи, которыя находили подсудимые во время слѣдствія въ лицѣ депутатовъ отъ вѣдомствъ и сословій.

Составители Судебныхъ Уставовъ пришли однако къ совершенно другимъ комбинаціямъ путемъ слѣдующаго умозаключенія: „Для устраненія всякаго произвола въ дѣйствіяхъ слѣдователя необходимо, чтобы нѣкоторыя важнѣйшія мѣры по слѣдствію были принимаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія суда; но всѣ подобныя, столь необходимыя не только для порядка, но и *для огражденія жителей отъ напрасныхъ притѣсненій и безпокойствъ*, правила могутъ быть въ точности исполняемы только тогда, когда слѣдователь постоянно *состоитъ при судѣ*“. Выводя отсюда необходимость *возложенія слѣдствій на членовъ судебныхъ мѣстъ*, наши реформаторы выразили при этомъ наивную увѣренность, что „самое *достоинство судьи* будетъ и для правительства, и для частныхъ лицъ надежнымъ ручательствомъ въ безпристрастныхъ поступкахъ слѣдователя“ *).

На этомъ основаніи, судебныхъ слѣдователей принято, по ст 79 Учр. Судебн. Уст., считать членами окружнаго суда, подобно тому, какъ прежніе судебные слѣдователи считались членами уѣзднаго суда, но съ тою лишь разницей, что на слѣдователей, по Уставамъ 1864 года, перешли и всѣ тѣ преимущества, благодаря коимъ судебное наше сословіе обособлено этими Уставами отъ другихъ должностныхъ лицъ. Подобно прочимъ коронным судьямъ, они назначаются по представленію министра Юстиціи Верховною Властью; но разъ назначенные, они могутъ быть уволены только по собственному желанію, и потому могутъ безсрочно оставаться въ своей должности, несмотря на свою неспособность и нерадивость, если не совершатъ такого формальнаго нарушенія закона, которое подвергаетъ ихъ суду; въ дисциплинарномъ же отношеніи они, въ качествѣ судей, подлежатъ лишь предостереженіямъ **).

Между тѣмъ, даже на Западѣ слѣдственные судьи не пользуются такою неприкосновенностью, ибо въ Германіи и Австріи они, какъ мы видѣли, назначаются каждый разъ особо для про-

*) Изданіе Госуд. Канц. 1867 года, т. II, стр. 114,

**) Слѣдователи могутъ быть лишь переводимы изъ одного участка въ другой того же суда по постановленіямъ общаго собранія отдѣленій суда, состоявшимся по предложенію прокурора и утвержденнымъ министромъ Юстиціи (ст. 227 Учр. Суд. Уст).

изводства извѣстнаго слѣдствія, а во Франціи слѣдственный судья всегда можетъ быть уволенъ министромъ юстиціи отъ этой должности, съ оставленіемъ лишь въ прежнемъ званіи судьи.

Но и этого было мало. Съ предоставленіемъ судебнымъ слѣдователямъ личныхъ судейскихъ преимуществъ не было принято никакихъ мѣръ къ тому, чтобъ эти слѣдователи обладали и предполагаемою въ судьяхъ *опытностью*: въ то время какъ на Западѣ слѣдственные судьи избираются изъ судей, у насъ принято, чтобы судебные слѣдователи назначаемы были не изъ судей, но изъ кандидатовъ на судебныя должности, или изъ лицъ, прослужившихъ въ судебныхъ канцеляріяхъ не менѣе четырехъ лѣтъ. Слѣдовательно единственная гарантія, что наши судебные слѣдователи будутъ исправно отправлять свои обязанности, заключается единственно въ предоставленіи имъ „достоинства судьи“ и сопряженныхъ съ этимъ званіемъ привилегій.

Такимъ образомъ, у насъ слѣдователи—первая низшая степень магистратуры, предоставляемая самой неопытной молодежи, причемъ эта молодежь сразу облекается всѣми преимуществами опытныхъ судебныхъ чиновъ.

Но затѣмъ оказывается необыкновенное противорѣчіе. Эти, какъ судьи, несмѣняемые слѣдователи подчинены не суду, но смѣняемымъ прокурорамъ, непосредственному надзору и указаніямъ коихъ они подвѣдомы по производству слѣдствій *), а сноситься съ судомъ этимъ слѣдователямъ предоставлено только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ **).

Неопытность слѣдователей, назначаемыхъ изъ лицъ, не бывшихъ судьями, вполнѣ объясняетъ, почему они подчинены прокурорамъ; но почему же, вмѣстѣ съ тѣмъ, они облечены судейскою несмѣняемостью, когда ихъ руководители, прокуроры, сами этою привилегіей не обладаютъ? И какую силу

---

*) По стт. 278 и 296 Угол. Судопр., прокуроры наблюдаютъ за производствомъ слѣдствій; по ст. 282, слѣдователь, встрѣтивъ препятствія къ исполненію предложенія прокурора и его товарища, принимая мѣры къ исполненію требуемаго, насколько это возможно, увѣдомляетъ о томъ предъявившаго требованіе, „и ожидаетъ отъ него разрѣшенія“; наконецъ, по ст. 277 о прекращеніи слѣдствія слѣдователь испрашиваетъ разрѣшенія у суда *чрезъ прокурора*.

**) Только въ случаѣ предложенія прокурора о задержаніи обвиняемаго слѣдователь, при недостаточности основаній, можетъ по ст. 285 Уст. Угол. Судопр. представлять о томъ прямо суду.

могутъ имѣть указанія и требованія смѣняемаго прокурора, обращаемыя къ несмѣняемымъ слѣдователямъ?

Эта странная комбинація составляетъ самую нелогическую попытку примирить самостоятельность, свойственную западнымъ слѣдственнымъ судьямъ, съ необходимостью прокурорскаго надзора надъ неопытными слѣдователями. При этомъ упущенъ былъ изъ виду главный мотивъ самостоятельности слѣдственныхъ судей на Западѣ—ихъ предварительная судебная опытность: тамъ слѣдователи вторая, а не первая ступень судебной карьеры, и судья можетъ быть тамъ слѣдователемъ только потому, что онъ не уступаетъ прокурору по своимъ практическимъ свѣдѣніямъ. Но поручать слѣдственную часть молодымъ людямъ въ видѣ приготовленія къ судебному званію—то же самое, что отдавать эту важную часть въ неумѣлыя руки и навсегда отказаться отъ образованія солидныхъ слѣдователей-спеціалистовъ. И такой порядокъ вещей тѣмъ несостоятельнѣе, что слѣдователь въ этомъ случаѣ не можетъ сдѣлаться, посредствомъ продолжительнаго опыта, спеціалистомъ по части поручаемаго имъ дѣла, такъ какъ онъ естественно будетъ употреблять всѣ усилія, чтобы скорѣе выйти изъ этой должности и получить мѣсто судьи или товарища прокурора окружнаго суда, болѣе независимое и оплачиваемое болѣе значительнымъ содержаніемъ. Даже оставаясь нѣкоторое время слѣдователемъ, онъ, не имѣя судебной опытности, но обуреваемый сознаніемъ своей несмѣняемости, будетъ не столько слушаться указаній прокурора, сколько противорѣчить ему, препираться съ нимъ и аппеллировать на него въ окружный судъ, или же относиться къ своимъ обязанностямъ совершенно пассивно, благо ему въ дисциплинарномъ отношеніи грозитъ только не имѣющее никакого значенія предостереженіе *).

И на такихъ-то слѣдователей Судебные Уставы возложили производство всѣхъ безъ различія слѣдствій, какъ наименѣе, такъ и наиболѣе важныхъ, и даже такихъ сложныхъ, по которымъ для раскрытія истины назначаемы были до 1860 года особо уполномоченные чиновники, а по Положенію 1860 года особыя судебно-слѣдственныя коммиссіи,

Должно посему предполагать, что, по системѣ теоретиковъ судебной реформы, самый актъ назначенія будущихъ слѣдователей

---

*) Слѣдователь можетъ быть преданъ суду по ст. 293 Учрежд. Суд. Уст. только въ томъ случаѣ, если онъ, какъ и судья, *въ теченіе одного года* получитъ болѣе *трехъ* предостереженій.

въ ихъ должность придавалъ послѣднимъ, какъ бы по волшебству, весь тотъ опытъ, который въ прежнее время у насъ, да и до сихъ поръ на Западѣ, пріобрѣтается многолѣтнею спеціальною службой. Замѣчательно, что въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ вопросъ объ отмѣнѣ коммиссій обойденъ полнымъ молчаніемъ, и даже нѣтъ ни одного намека на то, что слѣдователи должны вообще быть достаточно опытны для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Правда, въ послѣдствіи, по иниціативѣ бывшаго министра Юстиціи графа Палена, этотъ пробѣлъ былъ нѣсколько пополненъ учрежденіемъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ, но только въ столицахъ, какъ будто особо важныя слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ способны возникать въ однѣхъ столицахъ, а не на всемъ пространствѣ Имперіи!

Наконецъ, отмѣнено было присутствіе при слѣдствіяхъ и депутатовъ отъ сословій и вѣдомствъ, издавна существовавшее у насъ и сохраненное въ примѣненіи къ слѣдственнымъ коммиссіямъ даже Положеніемъ 1860 года.

Но при обсужденіи этого вопроса, среди составителей Судебныхъ Уставовъ, выражено было мнѣніе и о необходимости сохраненія депутатовъ.

По убѣжденію сторонниковъ этого мнѣнія *„наши узаконенія о депутатахъ при слѣдствіяхъ принадлежатъ къ лучшимъ постановленіямъ Свода 1857 года* и, при добросовѣстномъ и точномъ исполненіи, представляютъ не только одно изъ надежнѣйшихъ средствъ законной защиты и огражденія подсудимыхъ отъ незаслуженныхъ или преувеличенныхъ обвиненій, но и обезпечиваютъ правосудіе, преграждая подсудимому, сдѣлавшему при первомъ допросѣ сознаніе въ преступленіи, возможность отрицать въ послѣдствіи данное имъ показаніе. Предоставляемыя обвиняемому, правилами о производствѣ слѣдствій, средства огражденія недостаточны еще для полнаго обезпеченія обвиняемаго. Присутствіе понятыхъ при обыскахъ и осмотрахъ, и подпись постороннихъ лицъ подъ показаніями могутъ служить ручательствомъ лишь въ томъ, что въ слѣдственныхъ актахъ не искажены полученныя свѣдѣнія. Дѣло оффиціальнаго защитника начинается лишь съ повѣрки слѣдствія въ судѣ; притомъ защитникъ можетъ объяснять лишь факты, приведенные въ извѣстность слѣдствіемъ, и руководить формальными допросами свидѣтелей, а во многихъ случаяхъ для разрѣшенія вопроса о винѣ или невинности подсудимаго важнѣе всего улики, основанныя

на вещественныхъ доказательствахъ и слѣдахъ преступленія. Есть цѣлый рядъ отстоятельствъ, которыя могутъ быть изслѣдованы только при первоначальномъ изслѣдованіи внѣ суда, напримѣръ: осмотръ мѣстности, слѣды преступленія, особенныя свойства произведенныхъ поврежденій, положеніе найденнаго тѣла и т. д. Между тѣмъ нерѣдко нѣкоторыя изъ этихъ обстоятельствъ могутъ совершенно оправдать подозрѣваемаго, несмотря на всю вѣроятность другихъ уликъ, а слѣдователь, *увлеченный предубѣжденіемъ о виновности подсудимаго*, можетъ найти ихъ незначительными и совершенно упустить изъ виду. Присутствіе депутата, лица имѣющаго нѣкоторую степень образованности и знаніе законовъ, при осмотрахъ и обыскахъ очевидно гораздо полезнѣе для подсудимаго, чѣмъ присутствіе другихъ свидѣтелей, по большей части неспособныхъ къ обращенію вниманія слѣдователя на упущенія или неточности въ составляемыхъ актахъ, отъ которыхъ можетъ зависѣть участь подсудимаго. Еще важнѣе присутствіе депутата при допросахъ. Отклоняя всякій поводъ къ робости въ допрашиваемомъ, депутатъ долженъ имѣть право указывать и на недостатки въ дѣлаемыхъ вопросахъ, и такимъ образомъ не только ограждать подсудимаго, но и содѣйствовать полнотѣ слѣдствія. По всѣмъ симъ причинамъ необходимо, чтобы при началѣ слѣдствія, рядомъ съ обвинителемъ, присутствовало такое лицо, которое имѣло бы право и возможность требовать тщательнаго разслѣдованія тѣхъ, сопровождавшихъ преступленіе обстоятельствъ, которыя по его мнѣнію могутъ служить въ пользу обвиняемаго, подобно тому, какъ обвинителю-прокурору предоставлено право надзора за производствомъ слѣдствія. При такихъ только условіяхъ обвиняемый и обвинитель будутъ имѣть совершенно равныя права, а правосудіе будетъ обезпечено.“ *)

На основаніи этихъ соображеній предположено было даже „развить содержащееся въ Сводѣ 1857 года учрежденіе депутатовъ съ тѣмъ, чтобы при каждомъ слѣдствіи, съ самаго начала его, находился депутатъ отъ вѣдомства или сословія, къ которому принадлежитъ обвиняемый, или одинъ изъ общихъ депутатовъ“ **).

Мы затрудняемся понять, что̀ собственно въ этомъ случаѣ разумѣлось подъ выраженіемъ *общій депутатъ*, такъ какъ де-

*) Ibidem, т. II, стр. 168.

**) Ibidem, стр. 169.

лутатъ мыслимъ не въ общемъ смыслѣ, но только какъ представитель того опредѣленнаго вѣдомства или сословія, къ которому принадлежитъ подсудимый. Но самая мысль о необходимости депутатовъ, приведшая къ предположенію о развитіи учрежденія депутатовъ по Своду 1857 года, представлялась тѣмъ болѣе правильною, что наши новые слѣдователи, не обладая судейскою опытностью, болѣе чѣмъ ихъ предшественники нуждались въ томъ, чтобъ ихъ дѣятельность въ отношеніи къ подсудимымъ не происходила такъ-сказать съ глазу на глазъ.

Тѣмъ не менѣе составители Судебныхъ Уставовъ, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ, увлекаемые въ настоящемъ случаѣ не столько теоріей, сколько стремленіемъ устранить безусловно всѣ дореформенные порядки, а въ особенности участіе сословій, не обратили ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти доводы, какъ бы игнорируя, что депутаты были сохранены при слѣдствіи въ Положеніи составленномъ II Отдѣленіемъ и столь недавно, а именно въ 1860 году, утвержденномъ Высочайшею властію. Словомъ, мысль о развитіи учрежденія депутатовъ была „при окончательномъ разрѣшеніи вышеозначеннаго вопроса“ вполнѣ устранена. Мотивами къ этому обороту дѣла послужили слѣдующія соображенія:

Назначеніе депутатовъ къ предварительному слѣдствію не только сопряжено съ перепиской слѣдователя съ разными вѣдомствами и съ выжиданіемъ прибытія депутата, но и можетъ воспрепятствовать успѣху законныхъ дѣйствій обвинительной власти преждевременнымъ оглашеніемъ обстоятельствъ, которыя могутъ повести къ изобличенію виновнаго. Между тѣмъ депутаты, назначаемые для защиты наибольшей части подсудимыхъ, то-есть мѣщанъ и сельскихъ обывателей, не имѣя надлежащихъ познаній въ законахъ о судопроизводствѣ, не въ состояніи провѣрять дѣйствія слѣдователя и даже, по положенію своему въ отношеніи къ нему, не отваживаются дѣлать никакихъ возраженій и обыкновенно подписываютъ слѣдственныя бумаги, не зная даже ихъ содержанія“. Кромѣ того, противники депутатовъ находили, что въ депутатахъ не можетъ оказаться надобности при первоначальныхъ дѣйствіяхъ слѣдователя на томъ основаніи, что всѣ допросы будутъ повторяемы на судѣ, гдѣ, при устной и гласной процедурѣ, подсудимый будетъ всегда имѣть вмѣсто депутата прямаго защитника въ лицѣ присяжнаго повѣреннаго,

а при осмотрахъ, обыскахъ и т. п. должны всегда присутствовать понятые *).

Но очевидно, что означенныя соображенія, нисколько не опровергая вышеприведенныхъ серіозныхъ доводовъ въ пользу присутствія депутатовъ, несостоятельны и сами по себѣ. Переписка о назначеніи депутатовъ и выжиданіе прибытія депутата—обстоятельства до такой степени несложныя, что не ими, конечно, затягивалось у насъ въ прежнее время производство слѣдствій. Что же касается преждевременнаго оглашенія депутатами обстоятельствъ слѣдствія, то не мѣшало бы вспомнить, что такой же нескромности можно ожидать и отъ призываемыхъ къ допросу свидѣтелей, и даже отъ понятыхъ, присутствующихъ при осмотрахъ и выемкахъ, а съ другой стороны, что оглашеніе слѣдственной вообще процедуры вполнѣ неизбѣжно и безъ депутатовъ, въ томъ именно случаѣ, когда подсудимый не подлежитъ предварительному заключенію, и можетъ потому, во время слѣдствія, сноситься съ посторонними лицами, и даже сговариваться со свидѣтелями. Но всѣ эти неизбѣжныя нескромности не могутъ вредить правильному движенію слѣдствій, успѣхъ коихъ обусловливается не тайною показаній и уликъ, а изолированіемъ подсудимаго, въ исключительныхъ случаяхъ, отъ внѣшнихъ вліяній, посредствомъ предварительнаго задержанія, искусной постановки вопросовъ и обдуманно соображенныхъ очныхъ ставокъ. Возраженіе же, направленное противъ незнанія законовъ депутатами отъ мѣщанъ и крестьянъ, опровергается тѣмъ, что, во-первыхъ, депутаты бываютъ не отъ однихъ мѣщанъ и крестьянъ, но и отъ другихъ, болѣе образованныхъ классовъ; во-вторыхъ, депутатами даже отъ мѣщанъ и крестьянъ назначались всегда лица, занимавшія уже общественныя должности, а посему болѣе развитыя и далеко не всегда зажмуря глаза подписывавшія предлагаемые имъ удостовѣренію акты, и в-третьихъ, что для депутата нужны житейскій опытъ и здравый смыслъ, а вовсе не особенное знаніе законовъ. Странно вообще отвергать депутатовъ отъ мѣщанъ и сельскихъ обывателей—подъ предлогомъ ихъ необразованности и робости, допуская въ то же время мѣщанъ и сельскихъ обывателей, въ томъ числѣ и безграмотныхъ, къ отправленію обязанности присяжныхъ засѣдателей, причемъ они призываются не присутствовать только, но самостоятельно и окончательно

*) Ibidem.

разрѣшать вопросы, гораздо болѣе сложные, чѣмъ подробности слѣдственнаго производства.

О неудобствѣ депутатовъ составители Судебныхъ Уставовъ упоминаютъ еще при разсмотрѣніи вопроса: должно ли быть слѣдствіе гласнымъ или нѣтъ. Признавая эту гласность и допущеніе къ слѣдствію защитника обвиняемыхъ неудобными, они говорятъ „опытъ примѣненія Свода Законовъ *положительно* доказалъ, что присутствіе при слѣдствіи постороннихъ лицъ, какъ, напримѣръ, депутатовъ отъ сословій, къ которымъ принадлежатъ обвиняемые, не приноситъ для дѣла никакой существенной пользы.“ *) Но какія *постороннія* лица, кромѣ депутатовъ, допускались по Своду 1857 года — не объяснено, да и объяснить нельзя, ибо кромѣ депутатовъ, уѣздныхъ стрялчихъ и членовъ коммиссій, положительно въ прежнее время никакихъ постороннихъ лицъ при допросахъ не допускалось; утвержденіе же будто опытъ положительно доказалъ, что депутаты не приносили никакой пользы, не подкрѣплено никакими доказательствами и категорически опровергнуто сторонниками депутатской системы, отнесшими наши прежнія постановленія по этой части *къ лучшимъ частямъ Свода 1857 года.*

Депутаты дѣйствительно представляютъ *въ необходимой мѣрѣ* элементъ гласности, въ смыслѣ противодѣйствія келейности слѣдственнаго производства, и призывъ ихъ не только цѣлесообразенъ, но безусловно необходимъ. И опытъ прежнихъ лѣтъ доказалъ, что отъ гласности, допускаемой при производствѣ слѣдствій въ этой формѣ и въ этихъ предѣлахъ, не проистекаетъ рѣшительно никакихъ неудобствъ. **) Призывъ депутатовъ отъ вѣдомствъ и сословій составлялъ у насъ искони ту именно искомую гарантію для огражденія подсудимыхъ отъ произвола слѣдователей, которую на Западѣ доселѣ, но далеко неудачно, ищутъ еще въ допущеніи защитника къ подсудимому во время слѣдствія, или въ попыткѣ сдѣлать слѣдствіе вполнѣ публичнымъ. И эту-то гарантію, гораздо болѣе дѣйствительную, чѣмъ вмѣшательство прокуратуры, или жалоба на слѣдователя въ судъ, составители Судебныхъ Уставовъ отмѣнили, подъ ничтожными

*) Ibidem, стр. 128.

**) Авторъ позволяетъ себѣ это утверждать не по собственному только опыту, но и по единогласнымъ почти отзывамъ другихъ слѣдователей до-реформенной эпохи.

предлогами, съ безцеремонностью, совершенно несвойственною законодательнымъ работамъ.

Хотя вмѣстѣ съ тѣмъ удержанъ былъ, при производствѣ осмотровъ и выемокъ, порядокъ приглашенія понятыхъ, но допросы свидѣтелей и подсудимыхъ предоставлено было такимъ образомъ слѣдователю производить келейно, что̀ въ слѣдствіяхъ по особо важнымъ дѣламъ, и въ примѣненіи къ неграмотнымъ подсудимымъ должно было повести не только къ разнымъ неудобствамъ, но и къ неправильнымъ дѣйствіямъ. Неграмотный подсудимый при этомъ порядкѣ не гарантированъ въ томъ, что его показаніе записано правильно; съ другой стороны, рѣдкій подсудимый можетъ придавать значеніе своему сознанію, коль скоро оно сдѣлано безъ свидѣтелей. Конечно, слѣдователи подчинены надзору прокуроровъ, которымъ предоставлено „присутствовать“ при слѣдствіи, а слѣдовательно и при допросѣ, но прокуроры не могутъ присутствовать при *всѣхъ* слѣдствіяхъ, такъ что бо́льшая часть допросовъ должна производиться слѣдователями безо всякаго серіознаго контроля.

И этимъ то начинающимъ свою судебную карьеру слѣдователямъ предоставлено было не только право келейнаго допроса, но и право начинать по своему усмотрѣнію слѣдствіе, и лишать подслѣдственныхъ лицъ свободы, и отдавать ихъ на поруки или совсѣмъ освобождать отъ ареста. Такая власть слѣдователей, защищаемыхъ своею несмѣняемостью, парализуетъ все вліяніе на нихъ прокурорскаго надзора, и даетъ имъ ту же самостоятельность, какую имѣютъ слѣдственные судьи во Франціи, Германіи и Австріи, но безъ той опытности, которая гарантируетъ правильность ихъ дѣйствій въ этихъ странахъ.

Мы видѣли выше, что призывъ депутатовъ, какъ охранительную гарантію для подсудимыхъ, противники этой мѣры признавали излишнимъ, между прочимъ потому, что предварительное слѣдствіе подлежитъ ловѣркѣ на судѣ, гдѣ подсудимый имѣетъ своего защитника.

Если даже дѣйствительно предварительное слѣдствіе имѣло столь ничтожное значеніе, то и въ такомъ случаѣ отсутствіе въ немъ охранительныхъ для подсудимаго гарантій было бы неправильно не только въ принципѣ, но и на практикѣ, ибо неправильныя дѣйствія слѣдователя не могутъ не тяготѣть надъ неповиннымъ подсудимымъ въ теченіе всего того времени, которое должно пройти между предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями. Но вредъ отъ неправильныхъ, или даже лишь отъ не-

осмотрительныхъ слѣдствій гораздо глубже, потому что предварительное слѣдствіе въ большей части случаевъ предрѣшаетъ и судебное. При ослабленіи же на судебномъ слѣдствіи результатовъ предварительнаго, присяжнымъ очевидно приходится колебаться между тѣмъ и другимъ; при этомъ, если устныя и гласныя показанія свидѣтелей и подсудимыхъ, имѣющія въ виду ослабить или заподозрить предварительное слѣдствіе, могутъ имѣть извѣстное значеніе, то не слѣдуетъ терять изъ виду, что и факты предварительнаго слѣдствія далеко не утрачиваютъ въ глазахъ присяжныхъ всей своей силы. Напротивъ, дѣлаемое на судѣ противорѣчащее первоначальному допросу показаніе, если оно и вѣрнѣе прежняго, внушаетъ всего чаще недовѣріе, какъ искусственно вызванное обвиненіемъ или защитой, тогда какъ первоначальныя показанія, данныя вскорѣ послѣ преступленія, представляются наиболѣе искренними. При такомъ естественномъ настроеніи присяжныхъ, даже неправильно вынужденное у подсудимаго при келейномъ предварительномъ слѣдствіи показаніе сохраняетъ свое подавляющее вліяніе при судебномъ слѣдствіи. Кромѣ того, келейность показаній при предварительномъ слѣдствіи поощряетъ подсудимаго не стѣсняться имъ и давать совершенно другое на судѣ, запутывая тѣмъ нить соображеній присяжныхъ. Наконецъ, фактическій составъ подлежащихъ изслѣдованію данныхъ предопредѣляется не судебнымъ, но предварительнымъ слѣдствіемъ: судебное можетъ опровергнуть нѣкоторые факты предварительнаго слѣдствія, но обязано разсмотрѣть все то, что̀ заявлено слѣдователемъ противъ подсудимаго, почему и самая безпристрастная процедура опроверженія предварительнаго слѣдствія не всегда въ состояніи изгладить въ присяжныхъ того впечатлѣнія, которое укореняется въ нихъ съ самаго начала судебнаго засѣданія подъ вліяніемъ совокупности фактовъ, послужившихъ къ составленію обвинительнаго акта. Конечно, подобныя впечатлѣнія могли бы быть отчасти нейтрализованы объективнымъ отношеніемъ опытныхъ судей къ предмету обвиненія: но не надо забывать, что дѣла этого рода у насъ теперь рѣшаются не судьями-юристами, а присяжными, дѣйствующими подъ вліяніемъ своей впечатлительности, искусственно возбуждаемой односторонними преніями сторонъ.

Таковы возможныя послѣдствія келейнаго предварительнаго слѣдствія, если оно произведено неправильно или неопытными слѣдователями, не говоря уже о всей тяжести предварительнаго заключенія, которому подвергаются подсудимые, нерѣдко оказывающіеся на судѣ невиновными.

Вообще, составители Судебныхъ Уставовъ, давъ должности судебныхъ слѣдователей значеніе низшей ступени судебной службы, создали самый неустойчивый типъ слѣдователей. Обстоятельство это уже само собою обусловило недостаточно глубокое отношеніе слѣдователей къ своему дѣлу, и должно было имѣть послѣдствіемъ неполноту или неправильность предварительныхъ слѣдствій, затруднительность при ловѣркѣ ихъ на судѣ и осложненіе задачи присяжныхъ засѣдателей. Предоставленіе же, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобнымъ слѣдователямъ судейской несмѣняемости только ослабило необходимый за ними надзоръ прокуратуры, а отмѣна депутатовъ дала имъ полномочія, оставляющія состоящихъ подъ слѣдствіемъ лицъ безо всякихъ гарантій.

II.

Система публичнаго обвиненія, въ формѣ выдѣленія обвинительной власти въ особое учрежденіе, создана была французскою конституціей 1789 года. До того времени обвинительная процедура сливалась съ обязанностями полицейскими или судебными; но, въ силу этой конституціи, возникли особые *публичные обвинители* (accusateurs publics), переименованные закономъ 22 флореаля XII года (18 мая 1804 года) въ *прокуроровъ* *). Съ тѣхъ поръ прокуроры, какъ постоянные органы публичнаго обвиненія, учреждены были, по французскому образцу, въ большей части европейскихъ государствъ, кромѣ Англіи. Въ качествѣ блюстителей закона предъ судомъ, прокуроры заняли самое видное мѣсто какъ въ правительственной сферѣ вообще, такъ и въ судебномъ механизмѣ въ частности, чему не мало содѣйствовало ихъ іерархическое устройство, и точное разграниченіе ихъ отношеній ко всѣмъ органамъ суда и управленія. Вообще, вопросы о правахъ, обязанностяхъ и общемъ значеніи прокуратуры были на Западѣ разработаны во всей подробности законодательными палатами и учеными юристами не только практически, но и теоретически,

*) Должность прокуроровъ существовала гораздо раньше какъ во Франціи, такъ и въ другихъ континентальныхъ государствахъ, но имѣла другое назначеніе: во Франціи дореволюціонные прокуроры соотвѣтствовали позднѣйшимъ *avoués*, а въ Австріи и въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи прокуроры были органами государственной власти, предназначенными для наблюденія вообще за исполненіемъ законовъ, какъ и у насъ.

и принадлежатъ тамъ нынѣ къ тѣмъ, которые наиболѣе ясны и наименѣе спорны *). Поэтому не предстояло повидимому никакихъ затрудненій уразумѣть сущность этого учрежденія, примѣненія его къ нашей судебной реформѣ. Къ тому же, надзоръ прокуроровъ, въ формѣ блюстителей закона вообще, въ томъ числѣ и по судебнымъ дѣламъ, существовалъ у насъ еще со времени Петра Великаго, былъ вполнѣ уже организованъ при Екатеринѣ II, и успѣлъ посему пустить глубокіе корни и выработать свои полезныя традиціи, такъ что у насъ былъ такъ-сказать почти готовый персоналъ, который требовалось только пріурочить къ новымъ судебнымъ задачамъ.

Но вышло совершенно иначе: теоретики судебной реформы 1864 года создали у насъ такой типъ судебной прокуратуры, котораго мы не встрѣчаемъ на Западѣ, который всего менѣе соотвѣтствуетъ основнымъ понятіямъ о необходимости гармоніи между органами суда и администраціи, и далеко не всегда обусловливаетъ правильный исходъ обвинительной процедуры.

Прежде всего, въ силу ст. 135 Учр. Суд. Устан., прокурорскій надзоръ утратилъ у насъ свой прежній характеръ и ограниченъ былъ, какъ на Западѣ, одними судебными дѣлами.

Не оспаривая, что прежнія обязанности прокурорскаго надзора было крайне трудно совмѣстить съ обязанностями новоучреждаемаго у насъ публичнаго обвиненія, мы позволимъ себѣ однако замѣтить, что составители Судебныхъ Уставовъ сразу отмѣнили такимъ образомъ, по поводу судебной реформы, учрежденіе, которое, сверхъ судебнаго, имѣло и общее въ государствѣ назначеніе. Между тѣмъ, въ столь обширномъ государствѣ, какъ Россія, прежній прокурорскій надзоръ представлялъ самую надежную гарантію для правильнаго, единообразнаго и повсемѣстнаго исполненія законовъ всѣми тѣми многочисленными учрежденіями, которыя не примыкали къ судебному механизму. Но, освобождая новую прокуратуру отъ обязанностей общаго надзора и отъ проистекающей отсюда отвѣтственности, составители Судебныхъ Уставовъ сохранили за прокуратурой ея прежнее право доступа къ дѣламъ учрежденій не судебныхъ, и даже усилили это право, не установивъ однако какой бы то ни было отвѣтственности за

*) Къ числу замѣчательныхъ сочиненій по этому предмету принадлежитъ: *L'Accusation publique chez les anciens peuples, à Rome et dans le droit français;* par Fabre, изданное въ Парижѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

неправильное имъ пользованіе. Въ этомъ легко убѣдиться изъ мотивировки, которою обставлено было у насъ учрежденіе обвинительной власти.

Обязанности прокуратуры, въ ея новомъ видѣ, опредѣлены были слѣдующимъ образомъ въ Основныхъ Положеніяхъ 1862 года по уголовной части:

„Сущность прокурорской обязанности заключается *въ охраненіи силы закона, обнаруженіи всякихъ нарушеній законнаго порядка и требованіи распоряженій къ возстановленію онаго.* Прокуроры должны быть ходатаями, защитниками и представителями въ дѣлахъ, касающихся до казны, до государственныхъ имуществъ, а также лицъ, которыя неспособны защищать себя, и потому нуждаются въ опекѣ государственной власти. Они обязаны возбуждать дѣла безгласныя, требовать изслѣдованія и обвинять *отъ имени государства* всѣхъ подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ было признано, что „при соединеніи въ лицѣ прокурора столь важныхъ обязанностей, необходимо *всячески ограничить его распорядительную власть*; но для того, чтобы дать имъ всѣ способы къ исполненію ихъ обязанностей, надлежитъ: 1) облегчить прокурорамъ собираніе свѣдѣній во всѣхъ мѣстахъ, откуда они могутъ извлечь ихъ, и *открыть имъ доступъ къ дѣламъ всякаго присутственнаго мѣста*; 2) *подчинить имъ*, по предмету дознаній и розысканій о преступленіяхъ и проступкахъ, *полицейскіе чины*, и 3) дать правильный исходъ дѣятельности прокуроровъ и указать ей *твердую точку опоры*. Сношенія свои прокуроры могутъ имѣть со всѣми мѣстами и лицами въ кругѣ своего вѣдомства, но для того, чтобы дать ходъ своимъ замѣчаніямъ и соображеніямъ, они должны обращаться къ органамъ судебной власти: къ судебнымъ слѣдователямъ и къ суду. Въ надзорѣ за производствомъ слѣдствій прокуроры дѣйствуютъ на томъ же основаніи, то-есть въ качествѣ лицъ, имѣющихъ право *указывать, обнаруживать, настаивать*. Всѣ мѣста заключенія арестантовъ должны быть открыты имъ во всякое время дня и ночи, и они обязаны какъ можно чаще осматривать арестантовъ, чтобъ имъ было всегда извѣстно, за что и на какомъ основаніи кто содержится" *).

Еслибы законъ постановилъ, что всѣ присутственныя мѣста и полиція обязаны только исполнять *законныя* требованія прокурора, то это было бы въ порядкѣ вещей; но этому представи-

*) Изданіе Госуд. Канц. Т. III, стр. XXIX—XXX.

телю обвинительной власти, по теоріи Основныхъ Положеній 1862 года, должепъ быть открытъ, безъ обстоятельныхъ объясненій когда и по какому поводу—*доступъ къ дѣламъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ*, а по стт. 279 и 485 Уст. Угол. Суд. полиція, по производству дознаній и розысковъ, *прямо* ему подчинена. Такое широкое, неограниченное никакимъ контролемъ полномочіе прокурора ставитъ и его, и всѣ присутственныя мѣста, но въ особенности полицію, подчиненную и отвѣтственную предъ своимъ особымъ начальствомъ, въ крайне ненормальное положеніе, побуждая невольно прокурора смотрѣть на присутственныя мѣста, какъ на подвѣдомыя его вліянію учрежденія, и требовать отъ полиціи болѣе, чѣмъ по существу дѣла должно отъ нея требовать. При такихъ отношеніяхъ между прокуроромъ и другими вѣдомствами, открывается широкій просторъ не столько для гармоническаго взаимнодѣйствія въ видахъ достиженія общихъ цѣлей, сколько для раздражительныхъ личныхъ столкновеній. Требуя къ своему разсмотрѣнію „дѣла разныхъ присутственныхъ мѣстъ“ безъ обязательнаго объясненія мотивовъ къ этой мѣрѣ, объявляя полиціи по той же ст. 485 предостереженія и возбуждая, помимо установленнаго надъ нею начальства, вопросъ о судебномъ преслѣдованіи ея членовъ, прокуроръ пріобрѣтаетъ, уже внѣ судебнаго вѣдомства, такую власть, какової онъ, несмотря на свою прежнюю самостоятельность, никогда не имѣлъ,—и уполномочивается по другимъ вѣдомствамъ на такія уже дѣйствія, которыя превышаютъ возложенную на него обязанность наблюдать за исполненіемъ законовъ. Это не наблюденіе, не указаніе, но прямое уже вмѣшательство, и въ Судебныхъ Уставахъ даже не предуказанъ порядокъ обжалованія, какъ скоро подобныя дѣйствія прокурора окажутся недостаточно мотивированными. Наконецъ, объ отношеніяхъ прокуратуры къ губернаторамъ, къ этимъ отвѣтственнымъ представителямъ высшаго правительства въ губерніи и непосредственнымъ начальникамъ мѣстной полиціи, не упомянуто въ Судебныхъ Уставахъ ни однимъ словомъ.

Далѣе, въ качествѣ представительницы правительственныхъ интересовъ предъ судомъ, прокуратура поставлена была въ непосредственную зависимость отъ министра Юстиціи, коему присвоено званіе генералъ-прокурора. Кромѣ того, между чинами прокуратуры установлена была и іерархическая зависимость: товарищи прокуроровъ подчинены прокурорамъ, а прокуроры окружныхъ судовъ—прокурорамъ палатъ. Наконецъ, неправильныя дѣйствія прокуратуры могутъ быть регулируемы и устраняемы

инициативой генералъ-прокурора. Но эта подчиненность прокурорскаго надзора, въ дѣйствительности, крайне ослаблена по ст. 130 Учрежд. Суд. Уст., которая гласитъ:

„При заявленіи судебнымъ мѣстамъ своихъ по дѣламъ заключеній, лица прокурорскаго надзора дѣйствуютъ *единственно* на основаніи *своего убѣжденія и существующихъ законовъ*“.

Такое постановленіе, какъ будто только подтверждающее то, что̀ само собою разумѣется, представляется на первый взглядъ какъ бы излишнимъ и потому самому безполезнымъ. Вникнувъ однако въ смыслъ этой статьи, нельзя не остановиться на употребленномъ здѣсь, какъ бы мимоходомъ, выраженіи „единственно“. Но это-то именно выраженіе и даетъ особый тонъ статьѣ 130, а какой это тонъ—легко убѣдиться, обративъ вниманіе на то, чрезъ какія измѣненія прошла настоящая статья до полученія своей окончательной редакціи.

Вотъ что̀ сказано по этому случаю въ комментаріяхъ изданныхъ Государственною Канцеляріей:

„Первоначально предполагалось установить правило о *неподчиненіи лицъ прокурорскаго надзора*, въ заявленіи ими мнѣній по дѣламъ, *ни чьимъ предписаніямъ*; правило это *признавалось полезнымъ для огражденія самостоятельности лицъ прокурорскаго надзора*“.

„Но дабы правило, выраженное въ такомъ видѣ, не могло подать повода къ недоумѣнію, *обязательны ли для лицъ прокурорскаго надзора*, при завленіи ими мнѣній по дѣламъ, *предписанія подлежащихъ властей*, содержащія въ себѣ *только толкованіе или поясненіе законовъ*, признано необходимымъ яснѣе выразить мысль, что при заявленіи судебнымъ мѣстамъ своихъ заключеній по дѣламъ, лица прокурорскаго надзора дѣйствуютъ на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ“ *).

*) Ibid, стр. 96. Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ этой цитатѣ заключается весьма крупный недоговоръ. Изъ брошюры, напечатанной въ Петербургѣ въ 1883 году г. Джаншіевымъ въ память Д. Н. Замятина, подъ заглавіемъ *Страница изъ исторіи Судебной Реформы*, и составленной очевидно изъ оффиціальныхъ матеріаловъ, прямо сказано на стр. 53, что „проектъ *предлагалъ сдѣлать прокурора независимымъ отъ его начальства*“. Противъ такой безпримѣрной, чтобы не сказать болѣе, несообразности энергически возсталъ тогдашній министръ Юстиціи Д. Н. Замятинъ, столь сочувствовавшій судебнымъ проектамъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и Государственный Совѣтъ согласился съ его мнѣніемъ.

Изъ этого видно, во-первыхъ, что статья 130 помѣщена въ Учрежд. Судебн. Уст. взамѣнъ предположенія о неподчиненіи заключеній прокуроровъ ничьимъ предписаніямъ, и во-вторыхъ, что она имѣетъ якобы цѣлью отклонить недоумѣніе по вопросу объ обязательности для прокуроровъ предписаній подлежащей власти только о толкованіи и поясненіи законовъ.

Отсюда прямо слѣдуетъ, во-первыхъ, что всякое предписаніе подлежащихъ властей прокурорамъ, не заключающее въ себѣ толкованія или поясненія законовъ, прокуроры имѣютъ право, при заявленіи своихъ заключеній по судебнымъ дѣламъ, оставлять по своему усмотрѣнію безъ вниманія, а во-вторыхъ, что даже и тѣ предписанія подлежащей власти, которыя касаются только толкованія и поясненія законовъ, могутъ быть принимаемы прокурорами къ исполненію *единственно* въ тѣхъ случаяхъ, когда означенныя предписанія соотвѣтствуютъ закону по *личному пониманію и усмотрѣнію самихъ прокуроровъ*.

Слѣдовательно, послѣдняя, рѣшительная и безаппелляціонная инстанція въ опредѣленіи законности предписанія подлежащихъ властей есть самъ получающій предписаніе прокуроръ, взгляды на законъ и убѣжденія коего, при столь естественномъ разнообразіи личныхъ мнѣній, могутъ легко не сходиться съ толкованіями и поясненіями установленнаго надъ нимъ начальства.

Ясно, что статья 130, вмѣсто единообразія, вводитъ въ образъ дѣйствій прокуратуры безконечное разнообразіе, давая возможность каждому изъ чиновъ прокурорскаго надзора проводить свои личные взгляды, даже вопреки указаніямъ и требованіямъ руководящей прокуратурою власти.

Нигдѣ на Западѣ не встрѣчается ничего подобнаго. Вездѣ, какъ и у насъ, прокурорамъ предоставлено право отказываться отъ поддержки обвиненія, когда судебнымъ слѣдствіемъ упразднена самая наличность факта преступленія, но вездѣ также требуется, чтобы заключенія обвинительной власти были основаны на законѣ, и нигдѣ не предписывается, чтобы прокуроры дѣйствовали еще и по „своему личному убѣжденію“. Мы въ своемъ мѣстѣ уже замѣтили, по поводу новыхъ воззрѣній теоретиковъ судебной реформы на авторитетъ закона, что вопросъ объ обязательности личнаго убѣжденія для судей, какъ принадлежащій къ сферѣ чисто нравственныхъ отношеній, не подлежитъ регламентированію въ формѣ конкретнаго закона; личное убѣжденіе, по самой природѣ своей, присуще каждому развитому человѣку, а потому всякое предписаніе руководиться имъ совершенно из-

лишне. Сопоставленіе же въ самомъ текстѣ законоположеній личнаго убѣжденія и закона, какъ мотивовъ для руководства прокурорскаго надзора, не только излишне, но крайне вредно. Конечно, случаи столкновеній личнаго убѣжденія съ закономъ не невозможны, но возникающія отсюда сомнѣнія должны бы подлежать очевидно представленію на усмотрѣніе высшей надъ прокуроромъ инстанціи въ видахъ единообразнаго разрѣшенія этихъ сомнѣній, а не разрѣшенію каждаго изъ прокуроровъ въ отдѣльности. Но этого не было постановлено, и самая отвѣтственность чиновъ прокуратуры предъ начальствомъ была этимъ путемъ упразднена, такъ какъ всякое неисполненіе закона можетъ прикрываться ссылкой на личное убѣжденіе.

Такимъ образомъ прокуроры въ своихъ заключеніяхъ предъ судомъ почти отождествлены съ судьями: они не ограничены закономъ и фактическимъ содержаніемъ предварительнаго слѣдствія, но могутъ, въ силу личнаго убѣжденія, приходить къ выводамъ самымъ отдаленнымъ отъ закона, отнюдь не стѣсняясь прямымъ его смысломъ. Если подобное положеніе судей, какъ мы не разъ старались объяснить, колеблетъ авторитетъ закона и лишаетъ гражданъ обезпеченія отъ судейскаго произвола, то подобное же положеніе нашихъ публичныхъ обвинителей колеблетъ не только законъ, не только всю іерархическую организацію прокурорскаго надзора, но и самое представительство предъ судомъ правительственныхъ интересовъ, которые, при такомъ порядкѣ вещей, только фиктивно остаются подъ охраной государственной власти, а въ дѣйствительности всецѣло и безконтрольно довѣряются личному убѣжденію каждаго отдѣльнаго представителя прокурорскаго надзора. Обстоятельство это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что этимъ путемъ судьба правительственныхъ при судѣ интересовъ почти цѣликомъ сосредоточена въ рукахъ неопытной молодежи: такъ какъ всѣ крупныя уголовныя дѣла предоставлены рѣшенію окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то защита сопряженныхъ съ этими дѣлами интересовъ государственнаго благочинія и порядка составляетъ прямую обязанность товарищей прокурора при этихъ судахъ, то-есть самой низшей инстанціи сего надзора, состоящей изъ лицъ, начинающихъ свою прокурорскую карьеру.

Лишенные высшаго руководства, не стѣсняемые даже закономъ, эти лица не имѣютъ посему твердой почвы для своей дѣятельности; каждый изъ нихъ хотя и считаетъ себя органомъ правительственныхъ интересовъ, но пониманіе этихъ интересовъ, и

самая защита ихъ предъ судомъ нисколько не обусловлены общими, неизмѣнными нормами. Можетъ ли при такихъ условіяхъ низшая инстанція прокурорскаго надзора не грѣшить въ своихъ заключеніяхъ предъ судомъ столь свойственными юношеской неопытности увлеченіями, то настаивая безъ достаточныхъ основаній на обвиненіи, то отказываясь отъ обвиненія подъ предлогомъ личнаго убѣжденія, коренящагося всего чаще въ современныхъ общественныхъ, а нерѣдко и въ крайне односторонніхъ тенденціяхъ?

Тѣмъ не менѣе, указанныя неудобства могутъ быть въ значительной мѣрѣ устраняемы генералъ-прокуроромъ, который, по смыслу Судебныхъ Уставовъ, поставленъ во главѣ прокуратуры и даже, вопреки ст. 130, имѣетъ возможность руководить прокурорскими чинами посредствомъ устраненія отъ должности тѣхъ изъ нихъ, которыхъ личныя воззрѣнія идутъ въ разрѣзъ съ его предписаніями и требованіями закона. Поэтому и самая отвѣтственность за новыхъ прокуроровъ и ихъ товарищей лежитъ непосредственно на министрѣ Юстиціи: онъ ихъ выбираетъ и увольняетъ отъ должности *), онъ слѣдитъ за направленіемъ ихъ дѣятельности, даетъ имъ общія инструкціи и частныя указанія. Если при этомъ образъ дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора оказывается неудовлетворительнымъ, то виноваты въ этомъ уже не одни прокуроры и ихъ товарищи, но прежде нихъ и болѣе ихъ—самъ генералъ-прокуроръ.

III.

Прежніе наши ходатаи по дѣламъ, ограничиваясь формально подачей письменныхъ лишь заявленій отъ лица своихъ довѣрителей въ присутственныя мѣста, напоминали до нѣкоторой степени заграничныхъ avoués разныхъ наименованій, но не имѣли ничего общаго съ адвокатурой, цѣль которой—гласная и устная защита интересовъ тяжущихся на судѣ; въ уголовномъ же процессѣ, исходъ котораго предрѣшался произведеннымъ внѣ и независимо отъ суда формальнымъ слѣдствіемъ, частные ходатаи не имѣли вовсе голоса. Но усовершенствованные пріемы современнаго судопроизводства, введенные реформой 1864 года, немыслимы безъ адвокатуры, которая посему неизбѣжно должна была

*) Изданіе Госуд. Канц. 1867 года, т. III, стр. 169, объясненіе къ ст. 243.

возникнуть и у насъ; а такъ какъ наше прошлое не выработало вовсе данныхъ для этого института, то мы должны были ло необходимости заимствовать его съ Запада, отъ государствъ, опередившихъ насъ на пути судебнаго развитія. Вопросъ заключался лишь въ томъ: который изъ иностранныхъ образцовъ всего болѣе соотвѣтствовалъ условіямъ нашей жизни, содѣйствуя спеціальнымъ интересамъ правосудія и возбуждая, при своей акклиматизаціи на нашей почвѣ, наименѣе затрудненій и сомнѣній.

Адвокатура, подобно институту присяжныхъ, установилась на Западѣ въ формѣ двухъ главныхъ, но вполнѣ противоположныхъ видовъ: типъ англійскій и типъ французскій. И тотъ, и другой получили свое начало въ Средніе Вѣка, такъ какъ на Западѣ адвокатура существовала еще при господствѣ инквизиціоннаго процесса; но въ то время какъ адвокатура въ Англіи видоизмѣнялась въ теченіе вѣковъ постепенно, не утрачивая однако своихъ традицій, адвокатура во Франціи хотя и сохранила внѣшнія особенности своей прежней организаціи, но, со времени революціи, подверглась цѣлому ряду самыхъ коренныхъ измѣненій, которыя дали ей совершенно новый характеръ.

Въ Англіи адвокатура имѣла издревле форму ученаго братства, и эту форму она сохранила доселѣ. Званіе адвоката дается здѣсь до сихъ поръ четырьмя древними школами, соединенными нынѣ въ одну корпорацію *). До недавняго еще времени пріемъ въ эти школы обусловливался только уплатой денежнаго взноса, но теперь вступающіе въ оныя, кромѣ *членовъ университетовъ*, должны предварительно выдержать общій экзаменъ изъ юридическихъ наукъ. Для полученія же степени адвоката (barrister), дающей право защищать тяжущихся и подсудимыхъ во всѣхъ судахъ Англіи, требуется особый экзаменъ **). Вся судебная дѣятельность англійскихъ барристеровъ подлежитъ дисциплинарному надзору судей, безо всякаго вмѣшательства корпоративныхъ пред-

*) Школа Внутренняго Храма (Inner Temple), Школа Средняго Храма (Middle Temple), Школа Линкольна (Lincoln's Inn) и Школа Грея (Gray's Inn). *Fonblanque*, стр. 220—221.

**) Въ прежнее время англійскіе адвокаты подраздѣлялись на два класса: serjeant at law и barrister. Для полученія должности судьи общаго права (common law) надо было непремѣнно имѣть званіе serjeant at law, но съ уничтоженіемъ по закону 1873 года этого условія для членовъ высшаго суда, особыя школы для пріобрѣтенія званія serjeant at law упразднились, и осталась только общая корпорація упомянутыхъ выше четырехъ школъ. Ibidem.

ставителей. Но эта дѣятельность не ограничивается судебною защитой: барристерамъ поручаетъ здѣсь правительство уголовныя обвиненія; изъ ихъ же среды назначаются исключительно всѣ судьи. Не надо забывать, что въ Англіи не только члены высшаго суда, но и судьи графствъ получаютъ такое значительное содержаніе какъ нигдѣ, почему пріобрѣтеніе должности судьи составляетъ здѣсь вѣнецъ адвокатской карьеры, и англійскіе адвокаты сосредоточиваютъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы попасть въ кандидаты на должность судьи. Въ виду этого обстоятельства, они остаются вѣрны своей юридической спеціальности, не уклоняются въ политику, какъ на континентѣ, и находятся къ судьямъ и къ правительству въ непрерывныхъ и близкихъ отношеніяхъ. Наконецъ, по самому свойству англійскаго судопроизводства, тамошніе адвокаты ограничиваются въ своей защитѣ разсмотрѣніемъ факта преступленія, не входя ни въ какія посторонніе подробности.

Во Франціи адвокаты, еще въ Средніе Вѣка, составляли не столько ученое товарищество, сколько цеховую корпорацію, съ выборнымъ старшиной (bâtonnier), съ особою дисциплиной и съ извѣстными привилегіями, подобно корпораціи врачей, аптекарей, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. п. Корпорація эта была совершенно обособлена отъ магистратуры, члены которой назначались здѣсь верховною властью преимущественно изъ мелкаго дворянства, подъ условіемъ юридическаго образованія и внесенія въ казну извѣстной денежной суммы *). Такая обособленность адвокатуры отъ магистратуры и повела къ той розни, которой никогда не было между этими двумя сословіями въ Англіи. Магистратура постоянно тяготѣла къ королевской власти, а адвокатура—къ общественной средѣ, раздѣляя всѣ увлеченія различныхъ общественныхъ кружковъ дореволюціонной эпохи. Во время революціи, магистратура, коренившаяся въ монархическихъ традиціяхъ, подверглась полному разгрому, а члены ея кровавымъ преслѣдованіямъ; но иная судьба постигла адвокатуру: хотя ея

*) Означенный денежный взносъ служилъ первоначально залогомъ для обезпеченія отвѣтственности судьи. Порядокъ этотъ возникъ еще во время римскаго владычества; но въ Средніе Вѣка онъ выродился въ простую продажу должностей, сдѣлавшихся такимъ образомъ не только несмѣняемыми, но нерѣдко даже наслѣдственными. *Histoire des causes de la révolution française*, par Gr. de Cassagnac, Paris 1850, т. I, p. 371—372.

корпоративное устройство, вмѣстѣ съ парламентами, было отмѣнено закономъ 2 сентября 1790 года, но значеніе адвокатовъ возвысилось вслѣдствіе той выдающейся роли, которую они усвоили себѣ въ законодательныхъ собраніяхъ той эпохи. Такимъ образомъ, адвокаты во Франціи, сверхъ своихъ профессіональныхъ занятій, пріобрѣли еще характеръ политическихъ дѣятелей, а закономъ 22 Вантоза года XII (1804) возстановлено было и корпоративное устройство адвокатуры. Конечно, во время имперіи, политическій характеръ адвокатуры не могъ проявляться; закономъ 14 декабря 1810 года обязанности адвокатуры были даже строго регламентованы; но эта регламентація была отмѣнена 20 ноября 1822 года. Съ этого времени начинается рѣшительное усиленіе политическаго вліянія адвокатуры: члены ея, вмѣстѣ съ оппозиціонными журналистами, были главными дѣятелями революціи 1830 года, послѣ которой положеніе адвокатуры было вновь регламентовано, но уже въ смыслѣ вполнѣ независимой отъ суда корпораціи, а званіе адвоката стало открывать прямую дорогу къ званію депутата, и даже къ должности министра. Во время второй имперіи адвокатура, за рѣдкими исключеніями, была въ постоянной оппозиціи къ правительству. Наконецъ люди, возбудившіе революцію 2 сентября 1870 года и составившіе затѣмъ временное правительство, заправляющіе съ тѣхъ поръ политическою печатью и даже донынѣ руководящіе судьбами Франціи, принадлежатъ, за весьма немногими исключеніями, къ сословію адвокатовъ. Поэтому во Франціи, въ особенности со времени іюльской революціи, многіе адвокаты носятъ это званіе только номинально, посвящая всю свою дѣятельность политической борьбѣ и публицистикѣ, и лишь изрѣдка являясь въ судахъ защитниками подсудимыхъ по эффектнымъ политическимъ процессамъ.

Поэтому и организація французской адвокатуры не могла имѣть того характера свободной, ученой юридической корпораціи или товарищества, который отличаетъ англійскую; напротивъ, эта организація получила здѣсь характеръ почти политической партіи, члены которой подчинены строгой дисциплинѣ, чему въ значительной степени содѣйствовали формы прежняго корпоративнаго устройства. Адвокаты каждой аппелляціонной палаты выбираютъ изъ своей среды особый дисциплинарный совѣтъ (conseil de discipline), въ предсѣдательствѣ старшины, сохранившаго прежнее названіе bâtonnier; этому совѣту дано право разсматривать жалобы кліентовъ на адвокатовъ, дѣлать адвокатамъ предостере-

женія и выговоры, лишать ихъ на одинъ годъ права защиты, а въ наиболѣе важныхъ случаяхъ даже исключать ихъ изъ сословія адвокатовъ; послѣдніе двѣ мѣры впрочемъ съ правомъ аппелляціи заинтересованныхъ лицъ въ палату. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ совѣта, окружный трибуналъ хотя имѣетъ право прибѣгать къ подобнымъ же взысканіямъ, но не иначе какъ по истребованіи письменнаго заключенія старшины. Самое вступленіе въ адвокатуру не обусловлено спеціальными испытаніями: приписываться къ этому званію имѣетъ право каждый окончившій курсъ наукъ на юридическомъ факультетѣ со степенью лиценціата, послѣ трехлѣтнихъ занятій при судебныхъ канцеляріяхъ.

При такомъ minimum'ѣ юридическихъ познаній и при такомъ участіи адвокатуры въ борьбѣ политическихъ партій, защита тяжущихся и подсудимыхъ во Франціи не отличается тою особою, исключительно юридическою обстановкой, которая составляетъ отличительную черту англійскихъ барристеровъ: французскіе ихъ собраты стараются дѣйствовать не столько юридическими доводами, сколько эффектными обобщеніями, громкими фразами, софистическими пріемами и указаніемъ на обстоятельства не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ дѣлу, но способныя направить впечатлительность присяжныхъ въ желаемомъ смыслѣ.

Въ другихъ континентальныхъ государствахъ адвокатура колеблется между англійскимъ и французскимъ типами, но нигдѣ она не обладаетъ такими обширными правами самоуправленія какъ во Франціи, и почти вездѣ поступленіе въ нее обусловлено, сверхъ общаго юридическаго образованія, еще спеціальными испытаніями; наконецъ, стремленіе адвокатовъ занять политическое положеніе хотя и замѣчается въ Италіи, Австріи и отчасти въ Германіи, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ во Франціи.

Вообще создать сразу такое новое сословіе, какъ адвокатура, чрезвычайно трудно. Прежніе наши ходатаи по дѣламъ, по своей необразованности и по привычкѣ къ письменной, негласной процедурѣ, не представляли надежной почвы, изъ которой могло бы развиться поколѣніе новыхъ судебныхъ защитниковъ. Поэтому было бы гораздо естественнѣе вопросъ о сословной организаціи адвокатуры отложить до дальнѣйшихъ указаній опыта, а до той поры подчинить новыхъ защитниковъ дисциплинѣ суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ учрежденіе особой на судѣ защиты не могло привести къ упраздненію прежнихъ частныхъ ходатаевъ, вполнѣ необходимыхъ по исполненію разныхъ фор-

мальныхъ требованій закона, то было безусловно необходимо, точно разграничивъ обязанности публичной защиты отъ письменнаго хожденія по дѣламъ, пріурочить къ новой судебной процедурѣ и этихъ ходатаевъ, подчинивъ также и ихъ опредѣленной регламентаціи—по образцу заграничныхъ avoués.

Но составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года поступили иначе. Они какъ бы игнорировали что, по очевидному недостатку подходящихъ лицъ для новоучреждаемой у насъ адвокатуры, публичная защита тяжущихся и подсудимыхъ останется и при новыхъ судахъ, въ особенности при судахъ мировыхъ, въ значительной степени въ рукахъ прежнихъ частныхъ ходатаевъ. Оставивъ этихъ ходатаевъ на произволъ судьбы, они поторопились дать новосозданнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, вмѣсто временной въ видѣ опыта организаціи, самое законченное и самое одностороннее устройство французской адвокатуры.

Какъ во Франціи, у насъ для поступленія въ число присяжныхъ повѣренныхъ требуются, по ст. 354 Учр. Суд. Уст., окончаніе курса юридическихъ наукъ и предварительныя занятія въ судебныхъ канцеляріяхъ, или въ качествѣ кандидата на судебныя должности, или при присяжныхъ повѣренныхъ, съ тою лишь разницей, что тамъ назначенъ для этихъ занятій срокъ трехлѣтній, а у насъ пятилѣтній. Какъ во Франціи, нашимъ присяжнымъ повѣреннымъ предоставлено выбирать изъ своей среды совѣтъ, коему, какъ и тамъ, присвоены самыя широкія права самоуправленія.

Но не надо забывать, что даже во Франціи этотъ minimum требованій для поступленія въ адвокатуру пополняется вліяніемъ той, такъ-сказать юридической атмосферы, которою болѣе или менѣе проникнута, подобно магистратурѣ, и тамошняя адвокатура, несмотря на ея уклоненіе отъ своей спеціальной задачи на путь политики. Эта юридическая атмосфера слагается изъ древнихъ судебныхъ традицій, изъ давнишней разработки въ этой странѣ юридическихъ наукъ, наконецъ и изъ современной обширной юридической литературы. Подъ вліяніемъ такой среды встрѣчаются еще и во Франціи адвокаты, не увлекающіеся политическою злобой дня, остающіеся вѣрными своей спеціальности, принимающіе участіе въ литературной разработкѣ юридическихъ вопросовъ и нерѣдко принадлежащіе къ самымъ виднымъ представителямъ юридической науки. Этой-то традиціонной юридической атмосферы у насъ до реформы 1864 года не было, а создать ее искусственно, внезапно, не представлялось никакой возможности,

такъ какъ подобнаго результата можно достигнуть только постепенно, энергическими усиліями многихъ поколѣній. Поэтому и minimum заимствованныхъ изъ Франціи требованій для поступленія въ адвокатуру ничѣмъ у насъ не дополняется, но именно, по своей минимальности, не можетъ достигать своей цѣли. Выдержаніе юридическаго экзамена на степень дѣйствительнаго студента, и даже кандидата, даетъ лишь школьное, самое элементарное, и потому далеко не то всестороннее понятіе о правѣ, которое пріобрѣтается только свободнымъ, послѣэкзаменнымъ его изученіемъ, въ связи съ юридическою практикой. Съ другой стороны, и самая пятилѣтняя практика можетъ имѣть въ этомъ случаѣ значеніе только тогда, если она сопряжена съ исполненіемъ прямыхъ судебныхъ обязанностей, а не съ отбываніемъ, нерѣдко лишь номинальнымъ, пятилѣтняго термина въ званіи кандидата на судебныя должности или при присяжномъ повѣренномъ. Только возвысивъ требованія юридическаго образованія и судебнаго опыта, можно было заложить прочный фундаментъ для русскаго юридическаго сословія. Конечно, при дальнѣйшемъ развитіи этого института, съ образованіемъ солиднаго для него разсадника, эти условія могли быть, по указаніямъ опыта, понижены, но на первое время они должны были быть непремѣнно выше требованій ст. 354.

Тѣмъ не менѣе, составители Судебныхъ Уставовъ нашли, что наши дѣйствительные студенты и кандидаты юридическихъ наукъ, и бывшіе воспитанники Училища Правовѣдѣнія, пробывъ пять лѣтъ кандидатами на судебныя должности, имѣютъ уже всѣ качества, необходимыя для солидныхъ юристовъ, несмотря на то, что эти лица, отбывъ на скорую руку свой экзаменъ, успѣли большею частію забыть самыя элементарныя понятія о правѣ— какъ вообще легко забывается многое изъ того, чему насъ учатъ на школьной скамьѣ.

За то, взамѣнъ усиленнаго требованія относительно юридическаго образованія и судебной практики, поступленіе въ число присяжныхъ повѣренныхъ обусловлено было—*согласіемъ самихъ членовъ этого сословія.*

Въ объясненіяхъ къ ст. 354 Учр. Суд. Уст. сказано между прочимъ: „Не должно забывать, что принятіе въ присяжные повѣренные поставляется въ извѣстной степени въ зависимость отъ нихъ самихъ, то-есть отъ *Совѣта* ихъ“ *).

*) Изданіе *Государств. Канц.* 1867 года, т. III, стр. 219.

Такъ какъ совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ занимаетъ въ организаціи этого института самое важное мѣсто, какъ высшее выраженіе его *самоуправленія*, то необходимо войти по этому предмету въ нѣкоторыя подробности.

Въ числѣ главныхъ началъ гражданскаго судопроизводства, принятыхъ соединенными Департаментами Государственнаго Совѣта въ 1859 году при разсмотрѣніи проекта II Отдѣленія по гражданскому судопроизводству, заключалось и предположеніе объ образованіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ *).

Хотя лосему вопросъ о сословной организаціи присяжныхъ повѣренныхъ былъ въ принципѣ уже предрѣшенъ, но совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ настоящей своей формѣ, созданъ былъ по иниціативѣ составителей Основныхъ Положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Необходимость этого совѣта мотивирована была потребностью надзора за присяжными повѣренными, такого надзора, который служилъ бы средствомъ „къ водворенію и поддержанію между повѣренными *чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности* предъ правительствомъ и обществомъ“ **).

Очевидно, слѣдовательно, что дѣятельность подобнаго совѣта должна была быть направлена къ разрѣшенію этихъ исключительно нравственныхъ задачъ, и что лосему вся его организація, всѣ его права и обязанности должны были служить орудіемъ къ достиженію такой цѣли. Но такъ ли это вышло на дѣлѣ?

Замѣтимъ прежде всего, что совѣту присяжныхъ повѣренныхъ присвоено, собственно говоря, право *самоучрежденія*. Хотя ст. 358 Учр. Суд. Уст. предписываетъ повѣреннымъ, если ихъ не менѣе двадцати, входить въ судебную палату *съ просьбой* о разрѣшеніи имъ *избрать совѣтъ*, но затѣмъ объяснено, что „вслѣдствіе такой просьбы палата назначаетъ одного изъ членовъ своихъ для предсѣдательствованія въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ при выборѣ членовъ совѣта“. Такимъ образомъ послѣдствіе просьбы повѣренныхъ, по буквальному смыслу закона, должно заключаться вовсе не въ согласіи или несогласіи палаты на учрежденіе совѣта, но лишь въ командированіи одного изъ членовъ для предсѣдательства въ общемъ собраніи при первоначальномъ выборѣ членовъ совѣта. Самая же суть вопроса

*) Ibid., т. I, стр. XI.
**) Ibid., т. III, стр. 219.

объ учрежденіи совѣта разрѣшается не палатой, но сговорившимися подать просьбу двадцатью повѣренными.

Далѣе, нашимъ присяжнымъ повѣреннымъ присвоено право *самоназначенія* своихъ должностныхъ лицъ: избираемые ими предсѣдатель и члены совѣта *) никѣмъ въ этомъ званіи не утверждаются, такъ какъ списокъ избранныхъ лицъ, по ст. 363, только передается прокурору и публикуется въ общее свѣдѣніе.

Наконецъ, по ст. 366, если въ какомъ-либо городѣ, гдѣ нѣтъ судебной палаты, имѣютъ мѣстожительство болѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, то они могутъ, съ разрѣшенія состоящаго при мѣстной судебной палатѣ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, избрать *изъ своей среды* отдѣленіе при окружномъ судѣ *въ такомъ составѣ, и съ тѣми* изъ принадлежащихъ совѣту *правами, которыя будутъ имъ самимъ опредѣлены*, съ доведеніемъ лишь о семъ *до свѣдѣнія* судебной палаты.

Такого права самоучрежденія и самоназначенія не имѣло у насъ до судебной реформы, да не имѣетъ и теперь, *ни одно сословіе*. Всѣ должностныя лица, избираемыя сословіями, получали и получаютъ, какъ извѣстно, свое окончательное утвержденіе отъ правительственной власти, напримѣръ, предводители дворянства, городскіе головы и др.

Затѣмъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, по ст. 367, предоставлено:

1) разсмотрѣніе прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, или выйти изъ этого званія, и сообщеніе судебной палатѣ о приписке ихъ, или *отказѣ имъ въ этомъ*;

2) разсмотрѣніе жалобъ на дѣйствія присяжныхъ повѣренныхъ, и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ ими законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообразно съ пользой ихъ довѣрителей;

3) опредѣленіе взысканій съ повѣренныхъ, какъ по собственному усмотрѣнію совѣта, такъ и по жалобамъ поступающимъ въ совѣтъ.

А по ст. 368, этому же совѣту предоставлено подвергать присяжныхъ повѣренныхъ, за нарушеніе принятыхъ ими на себя

---

*) Даже число членовъ этого совѣта не установлено закономъ, такъ какъ по ст. 361 Учрежд. Судебн. Уст. опредѣленъ только minimum и maximum ихъ, а окончательное число членовъ совѣта предоставлено усмотрѣнію общаго собранія самихъ присяжныхъ повѣренныхъ.

обязанностей: предостереженіямъ, выговорамъ, запрещенію исправлять обязанности повѣреннаго въ продолженіе опредѣленнаго совѣтомъ срока (впрочемъ, не далѣе одного года), наконецъ, совершенному исключенію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, и преданію уголовному суду въ случаяхъ особенно важныхъ.

Эти дисциплинарныя мѣры заимствованы цѣликомъ изъ французскаго законодательства, хотя нельзя не замѣтить, что запрещеніе практики на извѣстный срокъ и исключеніе изъ сословія составляютъ мѣры вовсе не имѣющія дисциплинарнаго свойства. Дисциплинарныя взысканія должны быть, по существу своему, болѣе нравственными и, такъ сказать, исправительными, тогда какъ эти двѣ мѣры, и въ особенности послѣдняя изъ нихъ, имѣютъ по преимуществу уже тотъ карательный характеръ, который свойственъ вполнѣ только взысканіямъ судебнымъ. Поэтому предоставленіе подобныхъ мѣръ совѣту упраздняетъ очевидно, въ пользу совѣта, авторитетъ судебной власти.

Правда, на пріостановку практики и на исключеніе изъ сословія предоставлено подвергнувшимся этой мѣрѣ лицамъ приносить, по ст. 376, жалобы судебной палатѣ, а прокурору предъявлять протесты; но такъ какъ эти взысканія могутъ быть мотивированы совѣтомъ даже не юридическими, а нравственными доводами, то аппелляція и протесты противъ нихъ крайне затруднительны и, посему, весьма мало ограничиваютъ всевластіе совѣта.

Но это всевластіе совѣта особенно важно при разсмотрѣніи просьбъ о вступленіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ. По ст. 367 совѣту предоставлено право отказа на эти прошенія. И такой отказъ можетъ послѣдовать не только тогда, когда кандидаты не соотвѣтствуютъ формальнымъ, то-есть установленнымъ закономъ условіямъ для званія присяжнаго повѣреннаго, но даже и тогда, когда просители, удовлетворяя этимъ формальнымъ условіямъ, не соотвѣтствуютъ *условіямъ нравственнымъ*. Мало того: при отказѣ совѣтъ не обязанъ даже объяснять причинъ онаго, вслѣдствіе чего самая жалоба на подобное дѣйствіе совѣта представляется невозможною. Вотъ тѣ мотивы, которые побудили составителей Судебныхъ Уставовъ принять такой порядокъ вещей:

„Нѣтъ основанія обязывать совѣтъ, въ случаѣ отказа кому-либо въ принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ, объяснять причины сего отказа. При разсмотрѣніи чьей-либо просьбы о

принятіи въ присяжные повѣренные, совѣтъ долженъ не только разсматривать представленныя этимъ лицомъ письменныя доказательства правъ его на принятіе въ сіе сословіе, какъ это постановлено въ ст. 380, но сверхъ того собирать и необходимыя *о нравственныхъ его качествахъ* свѣдѣнія. Если затѣмъ совѣтъ отказываетъ въ принятіи по неудовлетворительности этихъ послѣднихъ свѣдѣній, то *въ выгодахъ лица*, коему отказывается, *гораздо лучше вовсе не оглашать причинъ отказа*". *)

Но если совѣтъ былъ введенъ въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями, или даже увлекся какими-либо пристрастными взглядами, если наконецъ проситель находитъ для себя болѣе выгоднымъ огласить признаваемыя имъ несправедливыми причины отказа? Да и чѣмъ же совѣтъ, избавленный ото всякаго контроля, застрахованъ отъ ошибокъ и неправильностей? На всѣ эти вопросы мы не встрѣчаемъ въ комментаріяхъ къ Судебнымъ Уставамъ ни малѣйшаго отвѣта. Это безконтрольное, дискреціонное право отказа, безъ права жалобы, даетъ сословію присяжныхъ повѣренныхъ несвойственный судебной защитѣ характеръ монополіи: подъ предлогомъ такого права, совѣтъ можетъ быть невозбранно не только лицепріятнымъ, но и ограничивать численно свой выборъ, чтобы, не увеличивая конкурренціи между повѣренными, сосредоточить получаемый ими гонораръ въ немногихъ рукахъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что при составленіи главныхъ началъ судоустройства, имѣлось въ виду „учредить для высшаго надзора за присяжными повѣренными *особое губернское присутствіе* подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, изъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, губернскаго предводителя дворянства, совѣстнаго судьи, прокурора гражданской палаты и городскаго головы". Этому присутствію имѣлось въ виду предоставить право предавать присяжныхъ повѣренныхъ уголовному суду *по заключенію совѣта повѣренныхъ*, а главная обязанность означеннаго губернскаго присутствія состояла бы въ окончательномъ утвержденіи, *по представленію суда*, присяжныхъ повѣренныхъ. Причемъ губернскому присутствію предполагалось вмѣнить въ обязанность обращать *особое вниманіе* какъ на условія, требуемыя положеніемъ для вступленія въ присяжные повѣренные, такъ и *на нравственныя качества* желающаго поступить въ присяжные повѣренные".

---

*) Ibidem, стр 228.

Но противъ этого предположенія сдѣланы были слѣдующія возраженія:

Такъ какъ совѣтъ присяжныхъ уже разсматриваетъ прошенія лицъ, желающихъ поступить въ присяжные повѣренные, то „новая повѣрка того же самаго въ губернскомъ присутствіи будетъ *излишнею*: этимъ только можно дать совѣту поводъ отклонить отъ себя отвѣтственность за правильность или неправильность допущенія извѣстнаго лица въ присяжные повѣренные; если же совѣту оказывается *довѣріе* и предоставляется *власть*, то нельзя *ограничивать* эту власть одною обязанностію переписываться съ высшими властями, а самому не имѣть никакихъ правъ (?). Безъ сомнѣнія, если совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ откажетъ желающему поступить, потому что онъ не подходитъ подъ условія, требуемыя закономъ, то считающій этотъ отказъ несправедливымъ долженъ имѣть право жаловаться суду на такое постановленіе, но если совѣтъ повѣренныхъ отказываетъ по какимъ-либо другимъ (?) основаніямъ, *то жалобы на это допустить нельзя*, потому что совѣту присяжныхъ должны быть ближе и вѣрнѣе (?) извѣстны нравственныя качества человѣка, котораго онъ не хочетъ принять, и высшее мѣсто не можетъ, и не должно предписывать принять въ сословіе присяжныхъ человѣка, *нравственная отвѣтственность* за котораго будетъ падать на все сословіе“. Сверхъ того, принято было во вниманіе, что члены губернскаго присутствія, обремененные прямыми обязанностями по своимъ должностямъ, не имѣютъ будто бы никакихъ данныхъ, по которымъ они могли бы знать представляемаго въ присяжные повѣренные кандидата лучше, чѣмъ совѣтъ самихъ повѣренныхъ. *)

Противники губернскаго присутствія не сочли однако нужнымъ объяснить, почему, по ихъ мнѣнію, губернаторъ, губернскій предводитель и городской голова, равно предсѣдатели судебныхъ палатъ, и наконецъ мѣстный прокуроръ не могутъ имѣть данныхъ, чтобы судить о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ на званіе присяжныхъ повѣренныхъ? Если совѣтъ можетъ имѣть извѣстныя основанія, чтобы судить о нравственныхъ качествахъ лицъ, уже вступившихъ въ это званіе и заявившихъ себя извѣстною дѣятельностью, то о нравственныхъ качествахъ лицъ, еще не вступившихъ въ это званіе, сужденія совѣта не могутъ быть безусловно полны и вѣрны, а потому и

*) Ibidem, т. III, стр. 224—225.

должны подлежать контролю высшей инстанціи, члены которой, принадлежащіе къ разнымъ сословіямъ и вѣдомствамъ, и не связанные съ интересами корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, могутъ обсуждать нравственныя качества кандидатовъ гораздо всесторонніе, чѣмъ совѣтъ повѣренныхъ. Такой контроль дѣятельности совѣта по жалобамъ недовольныхъ такъ же мало колеблетъ авторитетъ совѣта, какъ и аппелляціонныя и кассаціонныя жалобы и прокурорскіе протесты—авторитетъ судовъ. Избавлять же совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ отъ подобнаго контроля равносильно предоставленію ему, безъ преувеличенія, такой безотвѣтственности, какою не обладаетъ ни одно судебное, да и вообще никакое учрежденіе не только въ Россіи, но и вообще ни въ одномъ образованномъ государствѣ, кромѣ развѣ ученыхъ обществъ, да общественныхъ клубовъ. Нравственная отвѣтственность сословія, отдѣльные члены котораго по своей спеціальности могутъ дѣйствовать только индивидуально, не болѣе какъ простой звукъ: каждый адвокатъ отвѣчаетъ самъ за себя и предъ судомъ, и предъ своими кліентами, и предъ общественнымъ мнѣніемъ; только его собственная репутація внушаетъ къ нему довѣріе или недовѣріе; только ею руководятся въ своемъ выборѣ кліенты. Наконецъ, участіе высшей инстанціи въ обсужденіи вопроса о преданіи присяжныхъ повѣренныхъ, по представленію совѣта, уголовному суду, представлялось безусловно полезнымъ, какъ противодѣйствіе тому корпоративному деспотизму, который находитъ себѣ мѣсто въ каждой замкнутой коллегіи.

Очевидно, что мысль о безполезности высшей инстанціи надъ совѣтомъ коренилась не въ приведенныхъ выше доводахъ защитниковъ этой мысли, но гораздо глубже: она была выраженіемъ предвзятаго желанія дать нашей адвокатурѣ то же широкое самоуправленіе, которое примѣнено было къ мировому институту, тотъ же самый независимый характеръ отъ государственной власти, но еще въ болѣе обособленной формѣ.

Такимъ образомъ всякій высшій надзоръ за совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ отстраненъ, и совѣтъ получилъ характеръ совершенно монопольнаго цеха, подобно никогда у насъ не существовавшимъ, да и на Западѣ давно отжившимъ корпораціямъ Среднихъ Вѣковъ.

Монопольный характеръ, присвоенный нашимъ присяжнымъ повѣреннымъ, обнаруживается еще осязательнѣе, если принять во вниманіе ст. 387, которая гласитъ:

„Въ тѣхъ городахъ, гдѣ имѣетъ жительство *достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ*, тяжущіеся могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ въ судахъ того города *только* лицамъ, принадлежащимъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ". *)

Противъ присвоенія присяжнымъ повѣреннымъ подобной привиллегіи возникли сильныя возраженія даже среди самихъ составителей Судебныхъ Уставовъ. Было заявлено, что ограничивать такимъ образомъ тяжущихся „значитъ *стѣснять свободу дѣйствій всего народонаселенія, въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни, въ пользу небольшаго класса людей*, получающихъ привиллегію еще прежде, нежели этотъ классъ образовался и получилъ надлежащее развитіе. Образованіе сословія хорошихъ присяжныхъ повѣренныхъ, конечно, весьма желательно, но для этого нѣтъ необходимости создавать *несуществующую въ нашемъ отечествѣ монополію*, которая во многихъ случаяхъ значительно *увеличитъ издержки*, неизбѣжныя при тяжебномъ судопроизводствѣ, и вмѣсто пользы можетъ только произвести вредъ, ибо, *не имѣя соперниковъ, присяжные повѣренные будутъ имѣть возможность налагать на тяжущихся условія по своему произволу*, и не будутъ имѣть постояннаго побужденія къ пріобрѣтенію общаго довѣрія ревностнымъ и некорыстолюбивымъ исполненіемъ принимаемыхъ на себя обязанностей". **)

Но эти вѣскіе доводы нисколько не убѣдили сторонниковъ монополіи присяжныхъ. Они упорно доказывали: вопервыхъ, что „въ такомъ ограниченіи нѣтъ и не можетъ быть никакой монополіи въ пользу повѣренныхъ, ибо право быть повѣреннымъ опредѣляется закономъ и, при удовлетвореніи предписаннымъ въ немъ условіямъ, никому не запрещается приписываться къ сословію повѣренныхъ"; вовторыхъ, что „ни одинъ повѣренный не позволитъ себѣ отправлять свои обязанности небрежно, не только изъ опасенія взысканій, которымъ онъ можетъ подвергнуться отъ совѣта повѣренныхъ, но еще болѣе потому, что подобнаго повѣреннаго никто не станетъ избирать для своихъ дѣлъ", и втретьихъ, что, безъ помянутаго ограниченія права тя-

*) Число присяжныхъ повѣренныхъ, признаваемое достаточнымъ, опредѣляется, по ст. 388, въ особой табели, которую министръ Юстиціи, по представленіямъ судебныхъ палатъ, вноситъ чрезъ Государственный Совѣтъ на Высочайшее утвержденіе.

**) Ibid., стр. 238.

жущихся и подсудимыхъ избирать повѣренныхъ или защитниковъ, „не можетъ образоваться и самое это сословіе“. *)

Но утверждая, что право быть повѣреннымъ опредѣляется закономъ, или что *никому не запрещается приписываться къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ*, сторонники монополіи постулали довольно странно: по ст. 367 присяжными повѣренными могутъ быть только лица, которыя утверждены въ этомъ званіи совѣтомъ, а мы видѣли, что совѣтъ, даже при удовлетвореніи кандидатовъ на это званіе предписаннымъ въ законѣ условіямъ, можетъ отказывать въ утвержденіи по неуловимымъ нравственнымъ мотивамъ, и даже безъ права жалобы на это рѣшеніе.

Еще болѣе странно убѣжденіе защитниковъ монополіи, что *ни одинъ присяжный не позволитъ себѣ отправлять свои обязанности небрежно.* Присяжные не святые, и давать имъ корпоративную организацію, разчитывая только на ихъ гражданскую доблесть—пріемъ болѣе, чѣмъ наивный.

Только заключительный доводъ защитниковъ монополіи безусловно вѣренъ. Да, безъ этой монополіи не могло бы образоваться и самое *сословіе* повѣренныхъ, но за то могли бы быть повѣренные, подчиненные не собственному самосуду, а дисциплинарной власти суда, подобно чинамъ судебнаго вѣдомства, и отъ этого, конечно, интересы защиты нисколько бы не пострадали, такъ какъ сословная организація повѣренныхъ, выгодная для нихъ самихъ, не представляетъ никакихъ особыхъ выгодъ для ихъ кліентовъ.

Тѣмъ не менѣе эти неосновательные доводы восторжествовали, и нашимъ присяжнымъ повѣреннымъ дана, сверхъ корпоративнаго устройства и почти безграничнаго самоуправленія, еще и монополія, которая не только нарушаетъ принципъ свободной защиты, но и стѣсняетъ всѣхъ, непринадлежащихъ къ этому сословію, лицъ.

Очевидно, что при этихъ условіяхъ сословіе нашихъ адвокатовъ напоминаетъ вполнѣ тѣ средневѣковые порядки, когда никто не могъ бриться иначе, какъ у члена корпораціи брадобрѣевъ, попасть въ которую можно было съ согласія только самихъ же брадобрѣевъ.

Такихъ цеховыхъ привиллегій не присвоено адвокатурѣ даже во Франціи.

---

*) Ibid., стр. 239.

И въ пользу кого стѣснено такимъ образомъ право тяжущихся и подсудимыхъ на свободную защиту? Въ пользу компаніи частныхъ лицъ, которыхъ теоретическое образованіе выразилось когда-то въ сдачѣ выпускнаго, школьнаго лишь экзамена по юридическимъ наукамъ, а практическое — въ пятилѣтнихъ занятіяхъ при судебныхъ канцеляріяхъ, или при присяжныхъ повѣренныхъ; въ пользу компаніи съ безпримѣрною монополіей, но отвѣтственной только предъ собою.

Эти необычайныя права самоуправленія, въ особенности эта монополія, нисколько не вослопняютъ неподготовки присяжныхъ повѣренныхъ къ ихъ профессіи, и не заключаютъ въ себѣ никакихъ специфическихъ условій для непремѣннаго между ними развитія „чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности предъ правительствомъ и обществомъ“. Они направлены только къ охраненію привиллегій; но привиллегія составляетъ самую худшую школу для лицъ, коихъ назначеніе — защита тяжущихся и подсудимыхъ.

Общественное довѣріе, уваженіе къ закону и глубокое знаніе науки права, вотъ тѣ условія, которыя укореняютъ въ повѣренныхъ чувство чести и правды; но составители Судебныхъ Уставовъ, создавая у насъ адвокатуру, замѣнили для нея общественное довѣріе цеховыми привиллегіями, совершенно умолчали объ обязательности для нея закона, а знанію науки права отвели самое ничтожное мѣсто.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что наши присяжные повѣренные должны были усмотрѣть въ защитѣ тяжущихся и подсудимыхъ не служеніе обществу и государству, но служеніе своимъ личнымъ только интересамъ, нисколько не заботясь ни объ авторитетѣ закона, ни о требованіяхъ науки, ни даже о справедливости.

При существующемъ у насъ государственномъ строѣ присяжные повѣренные не могли, конечно, занять того политическаго положенія, которое усвоили себѣ ихъ французскіе собратья; но за то, не связанные ни закономъ, ни наукой, и неподчиненные судебному надзору, они явились у насъ на судѣ орудіемъ тѣхъ ходячихъ обобщеній и односторонпихъ взглядовъ, которые, выводя защиту изъ сферы спеціально юридической, заняли съ начала шестидесятыхъ годовъ такое крупное мѣсто среди нашей интеллигенціи, въ ущербъ конечно требованіямъ правосудія,

IV.

Такимъ образомъ слѣдователи, обвинители и защитники поставлены Судебными Уставами 1864 года въ то же самое положеніе, какъ коронные и мировые судьи и присяжные засѣдатели: исходною точкой ихъ дѣятельности представляется не обязательный авторитетъ закона, но ихъ личное убѣжденіе, а затѣмъ ихъ личная независимость, почти упраздняющая установленный за ними контроль.

При такомъ порядкѣ вещей предварительное слѣдствіе, публичное обвиненіе и защита, вмѣсто того чтобы послѣдовательно и гармонически дополнять другъ друга для достиженія общей цѣли правосудія, теряютъ всякую органическую связь между собою.

Неопытный большею частію слѣдователь, будучи подстрекаемъ, въ силу своей несмѣняемости, къ антагонизму съ надзирающимъ за нимъ прокуроромъ, можетъ всегда дать слѣдствію такую неправильную обстановку, что оно, какъ бы затѣмъ ни исправлялось по указаніямъ обвинительной камеры (то-есть судебной палаты), все же будетъ представлять весьма крупныя затрудненія для составленія обвинительнаго акта прокуроромъ.

Въ свою очередь и прокуроръ, затрудняемый неудовлетворительностію предварительнаго слѣдствія, принужденъ прибѣгать въ обвинительномъ актѣ къ натяжкамъ, которыя, даже при самой наглядной очевидности преступленія, даютъ обвиненію извѣстную односторонность, чѣмъ всегда можетъ искусно воспользоваться защита, чтобы произвести на присяжныхъ нравственное давленіе въ пользу обвиняемаго, но въ ущербъ правосудію. Съ другой стороны, если прокуроръ по своему личному убѣжденію, хотя и вопреки положительному требованію закона, склоненъ видѣть въ обнаруженномъ слѣдователемъ преступленіи нѣчто не преступное, то онъ, даже несмотря на категорическое предписаніе генералъ-прокурора, можетъ отказаться отъ обвиненія, или, обвиняя неохотно, дать на судѣ самое уклончивое заключеніе.

Наконецъ, защита, ничѣмъ по закону неограниченная, поставлена естественно въ такое положеніе, что, не довольствуясь разсмотрѣніемъ въ интересѣ подсудимаго обнаруженныхъ слѣдователемъ, приведенныхъ въ обвиненіи и установленныхъ судебнымъ слѣдствіемъ фактовъ, всегда будетъ стараться расширить сферу

своего обсужденія, имѣя въ виду не законъ, не теорію права, не идею справедливости, но исключительно свою цеховую задачу, то-есть защиту подсудимаго во что̀ бы то ни стало, и какими бы то ни было софизмами.

Мы уже видѣли, разсматривая институтъ присяжныхъ, какую массу хаотическихъ впечатлѣній должны вообще выносить присяжные засѣдатели изъ судебнаго слѣдствія и изъ прeнія сторонъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что впечатлѣнія присяжныхъ были бы гораздо сосредоточеннѣе, еслибы предварительное слѣдствіе было производимо правильнѣе, а обвиненіе и защита ограничены фактами и закономъ, какъ напр. въ Англіи. Но, при отсутствіи этихъ нормальныхъ границъ, и слѣдствіе, и обвиненіе, и защита расплываются до нельзя, самое резюме предсѣдателя дѣлается крайне затруднительнымъ, и присяжные сосредоточиваютъ свою впечатлительность не на существѣ дѣла, а на тѣхъ его эпизодахъ, которые искусно выставлены обвинителемъ, всего же болѣе защитникомъ.

Понятно, что при той пассивности, на которую осуждены Судебными Уставами наши судьи въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ, участь подсудимыхъ зависитъ не отъ судей, и даже не отъ существа дѣла, но всего болѣе отъ личныхъ взглядовъ слѣдователя, прокурора или защитника, то-есть отъ условій, которыя, не коренясь въ органической силѣ учрежденій, имѣютъ характеръ совершенно случайный.

—

Приступая къ разсмотрѣнію судебной реформы 1864 года, мы старались сначала установить тѣ нормальныя условія, которымъ она должна была удовлетворять съ точки зрѣнія нашего историческаго развитія, и въ виду интересовъ современной жизни. Затѣмъ мы прослѣдили законодательныя мѣры, принятыя у насъ въ разное время съ цѣлію постепеннаго подготовленія къ судебной реформѣ, и остановились съ особою подробностію на проектахъ II Отдѣленія, внесенныхъ въ 1857—1861 годъ графомъ Блудовымъ въ Государственный Совѣтъ, такъ какъ въ нихъ заключалась уже программа полнаго судебнаго преобразованія. Сохраняя то, что̀ могло быть съ пользой сохранено, и заимствуя отъ Запада то, что̀ соотвѣтствовало условіямъ нашей жизни, эти проекты вполнѣ удовлетворяли *практическимъ* цѣлямъ реформы. Но составители Основныхъ Положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года, задавшись исключительно *цѣлями идеологическими*, отвергли проекты графа Блудова и ввели въ нашу су-

дебную реформу совершенно новыя, крайне своеобразныя и въ высшей степени спорныя воззрѣнія на авторитетъ закона, на систему судебныхъ доказательствъ, и въ особенности на выборъ и на назначеніе судей.

Главнымъ условіемъ судейской самостоятельности признана была независимость судей собственно отъ государственной власти, и зависимость отъ общественной, которая, въ глазахъ теоретиковъ судебной реформы, представлялась гораздо болѣе способнымъ орудіемъ для контроля надъ новымъ судомъ, чѣмъ государственная власть.

Это направленіе высказалось не только въ организаціи мироваго суда, но и института присяжныхъ, которые, будучи избираемы земствомъ безо всякаго участія правительственныхъ и судебныхъ органовъ, и не будучи стѣсняемы закономъ, являются, въ самыхъ главныхъ моментахъ судебной процедуры, исключительно выраженіемъ такъ-называемой общественной совѣсти.

Изъ этого видно, что, вопреки основной, повсемѣстно принятой теоріи, въ силу которой судебная власть есть непосредственный аттрибутъ верховной власти, составители Судебныхъ Уставовъ признали судъ аттрибутомъ власти общественной, передавъ ея представителямъ, присяжнымъ засѣдателямъ, даже право смягченія наказаній и помилованія подсудимыхъ.

Желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, упрочить независимость судебной защиты, составители Судебныхъ Уставовъ передали эту защиту самостоятельной коллегіи повѣренныхъ, которая, не завися ни отъ государственной, ни отъ судебной власти, составляетъ замкнутую, привиллегированную корпорацію, и сама же себя контролируетъ.

Единственную, и самую успокоительную гарантію въ томъ, что и судьи, и присяжные засѣдатели, и присяжные повѣренные будутъ добросовѣстно исполнять свои обязанности, составители Судебныхъ Уставовъ усматривали въ томъ, что всѣ они будутъ постоянно избираемы изъ „лучшихъ людей“, состоятъ подъ корпоративнымъ надзоромъ и, кромѣ того, подъ активнымъ контролемъ общественнаго мнѣнія.

Согласно съ этими началами, упразднено было воздѣйствіе верховной власти на судъ, ослаблена, въ пользу личнаго убѣжденія судей, сила издаваемыхъ верховною властію законовъ, и отмѣнены безусловно правила о доказательствахъ, а слѣдователи облечены были судейскою несмѣняемостью, и наконецъ, поколеблена самая дисциплина прокурорскаго надзора. Естественнымъ послѣдстві-

емъ этой комбинаціи было то, что авторитетъ закона остался безъ достаточнаго огражденія отъ произвола самихъ органовъ судебной власти, а отправленіе правосудія поставлено было въ зависимость отъ случайныхъ внѣшнихъ вліяній.

Вотъ къ чему пришли составители Судебныхъ Уставовъ —подъ предлогомъ дальнѣйшей разработки и соглашенія судебныхъ проэктовъ II Отдѣленія, внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ графомъ Блудовымъ.

Не коренясь, вообще, въ исторической почвѣ, не соотвѣтствуя, какъ мы видѣли, практическимъ условіямъ нашей современной дѣйствительности, эта комбинація представляла собою не усовершенствованіе нашихъ прежнихъ формъ и органовъ, но нѣчто совершенно новое, вносившее въ нашъ судъ совершенно чуждыя ему начала, и извращавшее въ концѣ законы нашего историческаго развитія. Даже заимствованныя изъ-за границы учрежденія были въ этомъ искусственномъ построеніи до такой степени искажены по требованіямъ отвлеченной идеологіи, что утратили вполнѣ свой первоначальный характеръ, обусловливавшій ихъ raison d'être.

Конецъ первой части.

СУДЪ И ПОЛИЦІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Глава первая.	Судебныя доктрины 1861—1864 на практикѣ.....	1
Глава вторая.	Реформа реформы 1864 г.....	136
Глава третья.	Полиція и ея отношеніе къ суду.....	177
Глава четвертая.	Заключеніе.....	226

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Судебныя доктрины 1861—1864 на практикѣ.

I. Общее впечатлѣніе, произведенное судебной реформой.—II. Независимость суда отъ верховной власти.—III. Неудовлетворительность магистратуры.—IV. Неустройства прокуратуры.—V. Хаотическое состояніе института слѣдователей.—VI. Безобразія корпоративной адвокатуры.—VII. Несостоятельность института присяжныхъ.—VII. Несостоятельность мироваго института.—IX. Упадокъ авторитета закона; кассаціонная казуистика и юридическая мистика.—X. Status in statu.

Судебная реформа 1864 года внесла къ намъ новыя начала, которыя распадаются на *двѣ* категоріи.

Къ *первой* категоріи мы относимъ: гласность, устность и состязательность судопроизводства; ограниченіе силы формальныхъ доказательствъ; сокращеніе судебныхъ инстанцій; особый мѣстный судъ для сокращеннаго разбирательства мелкихъ дѣлъ, и разграниченіе суда вообще отъ администраціи. Эти начала были введены въ судебную реформу еще по иниціативѣ графа Блудова, и вполнѣ формулованы въ судебныхъ проектажъ, представленныхъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи въ 1857—1861 въ Государственный Совѣтъ.

Ко *второй* категоріи относятся: выдѣленіе судебнаго вѣдомства изъ вѣдѣнія государственной власти; ослабленіе зависимости прокуратуры отъ генералъ-прокурора; особая организація института слѣдователей; самоуправленіе адвокатской корпораціи; институтъ присяжныхъ; связь мироваго суда съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, и предоставленіе судьямъ права толковать законы по общему ихъ смыслу.

Въ предстоящемъ очеркѣ мы не будемъ касаться началъ первой категоріи. Наша задача—прослѣдить только примѣненіе началъ второй категоріи, которыми мы обязаны составителямъ *Основныхъ Положеній 1862* и *Судебныхъ Уставовъ 1864*.

I.

Въ числѣ капитальныхъ преобразованій, ознаменовавшихъ въ Россіи начало шестидесятыхъ годовъ, судебная реформа заняла столь же крупное мѣсто, какъ реформы крестьянская и земская. Соприкасаясь со всѣми сторонами гражданской жизни, устраняя издавна укоренившіеся недостатки и злоупотребленія, она, по общему мнѣнію, какъ бы возраждала наше отечество къ новому быту. Она ожидалась тѣмъ нетерпѣливѣе, что со введеніемъ ея никто, повидимому, ничего не терялъ, а всѣ выигрывали. Кромѣ того, самыя формы, въ которыхъ должна была проявиться судебная реформа, по своей чисто европейской внѣшности, какъ бы сближали насъ съ западною цивилизаціей, давая широкій просторъ общественной самодѣятельности въ сферѣ, составлявшей прежде заколдованный кругъ канцелярской тайны. Эта канцелярская тайна замѣнялась публичнымъ состязаніемъ сторонъ, а рѣшеніе наибольшей части судебныхъ дѣлъ предоставлялось гражданамъ, свободно-выбраннымъ представителями мѣстнаго самоуправленія. Съ другой стороны, судьямъ, дотолѣ связаннымъ исключительно формальными требованіями закона, предоставлялось, по новымъ правиламъ, руководиться и личными своими убѣжденіями. Все устарѣлое, все что̀ затрудняло или тормозило движеніе правосудія въ старыхъ судахъ, было тщательно устранено.

Кому могло прійти на умъ, что дѣла при новыхъ порядкахъ могутъ идти неправильно? Всѣ, напротивъ, были убѣждены, что, со введеніемъ судебной реформы, должна наступить у насъ эпоха суда *праваго, скораго* и *милостиваго*; всѣ утверждали въ одинъ голосъ, что, по завѣту Екатерины II, *лучше освободить десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго.* Но этого мало: въ новомъ судѣ прозрѣвали не только гарантію правильности рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, но и могущественное орудіе противъ произвола полиціи, противъ посягательствъ администраціи на личную свободу гражданъ, своего рода политическій habeas corpus—исходную точку, въ недалекомъ будущемъ, цѣлаго арсенала конституціонныхъ порядковъ.

Затѣмъ открылись новые суды, и публика съ небывалымъ воодушевленіемъ стала слѣдить за ихъ дѣятельностію. Залы судебныхъ засѣданій не могли вмѣстить въ себѣ всѣхъ любопытныхъ;

газеты стали наполняться отчетами о судебныхъ засѣданіяхъ и руководящими статьями о вынесенныхъ изъ суда впечатлѣніяхъ. И публика, и печать слились во единогласный хвалебный гимнъ новымъ судамъ, и въ особенности присяжнымъ засѣдателямъ, мировымъ судьямъ и присяжнымъ повѣреннымъ. Наконецъ, судъ провозглашенъ былъ самою полезною общественною школой, и посѣщеніе судебныхъ засѣданій стало почти также обязательно для взрослыхъ, какъ посѣщеніе классовъ для дѣтей.

Нѣкоторыя крупныя дѣла не замедлили доказать во очію превосходство устности, гласности, состязательности и быстроты новыхъ судебныхъ порядковъ: процессъ тайнаго совѣтника Гаевскаго о растратѣ имъ казенныхъ суммъ, затѣмъ процессъ богатаго подрядчика Овсянникова о поджогѣ имъ застрахованнаго имущества и др.

Но уже въ первые три года со времени введенія новыхъ судовъ, въ самыхъ центрахъ нашего умственнаго развитія, именно въ Петербургѣ и Москвѣ, обратили на себя вниманіе и нѣкоторыя другія дѣла, которыя заставили многихъ задуматься таковы были процессы Протопопова, Бильбасова и Щепочкина въ Петербургскомъ окружномъ судѣ, дѣла Волохова и Колзакова въ Московскомъ. Далѣе дѣло Петрова въ Новгородскомъ окружномъ судѣ, дѣло о насиліяхъ крестьянъ противъ полиціи въ Данковскомъ и Великолуцкомъ уѣздахъ. Наконецъ, въ 1868 году, дѣло объ убійствѣ въ Гусевомъ переулкѣ, а также въ Бассейной улицѣ въ Петербургѣ, и многія другія.

Мы не будемъ повторять здѣсь въ подробности всѣхъ этихъ дѣлъ, достаточно извѣстныхъ по газетнымъ отчетамъ того времени, и ограничимся лишь нѣсколькими общими объ этихъ дѣлахъ замѣчаніями.

Всѣ эти дѣла отличались неполнотой предварительнаго слѣдствія, которая нисколько не была дополнена слѣдствіемъ судебнымъ. Такимъ образомъ, по дѣламъ о насильственной смерти не оказывалось вовсе виновныхъ, хотя факты насильственной смерти были внѣ всякаго сомнѣнія. Затѣмъ помощникъ столоначальника Протопоповъ, давшій пощечину своему вице-директору въ отместку за неназначеніе его столоначальникомъ, былъ признанъ невиновнымъ, какъ дѣйствовавшій въ „умоизступленіи“. Крестьяне, учинившіе насиліе надъ полиціей, были оправданы, потому что ихъ судили въ качествѣ присяжныхъ своя же братія изъ крестьянъ, сосѣди и односельцы. А затѣмъ освобожденіе отъ

взысканія лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи полицейскихъ агентовъ, или присужденіе этихъ лицъ къ ничтожнымъ до смѣшнаго взысканіямъ, вошло уже какъ бы въ обычай.

Не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти случаи стали извѣстны изъ газетъ, слѣдовательно принадлежали къ числу тѣхъ, на которые было обращено вниманіе газетныхъ корреспондентовъ; а сколько подобныхъ же случаевъ остались безызвѣстными?

Эти неправильныя рѣшенія нѣсколько охладили всеобщій, безусловный восторгъ къ новымъ судамъ. Нельзя было, въ самомъ дѣлѣ, не замѣтить, что милость на судѣ, переставъ быть аттрибутомъ государственной власти, стала послѣдствіемъ случайной впечатлительности присяжныхъ; что умоизступленные едва ли могутъ быть отождествляемы съ душевно-больными; что оправданіе виновныхъ, по неудовлетворительности предварительнаго и судебнаго слѣдствія, грозитъ обществу весьма печальными послѣдствіями; что судъ односельцевъ и сосѣдей въ дѣлѣ насилія надъ полиціей не можетъ быть безпристрастнымъ; что постоянное оправданіе виновныхъ въ оскорбленіи полицейскихъ чиновъ ведетъ не къ обузданію полиціи, но къ уничтоженію ея авторитета, даже когда она является охранительницей благочинія и безопасности; что, наконецъ, въ благоустроенномъ государствѣ избѣжаніе судебныхъ ошибокъ достигается лишь правильнымъ рѣшеніемъ дѣлъ, а вовсе не освобожденіемъ виновныхъ отъ заслуженной кары. Кромѣ того, замѣченныя въ означенные три года противорѣчія между рѣшеніями кассаціонныхъ департаментовъ по истолкованію одного и того же закона не могли не показаться совершенно несогласными съ основною задачею кассаціонной инстанціи—наблюдать за точнымъ и единообразнымъ исполненіемъ существующихъ узаконеній.

Эти сомнѣнія скоро однако разсѣялись подъ вліяніемъ того оптимизма, которымъ сопровождалось какъ составленіе, такъ и введеніе въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ: въ значительной части періодической печати, а за ней и въ большинствѣ нашей, такъ-называемой интеллигентой публики, и наконецъ даже въ правительственныхъ сферахъ восторжествовало убѣжденіе, что ломянутые выше случаи хотя и представляютъ нѣкоторое уклоненіе отъ правильнаго пониманія задачъ правосудія, но являются лишь отдѣльными эпизодами вновь возникающей, и не успѣвшей еще окрѣпнуть судебной организаціи. Всѣ въ одинъ голосъ порѣшили, что по этимъ отдѣльнымъ эпизодамъ не только рано, но и невозможно дѣлать общихъ заключеній, а посему и успокоились

на мысли: ожидать съ довѣріемъ, что, по мѣрѣ усвоенія новыми судами указанныхъ имъ реформой началъ, подобные случаи повторяться не будутъ.

Такъ думало большинство. Но уже въ это самое время образовалось въ судебной сферѣ, и во псевдо-либеральныхъ органахъ печати вліятельное меньшинство, которое, отвергая подобное толкованіе, не признавало вовсе указанныхъ ошибокъ, смѣло доказывая, что суды во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовали безусловно правильно, сообразуясь де не съ установленными рутиной предразсудками, а съ требованіями общественной совѣсти. По этой теоріи преступленіемъ должно считаться не то, что признается таковымъ по закону, по существу дѣла и по здравому смыслу, но лишь то, что признано преступнымъ, въ силу бзотчетнаго внутренняго убѣжденія, представителями (?) общественной совѣсти; и наоборотъ все то, что по внутреннему убѣжденію преступленіемъ не признается—не должно вовсе считаться таковымъ, чтобы въ этомъ случаѣ ни говорили законъ, факты и самая логика.

Подобные взгляды были настойчиво распространяемы новыми адвокатами между присяжными засѣдателями и мировыми судьями, и не могли не найти отголоска въ средѣ тѣхъ судей, коихъ знакомство съ юридическою наукой было болѣе номинальнымъ, нежели дѣйствительнымъ, а чрезъ ежедневныя газеты эти же взгляды были распространяемы и въ средѣ самой публики.

Величайшаго торжества эти взгляды достигли въ процессѣ Вѣры Засуличъ: ея оправданіе присяжными въ 1878 году встрѣчено было овaціями со стороны не только публики и большей части газетъ, но и нѣкоторыхъ представителей нашихъ высшихъ оффиціальныхъ сферъ. Въ этомъ дѣлѣ присяжные изъ мелкихъ чиновниковъ оправдали покушеніе на жизнь начальственнаго лица, не имѣвшаго никакихъ отношеній къ подсудимой, но преступнаго въ ея глазахъ лишь за строгое обращеніе съ политическимъ арестантомъ. Впрочемъ, присяжнымъ помогъ въ этомъ случаѣ не только рьяный адвокатъ подсудимой, но и самый судъ, который направилъ судебное слѣдствіе не противъ преступницы, а противъ самого петербургскаго градоначальника, на жизнь коего покусилась Вѣра Засуличъ. Правда, сопровождавшія это дѣло демонстративныя послѣдствія привели въ нѣкоторое смущеніе даже безусловныхъ защитниковъ Судебныхъ Уставовъ; но и на сей разъ эти господа

были выведены изъ затруднительнаго положенія трескомъ хвалебныхъ газетныхъ статей, и авторитетъ новаго суда хотя и пошатнулся,но ненадолго.

Болѣе глубокое вліяніе на оцѣнку новаго суда, если не публикою, то оффиціальными сферами, имѣли другіе политическіе процессы, которые, начиная съ дѣла Нечаева и вплоть до самаго разбора дѣла по поводу покушенія 1 марта 1881 года, были, въ періодъ времени съ 1868 по 1881 годъ, какъ бы пробнымъ оселкомъ для Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

Несостоятельность новыхъ судовъ по дѣламъ этого рода вызвала необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ Судебныхъ Уставахъ. Самая существенная перемѣна заключалась въ томъ, что дѣла о преступленіяхъ государственныхъ переданы были изъ судебныхъ палатъ въ особое присутствіе кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Но и Сенатъ, подобно палатамъ, не оказался въ этомъ случаѣ на высотѣ своего призванія. Самыя предварительныя слѣдствія по государственнымъ [преступленіямъ, несмотря на то, что къ непосредственному участію въ этихъ слѣдствіяхъ привлечены были чины прокуратуры, производились такъ поверхностно и неправильно, что, при судебномъ разбирательствѣ, бо́льшая часть обвиненныхъ, содержавшихся однако весьма долго подъ стражей, были признаваемы невиновными. Съ другой стороны, особое присутствіе Сената, стараясь быть безпристрастнымъ, доводило это безпристрастіе до того, что, вмѣсто фактическихъ судебныхъ показаній, благодушно выслушивало лекціи агитаторовъ объ ихъ доктринахъ и планахъ. Съ неменьшимъ благодушіемъ были выслушиваемы и рѣчи защитниковъ, которые, не ограничиваясь существомъ дѣла, вторили обвиняемымъ и, въ болѣе конечно цензурной формѣ, лишь подчеркивали эти доктрины, выгораживая затѣмъ своихъ кліентовъ, какъ людей чуждыхъ всякаго дурнаго умысла, но усвоившихъ только, подъ вліяніемъ извѣстной среды, своеобразный взглядъ на государственныя и общественныя отношенія.

Такимъ образомъ судебное разбирательство оказалось какъ бы наиболѣе сподручнымъ средствомъ для публичной пропаганды и оправданія самыхъ соціалистическихъ и анархическихъ теорій и попытокъ. И замѣчательно, что всѣ эти лекціи, доктрины и планы, и самая защита ихъ краснорѣчивыми адвокатами, разносились затѣмъ *Правительственнымъ Вѣстникомъ* во всѣ закоулки нашего обширнаго отечества, то-есть на казенный счетъ и посредствомъ обязательной подписки.

Само собою разумѣется, что этотъ порядокъ не могъ продолжаться. Правительство передало наконецъ въ 1882 году политическіе процессы военному суду, съ сохраненіемъ публичной защиты, но съ ограниченіемъ публичности преній. Вслѣдствіе этого, общественное вниманіе, искусственно привлеченное къ дѣламъ этого рода, обратилось опять къ общеуголовнымъ дѣламъ. Какъ нарочно, къ этому именно времени, подъ вліяніемъ новаго поколѣнія судебныхъ дѣятелей, возросшихъ уже на почвѣ Судебныхъ Уставовъ, наше уголовное правосудіе вполнѣ усвоило тѣ пріемы и взгляды, которые въ концѣ шестидесятыхъ годовъ считались еще спорными. Дѣло Зографа въ Харьковской судебной палатѣ, и дѣло Скарятина въ Сенатѣ, процессы Островлевой и Мироновича въ Петербургскомъ окружномъ судѣ и Мельницкаго въ Московскомъ оказались теперь не исключительными, но лишь наиболѣе выдающимися явленіями нашего преобразованнаго правосудія: дѣла, столь же неправильно производимыя и рѣшаемыя, стали теперь, по газетнымъ извѣстіямъ, явленіемъ самымъ обыкновеннымъ, чуть не повсемѣстно. Въ то же время: неправильность и притязательность предварительныхъ слѣдствій; безобразный самосудъ мировыхъ судей; беззастѣнчивость адвокатуры; убожество, а иногда и подкупность присяжныхъ; неумѣстная, выходящая изъ предѣловъ закона развязность прокуратуры и коронныхъ судей; несостоятельность кассаціоннаго надзора и продолжительное бездѣйствіе генералъ-прокурорской власти, все это всплыло теперь наружу и вызвало порицанія не только въ серіозной части нашей печати, но и въ тѣхъ ея органахъ, которые доселѣ безусловно отстаивали и букву Судебныхъ Уставовъ, и такъ-называемыхъ „лучшихъ людей“ судебной и адвокатской корпораціи.

При разсмотрѣніи въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ Сената въ 1884 году дѣлъ о Мельницкомъ и Свиридовѣ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ юристовъ, оберъ-прокуроръ Неклюдовъ, заклеймилъ, безо всякихъ обиняковъ, безнравственные пріемы нашей современной адвокатуры, а наиболѣе стяжавшій себѣ славы даже въ либеральной печати, старѣйшій членъ нашей адвокатуры г. Спасовичъ, почти въ то же самое время, публично заявилъ, что нашъ *институтъ присяжныхъ боленъ, серіозно боленъ*....

Раздались, наконецъ, голоса, требовавшіе серіозныхъ преобразованій. Но къ этимъ преобразованіямъ было приступлено отрывками, какъ бы не охотно, почти боязливо.

Такимъ образомъ убѣжденія въ неприкосновенности Судебныхъ Уставовъ 1864 года уже не существуетъ. Въ нихъ замѣчены ошибки, подлежащія исправленію. Но мысль, что Судебные Уставы 1864 года составляютъ, въ своей совокупности, какъ бы неприкосновенную хартію, доселѣ еще держится крѣпко не только въ большинствѣ судебнаго персонала, но и въ руководящихъ оффиціальныхъ сферахъ.

Этотъ странный консерватизмъ судебнаго персонала, отличающагося у насъ необыкновенною любовью къ прогрессу, вполнѣ понятенъ: его чины слишкомъ лично заинтересованы въ сохраненіи своего statu quo. Не вполнѣ понятенъ однако этотъ консерватизмъ въ руководящихъ оффиціальныхъ сферахъ: онѣ не связаны личными интересами судебной корпораціи, а съ другой стороны, онѣ не могутъ не знать, что частными мѣрами нельзя исправить коренныхъ, доказанныхъ опытомъ, недостатковъ судебной реформы; наконецъ, въ этихъ сферахъ яснѣе, чѣмъ въ публикѣ, должно быть понимаемо, что исправленіе коренныхъ недостатковъ Судебныхъ Уставовъ отнюдь не влечетъ за собою отмѣны гласности, устности, состязательности и другихъ основныхъ началъ, которыя внесены въ судебную реформу проектами графа Блудова. Поэтому колебаніе руководящихъ оффиціальныхъ сферъ въ починѣ пересмотра Уставовъ 1864 года можно объяснить лишь вліяніемъ на эти сферы составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года, занявшихъ съ конца семидесятымъ годовъ видное положеніе въ нашихъ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

Мы глубоко, впрочемъ, убѣждены, что близится уже то время, когда пересмотръ Судебныхъ Уставовъ будетъ признанъ въ правительственныхъ сферахъ не только необходимымъ, но и неотложнымъ. Коренные недостатки этихъ Уставовъ бросаются въ глаза, а двадцатилѣтняя практика не сгладила этихъ недостатковъ, но лишь доказала, что они парализуютъ весь ходъ нашего правосудія.

II.

Начала, внесенныя въ нашу судебную реформу проектами графа Блудова, не могли принести той пользы, какую они обѣщали; осуществленіе ихъ обставлено было, при окончательной редакціи Судебныхъ Уставовъ, такими ошибочными условіями,

которыя дѣлали невозможнымъ правильное примѣненіе этихъ началъ на практикѣ.

Корень этихъ ошибочныхъ условій лежитъ очень глубоко. Конечно, и наивный оптимизмъ составителей Основныхъ Положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года, и слѣпое лодъ часъ подражаніе западнымъ образцамъ не могли принести много пользы судебной реформѣ. Еще болѣе сбивало съ прямаго пути авторовъ реформы ихъ доктринерство, противорѣчившее выводамъ юридической науки, и лишавшее ихъ здраваго пониманія нашей исторіи и нашей дѣйствительной жизни. Но все это могло привести только къ частнымъ ошибкамъ, а не къ общей несостоятельности Уставовъ 1864 года. Основная причина общей несостоятельности Уставовъ 1864 года, которая усугубила и всѣ частные ихъ недостатки, заключается въ томъ, что нашей судебной реформѣ, съ устраненіемъ проектовъ графа Блудова, данъ былъ характеръ *чисто политическій*, вмѣсто *спеціально судебнаго*.

Теоретики 1861—1864 годы имѣли въ виду не улучшеніе судовъ рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, но созданіе такого суда, который содѣйствовалъ бы перестройкѣ самаго государственнаго организма по вѣяніямъ того времени.

Такъ, при обсужденіи вопроса о выборѣ и назначеніи судей, въ средѣ составителей Основныхъ Положеній 1862 года возникли пренія не о выборѣ и назначеніи собственно *судей*, но объ относительномъ значеніи системъ выбора или назначенія должностныхъ лицъ *въ государственной организаціи вообще*.

Вотъ ихъ ipsissima verba по этому поводу:

„Мысль, что *всякій (?) имѣетъ право самъ избрать себѣ мѣстнаго начальника, судью и т. п.*, гораздо доступнѣе той мысли, что человѣкъ, присланный издалека, весьма часто не знающій ни мѣстныхъ условій, ни обычаевъ, будетъ хорошимъ администраторомъ, справедливымъ судьей“. Далѣе сказано: „съ практической точки зрѣнія защитники выборной системы смотрятъ *на выборы должностныхъ лицъ мѣстными обывателями, какъ на лучшее средство, коимъ правительство можетъ пользоваться для избранія своихъ органовъ. Всѣ и везъ (?) жалуются на недостатокъ людей: выборное начало есть одно изъ средствъ устранить* этотъ *недостатокъ*“. Затѣмъ, объявивъ, между прочимъ, что „назначеніе отъ правительства есть въ существѣ не что иное, какъ назначеніе однимъ лицомъ, коему правительство довѣряетъ этотъ выборъ“, защитники выборной системы продолжаютъ:

„*Совершенно другое, когда выборъ служащихъ предоставленъ усмотрѣнію мѣстныхъ обывателей.* При самомъ недостаточномъ развитіи общественной жизни, *во всякомъ случаѣ* мѣстные обыватели знаютъ *своихъ сосѣдей* болѣе, чѣмъ *начальники*, живущіе въ отдаленныхъ центрахъ и поставленные силой самыхъ обстоятельствъ *въ такое отношеніе къ мѣстнымъ жителямъ*, которое *само по себѣ* уже есть *препятствіе къ тому, чтобы знать людей и сдѣлать хорошій выборъ*“.

Въ заключеніе этой аргументаціи въ пользу выбора „мѣстными обывателями“—„начальниковъ“, администраторовъ“, „должностныхъ лицъ“ и „служащихъ“ вообще, приведена слѣдующая мысль:

„*Что бы ни говорили* о недостаточномъ у насъ развитіи гражданской жизни, во всякомъ случаѣ *развитіе жизни, также какъ и огонь (!)*, требуетъ матеріала, и слѣдовательно для того, *чтобъ обыватели хорошо пользовались выборнымъ правомъ*, надобно чтобъ они имъ пользовались, какъ могутъ и умѣютъ (?), иначе они никогда имъ пользоваться не будутъ, и если дѣйствительно *выборное начало есть указываемое жизнью средство отыскивать людей*, то правительство безо выборнаго права этимъ средствомъ не будетъ пользоваться вполнѣ“.

Вмѣсть съ тѣмъ защитники выборной системы доказывали, ссылаясь на Высочайшіе указы 1801—1831 года, что „выборное право, также какъ и всякое другое, должно быть неприкосновенно“ *). Только противники выборной системы дали этимъ преніямъ нѣсколько *судебный* характеръ, отвергая выборъ въ примѣненіи къ персоналу общихъ судовъ, хотя вполнѣ принимая его въ примѣненіи къ мировымъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ. Впрочемъ, находя, что „новое судоустройство нетолько удерживаетъ *сословное представительство* (!) при назначеніи мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, но даже *увеличиваетъ власть сословныхъ представителей*, предоставляя имъ, въ качествѣ присяжныхъ, окончательное опредѣленіе вины или невиновности подсудимыхъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ“, противники выбора опять уклонились въ сферу *политики*, заявляя, будто въ этомъ новомъ правѣ „вполнѣ осуществляется то положеніе жалованныхъ грамотъ и привилегій, что лица высшихъ состояній должны быть судимы не иначе, какъ своими сословными судьями или при ихъ участіи“ **).

---

*) Изданіе Государственной Канцеляріи, 1867 года, ч. III, стр. XII—XVI.

**) Ibidem, стр. XXIII.

Затѣмъ и защитники, и противники выбора окончательно сошлись на *всесословномъ выборѣ* мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, то-есть на предоставленіи выбора судей представителямъ *мѣстныхъ обывателей*, съ устраненіемъ всѣхъ сословныхъ различій, которыя, „*какъ сухія вѣтви живаго дерева, должны быть отсѣчены*“.

Хотя въ трудахъ составителей Основныхъ Положеній 1862 года мы и не встрѣчаемъ подробной мотивировки этого компромисса, но политическій характеръ всесословнаго выбора ясно высказанъ въ слѣдующей цитатѣ по поводу введенія института присяжныхъ:

„Введеніе присяжныхъ въ Россіи болѣе необходимо, чѣмъ гдѣ бы то ни было, потому что *нигдѣ* (?) можетъ быть историческая жизнь народа не положила такихъ рѣзкихъ разграниченій между различными слоями общества, какъ у насъ, отчего между понятіями, обычаями и образомъ жизни нашихъ постоянныхъ судей, принадлежащихъ вообще къ высшему сословію, и подсудимыхъ изъ низшихъ сословій замѣчается большое различіе“ *). Такимъ образомъ нашему институту присяжныхъ предуказана была, кромѣ судебной, еще особая, *чисто политическая задача*: сблизить разрозненныя сословія въ одну массу мѣстныхъ обывателей.

Наконецъ, по взглядамъ составителей Уставовъ 1864 года, мировые судьи, избираемые земствомъ, возведены и въ санъ начальниковъ, такъ какъ они „должны имѣть преобладающее вліяніе не только при рѣшеніи подсудныхъ имъ дѣлъ, но и *вообще по охраненію и утвержденію общаго порядка и спокойствія*“ **). Тутъ идетъ рѣчь *о преобладающемъ вліяніи избранныхъ мѣстными обывателями судей* очевидно уже внѣ судебной сферы. Этимъ выборнымъ и срочнымъ судьямъ—если не по тексту, то по мотивамъ Судебныхъ Уставовъ—указывается широкая задача „охраненія и утвержденія *общаго порядка и спокойствія*“, то-есть задача, которая составляла доселѣ обязанность общаго государственнаго управленія.

Изъ совокупности этихъ цитатъ легко составить себѣ понятіе о тѣхъ совершенно новыхъ для Россіи порядкахъ, которые имѣлись въ виду составителями Основныхъ Положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года. И изъ этихъ-то порядковъ они

---

*) Ibidem, ч. III, стр. 96—97.

**) Ibidem. т. III, стр. 24—25.

выкроили ту судебную организацію, которая, очевидно, въ связи съ изготовлявшимся въ то же самое время проектомъ *земскихъ учрежденій*, должна была послужить какъ бы *этапомъ* для достиженія рисовавшагося въ ихъ воображеніи новаго государственнаго устройства.

Но дѣло этимъ не ограничилось: составители Основныхъ Положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года, имѣя въ виду приданную ими для судебной реформы *политическую цѣль*, полагали, что эта реформа должна не только въ *судопроизводствѣ, но и въ самой организаціи суда* гарантировать у насъ прежде всего интересы *свободы и самоуправленія*, игнорируя вѣроятно, что суды, при всякомъ образѣ правленія, имѣютъ прежде всего задачей правильное разрѣшеніе гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ по закону, независимо отъ односторонняго пониманія свободы тою или другою общественною корпораціей или политическою партіей. Этимъ способомъ создана была въ Россіи такая судебная система, какой, по ея мотивамъ и въ ея совокупности, не существуетъ ни въ одномъ изъ западныхъ государствъ.

Судъ или, по крайней мѣрѣ, главныя его функціи переданы были избранникамъ мѣстныхъ обывателей, такъ что судъ вмѣстѣ съ дѣлами земства, оказался у насъ аттрибутомъ *не государственной власти, но мѣстнаго, независимаго отъ государственной власти самоуправленія*.

Хотя эта доктрина не провозглашена категорически въ текстѣ Уставовъ и *замаскирована*, правильною по существу, теоріей независимости суда отъ администраціи, но она составляетъ жизненный нервъ той системы, которая положена въ основаніе Уставовъ ихъ составителями.

Прямымъ послѣдствіемъ этой доктрины было то, что главная гарантія справедливости судебныхъ рѣшеній усматриваема была не въ строгомъ руководствѣ установленными государственною властію *законами*, но *въ безусловномъ выдѣленіи судовъ изъ государственнаго механизма*, въ независимости *личнаго убѣжденія* судей отъ требованій *закона* и въ контролѣ суда *не государственною властію*, а *общественнымъ мнѣніемъ*, несмотря на всю его измѣнчивость подъ вліяніемъ условій мѣста и времени.

Но и по теоріи права, и по примѣру западныхъ государствъ, и по практическимъ выводамъ нашего собственнаго историческаго развитія, судъ—аттрибутъ не мѣстнаго самоуправленія, а государственной власти, и рѣшенія его должны быть выраженi-

емъ не личнаго убѣжденія судей, а установленныхъ государственною властію законовъ. Составители же Основныхъ положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года, отступивъ отъ этой аксіомы, дали тѣмъ самымъ всей нашей судебной реформѣ самый ненормальный характеръ и, сами конечно того не сознавая, заранѣе обусловили всю *практическую* ея несостоятельность.

III.

Судебными Уставами учреждены были у насъ правительственные судьи слѣдующихъ трехъ категорій: 1) предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены окружныхъ судовъ; 2) старшіе предсѣдатели, предсѣдатели департаментовъ и члены судебныхъ палатъ, и 3) первоприсутствующіе и сенаторы кассаціонныхъ департаментовъ Сената.

Всѣ эти судьи составили особую, несмѣняемую, независимую корпорацію. Государственная власть имѣетъ право только назначать ихъ; надзоръ же за ними предоставленъ уже самимъ судебнымъ учрежденіямъ, помимо всякаго прямаго участія государственной власти.

Но принципъ самостоятельности судей, по мысли составителей Судебныхъ Уставовъ, требовалъ еще другихъ гарантій. Съ одной стороны, членамъ судебныхъ палатъ, членамъ окружныхъ судовъ и даже мировымъ судьямъ, слѣдовательно, за исключеніемъ предсѣдателей и сенаторовъ, *всѣмъ судьямъ*, какъ высшимъ, такъ и низшимъ, присвоенъ былъ одинъ и тотъ же рангъ, сравнившій всѣхъ ихъ, по правамъ должности, съ предсѣдателями губернскихъ учрежденій другихъ вѣдомствъ; съ другой стороны, *іерархическая подчиненность* низшихъ судебныхъ учрежденій и чиновъ высшимъ была сведена почти къ нулю, вслѣдствіе чего надзоръ кассаціонной инстанціи ограниченъ былъ правомъ объявленія низшимъ учрежденіямъ только предостереженій, а предсѣдателямъ окружныхъ судовъ и палатъ не было даже предоставлено хотя сколько-нибудь серіозной, дисциплинарной власти.

Эта независимость судей не только отъ государственной власти, но и въ средѣ самой судебной корпораціи, признана была теоретиками судебной реформы гораздо болѣе сподручнымъ средствомъ для обезпеченія правильности дѣйствій судебнаго персонала, нежели подчиненіе его какому-либо активному контролирующему учрежденію.

Такая странная теорія была, впрочемъ, прямымъ послѣдствіемъ предположенія составителей Судебныхъ Уставовъ, что судьями будутъ у насъ только „лучшіе люди“, которые сами за собой будутъ наблюдать и, такъ-сказать, сами же предъ собою будутъ нести платоническую отвѣтственность за собственныя прегрѣшенія.

Поэтому вся суть новой судебной организаціи сводилась исключительно къ освобожденію судебнаго персонала ото всякой личной зависимости, почему и самая судебная реформа представлялась почти такою же „эмансипаціей“, какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а земскихъ учрежденій отъ вліянія мѣстной администраціи.

Въ этомъ именно смыслѣ бывшій министръ юстиціи, Д. Н. Замятинъ, при открытіи 17 апрѣля 1866 года петербургскихъ судебныхъ установленій, привѣтствуя вновь назначенныхъ судебныхъ чиновъ, упомянулъ сначала о дарованіи *свободы* крестьянамъ отъ крѣпостной зависимости, а потомъ о сліяніи „всѣхъ отдѣльныхъ сословій *въ одну земскую семью*“, и затѣмъ уже заявилъ, что нынѣ дается и „всѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, *полная самостоятельность*“.

И вотъ въ какомъ видѣ первый генералъ-прокуроръ преобразованной магистратуры предусматривалъ послѣдствія этой самостоятельности:

„Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство Уставы, составляющіе, можно-сказать, *послѣднее слово юридической науки* (?); ни на недостатки законовъ *о доказательствахъ*, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено *голосу совѣсти* (?). Вы не будете имѣть возможности ссылаться и на *предписанія начальства*“.

Отсюда ясно, что независимость судей отъ государственной власти признана была источникомъ всѣхъ тѣхъ необходимыхъ качествъ, какими должна отличаться магистратура. Эти качества подробно перечислены въ мотивировкѣ къ Судебнымъ Уставамъ; вотъ въ чемъ они заключаются: практическій опытъ, энергія въ отправленіи своихъ обязанностей, непоколебимая добросовѣстность, живое, а не рутинное отношеніе къ дѣлу.

Въ какой же степени оправдала эти надежды вновь организованная магистратура?

Первыя назначенія новыхъ судей были сдѣланы, при министрѣ Юстиціи Д. Н. Замятинѣ, преимущественно изъ числа лицъ,

участвовавшихъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ, или принадлежавшихъ къ составу прежняго прокурорскаго надзора, съ присоединеніемъ къ нимъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ главнымъ образомъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія.

Затѣмъ, по доктринѣ теоретиковъ судебной реформы, оставалось только ожидать, что эти наличныя силы, подъ вліяніемъ животворнаго начала независимости отъ государственнаго контроля, разовьются полнымъ цвѣтомъ и не замедлятъ осуществить тотъ идеалъ судьи, который эти теоретики еще въ 1861—1864 создали въ своемъ воображеніи.

Мы не будемъ повторять здѣсь безконечныхъ и утомительныхъ выписокъ о неудовлетворительности предсѣдательскихъ резюме, о несообразности поставляемыхъ присяжнымъ вопросовъ, о неправильности судебныхъ опредѣленій, ознаменовавшихъ исторію нашей магистратуры въ теченіе истекшаго двадцатилѣтія, и ограничимся лишь нѣкоторыми общими выводами и данными, извлеченными не изъ газетныхъ хроникъ, но изъ самыхъ компетентныхъ источниковъ.

Вотъ что говоритъ о магистратурѣ, *тринадцать лѣтъ* спустя по введенія Уставовъ 1864 года, Н. В. Муравьевъ, бывшій прокуроръ при одномъ изъ окружныхъ судовъ, а затѣмъ при С.-Петербургской (нынѣ при Московской) судебной палатѣ, слѣдовательно практикъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, но въ то же время и ученый юристъ. Описывая безпомощное положеніе кандидатовъ на судебныя должности *), Н. В. Муравьевъ усматриваетъ причину этого явленія, между прочимъ, въ отсутствіи полезнаго воздѣйствія на кандидатовъ со стороны магистратуры, въ которой, по его словамъ, „*до сихъ поръ* еще ощущается такой капитальный недостатокъ *единства, единообразія и логической систематичности въ пріемахъ*“ (гл. I, стр. 18). Затѣмъ онъ спрашиваетъ: „Не падаетъ ли—въ обществѣ, гдѣ всѣ привыкли къ иниціативѣ сверху—значительная доля вины учениковъ (т.-е. кандидатовъ) *на равнодушную и умственно-вялую и сонную магистратуру?*“ (Ibidem., стр. 24.) „*Въ нашей магистратурѣ*, продолжаетъ почтенный авторъ, еще такъ живы преданія чиновничества, что *большинство* старается дѣлать только то, и думать только надъ тѣмъ, безъ чего никакъ нельзя обойтись, что

*) *Журналъ Гражд. и Угол. Права* 1880 года, кн. 1 и 2. *Кандидаты на судебныя должности.*

формально и обязательно предписано“ (гл. III, стр. 7—8). И далѣе: „Слабыя стороны кандидатской практики усложняются и увеличиваются еще ея преобладающимъ бюрократическимъ характеромъ, ея сухостью и умственною узкостью. *Тоже самое свойственно и нашей магистратурѣ*, съ которою, естественно, кандидатура раздѣляетъ многія характеристическія черты. *Подобно огромному большинству лицъ судебнаго вѣдомства*, кандидаты, со времени окончанія курса и поступленія на службу, перестаютъ интересоваться и заниматься чѣмъ-либо другимъ, кромѣ обязательныхъ рамокъ своей работы. *Постепенно порывается и забывается всякая связь ея съ наукой, теоріей... Въ этомъ они* (кандидаты) *слѣдуютъ примѣру старшихъ магистратуры, среди которой юридическое чтеніе и занятіе наукой не получили еще права гражданства.* Въ результатѣ *практика, оторванная отъ теоріи*, превращеніе юриста въ дѣльца-чиновника судебнаго вѣдомства“ (гл. III, стр. 18—20). Въ заключеніе авторъ выражаетъ убѣжденіе, что „надежда на лучшее будущее кандидатуры заключается *въ поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня нашего судебнаго сословія*“. (Ibidem., стр. 32).

Надзоръ за магистратурой предоставленъ Судебными Уставами кассаціоннымъ департаментамъ Сената. Поэтому не безынтересно узнать, что̀ сдѣлали кассаціонные департаменты, чтобы поднять *нравственный и умственный уровень* этой корпораціи.

Кромѣ казуистическихъ и, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, нерѣдко крайне противорѣчивыхъ рѣшеній по кассаціоннымъ жалобамъ и протестамъ, эта „верховная“ судебная инстанція, въ теченіе двадцати лѣтъ, относилась ко всевозможнымъ неисправностямъ магистратуры постоянно съ величайшимъ снисхожденіемъ. Доказательство такихъ товарищескихъ, отнюдь не начальственныхъ отношеній на лицо: кассаціонные департаменты, до послѣдняго времени, почти не прибѣгали къ объявленію судебнымъ мѣстамъ и чинамъ даже предостереженій, ограничиваясь, и то лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, скромными, безпослѣдственными замѣчаніями или „поставленіемъ на видъ“, какъ, напримѣръ, по поводу вопіющаго веденія, въ Петербургскомъ окружномъ судѣ, дѣла Вѣры Засуличъ. Но за то, гдѣ только было возможно, кассаціонные департаменты стремились выгораживать судей ото всякой отвѣтственности. Вотъ, напримѣръ, какого рода встрѣчаются опредѣленія кассаціонныхъ

департаментовъ по вопросу объ отвѣтственности должностныхъ лицъ *):

„Подсудимый, признавая для себя *оскорбительными* нѣкоторыя выраженія въ приговорѣ, только тогда можетъ просить объ уголовномъ преслѣдованіи судьи, когда докажетъ, что судья дѣйствовалъ такимъ образомъ преднамѣренно, изъ *корыстныхъ побужденій или иныхъ личныхъ видовъ*". (Опредѣленіе Гражд. Кас. Деп. 1874). Но такъ какъ доказать это почти невозможно, то означеннымъ опредѣленіемъ устанавливается очевидно для судьи полная безнаказанность за употребленіе оскорбительныхъ выраженій въ судебномъ приговорѣ, и самая оскорбительность выраженій теряетъ свою предосудительность, какъ скоро она допускается судьей безъ преднамѣренности, безъ корыстныхъ побужденій и другихъ личныхъ видовъ.

„*Ошибочное пониманіе закона и невѣрное пониманіе своихъ обязанностей* не должно служить непремѣннымъ основаніемъ для преданія суду". (Опредѣленіе Гражд. Деп. 1874).

„Если тяжущійся понесъ убытки отъ *неправильнаго рѣшенія дѣла*, то онъ только въ такомъ случаѣ можетъ отыскивать убытки, когда будетъ доказано, что *законы истолкованы судьями пристрастно и недобросовѣстно*". (Опредѣленіе Гражд. Кас. Департамента 1874 года).

Такимъ образомъ, по доктринѣ Сената, ошибка въ фальшь не ставится, если идетъ рѣчь о судьѣ, и судья можетъ *по небрежности* ошибаться сколько угодно, только безъ умысла, а частныя лица могутъ отъ этого страдать тоже сколько имъ угодно—ибо судья не отвѣчаетъ.

Но, кромѣ кассаціонныхъ департаментовъ Сената, во главѣ судебнаго вѣдомства стоитъ еще министръ Юстиціи, съ правами генералъ-прокурора. Своею единоличною властью онъ могъ бы, и долженъ бы былъ восполнять пассивное отношеніе кассаціонной инстанціи къ магистратурѣ. Въ чемъ однако могло выразиться его активное вмѣшательство и руководство? Его власть еще довольно обширна въ отношеніи къ прокурорскому надзору, но въ примѣненіи къ магистратурѣ онъ, по Судебнымъ Уставамъ, имѣетъ вліяніе лишь при назначеніи судебныхъ чиновъ; обо

*) См. *Циркулярные указы Сената, рѣшенія Сената объ отвѣтственности должностныхъ лицъ, циркуляры и инструкціи министра Юстиціи* съ 1865 по 1883 годъ. Составилъ товарищъ предсѣдателя Тимановскій, Варшава, 1883 года.

всѣхъ же ихъ упущеніяхъ онъ можетъ только предлагать кассаціоннымъ департаментамъ, которые, со своей стороны, имѣютъ право не обращать на эти предложенія надлежащаго вниманія. Затѣмъ онъ можетъ, пожалуй, давать непосредственно циркулярныя указанія *несмѣняемымъ судьямъ*, но эти судьи могутъ, не подлежа никакой отвѣтственности, и не сообразоваться съ платоническими указаніями генералъ-прокурора. Нѣтъ посему ничего удивительнаго, что подобныя обращенія министра Юстиціи къ кассаціоннымъ департаментамъ и къ судьямъ были такъ рѣдки въ теченіе истекшаго двадцатилѣтія.

Въ 1868 году (30 сентября) и въ 1871 году (19 марта) состоялись циркуляры министра о томъ, чтобы, „при объявленіи какъ опредѣленій суда по частнымъ вопросамъ, такъ и судебныхъ приговоровъ", предсѣдающіе провозглашали „сущность рѣшеній, безъ объясненій, состоялись ли они единогласно или по большинству голосовъ"; равнымъ образомъ не дозволялось и опубликованіе особыхъ мнѣній. Затѣмъ въ 1872 году (28 февраля) предложено было министромъ Юстиціи чинамъ судебнаго вѣдомства принять мѣры „къ предотвращенію отступленій отъ требуемаго закономъ порядка производства суда, выражающихся въ томъ, что при преніяхъ приводятся обстоятельства, *не бывшія вовсе предметомъ судебнаго слѣдствія*, развиваются *сужденія, прямо противоположныя закону*, стороны вступаютъ въ личныя пререканія и допускаютъ *оскорбительное и небрежное отношеніе* къ частнымъ лицамъ, вызываемымъ на судъ",—но кто же не знаетъ изъ печатныхъ отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ, что всѣ эти неустройства допускаются на судѣ безпрепятственно до настоящаго времени? *)

Что же касается оптимистической увѣренности составителей Судебныхъ Уставовъ относительно возвышенія уровня юридическаго образованія среди судей, то она далеко не оправдалась. Вотъ что̀ сказано въ мотивировкѣ къ состоявшемуся 20 мая 1885 года дополненію къ ст. 78 Учр. Судебн. Уст. (п. 5, о распредѣленіи членовъ окружныхъ судовъ по отдѣленіямъ):

„*Опытъ свидѣтельствуетъ, что и понынѣ ощущается у насъ недостатокъ въ дѣятеляхъ, обладающихъ основательными свѣдѣніями по всѣмъ главнымъ отраслямъ юриспруденціи*, и настолько освоившихся *съ практическою стороной судопроизвод-*

*) О циркулярахъ министра Юстиціи по вопросу объ отношеніяхъ судебныхъ чиновъ къ другимъ вѣдомствамъ будетъ сказано ниже.

ства, чтобы съ одинаковыхъ успѣхомъ участвовать въ разрѣшеніи какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ. *Нерѣдко на должность членовъ окружныхъ судовъ, по необходимости, назначаются лица, недостаточно еще подготовленныя къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ трудныхъ обязанностей.* Восполняя пробѣлы въ своихъ познаніяхъ уже на почвѣ практической дѣятельности, такіе судьи, на первыхъ порахъ, неизбѣжно должны *впадать въ ошибки, и лишь мало-по-малу усвоивать знанія и пріемы, нужные для удовлетворительнаго отправленія правосудія*... Кромѣ того, наши юристы почти лишены важнаго подспорья *для правильнаго разрѣшенія встрѣчающихся на практикѣ вопросовъ*, которое западно-европейскимъ судьямъ доставляетъ твердо установившаяся судебная практика".

И это—*послѣ девятнадцатилѣтняго опыта* Судебныхъ Уставовъ, не смотря на цѣлые фоліанты руководящихъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ!

Неустройства, оказавшіяся въ средѣ магистратуры *послѣ этого девятнадцатилѣтняго опыта*, признаны были наконецъ самимъ министромъ Юстиціи столь значительными, что для устраненія ихъ потребовалось отступиться не только отъ одного изъ существенныхъ началъ, провозглашенныхъ доктринерами 1861—1864 года, то-есть отъ начала личной независимости судей отъ всякаго іерархическаго подчиненія, но, horribile dictu! нарушить даже самый принципъ безусловной несмѣняемости. Въ этомъ именно смыслѣ внесены были министромъ Юстиціи въ 1885 году въ Государственный Совѣтъ предположенія, утвержденныя 20 мая того же года.

По ст. 3 § XIII закона 20 мая 1885 года, старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ предоставлено было право *дѣйствительнаго* дисциплинарнаго *надзора* за состоящими въ округѣ палаты судебными чинами, а по § XVIII въ составѣ Сената образовано было *высшее дисциплинарное присутствіе*, которому, по ст. 3 § XX, предоставлено *увольнять судей* „за упущенія", свидѣтельствующія „о несоотвѣтствіи виновнаго въ нихъ судьи занимаемому имъ положенію, или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ", и *перемѣщать судей*, поставившихъ „себя образомъ своихъ дѣйствій въ мѣстѣ служенія въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ и безпристрастномъ исполненіи ими судебныхъ своихъ обязанностей".

Этотъ новый законъ, возбудившій бурю негодованія въ средѣ безусловныхъ защитниковъ Судебныхъ Уставовъ 1864 года и, конечно, въ большинствѣ самой магистратуры, не представляетъ однако ничего необыкновеннаго: онъ установилъ лишь для нашихъ судей въ извѣстной мѣрѣ ту самую дисциплину, которой всегда были, да и теперь подчинены, судьи во всѣхъ западныхъ конституціонныхъ государствахъ. Новый законъ упразднялъ поэтому только аномалію, внесенную въ Судебные Уставы доктринерами 1861—1864 г.

Не надо забывать, что къ этому именно времени большинство составителей Судебныхъ Уставовъ и чины перваго назначенія на новыя судебныя должности, воспитанные еще въ прежнихъ традиціяхъ государственной дисциплины, успѣли уже возсѣсть на курульныя кресла въ кассаціонныхъ департаментахъ Сената. Вмѣсто нихъ всплыло къ 1885 году въ судебныхъ палатахъ и въ окружныхъ судахъ новое поколѣніе судебныхъ дѣятелей, менѣе опытныхъ, чѣмъ ихъ предшественники, и въ то же время еще менѣе образованныхъ, такъ какъ съ начала шестидесятыхъ годовъ юридическое образованіе въ университетахъ, и въ Училищѣ Правовѣдѣнія, подъ вліяніемъ новыхъ воззрѣній на академическую дисциплину, сильно поколебалось. Кромѣ того, въ періодъ времени съ 1868 по 1878 годъ на судебныя должности стали нерѣдко попадать даже такія лица, которыя и вовсе не получили юридическаго образованія. Эти новые дѣятели всю свою судейскую дѣятельность обусловливали только предоставленною имъ Уставами самостоятельностью. Къ чему привела ихъ эта самостоятельность, легко убѣдиться изъ слѣдующихъ цитатъ, заимствуемыхъ нами изъ помянутаго выше представленія министра Юстиціи въ Государственый Совѣтъ (№ 8.878, стр. 15):

„Судьи *за неправильныя свои дѣйствія* или *за явную небрежность* въ исполненіи своихъ обязанностей, если только не было съ ихъ стороны *умысла или корыстныхъ побужденій*, не подлежали, можно сказать, *никакому взысканію* *). По мысли составителей Судебныхъ Уставовъ, дозволеніе подвергать судей какой-либо болѣе строгой дисциплинарной отвѣтственности (кромѣ *предостереженій*) было бы несогласно съ достоинствомъ званія судьи и могло бы поколебать то уваженіе, которое желательно и необ-

*) Министерство Юстиціи, указывая на это обстоятельство, очевидно признало наконецъ всю несостоятельность приведенныхъ нами выше опредѣленій Гражданскаго кассаціоннаго департамента 1874.

ходимо утвердить въ обществѣ къ этому званію. Между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что *ограждение чести и достоинства судебнаго сословія и ограждение правъ частныхъ лицъ* не въ меньшей мѣрѣ требуютъ и того, чтобы *судья, не сознающій важности добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей, не имѣющій достаточно свѣдѣній или явно неспособный*, могъ быть *удаленъ отъ должности*, то-есть, чтобы дисциплинарный судъ представлялъ средство *устранить судью, если при назначеніи его на должность была сдѣлана ошибка, или если его дурныя наклонности проявились въ послѣдствіи.* Въ иностранныхъ государствахъ, какъ-то: во Франціи и Пруссіи, существуютъ болѣе строгія и болѣе разнообразныя дисциплинарныя взысканія, въ числѣ коихъ введены перемѣщеніе на другую должность и удаленіе отъ должности. *Эта система вполнѣ оправдывается* и тѣмъ соображеніемъ, что *важное положеніе судьи требуетъ и болѣе строгой кары*, въ случаѣ опущенія или какихъ-либо нарушеній по службѣ. Независимо отъ сего, *перемѣщеніе судьи* въ дисциплинарномъ порядкѣ является иногда *мѣрою безусловно необходимою*, если, *по свойству проступка*, судья становится въ такія отношенія къ своимъ товарищамъ по службѣ, или къ лицамъ изъ мѣстнаго общества, которыя дѣлаютъ дальнѣйшее его пребываніе въ данномъ судѣ совершенно невозможнымъ. Равнымъ образомъ, *перемѣщеніе* на другую должность является *единственнымъ исходомъ*, когда судья выкажетъ *совершенную неспособность къ предсѣдательствованію*, къ руководству судомъ, отдѣленіемъ“ и проч.

Нельзя не удивляться, что эти ясныя, и въ то же время простыя истины не только не нашли мѣста, но и самымъ безцеремоннымъ образомъ были отвергнуты при составленіи Судебныхъ Уставовъ 1864 года; еще поразительнѣе то обстоятельство, что для возстановленія силы столь элементарныхъ воззрѣній понадобился Министерству Юстиціи продолжительный *девятнадцатилѣтній опытъ.*

По этому же поводу въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта, при обсужденіи внесенныхъ министромъ Юстиціи предположеній, высказана категорически слѣдующая мысль:

„*Опытъ показалъ*, что даже при соблюденіи всѣхъ условій, предписанныхъ закономъ для замѣщенія судейскихъ должностей, *въ судебную среду могутъ иногда проникать лица неспособныя, нерадивыя или же не обладающія надлежащими нравственными качествами. Не совершая преступленій по службѣ*, влекущихъ

отрѣшеніе или удаленіе отъ должности въ порядкѣ суда уголовнаго, подобныя лица могутъ однако, *цѣлымъ рядомъ упущеній или неправильныхъ дѣйствій*, доказать явную непригодность къ исполненію своихъ обязанностей, или явное къ нимъ пренебреженіе, и тѣмъ доказать несоотвѣтствіе свое занимаемому положенію. Равнымъ образомъ возможны случаи, когда *судья, внѣ собственно служебной сферы*, дозволитъ себѣ такіе *противные нравственности или предосудительные поступки*, которые, получивъ огласку, лишаютъ его въ средѣ мѣстнаго общества довѣрія и уваженія, необходимыхъ для дѣятеля, призваннаго творить судъ и расправу именемъ Верховной власти".

Вотъ что „показалъ опытъ" независимыхъ отъ *государственной власти* судей!

Вопросъ только въ томъ: поставлено ли это высшее дисциплинарное присутствіе Сената въ такое положеніе, чтобы пользоваться какъ слѣдуетъ продоставленною ему закономъ 20 мая 1885 года властью? Причина слабости надзора за судебными учрежденіями обусловливалась не только незначительностью прежнихъ взысканій, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ надзоръ присвоенъ былъ не государственной власти, а самой же судебной корпораціи. Устраняетъ ли это неудобство законъ 20 мая 1885 года? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ ниже.

IV.

Такъ какъ судъ, по уставамъ 1864 года, получилъ у насъ характеръ не столько правительственный, сколько общественный, и центръ тяжести уголовнаго правосудія сосредоточенъ былъ въ присяжныхъ, то судьи по дѣламъ этого рода явились у насъ не самостоятельными факторами юстиціи, а какъ бы придаточными, обязанными только автоматически подводить законъ подъ вердикты присяжныхъ; вполнѣ же самостоятельно судьи могли дѣйствовать, кромѣ гражданскихъ дѣлъ, неподвѣдомыхъ мировому суду, лишь при рѣшеніи тѣхъ немногихъ уголовныхъ дѣлъ, которыя назначено было по уставамъ разсматривать безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется, почему и въ общественномъ сознаніи, и въ печати, и наконецъ въ правительственныхъ сферахъ неустройства магистратуры не обращали на себя такъ долго никакого вниманія. Исключеніе составляли только

предсѣдатели судовъ, которые, резюмируя пренія сторонъ и провозглашая подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ вопросы, сдѣлались посему фактически тѣми единственными представителями магистратуры, которыхъ дѣятельность подвергалась отъ времени до времени публичной или оффиціальной критикѣ. Гораздо болѣе крупное значеніе чѣмъ судьи пріобрѣли у насъ прокуроры и адвокаты, такъ какъ ихъ собственно дѣятельность на судѣ возымѣла господствующее вліяніе на рѣшеніе присяжными вопроса о виновности или невиновности подсудимыхъ.

Замѣчательно, что прокурорскій надзоръ, въ теченіе истекшаго двадцатилѣтія, подвергался со всѣхъ сторонъ порицаніямъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другія органы преобразованнаго суда. Нападки эти исходили изъ сферъ общественныхъ и правительственныхъ, причемъ всегда забывалось то, по истинѣ затруднительное положеніе, въ которое поставленъ прокурорскій надзоръ и Судебными Уставами, и существомъ самаго дѣла. Между тѣмъ, нельзя не замѣтить, что этотъ институтъ, несмотря на нѣкоторую неправильность въ его организаціи, все же представляетъ собою наиболѣе состоятельное учрежденіе во всей судебной реформѣ 1864 г. Онъ опирается, съ одной стороны, на традиціи нашей прежней прокуратуры, а съ другой, организованъ по началамъ іерархической дисциплины. Поэтому, болѣе чѣмъ другія части судебной реформы, прокуратура отличается нѣкоторою стройностью, и если не настоящимъ единствомъ, то по крайней мѣрѣ способностью къ усвоенію въ извѣстной степени этого единства, столь недостающаго прочимъ судебнымъ органамъ.

Разсматривая ближе практику прокурорскаго надзора по Уставамъ 1864 года, нельзя не убѣдиться, что основная причина нападокъ на этотъ институтъ заключалась въ томъ, что прокуратура въ нашемъ новосозданномъ, общественномъ судѣ представлялась именно тѣмъ факторомъ, въ которомъ, хотя и въ слабой степени, удерживались еще слѣды связи съ государственною властью. При псевдолиберальномъ настроеніи большей части нашей интеллегенціи, этого было довольно, чтобы смотрѣть на прокуратуру съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, видѣть въ ея настойчивости стремленіе къ произволу и, въ концѣ концовъ, искать въ дѣятельности прокуроровъ преимущественно темныя стороны, раздувая ихъ ошибки до несоотвѣтственныхъ размѣровъ. Въ то же время, весьма естественныя, хотя безусловно неправильныя колебанія прокуратуры между этими односторонними взглядами и прямыми своими обязанностями не могли не возбуждать пори-

ціанія со стороны оффиціальныхъ сферъ, предъ которыми прокуроры являлись какъ бы прямыми отвѣтчиками за ошибочное направленіе всѣхъ судебныхъ дѣлъ. Но утвердить преобразованную прокуратуру въ нормальномъ пониманіи ея обязанностей, остановить ея увлеченія въ ту или другую крайность, дать ей единообразную почву,—все это лежало на обязанности тѣхъ высшихъ руководящихъ властей, которымъ прокуратура была подчинена по Судебнымъ Уставамъ, то-есть кассаціонныхъ департаментовъ Сената и въ особенности министра Юстиціи, въ качествѣ генералъ-прокурора. Къ сожалѣнію, эта надежда, какъ мы увидимъ ниже, не только не осуществилась, но ничѣмъ необъяснимая пассивность означенныхъ инстанцій только усугубила тѣ недостатки, которые проникли въ организацію нашей обвинительной власти, благодаря теоретикамъ 1861—1864 годовъ.

Хотя составители Судебныхъ Уставовъ имѣли въ виду сравнить на судѣ права обвиненія и защиты, но, давъ адвокатурѣ совершенно независимую отъ судебной власти автономію, а фактически и полную независимость отъ закона при публичной защитѣ подсудимыхъ, они поставили адвокатуру гораздо выше обвинительной власти. Послѣдствіемъ этого неравенства между обвиненіемъ и защитой было то, что, съ самаго введенія Судебныхъ Уставовъ, наиболѣе энергическія личныя силы примкнули къ адвокатурѣ, а на долю прокуратуры, особенно же на долю товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ, остались силы второстепенныя, то-есть неопытная молодежь, которая поступала на эти должности, какъ говорилось въ то время, только „до возраста“, то-есть до достиженія 25 лѣтъ, имѣя затѣмъ въ виду обратиться тоже къ адвокатурѣ, поступленіе въ которую обусловлено было именно этимъ возрастомъ. Понятно, что молодые люди, мало знакомые съ дѣломъ, не представляли никакихъ солидныхъ элементовъ для правильной постановки съ самаго начала обвинительной власти, но въ то же время старались всѣми силами, путемъ краснобайства и либеральничанья, обратить на себя благосклонное вниманіе публики, какъ на будущихъ адвокатовъ. Что же касается высшихъ степеней прокуратуры, а именно: прокуроровъ окружныхъ судовъ и прокуроровъ и товарищей прокуроровъ судебныхъ палатъ, то первоначальный личный составъ ихъ былъ гораздо удачнѣе, такъ какъ они были назначены большею частью изъ числа образованныхъ лицъ, практически знакомыхъ съ дѣломъ по своей службѣ въ дореформенномъ прокурорскомъ надзорѣ. Но и они, увлекаясь тѣми

идеями, которыя внесены были въ судебную реформу доктринерами 1861—1864 годовъ, не могли не усвоить себѣ направленія, не совмѣстнаго съ нормальнымъ предназначеніемъ обвинительной власти.

Вообще, всѣ чины вновь образованной прокуратуры, не довольствуясь предоставленнымъ имъ положеніемъ, стали считать себя столь же независимыми, какъ судьи, почти не признавая той іерархической связи, которая опредѣлена Уставами 1864 года между различными степенями прокурорскаго надзора. Присвоенное имъ право давать предъ судомъ самостоятельное заключеніе они поняли въ смыслѣ полнаго ихъ освобожденія отъ подчиненія установленному надъ ними контролю, тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ даже начальственныя инстанціи прокуратуры нерѣдко руководились, въ своихъ отношеніяхъ къ подвѣдомымъ имъ чинамъ, этимъ самымъ воззрѣніемъ, опасаясь своимъ вмѣшательствомъ компромметтировать энергію или достоинство своихъ подчиненныхъ. Вслѣдствіе этого, чины прокурорскаго надзора стали, конечно, дѣйствовать въ разбродъ, руководясь лишь своими личными усмотрѣніями, какъ всегда бываетъ при отсутствіи или бездѣйствіи высшей руководящей власти.

Съ другой стороны, въ сферѣ отношеній между судомъ и другими правительственными учрежденіями, большинство чиновъ прокурорскаго надзора, забывая, что ихъ настоящее назначеніе быть собственно посредниками между административными и судебными органами, стали усматривать въ администраціи исключительное орудіе ненавистнаго и отжившаго произвола. Признавъ своею задачей, въ качествѣ прогрессивныхъ дѣятелей, постоянную войну противъ этого произвола, они естественно увлеклись до того, что возмечтали, будто ихъ главное служебное призваніе заключается нестолько въ прямомъ и строгомъ исполненіи закона, сколько въ томъ, чтобы систематически идти на перекоръ другимъ вѣдомствамъ, даже внѣ опредѣленныхъ Судебными Уставами предѣловъ. Вслѣдствіе сего столкновенія прокурорскаго надзора, хотя и болѣе чѣмъ прежде обособленнаго отъ мѣстныхъ учрежденій, не только не упразднились, но сдѣлались гораздо чаще и рѣзче, чѣмъ было въ корнѣ подорвано единство дѣятельности органовъ государственной власти и потрясенъ, въ провинціи, самый авторитетъ правительства. Этотъ авторитетъ всего болѣе пострадалъ отъ того, что прокуроры сплошь и рядомъ отказывались поддерживать предъ судомъ (а если поддерживали, то крайне неохотно) почти всѣ возбуждаемыя административными инстан-

ціями обвиненія, а также отъ того, что прокуроры очень часто освобождали отъ ареста, *безо всякаго однако изслѣдованія*, лицъ, задержанныхъ по распоряженію мѣстныхъ полиціи, и даже такихъ лицъ, которыя арестованы были за воліющее нарушеніе общественнаго порядка высшими представителями полицейской власти въ государствѣ.

Наконецъ, прокуроры, забывая, что полиція подчинена имъ только по производству дознаній и слѣдственныхъ дѣйствій, стали смотрѣть на нее какъ на всецѣло подчиненное имъ вѣдомство, возлагать на нее непосильныя порученія, требовать отъ нея исполненія того, что на нее вовсе закономъ не возложено, нисколько не заботясь однако о разъясненіи ей хотя и прямыхъ, но во многомъ совершенно новыхъ для нея обязанностей по судебной части.

Если, съ одной стороны, новизна дѣла, неустройства администраціи, неудовлетворительное состояніе полиціи и неясность многихъ узаконеній, оправдывали иногда притязательность прокуратуры, то, съ другой стороны, нельзя же предполагать, что ошибались, и были во всемъ всегда не правы только представители администраціи и агенты полиціи, или что всѣ выработанныя вѣковымъ опытомъ до судебной реформы узаконенія оказались внезапно и безусловно неясными, и даже безсмысленными.

Таковы были взгляды и порядки, проявившіеся въ новой прокуратурѣ уже въ самое первое время по введеніи судебной реформы, съ 1866 по 1870 годъ. Затѣмъ, хотя дисциплина среди чиновъ прокурорскаго надзора нѣсколько усилилась, однако далеко не въ смыслѣ общаго сознательнаго пониманія этими чинами ихъ правъ и обязанностей, а скорѣе случайно, подъ вліяніемъ личной энергіи нѣкоторыхъ прокуроровъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ; но назначенія неопытныхъ лицъ на должности по прокурорскому надзору, раздражительныя, безцѣльныя и вредныя столкновенія ихъ съ другими вѣдомствами, отнюдь не прекратились. Впрочемъ, столкновенія прокуратуры шли еще дальше. „Бываетъ иногда въ провинціи“, писалъ уже на тринадцатомъ году судебной реформы бывшій прокуроръ Петербургской (нынѣ Московской) судебной палаты, Н. В. Муравьевъ, „что отношенія между мѣстными представителями суда и прокуратуры обостряются, становятся ненормальными и натянутыми до самыхъ крайнихъ предѣловъ приличія и здраваго смысла, когда взаимное положеніе обоихъ враждующихъ кружковъ

обозначается на провинціальномъ жаргонѣ мѣткимъ выраженіемъ: *на ножахъ*“ *).

Познакомимся теперь съ тѣми мѣрами, которыя были приняты кассаціонными департаментами Сената и генералъ-прокуроромъ для устраненія всѣхъ этихъ неустройствъ.

Въ періодъ времени со введенія судебной реформы до 1883 г., состоялось по Сенату не болѣе двѣнадцати циркуляровъ и опредѣленій, имѣвшихъ предметомъ точнѣйшее обозначеніе правъ и обязанностей прокурорскаго надзора; изъ нихъ только 7 заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя существенныя указанія **).

---

*) *Кандидаты на судебныя должности* Гл. I, стр. 14.

**) *Циркуляры:*

1) 1872 года по ст. 279 Уст. Угол. Суд. Право разъясненія полицейскимъ чинамъ порядка производства дознаній по уголовнымъ дѣламъ принадлежитъ не непосредственно губернскому начальству сихъ чиновъ, а лицамъ прокурорскаго надзора, а общія или циркулярныя разъясненія сего порядка должны исходить отъ прокуроровъ судебныхъ палатъ.

2) 1879 года по ст. 183 Уст. Угол. Суд. Лица прокурорскаго надзора не только въ правѣ, но и обязаны сообщать предсѣдателю мироваго съѣзда, или же доложить своему начальству о замѣченныхъ ими упущеніяхъ мировыхъ судей по исполненію приговоровъ.

3) 1880 года по ст. 179 Уст. Гражд. Суд. Лица прокурорскаго надзора обязаны предъявлять заключеніе на мировыхъ съѣздахъ, по гражданскимъ дѣламъ, по всѣмъ просьбамъ объ отмѣнѣ рѣшеній какъ мировыхъ судей, такъ и столичныхъ судовъ.

Опредѣленія Сената объ отвѣтственности должностныхъ лицъ:

1) 1871 года по ст. 1.809 Уст. Угол. Суд. Прокуроръ, дѣлая распоряженіе о назначеніи надъ обвиняемымъ должностнымъ лицомъ слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя, обязанъ увѣдомить о томъ начальство послѣдняго.

2) 1871 года по ст. 1.092 Уст. Угол Суд. Разсматривая слѣдствіе, прокуроръ можетъ возбудить вопросъ объ отвѣтственности и такого должностнаго лица, которое не было привлечено къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго.

3) 1875 года по ст. 1,085 Уст. Угол. Суд. Прокурорскій надзоръ не можетъ, по собственному усмотрѣнію, назначать производство предварительнаго слѣдствія о преступленіяхъ должности, такъ какъ дѣла о преступленіяхъ должности возбуждаются не иначе, какъ въ порядкѣ, указанномъ законами.

4) 1875 года по ст. 1.092 Уст. Угол. Суд. Прокурорскій надзоръ не можетъ возражать ни противъ окончанія дѣла въ административномъ порядкѣ, ни противъ мѣры административнаго взысканія, по такимъ

Не многимъ обильнѣе и циркулярныя указанія, преподанныя прокурорскому надзору, въ тотъ же самый періодъ времени, тремя бывшими генералъ-прокурорами: Д. Н. Замятинымъ, графомъ К. И. Паленомъ и Д. Н. Набоковымъ. Всѣхъ этихъ циркуляровъ 19 *); но, кромѣ спеціальныхъ указаній по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ другимъ вѣдомствамъ и, слѣдовательно, состоявшихся по иниціативѣ этихъ самыхъ вѣдомствъ, а именно: о преступленіяхъ желѣзнодорожныхъ (1871 и 1873 годовъ) и лѣсныхъ (1878 года), о слѣдствіяхъ и приговорахъ надъ несостоящими въ дѣйствительной службѣ военными и морскими генералами, штабъ- и оберъ-офицерами (1872 года), и по поводу еврейскихъ безпорядковъ (1882 годо),—только 9 изъ нихъ имѣютъ нѣсколько общій руководящій характеръ.

Самое главное распоряженіе, состоявшееся 31 октября 1868 г. и подтвержденное въ 1877 году, относится къ арестантской части. Въ силу этого распоряженія, „лица прокурорскаго надзора (и мировые судьи), въ случаѣ ненахожденія въ мѣстахъ заключенія копій съ постановленій о задержаніи арестантовъ, предписываемыхъ 10 ст. Уст. Угол. Суд., должны удостовѣряться въ правильности заключенія арестованныхъ, посредствомъ сношеній съ тѣми мѣстами и лицами, по распоряженію которыхъ арестанты препровождены въ мѣста заключенія". Такимъ образомъ, устранены были до извѣстной степени столкновенія прокуратуры съ администраціей по дѣламъ этого рода. Но существенная обязанность прокурорскаго надзора не исчерпывается наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы никто не былъ задерживаемъ безъ законнаго основанія. Прокуроры обязаны еще тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы слѣдствіе и судъ по дѣламъ арестантовъ происходили по возможности безъ проволочекъ. Между тѣмъ, что же оказалось на дѣлѣ? Продолжительное пребываніе арестантовъ въ предварительномъ заключеніи если и не доходило, по введеніи Судебныхъ Уставовъ, до такихъ размѣровъ, какъ до

преступленіямъ должности, которыя не подходятъ подъ дѣйствіе ст. 1.089 Уст Угол. Суд.

Прочіе же циркуляры 1882 года по ст. 9 Учр. Суд. Уст., и два опредѣленія Сената: 1873 года по ст. 1091 Уст. Угол. Суд. и по ст. 272 Учр. Суд. Уст., а также 1874 и 1875 года по ст. 485 Уст. Угол. Суд, не имѣютъ особаго значенія, относясь лишь къ частнымъ подробностямъ прокурорской процедуры (см. Сборникъ *А. Тимановскаго*).

*) Ibidem, стр. 103—106.

судебной реформы, тѣмъ не менѣе оно отнюдь не напоминало того „скораго“ суда, который былъ обѣщанъ реформой. Арестанты и доселѣ содержатся зачастую по году и болѣе, а тѣ изъ нихъ, которые подсудны мировому судьѣ, то-есть уличенные сравнительно въ мелкихъ преступленіяхъ, за которые полагается ничтожное взысканіе,—до 5 и 9 мѣсяцевъ. Правда, для контроля надъ арестантскою частью, всѣ тюрьмы, по Уставамъ 1864 года, открыты лицамъ прокурорскаго надзора, а Министерство Юстиціи установило, для наблюденія за движеніемъ арестантскихъ дѣлъ, особыя вѣдомости *); но проволочки отъ этого не сократились. Надзоръ, когда онъ составляетъ *право*, рѣдко дѣйствителенъ; онъ дѣйствителенъ лишь когда составляетъ опредѣленную обязанность, за неисполненіе коей существуетъ извѣстная отвѣтственность. Но о томъ, чтобы генералъ-прокуроры подвергали прокуроровъ за небреженіе по арестантской части прямой отвѣтственности, сколько извѣстно, не было и рѣчи: все дѣло ограничивалось обыкновенно только бюрократическими напоминаніями прокурорамъ отъ департамента Юстиціи о принятіи мѣръ къ скорѣйшему движенію дѣлъ, по которымъ, по справкѣ съ вѣдомостями, арестанты черезчуръ долго томились въ заключеніи **).

Затѣмъ существенное имѣютъ значеніе слѣдующія генералъ-прокурорскія указанія:

1) 1867 года. Лица прокурорскаго надзора, оставляя сообщеніе должностнаго лица безъ послѣдствій, должны доставлять его о томъ въ извѣстность.

2) 1869 года. Всѣ общія по судебному вѣдомству распоряженія, имѣющія прямое соотношеніе съ кругомъ дѣятельности административныхъ властей, какъ-то: о распоряженіяхъ, относящихся до производства дознаній и до арестантской части, дол-

---

*) Впрочемъ, и то и другое было въ обычаѣ даже до судебной реформы

**) Авторъ настоящей статьи посѣщалъ въ 1869 году, по званію директора Петербургскаго тюремнаго комитета, нѣкоторыя мѣста заключенія въ Петербургѣ, и былъ пораженъ продолжительностью заключенія подслѣдственныхъ арестантовъ, въ особенности тѣхъ, о коихъ дѣла производились въ мировыхъ учрежденіяхъ. И это гдѣ же? въ Петербургѣ, на глазахъ министра Юстиціи и Кассаціоннаго Сената! Что же происходило въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, вдали отъ предержащихъ властей? Конечно, тюремный комитетъ вошелъ по этому случаю въ сношеніе и съ прокуратурой, и съ мировыми судьями, и даже съ министромъ Юстиціи, но все это не привело ни къ какимъ результатамъ.

жны быть сообщаемы чинами прокурорскаго надзора подлежащимъ административнымъ властямъ.

3) 1872 года. Право разъяснять полиціи порядокъ ея дѣятельности при производствѣ дознаній и слѣдственныхъ дѣйствій по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ принадлежитъ не административному начальству, а прокурорскому надзору, а право дѣлать общія циркулярныя разъясненія этого порядка принадлежитъ только прокурорамъ судебныхъ палатъ (впрочемъ, это есть лишь повтореніе циркуляра Сената по тому же предмету).

4) 1877 года. Прокурорскій надзоръ долженъ съ осторожностію пользоваться своими правами вызова свидѣтелей, ограничиваясь вызовомъ тѣхъ лицъ, показанія которыхъ могутъ имѣть существенное значеніе.

5) 1879 года. Товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ должны жить въ своихъ уѣздныхъ участкахъ, причемъ самые отдаленные участки должны быть поручаемы наиболѣе опытнымъ товарищамъ прокуроровъ.

6) 1879 года. Ревизія настольныхъ реестровъ товарищей прокуроровъ по дѣламъ, производящимся въ мировыхъ установленіяхъ, должна производиться прокурорами не менѣе двухъ разъ въ годъ.

7) 1879 года. Чины прокурорскаго надзора не имѣютъ права непосредственнаго обращенія въ почтовыя и телеграфныя учрежденія съ требованіями о задержаніи, осмотрѣ и выемкѣ частной корреспонденціи.

Вотъ и весь итогъ указаній кассаціонныхъ департаментовъ и трехъ генералъ-прокуроровъ прокурорскому надзору почти за два десятилѣтія. Но о томъ, что̀ составляетъ сущность прокурорскаго надзора, о томъ, въ чемъ выражались самыя рѣзкія стороны неустройства этого института, обо всемъ этомъ ни слова. Ничего не указано о порядкѣ составленія обвинительныхъ актовъ, хотя, по свидѣтельству Н. В. Муравьева, „практика не успѣла или не сумѣла выработать“ для этихъ актовъ „никакой формы“. *) Нѣтъ никакихъ практическихъ разъясненій по обвинительной дѣятельности прокуроровъ въ самомъ судебномъ засѣданіи; нѣтъ даже намека о неумѣстности софистическихъ доводовъ и патетическихъ возгласовъ, къ которымъ нерѣдко прибѣгаютъ чины прокурорскаго надзора; не было даже попытки устранить и столь часто оскорбительныя отношенія ихъ къ сви-

*) *Кандидаты на судебныя должности.* Гл. II, стр. 20.

дѣтелямъ. Нѣтъ и ни одного порицанія за раздражительныя и притязательныя отношенія лицъ прокурорскаго надзора къ другимъ вѣдомствамъ. *) Словомъ, всѣ общія распоряженія кассаціонныхъ департаментовъ и генералъ-прокуроровъ ограничивались формальнымъ разъясненіемъ нѣкоторыхъ процессуальныхъ вопросовъ, но вовсе не имѣли въ виду дать прокуратурѣ наставленія о неуклонномъ исполненіи ею своихъ обязанностей *по существу*.

V.

Чтобы наглядно ознакомиться съ несостоятельностію прокурорскаго надзора по наблюденію за производствомъ предварительныхъ слѣдствій, необходимо вникнуть въ то положеніе, которое, со введеніемъ Уставовъ 1864 года, выпало у насъ на долю института слѣдователей.

Мы уже знаемъ, что институтъ слѣдователей, не успѣвъ еще окрѣпнуть въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ первоначально введенъ въ 1860 году, то-есть за шесть лѣтъ до судебной реформы, подвергнутъ былъ, при составленіи Уставовъ, радикальной передѣлкѣ. Должность слѣдователей осталась, какъ и прежде, низшею ступенью судебной іерархіи, но фактически она поставлена была въ независимое положеніе отъ прокуратуры. Кромѣ того, слѣдователи были облечены привиллегіей судейской несмѣняемости. Съ отмѣной же правилъ о доказательствахъ, опредѣленіе уголовныхъ уликъ, и самый ихъ выборъ предоставлены были исключительно усмотрѣнію самихъ слѣдователей. Такимъ образомъ и въ основаніе слѣдственнаго института былъ положенъ принцилъ судейской самостоятельности, безо всякаго однако ручательства въ томъ, что эта самостоятельность гарантируетъ спеціальное знакомство слѣдователей съ поручаемыми имъ дѣлами и регулируется закономъ. Притомъ, слѣдственный институтъ получилъ у насъ и особую неустойчивость, такъ какъ

*) Въ 1876 году, по поводу черезчуръ рѣзкихъ отношеній чиновъ прокуратуры къ мѣстнымъ властямъ, учреждена была, по Высочайшему повелѣнію, особая коммиссія изъ нѣкоторыхъ министровъ, но и ей, вслѣдствіе оппозиціи министра Юстиціи, не удалось поставить прокурорскій надзоръ въ болѣе нормальное положеніе: всякое ограниченіе прокуратуры въ этомъ смыслѣ принималось за посягательство на Уставы 1864 года.

слѣдователи не могли имѣть въ виду долгаго пребыванія на своихъ мѣстахъ, стремясь выйти какъ можно скорѣе изъ этой низшей должности на болѣе видную и выгодную.

Понятно, что при такихъ условіяхъ слѣдственный институтъ, на первыхъ же порахъ по введеніи Судебныхъ Уставовъ, вызвалъ противъ себя нареканія по поводу неумѣлости и небрежности слѣдователей, по причинѣ проявляемаго ими произвола, стѣснительнаго для подслѣдственныхъ лицъ, и наконецъ по безпрестаннымъ столкновеніямъ съ прокурорскимъ надзоромъ.

Всѣ эти неустройства были до такой степени очевидны, что уже чрезъ три года по введеніи судебной реформы, именно въ 1869 году, при Министерствѣ Юстиціи образована была коммиссія для изысканія мѣръ къ улучшенію слѣдственной части. Но пока коммиссія собирала, да и до сихъ поръ еще собираетъ разные предварительные матеріалы, необходимо было принять безотлагательно нѣкоторыя мѣры, чтобы хотя нѣсколько прекратить начавшую укореняться неурядицу. Въ этихъ видахъ Министерство Юстиціи, вмѣсто назначенія постоянныхъ слѣдователей по Уставамъ 1864 года, приняло за правило, начиная съ 1868 года, командировать, для временнаго отправленія этой должности, состоящихъ при Министерствѣ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ, предоставивъ себѣ такимъ образомъ возможность отмѣнять эту командировку по своему усмотрѣнію. Такъ возникла цѣлая категорія исправляющихъ должность слѣдователей, назначаемыхъ по усмотрѣнію центральной власти, а не по представленію окружныхъ судовъ, какъ это опредѣлено было Уставами, и лица этой категоріи были поставлены въ прямое подчиненіе прокурорскому надзору. Мѣра эта, сама по себѣ вѣрно задуманная, имѣла однако тотъ недостатокъ, что она не была проведена законодательнымъ порядкомъ и, составляя уклоненіе отъ утвержденнаго закономъ правила, могла быть въ силу того же административнаго усмотрѣнія и отмѣнена.*)

Во всякомъ случаѣ, такое командированіе временныхъ слѣдователей не могло принести значительной пользы и по другимъ причинамъ: вопервыхъ, потому что эта мѣра не могла быть проведена повсемѣстно, и во многихъ мѣстахъ оставались попреж-

---

*) Учрежденіе въ двухъ столицахъ слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ, состоявшееся въ законодательномъ порядкѣ въ 1870 году, не имѣло никакого значенія въ смыслѣ *органическаго* улучшенія слѣдственнаго института вообще.

нему несмѣняемые, но крайне неудовлетворительные слѣдователи; вовторыхъ, потому что вновь командируемые слѣдователи хотя и находились подъ непосредственнымъ руководствомъ прокуроровъ, но, съ одной стороны, это руководство, при несостоятельности значительной части самихъ чиновъ прокурорскаго надзора, оказалось недостаточнымъ, а съ другой стороны, и эти новые слѣдователи, будучи назначаемы изъ неопытной, начинающей службу молодежи, не были знакомы съ дѣломъ и, подобно несмѣняемымъ слѣдователямъ, не имѣли ни времени, ни охоты ознакомиться со своею спеціальностью, стремясь какъ можно скорѣе занять другое, болѣе значительное, мѣсто.

Вотъ характеристика слѣдственной части, сдѣланная Н. В. Муравьевымъ тринадцать лѣтъ спустя по введеніи судебной реформы:

„Наша слѣдственная часть не можетъ представить ни цѣльности, ни единства, ни строгой теоретической правильности и практической легальности въ направленіи, взглядахъ, выработанныхъ пріемахъ“. *)

Далѣе, по словамъ почтеннаго практика нашей судебной реформы, „слѣдователи по закону находятся подъ надзоромъ окружнаго суда и прокуратуры, вполнѣ достаточнымъ для предупрежденія и устраненія бездѣйствія, *если только онъ не сводится къ мертвой буквѣ, какъ это къ сожалѣнію нерѣдко бываетъ*“. **)

Наконецъ, вотъ фактъ, констатируемый Н. В. Муравьевымъ: „Слѣдователи, которые поручаютъ состоящимъ при нихъ кандидатамъ непосредственно, въ своемъ присутствіи, а иногда даже — чего не бываетъ въ нашей практикѣ! — *и въ своемъ отсутствіи* производить слѣдственныя дѣйствія (допросы, осмотры, обыски, экспертизы и проч.) и затѣмъ *только подписываютъ протоколъ*, составленный кандидатомъ самостоятельно, совершаютъ несомнѣнное и важное злоупотребленіе“ ***) — точь-въ-точь какъ и до реформы, прибавимъ мы со своей стороны, когда письмоводители становыхъ приставовъ давали послѣднимъ подписывать заглазно составленные протоколы.

Очевидно, подобное состояніе слѣдственной части должно было обратить на себя энергическое вниманіе кассаціонныхъ де-

*) *Кандидаты на судебныя должности*, гл. II, стр. 38.
**) Ibidem. стр. 26.
***) Ibidem, стр. 30.

партаментовъ Сената и министра Юстиціи. Въ чемъ же выразилась контролирующая и регулирующая дѣятельность этихъ высшихъ инстанцій?

Изъ циркулярныхъ указовъ Сената съ 1865 по 1883 годъ только *пять* относятся непосредственно къ слѣдственной части:

1) 1877 годъ. Судебные слѣдователи не должны обращаться въ присутствія высшихъ государственныхъ установленій или же къ лицамъ, стоящимъ въ главѣ ихъ, о доставленіи справокъ по дѣламъ, производящимся въ подвѣдомственныхъ означеннымъ установленіямъ и лицамъ учрежденіяхъ, или же о понужденіи этихъ учрежденій къ исполненію ихъ требованій, а должны непосредственно обращаться въ надлежащія правительственныя учрежденія (департаменты, канцеляріи и другія отдѣльныя части высшихъ государственныхъ установленій); въ случаѣ несвоевременнаго полученія увѣдомленій, они должны обращаться къ прокурору.

2) 1877 годъ. Судебные слѣдователи обязаны по всѣмъ производимымъ ими дѣламъ наводить, по вѣдомостямъ справокъ о судимости, справку о томъ, не былъ ли обвиняемый судимъ прежде, и объ оказавшемся составлять особое постановленіе.

3) 1878 годъ. Въ случаѣ принятія мѣры пресѣченія противъ обвиняемыхъ въ общихъ преступленіяхъ должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной и выборной службѣ, судебные слѣдователи обязанны извѣщать ближайшее начальство этихъ лицъ какъ о предметѣ обвиненія, такъ и о родѣ принятой мѣры пресѣченія.

4) 1881 годъ. Окружные суды имѣютъ право командировать своихъ членовъ для производства ревизіи дѣлопроизводства подвѣдомственныхъ этимъ судамъ судебныхъ слѣдователей.

5) 1881 годъ. Судебные слѣдователи должны представлять въ соединенное присутствіе перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Сената копіи постановленій о привлеченіи мировыхъ судей и прочихъ лицъ судебнаго вѣдомства, въ качествѣ обвиняемыхъ, къ слѣдствіямъ по преступленіямъ, не относящимся къ службѣ, немедленно по составленіи такихъ постановленій. *)

Затѣмъ, въ опредѣленіяхъ Сената объ отвѣтственности должностныхъ лицъ мы находимъ, съ 1865 по 1883 годъ, слѣдующія указанія судебнымъ слѣдователямъ:

---

*) *Сборникъ* А. Тимановскаго.

1) 1873 годъ. Судебной слѣдователь, прекратившій дѣло о кражѣ между супругами, причемъ прикосновеннымъ къ слѣдствію являлось постороннее лицо, и возвратившій дѣло мировому судьѣ для разрѣшенія въ гражданскомъ порядкѣ вопроса о принадлежности краденаго, подлежитъ отвѣтственности въ дисциплинарномъ порядкѣ только въ случаѣ, если послѣдствія такого распоряженія были *неважны* (?).

2) 1874 годъ. За такое неосторожное дѣйствіе, послѣдствіемъ коего была потеря вещественнаго доказательства, судебный слѣдователь подлежитъ преданію суду.

3) 1874 годъ. Судебный слѣдователь, производя слѣдствіе по преступленію должности, и обнаруживъ прикосновенность къ дѣлу другаго должностнаго же лица, не можетъ своею властью привлечь послѣдняго къ слѣдствію.

4) 1874 годъ. Хотя судебный слѣдователь не въ правѣ, по заявленію частнаго лица о томъ, что принадлежащее заявившему движимое имущество находится неправильно во владѣніи другаго, немедленно приступать къ выемкамъ и, отобравъ спорные предметы, выдавать ихъ по принадлежности, но дѣяніе это, какъ заключающее въ себѣ неправильное истолкованіе ст. 375 (Уст. Угол. Суд. или Гражд.), если оно сопровождалось *важными послѣдствіями* (?), подвергаетъ слѣдователя *лишь* дисциплинарной отвѣтственности.

5) 1874 годъ. Если судъ прекратитъ слѣдствіе, то обвиняемый не можетъ на этомъ одномъ основаніи требовать возбужденія вопроса объ отвѣтственности слѣдователя, принявшаго противъ него одну изъ мѣръ пресѣченія (?).

6) 1875 годъ. Если судебная палата, усмотрѣвъ неправильныя дѣйствія судебнаго слѣдователя, предпишетъ суду потребовать объясненіе, и затѣмъ дѣло будетъ представлено въ палату по истеченіи года (?) со дня нарушенія, то дисциплинарное производство не можетъ быть возбуждено.

7) 1875 годъ. За освидѣтельствованіе женщины чрезъ врача, безъ достаточнаго къ тому основанія, судебный слѣдователь подлежитъ отвѣтственности по ст, 341 ч. I Удож. о Наказ.

8) 1875 годъ. Если слѣдователь отказывается производить слѣдствіе по требованію начальства должностнаго лица, то оно не должно вносить дѣло въ губернское правленіе, а обязано жаловаться подлежащему суду. *)

*) Ibidem.

Наконецъ, въ теченіе того же періода времени состоялись и циркулярныя предписанія министровъ Юстиціи, имѣвшія цѣлію упорядочить дѣятельность судебныхъ слѣдователей. Въ виду той заботливости, которая проявлена была министромъ Юстиціи, графомъ Паленомъ, какъ объ изысканіи причинъ неудовлетворительности слѣдственнаго института, такъ и по части ограниченія несмѣняемости слѣдователей, должно было ожидать, что генералъ-прокурорскій надзоръ надъ практическою дѣятельностью слѣдователей будетъ несомнѣнно энергичнымъ. Но эти ожиданія отнюдь не оправдались.

Изъ двадцати девяти циркуляровъ, два относятся къ управленію Министерствомъ Юстиціи Д. Н. Замятинымъ и не имѣютъ никакого значенія. Затѣмъ 17 относятся къ десятилѣтнему управленію графа Палена; изъ нихъ только одинъ имѣетъ существенное значеніе, именно: циркуляръ 1874 года, коимъ указано, что „жалоба служитъ основаніемъ для начатія слѣдствія, но не обязываетъ судебнаго слѣдователя привлекать, въ качествѣ обвиняемаго, то лицо, противъ котораго жалобщикомъ заявлено обвиненіе“, и объяснено, что распоряженіе о привлеченіи, въ качествѣ обвиняемаго, должно быть облечено въ форму особаго мотивированнаго постановленія“. Далѣе, изъ десяти циркуляровъ преемника графа Палена, состоявшихся по 1883 годъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующіе два:

1) 1878 годъ. Отношенія подчиненности полицейскихъ урядниковъ къ судебной власти отнюдь не должны служить поводомъ къ обремененію ихъ порученіями второстепенной важности, каковы, напримѣръ, доставленіе повѣстокъ, розысканіе свидѣтелей, препровожденіе арестантовъ и проч.

2) 1879 годъ. Требованіе судебнаго слѣдователя о задержаніи корреспонденціи, согласно Высочайше утвержденному 30 октября 1878 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, подлежитъ исполненію почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій лишь тогда, когда оно касается корреспонденціи лицъ, противъ коихъ возбуждено уголовное преслѣдованіе, причемъ судъ долженъ точно указать основанія, вызывающія необходимость осмотра и выемки.

Прочіе же циркуляры, состоявшіеся до 1883 года, не заключаютъ въ себѣ ничего существеннаго и ограничиваются разъясненіемъ формы сношеній съ другими вѣдомствами. *)

---

*) Ibidem, стр. 107—111.

Такимъ образомъ, ни въ циркулярахъ и опредѣленіяхъ Сената, ни въ циркулярахъ министровъ Юстиціи не преподано слѣдователямъ никакихъ серіозныхъ указаній для устраненія обнаруженныхъ на практикѣ неудобствъ: нѣтъ ничего о порядкѣ употребленія той или другой формы пресѣченія уклоненія виновныхъ отъ слѣдствія, не разъяснено ничего о сущности уликъ, собираемыхъ слѣдователями; ни слова не сказано объ устраненіи столкновеній слѣдователей съ административными учрежденіями и прокурорскимъ надзоромъ; ни слова о неудовлетворительности производимыхъ слѣдствій и о бездѣятельности слѣдователей.

Всѣ эти хроническіе недостатки слѣдственнаго института не только не вызвали никакихъ общихъ мѣръ, но, со вступленіемъ въ 1878 году Д. Н. Набокова въ управленіе Министерствомъ Юстиціи, была даже отмѣнена система командированія къ исправленію должности, и окружнымъ судамъ предоставлено по прежнему представлять Министерству о назначеніи по ихъ выбору несмѣняемыхъ слѣдователей.

Должно полагать, что такое распоряженіе Министерства Юстиціи было вызвано убѣжденіемъ, что оказавшіяся на практикѣ до 1878 года неустройства слѣдственной части были результатомъ не достаточно самостоятельности слѣдователей. Этотъ странный взглядъ, дѣйствительно высказывался съ необыкновенною настойчивостью какъ въ средѣ магистратуры, такъ и въ особенности въ средѣ извѣстной части печати—за все время управленія графа Палена.

Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ, какъ въ вопросѣ о судьяхъ, панацеей противъ всѣхъ неустройствъ защитниками Судебныхъ Уставовъ признано было не усиленіе надзора, а напротивъ ослабленіе его, какъ будто одна только самостоятельность могла гарантировать и знакомство неопытныхъ слѣдователей съ дѣломъ и ихъ энергію. Что же вышло изъ этого?

Мы не будемъ вдаваться въ повтореніе всѣхъ тѣхъ фактическихъ доказательствъ несостоятельности этой доктрины, которыми такъ была обильна судебная практика послѣ 1878 года Всѣ эти факты были въ свое время оглашены печатью всѣхъ оттѣнковъ и достаточно извѣстны. Стоитъ вспомнить только возмутительный произволъ слѣдователя въ дѣлѣ Пейча, которое обратило на себя всеобщее вниманіе, но, къ сожалѣнію, не привело однако къ принятію какихъ-либо общихъ, серіозныхъ мѣръ. Со своей стороны, мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ далеко не столь громкихъ, какъ дѣло

Пейча, но выхваченныхъ изъ будничной, такъ-сказать, жизни нашего слѣдственнаго института.

Вотъ примѣръ, имѣвшій мѣсто въ Кіевской губерніи. Крестьяне Волынковы, мужъ и жена, принесли жалобу, что мѣстный священникъ, придя къ нимъ въ избу съ молитвой, сдѣлалъ покушеніе на нравственность Волынковой. Вслѣдствіе этой жалобы, слѣдователь немедленно арестовалъ священника и отправилъ его подъ конвоемъ въ арестантскую, не допросивъ, кромѣ Волынковыхъ, даже ближайшихъ свидѣтелей. Затѣмъ на судѣ оказалось, что жалоба Волынковыхъ была послѣдствіемъ отказа священника при насильственномъ вымогательствѣ отъ него Волынковыми денегъ; на этомъ основаніи священникъ, признанный къ тому же достойнымъ и всеобщаго уваженія, былъ освобожденъ. *) Но кто же и чѣмъ могъ вознаградить неповиннаго служителя алтаря за тѣ возмутительныя насилія, которымъ онъ былъ подвергнутъ по произволу безцеремоннаго слѣдователя?

Другой примѣръ. Одинъ изъ судебныхъ слѣдователей Петербургскаго судебнаго округа былъ привлеченъ судебною палатой, по частной жалобѣ, къ дисциплинарной отвѣтственности за то, что, вызвавъ свидѣтеля для допроса къ двѣнадцати часамъ дня, самъ пришелъ въ камеру только въ $5^1/_2$ часовъ и началъ допросъ въ 6 часовъ. Со своей стороны, слѣдователь обжаловалъ это рѣшеніе предъ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ, объясняя, что законъ (ст. 441 Уст. Угол. Судопр.) предоставляетъ ему якобы право держать свидѣтеля въ камерѣ въ теченіе 12 часовъ, не возлагая вовсе на него, слѣдователя, обязанности объяснять причины, по которой свидѣтель не былъ въ теченіе этого времени допрошенъ. Впрочемъ, самое тяжелое въ этомъ случаѣ впечатлѣніе производитъ не столько произволъ слѣдователя и его циническое объясненіе, сколько *рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго Департамента*, который, *согласившись съ доводами слѣдователя, отмѣнилъ наложенное на него палатой дисциплинарное взысканіе*, забывъ, что основное правило ст. 441 заключается въ томъ, что „свидѣтели допрашиваются *немедленно* по явкѣ ихъ". **)

Третій примѣръ. На скамью подсудимыхъ попалъ судебный слѣдователь, и не изъ провинціальной глуши, а 14 участка въ Петербургѣ; и не неопытный юноша, но пятидесятитрехлѣтній мужъ; и не

*) Газета *Недѣля* (ноября 1883),

**) *С.-Петербургскія Вѣдомости* (3 ноября 1884).

недавно назначенный на эту должность, а уже въ теченіе десяти лѣтъ злоупотреблявшій своимъ служебнымъ положеніемъ. Изъ обвинительнаго акта удивленная публика узнала, что послѣднія десять лѣтъ службы этого интереснаго субъекта, по фамиліи Ѳедорова, были рядомъ подлоговъ и обмановъ начальства, рядомъ преступленій и сокрытій слѣдовъ этихъ преступленій. Онъ занимался тѣмъ, что отобранныя полиціей у задержанныхъ преступниковъ цѣнности: деньги, процентныя бумаги, часы, цѣпочки немедленно присвоивалъ себѣ и употреблялъ въ свою пользу. До трехсотъ девяноста пяти дѣлъ оставались у него безъ движенія болѣе года и до восьми лѣтъ, хотя и по срочнымъ вѣдомостямъ, представляемымъ имъ въ судъ, *и по ревизіи прокуроровъ*, все обстояло благополучно, и къ 1 января 1883 года такихъ дѣлъ значилось лишь 89. *)

Если подобныя вещи были возможны въ Петербургѣ, то что же было невозможно въ другихъ мѣстахъ? Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что прокуроръ Московской палаты, при ревизіи въ 1884 году Казанскаго судебнаго округа, выпустилъ на свободу двѣ трети томившихся въ тюрьмѣ подсудимыхъ, сидѣвшихъ тамъ зря, по волѣ слѣдователя **).

Въ ненормальномъ положеніи института слѣдователей, въ ихъ неопытности и въ отсутствіи за ними необходимаго контроля коренится не только произволъ ихъ въ отношеніи къ частнымъ лицамъ, но и вообще неправильность и неудовлетворительность большинства предварительныхъ слѣдствій. Но самая возможность и повторяемость подобныхъ случаевъ указываетъ уже на полную несостоятельность прокурорскаго надзора по наблюденію за производствомъ предварительныхъ слѣдствій ***).

---

*) Ibidem, (22 сентября 1885).

**) Ibidem, (апрѣль 1884).

***) Въ числѣ неустройствъ слѣдственной части, нельзя обойти молчаніемъ и стремленія нѣкоторыхъ судебныхъ слѣдователей создавать своего рода *procès monstres*, чрезъ соединеніе въ одно дѣло цѣлаго ряда преступленій, совершенныхъ разными лицами, при самой косвенной только связи между сими послѣдними. Это, очевидно, подражаніе подобнымъ же французскимъ процессамъ: тамъ, въ свое время, надѣлалъ много шуму процессъ, извѣстный подъ названіемъ *la bande noire*—и вотъ у насъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возникло напр. въ Москвѣ тоже дѣло *о червонныхъ валетахъ*, изслѣдованіе и обсужденіе коего сопровождалось естественно всевозможными затрудненіями и препятствіями. Между тѣмъ, по обособленности большей части преступленій и преступниковъ, это дѣло о червонныхъ валетахъ представляло скорѣе цѣлый

Съ другой стороны, эти предварительныя слѣдствія составляютъ основаніе для обвинительныхъ актовъ и обвинительныхъ рѣчей чиновъ прокурорскаго надзора. Но изъ вышеизложеннаго видно, что прокуроры обязаны весьма часто составлять обвинительные акты недостаточно мотивированные, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда слѣдствіе ло наличности преступленія не могло быть прекращено, но въ то же время было произведено небрежно, безъ надлежащаго разысканія и констатированія уликъ.

Шаткость обвиненія предъ софизмами защиты объясняется въ значительной степени именно этимъ обстоятельствомъ. Нельзя поэтому удивляться, что нѣкоторыя лица прокурорскаго надзора, поставленныя въ столь затруднительное положеніе, стараются изъ него выйти, придавая и своимъ обвинительнымъ рѣчамъ характеръ эффектной адвокатской рекламы: не ссылаясь вовсе, или ссылаясь лишь уклончиво на законъ, они даютъ фактамъ произвольную, тенденціозную окраску, прибѣгая, вмѣсто спокойнаго юридическаго языка, къ дешевому краснобайству, и тѣмъ не менѣе они почти всегда пасуютъ предъ адвокатами, которые уже по самой своей профессіи не стѣснены никакими рамками.

Отсюда ясно, что публичная обвинительная дѣятельность прокуратуры при такихъ условіяхъ—самая неблагодарная. Но это обстоятельство имѣло на практикѣ самыя странныя послѣдствія. Обвинительныя рѣчи стали, за весьма рѣдкими исключеніями, прямою обязанностью товарищей прокуроровъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, а прокуроры этихъ учрежденій усвоили обычай только наблюдать за обвинительною дѣятельностью своихъ товарищей. Наблюдать, конечно, легче чѣмъ самому выступать публично, чѣмъ самому нести отвѣтственность. И вотъ явился у насъ цѣлый разрядъ нѣмыхъ прокуроровъ, или прокуроровъ бюрократовъ, почти не выступающихъ въ роли публич-

---

рядъ вполнѣ отдѣльныхъ процессовъ, которые могли быть гораздо легче и основательнѣе изслѣдованы и разсмотрѣны отдѣльно же, хотя и не такъ эффектно. Подобное искусственное совокупленіе нѣсколькихъ дѣлъ въ одно внушительное цѣлое повторялась у насъ нерѣдко и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ Москвы. Этотъ порядокъ совершенно противорѣчитъ практической англійской системѣ, на основаніи которой преслѣдованіе всякаго подсудимаго составляетъ предметъ особаго изслѣдованіе и особаго судебнаго разбирательства.

ныхъ обвинителей, но за то мастеровъ по части письменныхъ предписаній, указаній, ревизій и замѣчаній.

Такого извращенія прокурорской дѣятельности никогда не бывало за границей, гдѣ въ каждомъ важномъ дѣлѣ является публичнымъ обвинителемъ не товарищъ прокурора, но самъ прокуроръ.

VI.

Судебныя учрежденія по Уставамъ 1864 года не отличаются единствомъ: они не связаны въ одно цѣлое, но распадаются на двѣ отдѣльныя группы.

Одну группу составляютъ государственные органы суда. Таковы назначаемые правительствомъ судьи, прокуроры и слѣдователи; другую—органы общественные, къ каковымъ относятся: адвокаты, присяжные засѣдатели и мировые судьи.

Какъ первые выдѣлены изъ общаго государственнаго механизма, такъ точно вторые выдѣлены фактически изъ судебной организаціи, въ видѣ самостоятельныхъ учрежденій.

Въ ряду этихъ общественныхъ факторовъ преобразованнаго суда, адвокаты, коимъ у насъ оффиціально присвоено названіе присяжныхъ повѣренныхъ, получили, по Уставамъ 1864 года, строго корпоративную организацію и, какъ ея необходимыя послѣдствія, право самоуправленія и даже монополію судебной защиты. Они были непосредственно подчинены контролю совѣтовъ, ими самими избираемыхъ. Совѣтамъ были предоставлены самые широкіе аттрибуты; имъ поручено было не только общее наблюденіе за дѣятельностію адвокатовъ, но предоставлено право пріема и, что особенно важно, право безаппелляціоннаго отказа въ пріемѣ новыхъ членовъ; съ другой стороны, совѣтамъ предоставлено было воспрещать адвокатамъ временно практику и даже исключать послѣднихъ изъ сословія. Хотя пріостановленіе практики и исключеніе изъ сословія могутъ быть по закону обжалованы въ судебную палату, тѣмъ не менѣе очевидно, что, несмотря на самостоятельность адвокатуры, какъ сословія, адвокатамъ лично, по теоріи Судебныхъ Уставовъ, даже не дано той независимости, которая признана за судьями, присяжными засѣдателями и слѣдователями. Въ зависимости отъ совѣтовъ усматривалась, гораздо болѣе чѣмъ въ требованіи какихъ-либо другихъ условій, главная гарантія въ должномъ направленіи адвокатской дѣятельности, главное средство „*къ водворенію и под-*

держанію между повѣренными чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности предъ правительствомъ и обществомъ" (*Судебные Уставы 1864 года*, изд. Государств. Канц. 1867 года, т. III, стр. 219).

Поэтому, возникшей съ 1866 года практикѣ оставалась доказать: дѣйствительно ли контроль корпораціи независимой отъ государственной власти заключаетъ въ себѣ такую цѣлебную силу.

Должно вообще замѣтить, что въ теченіе истекшаго двадцатилѣтія адвокатура, гораздо болѣе чѣмъ всѣ другія части судебной реформы, была предметомъ обсужденія въ юридической, а еще болѣе въ неюридической печати. Несмотря на то, что неумолимая практика все нагляднѣе и убѣдительнѣе выясняла темныя стороны нашей адвокатуры, большинство печати долго еще старалось поддерживать ее, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, на идеальной высотѣ, и всѣ уклоненія адвокатуры отъ праваго пути были объясняемы лишь какъ отдѣльные случаи, не подлежащіе обобщенію.

По мнѣнію петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, „Судебные Уставы, при учрежденіи присяжныхъ повѣренныхъ, имѣли въ виду создать не корпорацію способныхъ и ловкихъ защитниковъ всякихъ частныхъ интересовъ и пользы своихъ довѣрителей, а среду людей, которые дѣйствовали бы на этомъ поприщѣ въ видахъ *правосудія*, не защищали бы завѣдомо *безнравственныя домогательства*, и пользовались бы только *законными и честными средствами* *).

Существеннѣйшее отличіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ отъ судовъ усматривалось главнымъ образомъ въ томъ, что составъ проступковъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, *нигдѣ въ точности не очерченъ*, и таковый устанавливается *по благоразумному усмотрѣнію корпоративнаго представительства*, на основаніи общихъ понятій о назначеніи адвокатуры **).

„Гдѣ тотъ законъ", спрашиваетъ одинъ изъ защитниковъ корпоративной адвокатуры, „въ силу котораго частное лицо могло бы быть подвергнуто взысканію за требованіе со своего контрагента по счету лишняго, и за сознательно изворотливое и не-

---

*) Журналъ 19 февраля 1871 года, приведенный въ *Замѣткахъ о русской адвокатурѣ*, Арсеньева.

**) *Замѣтки о русской адвокатурѣ*, гл. VI, Арсеньева. *Курсъ уголовнаго судопроизводства*, т. I, § 166, Фойницкаго. 1886 года.

согласное съ правдой объясненіе своего поступка? А между тѣмъ за подобные поступки былъ исключенъ петербургскій присяжный повѣренный Семеновъ (кассаціонныя рѣшенія 1870 года, № 5). Гдѣ тотъ законъ который каралъ бы сына за то, что онъ, воспользовавшись безденежнымъ заемнымъ письмомъ матери, продалъ ея имѣніе и выгналъ ее изъ дому? А за этотъ безчеловѣчный поступокъ былъ исключенъ адвокатъ N. изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ (рѣшенія 1872 года, апрѣль). Гдѣ тотъ законъ, который требовалъ бы не пользоваться минутнымъ отсутствіемъ противника изъ залы засѣданія для представленія словесныхъ объясненій въ отсутствіе его, не представлять завѣдомо несправедливыхъ отводовъ и возраженій по собственному гражданскому иску? А за такіе проступки присяжные повѣренные подвергались наказаніямъ“ *).

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что совѣты присяжныхъ повѣренныхъ нерѣдко дѣйствовали правильно и съ похвальною строгостью. Но всегда ли было такъ? отвѣтъ на это болѣе чѣмъ сомнителенъ. Можно даже безъ преувеличенія сказать, что похвальное направленіе корпоративнаго надзора ознаменовалось особою энергіей только въ первое время послѣ введенія судебной реформы, а именно въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Но затѣмъ, съ размноженіемъ адвокатской корпораціи, и когда прошелъ пылъ первоначальнаго увлеченія, надзоръ совѣтовъ оказался несостоятельнымъ. Ниже мы это докажемъ фактами, а теперь замѣтимъ лишь, что помянутый выше защитникъ корпоративной адвокатуры опредѣлилъ ее въ 1886 году далеко уже не столь оптимистически, какъ петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ въ 1871 году. Вотъ его послѣднее слово:

„Говоря объ адвокатурѣ, совершенно упускаютъ изъ виду особенности этого *деликатнаго*, и въ высшей степени *хрупкаго* и тонкаго института. Изо всѣхъ *экзотическихъ* растеній высшей культуры, пересаженныхъ къ намъ во время судебной реформы— адвокатура быть-можетъ самое нѣжное, чувствительное, *капризное*, требующее наиболѣе тщательнаго ухода“ **).

Такимъ образомъ, корпоративная адвокатура съ ея хваленымъ самоуправленіемъ оказывается, послѣ двадцатилѣтняго существованія, всѣ еще самымъ *хрупкимъ* и *капризнымъ* институтомъ,

---

*) *Веденіе неправыхъ дѣлъ*, стр. 24, г. Джаншіева. Москва, 1886.

**) Ibidem, стр. VIII.

успѣхъ котораго обусловленъ не столько его собственною организаціей, сколько *тщательнымъ за адвокатурою уходомъ*.

Но кто же долженъ такъ ухаживать за этимъ *экзотическимъ* растеніемъ? Конечно, не истцы, не отвѣтчики и не подсудимые, которые сами требуютъ ухода. Остается слѣдовательно уходъ за адвокатурой со стороны суда и совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Прежде нежели познакомиться съ характеромъ этого „ухода“, необходимо припомнить слѣдующія обстоятельства:

Неумѣренное, нерѣдко самое пошлое краснобайство, софистика по дѣламъ гражданскимъ, стремленіе по дѣламъ уголовнымъ подѣйствовать на воображеніе присяжныхъ въ ущербъ фактической истинѣ и справедливости, наконецъ, неумѣстная политическая тенденціозность *) проявились у нашихъ адвокатовъ тотчасъ по введеніи судебной реформы, но все это было благодушно отнесено и обществомъ, и печатью, и даже судами къ неопытности юной адвокатуры. Только въ высшихъ правительственныхъ сферахъ взглянули на эти проявленія нѣсколько серіознѣе: въ нихъ уже тогда усмотрѣна была несостоятельность корпоративнаго надзора и руководства, вслѣдствіе чего въ 1875 году пріостановлено было дальнѣйшее открытіе совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ **). Но это распоряженіе было встрѣчено и адвокатурой, и всѣми судебными учрежденіями какъ ненужная, и даже вредная, ретроградная мѣра. Другихъ же мѣръ, кромѣ отмѣны, правилами 25 мая 1875 года, монополіи присяжной адвокатуры по гражданскимъ дѣламъ (вслѣдствіе установленія званія частныхъ повѣренныхъ), принято не было. Слѣдовало ли однако изъ этого, что тамъ, гдѣ контроль корпоративной адвокатуры оставленъ былъ по прежнему въ рукахъ совѣтовъ, всѣ прежнія уклоненія миновали безвозвратно; что, словомъ, все съ тѣхъ поръ обстоитъ благополучно въ корпоративной адвокатурѣ?

Отвѣты на этотъ вопросъ мы находимъ въ дѣятельности установленнаго надъ адвокатурой контроля судебной власти и совѣтовъ.

---

*) Въ родѣ воспоминаній о блестящихъ якобы политическихъ традиціяхъ польской исторіи—въ процессѣ Нечаева, или въ родѣ адреса Гамбеттѣ въ 1870 году изъ Москвы и т. п.

**) Такимъ образомъ остались совѣты присяжныхъ повѣренныхъ только при судебныхъ палатахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ.

По Уставамъ 1864 года, контроль за адвокатурой предоставленъ, кромѣ совѣтовъ, еще судебнымъ палатамъ и кассаціоннымъ департаментамъ Сената. Но палаты, эти наиболѣе правильно организованныя судебныя учрежденія, играли въ этомъ случаѣ роль самой несамостоятельной инстанціи, такъ какъ почти на всѣ ихъ дисциплинарныя рѣшенія бывали обыкновенно приносимы жалобы въ кассаціонные департаменты Сената, которымъ по закону принадлежитъ и общее руководство всѣми судебными органами.

Что же касается Сената, то, со времени введенія Судебныхъ Уставовъ до 1883 года, состоялся по части адвокатуры только одинъ существенный сенатскій циркуляръ (7 сктября 1878 года) въ разъясненіе примѣненія ст. 389 учр. Суд. Уст. Имъ было разъяснено, что „въ случаѣ сомнѣнія, встрѣченнаго самимъ судомъ или заявленнаго противною стороной, судъ въ правѣ, смотря по обстоятельствамъ, признать повѣреннаго — не управляющимъ въ дѣйствительности ни имѣніями, ни дѣлами довѣрителя, и потому не соотвѣтствующимъ требованіямъ 389 ст. Учр. Суд. Уст.“ Замѣчательно, что это опредѣленіе только усиливаетъ монополію корпоративной адвокатуры, предоставляя усмотрѣнію суда, по требованію противной стороны, обходить ст. 389, на основаніи которой стороны имѣютъ право поручать защиту своихъ дѣлъ, кромѣ родителей, супруговъ и дѣтей, еще и лицамъ, имѣющимъ общую съ довѣрителями тяжбу или *завѣдывающимъ по довѣренностямъ имѣніями или дѣлами тѣхъ тяжущихся*.

Вопросъ же объ отвѣтственности присяжныхъ повѣренныхъ былъ разрѣшенъ Сенатомъ въ 1880 году, по поводу дѣла о дисциплинарномъ взысканіи съ присяжнаго повѣреннаго Лохвицкаго, съ такою неожиданною снисходительностью, которая не мыслима въ лѣтописяхъ юриспруденціи. Вотъ почему заключеніе нашего „верховнаго“ судилища по этому дѣлу мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь дословно.

Обстоятельства этого дѣла вѣсьма несложны.

Дѣйствительный студентъ Элькинъ ухаживалъ за старухой Поповой и, прикинувшись женихомъ, убѣдилъ ее перевести на свое имя домъ и денежныя обязательства. Когда желаніе его было исполнено, Элькинъ выгналъ Попову изъ ея собственнаго дома. Началось уголовное преслѣдованіе Элькина. Защищалъ его на судѣ и въ *самомъ Сенатѣ* Лохвицкій. Онъ заявлялъ неоднократно, что образъ дѣйствій Элькина безнравственъ, возмутителенъ, но что въ нихъ нѣтъ состава преступленія. *Сенатъ такъ*

и рѣшилъ. Тогда Попова пожелала вернуть себѣ по крайней мѣрѣ домъ. Она его вернула на основаніи вердикта присяжныхъ, хотя въ гражданскомъ судѣ Лохвицкій тоже выступилъ въ защиту Элькина, доказывая, что домъ долженъ быть укрѣпленъ за его кліентомъ безповоротно. При этихъ то обстоятельствахъ возбуждено было дисциплинарное дѣло о самомъ Лохвицкомъ, выдвинувшее наконецъ не разъ уже возникавшій, но ни разу дотолѣ не выясненный вопросъ: подлежитъ ли отвѣтственности адвокатъ за веденіе такого дѣла, котораго безнравственность была ему положительно и заранѣе извѣстна? Московскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, и Московская судебная палата осудили Лохвицкаго, но Сенатъ оправдалъ его, и рѣшеніе свое (11 января 1880) мотивировалъ слѣдующими соображеніями:

Объяснивъ сначала, что „гражданскій судъ не стремится къ отысканію абсолютной справедливости, но лишь повѣряетъ и опредѣляетъ право тѣми способами, которые установлены закономъ“ *), Сенатъ продолжаетъ:

„Если такимъ образомъ *нравственность гражданскаго права* менѣе строга, чѣмъ *нравственность индивидуальная*, если сей послѣдней нравственности не требуется отъ самого тяжущагося, обращающагося къ содѣйствію правосудія, то *адвокатъ*, какъ представитель извѣстной профессіи, извѣстной общественной дѣятельности, въ силу которой онъ является посредникомъ между тяжущимся и судомъ по предмету разрѣшенія вопроса о правѣ, не можетъ быть разсматриваемъ въ своей дѣятельности *съ точки зрѣнія индивидуальной нравственности* **). На обязанность адвоката не можетъ быть возложено *розысканіе нравственной чистоты дѣла* (!), и потому принятіе имъ гражданскаго дѣла къ своему производству можетъ регулироваться только *закономѣрностію тѣхъ требованій*, защитникомъ которыхъ онъ является,

---

*) Сенатъ въ этомъ случаѣ забылъ, что законъ устанавляетъ, согласно съ общепринятою юридическою теоріей, только права, пріобрѣтенныя bona fide.

**) Такимъ образомъ, потому лишь, что индивидуальной нравственности не требуется отъ истцовъ и отвѣтчиковъ, не должно ее требовать и отъ членовъ корпоративной адвокатуры! Сенатъ очевидно какъ бы игнорируетъ, что обязанность совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ состоитъ, по закону, именно въ томъ, чтобы наблюдать за индивидуальною нравственностью своихъ товарищей при исполненіи ими обязанностей ихъ профессіи.

и наличностью тѣхъ данныхъ, которыя установлены закономъ и симъ послѣднимъ покровительствуются *). При этомъ нельзя оставить безъ вниманія и то, что критерій индивидуальной нравственности *слишкомъ неуловимъ* и понимается всякимъ *по своему;* допустить обязанность присяжнаго повѣреннаго устраняться отъ защиты правъ, которыя, по его мнѣнію, пріобрѣтены тяжущимся *способами нечестными,* значило бы оставить значительное число правъ, основанныхъ на законѣ, безъ защиты и затруднить тяжущимся доступъ къ правосудію, ибо веденіе гражданскихъ дѣлъ требуетъ знанія и опытности, которыми не всегда обладаютъ тяжущіеся“ **).

Такимъ образомъ „Сенатъ опасается, какъ бы иски, проистекающіе изъ безнравственнаго источника, не остались безъ защиты“! восклицаетъ съ удивленіемъ одинъ изъ самыхъ завзятыхъ защитниковъ корпоративной адвокатуры, дополняя свою мысль слѣдующими словамя: „Узнавъ, что *нравственность окончательно упразднена* (Сенатомъ) *изъ адвокатскаго кодекса, хищники не замедлятъ показать свою настоящую натуру*“ ***).

Правда, въ соображеніяхъ составителей Судебныхъ Уставовъ къ ст. 344 Учр. Суд. Уст. хотя и проводится параллель между адвокатами и медиками, но, въ концѣ концовъ, эта не вполнѣ вѣрная аналогія смягчена была при окончательной редакціи означенной статьи ****).

---

*) Закономѣрность требованій и охраненіе формъ гражданскаго права обусловлены *правильнымъ* происхожденіемъ этихъ требованій и формъ; права же, установленныя хотя и безупречно со стороны формальной, но завѣдомо возникшія, какъ въ дѣлѣ Элькина, обманнымъ образомъ, не могутъ быть источникомъ права.

**) Едва ли однако критерій индивидуальной нравственности такъ ужь неуловимъ у Элькина и его защитника; оба они поняли принципъ нравственности хотя и „по своему“, но по вполнѣ „уловимому критерію“. И неужели уклоненіе адвокатуры отъ защиты правъ, пріобрѣтенныхъ *способами нечестными,* равносильно „оставленію безъ защиты значительнаго числа правъ, основанныхъ *на законѣ?*“ Этимъ выводомъ Сенатъ какъ бы призналъ *параллельность* правъ, основанныхъ на законѣ, то-есть установленныхъ правильно, съ правами, установленными способами нечестными—въ прямой обходъ закона.

***) *Веденіе неправыхъ дѣлъ,* стр: 32 и 41.

****) „Присяжный повѣренный, назначенный для производства дѣла Совѣтомъ или предсѣдателемъ судебнаго мѣста, не можетъ отказаться отъ исполненія даннаго ему порученія, не представивъ достаточныхъ для сего причинъ“.

Въ означенномъ сенатскомъ опредѣленіи, разсужденіемъ *о формальности гражданскаго права* замаскированъ, какъ нельзя болѣе казуистически, вопросъ о дисциплинарной отвѣтственности адвоката, вопросъ чисто нравственный, ничего общего не имѣющій съ формальностями гражданскаго права. Нравственность не обязательна для истца или отвѣтчика, но она обязательна для адвоката; иначе онъ не только не можетъ пользоваться общественнымъ довѣріемъ, но не имѣетъ права и на то привилегированное положеніе, которое даетъ законъ защитнику на судѣ. Защищать право спорное не одно и то же, что отстаивать право, завѣдомо установленное обманнымъ образомъ.

Но Сенатъ, умудренный четырнадцатилѣтнимъ опытомъ своей кассаціонной практики, пришелъ, какъ мы видѣли, къ совершенно инымъ заключеніямъ, которыя должны были не мало удивить и нашихъ, и заграничныхъ юристовъ. Впрочемъ, это рѣшеніе Сената не мало смутило и нашу магистратуру, доказавъ, даже въ ея глазахъ, несостоятельность Сената въ дѣлѣ надзора за корпоративною адвокатурой *).

Что касается до министра Юстиціи, то принятіе съ его стороны мѣръ къ упорядоченію адвокатуры было тѣмъ затруднительнѣе, что, по Уставамъ 1864 года, ему не предоставлено вовсе права прямаго воздѣйствія ни на совѣты, ни на отдѣльныхъ членовъ этого сословія. Поэтому дѣятельность министерства по

---

*) Безусловный защитникъ Уставовъ 1864 года, г Джаншіевъ, въ своей брошюрѣ: *Веденіе неправыхъ дѣлъ*, (стр. 41—42), покаравъ Сенатъ за рѣшеніе по дѣлу Лохвицкаго, старается однако тутъ же и выгородить это „верховное кассаціонное судилище“, замѣтивъ, что означенная доктрина Сената была имъ, вслѣдъ за тѣтъ (въ 1881 году), замѣнена другою, болѣе правильною, при разсмотрѣніи дѣла частнаго повѣреннаго Борисланскаго. Не говоря уже о томъ, что подобное колебаніе въ основныхъ взглядахъ, едва ли прилично учрежденію, предназначенному *указывать ошибки другихъ*, мнѣніе г. Джаншіева едва ли справедливо, такъ какъ, по его же словамъ, Сенатъ въ дѣлѣ Борисланскаго осудилъ не веденіе *адвокатомъ* завѣдомо неправыхъ дѣлъ, но лишь *обходъ закона самимъ адвокатомъ*, взявшимъ фиктивный вексель съ Зорина и представившимъ ложныя объясненія относительно разсчетовъ съ векселедателемъ.

Обходить законъ, и представлять ложныя объясненія—совсѣмъ не одно и то же, что защищать завѣдомый обходъ закона *другимъ*. Въ первомъ случаѣ—это личное преступленіе, во второмъ—защита преступленія, совершеннаго другимъ. Первое еще предосудительнѣе, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Сенатъ поступилъ въ этомъ случаѣ нѣсколько строже.

этой части, въ періодъ времени со введенія Судебныхъ Уставовъ до 1883 года, ограничилась слѣдующими циркулярами *):

1) 1872 года, о принятіи „къ руководству опредѣленія общаго собранія департаментовъ Одесской судебной палаты, которымъ признано, что возбужденіе уголовныхъ преслѣдованій противъ присяжныхъ повѣренныхъ, независимо отъ порядка, указаннаго въ ст. 368 Учр. Суд. Уст., можетъ происходить въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства.

2) 1874 года, объ увѣдомленіи министра старшими предсѣдателями о всякомъ выбывающемъ и вновь вступающемъ присяжномъ повѣренномъ.

3) 1875 года, подробныя правила о взиманіи, храненіи и расходованіи десятипроцентнаго сбора съ присяжныхъ повѣренныхъ.

4) 1875 года, о воспрещеніи выдавать лицамъ женскаго пола свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ.

И только. Изъ этихъ скудныхъ наставленій Сената и министерства Юстиціи очевидно, что наша корпоративная адвокатура фактически оказалась вполнѣ независимою отъ надзора государственной власти.

Обратимся теперь къ дисциплинарному надзору самихъ совѣтовъ. Извѣстно, какія блистательныя надежды возлагались на этотъ товарищескій контроль составителями Судебныхъ Уставовъ, всѣмъ судебнымъ вѣдомствомъ, публикой, и печатью. Но къ чему привели эти надежды?

Возьмемъ, для примѣра, отчетъ Московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за недавнее время, именно за 1882—1883 годы **).

Изъ этого отчета мы прежде всего узнаемъ, что на 315 повѣренныхъ (и 112 помощниковъ) было 750 дисциплинарныхъ дѣлъ. Это одно уже доказываетъ, какъ часты и многочисленны жалобы на нашихъ адвокатовъ, а слѣдовательно, какъ далеко наши адвокаты, послѣ восемнадцатилѣтняго опыта Судебныхъ Уставовъ, не пользуются тѣмъ общественнымъ довѣріемъ, которое составители Уставовъ такъ самоувѣренно имъ предрекали, и гдѣ же— въ Москвѣ! Затѣмъ по 123 дѣламъ сдѣланы *предостереженія*, а по 53 *выговоры*, но не надо забывать, что и тѣ, и другіе не имѣютъ никакого серіознаго значенія. Посему, итогъ дѣйстви-

*) *Сборникъ*, А. Тимановскаго, стр. 101—102.

**) См. послѣднюю книжку *Московскаго Юридическаго Вѣстника* за 1883 годъ.

тельныхъ взысканій сводится фактически: къ двадцати одному временному воспрещенію практики, къ одиннадцати исключеніямъ изъ сословія и къ возбужденію одного уголовнаго преслѣдованія. Всего 33 взысканія по 750 дѣламъ.

Можно, пожалуй, подумать, что такая малочисленность взысканій доказываетъ не слабость совѣтскаго контроля, а только неосновательность возбужденія прочихъ 717 дисциплинарныхъ дѣлъ. Но такое объясненіе едва ли будетъ вѣрно, такъ какъ, даже при поверхностномъ ознакомленіи съ самою системой взысканій, нельзя не убѣдиться, что они были налагаемы совѣтомъ съ самою поразительною снисходительностью.

Вотъ нѣкоторые факты въ подтвержденіе этого вывода.

Присяжный повѣренный С., присутствуя въ качествѣ присяжнаго попечителя при описи имущества несостоятельнаго должника, обратился къ госпожѣ М., по поводу заявленія, сдѣланнаго ею судебному приставу, со слѣдующими словами: „Я вамъ совѣтую не разсуждать руками и держать ихъ на животѣ, какъ всегда держите; если вы ничего не понимаете и у васъ ничего нѣтъ тутъ (указывая на лобъ), то спросите другихъ“. Привлеченный къ отвѣту по жалобѣ г-жи М. на оскорбительность этихъ выраженій, присяжный повѣренный весьма наивно, или вѣрнѣе, черезчуръ ужъ беззастѣнчиво, объяснилъ, что первая фраза не содержитъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, такъ какъ жалобщица дѣйствительно держитъ руки на животѣ; „держи ихъ она на колѣняхъ, онъ сказалъ бы тоже о колѣняхъ“. Затѣмъ, по его словамъ, вторая фраза, если устранить изъ нея неправдоподобное и ненужное повтореніе „ничего не понимаете“ и принять во вниманіе ея условность (?), точно также не оскорбительна. Кромѣ того, замѣтилъ онъ, нужно принять во вниманіе, что за женщина М. (?) и какова ея личная чувствительность къ тѣмъ или другимъ фразамъ (!).

И что же? Вмѣсто того, чтобъ объявленіемъ *строгаго выговора* сразу остановить дерзкаго собрата, судъ товарищей пустился по поводу этого случая, не требующаго вовсе, по своей наглядности, подробной оцѣнки, въ слѣдующее многоговореніе:

„Приведенныя фразы не могутъ быть признаны приличными, допускаемыми въ дѣловыхъ объясненіяхъ, и тѣмъ болѣе съ женщиною. Фразы эти заключаютъ въ себѣ грубую насмѣшку и оскорбительны для того лица, къ которому относятся. Сдержанность, самообладаніе, уваженіе къ личности—основныя правила дѣятельности присяжнаго повѣреннаго; отступленіе отъ этихъ

правилъ не можетъ быть оправдываемо ссылкою на личную чувствительность къ обидѣ лицъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло“ и т. п. И вся эта высокопарная тирада оканчивается объявленіемъ дерзкому собрату самаго безобиднаго для него *предостереженія!*

Предостереженіе—не взысканіе, даже не замѣчаніе, не выговоръ; это лишь предупрежденіе о возможности взысканія въ случаѣ повторенія извѣстнаго проступка. Такимъ образомъ дерзкое обращеніе присяжнаго повѣреннаго при отправленіи имъ его обязанностей съ частными лицами остается, по теоріи Московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, совершенно безнаказаннымъ, доколѣ оно не повторится. Такое рѣшеніе отечески снисходительно относительно присяжнаго повѣреннаго, но едва ли оно достаточно ограждаетъ тѣхъ, кто принужденъ по дѣламъ встрѣчаться съ грубыми адвокатами.

Далѣе, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Ф. явился въ окружный судъ для защиты уголовнаго дѣла въ *нетрезвомъ видѣ*, вслѣдствіе чего засѣданіе состояться не могло. „Судьи въ шитыхъ мундирахъ, 30 представителей общественной совѣсти, подсудимый, со страхомъ и надеждой ожидающій рѣшенія его участи, свидѣтели, томящіеся въ ожиданіи вызова для дачи показанія и... пьяный защитникъ! Картина изумительная и, надо думать, безпримѣрная“, замѣтила весьма вѣрно по этому поводу одна газета*).

Еще примѣръ. Дворянка К. обратилась въ совѣтъ съ жалобой, обвиняя присяжнаго повѣреннаго П. въ томъ, что онъ, взявъ у нея взаймы 400 руб., не заплатилъ по ея требованію, а когда ею полученъ былъ исполнительный листъ на взысканіе этихъ денегъ, попросилъ отсрочки и, получивъ такую, *скрылъ свое имущество* и выбылъ изъ Москвы. Казалось бы, что этого послѣдняго обстоятельства было достаточно, чтобъ исключить столь неблагонадежную личность изъ сословія, но совѣтъ, совершенно какъ въ дореформенное время, сталъ розыскивать П. сначала, по дошедшимъ слухамъ, въ Кубанской области, а потомъ опять въ Москвѣ, откуда, какъ оказалось, П. снова поспѣшилъ скрыться въ Тулу. Затѣмъ совѣтъ приступилъ къ академическому обсужденію вовсе не головоломнаго вопроса о томъ: можетъ ли считаться принадлежащимъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ лицо, неизвѣстно гдѣ пребывающее и неизвѣстно чѣмъ занимающееся; разрѣшивъ, наконецъ, этотъ

*) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 23 декабря 1883 года.

вопросъ отрицательно, совѣтъ опредѣлилъ исключить П. изъ сословія—по случаю его безвѣстнаго отсутствія, но вовсе не вслѣдствіе недобросовѣстной продѣлки его съ дворянкой К.

Приведенные мелкіе факты, характеризуя безсиліе совѣта присяжныхъ, въ тоже время представляютъ, такъ сказать, и бытовыя черты нашей адвокатуры. Но вотъ примѣры болѣе крупные:

Графиня Л. жаловалась на присяжнаго повѣреннаго П. за то, что, получивъ отъ нея 126 руб. для взноса въ окружный судъ, на предметъ осмотра ея лѣсной дачи,, онъ денегъ этихъ въ судъ не представилъ и ей не возвратилъ. Присяжный повѣренный П. *отрицалъ* полученіе этихъ денегъ, отъ графини, а когда послѣдняя представила въ совѣтъ *письмо* П., которымъ онъ увѣдомлялъ ее о полученіи денегъ, и когда, сверхъ того, фактъ полученія этихъ денегъ былъ удостовѣренъ *двумя свидѣтелями*, то П. подалъ въ совѣтъ лисьменное заявленіе о томъ что, *въ виду отсутствія у него доказательствъ* неполученія имъ отъ графини означенныхъ денегъ, онъ признаетъ за лучшее возвратить ей требуемыя деньги, въ удостовѣреніе чего представилъ росписку графини въ полученіи ею 126 руб., Совѣтъ, находя, что присяжный повѣренный П. долженъ былъ бы подлежать за свой поступокъ высшей мѣрѣ дисциплинарнаго взысканія, но имѣя въ виду, что онъ возвратилъ (лишь по настоянію совѣта) принадлежащія графинѣ деньги, *воспретилъ ему практику на шесть мѣсяцевъ*—оставляя, однако, въ своей средѣ собрата, способнаго не только на лживое показаніе, но и уличеннаго въ попыткѣ присвоенія чужихъ денегъ подъ предлогомъ употребленія ихъ по довѣрянному ему дѣлу.

Другой присяжный повѣренный, заложивъ, по довѣренности, принадлежавшій его довѣрителю домъ и получивъ подъ залогъ этого дома изъ городскаго кредитнаго общества 16.000 руб., скрывалъ это отъ своего довѣрителя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, ложно увѣряя его, что Кредитное Общество не выдаетъ ссуды за непредставленіемъ страховаго полиса, который, какъ то зналъ присяжный повѣренный, былъ затерянъ. Когда обманъ этотъ обнаружился и довѣритель сталъ требовать отъ присяжнаго повѣреннаго полученныхъ имъ денегъ, то присяжный повѣренный денегъ не возвратилъ. По полученіи жалобы, совѣтъ, прежде чѣмъ разрѣшить таковую по существу, обязалъ присяжнаго повѣреннаго возвратить деньги, который однако этого не исполнилъ и никакихъ объясненій совѣту не далъ. Совѣтъ, вмѣсто того чтобы направить дѣло уголовнымъ порядкомъ, ограничился

исключеніемъ этого присяжнаго повѣреннаго изъ сословія, предоставивъ довѣрителю самому, какъ знаетъ, вѣдаться съ ограбившимъ его адвокатомъ, хотя довѣритель довѣрился ему лишь какъ члену отвѣтственной предъ совѣтомъ корпораціи.

Но всего куріознѣе слѣдующее дѣло. Одинъ присяжный повѣренный принялъ на себя, въ сентябрѣ 1881 года, веденіе гражданскаго дѣла и, получивъ на расходы по оному 300 руб., 9 октября того же года увѣдомилъ довѣрительницу свою, что дѣло рѣшено судомъ въ ея пользу. Но въ концѣ 1882 года довѣрительница убѣдилась, что порученное ею присяжному повѣренному дѣло не только не разрѣшено судомъ, но и не начато. Она обратилась, конечно, съ жалобой въ совѣтъ, который потребовалъ объясненія отъ присяжнаго повѣреннаго. Послѣдній представилъ совѣту слѣдующій отзывъ:

„Я признаю свою вину безо всякихъ оговорокъ. Частныя, домашнія причины, обусловившія мое *внутреннее настроеніе* (!) и мой образъ дѣйствій, не могутъ ни оправдать, ни извинить моихъ профессіональныхъ грѣховъ. Какъ бы ни былъ суровъ приговоръ моихъ товарищей, я подчиняюсь ему безаппеляціонно.“

И что же? Мягкосердый совѣтъ изъ товарищей не только не произнесъ „суроваго приговора“, но даже не побрезгалъ оставить, попрежнему, въ своей средѣ этого „профессіональнаго“ грѣшника.

Принявъ во вниманіе раскаяніе своего собрата, сознаніе имъ тяжести совершеннаго проступка, который онъ не рѣшается *даже* оправдывать *затруднительными семейными обстоятельствами* (sic), наконецъ прежнюю безупречную дѣятельность и *отсутствіе корыстныхъ видовъ* (въ указанномъ-то случаѣ?), совѣтъ объявилъ виновному—о ужасъ!—*строгій выговоръ*. Правда, это рѣшеніе было опротестовано прокуроромъ, но взглядъ совѣта на это дѣло тѣмъ не менѣе не теряетъ своего особаго букета.

„Если какой-либо мелкій чиновникъ“, справедливо замѣчено было по этому поводу въ одномъ изъ органовъ нашей печати *), „за ломѣщеніе съ намѣреніемъ ложныхъ свѣдѣній въ составленной имъ оффиціальной бумагѣ, подлежитъ отвѣтственности, установленной закономъ за подлогъ, то-есть лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь (ст. 362 Улож. о Наказ.), то какъ бы ни было велико раскаяніе присяжнаго повѣреннаго, сообщившаго своему довѣрителю завѣдомо ложныя свѣдѣнія, другими словами, совершившаго подлогъ, какъ бы искренно ни

*) Ibidem.

сознавалъ онъ тяжести своего проступка, какъ бы тяжелы ни были домашнія его обстоятельства и какъ бы безупречна ни была его прежняя дѣятельность—немыслимо свести отвѣтственность виновнаго въ проступкѣ, признаваемомъ самимъ совѣтомъ однимъ изъ тяжкихъ видовъ профессіональныхъ проступковъ, къ объявленію ему платоничтскаго выговора, хотя бы и строгаго."

Со своей стороны замѣтимъ: когда въ составѣ сословія удерживаются личности, подобныя вышеупомянутымъ, то очевидно, что и составъ сословія, и контроль совѣта не внушаютъ, и не могутъ внушать никакого довѣрія. Повѣренные, фигурирующіе въ этихъ фактахъ, напоминаютъ печальной памяти нашихъ прежнихъ ходатаевъ по дѣламъ, а не тѣхъ героевъ правды и долга, которыхъ имѣли въ виду наивные теоретики судебной реформы.

Право прокурора палаты протестовать противъ неправильныхъ опредѣленій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ отнюдь не гарантируетъ состоятельности совѣтскаго надзора. Изо всей массы дисциплинарныхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Московскимъ совѣтомъ въ 1882—1883 годахъ, прокуромъ были опротестованы только 13 опредѣленій, а по приведеннымъ нами случаямъ—только одинъ разъ!

Изъ отчета совѣта Петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ съ 1 марта 1887 г. по 1888 г. видно, что въ означенномъ году разрѣшено 103 дисциплинарныхъ дѣла, по которымъ состоялось 33 взысканія—общее же число присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ въ Петербургскомъ судебномъ округѣ простиралось до 579. Такимъ образомъ процентъ взысканій въ Петербургѣ меньше, нежели въ Москвѣ, и это естественно объясняется тѣмъ что петербургская адвокатура, находясь въ центрѣ высшаго правительственнаго надзора, значительно сдержаннѣе, чѣмъ Московская, но провинности адвокатовъ и въ Петербургѣ, какъ видно изъ послѣдняго отчета, въ томъ же родѣ, какъ и въ Москвѣ.

Тѣ же самыя плачевныя явленія замѣчаются среди присяжныхъ повѣренныхъ и въ другихъ судебныхъ округахъ. Газеты всѣхъ оттѣнковъ переполнены были, въ теченіе истекшаго двадцатилѣтія, указаніями на факты, подобные вышеприведеннымъ. *)

---

*) Вотъ нѣсколько примѣровъ за самое послѣднее время:

Въ январѣ 1888 г. по дѣлу о похищеніи пакета съ 120,000 р. изъ Московскаго почтамта, одинъ изъ защитниковъ не церемонился заявить на судѣ, что подсудимыми сдѣлано было, по этому случаю, безъ

Относительно же надзора за присяжными повѣренными *по дѣламъ уголовнымъ* дѣятельность совѣтомъ сводится уже просто къ нулю. Между тѣмъ, эта сторона дѣятельности присяжной адвокатуры имѣетъ не менѣе крупное значеніе, въ особенности по своему вліянію на присяжныхъ засѣдателей. Не говоря уже о той политической тенденціозности, которую нерѣдко искусственно вносятъ наши адвокаты въ процессы общеуголовные, мы не можемъ обойти молчаніемъ того беззастѣнчиваго выгораживанья, предъ судьями, разныхъ крайнихъ теорій, какимъ ознаменовали себя они въ процессахъ чисто политическихъ. Затѣмъ, и въ обще-уголовной сферѣ, наглое обѣленіе предумышленнаго убійства, расхищенія казенныхъ и общественныхъ суммъ, мошенничества, двоеженства и т. л., не разъ находило мѣсто не только въ глухихъ мѣстахъ Имперіи, но и въ самыхъ интеллигентныхъ центрахъ нашего отечества, въ Москвѣ

ущерба для частныхъ лицъ, дѣло, *полезное* для казны въ смыслѣ увеличенія страховаго почтоваго сбора.

Въ мартѣ, въ Екатеринбургѣ, по дѣлу о кражѣ драгоцѣнныхъ металловъ съ казенныхъ заводовъ, защитникъ золотопромышленниковъ Скрябина и Бочкова вздумалъ выгораживать своихъ кліентовъ объясненіемъ, что они являются благодѣтелями рабочихъ, и что, если съ юридической, чисто формальной стороны, они виноваты, то по существу ихъ слѣдуетъ *наградить*, а не карать (*Новое Время*, № 4305).

Въ мартѣ же, въ Саратовскомъ окружномъ судѣ, по дѣлу Боде и другихъ о поддѣлкѣ фальшивой золотой монеты, защитникъ подсудимыхъ провозгласилъ: „При всемъ желаніи обвинителя найти мѣсто для сбыта фальшивыхъ золотыхъ, онъ могъ указать только на два: на украшеніе татаркамъ и на зарываніе ихъ въ горшкахъ деревенскими скопидомами. Но объ нихъ и скорбѣть нечего: во первыхъ эти случаи рѣдки; а во вторыхъ, отъ скопленія даже и фальшивыхъ золотыхъ въ горшкѣ скопидома не пострадаетъ бѣднякъ, а слѣдовательно и *вреда отъ этого*, кромѣ зажирѣвшаго богача, никому нѣтъ. (Саратовскій Листокъ, № 66).

Въ маѣ того же 1888 года, въ г. Умани, защитникъ оправдывалъ крестьянку Харченкову, утопившую свою 8 мѣсячную дочь, тѣмъ, что преступленіе было ею совершено въ состояніи крайней *необходимости*, и что въ такихъ случаяхъ самъ законъ будто бы *оправдываетъ* преступника—умышленно смѣшивая крайнюю необходимость съ случаемъ *необходимой самообороны*, (хотя съ другой стороны, даже крайняя необходимость, на которую ссылалась подсудимая, вовсе не была на судѣ доказана).

и Петербургѣ, — а въ послѣднее время даже чаще, нежели гдѣ-либо. Во всѣхъ этихъ случаяхъ защита прибѣгаетъ не къ юридическимъ доводамъ—занимающимъ столь видное мѣсто въ адвокатскихъ рѣчахъ въ Англіи, Германіи и даже Италіи, но, какъ во Франціи, къ эффектнымъ указаніямъ на испорченность среды, въ которой вращался подсудимый, или на затруднительность его семейнаго положенія; къ искусственно подобраннымъ одобрительнымъ показаніямъ о прежней жизни подсудимаго, компрометтированію и оскорбленію неблагопріятныхъ подсудимому свидѣтелей; къ экспертизѣ, не вызываемой никакими болѣзненными признаками; наконецъ, къ самымъ натянутымъ выводамъ изъ психіатріи, психолатіи и даже гипнотизма. Роль защиты въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ, затѣмъ въ дѣлѣ Мельницкихъ и Свиридова, въ дѣлахъ объ убійствѣ Сарры Бекеръ и о разбоѣ Островлевой и др. всѣмъ еще памятна.

Наконецъ, общественное негодованіе на безобразія корпоративной адвокатуры усилилось до такой степени, что оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента, извѣстный криминалистъ Н. И. Неклюдовъ, при обсужденіи въ Сенатѣ дѣла Мельницкихъ, произнесъ, въ 1884 году, слѣдующія многозначительныя слова:

„Въ настоящее время, ни для кого не тайна, что Уставы 20 ноября 1864 года — это послѣднее звено въ ряду реформъ, слава и гордость прошлаго царствованія, — подверглись публично тяжкимъ нареканіямъ, и *справедливость требуетъ сказать, что значительная часть этихъ нареканій вполнѣ заслуженно падаетъ на долю защиты, прибѣгающей къ однимъ и тѣмъ же неблаговиднымъ средствамъ: къ обѣленію злодѣя и стремленію, во что бы то ни стало, не стѣсняясь ничѣмъ, отмстить, распять и свидѣтелей, и потерпѣвшихъ, обвинительную власть и законъ.* Вотъ почему необходимо установить *строгій контроль* Правительствующаго Сената надъ дѣйствіями предсѣдающихъ въ засѣданіяхъ и *надъ защитой*, который *снова* поставитъ уголовное правосудіе на ту высоту, на которой ему стоять надлежитъ“.

Здѣсь уже прямо признается необходимость строгаго контроля судебной власти надъ довѣренными, а слѣдовательно и несостоятельность контроля совѣтовъ. Но мы уже видѣли, что самый контроль Сената былъ, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, крайне недостаточнымъ, и нѣтъ никакихъ основаній полагать, что это „верховное судилище“ будетъ; вслѣдствіе призыва г. Неклюдова, дѣйствовать впредь энергичнѣе и послѣдовательнѣе.

Разсматривавшееся годъ спустя, то-есть въ мартѣ 1885 года, въ Харьковской судебной палатѣ дѣло о злоупотребленіяхъ по Таганрогской таможнѣ, должно было убѣдить всѣхъ и каждаго, что уголовное правосудіе не поставлено у насъ *снова* на надлежащую высоту, и что адвокаты *попрежнему* продолжаютъ глумиться надъ правосудіемъ.

Замѣчательно, что въ этомъ дѣлѣ, на предварительномъ слѣдствіи, подсудимые почти всѣ сознались, но когда наѣхали изъ Москвы и Петербурга адвокаты для ихъ защиты, подсудимые стали отпираться отъ своихъ показаній на судебномъ слѣдствіи. Затѣмъ, при произнесеніи защитительныхъ рѣчей, одинъ адвокатъ доказывалъ, что *допущеніе экспертизы*, разъяснившей путаницу таможенной процедуры, есть *нарушеніе справедливости въ отношеніи къ подсудимымъ*; другой просилъ прокурора не задавать вопросовъ его кліенту, который какъ *слабохарактерный* человѣкъ, *начнетъ еще сознаваться*, хотя законъ даетъ ему право молчать; а присяжный повѣренный Александровъ, защищавшій контрабанду вообще какъ *психологическое отвращеніе* отъ взноса „несимпатичной и непопулярной повинности“, утверждалъ, что *подкупъ и соблазнъ чиновниковъ не есть преступленіе*, хотя и значится въ Улож. о Наказ.; наконецъ, защитникъ Коробчевскій заявилъ, что *донесеніе о преступленіи есть шпіонство, дѣло позорное*, коимъ должны заниматься лица, избравшія шпіонство своею профессіей.

Серіозная часть нашей печати неутомимо обличала всѣ адвокатскія безобразія, несмотря на то, что такъ-называемые либеральные органы постоянно и настойчиво выгораживали народившуюся съ 1866 года адвокатуру ото всякихъ нареканій, относя всѣ уклоненія ея отъ праваго пути „къ отдѣльнымъ случаямъ, не подлежащимъ обобщенію“. Но Таганрогское дѣло привело даже и эту печать къ слѣдующему общему выводу:

„Пробѣгая отчетъ о Харьковскомъ процессѣ, поражаешься, какъ постоянное обращеніе въ средѣ дѣльцовъ, расхитителей и воровъ, понизило нравственный уровень нашей адвокатуры. *Одною изъ цѣлей гласнаго суда предполагалось воспитаніе общества на началахъ справедливости, и даже нравственности; выходитъ же, наоборотъ, что отъ судебной практики люди, которыхъ ранѣе знали за почтенныхъ, не стыдятся проповѣдывать открыто самыя циническія и возмутительныя теоріи*, и все это подъ предлогомъ іезуитскаго правила: цѣль оправдываетъ средства. Какъ будто и дѣйствительно задача юстиціи со-

стоитъ въ томъ, чтобы наибольшее число воровъ и другихъ преступниковъ ускользали отъ наказанія. Какъ будто бы адвокатъ имѣетъ право гордиться, если краснорѣчивыми софизмами, уловками, увертками ему удалось оправдать завѣдомаго мошенника?"*)

Что же послѣ всего этого сказать еще о частныхъ повѣренныхъ, оставленныхъ Судебными Уставами 1864 года вовсе безъ надзора?

Вотъ что говоритъ о нихъ полтавскій губернаторъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1870 годъ.

„Многіе изъ нихъ не стѣсняются никакими мѣрами для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба, и съ этою цѣлью возбуждая населеніе къ разнымъ спорамъ и искамъ, большею частію приводятъ тяжущихся къ тѣмъ печальнымъ результатамъ, что, по неосновательности затѣянной тяжбы, не выигрывая ее, дѣлаютъ только затрату на судебныя издержки и, по предварительно заключеннымъ условіямъ, удовлетворяютъ подстрекателей за хожденіе по дѣламъ".

О частныхъ же адвокатахъ предсѣдатель Нижегородскаго окружнаго суда писалъ: „для нихъ правота и неправота иска — дѣло чисто второстепенное; главное же дѣло — полученіе вознагражденія съ той и другой стороны". **)

Приводя эти свидѣтества, одинъ изъ самыхъ рьяныхъ защитниковъ самоуправленія корпоративной адвокатуры дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе:

„Вотъ къ чему приводитъ предоставленіе адвокатамъ абсолютной свободы, и изъятіе ихъ дѣйствій *изъ-подъ контроля общественной власти*". ***)

Но мы видѣли выше и подвиги адвокатуры, состоящей подъ контролемъ общественной власти; поэтому, никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что частные адвокаты хуже только потому, что они не подчинены совѣтамъ. Разница между пріемами присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ обусловливается совершенно другими причинами: первые — покрупнѣе, пользуются монополіей, дѣйствуютъ размашисто, и самыя злоупотребленія ихъ, въ особенности по своей матеріальной цѣнности, имѣютъ болѣе крупный характеръ; послѣдніе же — мелкая братія, питающаяся мелкими крупицами, и потому еще менѣе разборчивая, чѣмъ адвокаты присяжные.

*) *Новое Время*, 9 марта 1885 года.

**) *Журналъ Гражд. и угол. Права* 1873 года, № 3.

***) *Веденіе неправыхъ дѣлъ*, стр. 5.

Безобразія частной адвокатуры вызвали по крайней мѣрѣ энергію правительственной власти. Высочайше утвержденными 25 мая 1874 года правилами частная адвокатура дисциплинирована гораздо правильнѣе, нежели адвокатура присяжная. Эти правила установили за частными повѣренными контроль не товарищеской компаніи, а суда и министра Юстиціи; здѣсь контроль обособленъ отъ контролируемыхъ, и потому вполнѣ самостоятеленъ. Если же на практикѣ и контроль надъ частными повѣренными не всегда достигаетъ своей цѣли, то причина тому заключается не въ его организаціи, но въ неудовлетворительности самой магистратуры. Съ подъемомъ юридическаго и нравственнаго уровня магистратуры усилится и состоятельность ея контролирующей способности.

Во всякомъ случаѣ, организація защиты при судахъ, возникшихъ на основаніи Уставовъ 1864 года, есть такое больное мѣсто судебной реформы, что коренное преобразованіе этой части не можетъ быть долѣе откладываемо въ интересахъ какъ правосудія, такъ и частныхъ лицъ.

VII.

Присяжные засѣдатели, по Уставамъ 1864 года, не стѣснены ни закономъ, ни правилами о доказательствахъ; въ качествѣ „судей общественной совѣсти“, они произносятъ вердикты единственно въ силу одного своего личнаго убѣжденія или, вѣрнѣе, впечатлѣнія. Кромѣ того, въ видахъ обезпеченія независимости присяжныхъ вообще, и въ особенности отъ государственной власти, постановлено было избирать ихъ изъ массы населенія коммиссіей изъ представителей мѣстнаго самоуправленія, безъ малѣйшаго вмѣшательства правительства. Для присяжныхъ даже не опредѣлено было никакого умственнаго ценза, а имущественный цензъ установленъ былъ почти фиктивный. Наконецъ, присяжные при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ составляютъ совершенно отдѣльную отъ суда коллегію, и по закону находятся внѣ всякаго его вліянія.

Съ другой стороны, изъ сравненія нашихъ присяжныхъ съ заграничными, мы уже знаемъ, что по способу своего избранія и по объему своей власти, они не имѣютъ ничего общаго съ институтомъ присяжныхъ ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни въ Италіи, ни въ Австріи; даже въ республиканской Франціи вы-

боръ присяжныхъ производится не одною, а двумя коммиссіями, мѣстною и департаментскою, въ которыхъ, вмѣстѣ съ представителями мѣстнаго самоуправленія, участвуютъ и органы правительственной власти, а при распространенности въ этой странѣ элементарнаго школьнаго образованія, въ число присяжныхъ людей безграмотные вовсе не попадаютъ.

Такимъ образомъ, разобщеніе института присяжныхъ съ государственною властію было у насъ доведено закономъ донельзя, какъ нигдѣ. Какъ въ совершенной независимости магистратуры и адвокатуры отъ государственной власти составители Судебныхъ Уставовъ предусматривали главную гарантію правильности образа дѣйствій той и другой, такъ точно въ абсолютной свободѣ присяжныхъ эти теоретики находили единственное ручательство въ безошибочности изрекаемыхъ „судьями общественнаго мнѣнія“ вердиктовъ.

Собственно говоря, введеніе въ такой формѣ института присяжныхъ вполнѣ упраздняло государственную власть въ дѣлѣ уголовнаго правосудія, причемъ самое право помилованія, эта существенная прерогатива монарха, переносилась тоже на присяжныхъ. Но въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда наибольшая часть нашей интеллигенціи проникнута была псевдо-либеральными тенденціями и всюду только усматривала стѣсненіе правительствомъ частной иниціативы, подобное нововведеніе не могло не возбудить почти всеобщаго, бурнаго сочувствія, которое укрѣпилось за этимъ институтомъ на весьма долгое время.

Судъ присяжныхъ, на первыхъ же порахъ, сталъ противополагаться суду коронному, и конечно къ невыгодѣ послѣдняго.

На вердикты присяжныхъ принято было смотрѣть, какъ на нѣкое священнодѣйствіе, и всякое свободное слово критики было принимаемо за посягательство на прирожденное народу право творить себѣ непогрѣшимый судъ. Такимъ образомъ, правда и справедливость, способность быстро и вѣрно усвоивать суть самыхъ запутанныхъ процессовъ, абсолютное безпристрастіе и высокая честность сдѣлались, въ глазахъ большинства нашей публики, исключительною привиллегіей присяжныхъ.

На судей же коронныхъ стали смотрѣть какъ на педантовъ закона, способныхъ быть самостоятельными предъ правительствомъ, но неспособныхъ безпристрастно и правильно рѣшать вопросы о виновности или невиновности подсудимыхъ.

Словомъ, бальзамомъ отъ воровъ, мошенниковъ и убійцъ, отъ злоупотребленій со стороны правительственныхъ лицъ, ото всякаго рода хищеній, провозглашенъ былъ только судъ присяжныхъ.

Случаи очевидно неправильныхъ вердиктовъ, возникавшіе даже на первыхъ порахъ послѣ введенія судебной реформы, а затѣмъ все болѣе и болѣе учащавшіеся, не разсѣяли этого увлеченія. Когда *Московскія Вѣдомости* назвали весьма мѣтко судъ присяжныхъ *судомъ улицы*, то на это органы такъ-называемой либеральной печати отвѣчали въ одинъ голосъ: „судъ улицы, какими бы недостатками онъ ни страдалъ, все-таки наилучшій изо всѣхъ, какіе знало до сихъ поръ человѣчество“.

Выражено было даже мнѣніе, что *возможность ошибки* „у присяжныхъ, находящихся подъ контролемъ общественной совѣсти, выражающихъ собою приблизительно нравственныя понятія общества (ergo—весьма неустойчивыя?), менѣе велика (!) чѣмъ та же возможность у короннаго судьи, еслибы послѣдній, отражая на себѣ больше *книжную ученость* и процессуальный навыкъ, чѣмъ взгляды живой жизни, сталъ рѣшать вопросъ факта въ судебномъ процессѣ“ *).

Тотъ же самый взглядъ высказалъ г. Марковъ въ *Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права* **). Обсуждая выгоды суда присяжнаго надъ безприсяжнымъ, авторъ, между прочимъ, указываетъ на то, что „постоянное отношеніе къ темной сторонѣ жизни и *замкнутость въ своей спеціальности* развиваютъ (въ коронныхъ судьяхъ) извѣстную *черствость сердца, узкость взгляда, буквоѣдство* и невѣрное пониманіе дѣйствительности“. При этомъ г. Марковъ ссылается на наши дореформенные суды, забывая, что они состояли изъ выборныхъ же судей, а не изъ юристовъ, и дѣйствовали при совершенно другой обстановкѣ. Далѣе авторъ подтверждаетъ свой взглядъ авторитетомъ Фостена Эли, по мнѣнію коего, коронные судьи всегда болѣе склонны слѣдовать научнымъ правовымъ идеямъ и законодательнымъ нормамъ, какихъ дѣйствительно, къ удовольствію русскаго юриста, вовсе и не полагается въ основѣ нашего института присяжныхъ. Наконецъ г. Марковъ приходитъ къ заключенію, будто „безприсяжный судъ развиваетъ небрежность и въ судебныхъ слѣдователяхъ, и въ прокуратурѣ, и въ самихъ судьяхъ, которые знаютъ, что за ними есть другая инстанція, которая можетъ испра-

*) *Новое Время*, 23 августа 1883 годз.

**) Въ майской книжкѣ за 1883 годъ.

вить ихъ ошибку", Но почтенный юристъ забываетъ, конечно, при этомъ, что ошибки еще возможнѣе тамъ, гдѣ ихъ вовсе не исправляютъ, а это именно и составляетъ главное зло института присяжныхъ.

Въ объемистомъ сочиненіи, спеціально посвященномъ нашему суду присяжныхъ товарищемъ прокурора Московскаго окружнаго суда Н. П. Тимоѳеевымъ *), судъ присяжныхъ признанъ тоже „совершеннѣйшимъ изо всѣхъ идеаловъ суда", и названъ „судомъ непринужденной человѣческой совѣсти", а всѣ тѣ вердикты присяжныхъ, которые кажутся неправильными, выгораживаются ссылкой на вліяніе разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или тѣмъ соображеніемъ, что присяжные, руководимые гуманнымъ чувствомъ и здравымъ смысломъ, только *исправляли* своими приговорами *неудовлетворительность закона или ненормальности общественнаго строя*. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Тимоѳеева, институтъ присяжныхъ болѣе чѣмъ одинъ изъ факторовъ уголовнаго правосудія: ихъ вердикты возводятся имъ на степень источника права, и даже высшаго регулятора жизни вообще **).

Наконецъ, въ своемъ *Курсѣ уголовнаго права*, профессоръ Фойницкій говоритъ:

„Введеніе *вчерашняго раба* въ составъ суда присяжныхъ было дерзкимъ шагомъ теоретическаго ума; однако его увѣнчалъ опытъ, затмившій опасенія практиковъ" ***).

Вмѣстѣ съ тѣмъ и взаимныя отношенія между присяжными и судьями были теоретически опредѣлены однимъ изъ защитниковъ этого института слѣдующимъ образомъ:

„Установляя судъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, законодатель распредѣлилъ работу этого учрежденія между двумя коллегіями, входящими въ его составъ, возложивъ на присяжныхъ *трудъ* и поставивъ непремѣннымъ условіемъ дѣятельности суда

---

*) *Судъ присяжныхъ въ Россіи*, Москва 1882 года.

**) Эта туманная теорія, приписывающая присяжнымъ задачу, которая не возложена на нихъ даже и на Западѣ, гдѣ они однако возникли, не убѣдительна уже по одному тому, что она опирается на данныя, чуждыя требуемой наукою объективности. Авторъ, въ подтвержденіе своей основной, но очевидно предвзятой мысли, хотя и собралъ огромную массу наблюденій надъ институтомъ присяжныхъ въ Россіи за пятнадцать лѣтъ, но безо всякой критики по части ихъ достовѣрности и основательности.

***) Стр. 449.

коронnаго—*умѣнье* и *знаніе*. Присяжные несутъ на себѣ трудъ оцѣнки и провѣрки доказательствъ, и совершаютъ подчасъ *тяжкую работу* вывода опредѣленнаго убѣжденія изъ массы разнообразныхъ, противорѣчивыхъ и сложныхъ данныхъ. На представителей суда возлагается обязанность руководить ходомъ процесса, идя *рука объ руку* съ присяжными до постановки ими рѣшенія, руководить съ умѣньемъ и прилагать затѣмъ къ состоявшемуся рѣшенію то *техническое* знаніе уголовнаго закона, которое предполагается въ судьяхъ какъ въ спеціалистахъ".

Таково опредѣленіе взаимныхъ обязанностей присяжныхъ и суда, которое оберъ-прокуроръ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, г. Кони, счелъ необходимымъ еще недавно *) преподать „верховному судилищу" на девятнадцатый годъ его существованія, какъ будто Сенатъ ничего этого до тѣхъ поръ не зналъ. Изъ этого опредѣленія видно, что судъ съ присяжными представляетъ соединеніе труда, умѣнья и знанія. Но г. Кони не упомянулъ, что кромѣ того всякій судъ, а слѣдовательно и судъ присяжныхъ, немыслимъ безъ правды и справедливости. Г. Кони умолчалъ въ своемъ опредѣленіи объ этихъ двухъ основныхъ факторахъ правосудія, по всей вѣроятности, въ томъ предположеніи, что это само собою разумѣется, что всѣ въ этомъ безусловно убѣждены, что эти факторы абсолютно неизбѣжны при произнесеніи присяжными ихъ вердиктовъ.

Но то ли доказываютъ наши судебно-уголовныя статистика и хроника по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей?

На основаніи свѣдѣній, собранныхъ Министерствомъ Юстиціи и появившихся въ разное время въ печати, *число обнаруженныхъ преступленій* въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены были Судебные Уставы 1864 года, *увеличилось* приблизительно *въ два раза*, но процентъ *оправданныхъ* при этомъ подсудимыхъ за 1873—1881 годы *возросъ*: по С.-Петербургскому округу съ $32_{,05}$ до $37_{,57}$; по Московскому—съ $32_{,01}$ до $37_{,29}$; по Харьковскому—съ $31_{,41}$ до $38_{,18}$; по Казанскому—съ $35_{,52}$ до $39_{,37}$; по Саратовскому—съ $31_{,31}$ до $37_{,13}$, а по Одесскому—съ $38_{,77}$ до $50_{,18}$ **.

---

*) Въ своемъ заключеніи при разсмотрѣніи въ Сенатѣ дѣла по злоупотребленіямъ въ Таганрогской таможнѣ, въ октябрѣ 1885 года.

**) Впрочемъ, стремленіе къ оправданію подсудимыхъ, хотя и въ меньшей мѣрѣ, замѣчается и въ рѣшеніяхъ коронnаго суда безъ присяжныхъ,

То-есть, изъ трехъ подсудимыхъ одинъ присяжными оправданъ.

Органы либеральной печати и либеральные юристы объясняютъ эту немыслимую въ лѣтописяхъ благоустроеннаго суда пропорцію между обвинительными и оправдательными приговорами присяжныхъ неосновательностью обвинительныхъ опредѣленій судебныхъ палатъ, дѣйствовавшихъ прежде „со строгимъ разборомъ, предавая суду лишь тѣхъ, противъ которыхъ имѣлись достаточныя улики“, а затѣмъ безмѣрно усилившихъ свою строгость *).

Но такое объясненіе ни на чемъ не основано. Члены судебныхъ палатъ, хотя и не чужды общихъ недостатковъ нашей магистратуры, но они гораздо опытнѣе, будучи назначаемы изъ числа лицъ, уже занимавшихъ другія должности по судебному вѣдомству. Поэтому, если съ теченіемъ времени число обвинительныхъ актовъ, утверждаемыхъ судебными палатами, увеличилось, то это произошло единственно потому, что представляемые въ палаты акты стали составляться основательнѣе.

Отсюда видно, что увеличеніе числа оправдательныхъ вердиктовъ надо искать не въ увеличившейся строгости палатъ, а главнымъ образомъ въ неспособности присяжныхъ къ объективной оцѣнкѣ фактовъ и въ зависимости ихъ отъ внѣшнихъ вліяній, въ зависимости, которую не въ силахъ отстранить приданная имъ по закону, но въ дѣйствительности вполнѣ фиктивная, самостоятельность. То обстоятельство, что наклонность къ оправдательнымъ приговорамъ обнаружили *за послѣднее время* не только присяжные, но и окружные и мировые суды, не измѣняетъ этого вывода: неправильные оправдательные приговоры окружныхъ и

а именно: въ 1874 году оправдано $29_{,91}$; въ 1875—$26_{,61}$; въ 1876—$30_{,60}$; въ 1877—$32_{,97}$; въ 1878—$31_{,99}$; въ 1879—$31_{,40}$ и въ 1880—$39_{,45}$.

Въ частности въ	1875	году	было	осуждено	23.993,	а оправдано	11.811
„ „ „	1876	„	„	„	25.470	„ „	11.092
„ „ „	1877	„	„	„	29.973	„ „	14.237
„ „ „	1878	„	„	„	25.403	„ „	14.171
Итого въ четыре года				осуждено	104.839,	а оправдано	51.311

*) Изъ общаго числа предложенныхъ судебнымъ палатамъ дѣлъ процентъ опредѣленій о преданіи суду увеличился за 1874—1880 годы: по С.-Петербургской палатѣ съ 43 до 55, по Московской съ 44 до 58, по Харьковской съ 34 до 55, по Казанской съ 38 до 54, по Саратовской съ 38 до 49 и по Одесской съ 42 до 60.

мировыхъ судовъ объясняются, какъ мы увидимъ ниже, другою причиной—упадкомъ авторитета закона подъ вліяніемъ разныхъ общественныхъ вѣяній, которымъ окружные и мировые судьи, не подчиненные государственной дисциплинѣ, такъ легко поддаются. Тѣмъ не менѣе, оправдательныя рѣшенія окружныхъ судовъ и мировыхъ судей все же сколько-нибудь мотивированы, хотя и съ казуистическими натяжками; да кромѣ того подлежатъ и апелляціи. Оправдательные же вердикты присяжныхъ совершенно независимы отъ закона, вовсе не мотивированы и не подлежатъ никакой ловѣркѣ въ высшей инстанціи, хотя касаются сферы наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ и слѣдовательно, по своему вліянію на общественную нравственность, производятъ гораздо болѣе развращающее впечатлѣніе.

Чтобъ открыть настоящія причины наклонности присяжныхъ къ оправдательнымъ вердиктамъ, необходимо познакомиться ближе съ самою сущностью этихъ вердиктовъ.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе вопіющихъ противъ правды и справедливости вердиктовъ присяжныхъ за первое десятилѣтіе со времени введенія судебной реформы, обратимся къ самой обиходной, будничной хроникѣ суда присяжныхъ за послѣднее время по тремъ главнымъ рубрикамъ преступленій: по нарушенію права *собственности, личной безопасности и семейнаго союза.*

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, въ Московскомъ окружномъ судѣ, разсматривалось дѣло о недочетѣ 543 бочекъ сахара въ складѣ гр. Бобринскаго на сумму 70.000 руб. Складъ этотъ былъ порученъ въ полное завѣдываніе капитану Алексѣеву, который имѣлъ при себѣ прикащикомъ мѣщанина Краснолѣвцева. Оба эти лица нисколько не отвергали факта растраты: капитанъ Алексѣевъ даже самъ увѣдомилъ о ней графа Бобринскаго, правда, въ то время, когда уже не было возможности долѣе скрывать ее, когда въ складѣ не было ни бочки сахара, въ кассѣ ни копѣйки денегъ, а между тѣмъ предстояли неотложные платежи. Алексѣевъ и Краснолѣвцевъ оба признали, что складъ находился въ полномъ ихъ завѣдываніи, что никто посторонній не могъ распоряжаться въ немъ, такъ что растрата могла быть сдѣлана только ими, или однимъ изъ нихъ. Оба они признавали свою виновность, и только главную тягость вины перебрасывали другъ на друга. Алексѣевъ заявлялъ, что онъ своею небрежностью, лѣнью и чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ Краснолѣвцеву, допустилъ послѣдняго продать въ свою пользу почти весь складъ. Краснолѣвцевъ же утверждалъ, что онъ отдавалъ деньги за проданный сахаръ ка-

литану Алексѣеву, который и употребилъ деньги на свои надобности, а онъ, Краснолѣвцевъ, растратилъ лишь 14 или 11 бочекъ сахара, чтобы поправить свою биржевую игру, и что эта растрата была извѣстна Алексѣеву, согласившемуся ждать деньги за эти 11 или 14 бочекъ. И что же? Присяжные не признали никого виновнымъ въ растратѣ 532 бочекъ сахара, и нашли виновнымъ одного Краснолѣвцева въ растратѣ 11 бочекъ, признавъ впрочемъ, что эта растрата (для биржевой игры, по сознанію самого подсудимаго) сдѣлана была имъ *по легкомыслію.*

27 апрѣля 1876 года разбиралось въ Московскомъ окружномъ судѣ дѣло Владиміра Попова, который служилъ прикащикомъ у купцовъ Любимовыхъ. На его рукахъ были складъ листоваго желѣза, на продажу коего онъ довѣренности однако не имѣлъ. Въ маѣ 1875 года Поповъ вдругъ покинулъ ввѣренный ему складъ и скрылся за границу. При повѣркѣ порученнаго ему склада оказался недочетъ въ 6.500 пудовъ листоваго желѣза, на сумму 21.000 руб. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ за границей, Поповъ вернулся въ Москву и былъ задержанъ. Какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи, онъ сознался, что недостающее желѣзо растрачено имъ, что выручавшіяся за желѣзо деньги онъ сперва проигрывалъ въ карты, а потомъ сталъ расходовать и на другія свои надобности. Вотъ сущность дѣла, не измѣненная даже ходомъ состязательнаго процесса. Присяжные уходятъ въ совѣщательную камеру, долго тамъ совѣщаются и, наконецъ, старшина ихъ выноситъ постановленный ими вердиктъ: „нѣтъ, не виновенъ“.

Въ 1884 году въ Московскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію крестьянина Богородскаго уѣзда Константина Петрова въ растратѣ 10.687 руб., принадлежавшихъ хозяину его, купцу Каделову. Дѣло это возникло при такихъ обстоятельствахъ:

Петровъ, служившій долгое время у Каделова прикащикомъ, отправился въ 1883 году, по обыкновенію, на Нижегородскую ярмарку, и торговалъ тамъ до 3 августа одинъ. 3 августа пріѣхалъ сынъ Каделова, Илья, и сказалъ Петрову, что на слѣдующій день пріѣдетъ и отецъ его, Алексѣй Каделовъ. Петровъ въ тотъ же день скрылся; вмѣстѣ съ тѣмъ пропали изъ кассы 10.687 рублей, которые, по торговымъ книгамъ, должны были находиться налицо. Затѣмъ Петровъ былъ арестованъ на родинѣ, причемъ заявилъ, что деньги, 10.687 руб., онъ передалъ сыну хозяина, Ильѣ Каделову, въ день пріѣзда его въ Нижній, а Илья Каделовъ это отрицалъ. По обыску у Петрова найдены были

600 руб. деньгами и два именные билета по 1,000 каждый; но деньги по билетамъ были положены въ банкъ гораздо раньше пропажи денегъ, и Петровъ заявилъ, что найденныя у него 2.600 рублей составляютъ сбереженіе его отъ долголѣтней службы у Кацелова. Присяжные отвергли фактъ растраты и виновность Петрова; но представитель гражданскихъ интересовъ со стороны Кацелова принесъ кассаціонную жалобу, и Сенатъ кассировалъ дѣло. 31 января 1885 года дѣло это вновь слушалось Окружнымъ Судомъ, но о виновности Петрова вопроса уже не возбуждалось, а лишь поставленъ былъ присяжнымъ одинъ вопросъ: „доказано ли совершеніе Петровымъ растраты 10.687 рублей?“ Присяжные отвѣтили: „да, доказано“, и судъ постановилъ взыскать съ Петрова въ пользу Кацелова 10.687 рублей.

Что же это за правосудіе? растрата Петрова доказана, но Петровъ въ этой растратѣ невиновенъ! Два различные состава присяжныхъ выносятъ о самомъ фактѣ растраты два приговора, другъ друга исключающіе. Гдѣ же правда, гдѣ единство въ ея пониманіи? Развѣ въ подобныхъ случаяхъ правосудіе не простая лотерея?

21 августа 1886 года по VII отдѣленію Московскаго окружнаго суда слушалось дѣло *прусскаго подданнаго* Фридриха Гейблиха, 26 лѣтъ, обвинявшагося въ растратѣ. Подсудимый служилъ на фабрикѣ шелковыхъ издѣлій Грессера и, получая отъ разныхъ покупателей деньги по счетамъ, не вписывалъ ихъ въ кассовую книгу и постепенно растрачивалъ ихъ. Такимъ образомъ Гейблихъ растратилъ 1.832 руб. Наконецъ, въ маѣ 1885 года, узналъ объ этомъ хозяинъ и возбудилъ уголовное преслѣдованіе. На судѣ Гейблихъ *призналъ себя виновнымъ*, но *оправдывался* тѣмъ, что ему не доставало семидесяти-рублеваго жалованья въ мѣсяцъ на прожитіе, такъ какъ онъ „долженъ былъ посѣщать балы, вечера и скачки, гдѣ онъ игралъ въ тотализаторъ“, а хозяинъ, несмотря на его просьбу, не прибавлялъ ему жалованья. При этомъ Гейблихъ обѣщалъ вернуть Грессеру деньги, что и было занесено въ протоколъ судебнаго засѣданія—какъ будто такое внесеніе въ протоколъ равносильно вексельному обязательству! Вердиктомъ милостивыхъ присяжныхъ Гейблихъ признанъ виновнымъ въ растратѣ, но по *легкомыслію*, и судъ приговорилъ его къ аресту при полиціи на двѣ недѣли. Въ чемъ усмотрѣли присяжные это легкомысліе? Вѣдь растрата была сдѣлана не внезапно, подъ вліяніемъ какого-либо увлеченія, а производилась мало-по-малу, въ теченіе извѣстнаго времени, слѣдовательно съ полнымъ сознаніемъ. Счастливъ подсудимый, что онъ попалъ

на судъ русскихъ присяжныхъ, а не *прусскихъ*, которые, конечно, усмотрѣли бы въ этомъ случаѣ не легкомыслiе, а умышленное расхищеніе чужой собственности и волiющее злоупотребленіе довѣріемъ.

Послѣ такой безпримѣрной снисходительности, вотъ примѣръ самой безобразной строгости, которая такъ справедливо возмущала всѣхъ въ эпоху дореформенныхъ судовъ, а теперь повторяется и въ судѣ присяжныхъ.

Въ концѣ 1883 года, въ Пермской губерніи, былъ обвиненъ заслуженный чиновникъ штабъ-офицерскаго чина, дворянинъ, 55 лѣтъ отъ роду, имѣющій большое семейство, состоявшій на службѣ 30 лѣтъ и украшенный знаками отличія,—обвиненъ въ похищеніи 31 рубля. Обвинители, мусорщики, утверждали, что хотя они и *росписались* въ полученіи денегъ, но 31 рубля не дополучили. Свидѣтели не заслуживали особаго довѣрія, дѣло было не ясно; тѣмъ не менѣе вердиктомъ присяжныхъ подсудимый признанъ виновнымъ въ подлогѣ, въ присвоеніи казенныхъ денегъ 31 рубля, и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, дворянскаго званія, знаковъ отличія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

Почему же присяжные такъ строги къ бѣдному чиновнику, когда похищеніе имъ 31 рубля даже далеко не доказано, и такъ милостивы къ прикащикамъ, обворовавшимъ своихъ хозяевъ на 1.800, на 10.000 и даже на 70.000 рублей.

Вотъ нѣсколько случаевъ оправданія убійства:

10 ноября 1884 года разсматривалось въ Курскомъ окружномъ судѣ такъ называемое „Лихо-Полянское убійство“.

Еще въ 1882 году, въ селѣ Лихой Полянѣ, на Масляной недѣлѣ, въ пятницу, на торговой площади близь кабака, убитъ былъ полѣньями дровъ крестьянинъ Мартинъ Каторжновъ. Слѣдствіемъ было обнаружено, что Мартинъ Каторжновъ послѣ обѣда вышелъ на гульбище, бывшее на площади; тутъ онъ увидѣлъ около кабака толпу мужиковъ, въ 12 человѣкъ, уныло посматривавшихъ на залертый кабакъ. Къ нимъ подошелъ Мартинъ Каторжновъ, и обратился къ стоявшимъ съ предложеніемъ идти въ кабакъ вылить. Ему отвѣтили, что кабакъ залертъ, что въ немъ гуляютъ богачи съ Яковомъ Коробковымъ во главѣ, а что имъ водки не даютъ, потому что богачи всю ее закупили. Мартинъ Каторжновъ этому не повѣрилъ; постучалъ въ двери—не отперли; постучалъ въ окно—тоже. Увидѣлъ Каторжновъ, что ему сказали правду, и отошелъ къ товарищамъ. Но почти вслѣдъ за симъ

растворились двери, изъ кабака вышла толпа человѣкъ въ двадцать, и шедшій впереди нея Яковъ Коробковъ обратился къ толпѣ стоявшихъ крестьянъ съ вопросомъ: кто стучалъ въ окно. Мартинъ Каторжновъ отвѣтилъ, что это былъ онъ. Дальше онъ ничего не могъ сказать; данный ему Яковымъ Коробковымъ ударъ въ високъ свалилъ его съ ногъ. По крику Якова Коробкова: „бей его“, собутыльники богача схватили бывшія тутъ однополѣнныя дрова, и на Мартина Каторжнова посыпался градъ ударовъ; его товарищи разсыпались въ одно мгновеніе кто куда могъ, хороводъ и вся гуляющая толпа тоже, и не прошло пяти минутъ—Мартина Каторжнаго не стало. Остался мѣшокъ, наполненный костями, какъ выразился врачъ, свидѣтельствовавшій трупъ. Ребра оказались перебитыми на 6—8 частей, а голова имѣла такой видъ, что еслибъ онъ не былъ убитъ публично, то даже родные не могли бы его узнать, Всѣ свидѣтели удостовѣрили, что Мартинъ Каторжновъ не только не могъ самъ вступить въ драку съ накинувшеюся на него толпою, но едва лишь успѣлъ отвѣтить ей двумя словами: „я стучалъ“, и что погибъ онъ вслѣдствіе давнишней затаенной злобы на него со стороны Якова Коробкова. Каторжновъ былъ сосѣдомъ Коробкова, который давалъ ему двойные деньги за усадьбу, домъ и землю, но Каторжновъ изъ упорства ли, или изъ своего рода гордости, отвергалъ предложеніе богача; отсюда и возникла ненависть Коробкова къ Каторжному.

Во время судебнаго разбирательства, присяжный повѣренный Крыловъ доказывалъ, что, если Каторжновъ, обладая силой и храбростью непомѣрною, вступивъ въ драку съ двадцатью человѣками, вооруженными полѣньями, былъ однако убитъ, то виноватъ въ этомъ онъ самъ — за свою неумѣстную храбрость; что нападавшіе на Каторжнова, несмотря на свою неосторожность, не подлежатъ однако наказанію, такъ какъ на ихъ сторонѣ заслуга: они де показали примѣръ другимъ нахаламъ, чтобы тѣ были менѣе дерзкими. Другой защитникъ льяныхъ богачей, Родиславскій, нарисовалъ предъ присяжными картину *широкой русской Масляницы, разгула всѣхъ сословій, формы этого разгула*, и наконецъ обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ выраженіемъ своего убѣжденія, что *всякое преступленіе, совершенное во дни Масляницы, не должно преслѣдоваться*: иначе де *Масляница среди Русскаго народа потеряетъ свое значеніе*. Наконецъ, мѣстный адвокатъ Раевскій заявилъ, что нарисованныя его товарищемъ картины такъ хороши, что онъ со своей сторо-

ны не рѣшается къ нимъ что-либо прибавить, опасаясь сдѣлать лятно.

Присяжные засѣдатели ловѣрили Крылову и признали, что Каторжновъ былъ убитъ въ дракѣ. Выходитъ, что наладеніе двадцати человѣкъ на одного — простая драка. Впрочемъ, этотъ вердиктъ присяжныхъ вполнѣ будетъ понятенъ, если принять во вниманіе, что изъ двѣнадцати присяжныхъ, одинадцать были крестьяне, очевидно увлеченные теоріей адвоката о широкой русской Масляницѣ. А судъ объявилъ, что и виновные въ дракѣ освобождаются вовсе отъ наказанія по Всемилостивѣйшему манифесту.

Такимъ образомъ, тридцати двухлѣтній, полный силъ и здоровья человѣкъ звѣрски убитъ за ничто; вдова его и семь человѣкъ дѣтей остались безъ куска хлѣба; 87 свидѣтелей потеряли 348 рабочихъ дней, а виновные — только могарычи адвокатамъ за апоѳеозу льянаго разгула! *)

Жертва другой уголовной драмы — крестьянская дѣвушка Катерина Обернихина. Она была слѣпа съ четырехлѣтняго возраста, но отличалась твердостію, непоколебимымъ характеромъ, необыкновенною памятью, а въ особенности смѣлостію говорить всѣмъ правду въ глаза. Въ качествѣ домовладѣлицы въ своемъ селѣ (Тетеревино, Корочанскаго уѣзда), она являлась на всѣхъ мірскихъ сходкахъ и горячо отстаивала интересы бѣдняковъ противъ міроѣдовъ, которыхъ изобличала съ безпощадною строгостью.

Въ концѣ 1882 года, Тетеревинскому міру предстояло рѣшить важный вопросъ о сдачѣ кабака на слѣдующій годъ Старый арендаторъ платилъ обществу только 250 руб., но нашелся новый соискатель, предлагавшій 500 руб. За стараго кабатчика горой стояли міроѣды, друзья его, пользовавшіеся и даровымъ угощеніемъ, и разными другими льготами отъ кабатчика. Бѣдняки же, съ Катериной во главѣ, стояли за отдачу кабака новому соискателю, такъ какъ онъ предлагаетъ болѣе выгодныя для общества условія. Борьба выразилась бурнымъ столкновеніемъ сторонъ на сходѣ, но ни та, ни другая сторона не одолѣли. Міроѣды однако не унывали. Вечеромъ послѣ схода, въ числѣ четырехъ человѣкъ, они собрались въ кабакъ, гдѣ присоединились къ нимъ волостной старшина Борщовъ, помощникъ писаря Успенскій и др.; составилась компанія всѣхъ вліятель-

*) *Гражданинъ* 1884 года, № 51.

ныхъ людей мірскаго самоуправленія. Они кутили, а молодая жена сидѣльца прислуживала имъ.

Катерина опасалась, что собравшіеся въ кабакѣ міроѣды и власти порѣшатъ тамъ вопросъ о сдачѣ литейной торговли, и, въ надеждѣ помѣшать сдѣлкѣ, отправилась сама въ кабакъ. Тамъ въ это время шла картежная игра между Борщевымъ и Успенскимъ; остальная же компанія, вся пьяная, слѣдила за игрой и продолжала пить водку. Катерина сказала имъ: „здравствуйте“ и подошла къ старшинѣ. Борщовъ, оставивъ игру, ударилъ Катерину такъ сильно по лицу, что она упала на полъ, и всѣ присутствовавшіе, столпившись около нея, стали наносить ей безпощадные удары. Послѣ того Катерина, по распоряженію старшины, была вытащена въ кухню, и затѣмъ на улицу запаснымъ Поспѣловымъ при помощи крестьянина Сазонова. Только черезъ полчаса они вернулись въ шинокъ, причемъ Сазоновъ сказалъ: „ну и задалъ же ей Поспѣловъ!“

На другой день Катерина была найдена мертвою въ шестидесяти шагахъ отъ кабака, въ страшно изуродованномъ видѣ. „Вся голова ея и грудная клѣтка были разбиты; вся одежда на трупѣ оказалась мокрою и изорванною въ клочки; кромѣ ссадинъ, царапинъ и кровоподтековъ на головѣ и тѣлѣ, обнаружены переломы трехъ реберъ съ лѣвой стороны, одного съ правой и грудной кости“; далѣе въ медицинскомъ актѣ такія подробности, которыхъ невозможно выписывать. Но это еще не все: свидѣтельскими показаніями обнаружено, что Катерина, подъ градомъ страшныхъ ударовъ, три раза падала замертво на снѣгъ; приходя опять въ чувство, она, подымаясь на ноги, пыталась бѣжать по направленію къ своему дому, но напрасно: придя послѣдній разъ въ чувство, но не имѣя уже силъ подняться, несчастная повторяла безпрестанно слова „Николай Угодникъ, заступись за меня! Господа старики, пожалѣйте меня“. Въ отвѣтъ на эту мольбу, старики, предводимые старшиной, добили ее....

Въ объясненіе этихъ обстоятельствъ установлено было слѣдствіемъ, что въ Тетеренинѣ міроѣды, за одно съ сельскимъ начальствомъ, были полными хозяевами въ селѣ, всѣхъ держали въ рукахъ, и что всѣ ихъ боялись, кромѣ одной Катерины.

И это каннибальское убійство, совершенное пьянымъ сельскимъ начальствомъ въ интересахъ мѣстнаго кабатчика, осталось безнаказаннымъ; дѣло это разбиралось Курскимъ окружнымъ судомъ въ городѣ Корочѣ, и присяжные вынесли всѣмъ подсудимымъ оправдательный приговоръ, какъ бы въ назиданіе мѣ-

стнымъ жителямъ быть впредь осторожнѣе Катерины, и послушнѣе предъ сельскимъ начальствомъ, когда оно защищаетъ излюбленнаго своего кабатчика.

Въ концѣ февраля 1884 года судились въ Петербургскомъ окружномъ судѣ женщина 22 лѣтъ, и двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одному 18, другому 17 лѣтъ. Они обвинялись въ покушеніе на отравленіе посредствомъ сѣрной кислоты. Обстоятельства дѣла были весьма немногосложны: Евдокія Вольфрамъ, *жена студента Института Путей Сообщенія*, вступила въ связь съ дворяниномъ Козловымъ, который и задумалъ, вмѣстѣ съ ней и однимъ пріятелемъ, отдѣлаться отъ мужа своей возлюбленной посредствомъ отравы.

Изъ словъ обвиняемыхъ можно было предполагать, что подсудимая претерпѣвала истязанія отъ пьянаго мужа; но свидѣтели отвергли показанія жены Вольфрамъ, указывая, что мужъ очень любилъ ее, а она напротивъ не терпѣла его, и даже не скрывала этого.

Фактъ преступленія былъ на лицо, также какъ и виновники, и жертва его; было и собственное сознаніе Козлова. Присяжные признали, что „*былъ данъ ядъ, но безъ цѣли лишить Вольфрама жизни*“! Судъ, конечно, долженъ былъ объявить всѣхъ трехъ обвиняемыхъ оправданными.

По поводу этого дѣла одна сердобольная газета пояснила, что „присяжные могутъ сжалиться надъ молодостью подсудимыхъ“. Но въ этомъ случаѣ благодушные присяжные даже не воспользовались закономъ, который даетъ имъ право объявлять подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія, а рѣшились просто помиловать подсудимыхъ, самовольно присвоивъ себѣ прерогативу верховной власти, но безъ тѣхъ поводовъ, которыми даже верховная власть руководится при помилованіи виновныхъ. Неужели же и подобная безнаказанность есть выраженіе суда общественной совѣсти?

А вотъ примѣръ отношенія суда присяжныхъ къ супружескому союзу:

Супруги Клишевскіе жили вмѣстѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ, и всѣ эти долгіе годы были для г-жи Клишевской одною сплошною мукой. Съ первыхъ же дней брачной жизни Клишевскій сталъ безо всякаго повода ревновать жену и жестоко ее колотить. Побои въ особенности усилились съ 1881 года и дошли наконецъ до того, что однажды „ни съ того, ни съ сего“, какъ показывала Клишевская, мужъ сталъ придираться къ ней, потомъ

насильно повалилъ ее на кровать, угрожая, что если она станетъ кричать, то онъ ее задушитъ. „Я привяжу тебя къ кровати, ты пролежишь до утра и больше ничего не будетъ“! И онъ въ самомъ дѣлѣ привязалъ ее за ноги и за талію къ кровати, руки загнулъ назадъ, а ротъ завязалъ платкомъ. Продѣлавъ все это, *онъ началъ выкалывать ей лѣвый глазъ сперва пальцами, а потомъ тоненькою палочкой, которую повернулъ нѣсколько разъ въ глазной впадинѣ.* Свидѣтели, допрошенные на судѣ, отозвались о ней, какъ о женщинѣ честной, хорошей, о которой ничего дурнаго не было слышно. На предложеніе Кіевскаго окружнаго суда помириться съ мужемъ, г-жа Клишевская, конечно, не могла изъявить согласія, разъяснивъ, что мужъ всегда обращался съ нею дурно, билъ ее и, вскорѣ послѣ лишенія ея глаза, *переломилъ ей мизинецъ на лѣвой рукѣ.* И что же? Присяжные тѣмъ не менѣе оправдали этого изверга, оставивъ его жертву безо всякой защиты.

Вообще, присяжные, по супружескимъ дѣламъ, были болѣе, чѣмъ снисходительны къ мужскому полу. Такъ изъ *Одесскаго Вѣстника* (май 1886 года) мы узнаемъ, что присяжные уже *не въ первый разъ* оправдали тамъ двоеженца, нисколько не отрицавшаго своей вины. Чрезъ четверть часа оправданный, разсказываетъ эта газета, выходилъ изъ суда въ сопровожденіи обѣихъ женъ, дружелюбно съ ними разговаривая. *Московскія Вѣдомости* по этому поводу замѣтили: „мормоновъ теперь изъ Америки изгоняютъ; милости просимъ къ намъ въ Россію! При нашихъ судахъ спокойно могутъ процвѣтать всякаго рода преступленія и нравственныя безобразія“. *) Но Одесскіе присяжные пошли еще дальше: въ ноябрѣ 1886 года они оправдали нѣкоего Танскаго, оказавшагося *троежженцемъ*.

Мы не сочли нужнымъ возобновлять въ памяти нашихъ читателей вердикты присяжныхъ по дѣламъ болѣе выдающимся, чтобы не дать повода безусловнымъ защитникамъ этого института обвинять насъ въ обобщеніи исключительныхъ случаевъ. Мы обошли молчаніемъ и оправданіе присяжными чиновника Протопопова, нанесшаго тяжкое оскорбленіе, въ самомъ мѣстѣ служенія, своему начальнику; и дѣло объ убійствахъ въ Гусевомъ переулкѣ и въ Бассейной улицѣ въ Петербургѣ; равно объ убійствѣ Волохова въ Москвѣ, дѣла Бильбасова и Щепочкина въ Петербургскомъ окружномъ судѣ, дѣла Колзакова и князя Мещерскаго въ Мо-

*) *Московскія Вѣдомости* 13 іюня 1886 года.

сковскомъ, дѣло Петрова въ Новгородскомъ—которыми ознаменовано было самое первое время по введеніи судебной реформы. Мы пройдемъ молчаніемъ даже и недавніе вердикты присяжныхъ по дѣлу объ убійствѣ Сарры Беккеръ и о разбоѣ Островлевой, точно также какъ по дѣлу Мельницкихъ и Свиридова; но мы не можемъ не упомянуть о тѣхъ вердиктахъ, въ силу которыхъ оправданы были, несмотря на свое сознаніе, подсудимые, виновные въ нарушеніи охраняемаго законами порядка.

Еще вскорѣ послѣ введенія судебной реформы присяжные изъ крестьянъ оправдали произведенныя крестьянами же насилія противъ полиціи въ Данковскомъ и Великолуцкомъ уѣздахъ. И подобныхъ этому дѣлъ было не мало. Но въ 1868 году присяжные изъ чиновниковъ оправдали въ Петербургѣ Вѣру Засуличъ, выстрѣлившую въ упоръ въ петербургскаго градоначальника. Этотъ послѣдній случай произвелъ было сильное возбужденіе: въ то время какъ зараженная псевдолиберализмомъ интеллигенція до-нельзя восхваляла присяжныхъ за этотъ вердиктъ, въ правительственныхъ сферахъ выразились вп первый разъ опасенія касательно несостоятельности института присяжныхъ. Однако эти опасенія не имѣли никакихъ серіозныхъ послѣдствій: все дѣло кончилось тѣмъ, что министромъ Юстиціи вмѣсто графа Палена назначенъ былъ статсъ-секретарь Набоковъ. Хотя при новомъ министрѣ и были приняты нѣкоторыя мѣры къ улучшенію состава присяжныхъ, но эти мѣры нисколько не измѣнили характера присяжныхъ вердиктовъ какъ вообще, такъ въ частности и по дѣламъ о нарушеніи законнаго порядка—это напр. видно изъ дѣлъ: о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ, и о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ.

Процессъ о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ продолжался весьма долго, разсматривался въ Харьковской судебной палатѣ, а затѣмъ въ кассаціонномъ департаментѣ; отчетами о немъ переполнены были, въ свое время, столбцы всѣхъ газетъ. Поэтому нѣтъ надобности распространяться о подробностяхъ этого дѣла, и мы остановимся вкратцѣ только на вердиктѣ присяжныхъ.

Обнаружены были громадныя злоупотребленія по очисткѣ товаровъ пошлиной, эти злоупотребленія допущены были таможенными чинами при содѣйствіи товаруполучателей. Виновные,—о чемъ нами уже было замѣчено выше,—на предварительномъ слѣдствіи вполнѣ сознались, но во время судебнаго слѣдствія, подъ вліяніемъ прибывшихъ изъ столицы адвокатовъ, стали

отпираться отъ прежнихъ показаній,—и что же? Несмотря на наличность преступленія, и начальникъ таможни, столь плохо надзиравшій за своими подчиненными, и его подчиненные, безъ сознательнаго участія коихъ означенныя преступленія не могли совершиться, были оправданы,—и вся тяжесть обвиненія возложена была присяжными на однихъ богатыхъ купцовъ. *)

Замѣчательно, что при разсмотрѣніи этого дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ, оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента, г. Кони, явился горячимъ защитникомъ харьковскихъ присяжныхъ. По его словамъ, это дѣло представляетъ „блестящее исполненіе“ присяжными ихъ задачъ. „Они доказали, сказалъ онъ, что подвигъ труда, имъ предлежавшій, былъ исполненъ ими *свято*“.

Но этотъ оффиціальный оптимизмъ встрѣтилъ отпоръ даже въ тѣхъ сферахъ, которыя доселѣ посвящали всѣ свои силы отстаиванію института присяжныхъ. Вотъ отзывъ объ исходѣ этого дѣла, сдѣланный одною изъ наиболѣе распространенныхъ либеральныхъ петербургскихъ газетъ: **)

„Таганрогская эпопея закончилась совершенно въ томъ же духѣ, какъ всѣ судилища, гдѣ фигурируютъ присяжные, иронически называемые *судьями общественной совѣсти*. По этой общественной совѣсти выходитъ, будто воровать не могутъ только богатые купцы, да и тѣ заслуживаютъ за это снисхожденія; для мелочи же кулеческой и чиновной, а особенно для нижнихъ чиновъ, честность не обязательна“.

Что касается до дѣла о безпорядкахъ на Морозовской мануфактурѣ, то мы считаемъ необходимымъ распространиться о немъ нѣсколько подробнѣе, потому что оно наглядно доказываетъ, какъ легко подчиняются присяжные тому вредному направленію, которое разныя темныя силы стараются укоренить у насъ въ ущербъ внутреннему порядку, интересамъ собственности и даже личной безопасности.

---

*) Въ предшедшей главѣ мы уже указали на ту софистику, къ которой прибѣгли адвокаты въ своихъ защитительныхъ рѣчахъ, чтобы смутить совѣсть присяжныхъ въ этомъ дѣлѣ. Но успѣхъ этой софистики тѣмъ болѣе былъ неожиданъ, что въ числѣ присяжныхъ было 7 окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ, и одинъ изъ деканов Харьковскаго университета (хотя и не юридическаго факультета). Не доказываетъ ли это обстоятельство всей тщеты того юридическаго образованія, которое давалось нашими университетами со времени пресловутаго устава 1863 года до новѣйшей университетской реформы?

**) *Новое Время*, 12 марта 1885 года.

Припомнимъ обстоятельства дѣла на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Никольская фабрика Морозовыхъ существуетъ уже давно въ Покровскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи; она принадлежитъ къ числу лучшихъ и наиболѣе благоустроенныхъ мануфактуръ. Рабочіе не состоятъ къ фабрикѣ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ, приходятъ они добровольно и уходятъ по окончаніи договорнаго срока безпрепятственно. Еслибъ именно на этой фабрикѣ чинились нестерпимыя притѣсненія, то, при господствующемъ у насъ вольнонаемномъ трудѣ, она давно закрылась бы; между тѣмъ число рабочихъ въ ней доходило въ послѣднее время до 11.000. При фабрикѣ есть школа на 600 человѣкъ; больница на 200 кроватей и, кромѣ лавки отъ самой фабрики для продовольствія рабочихъ—есть еще другая, конкуррирующая съ ней на артельномъ началѣ, самими рабочими содержимая. На фабрикѣ заведена конечно и система штрафовъ съ неисправныхъ рабочихъ, но развѣ можетъ быть иначе въ какой бы то ни было благоустроенной фабрикѣ, гдѣ работаютъ не ангелы, а люди, и къ тому же люди грубые, не чуждые ни лѣни, ни пороковъ? И рабочіе на этой фабрикѣ никогда не бунтовали.

Но вотъ между ними поселился нѣкто Мосеенко. По свѣдѣніямъ Департамента Государственной Полиціи, онъ, за участіе въ безпорядкахъ на новой бумагопрядильнѣ въ Петербургѣ, высланъ былъ еще въ 1878 году на родину подъ надзоръ полиціи, откуда вскорѣ самовольно скрылся и явился опять въ Петербургъ, гдѣ, при вторичныхъ безпорядкахъ на означенной фабрикѣ, задержанъ былъ съ кинжаломъ и высланъ по Высочайшему повелѣнію въ Восточную Сибирь, но чрезъ два года помилованъ и возвращенъ. Съ тѣхъ поръ Мосеенко шлялся по фабрикамъ, просвѣщая рабочихъ, читая и толкуя имъ „объ эксплуатаціи“ рабочаго труда капиталомъ. Въ тоже время по сосѣдству съ Морозовскою мануфактурой, на другой фабрикѣ, устроился рабочій Лука Ивановъ, старый товарищъ Мосеенко по участію въ безпорядкахъ, по пропагандѣ и по ссылкѣ.

Наконецъ, Мосеенко успѣлъ пристроиться и въ Морозовской мануфактурѣ. Здѣсь, спустя два мѣсяца по его водвореніи, Мосеенко, при содѣйствіи Луки Иванова, возбудилъ стачку, а затѣмъ забастовку, которая повела къ открытому бунту, разбою и грабежу. Тутъ было все: и буйство, и поломанные станки, и разграбленныя лавки,—разграблена была даже лавка, содержимая рабочими, и побитые люди, и нападенія съ угрозами убійствомъ

на мирныхъ рабочихъ, и сопротивленіе властямъ и войскамъ. Какъ деказвильскіе рабочіе во Франціи въ 1886 г. набросились на управлявшаго угольными копями инженера Вотрена, такъ рабочіе Морозовской мануфактуры вторглись въ квартиру главнаго смотрителя Шорина, который избѣгнулъ участи Вотрена, убѣжавъ заднимъ ходомъ изъ своей квартиры и спрятавшись на чердакъ. Относительно же Мосеенко и Луки Иванова оказалось, къ тому же, что они находились въ сношеніяхъ съ однимъ изъ весьма извѣстныхъ государственныхъ преступниковъ.

При подавленіи этихъ безпорядковъ, были тогда же арестованы 33 человѣка, какъ главные участники, а 9 изъ нихъ какъ стачники и забастовщики. Просидѣвъ въ тюремномъ замкѣ около года, стачники и забастовщики были судимы, и 10 февраля 1886 года приговорены къ разнымъ срокамъ тюремнаго заключенія; остальные же были отпущены на поруки, въ ожиданіи процесса собственно о безпорядкахъ на фабрикѣ, который и состоялся во Владимірѣ 27 мая того же года. Какъ и въ дѣлѣ Вѣры Засуличъ, судъ происходилъ не столько надъ виновными, сколько надъ потерпѣвшими—надъ администраціей мануфактуры. Адвокаты произнесли рѣчи, которыми внушалось „судьямъ общественной совѣсти“, что „процвѣтаніе законнаго порядка не ограничивается лишь торжествомъ полицейскаго порядка“, охраняющаго *неприкосновенность стеколъ* и прочность *запертыхъ дверей*. Въ силу „народнаго блага“, въ силу правъ рабочихъ „на человѣческое существованіе“, въ силу наконецъ того, что на фабрикѣ Морозова попраны были будто бы всѣ эти высокіе принципы, адвокаты требовали оправданія подсудимыхъ. Присяжные безропотно подчинились этой софистикѣ и оправдали *всѣхъ* подсудимыхъ, въ томъ числѣ и Мосеенко, а судъ счелъ своею обязанностію тотчасъ же войти въ судебную палату съ представленіемъ объ освобожденіи отъ стражи Мосеенко и Волкова, осужденныхъ 10 февраля на трехмѣсячное заключеніе по дѣлу о стачкѣ.

Замѣчательно, что противъ этого рѣшенія не протестовалъ и прокуроръ, такъ что оно вошло въ законную силу.

Такимъ образомъ, подсудимые не то что помилованы, но оправданы. Всѣ ихъ буйства, пропаганда Мосеенко и Луки Иванова признаны не подлежащими карѣ закона: можно, стало-быть, безнаказанно не только бить стекла, но и грабить лавки, ломать станки, нападать на директора фабрики, даже на военный караулъ. Вотъ мораль, къ которой приводитъ рѣшеніе *при-*

сяжныхъ по дѣлу о Морозовской мануфактурѣ, и вердиктъ по этому дѣлу присяжныхъ (которымъ былъ предложенъ сто одинъ вопросъ) былъ весьма вѣрно названъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* салютомъ въ честь „рабочаго вопроса“, искусственно у насъ возбужденнаго. *) Но этотъ же вердиктъ присяжныхъ нашелъ себѣ защиту въ средѣ либерльныхъ юристовъ *Вѣстника Европы* въ іюльской книжкѣ за 1886 годъ. По ихъ мнѣнію обвиненіе по этому дѣлу отличалось *большою строгостію*, и потому судебное слѣдствіе обнаружило невозможность поддержать это обвиненіе въ первоначальномъ видѣ. Обвиненіе въ нападеніи на военный караулъ замѣнено было—обвиненіемъ *въ оскорбленіи одного изъ караульныхъ*; обвиненіе въ разрушеніи зданій уступило мѣсто обвиненію *въ буйствѣ*; обвиненіе въ грабежѣ—обвиненію *въ кражѣ во время общественнаго бѣдствія*; обнаружено было, что „насиліе не было умышленнымъ“, что поднявшаяся однажды толпа „унесена была дальше предположенной цѣли“. Далѣе, подтверждая, что слѣдствіе о насиліи рабочихъ замѣнилось изслѣдованіемъ о существующихъ на фабрикѣ Морозова порядкахъ, юристы *Вѣстника Европы* выгораживаютъ Мосеенко, какъ зачинщика, усиливаясь доказать, что рабочій вопросъ существуетъ и у насъ, имѣя якобы даже свой raison d'être.

Но предполагаемое юристами *Вѣстника Европы* существованіе рабочаго вопроса развѣ даетъ суду основаніе отпускать безъ взысканія рабочихъ, обвиняемыхъ въ оскорбленіи караульнаго, въ буйствѣ, въ кражѣ во время общественнаго бѣдствія?

Вообще снисходительность присяжныхъ не исчерпывается оправдательными вердиктами: даже и обвинительные ихъ вердикты сопровождаются признаніемъ за виновными смягчающихъ обстоятельствъ—безо всякихъ уважительныхъ причинъ. Случаи подобныхъ смягченій наказанія у насъ такъ часты, что стали заурядными. Обстоятельство это всѣмъ извѣстно изъ публикуемыхъ въ періодической печати судебныхъ отчетовъ, и привело уже къ слѣдующему результату:

Каждый подсудимый, приговоренный къ тяжкому наказанію, почти всегда склоненъ, если даже онъ признаетъ себя виновнымъ, обращаться съ просьбой къ верховной власти о помилованіи. Такъ бываетъ вездѣ на Западѣ, такъ было и у насъ до судебной реформы. Но въ четырехлѣтній періодъ за 1875—1878

---

*) *Московскія Вѣдомости* 29 мая 1886 года.

годы, изъ числа 104,809 осужденныхъ по вердиктамъ присяжныхъ, у насъ только 364 просили о помилованіи. *) Не слѣдуетъ ли изъ этого, что остальные 104,445 подсудимыхъ присуждены были къ такимъ, болѣе или менѣе слабымъ взысканіямъ, что вовсе не считали нужнымъ обращаться къ верховной власти съ ходатайствомъ о помилованіи или смягченіи наказанія?

Такимъ образомъ, можно безъ преувеличенія сказать, что наши „суды общественной совѣсти“, упразднивъ судъ по закону, поколебали въ сферѣ уголовнаго правосудія самую правду, справедливость и нравственность, предоставивъ примѣненіе этихъ основныхъ началъ всякаго благоустроеннаго суда—дѣлу случая.

Нѣчто подобное бывало и въ другихъ государствахъ при введеніи суда присяжныхъ, но тамъ законодательство, усмотрѣвъ на первыхъ же порахъ особую склонность присяжныхъ къ оправдательнымъ приговорамъ, принимало тотчасъ же соотвѣтственныя мѣры. **) У насъ же, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ и примѣровъ, ничто не препятствуетъ прихотливому нраву присяжныхъ; напротивъ, ихъ оправдательные вердикты, какъ доказываютъ цифры, прогрессивно въ теченіе двадцати лѣтъ учащаются.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ порядкѣ вещей на три обвиненія приходится по одному оправданію, и что число преступниковъ, подвергнутыхъ несоразмѣрно слабымъ сравнительно съ ихъ виновностію взысканіямъ, такъ значительно.

Защитники присяжнаго суда, не оправдывая въ этомъ случаѣ присяжныхъ, указываютъ на неправильные время отъ времени вердикты, какъ на неизбѣжное неудобство присяжнаго суда, имѣющаго за то въ принципѣ другія благотворныя свойства... но какія?

Многіе, даже въ средѣ нашей магистратуры, утверждая до сихъ поръ, что институтъ присяжныхъ самъ по себѣ превосходное учрежденіе, полагаютъ однако, что это учрежденіе приводитъ у насъ къ превратнымъ результатамъ только потому, что на него

---

*) Въ 1875 году изъ 23.993 просили о помилованіи 80
„ 1876 „ „ 25.470 „ „ „ 104
„ 1877 „ „ 29.973 „ „ „ 104
„ 1878 „ „ 25.403 „ „ „ 76

**) Подробныя свѣдѣнія по этому вопросу находятся въ сочиненіи Миттермайера: *Европейскіе и американскіе суды присяжныхъ:* переводъ Молчанова. Москва, 1871.

неправильно воздѣйствуютъ разныя внѣшнія вліянія. Но въ этихъ словахъ не заключается ли самое строгое и безповоротное осужденіе института присяжныхъ на Руси? Что же это за хваленое учрежденіе, которое, при всей своей самостоятельности, не имѣетъ ни малѣйшей силы противостоять вреднымъ вліяніямъ извнѣ?

Но отчего подобныя вредныя вліянія, встрѣчающіяся и на Западѣ, не производятъ такого подавляющаго дѣйствія на присяжныхъ ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни въ Италіи, ни въ Австріи, ни даже во Франціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не затруднителенъ: очевидно самая почва этого института у насъ такова, что она усугубляетъ всякое вредное на нее воздѣйствіе ненормальныхъ внѣшнихъ вліяній.

О подкупѣ присяжныхъ были дѣла въ самые первые годы судебной реформы, и съ тѣхъ поръ повторяются все чаще и чаще.

Но наши либеральные органы ограничиваются простою отмѣткой этихъ фактовъ, и только однѣ *Московскія Вѣдомости* обратили на этотъ вопросъ серіозное вниманіе.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ мартѣ 1875 года отдѣленіе Кишиневскаго окружнаго суда въ Бендерахъ разбирало дѣло объ умышленномъ убійствѣ Царанина Стариша. Въ этомъ убійствѣ обвинялись трое, въ томъ числѣ кулеческій сынъ Савва Пачу, и всѣ трое по суду были оправданы. Но вскорѣ затѣмъ обнаружилось, что свидѣтели и часть присяжныхъ были подкуплены отцомъ обвиняемаго Пачу. По произведенному слѣдствію оказалось, что пятеро изъ крестьянъ, вошедшихъ въ составъ суда, были угощаемы до засѣданія ѣдой и питьемъ въ трактирѣ; во время совѣщанія они держались въ сторонѣ отъ прочихъ присяжныхъ, и съ самаго начала дѣла настаивали на невиновности подсудимыхъ, а потомъ открыто хвалились предъ подсудимымъ Пачу и его отцомъ, что они отстояли его, и завели съ нимъ публичную ссору, чуть не драку, за то, что тѣ недостаточно ихъ отблагодарили; столь же открыто требовали они отъ своего товарища, присяжнаго Окинки, бывшаго коноводомъ по дѣлу о подкупѣ, дѣлежа вознагражденія, которое Окинка получилъ отъ обвиняемаго. Присяжные эти, въ числѣ пяти человѣкъ, были преданы суду Одесской судебной палаты, съ участіемъ присяжныхъ же засѣдателей; изъ нихъ крестьянинъ Окинка признанъ виновнымъ, *остальные оправданы*. Оправданіе повидимому вызвано было тѣмъ, что, по лока-

занію свидѣтелей, бендерскіе присяжные изъ крестьянъ находились *въ самомъ бѣдственномъ положеніи*: „они просили ломоцци отъ другихъ присяжныхъ, голодали, ночевали на улицѣ, готовы были идти рубить дрова, чтобы ломочь себѣ и оставленнымъ безъ пропитанія семействамъ, даже протягивали на улицѣ руки за подаяніемъ“.

Вскорѣ послѣ бендерскаго дѣла въ газетахъ появилось извѣстіе о возбужденіи слѣдствія о подкупѣ присяжныхъ Усть-Медвѣдицкаго окружнаго суда, причемъ подкупъ подозрѣвался по нѣсколькимъ дѣламъ. Оказалось, въ самомъ дѣлѣ, что присяжные, какъ и въ Бендерахъ, брали угощеніе съ нѣкоторыхъ подсудимыхъ; подсудимые открывали имъ кредитъ въ своихъ лавкахъ, откуда они забирали водку, вино, чай, сахаръ, свѣчи, мыло и т. п. *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права*, въ послѣдней книжкѣ за 1876 годъ, заявилъ со своей стороны, что въ Сенатъ поступило изъ разныхъ губерній еще нѣсколько представленій о преданіи бывшихъ присяжныхъ суду за лихоимство, которое заключалось въ принятіи угощеній отъ подсудимыхъ и колѣчныхъ подарковъ. Наконецъ, въ 1883 году, въ Московской судебной палатѣ разбиралось дѣло о подкупѣ крестьянъ-присяжныхъ въ Грязовецкомъ уѣздѣ, — подкупѣ произведенномъ открыто, при свидѣтеляхъ. Подсудимые, конечно, и на сей разъ были оправданы присяжными же, хотя не было въ виду ни одного факта, которымъ бы опровергалось обвиненіе.

Кромѣ упомянутаго выше случая, въ томъ же юридическомъ журналѣ приведенъ рядъ фактовъ, указывающихъ на бѣдственное положеніе присяжныхъ изъ крестьянъ. Спасское и Чебоксарское земства, Казанской губерніи, еще въ 1873 году постановили выдавать пособія неимущимъ присяжнымъ, удостовѣривъ при этомъ, что „присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, въ періодъ исполненія своихъ обязанностей въ Чебоксарахъ, ходятъ по городу за подаяніемъ“. Товарищъ предсѣдателя Воронежскаго окружнаго суда удостовѣряетъ, что ему не разъ случалось на практикѣ видѣть, какъ присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, истощивъ свои карманныя средства вслѣдствіе продолжительности сессій, обращались къ предсѣдавшимъ въ судѣ съ просьбой о денежномъ пособіи, необходимомъ не только для возвращенія домой, но и для дневнаго ихъ пропитанія, и судьи, не видя исхода бѣдственному ихъ положенію, дѣлами подписку на вспоможеніе присяжнымъ; а въ уѣздныхъ городахъ крестьяне, къ концѣ періода засѣданій, нерѣдко ходили по домамъ за

милостыней, или просили какой-нибудь работы для прокормленія. Далѣе въ названномъ журналѣ разказывается, что въ Одессѣ, въ одно изъ засѣданій, *старшина присяжныхъ* сдѣлалъ такое заявленіе: „присяжные крестьяне просятъ заявить суду, что имъ нечего ѣсть; взятый съ собою хлѣбъ они съѣли; во время перерыва засѣданій одинъ крестьянинъ сходилъ лѣшкомъ за девяносто верстъ въ деревню, чтобы взять хлѣба. Ночуютъ они гдѣ попало, и просятъ нельзя ли написать въ земскую управу, чтобъ имъ выдали на прокормленіе“. Предсѣдатель суда отвѣтилъ, что назначеніе пособій присяжнымъ не входитъ въ кругъ обязанностей суда и земства, но что просьба присяжныхъ крестьянъ будетъ удовлетворена частнымъ образомъ. Такія же точно свѣдѣнія о положеніи присяжныхъ крестьянъ получены изъ Вятки и изъ *многихъ другихъ мѣстъ*.

Казанскій губернаторъ опротестовалъ въ 1873 году умомянутое выше постановленіе Казанскаго земства о выдачѣ пособій крестьянамъ изъ присяжныхъ, а первый департаментъ Сената указомъ отъ 5 сентября 1873 года разъяснилъ, что назначеніе присяжнымъ пособія изъ земскихъ суммъ не относится ни къ одному разряду дѣлъ, исчисленныхъ во 2 ст. Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и что „обязанности присяжныхъ засѣдателей, по самому существу этого учрежденія, не допускаютъ никакого вознагражденія“ (а голодать допускаютъ?). Затѣмъ, вслѣдствіе ходатайства нѣкоторыхъ земскихъ собраній о разрѣшеніи этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ, Комитетъ Министровъ высказалъ слѣдующее заключеніе:

„Предположенная земствомъ мѣра противорѣчитъ *коренному* характеру присяжныхъ засѣдателей, и даже не вызывается *практическою необходимостью*, такъ какъ званіе присяжнаго есть не только *повинность*, но въ то же время и *право* принимать участіе въ сужденіи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ; съ понятіемъ же о правѣ не согласуется выдача за пользованіе имъ денежнаго вознагражденія“ *). Далѣе Комитетъ Министровъ нашелъ, что присяжные обезпечены имущественнымъ цензомъ, и рекомендуетъ уѣзднымъ комиссіямъ выбирать имѣющихъ средства къ пропи-

*) Хорошо это драгоцѣнное право быть судьей, и въ то же время голодать! Но повинность не есть право, а быть присяжнымъ по назначенію коммиссій—прямая повинность, за неисполненіе которой по закону положенъ штрафъ. Такъ это и понимается на Западѣ, гдѣ по сему присяжные получаютъ вознагражденіе.

танію. Но мы уже знаемъ, что этотъ имущественный цензъ не обезпечиваетъ большинства присяжныхъ.

Съ другой стороны не надо забывать, что, посредствомъ ничѣмъ не мотивированныхъ отводовъ, составъ присяжныхъ можетъ быть искусственно подобранъ обвиненіемъ, и въ особенности защитою. Но даже при самомъ удачномъ составѣ присяжныхъ, они все-таки не болѣе ни менѣе какъ случайно собранная коллегія, безо всякой внутренней связи, пассивно подчиняющаяся впечатлѣніямъ разыгрывающейся предъ нею судебной драмы. Независимость, объективность этого впечатлѣнія невозможны уже потому, что эта драма исполнена инцидентовъ, имѣющихъ цѣлью не столько разъясненіе истины, сколько подготовленіе присяжныхъ къ дачѣ извѣстнаго заключенія.

Такими инцидентами переполняются у насъ, какъ доказалъ опытъ, и судебное слѣдствіе, и пренія сторонъ.

Во время судебнаго слѣдствія приводятся справки о судимости, изъ которыхъ прокуроры извлекаютъ выводъ, что предъ присяжными стоитъ закоренѣлый злодѣй; а по требованію защиты приводятся свидѣтельства посторонннихъ лицъ о благонадежности подсудимаго, коими, наоборотъ, доказывается, что уличенный воръ и убійца—отецъ многочисленнаго семейства, незапятнанной репутаціи, добрѣйшій и милѣйшій человѣкъ и т. п. При этомъ доводы адвокатовъ, говорящихъ послѣ обвиненія, производятъ всегда и болѣе глубокое впечатлѣніе.

Кромѣ того, главный фактъ обвиненія, во время судебнаго слѣдствія, иногда совсѣмъ блѣднѣетъ вслѣдствіе заявленія массы разныхъ мелкихъ посторонннихъ обстоятельствъ, а также посредствомъ голословнаго дискредитованія свидѣтелей,—или, во время пренія сторонъ, и вовсе устраняется всевозможными софистическими соображеніями адвокатовъ, а въ особенно важныхъ случаяхъ—посредствомъ медицинской экспертизы душевнаго состоянія подсудимаго, хотя послѣдній, при совершеніи преступленія, ничѣмъ не обнаружилъ ненормальнаго состоянія своихъ умственныхъ способностей.

И присяжные, какъ люди непривычные къ судебному анализу, неизбѣжно обнаруживаютъ склонность судить преступника не по фактамъ совершеннаго имъ закононарушенія, а по общественной, семейной и нравственной обстановкѣ преступника. Подъ вліяніемъ этой обстановки, искусственно и тенденціозно вызванной, зараждаются въ умѣ неразвитыхъ присяжныхъ сомнѣнія, ловко поддерживаемыя беззастѣнчивыми адвокатами, о томъ, что под-

судимый совершилъ убійство благодаря средѣ, въ которой онъ вращался, а не по своей волѣ; что, совершая преступленіе, онъ былъ въ умоизступленіи, или въ нервномъ состояніи; что, наказывая подсудимаго, судъ дѣлаетъ несчастнымъ не только подсудимаго, но и его неповинное семейство и т. п.

Далѣе, по прочтеніи обвинительнаго акта, послѣ часто сложнаго, запутаннаго, продолжительнаго, а нерѣдко неполнаго и односторонняго судебнаго слѣдствія, наконецъ послѣ прені я сторонъ, предсѣдатель суда дѣлаетъ присяжнымъ резюме и предлагаетъ вопросы.

Предсѣдательская суммировка должна напомнить присяжнымъ весь ходъ дѣла и всѣ его отдѣльныя обстоятельства. Для этого, особенно въ сложныхъ дѣлахъ, требуется отъ предсѣдателя большое искусство и особый навыкъ, а отъ присяжныхъ—настойчивое вниманіе. Но всякій ли предсѣдатель способенъ у насъ къ такой суммировкѣ, и всегда ли способны наши неопытные и неразвитые присяжные, утомленные и подчасъ нерѣдко сбитые съ толку предшедшимъ ходомъ дѣла, усвоить обстоятельно и безпристрастно предсѣдательскій анализъ? Двадцатилѣтній опытъ доказалъ, что подобные предсѣдатели, среди нашей хромающей во многихъ отношеніямъ магистратуры, составляютъ исключеніе. На присяжныхъ же эти вообще судейскія суммировки не производятъ вовсе надлежащаго дѣйствія: самое удачное изложеніе не въ силахъ парализовать тѣ искусственныя впечатлѣнія, которыя, въ ущербъ очевидности фактовъ, вызваны были въ умѣ присяжныхъ тенденціознымъ производствомъ судебнаго слѣдствія, и въ особенности софистическими пріемами адвокатуры.

Что же касается предлагаемыхъ присяжнымъ вопросовъ, то въ этомъ случаѣ вниманіе ихъ дѣйствительно сосредоточивается на извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣла. Но правильная, объективная постановка вопросовъ судомъ составляетъ доселѣ самую трудную задачу и на Западѣ, гдѣ судьи и образованнѣе чѣмъ у насъ, и опираются на болѣе установившіяся традиціи. У насъ же эта сторона дѣла, даже послѣ двадцатилѣтняго опыта, находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи.

Причиной тому прежде всего многовопросная система, допущенная нашими Судебными Уставами. Вмѣсто того, чтобы предоставить присяжнымъ, не привыкшимъ къ спеціально судебному анализу фактовъ, возможность охватить дѣло общимъ взглядомъ, не останавливаясь на частностяхъ; вмѣсто того, чтобы требовать отъ нихъ единогласнаго вердикта о виновности вообще, какъ въ

Англіи—у насъ, какъ во Франціи, Судебные уставы превратили присяжныхъ въ судей, отъ которыхъ требуется мнѣніе по отдѣльнымъ фактамъ обвиненія.

Въ сложныхъ же процессахъ многовопросная система ведетъ къ тому, что присяжнымъ, будь они стократъ опытнѣе и развитѣе, чѣмъ у насъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности отнестись къ каждому изъ вопросовъ съ должнымъ вниманіемъ. Обратимся для примѣра къ послѣднему времени, когда судебная реформа, въ теченіе двухъ десятилѣтій, повидимому должна была бы уже выработать болѣе упрощенные и, слѣдовательно, болѣе состоятельные пріемы.

По дѣлу о буйствахъ на Морозовской мануфактурѣ присяжнымъ былъ поставленъ 101, а по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ 1.315 вопросовъ. Для такой сложной юридической работы судьи по первому дѣлу употребили одинъ день, а по второму два. Но и присяжные употребили для разрѣшенія этихъ вопросовъ не болѣе времени. Очевидно, и судьи, и присяжные дѣйствовали въ обѣихъ случаяхъ зря. Одинъ анонимный юристъ въ *Новомъ Времени* защищаетъ осмотрительность присяжныхъ въ Таганрогскомъ дѣлѣ слѣдующими словами:

„Двадцать три дня присяжные были заперты, отрѣзаны отъ всего міра... И они выдержали этотъ искусъ съ поразительнымъ *терпѣніемъ* и *спокойствіемъ*, не упуская изъ виду ни одной, хотя самой малѣйшей подробности, все отмѣчая въ розданныхъ имъ судомъ для замѣтокъ книжкахъ, не обнаруживая никакой нервности даже когда оказалось, что процессъ затягивается до безконечности, что онъ превращается въ какое-то скучное засѣданіе какого-то техническаго общества“! А обевъ-прокуроръ Уголовнаго кассаціоннаго департамента г. Кони, о похвалахъ котораго присяжнымъ въ этомъ дѣлѣ мы упомянули выше, снявилъ со своей стороны, что вердиктъ присяжныхъ по Таганрогскому дѣлу смѣло можно причислить къ самымъ справедливымъ и обдуманнымъ.

Но возможно ли это? Положимъ даже, что присяжные въ этомъ дѣлѣ разрѣшили, въ теченіе примѣрно семидесяти часовъ, круглымъ счетомъ 1.300 вопросовъ. Отсчитавъ за три дня по крайней мѣрѣ до тридцати часовъ на сонъ, обѣдъ, ужинъ и необходимый отдыхъ во время дневныхъ перерывовъ занятій, остается сорокъ часовъ, что составляетъ по 130 вопросовъ на каждые четыре часа, то-есть по 65 вопросовъ на два часа или 120 минутъ, причемъ каждый вопросъ присяжные, въ среднемъ выводѣ

разрѣшали менѣе чѣмъ въ двѣ минуты. Положимъ, что около 25 вопросовъ изъ 65 были менѣе важные, на рѣшеніе которыхъ потребовалось не болѣе минуты—всего 25 минутъ—хотя, говоря вообще, вопросы, предлагаемые присяжнымъ, должны имѣть всѣ одинаково важное значеніе, и не должны бы подлежать подраздѣленію на существенные и несущественные. Но и въ этомъ случаѣ на разрѣшеніе наиболѣе важныхъ 40 вопросовъ требуется отчислить 95 минутъ, то-есть около $2^1/_2$ минуты на каждый, да и то подъ условіемъ непрерывнаго, физически почти невозможнаго труда и, къ тому же, послѣ двадцатидневнаго утомленія отъ слушанія дѣла *). Гдѣ же тутъ мѣсто *терпѣнію, спокойствію* и *обдуманности?*

Конечно, подобныя дѣла исключительны; но что же это за присяжные, которые въ случаѣ какого-либо исключительнаго дѣла,—а эти исключенія въ дѣлѣ правосудія вовсе не такъ рѣдки,—оказываются вынужденными дѣйствовать спѣшно, безо всякой обдуманности, наугадъ?

Впрочемъ, неправильная постановка присяжнымъ вопросовъ часто сбиваетъ ихъ съ толку и въ менѣе сложныхъ дѣлахъ. Это одна изъ причинъ, но конечно не единственная, ихъ безобразныхъ вердиктовъ. Въ послѣдніе годы установилась у насъ даже особая система, какъ бы компромиссъ между судомъ, фактическою истиной и стремленіемъ присяжныхъ къ оправданію: предсѣдатели предлагаютъ присяжнымъ отдѣльно сначала вопросъ о фактѣ, а загѣмъ вопросъ о виновности, вслѣдствіе чего присяжные, признавъ сначала фактъ о воровствѣ, мошенничествѣ, убійствѣ, и т. п., произносятъ потомъ безо всякой мотивировки вердиктъ о невиновности совершителей этихъ похвальныхъ дѣяній. Что же можетъ быть безсмысленнѣе и вреднѣе въ юридическомъ и нравственномъ смыслѣ?

Выше мы уже видѣли, какого рода аналогію между судомъ присяжныхъ и судомъ коронным проводятъ, въ ущербъ послѣднему, защитники института присяжныхъ. Они не жалуютъ судей,

---

*) На Западѣ, въ Германіи и Италіи, въ первое время послѣ введенія присяжныхъ, тоже бывали случаи, что имъ предлагали по нѣсколько сотъ вопросовъ, но тамъ эта аномалія была въ свое же время замѣчена и устранена какъ соотвѣтствующими законодательными мѣрами, такъ и цѣлесообразными инструкціями судьямъ (Миттермайеръ—*Присяжные въ Европѣ и Америкѣ*). У насъ же мы съ такою аномаліей встрѣчаемся на двацатый годъ послѣ введенія судебной реформы!

потому что судьи законники и, какъ таковые, отличаются черствымъ сердцемъ. Но судъ и долженъ быть актомъ закона, а не сердечнаго увлеченія. Преступленія не могутъ быть предотвращены заботой о милосердіи въ отношеніи къ ворамъ, мошенникамъ и убійцамъ, а исправительныя мѣры къ нравственному улучшенію преступниковъ—дѣло не суда, но тѣхъ учрежденій, въ вѣдѣніе которыхъ поступаетъ преступникъ по произнесеніи судомъ приговора. Не говоримъ уже о томъ, что и самое милосердіе, какъ все, имѣетъ свой предѣлъ: изъ вышеприведенныхъ же примѣровъ легко усмотрѣть, что милосердіе нашихъ присяжныхъ къ преступникамъ выразилось въ оправданіи одной трети общаго числа подсудимыхъ за пять лѣтъ, и почти въ упраздненіи помилованія верховною властію. Ссылка защитниковъ института присяжныхъ на афоризмъ Екатерины II: „лучше освободить десять виновныхъ, нежели осудить одного невиннаго“ нисколько не убѣдительна. Что было мыслимо, какъ гуманный принципъ, въ виду суровыхъ законовъ и судебнаго произвола въ прошломъ вѣкѣ, то не можетъ служить руководствомъ для судовъ нашей эпохи, поставленныхъ въ совершенно другія условія; теперь господствуютъ совсѣмъ другіе нравы, и отъ судебныхъ учрежденій требуется не только чтобъ они не осуждали невинныхъ, но чтобъ они освобождали также общество отъ тѣхъ безусловно преступныхъ людей, которыхъ безнаказанность нарушаетъ интересы, безопасность и нравственное чувство остальной части населенія.

Возвращеніе присяжными вердиктами воровъ, мошенниковъ и убійцъ въ среду честныхъ гражданъ даетъ намъ поводъ сравнить вердикты нашихъ присяжныхъ съ уголовными приговорами дореформенныхъ судебныхъ учрежденій.

Много грѣховъ оставили на своей памяти наши прежнія палаты уголовнаго суда и уѣздные суды; не мало они оправдали злодѣевъ; пострадали отъ нихъ и невиноватые. Все это объяснялось, и весьма вѣрно, незнакомствомъ выборныхъ судей съ судебнымъ дѣломъ, казуистикой прежнихъ законовъ и секретарскимъ лихоимствомъ. Но неправильные приговоры были тогда, по крайней мѣрѣ, признаваемы прямымъ уклоненіемъ отъ закона, правды и справедливости; наконецъ, противъ неправильныхъ приговоровъ было убѣжище: приговоры по уголовнымъ дѣламъ уѣздныхъ судовъ восходили на ревизію палатъ уголовнаго суда, а приговоры палатъ—на ревизію Сената, причемъ, если не всегда, то очень часто неправильность приговора низшаго суда исправлялась высшимъ. Правда, судебная процедура была гораздо сложнѣе

и продолжительнѣе, но развѣ ускоренное произнесеніе приговоровъ неправильныхъ предпочтительнѣе?

Задача судебной реформы 1864 года заключалась не только въ упрощеніи и ускореніи суда, но и въ обезпеченіи интересовъ правосудія. А развѣ достигли у насъ этой послѣдней цѣли судомъ присяжныхъ? Факты даютъ отвѣтъ вполнѣ отрицательный.

Нынѣшніе всесловные присяжные такъ же мало юристы, какъ и прежніе сословные засѣдатели въ судахъ, но послѣдніе не были по крайней мѣрѣ взяты съ улицы и, не составляя самостоятельной отъ суда коллегіи, были отвѣтственны предъ закономъ.

Теперь же нѣтъ закона, нѣтъ и отвѣтственности, и присяжнымъ предоставлено дѣйствовать только по собственному усмотрѣнію или по нравственному чутью. Но всякій ли присяжный способенъ по собственному усмотрѣнію дѣйствовать сознательно и разумно? Всякій ли изъ нихъ обладаетъ вѣрнымъ нравственнымъ чутьемъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что инстинктъ справедливости и способность уразумѣнія фактовъ свойственны человѣческой природѣ, но далеко не всѣмъ людямъ въ равной степени. Въ людяхъ неразвитыхъ этотъ инстинктъ, и эта способность находятся въ зародышномъ состояніи, которое можетъ быть, по обстоятельствамъ, и весьма значительно, и весьма ничтожно. Развить этотъ инстинктъ и эту способность до отчетливаго сознанія весьма не легко, а утратить вовсе, подъ вліяніемъ разныхъ условій, совсѣмъ не трудно. Образованіе и обширная сфера практической жизни, во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, содѣйствуютъ развитію идеи справедливости и уразумѣнію внутренняго значенія фактовъ; наоборотъ, отсутствіе, и даже крайняя слабость образованія и коснѣніе въ узкой однообразной средѣ останавливаютъ всякое нравственное и умственное развитіе. Далѣе, люди развитые, благодаря взаимному общенію, расширяютъ горизонтъ своего сознанія; люди же неразвитые, сходясь, не только не становятся сознательнѣе, но даже утрачиваютъ свои индивидуальные инстинкты, подчиняясь, какъ Панургово стадо, вліянію болѣе развитыхъ вожаковъ. Руководясь преимущественно инстинктомъ, удовлетворяющимъ ихъ матеріальныя нужды, эти неразвитые люди способны еще преслѣдовать свои односторонніе матеріальные интересы, но они уже хладнокровны къ интересамъ нравственнымъ, ихъ непосредственно не касающимся, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно становятся пассивнымъ отголоскомъ того, кто возьметъ среди нихъ роль запѣвалы. Таково именно

положеніе большинства нашихъ присяжныхъ изъ крестьянъ и мелкихъ городскихъ обывателей, избирающихъ во время сессій своимъ старшиной кого-либо изъ такъ-называемыхъ интеллигентныхъ классовъ. Ожидать отъ такихъ присяжныхъ сознательнаго отношенія къ фактамъ обвиненія, объективной оцѣнки вопроса о винѣ или невиновности подсудимаго, другими словами: самостоятельнаго акта мышленія и воли—это мечта, несостоятельность которой доказана уже двадцатилѣтнимъ опытомъ.

Но этотъ же опытъ доказалъ и несостоятельность присяжныхъ изъ интеллигентныхъ классовъ нашего общества. Они неспособны быть „судьями общественной совѣсти“ по другимъ причинамъ. Образованность можетъ быть не обширна, но солидна, и наоборотъ, точно такъ какъ и развитіе развитію рознь. Поверхностное образованіе, то что называется полуобразованіемъ, дешевая діалектика ума и слова часто вовсе заглушаетъ голосъ внутренней совѣсти, прикрывая разными заносными политическими теоріями самыя безобразныя явленія общественной жизни, и нерѣдко изъ личнаго даже интереса.

У насъ все дѣло сводится вотъ къ чему: тамъ гдѣ въ обществѣ существуетъ извѣстное, хотя и неосновательное предубѣжденіе противъ полиціи, присяжные оправдываютъ виновныхъ въ оскорбленіи полиціи; тамъ гдѣ въ присяжные попадаютъ мелкіе чиновники, расположенные всегда безнаказанно пофрондировать передъ начальствомъ, они оправдываютъ виновныхъ въ нанесеніи оскорбленія начальству; гдѣ присяжные изъ крестьянъ, тамъ они оправдываютъ крестьянъ, виновныхъ въ сопротивленіи установленнымъ властямъ; гдѣ присяжные подъ вліяніемъ или въ зависимости отъ мѣстнаго кабатчика, тамъ они оправдываютъ всѣ кабачныя безобразія, и даже совершаемыя въ пьяномъ видѣ убійства; если присяжные изъ той среды, гдѣ не тверды понятія о собственности и нравственности, тамъ они оправдываютъ воровъ, мужей-изверговъ и двоеженцевъ.

Несостоятельность института присяжныхъ, еще сомнительная для многихъ, послѣ оправданія Вѣры Засуличъ признана была наконецъ и органами нашей печати. Мнѣніе это было высказано, съ особою силой послѣ 1883 года, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ вердиктовъ по дѣламъ Мельницкихъ, Свиридова, Мироновича и Островлевой. Всѣхъ энергичнѣе и категоричнѣе выразились *Московскія Вѣдомоста. Петербургскія* же *Вѣдомости,* въ апрѣлѣ 1884 года, *несмѣтное число оправдательныхъ рѣшеній* объясняли исключительно *нежеланіемъ* присяжныхъ засѣдателей оставаться

въ сферѣ той юрисдикціи, которая отведена для нихъ разумною волей законодателя, вовсе не имѣвшаго намѣренія отнимать у верховной власти ей одной присущее право помилованія и прощенія.

Нельзя однако не замѣтить, что эти „несмѣтные оправдательные приговоры“ едва ли правильно мотивированы „нежеланіемъ“ присяжныхъ оставаться въ сферѣ своей юрисдикціи, такъ какъ опытъ доказалъ, что присяжные дѣйствуютъ не по *собственному усмотрѣнію*, но какъ автоматы, подъ давленіемъ разныхъ обстоятельствъ, и всего болѣе подъ нравственнымъ давленіемъ неразборчивыхъ краснобаевъ-адвокатовъ. Образъ дѣйствій присяжныхъ— просто логическое послѣдствіе того неправильнаго положенія, въ которое поставлены присяжные не „разумною волей законодателя“, но измышленіями теоретиковъ судебной реформы, захватившими это дѣло въ свои руки въ 1861—1864 году.

Даже въ средѣ наиболѣе либеральныхъ органовъ петербургской печати раздался въ 1883 году голосъ, далеко уже не гармонирующій съ тѣмъ, что въ этихъ кружкахъ говорилось и писалось прежде. „Изъ этого учрежденія“, провозглашено было въ *Новомъ Времени*, „сотворили *кумиръ*, которому искренне или притворно принято покланяться въ такой мѣрѣ, что его приговоры считаются откровеніемъ высшей мудрости, а одно прикосновеніе къ нимъ съ дѣлію анализа и критики—смертнымъ грѣхомъ“. Затѣмъ воздавъ тѣмъ не менѣе хвалу этому прекрасному учрежденію въ принципѣ, та же газета продолжаетъ: „Но *засоритъ* это учрежденіе, сбить его съ прямаго пути на окольныя тропинки, *превратить его въ орудіе страстей, всякаго рода борьбы* и *враждъ*, все это къ сожалѣнію возможно, и безусловное пресмыкательство предъ приговорами, *отсутствіе* дѣятельнаго контроля со стороны лучшихъ элементовъ общества путемъ гласности—одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ къ тому путей, потому что *сбивчивость понятій* и *слабость гражданскаго самосознанія* въ значительной части общества открываютъ широкій путь всякимъ увлеченіямъ...“ *)

---

*) Такимъ образомъ даже эта либеральная газета признаетъ наконецъ, что институтъ присяжныхъ непогрѣшимъ только въ идеѣ, а на практикѣ можетъ и засориться. Но едва ли контроль гласности можетъ спасти институтъ присяжныхъ отъ засоренія. Этой гласности было у насъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, не мало, и она нисколько не помѣшала нашему институту присяжныхъ сдѣлаться „орудіемъ страстей всякаго

Наконецъ, при разсмотрѣніи дѣла Мельницкихъ въ Сенатѣ, послѣ строгаго приговора, произнесеннаго оберъ-прокуроромъ, г. Неклюдовымъ, надъ адвокатурой, самъ Несторъ петербургскихъ адвокатовъ, г. Спасовичъ, публично произнесъ не менѣе неумолимый приговоръ надъ институтомъ присяжныхъ.

„Институтъ присяжныхъ засѣдателей, сказалъ онъ, *боленъ, серіозно боленъ*; худую услугу оказываютъ ему его льстецы и хвалители, распинающіеся за его *непогрѣшимость*; лѣчить его надо *энергически и немедленно*, такъ какъ болѣзнь уже *давно* существуетъ и *запущена*, а дальнѣйшее ея запущеніе можетъ довести *до необходимости ампутаціи*“.

„Если признается“, продолжаетъ г. Спасовичъ, „что содѣянное доказано, а содѣяно оно лицами взрослыми, дѣйствовавшими въ состояніи вмѣняемости, сознательно и свободно, которыя однако послѣ того провозглашены невиновными, то какой же изъ этого возможенъ выводъ? Только тотъ, что *законъ не исполняется*, что онъ не господствуетъ, что на его мѣсто становится *милосердіе* гг. присяжныхъ; что если въ законѣ написано: *кто совершилъ такое-то дѣйствіе, тотъ подвергается такому-то наказанію*, то надлежитъ читать: *кто совершилъ такое-то дѣйствіе и гг. присяжнымъ заседателямъ угодно будетъ, тотъ за сіе подвергается такому-то наказанію.* Такимъ образомъ дѣло идти не можетъ“.

Въ заключеніе, обращаясь къ самому Сенату, г. Спасовичъ имѣлъ храбрость замѣтить:

„Правительствующій Сенатъ какъ будто не зналъ, что *близорукимъ присяжнымъ дана власть рѣшать и миловать, что они этою властью пользуются уже 18 лѣтъ*, и что они *сильно вошли въ ея вкусъ*. Нынѣ только возбуждается объ этомъ вопросъ, какъ будто только впервые Московскій судъ предоставилъ миловать подсудимыхъ присяжнымъ по дѣлу Мельницкихъ“.

Не будемъ вдаваться въ изслѣдованіе вопроса о томъ, всегда ли самъ г. Спасовичъ, въ своей многолѣтней адвокатской практикѣ, сообразовалъ свою защиту съ высказанными имъ въ 1884 году въ Сенатѣ взглядами; но его опредѣленіе нашего института

рода“. Гораздо справедливѣе ссылка на „сбивчивость понятій и слабость гражданскаго самосознанія въ значительной части общества“, но самая наличность подобныхъ элементовъ въ обществѣ, изъ котораго избираются присяжные, не есть ли уже прямое признаніе несостоятельности института присяжныхъ даже и на практикѣ?

присяжныхъ, какъ легко убѣдиться изъ ихъ вердиктовъ, безусловно вѣрно. Остается только сожалѣть, что онъ не высказался подробнѣе: *когда* заболѣлъ такъ серіозно нашъ институтъ присяжныхъ, по введеніи ли его въ силу, или еще тогда, когда онъ нарождался въ воображеніи составителей Судебныхъ Уставовъ, то-есть въ 1861—1864 году. Мы же думаемъ, что онъ, въ своей жизненной практикѣ, никогда не былъ здоровъ, и почти всегда дѣйствовалъ ненормально, хотя, по словамъ г. Спасовича, этого не замѣтилъ только Правительствующій Сенатъ. Но болѣзненнорожденный институтъ, къ тому еще засоренный вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, едва ли излѣчимъ „скоро и энергично“; очевидно остается прибѣгнуть къ „ампутаціи“.

Поэтому мы полагаемъ, что если нашъ институтъ присяжныхъ въ теченіи двадцати лѣтъ былъ лѣчимъ плохо отъ засоренія и болѣзней, то это произошло только потому, что самая болѣзнь, по своей неизлѣчимости, была не по силамъ какихъ бы то ни было врачей.

Врачомъ или пестуномъ института присяжныхъ, по силѣ Судебныхъ Уставовъ, долженъ быть Кассаціонный Сенатъ. Что же онъ сдѣлалъ?

Только одинъ разъ съ 1866 по 1883 годъ Сенатъ вышелъ изъ своей пассивной роли, опредѣливъ въ 1872 году, что въ дѣлахъ о преступленіяхъ должности вопросъ о томъ, имѣлъ ли право подсудимый совершать то или другое дѣяніе по предоставленной ему закономъ власти должностнаго лица, и составляетъ ли такое дѣяніе неисполненіе возложенныхъ на него обязанностей—подлежитъ разрѣшенію самого суда, а не присяжныхъ засѣдателей.

Но затѣмъ Сенатъ для института присяжныхъ какъ будто не существовалъ.

Въ 1872 году Сенатъ постановилъ, что при неявкѣ полнаго числа присяжныхъ засѣдателей, выборъ ихъ изъ числа менѣе тридцати не можетъ быть признаваемъ нарушеніемъ ст. 656 Уст. Угол. Суд., если стороны не встрѣчаютъ препятствій къ составленію присутствія, и не находятъ себя стѣсненными въ правѣ отвода. Кромѣ этого случая, изъ циркуляровъ Сената только одинъ относится къ присяжнымъ, но онъ имѣетъ предметомъ не правильное разъясненіе ихъ дѣятельности, а единственно внѣшній порядокъ, касаясь вопросовъ: объ оставленіи присяжныхъ для ночлега въ зданіи суда; объ отмѣткѣ въ протоколѣ о принятіи мѣръ для огражденія присяжныхъ отъ внѣшняго вліянія, если имъ по дѣламъ менѣе важнымъ разрѣшено удалиться изъ

суда; и о недопущеніи въ залѣ засѣданія такого наплыва публики, который бы мѣшалъ наблюдать за присяжными и т. п. (1873).

Со своей стороны и министры Юстиціи не шли далѣе этой внѣшней цѣли. Своими циркулярами они опредѣлили, что очередь лицъ, служащихъ въ одномъ вѣдомствѣ, слѣдуетъ переносить изъ одной четверти года въ другую (1868 года); что призываемые въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей преподаватели одного и того же учебнаго заведенія не должны быть призываемы одновременно (1877 года); что чины акцизнаго вѣдомства не должны быть призываемы къ отправленію обязанностей присяжныхъ засѣдателей въ то время, когда они усиленно заняты надзоромъ за винокуреніемъ (1879 года), и что распредѣленіе судебныхъ засѣданій на лѣтніе мѣсяцы должно быть согласуемо съ мѣстными сельскохозяйственными работами.

Вотъ и вся руководящая дѣятельность Сената и министровъ Юстиціи по вопросу о присяжныхъ засѣдателяхъ со времени введенія судебной реформы до 1884 года.

Никакихъ общихъ разъясненій о правильномъ выборѣ присяжныхъ уѣздными коммиссіями, ни о существѣ дѣятельности присяжныхъ; никакихъ мѣръ къ устраненію изъ судебнаго слѣдствія постороннихъ обстоятельствъ, ни къ ограниченію адвокатской софистики; ни слова о противорѣчіи вердиктовъ съ фактами обвиненія.

Самая система избранія присяжныхъ, при введеніи судебной реформы въ семидесятыхъ годахъ въ Западномъ краѣ, была нѣсколько измѣнена къ лучшему: было опредѣлено, чтобы списки уѣздныхъ коммиссій повѣрялись губернскими коммиссіями, гдѣ, въ предсѣдательствѣ губернаторовъ, вмѣстѣ съ представителями магистратуры и прокуратуры участвуютъ и губернскіе предводители дворянства. Но эта мѣра, какъ боязливая попытка къ улучшенію состава присяжныхъ только въ извѣстномъ районѣ, не могла даже и въ Западномъ краѣ улучшить дѣло, какъ легко убѣдиться изъ оправданія присяжными въ этомъ краѣ виновныхъ въ насиліи противъ полиціи. *)

Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ подобныя несущественныя распоряженія Сената и генералъ-прокуроровъ, и такое бездѣйствіе законодательной власти нисколько не исправили института присяжныхъ, безобразные вердикты коихъ продолжали все

*) Во время майской сессіи 1884 года въ Бѣлостокѣ.

чаще и чаще возмущать общественное сознаніе. Не только въ серіозной части печати, но и въ той, которая величаетъ себя либеральною, стали уже раздаваться настойчивые голоса о необходимости принятія мѣръ противъ зла, сдѣлавшагося для всѣхъ очевиднымъ. Но въ то время какъ *Московскія Вѣдомости* указывали, какъ на корень зла, на самый институтъ присяжныхъ вообще, и въ особенности въ той формѣ, которая дана ему Судебными Уставами 1864 года, такъ-называемыя либеральныя газеты, забывъ свою прежнюю тему о непогрѣшимости и безотвѣтственности присяжныхъ, стали предлагать разные палліативы, чтобъ очистить этотъ институтъ отъ „болѣзней“ и „засоренія“.

Такъ было предлагаемо, чтобы судьямъ данъ былъ скорѣе новый уголовный кодексъ, чтобы возвышенъ былъ образовательный цензъ присяжныхъ, чтобъ уничтоженъ былъ отводъ присяжныхъ безъ указанія причинъ, чтобы приняты были мѣры къ правильному исполненію судьями, прокурорами и адвокатами ихъ обязанностей въ отношеніи къ присяжнымъ, наконецъ, чтобъ и Сенатъ исполнялъ свои обязанности воспитателя, „пестуна суда присяжныхъ“. Словомъ, требовалось передѣлать всѣ судебные органы, чтобы сохранить присяжнымъ ихъ прежнюю организацію, ограничивъ лишь право отвода и усиливъ ихъ образовательный цензъ.

Но болѣе совершенный уголовный кодексъ не измѣнитъ нашихъ присяжныхъ, которымъ судебные уставы даровали право не стѣсняться ни закономъ, ни фактическою очевидностью; возвышеніе образовательнаго ценза тоже недостигаетъ цѣли, ибо Вѣру Засуличъ, Мельницкихъ, Островлеву и тагапрогскихъ таможенныхъ чиновниковъ оправдали присяжные изъ интеллигенціи, а не изъ темнаго люда; для роли пестуна присяжныхъ Сенатъ, какъ доказалъ опытъ, такъ же недостаточенъ, какъ и для энергическаго надзора за магистратурой, прокуратурой и адвокатурой, а одно ограниченіе права отвода присяжныхъ не можетъ, при этихъ условіяхъ, имѣть серіознаго значенія.

Правительство въ 1884 году сдѣлало попытку улучшить составъ присяжныхъ, издавъ временныя правила, въ силу коихъ въ составъ уѣздныхъ коммиссій, избирающихъ присяжныхъ, введены: предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей, предсѣдатель уѣздной земской управы, городской голова, непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣздный исправникъ или полицеймейстеръ, и мѣстный товарищъ прокурора окруж-

наго суда; вмѣстѣ съ тѣмъ, прокурору или частному обвинителю дозволено было отводить не болѣе трехъ присяжныхъ, и столько же подсудимому, а если подсудимыхъ нѣсколько, то всѣмъ вмѣстѣ. Но вердикты присяжныхъ, послѣдовавшіе съ того времени и упомянутые нами выше, доказали уже, что эти частныя мѣры не въ силахъ были улучшить нашъ присяжный судъ.

Въ 1886 году издано было постановленіе, въ силу коего присяжнымъ засѣдателямъ предоставлено было, подобно обвиненію и защитѣ, дѣлать замѣчанія при постановкѣ судомъ вопросовъ. Но подобная мѣра едва ли можетъ имѣть полезныя послѣдствія. Присяжные по своему положенію еще менѣе способны, чѣмъ судьи, обвиненіе и защита, судить о правильности, или неправильности предлагаемыхъ имъ вопросовъ: это дѣло чисто техническое, для котораго необходимы спеціальный опытъ и юридическія знанія, чего отъ присяжныхъ нельзя и ожидать.

Вообще двадцатилѣтній опытъ долженъ былъ повидимому достаточно убѣдить, что институтъ присяжныхъ, пересаженный къ намъ доктринерами судебной реформы 1861 — 1864 годахъ, да еще съ такимъ расцвѣтомъ, котораго онъ не достигъ и въ современной республиканской Франціи, принесъ намъ одинъ вредъ, слѣды котораго едва ли скоро исчезнутъ. Упразднивъ законъ въ уголовномъ правосудіи и верховную власть въ оказаніи милости подсудимымъ, этотъ институтъ не только не далъ намъ усовершенствованнаго правосудія, но поколебалъ въ корнѣ самое понятіе о правомѣрномъ судѣ. Да, судъ присяжныхъ замѣнилъ законъ, правду и нравственность случайными впечатлѣніями взятой съ улицы пестрой толпы, столь же слѣпо поддающейся выводамъ адвокатской софистики, какъ и сомнительнымъ теоріямъ о правѣ собственности, о личной безопасности и о государственномъ порядкѣ. Вердикты, вызванные подобными вліяніями, не могутъ не производить глубокаго воздѣйствія на нравственное развитіе общества. Судъ—это убѣжище закона, безпристрастія и высшей правды, но вовсе не личныхъ побужденій и нелѣпыхъ теорій, прикрываемыхъ призракомъ ложно понимаемаго самоуправленія или прогресса.

Замѣнить на Руси силу закона, исходящаго отъ верховной власти, адвокатскими измышленніями и приговорами псевдообщественной совѣсти — немыслимо, и надо надѣятся, что тотъ туманъ, который былъ въ 1861 — 1864 годахъ навѣянъ на наши руководящія сферы теоретиками судебной реформы, уже значи-

тельно разсѣялся, благодаря указаніямъ тяжелаго двадцатилѣтняго опыта. Конечно, остались еще налицо неисправимые доктринеры, для которыхъ „судъ общественной совѣсти“ сохраняетъ допрежнему неотразимую прелесть конституціонной хартіи; но дозволительно думать, что это заблужденіе есть уже принадлежность не большинства общества, и не правительственныхъ сферъ, а меньшинства, возгласы коего, хотя и крикливые, не въ состояніи болѣе отводить глаза у тѣхъ, для кого правосудіе по закону представляетъ гораздо болѣе гарантій, чѣмъ судъ по изволенію улицы.

Пора наконецъ понять ту простую истину, что судъ присяжныхъ — историческій продуктъ народной жизни только въ Англіи; но и здѣсь онъ, по цензу присяжныхъ засѣдателей и по своей ограниченной сферѣ дѣятельности, не самостоятельный, а лишь придаточный факторъ суда; да и въ этомъ видѣ, онъ встрѣчаетъ не мало сомнѣній даже въ англійской юридической литературѣ. Въ другихъ же государствахъ Запада онъ былъ введенъ въ совершенно иной формѣ и насильственно, въ видахъ извѣстной политической партіи, а не въ спеціальныхъ видахъ улучшенія правосудія. Несмотря на то, что въ этихъ государствахъ общая образованность, а въ частности школьное образованіе гораздо болѣе развиты, чѣмъ у насъ, этотъ институтъ и тамъ еще встрѣчаетъ доселѣ препятствія на практикѣ и сомнѣнія въ теоріи, какъ это видно изъ сочиненій самого Миттермайера и другихъ западныхъ юристовъ, а также изъ преній на юридическихъ съѣздахъ, бывающихъ отъ времени до времени въ Германіи и Швейцаріи. *) При такихъ обстоятельствахъ, называть судъ присяжныхъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые изъ либеральныхъ органовъ, такимъ судомъ, лучше котораго человѣчество не могло придумать, не только преувеличеніе, но чистѣйшая ложь. Не говоря объ Испаніи и Венгріи, суда присяжныхъ нѣтъ и въ такихъ благоустроенныхъ, свободныхъ и образованныхъ государствахъ, какъ Голландія, Данія, Швеція и Норвегія, въ тѣхъ именно государствахъ, внутреннее развитіе коихъ совершалось самостоятельно, а не по революціоннымъ традиціямъ 1789 и 1848 годовъ.

Въ заключеніе, для вразумленія тѣхъ, которые, не смотря на доказанную двадцатилѣтнимъ опытомъ несостоятельность инсти-

*) Послѣдніе съѣзды этого рода была осенью 1886 года въ Висбаденѣ и Шафгаузенѣ.

тута присяжныхъ на русской почвѣ, склонны все еще видѣть въ безобразныхъ вердиктахъ присяжныхъ только рѣдкую *случайность*, приводимъ перечень неправильныхъ вердиктовъ присяжныхъ за короткій періодъ времени съ конца Января до начала Іюля 1888 г.

Въ *Январѣ*: 1) въ Москвѣ присяжные оправдали подсудимыхъ по извѣстному дѣлу о похищеніи пакета съ 120,000 р. изъ Московскаго почтамта; 2) въ Смоленскѣ они оправдали троихъ поджигателей новой риги въ имѣніи г-жи Политовой (Сычевскаго уѣзда), уличенныхъ на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ.

Въ *Февралѣ:* 3) въ Москвѣ присяжные оправдали крестьянина Березина, признавъ однако фактъ совершеннаго имъ подлога; 4) въ Харьковѣ, по дѣлу о вложеніи въ частный денежный пакетъ, взамѣнъ 2,000 р. денегъ, газетной бумаги, присяжные оправдали завѣдовавшаго этою операціею чиновника Соколова — а его помощники оправданы были присяжными еще раньше; 5) въ Москвѣ присяжные оправдали приказчика Чернякова, уличеннаго въ растратѣ 1000 р. чужихъ денегъ, и объяснившаго на судѣ, что онъ дѣйствовалъ по *легкомыслію*.

Въ *Мартѣ*: 6) въ Москвѣ присяжные оправдали рабочихъ Степанова и Копыгина, признавъ однако фактъ буйства и нанесенія ими смертельныхъ побоевъ огороднику Ивану Зуеву; 7) тамъ же они оправдали совершеннолѣтняго сына Надв. Сов. Николая Отто, виновнаго въ проживательствѣ и женитьбѣ по чужому виду; 8) тамъ же они оправдали крестьянина Пономарева, который нѣсколько разъ, въ пьяномъ видѣ и раздраженіи, избивалъ мать и отца, а послѣдняго наконецъ и до смерти; 9) тамъ же они оправдали дворянина Деконскаго, уличеннаго въ кражѣ со взломомъ; 10) въ Петербургѣ присяжные оправдали вольнонаемнаго писца Казенной Палаты Герасимова, уличеннаго въ томъ, что онъ составилъ и подписалъ отъ имени Начальника Отдѣленія и столоначальника 65 предписаній и 9 опредѣленій о припискѣ къ разнымъ обществамъ лицъ, съ которыхъ онъ взялъ за это болѣе 200 р., и утаилъ на такую же сумму представленныя ему означенными лицами марки; 11) въ г. Городнѣ присяжные оправдали А. Неговскую, виновную и сознавшуюся въ умышленномъ убійствѣ мужа, отъ котораго она иногда переносила разныя невзгоды.

Въ *Апрѣлѣ:* 12) въ Москвѣ, присяжные оправдали мѣщанина Сальникова, уличеннаго въ поджогѣ своего застрахованнаго дома,

повлекшемъ за собою смерть одного и тяжкія увѣчья другихъ квартирантовъ; 13) тамъ же они оправдали мѣщанина Панькова, уличеннаго въ подлогѣ векселей; 14) въ Петербургѣ, присяжные признали жену рядоваго Нейманъ виновною въ допущеніи малолѣтней дочери просить милостыню, но *оправдали* ее по обвиненію въ истязаніи, хотя на судебномъ слѣдствіи было вполнѣ доказано, что когда дѣвочка приносила мало, то подвергалась самымъ звѣрскимъ истязаніямъ, (на приносимыя же дѣвочкой деньги мать устраивала веселыя выпивки); 15) въ Москвѣ, присяжные оправдали мѣщанина Сорокина, сознавшагося въ подлогѣ векселей.

Въ *Маѣ:* 16) въ Кишеневѣ присяжные оправдали, какъ психопатку, нѣкую Сохачевскую, которая нанесла выстрѣломъ изъ револьвера опасную рану въ животъ своему прежнему возлюбленному, когда тотъ не пожелалъ вновь принять ее къ себѣ на квартиру; 17) въ Москвѣ, присяжные оправдали артельщика Крутова въ растратѣ 3,187 р. сознавшагося въ этой растратѣ, но объяснившаго, что онъ, потерявъ голову по случаю насильствъ, совершенныхъ въ его квартирѣ сыномъ священника Коразина, вынужденъ былъ на эту растрату похоронами жены и другими расходами; 18) тамъ же они оправдали жену чиновника Чулкова, которая украла въ одномъ домѣ четырехлѣтнюю дѣвочку, таскала ее по кабакамъ и гостинницамъ для выпрашиванія милостыни, а сама льянствовала; 19) въ городѣ Умани, присяжные оправдали крестьянку Хорченкову, утопившую свою 8-ми мѣсячную дочь, кормленіе и уходъ за которою буто бы препятствовали Хорченковой получить мѣсто — хотя ея показанія по этому послѣднему обстоятельсву отличались разными противорѣчіями и несообразностями.

Въ *Іюнѣ*: 20) въ *Москвѣ*, присяжные оправдали потомственнаго почетнаго гражданина Раевскаго, уличеннаго и сознавшагося въ растратѣ 1,724 р. по управленію имѣніями Княгини Шаховской—Глѣбовой—Стрѣшневой.

Въ началѣ *Іюля:* 21) въ Москвѣ, присяжные оправдали сына Статскаго Совѣтника Савицкаго (которому отъ роду было за 23 г.), уличеннаго и сознавшагося въ растратѣ до 300 р. чужихъ денегъ на свои надобности.

За этотъ же періодъ времени присяжные признали *смягчающія обстоятельства* въ слѣдующихъ случаяхъ:

Въ *Маѣ:* 22) въ Москвѣ, присяжные обвинили запаснаго унтеръ-офицера Насѣкина въ истязаніи и нанесеніи смертель-

ныхъ лобоевъ своей женѣ, но дали ему *снисхожденіе*, потому что подсудимый ссылался на безсознательность своихъ поступковъ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, хотя, до судебнаго разбирательства, онъ былъ отправленъ на испытаніе въ больницу на два мѣсяца и тамъ признанъ врачами совершенно здоровымъ, а на судѣ сознательность его поступковъ засвидѣтельствована врачами—экспертами; 23) въ Петербургѣ, присяжные признали жену отставного рядоваго Бурдовскую виновною въ покушеніи на отравленіе мужа, однако *безъ обдуманнаго намѣренія* и потому заслуживающею *снисхожденія*, хотя предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями констатировано, что подсудимая, состоя въ любовной связи съ другимъ солдатомъ, возъимѣла намѣреніе отравить своего мужа за долго до преступленія, заблаговременно запасшись мышьякомъ.

Въ *Іюнѣ:* 24) въ Самарѣ, по дѣлу о поджогахъ разныхъ строеній въ деревнѣ Сорокины — Хутора (землевладѣльца Головнина), совершенныхъ изъ мести, по предварительному уговору *семи* крестьянъ и по наущенію *сельскаго старосты* Емельяна Сафошина, присяжные, признавъ Сафошина и *двухъ* крестьянъ виновными, но, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживающими *снисхожденія*, остальныхъ пятерыхъ подсудимыхъ совсѣмъ оправдали!

И такъ, за первое *полугодіе* 1888 г. присяжные произнесли 24 совершенно безсмысленныхъ вердикта, и гдѣ же? въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, т. е. въ наиболѣе интеллигентныхъ центрахъ нашей общественной жизни. А какіе вердикты произносятся присяжными въ Пошехоньѣ, Царевококшайскѣ и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, откуда не доходитъ почти никакихъ извѣстій?

VIII.

Въ числѣ общественныхъ органовъ суда, на ряду съ адвокатурой и институтомъ присяжныхъ, занимаетъ у насъ не менѣе крупное мѣсто мировой судъ.

По уставамъ 1864 года, мировые судьи не назначаются правительственною властію, а избираются земствомъ. Они разрѣшаютъ всѣ тѣ гражданскія и уголовныя дѣла, которыя не подсудны общимъ судамъ; имъ предоставлено произносить уголовные приговоры безъ заключенія прокурорскаго надзора; а жало-

бы на ихъ ошибки и произволъ подлежатъ разсмотрѣнію въ съѣздѣ, состоящемъ изъ тѣхъ же мировыхъ судей. Но, имѣя право смягчать, по своему изволенію, мѣру взысканія, мировые судьи могутъ давать своимъ приговорамъ характеръ окончательныхъ рѣшеній, подлежащихъ отмѣнѣ не въ обыкновенномъ аппелляціонномъ, а въ болѣе сложномъ кассаціонномъ порядкѣ, чѣмъ затрудняется и процедура подачи жалобъ на рѣшенія мировыхъ судей въ самый съѣздъ; съ другой стороны, имѣя право, по личному усмотрѣнію, подвергать каждаго своему суду, они совокупляютъ въ своемъ лицѣ роль обвинителя, слѣдователя и судьи. Наконецъ, рѣшенія мировыхъ судей не стѣснены закономъ, который они имѣютъ право понимать по своему; кромѣ того, имъ предоставлено руководиться, по требованію одной изъ сторонъ, и обычаями, хотя эти обычаи даже не приведены въ общую извѣстность. Высшій же надзоръ за мировыми съѣздами, сосредоточенный въ кассаціонныхъ департаментахъ Сената, по отдаленности своей, совершенно фиктивенъ, тѣмъ болѣе что Сенатъ можетъ подвергать мировыхъ судей за нерадѣніе и лицепріятіе — если только они не нарушили формально уголовнаго закона—однимъ предостереженіямъ, не имѣющимъ никакихъ серіозныхъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, мировымъ судьямъ предоставлена была самая широкая власть безо всякой почти отвѣтственности, хотя установленный для нихъ ничтожный умственный и имущественный цензъ отнюдь не обезпечивалъ избранія въ эту должность лучшихъ людей мѣстнаго населенія.

Неудовлетворительность личнаго состава мироваго института была неизбѣжна и по другой причинѣ.

Хотя мировые судьи были не только поставлены въ независимое положеніе отъ государственнаго надзора, но и выдѣлены даже изъ общей судебной организаціи, тѣмъ не менѣе составители Судебныхъ Уставовъ, вопреки теоріи о независимости и несмѣняемости магистратуры, не дали мировымъ судьямъ ни несмѣняемости, ни независимости: будучи избираемы лишь на трехлѣтній срокъ, мировые судьи поставлены были въ зависимость отъ своихъ избирателей.

Отсюда ясно, что подъ фирмою мироваго института составители Судебныхъ Уставовъ создали у насъ общественный самосудъ, какъ одну изъ отраслей мѣстнаго самоуправленія. Но и эта теорія не была вполнѣ выдержана, такъ какъ выборъ миро-

выхъ судей, при указанномъ порядкѣ, предоставленъ былъ мѣстнымъ обывателямъ только номинально, а въ дѣйствительности—лишь ничтожному меньшинству избранныхъ мѣстными обывателями гласныхъ земскаго собранія, то-есть семи, а въ крайнемъ случаѣ двѣнадцати голосамъ, представляющимъ населеніе во 100.000, во 150.000 душъ и болѣе.

Эта странная система мѣстнаго суда, напоминающая въ идеѣ какъ бы теоріи Руссо, а въ дѣйствительности основанная на закабаленіи мѣстнаго населенія господствующей въ земствѣ кликѣ интригановъ, представлялась составителямъ Судебныхъ Уставовъ въ самомъ радужномъ цвѣтѣ—очевидно въ силу тѣхъ оптимистическихъ надеждъ, которыя въ началѣ шестидесятыхъ годовъ возлагались, всѣми и вездѣ, на земство. Въ увѣренности, что земскія учрежденія избавятъ Русь ото всѣхъ бѣдъ, земству поручены были не только мѣстныя хозяйственныя дѣла, но и отправленіе обязанностей мѣстнаго суда. Въ услѣшности этой комбинаціи теоретики судебной реформы нисколько не сомнѣвались, пророчествуя, что къ мировому институту неминуемо примкнутъ всѣ тѣ лучшія мѣстныя силы, которыя только-что вынесли передъ тѣмъ на своихъ плечахъ все бремя крестьянской реформы, то-есть прежніе мировые посредники.

Но эти надежды, какъ и всѣ тѣ, которыми увлекались теоретики судебной реформы, не оправдались. Въ первое время по введеніи Судебныхъ Уставовъ, многіе помѣщики дѣйствительно были выбраны мировыми судьями и показали не мало похвальнаго рвенія въ отправленіи своихъ новыхъ обязанностей, въ особенности въ центральныхъ губерніяхъ. Но опытъ не замедлилъ охладить ихъ рвеніе: переизбраніе по капризу избирателей и зависимость отъ земскихъ интригъ не могли ихъ привязать къ этой должности, и они стали мало-по-малу уклоняться отъ избранія; съ другой стороны, усилившійся, послѣ освобожденія крестьянъ, абсентеизмъ помѣщиковъ затруднилъ даже самое пріисканіе кандидатовъ изъ этой среды. Остались на мѣстѣ самые мелкіе, слѣдовательно наименѣе образованные и еще менѣе состоятельные изъ помѣщиковъ, въ чьихъ рукахъ мировая юстиція не могла не пошатнуться. Но затѣмъ на должность участковыхъ мировыхъ судей стало проникать все болѣе и болѣе представителей мелкаго служилаго уѣзднаго люда: отставные полицейскіе чиновники, бывшіе стряпчіе, секретари уѣздныхъ судовъ, лѣсни-

чіе, землемѣры и т. п., пріобрѣтавшіе себѣ, спеціально въ видахъ полученія судейскаго мѣста, дешевый городской цензъ *).

Дѣйствительный членъ Петербургскаго Юридическаго Общества, М. В. Красовскій, близко знакомый съ мировымъ институтомъ по своей судебной службѣ и по оффиціальнымъ даннымъ, такъ отзывается о мировыхъ судьяхъ послѣдней категоріи *), по истеченіи восемнадцати лѣтъ со времени введенія судебной реформы:

„Лицамъ этимъ сложная канцелярская дѣятельность, требуемая современными условіями отъ мироваго судьи, пришлась несравненно болѣе по сердцу, нежели столбовымъ дворянамъ-помѣщикамъ, но *о нравственномъ ихъ достоинствѣ*, какъ судей, *о полномъ безпристрастіи и независимости ихъ рѣшеній* во многихъ случаяхъ *не можетъ быть и рѣчи*. Обыкновенно они проводятся въ судьи кѣмъ-либо изъ вліятельныхъ въ уѣздѣ зѣмцевъ, и служатъ покорными орудіями поставившей ихъ партіи“.

Тотъ же референтъ утверждаетъ, что званіе *почетнаго мироваго судьи* стало даваться безъ должнаго разбора; роль его оказалась на практикѣ слишкомъ мало вліятетьною и безцвѣтною, и боль-

---

*) Ни для кого не тайна, что въ теченіе истекшихъ двадцати лѣтъ въ мировые судьи не разъ попадали даже лица, компрометтированныя участіемъ въ политической пропагандѣ, вслѣдствіе чего и состоялся законъ 1879 г. о представленіи губернаторами въ Сенатъ отзывовъ о благонадежности лицъ, избранныхъ земскими собраніями въ мировые судьи. Но и эта мѣра можетъ не стѣснять Сената, судя по тому, какъ Сенатъ отнесся къ избранію бывшаго мироваго судьи Петрункевича (Борзненскаго уѣзда, Черниговской губерніи) въ гласные земскаго собранія. *Этотъ мировой судья высланъ былъ административнымъ порядкомъ изъ мѣста жительства*; но затѣмъ, въ 1879 году, былъ избранъ Борзненскимъ избирательнымъ съѣздомъ въ уѣздные гласные. Выборъ былъ опротестованъ Черниговскимъ губернаторомъ, а Борзненское уѣздное земское собраніе, не согласившись съ протестомъ начальника губерніи, не только признало выборъ Петрункевича правильнымъ, но еще избрало его въ губернскіе гласные. На это избраніе вновь послѣдовалъ протестъ губернатора; Черниговское же губернское земское собраніе не признало основательнымъ и этотъ протестъ, и выборы Петрункевича утвердило. Вслѣдствіе этого вопросъ о правильности выбора Петрункевича перешелъ на обсужденіе Сената, который нашелъ, что къ избранію Петрункевича въ гласные ***не встрѣчается*** препятствій.

*) Его рефератъ, доложенный въ засѣданіи уголовнаго отдѣленія 27 октября 1884 года.

шинство лучшихъ почетныхъ судей перестало аккуратно посѣщать засѣданія съѣздовъ.

Мировые съѣзды характеризуетъ г. Красовскій слѣдующими словами:

„Преобладающимъ на съѣздѣ элементомъ являются судьи участковые, и такъ какъ они, по естественному порядку вещей, *склонны не быть строгими при взаимной повѣркѣ своихъ дѣйствій*, контроль же общественнаго мнѣнія въ провинціи почти всегда отсутствуетъ, то многіе съѣзды придерживаются направленія утвердительнаго, то-есть *съѣхавшіеся судьи взаимно утверждаютъ постановленные ими приговоры*. Еще въ большей степени, нежели *существо рѣшеній*, страдаетъ, при нынѣшнемъ составѣ съѣздовъ, *юридическая сторона постановляемыхъ ими приговоровъ*, а также устойчивость практики. Дѣла во многихъ съѣздахъ разрѣшаются безо всякой предварительной подготовки и ознакомленія съ ними, часто весьма поспѣшно, такъ какъ судьи тяготятся долгимъ пребываніемъ въ городѣ, желая потомъ воспользоваться пріѣздомъ въ городъ для своихъ частныхъ дѣлъ. Не имѣя возможности долго останавливаться на дѣлахъ, вызывающихъ юридическія сомнѣнія, съѣзды въ этихъ случаяхъ или полагаются на товарища прокурора или секретаря, или разрѣшаютъ *юридическіе вопросы по внутреннему убѣжденію*. Вліяніе *секретарей* усиливается еще тѣмъ, что имъ обыкновенно поручается изложеніе приговоровъ въ окончательной формѣ, вслѣдствіе чего, при постановленіи приговора, нельзя не сообразоваться съ заявленіями лица, которое обязано будетъ его мотивировать“.

Если же попадаютъ нынѣ въ мировые судьи „обезпеченные землевладѣльцы“, то они, „не обладая нужною для судебной дѣятельности подготовкой“, тоже „не представляютъ собою лучшихъ людей“. „Характеристическими чертами мировыхъ участковъ, завѣдуемыхъ судьями этого типа, являются *медленность, безпорядочность въ дѣлопроизводствѣ* и полновластіе *письмоводителей*, заправляющихъ всѣмъ дѣломъ, подбирающихъ для судьи законы и кассаціонныя рѣшенія, на основаніи которыхъ онъ долженъ будетъ постановлять рѣшенія, и подготовляющихъ для него даже проекты приговоровъ“.

Такому ненормальному и безусловно вредному, но при настоящихъ условіяхъ неизбѣжному, вліянію секретарей на съѣздахъ и полновластію письмоводителей при судьяхъ въ высшей степени содѣйствовала казуистика кассаціонныхъ департаментовъ Сената, куда, въ кассаціонномъ порядкѣ, поступаютъ дѣла изъ мировыхъ

съѣздовъ: эта казуистика по частнымъ случаямъ не могла не сбить съ толку неподготовленныхъ судей, усложняя ходъ самыхъ простыхъ дѣлъ безконечными справками pro и contra, съ которыми, наоборотъ, такъ легко, но въ то же время далеко не безпристрастно, осваиваются судьи, знакомые со старою канцелярскою рутиной.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ нашъ мировой судъ не только не удовлетворяетъ дѣлямъ правосудія, но даже, по медленности своей процедуры, вовсе не соотвѣтствуетъ свойству подвѣдомыхъ ему проступковъ.

По словамъ г. Красовскаго „лишь въ видѣ исключенія можно встрѣтить мировой участокъ, въ которомъ бы всѣ, или по крайней мѣрѣ большая часть дѣлъ оканчивались въ первый мѣсяцъ по вступленіи; обыкновенно же между поступленіемъ дѣла и назначеніемъ его къ разбору проходитъ *болѣе мѣсяца*, а въ многихъ участкахъ *полугодовая и болѣе медленность составляетъ нормальное явленіе*. Дѣла же, требующія производства мѣстнаго осмотра или не получающія окончанія въ первое засѣданіе, вслѣдствіе указанія новыхъ свидѣтелей, неявки обвиняемыхъ или свидѣтелей, а также переходящія отъ судьи въ съѣздъ, а оттуда въ Сенатъ, затягиваются нерѣдко *на нѣсколько лѣтъ* *).

---

*) Неправильныя, несогласныя съ законами и справедливостью, и весьма часто пространныя рѣшенія мировыхъ судой и съѣздовъ наполняютъ столбцы всѣхъ нашихъ газетъ въ теченіе двадцати лѣтъ; поэтому приводить здѣсь примѣры подобныхъ рѣшеній совершенно излишне. Тѣсная связь подобныхъ рѣшеній съ интригами мѣстнаго самоуправленія представлена въ *Земскихъ эскизахъ* И. В. Васьянова (мартовская книжка *Русскаго Вѣстника* за 1886 годъ) и въ статьѣ Н В. Щербаня: *Къ совершеннолѣтію нашего суда* (въ майской книжкѣ того же журнала за тотъ же годъ).

Отвергать наличность этихъ фактовъ никто уже не берется, но уменьшать ихъ подавляющее значеніе превратными истолкованіями—это, къ сожалѣнію, еще встрѣчается, и не только въ извѣстной части публицистики, но даже и въ сферѣ юридической. Вотъ тому примѣръ. Упомянутый выше рефератъ г. Красовскаго былъ обсуждаемъ въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, которое, по докладу г. Анцыферова, отвергло выводы г. Красовскаго, между прочимъ, потому что дѣятельностью теперешнихъ мировыхъ судей недовольны будто бы только высшіе и средніе классы, но довольны *низшіе (?)*, и еще потому, что выводы о неудовлетворительности мироваго суда опровергаются личнымъ опытомъ прикосновенныхъ къ этому институту лицъ *въ централь-*

Г. Красовскій признаетъ, что встрѣчаются благопріятныя условія, которыя ставятъ мировую юстицію въ особо счастливое положеніе. Къ этимъ благопріятнымъ условіямъ онъ относитъ: обиліе образованныхъ и состоятельныхъ мѣстныхъ жителей, дающее возможность имѣть хорошій составъ судей; густое населеніе и незначительность разстояній, способствующая доступности суда. Но мы не можемъ, со своей стороны, не замѣтить, что въ обѣихъ столицахъ нѣтъ, конечно, недостатка въ образованныхъ и состоятельныхъ мѣстныхъ жителяхъ; населеніе тамъ даже болѣе чѣмъ густо, а разстоянія крайне незначительны, и что же? тамъ то до самаго послѣдняго времени и встрѣчаются, какъ мы увидимъ ниже, самыя дикія рѣшенія мировыхъ судей. Но затѣмъ самъ г. Красовскій утверждаетъ, что внѣ этихъ исключительныхъ мѣстностей „стоитъ заговорить о судѣ (мировомъ) съ крестьяниномъ—и отъ него нерѣдко услышите, что мировые судьи судятъ не всегда по правдѣ, что противъ адвокатовъ мужикамъ вести дѣло трудно, что мировскіе лисаря имѣютъ большую силу, что озорные люди нынче суда не боятся и страху никакого въ народѣ не стало. Тоже почти повторитъ *промышленникъ или торговецъ*, если онъ только не принадлежитъ къ типу кулаковъ-эксплуататоровъ, имѣющихъ спеціальныхъ ходатаевъ по своимъ многочисленнымъ дѣламъ и умѣвшимъ обратить себѣ на пользу всѣ слабыя стороны новаго суда. Въ свою очередь *помѣщики-землевладѣльцы* обыкновенно жалуются на то, что новые суды распустили народъ, что въ крестьянской средѣ ослабѣло уваженіе къ чужой собственности и къ чужимъ правамъ, что при нынѣшнихъ условіяхъ обращаться къ суду по поводу мелочныхъ, ежедневно повторяющихся правонарушеній крайне затруднительно, а между тѣмъ безнаказанность подобныхъ нарушеній все усиливаетъ ихъ число и дѣлаетъ невозможнымъ правильное веденіе хозяйства. Наконецъ, *представители администраціи* повсемѣстно заявляютъ о томъ, что мировой судъ

ныхъ губерніяхъ! Стало-быть, если центральныя губерніи довольны, то должны быть довольны и всѣ другія губерніи? Да и правда ли, что центральныя губерніи довольны мировымъ судомъ? правда ли, наконецъ, что имъ довольны низшіе классы? Г. Красовскій даетъ на это въ своемъ рефератѣ отрицательный отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ подтверждается двадцатилѣтнею хроникой мироваго суда и всею печатью, за исключеніемъ развѣ *Вѣстника Европы* и *Русскихъ Вѣдомостей* съ ихъ либеральными юристами.

парализуетъ дѣятельность полиціи, относясь безъ должнаго вниманія и съ излишнею снисходительностью къ преслѣдуемымъ полиціей преступникамъ противъ благоустройства и казенныхъ уставовъ, что мировые судьи нерѣдко служатъ орудіемъ партій, и что на сильныхъ въ мѣстномъ земствѣ людей нѣтъ никакой управы".

Четыре года спустя послѣ реферата г. Красовскаго, прокуроръ Московскаго окружнаго суда, г. *Обнинскій*, (въ мартовской книжкѣ *Юридическаго Вѣстника* за 1888 годъ), вновь высказалъ, въ самой убѣдительной формѣ, тѣ же мысли о нашей мировой юстиціи и, подобно г. Красовскому, выразилъ убѣжденіе о необходимости замѣны выборныхъ мировыхъ судей—мѣстными судьями, назначаемыми правительствомъ.

Но что же сдѣлалъ, къ отвращенію этой двадцатилѣтней неурядицы, Сенатъ, облеченный по дѣламъ мировой юстиціи не только кассаціонною по отдѣльнымъ дѣламъ властію, но и высшимъ надзоромъ за мировымъ судомъ?

Кассаціонные департаменты и общее ихъ собраніе съ Первымъ департаментомъ Сената обращали на дѣятельность мироваго суда гораздо больше вниманія, чѣмъ на дѣятельность прочихъ судебныхъ учрежденій. Вниманіе Сената къ мировому суду привлекалось по необходимости и самой массой поступавшихъ на его разсмотрѣніе кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, такъ что большая часть рѣшеній Сената какъ кассаціонныхъ, такъ и въ порядкѣ надзора, посвящена была мировому суду.

Но мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи кассаціонныхъ рѣшеній по дѣламъ мировой юстиціи по той простой причинѣ, что всѣ они, даже и самыя правильныя изъ нихъ, не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій. Указанія и требованія Сената оставляемы были мировыми судьями безъ вниманія, или перетолковываемы въ самомъ произвольномъ смыслѣ. Сенатъ, по своей отдаленности, не имѣлъ возможности слѣдить за ихъ исполненіемъ, а въ случаѣ замѣченнаго неисполненія, не имѣлъ никакой понудительной силы, ибо что такое предостереженіе для беззастѣнчиваго судьи, поддерживаемаго мѣстными интригами?

Нѣкотораго рода надзоръ за мировыми судьями возложенъ еще на прокуратуру, но и она, обремененная своими обвинительными и слѣдственными обязанностями въ общихъ судахъ, не имѣетъ ни времени, ни охоты входить въ пререканія съ этими независимыми отъ государственной власти избранниками земства.

Далѣе, по закону, надзоръ за мировыми судьями предоставленъ съѣздамъ, состоящимъ изъ тѣхъ же мировыхъ судей, а потому отнюдь не заинтересованныхъ обнаруживать грѣхи своей компаніи. Кромѣ того, по распоряженію министра Юстиціи, не разъ были назначаемы прокурорскія ревизіи мироваго дѣлопроизводства; но, не говоря о томъ, что эти ревизіи вовсе не касались сущности рѣшеній, онѣ, какъ мѣра исключительная, нерѣдко приводили къ обнаруженію отдѣльныхъ злоупотребленій въ одномъ мѣстѣ, нисколько не предотвращая повторенія ихъ въ другихъ мѣстахъ. Послѣдствіемъ ревизій бывало и преданіе иногда мировыхъ судей уголовному суду, но общаго упорядоченія мироваго суда эти ревизіи не произвели, да и не могли произвести.

Наконецъ, какъ видно изъ указа Правительствующаго Сената отъ 27 марта 1886 года, „неоднократными ревизіями дѣлопроизводства мировыхъ учрежденій установлено, что остающееся къ концу года количество нерѣшенныхъ дѣлъ представляетъ болѣе или менѣе значительную цифру даже въ *такихъ участкахъ*, въ которыхъ ежегодное поступленіе дѣлъ не можетъ быть значительнымъ“. При этомъ обнаружено, что участковые мировые судьи *вовсе не разбираютъ дѣлъ* въ теченіе весьма значительнаго періода времени, а нѣкоторые изъ судей не разрѣшили, во все время состоянія ихъ въ должности, *почти ни одного дѣла*; срочныя же сессіи съѣздовъ бываютъ иногда не болѣе 4—6 разъ въ годъ. Подобная бездѣятельность, равносильная, по словамъ Сената, *отказу въ правосудіи*, обусловливается, съ одной стороны, самовольными отлучками судей изъ ихъ участковъ и производствомъ разбирательства не во всѣ присутственные дни, а съ другой—недостаткомъ надлежащаго надзора съѣздовъ за судьями, неприбытіемъ въ засѣданіе съѣзда предсѣдателя и достаточнаго числа членовъ *).

*) Либеральные юристы *Вѣстника Европы*, въ октябрьской книжкѣ за 1886 годъ, сѣтуютъ, что сенатскій уставъ далъ поводъ раздуть „маленькій огонекъ“, представляемый неустройствами нашего мироваго суда, „*въ большое пламя*“, и при томъ какъ бы укоряютъ судебное вѣдомство за то, что оно, обнаруживъ безпорядокъ, идущій дальше единичнаго случая, не только „реагируетъ противъ него общими мѣрами, но и объявляетъ о немъ urbi et orbi“—не такъ какъ въ средѣ чиновниковъ таможенныхъ, акцизныхъ и полицейскихъ, гдѣ энергическій отпоръ дурнымъ привычкамъ тоже имѣетъ де иногда мѣсто, но „о немъ ничего не слышно, онъ составляетъ канцелярскую тайну“.

Не хотятъ ли либеральные юристы *Вѣстника Европы* покрыть канцелярскою тайной и безобразія мироваго суда?

Этотъ скорбный листъ безурядицъ въ нашемъ мировомъ судѣ, засвидѣтельствованный послѣ двадцатилѣтняго опыта самимъ Сенатомъ, убѣдительно доказываетъ, что корень зла не въ обремененіи мировыхъ судей непосильнымъ трудомъ и излишнею перепискою, а просто въ небрежномъ исполненіи мировыми судьями и съѣздами своихъ обязанностей, то-есть въ неудовлетворительности какъ личнаго состава, такъ и пріемовъ нашей мировой юстиціи вообще.

Но можетъ ли быть иначе при срочномъ избраніи судей изъ среды, отнюдь не подходящей къ этой цѣли, при фактической безотвѣтности этихъ судей предъ закономъ и при полной ихъ зависимости отъ коноводовъ мѣстныхъ избирательныхъ интригъ?

Описавъ въ означенномъ указѣ столь яркими красками безурядицу мироваго суда, Сенатъ оказался совершенно безсильнымъ устранить ее. Признавъ, что безпорядки мироваго института составляютъ отказъ въ правосудіи, онъ затѣмъ ограничился разъясненіемъ мировымъ учрежденіямъ незаконности усвоенныхъ ими пріемовъ... и предписалъ мировымъ съѣздамъ, подъ личною отвѣтственностію предсѣдателя и непремѣннаго члена, доносить своевременно Сенату о каждомъ несостоявшемся срочномъ засѣданіи, съ представленіемъ въ копіи постановленій онаго по сему предмету.

Но и до этого указа Сенатъ давалъ подобныя разъясненія, и тѣмъ не менѣе факты, приводимые въ указѣ, категорически доказываютъ, что всѣ предшедшія разъясненія Сената отнюдь не вразумили неисправныхъ мировыхъ судей. Разчитывать же на успѣхъ контроля Сената по *вѣдомостямъ*, представляемымъ съѣздами о несостоявшихся засѣданіяхъ, болѣе чѣмъ сомнительно; эта мѣра лишь обременитъ и Сенатъ, и съѣзды новою, чисто канцелярскою отпиской, и только.

Какъ до этого указа, такъ и по его опубликованіи, почти во всѣхъ органахъ печати раздавались сѣтованія на вопіющія злоупотребленія мировой юстиціи, и предлагались также различныя мѣры къ ея исправленію. Всего настойчивѣе высказывалась мысль, что корень зла въ неудовлетворительности личнаго состава мироваго суда, а панацеей противъ этого зла признавалось пониженіе имущественнаго ценза. При этомъ, очевидно, имѣлось въ виду, что теперешній имущественный цензъ препятствуетъ людямъ образованнымъ, но бѣднымъ попадать въ мировые судьи. Въ своемъ мѣстѣ мы уже указали, что этотъ цензъ и по размѣру своему, и по способу его примѣненія на практикѣ совершенно ничтоженъ, а посему дальнѣйшее его уменьшеніе рав-

няется совершенной его отмѣнѣ, открывая доступъ къ мировому суду гораздо шире, чѣмъ теперь, людямъ, ничѣмъ органичееcки не связаннымъ съ тою мѣстностью, гдѣ ихъ избираютъ. И какія же гарантіи въ томъ, что эти нецензовые, пришлые, бѣдные люди будутъ образованнѣе и независимѣе теперешнихъ мировыхъ судей? Можно, напротивъ, ожидать, что такіе пришлецы, вовсе не знаямѣстныхъ условій, будутъ даже болѣе чѣмъ теперешніе судьи въ зависимости отъ избирательныхъ интригъ.

Нѣтъ, корень зла всего менѣе въ имущественномъ цензѣ нашихъ мировыхъ судей: неудовлетворительность ихъ личнаго состава — непремѣнное послѣдствіе самой организаціи мироваго института, а этой-то именно организаціи глашатаи модныхъ либеральныхъ доктринъ и не хотятъ коснуться. Измышляя разныя мѣры къ исправленію мироваго института, соглашаясь даже на удлиненіе срока выбора мировыхъ судей, они охраняютъ какъ зѣницу ока выборность судей, выдѣленіе ихъ изъ общаго судебнаго механизма и фактическую ихъ независимость отъ обязательнаго руководства закономъ, все еще ловторяя избитую тему, что судъ мировой долженъ быть основанъ на обычаѣ, котораго однако самые ретивые защитники мироваго суда не могли еще обрѣсти въ опредѣленной формѣ.

Мы уже видѣли къ чему привелъ этотъ выборный и лсевдообычный судъ; но его защитники, сами закрывая глаза предъ неопровержимою дѣйствительностію, стараются отводить глаза и другимъ. Всего болѣе защищаютъ они настоящую организацію мироваго суда ссылкой на то, что съ ея отмѣной будетъ нарушено драгоцѣнное будто бы право мѣстнаго самоуправленія, не признавая, что въ настоящемъ случаѣ идетъ рѣчь не объ административной или политической автономіи, но о судѣ, зиждущемся исключительно на законѣ и на отвѣтственности судей не предъ избирательною кликой, а предъ верховною властію.

Поставить судъ въ зависимость отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія то же самое, что замѣнить судъ государственный общественнымъ самосудомъ. Но защитники нашего мироваго суда пошли еще далѣе: они отстаиваютъ даже не общественный самосудъ, но самую ненавистную его форму, именно, самосудъ господствующей въ уѣздѣ партіи.

Понятно, что при такомъ устройствѣ мѣстнаго суда, о примирительномъ разбирательствѣ, о чемъ такъ заботились теоретики судебной рефромы, не можетъ быть никакой серіозной рѣчи. Примирительное разбирательство основано на независимости и

безпристрастіи судей; но ни той, ни другаго не можетъ быть, когда судья держится на своемъ мѣстѣ изволеніемъ господствующей въ уѣздѣ партіи. За то, вмѣсто примирительнаго разбирательства, нашъ мировой судъ развилъ въ мѣстномъ населеніи стремленіе къ кляузнымъ процессамъ, составляющимъ манну для „аблакатовъ“, уже вполнѣ залолонившихъ низшіе слои мѣстнаго населенія.

IX.

Для того, чтобы законъ имѣлъ надлежащій авторитетъ въ сферѣ гражданскаго и уголовнаго правосудія, необходимо, чтобъ онъ былъ примѣняемъ судами *неуклонно* и *единообразно*. Это требованіе столь же безусловно для суда, какъ и правильная организація судебной власти. Можно даже сказать, что всякая реформа судебной организаціи имѣетъ прежде всего въ виду неуклонное и единообразное исполненіе закона. Конечно, законы должны быть ясны и точны, справедливы и исполнимы; но забота объ этомъ лежитъ не на судебной, а *на законодательной власти*. Судъ же долженъ исполнять законы въ прямомъ ихъ смыслѣ, прибѣгая, если представляется необходимость, къ справкѣ съ *источниками закона*, то-есть къ той мотивировкѣ, которая была ему усвоена законодательною же властію. Наконецъ, въ случаѣ совершенной невозможности примѣнить, въ *извѣстномъ* случаѣ, тотъ или другой законъ въ смыслѣ его законодательнаго обоснованія, судъ не можетъ толковать и примѣнять закона по собственному усмотрѣнію: законъ издавался бы въ этомъ случаѣ уже не верховною властію, а судьею, и терялъ бы при этомъ не только свою общеобязательную силу, но весь свой нравственный авторитетъ—и единственною основой правосудія явился бы не законъ, а личное усмотрѣніе судей разныхъ инстанцій. Лишь законодательная власть, усматривая непримѣнимость того или другаго закона въ данномъ случаѣ, можетъ разъяснять и дополнять его смыслъ *въ связи съ общею системой дѣйствующаго въ странѣ законодательства*, но не судья, обязанный единственно примѣнять законъ къ конкретному случаю.

Въ своемъ мѣстѣ мы уже объяснили, какъ неправильно разрѣшены были всѣ эти вопросы теоретиками судебной реформы.

По ст. 9 Уст. Гражд. Суд. и по ст. 12 Уст. Угол. Судопр. „всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму дѣйствующихъ законовъ“, но въ случаѣ ихъ *неполноты*,

неясности, недостатка или *противорѣчія*, судьямъ предоставлено освовывать рѣшеніе „на общемъ смыслѣ законовъ“.

Конечно, по ст. 10 Уст. Гражд. Суд. и по ст. 13 Уст. Угол. Судопр., судьямъ воспрещено останавливать рѣшеніе дѣла *подъ предлогомъ* неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія въ законахъ. Но тамъ, гдѣ неполнота, неясность, недостатокъ и противорѣчія являются не какъ предлогъ, а какъ *бесусловная невозможность* къ рѣшенію дѣла по закону, судьямъ предоставлено очевидно, по силѣ означенныхъ статей Судебныхъ Уставовъ, не только *разъяснять* законы по общему ихъ смыслу, но и *дополнять* ихъ, а также *исправлять* ими самими, то-есть судьями же замѣченныя противорѣчія въ законахъ. И эта доктрина, вручающая усмотрѣнію судей законодательную власть, систематически проведена во всѣхъ Судебныхъ Уставахъ.

Такимъ образомъ, слѣдователи не стѣснены у насъ никакими правилами о доказательствахъ, а присяжные засѣдатели ни правилами о доказательствахъ, ни законами; прокуроры имѣютъ право руководиться въ своихъ заключеніяхъ не исключительно закономъ, но и своимъ личнымъ убѣжденіемъ, а мировые судьи къ тому же и обычаемъ по требованію одной изъ сторонъ. Слѣдовательно, въ кругу судебныхъ учрежденій 1864 года, авторитетъ закона почти не имѣетъ силы: онъ замѣненъ „общими основаніями“, „общимъ смысломъ“, „личными убѣжденіями“ различныхъ органовъ судебной власти. Правда, и въ Судебныхъ Уставахъ, и въ возникшей изъ нихъ судебной практикѣ, о законѣ говорится на каждомъ шагу, и всѣ приговоры произносятся именемъ закона, но подъ этимъ словомъ разумѣются не велѣнія закона, въ его нормальномъ смыслѣ, а то, что органы судебной власти благоволятъ понимать подъ закономъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Описывая дѣятельность отдѣльныхъ судебныхъ органовъ, возникшихъ въ 1864 году, мы уже убѣдились, что они нерѣдко не только не исполняютъ, но даже превышаютъ и превратно толкуютъ дѣйствующіе законы. Чтобы представить болѣе общую характеристику этой стороны нашихъ судебныхъ учрежденій, мы приведемъ нѣсколько другихъ примѣровъ, которые еще нагляднѣе, въ своей совокупности, указываютъ на отсутствіе авторитета закона въ нашей преобразованной судебной сферѣ даже и тогда, когда дѣла рѣшаются не присяжными засѣдателями, ex officio никакими законами не стѣсненными, но тѣми органами суда, для которыхъ законъ обязателенъ.

Въ рѣчи, произнесенной 17 апрѣля 1866 года, при открытіи С.-Петербургскаго судебнаго округа, бывшій министръ Юстиціи, Д. Н. Замятинъ, разъяснивъ, что Судебные Уставы 1864 года *послѣднее слово науки*, что судебные чины не могутъ ссылаться даже на *предписанія начальства*, и что самое опредѣленіе силы доказательствъ предоставлено *голосу совѣсти* этихъ чиновъ, счелъ однако долгомъ замѣтить, что Государь, а съ нимъ вся Россія, ждутъ отъ новыхъ судебныхъ учрежденій не только водворенія суда *скораго*, *праваго* и *равнаго* для всѣхъ, но утвержденія въ нашемъ отечествѣ того *уваженія къ закону*, *безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе*.

Затѣмъ, по поводу Высочайшаго рескрипта 13 мая 1866 года, тотъ же министръ Юстиціи, циркуляромъ отъ 19 іюня того же года, подтвердилъ судебнымъ учрежденіямъ, что „*непосредственное и исключительное назначеніе судебной власти* состоитъ *въ охраненіи святости и ненарушимости существующихъ законовъ, въ огражденіи личныхъ и имущественныхъ правъ какъ каждаго подданнаго въ отдѣльности, такъ и въ составѣ обществъ, сословій и установленій*“.

Эти разъясненія были, казалось, тѣмъ обязательнѣе для новыхъ судебныхъ органовъ, что ими вполнѣ подтверждались наши основные государственные законы, изложенные въ I т. Св. Зак., и тѣ непремѣнныя требованія Верховной Власти, которыя были категорически предъявлены всѣмъ, безъ различія, должностнымъ лицамъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ 13 мая 1866 года.

Но, съ другой стороны, эти разъясненія отнюдь не совпадали съ приведенными выше опредѣленіями Судебныхъ Уставовъ, а 16 сентября 1874 года (по Гражданскому Кассаціонному Департаменту) были, безъ обиняковъ, замѣнены сенатскимъ циркуляромъ, въ силу коего судамъ было предписано, не входя даже съ представленіемъ въ Сенатъ о возникающихъ недоразумѣніяхъ, „толковать смыслъ закона *по собственному разумѣнію*“.

Шествуя по этому пути, наши судьи стали примѣнять „собственное разумѣніе“ и въ тѣхъ случаяхъ, когда смыслъ закона не представлялъ даже ни малѣйшихъ сомнѣній.

Въ 1884 году, въ Петербургѣ, среди бѣлаго дня, на многолюдной улицѣ, сдѣлано было нападеніе на г. Зака, который, по чувству самообороны, нанесъ нападающему два удара палкой. И что же? Закъ привлеченъ былъ къ суду за нарушеніе тишины и приговоренъ мировымъ судьей къ пяти днямъ ареста, вопреки прямому смыслу ст. 10 Уст. о Наказ. налаг. мировыми судьями,

по которой „*проступки вовсе не вмѣняются въ вину*, когда они совершены (п. 5) по необходимой оборонѣ“.

Въ 1885 году, въ Москвѣ, нѣкто Политовъ, домовладѣлецъ, уѣзжая на лѣто въ деревню, нанялъ для семейства своего горничную Никитину. Отправляясь къ мѣсту службы, послѣдняя привезла въ московскій домъ г. Политова свой сундукъ съ вещами, и упросила *управляющаго домомъ* разрѣшить ей оставить его до возвращенія изъ деревни, но до отъѣзда еще въ деревню она вынула изъ него часть вещей и *заперла сундукъ своимъ замкомъ*. Въ іюлѣ того же года въ квартиру Политова забрались воры; взломавъ замокъ у входной двери, они похитили нѣкоторыя вещи, принадлежавшія хозяину, и взломали замокъ въ сундукѣ Никитиной; но взяли ли они что-либо оттуда, осталось невыясненнымъ. Воровъ не отыскали, и *вообще дѣло объ этой кражѣ было прекращено судебнымъ слѣдователемъ*. Между тѣмъ Никитина получила чрезъ мѣсяцъ разсчетъ отъ своихъ хозяевъ и вернулась въ Москву, гдѣ *управляющій* г. Политова позволилъ ей оставить еще на нѣкоторое время въ домѣ свой сундукъ, который она *снова заперла замкомъ*, но *не заявила тогда никому о томъ, чтобъ у нея какія либо вещи были похищены*.

Но чрезъ *три мѣсяца* она предъявила у мироваго судьи Сущевскаго участка искъ *къ управляющему* г. Политова, требуя уплаты ей восьмидесяти рублей, которымъ будто бы равнялась стоимость украденныхъ изъ ея сундука вещей; а когда судья въ этомъ искѣ, какъ неосновательномъ, отказалъ, Никитина возобновила этотъ самый искъ у того же судьи и на ту же сумму, обративъ его уже непосредственно *къ г. Политову*, никогда невидавшему даже сундука Никитиной. Судья нашелъ снова искъ недоказаннымъ и отвергъ его.

Тогда Никитина принесла жалобу *въ Московскій столичный съѣздъ* мировыхъ судей, который, разсмотрѣвъ дѣло, *присудилъ г. Политова къ уплатѣ требуемой истицей суммы*.

Въ протоколѣ съѣзда по этому дѣлу не изложено никакихъ новыхъ обстоятельствъ; тамъ лишь сказано, что управляющій, давъ Никитиной разрѣшеніе оставить въ домѣ г. Политова свой сундукъ, „тѣмъ самымъ принялъ на себя обязанность *хранить вещи Никитиной отъ воровъ* и проч.“, и затѣмъ признано, что Политовъ, на основаніи стт. 684 и 687 Закон. Гражд., обязанъ вознаградить Никитину за ущербъ, „нанесенный ей какъ небрежностью его самаго (!), такъ и его довѣреннымъ.“

Это рѣшеніе, несогласное даже со здравымъ смысломъ, составляетъ безусловное нарушеніе стт. 684 и 687 т. X, ч. I Свод. Зак. Гражд. По ст. 684 *вознагражденіе за вредъ и убытки*, причиненные истцу „чьимъ-либо дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе не составляли ни преступленія, ни проступка", допускается только въ томъ случаѣ если будетъ доказано, что отвѣтчикъ „не былъ принужденъ къ тому требованіями закона или правительства, или необходимою личною обороной, или же *стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предвидѣть*"; а по ст. 687 „*господа и вѣрители* отвѣтствуютъ за вредъ и убытки, причиненные ихъ слугами и *повѣренными* при исполненіи порученій сообразно *съ приказаніями или полномочіемъ, которыя даны ихъ господами и вѣрителями.*" *)

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что указанные два случая изъ практики мироваго суда имѣли мѣсто не гдѣнибудь въ глуши, но въ столицахъ, гдѣ составъ мироваго института гораздо выше чѣмъ въ провинціи, а контроль общественнаго мнѣнія, при существованіи различныхъ органовъ гласности, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо; наконецъ, оба эти случая имѣли мѣсто не вскорѣ по введеніи судебной реформы, когда было еще, пожалуй, возможно ссылаться, въ извиненіе ошибокъ, на новость дѣла, но спустя около двадцати лѣтъ по возникновеніи новыхъ судебныхъ учрежденій.

Далѣе, мировой судья XXIII мироваго участка въ Петербургѣ, Бузовъ, уже нѣсколько разъ удостоивается избранія мѣстными

---

*) Ничего подобнаго въ дѣлѣ Никитиной не было. Самая сумма взысканія съ г. Политова, 80 руб., опредѣлена была съѣздомъ безо всякаго формальнаго розысканія, единственно на основаніи свидѣтельства нѣкоей Капелькиной, показавшей что, *по ея мнѣнію*, у жившей у нея на квартирѣ, до поступленія къ г. Политову, Никитиной было въ сундукѣ вещей на 80 руб. Мировой съѣздъ даже забылъ обратить вниманіе на то, что Никитина сама же, до отъѣзда въ деревню, забрала часть своихъ вещей.

Замѣчательно, что при возникшей въ газетахъ по поводу этого дѣла полемикѣ предсѣдатель Московскаго столичнаго съѣзда мировыхъ судей, г. Станицкій, напечаталъ письмо, въ которомъ, тономъ патентованнаго юриста, онъ провозглашаетъ такого рода истины: „Есть разница между правомъ, устанавливающимъ юридическія отношенія сторонъ, и процессомъ, то-есть доказательствами этихъ отношеній. Въ послѣднемъ случаѣ *очень трудно видѣть, что видѣли судьи* (при гласномъ-то судопроизводствѣ?), и лучше оставлять это на ихъ совѣсти."

обывателями въ эту должность, несмотря на то, что предъ избраніемъ его въ послѣдній разъ обнаружена была въ его участкѣ растрата 36.000 руб. Деньги эти, принадлежавшія наслѣдникамъ трехъ лицъ, умершихъ въ Петербургѣ въ 1880 году, приняты были на сохраненіе судебною властію, но ихъ растратилъ судебный приставъ Дѣтскій. Вердиктомъ присяжныхъ растрата Дѣтскимъ денегъ признана *доказанною*, но самъ онъ *невиновнымъ*, и приговоръ этотъ даже не былъ опротестованъ прокуроромъ. По поводу этого дѣла привлеченъ былъ къ суду, по избраніи его мировымъ судьею на *пятое* трехлѣтіе, и Бузовъ—за нерадѣніе по службѣ: онъ не только не сумѣлъ усмотрѣть за своимъ судебнымъ приставомъ, но и самъ, вмѣсто охраненія наслѣдства впредь до принятія его законными наслѣдниками, приступилъ прямо къ распредѣленію наслѣдственныхъ капиталовъ, давая о томъ предписанія судебному приставу, который и ухлопалъ эти деньги на рысаковъ, любовницъ и „на коммерческія игры“ съ товарищами. И что же? судебная палата, присудивъ съ Бузова въ пользу гражданскаго истца 25.000 руб. съ процентами, подвергла Бузова за его нерадѣніе и *самовольныя распоряженія по подлежавшему его охранѣ наслѣдству* только выговору.

Вотъ еще случай не менѣе назидательный.

Въ 1880 году г-жа Панаева пріобрѣла въ Новгородскомъ уѣздѣ, деревнѣ Залѣсье, имѣніе и сдѣлала въ немъ капитальныя затраты на осушку луговъ. Но затѣмъ начались безпрестанныя потравы этихъ луговъ скотомъ сосѣдей-крестьянъ. Послѣ тщетныхъ убѣжденій, г-жа Панаева, согласно закону, стала взыскивать за потраву штрафы, уступая однако эти штрафы въ пользу сельскаго общества. Когда не помогло и это, то мужъ г-жи Панаевой предупредилъ сосѣдей крестьянъ, что онъ потравъ не дозволитъ, а взыскиваемыя деньги не будетъ болѣе уступать въ пользу сельскаго общества. Однако и это не остановило потравъ. Рабочіе гг. Панаевыхъ, въ виду угрозъ крестьянъ-сосѣдей, избѣгали загонять ихъ скотъ, и только однажды въ теченіе четырехъ лѣтъ, въ присутствіи самихъ хозяевъ, загнали съ потравы нѣсколько лошадей, причемъ былъ взысканъ штрафъ только съ лошадей старосты, а остальнымъ крестьянамъ было прощено. Наконецъ весною 1884 года, чтобы положить конецъ возобновленію потравъ, усиленъ былъ надзоръ въ имѣніи. Но крестьяне, 23 апрѣля, направили какъ бы нарочно весь свой скотъ на осушенный каналами лугъ г-жи Панаевой. Сторожа владѣлицы имѣнія принялись загонять скотъ, но крестьяне, вооружившись

чѣмъ попало, кинулись всею деревней на загонявшихъ сторожей и, отбивъ свой скотъ, пригрозили послѣднимъ утопить ихъ другой разъ въ канавѣ, да и сдѣлать тоже съ самими владѣльцами *).

Утомленные этою четырехлѣтнею борьбой съ сосѣдями, возмущенные ихъ насиліями и угрозами, гг. Панаевы подали жалобу мировому судьѣ Пыхачеву, а крестьяне со своей стороны подали встрѣчную жалобу, заявляя, что они поступили въ послѣднемъ случаѣ такимъ образомъ, чтобы не дать рабочимъ Панаевыхъ загнать ихъ скотъ, который будто бы находился не на землѣ Панаевой, а на землѣ, арендуемой ими у смежнаго владѣльца.

Мировой судья, вопреки показанію крестьянъ, призналъ фактъ потравы земли у г-жи Панаевой, но вмѣстѣ съ тѣмъ освободилъ крестьянъ отъ всякой уголовной, и даже гражданской отвѣтственности, вопреки буквальному смыслу стт. 140, 151, и 139 Улож. о Нак.

Гг. Панаевы обратились въ мировой съѣздъ съ аппелляціонною жалобой, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ просьбой—разсмотрѣть въ дисциплинарномъ порядкѣ дѣйствія мироваго суоьи.

Но въ означенной просьбѣ просители имѣли неосторожность слишкомъ прямо указать на беззаконныя дѣйствія мироваго судьи, употребивъ выраженіе, что, при произнесеніи подобныхъ приговоровъ, камера судьи становится „школою беззаконія“.

Это ясное, не возбуждающее никакихъ сомнѣній дѣло о потравахъ, насиліи и угрозахъ крестьянъ восходило до кассаціоннаго судд и было окончательно рѣшено въ Старо-Русскомъ мировомъ съѣздѣ. На этомъ съѣздѣ блюститель закона и правосудія, представитель прокурорскаго надзора, далъ заключеніе утвердить вышеприведенный беззаконный приговоръ мироваго судьи; но однако на этотъ разъ старо-русскіе мировые судьи, къ своей чести, не вняли ему, и дѣло рѣшено было какъ слѣдуетъ.

За то нѣсколько рѣзкое, хотя въ сущности вѣрное выраженіе гг. Панаевыхъ, выведенныхъ изъ терпѣнія наглымъ нарушеніемъ ихъ права собственности и поблажкою мироваго судьи крестья-

---

*) По закону „каждый имѣетъ право задержать, на состоящихъ въ его владѣніи или пользованіи земельныхъ угодьяхъ, чужой домашній скотъ, который производитъ, или можетъ производить, на сихъ угодьяхъ потраву или другія поврежденія“. „Означенное право принадлежитъ не только хозяину земли, но и его домашнимъ, повѣреннымъ, карауленымъ, сторожамъ, служителямъ и рабочимъ“.

намъ, то-есть „школа беззаконія“—не прошло даромъ владѣльцамъ имѣнія: противъ г. Панаева составленъ былъ обвинительный актъ, и Новгородскій окружной судъ, руководясь якобы ст. 783 Улож. о Нак., присудилъ его къ 100 руб. штрафа или, въ случаѣ несостоятельности, къ мѣсячному домашнему аресту *).

Другой примѣръ. По ст. 592 Уст. Угол. Суд. „*неявка* состоящаго на свободѣ подсудимаго безъ законныхъ на то причинъ подвергаетъ его приводу въ судъ, и платежу всѣхъ судебныхъ издержекъ, причиненныхъ *отсрочкою* засѣданія“. Слѣдовательно, для привода въ судъ подсудимаго, состоящаго на свободѣ, необходимо, чтобы предварительно уже состоялся *фактъ его неявки*, и *отсрочка первоначально назначеннаго засѣданія*. Но власти Новгородскаго окружнаго суда сочли себя въ правѣ, восемнадцать лѣтъ спустя по введеніи судебной реформы, произвести насильственный приводъ подсудимаго еще до неявки его въ судъ, и безъ отсрочки засѣданія. Дѣло происходило такимъ образомъ:

Въ усадьбѣ Орѣховно, въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города Валдая, проживалъ дворянинъ землевладѣлецъ Гецевичъ. Противъ него возникло обвиненіе въ оскорбленіи исправника. Дѣло это кончилось присужденіемъ Гецевича Новгородскимъ окружнымъ судомъ 24 сентября 1884 года къ штрафу въ 50 рублей; но изъ этого дѣла возникло другое, гораздо болѣе важное. Мѣстная полиція, подъ вліяніемъ очевидно оскорбленнаго исправника, донесла прокурору Новгородскаго окружнаго суда, что, по ея предположенію, Гецевичъ не явится въ судъ на 24 сентября. Прокуроръ, принявъ это ничѣмъ не мотивированное заявленіе за „негласное дознаніе“, предложилъ суду сдѣлать распоряженіе *о приводѣ* Гецевича въ Новгородъ на 24 сентября. Въ силу состоявшагося на этомъ основаніи опредѣленія суда, въ городѣ Валдаѣ получается заинтересованнымъ въ дѣлѣ исправникомъ эстафета о приводѣ обвиняемаго. Тотчасъ же составилась изъ полицейскихъ чиновъ экспедиція, которая, прибывъ въ Орѣховно, схватила съ постели раздѣтаго Гецевича и, какъ оказалось позже на судебномъ слѣдствіи, избивъ его при этомъ, связала ему руки

*) Приговоръ окружнаго суда былъ отмѣненъ въ концѣ 1886 года Судебною Палатой. Но чѣмъ были вознаграждены владѣльцы имѣнія за всѣ понесенныя ими обиды и расходы—по веденію дѣла въ четырехъ судебныхъ инстанціяхъ? Развѣ таковъ долженъ быть судъ скорый и правый? Правда, этотъ судъ былъ милостивъ, но лишь къ нарушителямъ закона.

кулакомъ ямщика, хотя Гецевичъ со своей стороны не оказывалъ никакого сопротивленія. Затѣмъ его поволокли на телѣгѣ въ Валдай, гдѣ продержали въ арестантской до утра 22 сентября, и наконецъ привезли въ Новгородъ, гдѣ его посадили въ тюрьму на самомъ скудномъ пропитаніи.

Гецевичъ, конечно, принесъ жалобу, но противъ него же было возбуждено судебное преслѣдованіе и, по производствѣ предварительнаго слѣдствія, онъ же былъ преданъ суду *за сопротивленіе власти*!

Судъ состоялся 25 января 1885 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.. Внявъ голосу защиты, присяжные, и на этотъ разъ совершенно правильно, признали Гецевича невиновнымъ, и онъ, *въ арестантскомъ платьѣ*, сошелъ со скамьи подсудимыхъ.

Такимъ образомъ, Гецевичъ былъ оправданъ, а неправильный приводъ его къ суду, по предложенію прокурора и опредѣленію суда, со всѣми возмутительными послѣдствіями остались безъ должнаго воздаянія,

Содрогаясь при чтеніи подробностей этого дѣла, невольно задаешься вопросомъ: неужели эта судебная процедура могла имѣть мѣсто въ Россіи по введеніи судебной реформы?

Но что же можетъ быть, когда произволъ присяжныхъ встрѣчаетъ благосклонную поддержку въ лицѣ самого предсѣдателя суда?

Слѣдующій примѣръ можетъ служить характеристическимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Въ августѣ 1886 года, въ селѣ Пилипличѣ, во время совершенія таинства крещенія надъ однимъ младенцемъ, въ числѣ воспріемниковъ находился бывшій однодворецъ Парчевскій. Но такъ какъ онъ оказался пьянымъ, то мѣстный священникъ предложилъ ему удалиться и замѣнилъ другимъ воспріемникомъ. Когда же *началось совершеніе самаго таинства*, въ комнату ворвался Парчевскій и, *произнося бранныя слова*, сталъ толкать воспріемниковъ. Священникъ, прекративъ совершеніе таинства, потребовалъ, чтобы Парчевскій былъ удаленъ, но послѣдній *схватилъ священника за волосы и не выпускалъ изъ своихъ рукъ*, такъ что съ большимъ лишь усиліемъ удалось священнику освободиться отъ Парчевскаго.

Дѣло это разсматривалось въ Кіевскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ концѣ ноября минувшаго года. Благодушные присяжные, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, признали, что брань, произнесенная Парчевскимъ *при со-*

вершеніи таинства, не относилась къ священнику, и что Парчевскій виновенъ лишь въ томъ, что *помѣшалъ* совершенію самаго таинства,

Но предсѣдатель суда, по просмотрѣ отвѣтовъ присяжныхъ, объяснилъ имъ, что если они не признали, что брань относилась къ священнику, совершавшему таинство, *то должны были вынести оправдательный приговоръ* по данному вопросу, и *предложилъ обсудить этотъ вопросъ снова*. Само собою разумѣется, что присяжные, вторя превзошедшему ихъ своимъ благодушіемъ предсѣдателю суда, вынесли, послѣ минутнаго совѣщанія, *оправданіе* Парчевскому по всѣмъ вопросамъ *).

Мы уже не будемъ останавливаться на первомъ вердиктѣ присяжныхъ, измысливщихъ будто брань, имѣвшая послѣдствіемъ тасканіе священника за волосы, не относилась къ священнику, совершавшему таинство. Но на какомъ законномъ основаніи предложилъ предсѣдатель суда присяжныхъ оправдать Парчевскаго? Развѣ подобныя пристрастныя указанія дозволены предсѣдателю Судебными Уставами? Или онъ думалъ воспользоваться въ этомъ случаѣ ст. 818 Уст. Угол. Суд., предусматривающею случай обвиненія присяжными лица *совершенно невиннаго*? Но даже и въ этомъ случаѣ судъ долженъ былъ передать дѣло новому составу присяжныхъ, самъ же предсѣдатель суда не имѣлъ ни права, ни фактическаго основанія подсказывать присяжнымъ о невиновности Парчевскаго, и еще менѣе требовать отъ присяжныхъ, чтобъ они передѣлали свой вердиктъ.

Когда турецкій паша оправдываетъ баши-бузуковъ, виновныхъ въ нанесеніи побоевъ несчастной райѣ и ея священнослужителямъ, то это понятно; но оправданіе въ русскомъ судѣ тасканія православнаго священника за волосы, оправданіе такого возмутительнаго поступка—благодаря исключительно поддержкѣ предсѣдателя суда, такой фактъ двадцать лѣтъ спустя по введеніи судебной реформы просто возмутителенъ!

Въ виду подобнаго казуса, какою мелочью долженъ показаться слѣдующій случай, отмѣченный въ 1883 году судебною хроникой. Одного крестьянина захватили за то, что у него нашли старый просроченный паспортъ, изъ котораго онъ вертѣлъ папиросы. На судѣ прокуроръ отказался отъ обвиненія, и крестьянинъ былъ оправданъ, просидѣвъ предварительно въ тюрьмѣ *полтора*

---

*) *Новое Время* 28 ноября 1886 года.

года, хотя ст. 295 Уст. Угол. Суд. предписываетъ производить слѣдствія *со всевозможною скоростію*.

По закону, свидѣтель можетъ отвѣчать лишь на предлагаемые вопросы. Но въ извѣстномъ дѣлѣ объ исправникѣ Зографо, разсматривавшемся въ 1883 году въ Харьковской судебной палатѣ, предсѣдатель не церемонился провозгласить, что этотъ законъ большая ошибка Судебныхъ Уставовъ," и затѣмъ самовольно предоставилъ одному изъ свидѣтелей, кабатчику Пономареву, опровергать защиту подсудимаго.

29 января 1888 г., 1-й Департаментъ Кіевской судебной палаты, по спорному дѣлу о недвижимомъ имуществѣ графовъ Платеръ, отмѣнилъ Высочайше утвержденное 11 октября 1883 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, какъ *частное судебное опредѣленіе* (!) дореформенной судебной процедуры—слѣдовательно, онъ отмѣнилъ своею властью не какой-нибудь актъ *низшей* инстанціи, но актъ самой *верховной власти*, который, по дѣйствующимъ и донынѣ постановленіямъ, имѣетъ силу обязательнаго для всѣхъ закона, и можетъ быть отмѣненъ не иначе, какъ тою же верховною властью.

Наконецъ, въ томъ же 1888 г. въ мѣстечкѣ Алешки (Днѣпровскаго уѣзда), окружной судъ опредѣлилъ *обратить на Введенскую церковь взысканіе за обѣдъ*, данный прихожанамъ, по случаю окончанія перестройки этой церкви, прежнимъ церковнымъ старостой, отказавшимся однако уплатить расходы по этому обѣду. Съ трудомъ удалось настоятелю церкви убѣдить судебнаго пристава обратить взысканіе на *свѣчную часовню*, имущество которой и попало *въ опись*; лишь благодаря вмѣшательству мѣстнаго архіерея, доведшаго все дѣло до свѣденія оберъ-прокурора Св. Синода, эта позорная опись была отмѣнена, (изъ газеты *Южный Край*).

Всѣмъ извѣстно важное въ гражданскомъ и уголовномъ отношеніяхъ значеніе споровъ о подлогѣ актовъ. Не менѣе важное значеніе имѣетъ и самое производство по этимъ спорамъ, которое подробно и установлено нашими узаконеніями, но тѣмъ не менѣе оно на дѣлѣ практикуется весьма различно въ различныхъ судебныхъ округахъ. Причинъ къ такому ненормальному разнообразію судебныхъ пріемовъ по одному и тому же случаю не слѣдуетъ однако искать въ разнообразіи мѣстныхъ бытовыхъ условій: нѣтъ, формы для производства этого установлены закономъ единообразно, и разнообразіе про-

исходитъ единственно отъ разнообразія взгладовъ на эти формы самихъ органовъ мѣстной судебной власти. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ отрицанія подписи, вслѣдствіе неграмотности или отреченія неграмотнаго отъ даннаго будто бы имъ уполномочія росписаться за него—въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ производится изслѣдованіе по правиламъ стт. 555 и слѣд. Уст. Гражд. Суд., а въ одномъ судѣ первый случай составляетъ предметъ изслѣдованія, второй же не признается споромъ о подлогѣ; наконецъ, въ одномъ окружномъ судѣ оба случая, по взгляду суда, не заключаютъ въ себѣ данныхъ для изслѣдованія въ порядкѣ, предписанномъ Уст. Гражд. Суд. Какъ будто въ различныхъ государствахъ, по различнымъ гражданскимъ уложеніямъ!

Таковы послѣдствія предоставленія судьбы закона *собственному разумѣнію* судей разныхъ инстанцій.

Присущая закону обязательность обусловливаетъ и единообразное его исполненіе всѣми. Уклоненія отъ его непреложнаго правила признаются во всякомъ благоустроенномъ государствѣ аномаліей, и подлежатъ исправленію по иниціативѣ высшаго суда, который для всѣхъ подвѣдомыхъ ему учрежденій является не только инстанціей іерархическою, но и примѣромъ самаго строгаго исполненія законовъ и единообразнаго ихъ пониманія.

Исполнили ли эту задачу кассаціонные департаменты Сената, созданные Судебными Уставами?

Просматривая фоліанты ихъ кассаціонныхъ рѣшеній за двадцать лѣтъ, мы часто встрѣчаемъ тоже неисполненіе, тоже неправильное пониманіе, тоже противорѣчивое истолкованіе законовъ, какъ и въ подвѣдомыхъ этимъ департаментамъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Возьмемъ для примѣра нѣсколько случаевъ только за послѣднее время.

По стт. 760 и 762 Уст. Угол. Суд., предлагаемые присяжнымъ вопросы составляются „по существеннымъ признакамъ преступленій и виновности подсудимаго“ и „исправляются или дополняются по тѣмъ отъ сторонъ замѣчаніямъ, которыя судъ признаетъ уважительными“. Но по дѣлу о купцѣ Солодовниковѣ, разсматривавшемся въ 1883 году въ Московскомъ окружномъ судѣ, а въ началѣ 1884 года, по кассаціонной жалобѣ одной изъ сторонъ, въ Сенатѣ, это высшее судебное учрежденіе признало что, *хотя означенные вопросы поставлены были съ отступле-*

нѣмъ отъ требованій стт. 760 и 762, но это нарушеніе ихъ не можетъ быть признано существеннымъ, а посему и не должно повлечь за собою отмѣну приговора окружнаго суда. *)

По ст. 549 Уст. Угол. Суд. „окружный судъ не входитъ въ разсмотрѣніе подсудности и порядка производства дѣла, по которому состоялось опредѣленіе судебной палаты о преданіи обвиняемаго суду; если же откроются новыя обстоятельства, не бывшія въ виду палаты, но имѣющія вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла, то судъ представляетъ о томъ палатѣ;“ а по ст. 1,103 „судъ по дѣламъ о преступленіяхъ должности производится какъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и въ кассаціонномъ департаментѣ“ тоже общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства, съ соблюденіемъ особо постановленныхъ правилъ. На этомъ основаніи бывшій казанскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Скарятинъ, преданъ былъ Первымъ департаментомъ Сената, дѣйствовавшимъ въ этомъ случаѣ въ качествѣ обвинительной камеры, то-есть судебной палаты, суду уголовнаго кассаціоннаго департамента

---

*) Приговоръ этотъ, по его безобразію, представляетъ самое вопіющее глумленіе надъ закономъ и правосудіемъ. Купецъ Ѳ. Солодовниковъ, имѣвшій суконную фабрику въ Богородскомъ уѣздѣ и производившій обширную торговлю, въ 1872 году скрылся изъ Москвы и, по укрывательству отъ платежа долговъ, объявленъ былъ несостоятельнымъ должникомъ. Въ 1874 году онъ былъ задержанъ въ Новохоперскомъ уѣздѣ, гдѣ проживалъ подъ именемъ одного изъ своихъ сыновей. Сумма претензій поступившихъ въ конкурсъ простиралась до 530,000 р., а фабрика съ машинами и домъ, принадлежавшіе Солодовникову, коими покрывалась по крайней мѣрѣ половина долговъ, оказались заложенными, такъ что кредиторы, коихъ долги не были обезпечены залогомъ, получили всего по 6 коп. на рубль. По произведенному изслѣдованію, купецъ Ѳ. Солодовниковъ преданъ былъ суду по обвиненію въ злостномъ банкротствѣ, съ привлеченіемъ трехъ сыновей его и купца Ивакина въ качествѣ участниковъ. Московскій окружный судъ счелъ нужнымъ, по желанію гражданскихъ истцовъ, выдѣлить въ особый вопросъ событіе преступленія, а слѣдующій вопросъ былъ поставленъ относительно виновности Солодовникова-отца въ означенномъ преступленіи; затѣмъ поставлены были краткіе вопросы о виновности прочихъ лицъ, „если совершилось событіе, описанное въ первомъ вопросѣ.“ Присяжные, по первому вопросу, признали фактъ злостнаго банкротства, но на вопросъ о виновности Солодовникова-отца, отвѣтили отрицательно, и затѣмъ, освободивъ главнаго виновника, обвинили его соучастниковъ: Ивана Солодовникова и купца Ивакина.

безъ присяжныхъ. Согласно общему порядку уголовнаго судопроизводства, никакими особыми правилами не отмѣненному, Уголовный кассаціонный департаментъ долженъ былъ замѣнить въ настоящемъ дѣлѣ окружный судъ, со всѣми его правами и обязанностями, причемъ аппелляціонною инстанціей на его рѣшеніе оказывалось общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ. Такимъ образомъ Уголовный кассаціонный департаментъ былъ обязанъ приступить прямо къ судебному слѣдствію, не имѣя права входить въ разсмотрѣніе подсудности и порядка производства дѣла, и еще менѣе видоизмѣнять своею властію, до судебнаго слѣдствія, составъ обвиненія и порядокъ подсудности. Еслибъ онъ даже, при судебномъ слѣдствіи, усмотрѣлъ новыя обстоятельства, измѣняющія, по его соображеніямъ, подсудность дѣла, то онъ долженъ былъ сообщить о томъ на распоряженіе Перваго департамента. Но Уголовный кассаціонный департаментъ, разбирая обстоятельства, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, предпочелъ совершенно выйти изъ закона, найдя что дѣйствія тайнаго совѣтника Скарятина должны быть подведены подъ статью не 347 Улож. о наказ., которая указана въ обвинительномъ актѣ Перваго департамента, а подъ статью 1,533, въ коей предусмотрѣно болѣе тяжкое закононарушеніе, которое разсматривается съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и затѣмъ самъ, своею властію, измѣнилъ даже вопросъ о подсудности, опредѣливъ судить тайнаго совѣтника Скарятина съ участіемъ присяжныхъ, чѣмъ лишилъ подсудимаго и права аппелляціи въ общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ.

Но еще многочисленнѣе сенатскія кассаціонныя рѣшенія, исполненныя противорѣчивыхъ толкованій одного и того же закона въ примѣненіи къ различнымъ случаямъ. Они встрѣчаются сплошь и рядомъ, сбивая съ толку и судей, и добросовѣстныхъ адвокатовъ.

Противорѣчивость кассаціонныхъ рѣшеній Сената была не разъ констатирована даже въ нашей юридической литературѣ, но при этомъ кассаціонные департаменты были обыкновенно выгораживаемы слѣдующею аргументаціей:

„Литература и составители сборниковъ весьма часто выставляютъ на видъ *рѣзкія и постоянно повторяющіяся противорѣчія въ правилахъ, преподанныхъ Сенатомъ въ своихъ рѣшеніяхъ.* Не отрицая вполнѣ этихъ противорѣчій, и даже находя ихъ вполнѣ естественными и вытекающими какъ изъ свойствъ обще-

человѣческихъ, присущихъ учрежденію, состоящему изъ живыхъ людей, такъ и изъ сущности права, какъ прогрессирующаго элемента человѣческой жизни, — бо́льшую часть указываемыхъ противорѣчій слѣдуетъ отнести на долю невниманія или опрометчивости составителей сборниковъ, такъ какъ правило, высказанное Сенатомъ въ *отдѣльномъ рѣшеніи*, иногда въ довольно *общей* формѣ, не всегда имѣетъ *общее* значеніе (?) и получаетъ надлежащее освѣщеніе, главнымъ образомъ, при сопоставленіи съ особымъ случаемъ, его вызвавшимъ."

Но это, черезъ чуръ туманное оправданіе поразительныхъ противорѣчій въ Сенатскихъ рѣшеніяхъ едва ли можетъ имѣть мѣсто — даже при объясненіи промаховъ подчиненныхъ Сенату инстанцій. Къ Сенату же оно вовсе не примѣнимо, ибо „живые люди", засѣдающіе въ Сенатѣ, призваны, въ силу своей опытности, — не стѣсняясь, заоблачной теоріей о прогрессирующихъ элементахъ человѣческой жизни — давать подвѣдомымъ судамъ точное, прямое объясненіе закона, исключающее возможность противорѣчивыхъ толкованій и примѣненій.

Мы даже полагаемъ, что подобныя противорѣчія, доказывая несостоятельность кассаціонной инстанціи, происходятъ потому, что кассаціонные департаменты, по своей организаціи, страдаютъ тѣми же самыми недостатками, какъ и прочія судебныя учрежденія: выдѣленныя вполнѣ изъ государственной власти, они точно также пользуются правомъ толковать законъ по общему смыслу и по собственному разумѣнію, не стѣсняясь ни прямымъ смысломъ закона, ни его законодательными мотивами. Сенатъ руководится законодательными мотивами лишь тогда, когда рѣчь идетъ о примѣненіи статей Судебныхъ Уставовъ 1864 года; когда же зайдетъ рѣчь о примѣненіи другихъ частей Св. Зак., то кассаціонные департаменты, подобно прочимъ судамъ, не прибѣгаютъ къ мотивамъ, заключающимся въ Полномъ Собраніи Законовъ, но ограничиваются исключительно личными соображеніями своихъ членовъ.

Эта личная діалектика при истолкованіи законовъ привела къ созданію у насъ, со времени введенія судебной реформы, такой казуистики, какой мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ. Наша кассаціонная казуистика выразилась въ цѣлыхъ фоліантахъ, нисколько не разъяснивъ однако нашихъ правовыхъ воззрѣній, что̀, наоборотъ, составляетъ главную задачу западной казуистики. Тамъ кассація, разъясняя, но не

упраздняя закона, восходитъ къ общимъ началамъ юриспруденціи, тогда какъ у насъ о юриспруденціи въ истинномъ значеніи слова нѣтъ и рѣчи въ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ. Существуютъ, правда, и у насъ комментаторскія изданія кассаціонныхъ рѣшеній: гг. Таганцева, Трахтенберга, Попова и Бѣлова, Книрима и Ковалевскаго и др.; они до нѣкоторой степени знакомятъ съ лабиринтомъ сенатской кассаціи, но живаго, стройнаго развитія практическаго права въ нихъ найти нельзя.

Эта формальная казуистика сковываетъ свободу мышленія нашихъ юристовъ и обусловливаетъ то отсутствіе прогрессивнаго развитія юриспуденціи, которымъ характеризуется все время, истекшее со введенія судебной реформы.

Глубокое значеніе имѣютъ посему слѣдующія слова К. П. Побѣдоносцева:

„Сознательная увѣренность мысли можетъ быть удѣломъ только опытнаго *знанія*, съ которымъ соединяется и сознательная свобода *увѣренной мысли*. Гдѣ нѣтъ этой свободы, тамъ испытущая мысль поневолѣ подчиняется *формѣ* и *буквѣ*, разрѣшая въ ней свои недоразумѣнія, когда не можетъ согласить ихъ въ полномъ и ясномъ сознаніи *идеи*. Вотъ, кажется, главная причина того явленія, что у насъ, при дѣйствіи *новыхъ учрежденій*, высказывается нерѣдко такой *узкій формализмъ* въ примѣненіи закона, какого и *въ прежнихъ судахъ* не было“. (*Курсъ гражданскаго права*, часть I, стр. 1, 2 и 3; изданіе 1872 года).

Но упадокъ авторитета закона, предоставленіе его на произволъ „общаго смысла“ и „собственнаго разумѣнія“ судей имѣли вредныя послѣдствія еще въ другомъ отношеніи.

Толкованія по „общему смыслу“ и по „собственному разумѣнію“ почти вовсе исключаютъ толкованія научныя, спеціально-юридическія. Право какъ бы секуляризуется, и изъ спеціальности превращается въ какое-то общее достояніе, не обусловливаемое никакою научною подготовкой; оно становится предметомъ діалектическаго упражненія дилеттантовъ. Такое ослабленіе юридическаго смысла въ толкованіи законовъ привело къ тому, что въ нашу судебную сферу проникли такіе взгляды и опредѣленія, которые ничего общаго съ правомъ не имѣютъ. *) Эти крайне

*) Чтобъ убѣдиться, до какой степени скудно, несмотря на всѣ риторическія прикрасы, юридическое содержаніе въ нашихъ судебныхъ рѣчахъ, приведемъ для примѣра опредѣленіе гражданскаго и уголовнаго

туманныя опредѣленія и взгляды на характеръ гражданскихъ отношеній, на преступность и вмѣняемость, сложились изъ примѣненія къ суду разныхъ поверхностныхъ, и во всякомъ случаѣ спорныхъ теорій изъ сферы политики, филантроліи, физіологіи и психіатріи, охватившихъ наши интеллигентные слои въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ силу этихъ теорій задачи правосудія были смѣшаны съ задачами человѣколюбія; судамъ вмѣнялось въ обязанность не преслѣдованіе виновныхъ, но увраченіе душъ, а фактъ преступности сталъ устанавливаться не юридическими данными, но врачебною экспертизой, которая вошла у насъ въ столь распространенное употребленіе, какъ нигдѣ и никогда на Западѣ, причемъ врачи стали нерѣдко замѣнять судей. Кромѣ невмѣняемости по причинѣ душевной болѣзни, утвердилась у насъ еще особая невмѣняемость *по умогзступленію*, хотя этотъ терминъ, сохранившійся въ Уложеніи о Наказаніяхъ еще изъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, обозначалъ первоначально не иное что̀, какъ ломѣшательство же въ смыслѣ душевной болѣзни. Во всякомъ законѣ усматривалось прежде всего стѣсненіе индивидуальной свободы, а въ противодѣйствіи властямъ — право самообороны; преступленіе было вмѣняемо не преступнику, но той средѣ, въ которой онъ вращался, или независящимъ отъ воли преступника нервнымъ аффектамъ; растра-

---

права изъ рѣчи бывшаго предсѣдателя С.-Петербургскаго окружнаго суда, г. Кони, по дѣлу Гулякъ Артемовской (въ 1878 году).

„Гражданскій судъ, сказалъ г. Кони, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, это судъ формальный, *черствый*, *рѣдко* заглядывающій въ область нравственныхъ соображеній, стоящій на почвѣ строгаго права и имѣющій дѣло только съ правомъ, *не затрогая* (?) стоящаго позади этого права человѣка“. „Уголовный судъ караетъ за нарушенное право. Въ этомъ судѣ форма не *почти все*, а *почти ничего*, но за то содержаніе, за то нравственный характеръ дѣянія на первомъ мѣстѣ“. „Задача того и другаго суда различны. Судъ уголовный осуждаетъ того, кто въ порывѣ злобы наноситъ рану, а *судъ гражданскій вооружаетъ ножомъ руку безпощаднаго кредитора, который имѣетъ право на фунтъ мяса должника*“. „Гражданскій судъ занимается рѣшеніемъ *ариѳметической задачи*: онъ слагаетъ доказательства истца и вычитаетъ изъ нихъ доказательства отвѣтчика“. „Этотъ судъ заботится *лишь о томъ*, чтобы при состязаніи сторонъ онѣ не запутывали задачи неяснымъ цифрами“, и т. п.

Мы не знаемъ, изъ какихъ юридическихъ авторитетовъ, изъ какого научнаго руководства заимствовалъ г. Кони эти афоризмы.

та чужой собственности объяснялась всего чаще безотвѣтственнымъ легкомысліемъ, многоженство — стеченіемъ, непредвидѣнныхъ обстоятельствъ и т. п.

Эта *юридическая мистика*, — тѣмъ болѣе соблазнительная, что она не требовала ни спеціально-юридической подготовки, ни усиленныхъ кабинетныхъ трудовъ, — особенно сподручна для тѣхъ членовъ магистратуры, которые, кончивъ давно или кое-какъ курсъ юридическихъ наукъ, успѣли уже позабыть свою азбуку, и еще болѣе для тѣхъ, которые не прошли даже и этого искуса. Предоставленіе же по закону присяжнымъ права изрекать безаппелляціонно свои вердикты какъ бы освящало эти не-юридическіе взгляды: въ неразборчивыхъ вердиктахъ присяжныхъ усматривалось чудесное наитіе высшей правды, и даже не разъ раздавались голоса, что вердикты присяжныхъ должны бы служить источникомъ права.

Но всего болѣе упразднила у насъ авторитетъ закона въ судебной сферѣ — адвокатская практика: пользуясь кассаціонною казуистикой и юридическою мистикой, наша адвокатура измыслила цѣлую безобразную систему невмѣненія, послѣдствія которой ложатся столь тяжкимъ гнетомъ на народную нравственность.

Таковы результаты двадцатилѣтней практики созданныхъ въ 1864 году судебныхъ учрежденій: они не возвысили авторитета закона, они засорили нашу юриспруденцію.

Мы далеки отъ мысли, чтобы въ этой практикѣ не встрѣчалось примѣровъ трезваго пониманія закона и юриспруденціи. Такіе примѣры несомнѣнно бывали. Но самая возможность указанныхъ нами случаевъ крайне неправильнаго толкованія и примѣненія законовъ и извращенія юридическихъ взглядовъ доказываетъ, что судебный механизмъ 1864 года способенъ приводить къ самымъ ненормальнымъ результатамъ.

X.

Своеобразный характеръ судебныхъ учрежденій, созданныхъ у насъ въ 1864 году, состоитъ, наконецъ въ томъ, что каждое изъ нихъ отличается полною обособленностію. Не только каждому судебному учрежденію отмежеваны его обязанности, но судъ коронный вполнѣ обособленъ отъ суда мироваго; въ средѣ суда короннаго коллегія судей вполнѣ обособлена отъ коллегіи присяжныхъ засѣдателей; слѣдователи, не имѣя почти прямыхъ

отношеній къ суду, не зависятъ и отъ прокурорскаго надзора; который, со своей стороны, въ заключеніяхъ своихъ на судѣ, дѣйствуетъ независимо отъ указаній генералъ-прокурора; наконецъ, адвокатура составляетъ вполнѣ самостоятельную корпорацію, безо всякой органической связи съ судомъ.

Поддерживать правильную, совмѣстную дѣятельность, надлежащую связь и гармонію между этими обособленными учрежденіями предоставлено было Правительствующему Сенату.

Сенатъ по Уставамъ 1864 года не только кассаціонная, но и контролирующая, дисциплинарная инстанція въ отношеніи къ прочимъ судамъ. Тѣмъ не менѣе эта инстанція, не примыкая непосредственно къ Верховной Власти, не получаетъ отъ нея надлежащаго авторитета. Судебный авторитетъ Сената обусловленъ положеніемъ Сената въ качествѣ высшаго звена судебной корпораціи; это такъ-сказать свое *домашнее* начальство, поставленное, какъ и суды, внѣ общей связи съ другими государственными учрежденіями. Самый составъ кассаціонныхъ департаментовъ (и высшаго дисциплинарнаго присутствія) изъ выслужившихся чиновъ магистратуры даетъ имъ характеръ коллегіи старшихъ членовъ этой корпораціи. Сенаторы имѣютъ, предъ прочими членами магистратуры, преимущества ранга и опыта; но, какъ плоть отъ плоти ея, они не могутъ не имѣть и тѣхъ своеобразныхъ особенностей, которыя, какъ мы видѣли, органически развились въ судебномъ вообще сословіи подъ вліяніемъ свойственныхъ Судебнымъ Уставамъ недостатковъ. Они поневолѣ склонны смотрѣть на судей, какъ на „лучшихъ людей“; они, сами понимая законъ по „общему смыслу“ и по собственному разумѣнію“, не могутъ смотрѣть очень взыскательно на неправильное истолкованіе закона другими судьями; усвоивъ сами понятіе о судейской независимости, они не въ силахъ примѣнять къ нимъ съ необходимою твердостію и системы дисциплинарныхъ взысканій. Наконецъ, они не могутъ не относиться снисходительно къ своимъ прежнимъ товарищамъ по службѣ, опасаясь поколебать строгими мѣрами *prestige* той корпораціи, къ которой одинаково принадлежатъ какъ сенаторы, такъ и судьи. *)

---

*) Мы въ настоящемъ случаѣ указываемъ не на недостатки лицъ, но на логическія послѣдствія организаціи высшаго судебнаго надзора по Уставамъ 1864 года.

Этимъ то и объясняется прежде всего безсиліе Сената въ порядкѣ надзора, несмотря даже на учрежденіе въ его средѣ, по закону 20 мая 1885 года, высшаго дисциплинарнаго присутствія.

Съ другой стороны, министръ Юстиціи, несмотря на свое званіе генералъ-прокурора, не имѣетъ никакого іерархическаго значенія въ глазахъ магистратуры. Онъ имѣетъ вліяніе на назначеніе, награжденіе и повышеніе судебныхъ чиновъ, но и только. На Западѣ, министръ Юстиціи—глава судебнаго персонала. У насъ же ему подчинены, да и то съ ограниченіемъ, только прокуроры; всѣ прочіе судебные чины, начиная съ сенаторовъ, могутъ его игнорировать. Министръ Юстиціи въ Россіи—даже не органъ государственной власти по дѣламъ суда. Онъ не можетъ быть органомъ государственной власти по дѣламъ суда уже потому, что по Уставамъ 1864 года государственной власти не предоставлено по дѣламъ суда никакой активной роли. Поэтому министру Юстиціи не предоставлено у насъ ни предсѣдательства въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи Сената, ни въ соединенномъ присутствіи Перваго и Кассаціонныхъ департаментовъ по спорнымъ дѣламъ о преданіи суду должностныхъ административныхъ лицъ, хотя въ Италіи, напримѣръ, министръ Юстиціи предсѣдаетъ въ комиссіи, рѣшающей вопросы о перемѣщеніи судей, а во Франціи, гдѣ министръ Юстиціи имѣетъ значительную дисциплинарную власть надъ магистратурой, онъ предсѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ при разсмотрѣніи отводовъ, предъявляемыхъ префектами о некомпетентности судовъ по административнымъ дѣламъ *).

Такимъ образомъ у насъ есть судебныя инстанціи, но нѣтъ настоящей судебной іерархіи, ни достаточной судебной дисциплины, и наше судебное вѣдомство усвоило себѣ формы и обычаи какой-то свободной федераціи, въ которой всѣ отдѣльныя учрежденія живутъ особою, самостоятельною жизнію, приходя нерѣдко между собою въ личныя столкновенія, и руководясь при рѣшеніи

*) Участіе сенаторвъ Перваго, то-есть административнаго департамента въ дисциплинарномъ присутствіи и въ общемъ собраніи съ кассаціонными департаментами по дѣламъ о подсудности должностныхъ лицъ—отнюдь не равносильно личному предсѣдательству министра Юстиціи, такъ какъ Первый департаментъ входитъ, вмѣстѣ съ кассаціонными, въ общій составъ Сената, направленіе коего обусловливается нынѣ вліяніемъ кассаціонныхъ департаментовъ. Участіе же министра Юстиціи въ дѣлахъ Сената черезъ оберъ-прокуроровъ только посредственное, а потому и не можетъ имѣть вполнѣ энергическаго характера, свойственнаго личному почину.

дѣлъ самыми противорѣчивыми воззрѣніями—въ ущербъ, конечно, авторитету закона и интересамъ какъ тяжущихся, такъ и подсудимыхъ,

И эта судебная федерація нисколько не регулируется государственною властію: она вполнѣ выдѣлена изъ общаго государственнаго механизма, и даже прямо ему противопоставлена. Мало того: при своей независимости отъ государственной власти, она не стѣснена, какъ администрація, и закономъ, который она имѣетъ право понимать по *общему смыслу* и по *собственному разумѣнію*, не неся однако, какъ мы видѣли, никакой отвѣтственности, если она понимаетъ законъ неправильно, и даже превратно.

Это странное положеніе суда, какъ status in statu, не могло не имѣть вредныхъ практическихъ послѣдствій не только въ сферѣ судебной, но и въ общегосударсавенной.

Выдѣленіе суда изъ государственной власти имѣло прежде всего послѣдствіемъ установленіе для судебнаго вѣдомства какъ бы дипломатической экстерриторіальности въ отношеніи къ прочимъ государственнымъ учрежденіямъ.

Конечно, на судъ возложена, и по теоріи права, и по положительному закону, одна изъ спеціальныхъ задачъ государственнаго управленія, задача чрезвычайно важная, но по существу и конечной цѣли своей неразрывно съ нимъ связанная. Органы суда тѣже чины государственной службы, какъ и чины прочихъ государственныхъ учрежденій; и тѣ, и другіе должны пользоваться одинакимъ уваженіемъ, такъ какъ безъ подобающаго авторитета не только судъ, но ни одно государственное учрежденіе не можетъ пользоваться надлежащимъ кредитомъ для исполненія возложенной не него задачи. Но составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года, задавшись мыслію, что судебные чины должны быть и непремѣнно будутъ „лучшими людьми“, поставили ихъ въ привиллегированное положеніе въ сравненіи съ прочими должностными лицами. Понятно, что судебные чины, признавъ себя, въ силу этой мотивировки, людьми бѣлой кости въ отношеніи къ прочимъ должностнымъ лицамъ, возмечтали о себѣ сверхъ мѣры; будучи къ тому же несмѣняемы, толкую и перетолковывая законъ „по общему смыслу“ и „собственному разумѣнію“, они. при слабости сенатскаго за ними надзора, при полной пассивности генералъ-прокуроровъ, стали смотрѣть на себя какъ на людей безошибочныхъ, какъ на людей никѣмъ и ничѣмъ, кромѣ своей личной совѣсти, не руководимыхъ. Понятно также, что усвоивъ такой взглядъ на себя, судебные чины въ большей

части случаевъ стали смотрѣть на людей администраціи, какъ на низшихъ, склонныхъ исключительно къ произволу, и лосему требующихъ единственно обузданія—непогрѣшимою судебною властію. Такимъ образомъ, судебные чины восприняли на себя—и совершенно согласно съ теоріей составителей Судебныхъ Уставовъ—задачу охраненія общества отъ произвола администраціи, совершенно забывъ, что кромѣ административнаго можетъ быть произволъ и судебный, еще болѣе безобразный, чѣмъ административный.

Не ясно ли послѣ этого, что послѣдствіемъ судебныхъ теорій 1861—1864 года были не совмѣстное дѣйствіе двухъ главныхъ аттрибутовъ государственной власти: суда и администраціи, но рѣшительный и постоянный между ними антагонизмъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная доля вины падаетъ въ этомъ случаѣ и на администрацію, но большая часть—на судебное вѣдомство, на сторонѣ котораго въ этомъ антагонизмѣ и привилегированное положеніе, и право толкованія закона, и поддержка Сената.

Неправильная, самоувѣренная притязательность судебныхъ чиновъ не всегда замѣчается публикой. Она выражается въ формѣ сношеній и распоряженій, рѣдко выплывая наружу при гласномъ рѣшеніи дѣлъ въ судахъ; но она глубоко и давно сознается въ сферѣ административной, составляя предметъ безпрестанной оффиціальной переписки. Иногда лишь слѣды этой притязательности становятся гласными. Такъ, напримѣръ, черезчуръ снисходительное отношеніе судовъ къ обвиняемымъ въ оскорбленіи полиціи, въ неисполненіи ея законныхъ требованій, равно какъ и въ сопротивленіи чинамъ полиціи, а съ другой стороны, несоразмѣрно строгое отношеніе къ полиціи судей по всякой, даже неосновательной, жалобѣ на полицію со стороны мѣстныхъ обывателей,—все это факты всѣмъ давно уже извѣстные изъ судебной хроники столичныхъ и провинціальныхъ газетъ.

Затѣмъ притязательность судебныхъ чиновъ къ прочимъ несудебнымъ вѣдомствамъ представляется весьма рельефно изъ нѣкоторыхъ циркулярныхъ распоряженій самого министра Юстиціи. Такъ, напримѣръ, оказалось нужнымъ напоминать судебнымъ чинамъ, что лица и не подчиненныя въ служебномъ отношеніи губернатору обязаны, въ случаѣ ихъ вызова или пригла-

шенія, непремѣнно подчиняться законнымъ его требованіямъ и оказывать ему должное уваженіе (31 октября 1866 года) *).

Оказалось даже нужнымъ напомнить, что нижніе воинскіе чины не должны исполнять такихъ требованій чиновъ судебнаго вѣдомства, которыя могутъ служить поводомъ къ нарушенію чинопочитанія и военной дисциплины (9 января 1873 года). Очевидно, что подобныя требованія были предъявляемы судебными чинами, ибо только этимъ можетъ быть объяснено появленіе такого циркуляра.

Но самую обильную почву для столкновеній представляли дѣла о судебномъ преслѣдованіи административныхъ должностныхъ лицъ. На этотъ случай установленъ Судебными Уставами особый порядокъ, которымъ однако прокурорскій надзоръ весьма мало стѣснялся, присвоивая себѣ инициативу и власть, вовсе ему не предоставленныя, и возбуждая тѣмъ самыя рѣзкія пререканія съ губернаторами. Сенатъ, за такое превышеніе власти, не относился строго къ прокурорскому надзору; но наконецъ въ 1875 году счелъ нужнымъ, по настоянію, конечно административныхъ вѣдомствъ, издать два циркуляра: однимъ изъ нихъ разъяснено, что прокурорскій надзоръ не можетъ по собственному усмотрѣнію назначать производство предварительнаго слѣдствія о преступленіяхъ должности, а другимъ—что прокурорскій надзоръ не можетъ возражать ни противъ окончанія дѣла въ административномъ порядкѣ, ни противъ мѣры административнаго взысканія по такимъ преступленіямъ должности, которыя не подходятъ подъ дѣйствіе ст. 1.089 Угол. Судопр. **).

---

*) Этотъ циркуляръ состоялся вслѣдствіе особаго, Высочайше утвержденнаго Положенія Комитета Министровъ и, какъ общее распоряженіе, повторенъ былъ и другими вѣдомствами; но извѣстно, что означенная мѣра принята была по представленію министра Внутреннихъ Дѣлъ въ виду того неправильнаго положенія, которое судебные чины стали вездѣ проявлять въ отношеніи къ губернаторамъ, этимъ высшимъ и наиболѣе отвѣтственнымъ представителямъ государственной власти въ губерніяхъ.

**) Относительно дѣятельности Сената и министерства Юстиціи, мы, въ настоящей статьѣ, руководились *Сборникомъ г. Тимановскаго*. Но когда мы заканчивали нашъ трудъ, вышло въ двухъ томахъ изданіе Министерства Юстиціи подъ заглавіемъ: *Сборникъ циркулярныхъ указовъ Кассаціонныхъ департаментовъ, общаго оныхъ собранія и соединеннаго присутствія Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.*

Такимъ образомъ упраздненіе іерархической связи между судебными учрежденіями уничтожило въ нихъ дисциплину и единство, а выдѣленіе суда изъ государственнаго организма нарушило самый авторитетъ государственной власти, непоколебимость коей была искони въ Россіи основою общаго порядка и благоустройства.

Сравнивъ оба эти сборника, мы убѣдились, что хотя изданный Министромъ Юстиціи и заключаетъ въ себѣ полный текстъ циркулярныхъ указовъ, съ подробными хронологическими и алфавитными указателями и особымъ указателемъ къ соотвѣтствующимъ статьямъ Св. Зак., но сборникъ г. Тимановскаго, не заключая означенныхъ указателей и предлагая только сокращенное изложеніе указовъ, тѣмъ не менѣе гораздо полнѣе по существу.

Въ изданіи Министерства Юстиціи напечатаны только циркулярные указы Сената, числомъ до 129—по конецъ 1885 года, тогда какъ въ изданіи г. Тимановскаго этихъ указовъ приведено 130—по 1883 годъ; кромѣ того, въ послѣднемъ помѣщены 238 рѣшеній Сената объ отвѣтственности должностныхъ лицъ и 218 циркуляровъ министра Юстиціи, Поэтому мы сочли болѣе цѣлесообразнымъ остаться при нашихъ ссылкахъ на сборникъ г. Тимановскаго.

Замѣчательно, что въ изданіи Министерства Юстиціи пропущенъ, напримѣръ, циркулярный указъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Сената отъ 16 сентября 1874 года, которымъ разъяснено судебнымъ мѣстамъ, что они не должны входить съ представленіями въ Сенатъ о разрѣшеніи возникающихъ недоразумѣній, а „обязаны толковать смыслъ закона *по собственному разумѣнію*“.

Впрочемъ, какъ сборникъ изданный Министерствомъ Юстиціи, такъ и сборникъ г. Тимановскаго, вполнѣ подтверждаютъ, что въ первое десятилѣтіе по введеніи судебной реформы руководящая дѣятельность Сената по судебнымъ дѣламъ была крайне незначительна. По изданію Министерства Юстиціи, въ это десятилѣтіе состоялось не болѣе 25 циркулярныхъ указовъ. Дѣятельность же Сената стала нѣсколько замѣтнѣе съ 1877 года, со времени назначенія сенатора Бера оберъ-прокуроромъ общаго собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ, а затѣмъ г. Неклюдова оберъ-прокуроромъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента. Но эта усиленная дѣятельность за послѣднее время не измѣняетъ господствующаго характера дѣятельности Сената за *все* истекшее двадцатилѣтіе, далеко не удовлетворившей, въ порядкѣ надзора, той задачѣ, которая возложена на Сенатъ. Повторяемъ еще разъ, что причина этой недостаточной дѣятельности коренится въ той неудовлетворительной организаціи, которая дана кассаціонной инстанціи составителями Судебныхъ Уставовъ, возложившими на Сенатъ большія надежды, но не предоставившими ему средствъ для ихъ исполненія.

Наши доморощенные либеральные юристы, взлелѣянные въ атмосферѣ Судебныхъ Уставовъ 1864 года, сдѣлали въ послѣднее время попытку смягчить фактъ выдѣленія суда изъ государственнаго организма слѣдующимъ толкованіемъ: они утверждаютъ, будто разница въ положеніи суда и администраціи заключается въ томъ, что отношенія суда къ Верховной Власти опредѣлены закономъ, а отношенія администраціи—усмотрѣніемъ самой власти. Эти юристы очевидно игнорируютъ нашъ Сводъ Законовъ: тамъ ясно указано, въ какихъ случаяхъ верховная или вообще государственная власть воздѣйствуетъ на администрацію по закону, и въ какихъ по усмотрѣнію. Но безусловно невѣрно, что отношенія суда къ государственной власти опредѣлены закономъ: эти отношенія обойдены въ Судебныхъ Уставахъ молчаніемъ; фактически же предоставленіе судебной власти права толковать законъ по общему разуму безо всякаго вмѣшательства *законодательной*, и справляться съ дисциплинарными вопросами безо всякаго обращенія къ *Верховной Власти*—безусловно эманципируетъ судъ отъ зависимости и даже ото всякаго надзора съ ея стороны.

Можно, пожалуй, возражать, что зависимость суда отъ государственной власти выражается въ формѣ назначенія судебныхъ чиновъ Высочайшими указами и приказами, а также въ изданіи законовъ по судебной части. Но право назначенія судебныхъ чиновъ, безъ права ихъ смѣщенія въ случаѣ ихъ непригодности, отнюдь не соотвѣтствуетъ авторитету государственной власти. Когда же это право смѣщенія было, въ 1885 году, признано на основаніи указаній опыта необходимымъ, то оно опять-таки было предоставлено не Верховной Власти, а дисциплинарному присутствію Сената, опредѣленія коего, по закону, не подлежатъ утвержденію Верховной Власти. Поэтому, опредѣленія дисциплинарнаго присутствія суть не что иное, какъ только опредѣленія высшей инстанціи той же судебной корпораціи. Правда, опредѣленія этого присутствія сообщаются министру Юстиціи, который, если присутствіемъ постановлено уволить или перемѣстить кого-либо изъ судебныхъ чиновъ, представляетъ Верховной Власти соотвѣтствующіе проекты указовъ и приказовъ; но Верховная Власть является въ этомъ случаѣ не самостоятельною, а лишь пассивною исполнительницей опредѣленій дисциплинарнаго присутствія. Оправдательные же приговоры присутствія, которые однако могутъ отличаться и неломѣрною снисходительностію, совершенно внѣ контроля Верховной Власти.

Что же касается воздѣйствія государственной власти на судъ посредствомъ изданія законовъ, то не слѣдуетъ забывать, съ одной стороны, что законы въ отмѣну такихъ органическихъ Уставовъ, каковы Судебные, составляютъ въ дѣйствительности явленіе весьма рѣдкое, а съ другой стороны, что самая инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ фактически министру Юстиціи, который, въ качествѣ представителя судебнаго вѣдомства, связанъ Судебными Уставами. Вотъ почему, несмотря на всѣ нестроенія по судебной части, въ теченіе двадцати лѣтъ не было сдѣлано, со стороны министровъ Юстиціи, почина къ серіозному исправленію Судебныхъ Уставовъ. Само собою разумѣется, что энергическій министръ можетъ высвободиться изъ этой опеки и пойти въ разрѣзъ съ традиціями магистратуры; но и въ этомъ даже случаѣ законодательная инициатива будетъ очевидно исходить исключительно изъ случайныхъ личныхъ условій, а не изъ самой организаціи судебной власти.

Вообще, практика тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу Судебныхъ Уставовъ 1864 года ихъ составителями, приводитъ къ самымъ грустнымъ заключеніямъ. Созданныя по этой системѣ судебныя учрежденія не оправдали ожиданій ни публики ни правительства, а въ извѣстной степени—даже и самихъ Судебныхъ Уставовъ. Выдѣленныя изъ общегосударственной дисциплины, не стѣсненныя закономъ, проникнутыя прежде всею маніею самостоятельности, эти учрежденія, при своемъ неудовлетворительномъ персоналѣ, задались цѣлями и проникліись элементами, несогласными съ задачами правосудія. Въ резузьтатѣ же, они внесли въ судебное дѣло такой разладъ, который, отнюдь не обезпечивая правильнаго рѣшенія гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, вводитъ смуту какъ въ нашъ государственный организмъ, такъ и въ нравственныя основы нашего общественнаго развитія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Реформа реформы 1864 года.

I. Судебныя неустройства до 1864 года.—II. Судебныя неустройства послѣ 1864 года.—III. Мѣры къ упорядоченію магистратуры, прокуратуры и слѣдственной части.—IV. Преобразованіе общественныхъ органтвъ суда.—V. Возстановленіе авторитета закона и подъемъ юридическаго образованія.—VI. Необходимость Юридической Академіи.

Изучая судебную реформу, мы сначала задались вопросомъ: какими особенностями отличалось наше прежнее судопроизводство и судоустройство, и при какихъ обстоятельствахъ возникали у насъ, въ разныя эпохи, судебныя реформы вообще, а затѣмъ уже перешли къ ближайшему ознакомленію *съ основными чертами* того послѣдняго по времени преобразованія по этой части, которое совершилось въ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Этимъ путемъ мы пріобрѣли возможность подойти не ощупью, но сознательно къ разъясненію капитальнаго вопроса о томъ: въ какой степени судебная реформа 1864 года соотвѣтствовала *на дѣлѣ* условіямъ нашей современной дѣйствительности.

Теперь намъ предстоитъ разрѣшить послѣдній вопросъ: въ чемъ эта реформа подлежитъ, на основаніи двадцатилѣтнихъ указаній опыта, дополненію или исправленію, дабы благая цѣль ея была вполнѣ согласована какъ съ историко-органическими условіями нашего развитія, такъ и съ практическими потребностями нашей жизни.

I.

Нашъ дореформенный судъ развился исторически, послѣдовательно, слагаясь сообразно потребностямъ разныхъ эпохъ, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ въ результатѣ не случайнымъ проявленіемъ верховнего произвола, но сознательнымъ, прогрессивнымъ продуктомъ предшествующей народной жизни. Онъ имѣлъ, ко-

нечно, свои недостатки, но и свои своеобразные, національные практическіе устои, сохраненіе которыхъ было безусловно необходимо.

Въ числѣ этихъ коренныхъ устоевъ самый главный заключался въ томъ, что нашъ судъ до 1864 года никогда не имѣлъ ничего общаго съ политикой.

Между тѣмъ какъ эмансипація государственнаго суда отъ феодально-сословныхъ группъ совершилась на западѣ послѣ тысячелѣтней упорной борьбы этихъ группъ съ верховною властью лишь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, мы, еще въ ранній періодъ нашей исторіи, перешли отъ родоваго, вѣчеваго и отчасти церковнаго самосуда, послѣ самой непродолжительной внутренней борьбы, къ суду всецѣло государственному, вполнѣ независимому ото всякихъ узкихъ и вредныхъ вліяній со стороны какихъ-либо сословій или политическихъ партій.

При этомъ мы до такой степени утратили всякое воспоминаніе о какой бы то ни было борьбѣ съ государственною властью изъ-за судебныхъ прерогативъ, что уже со времени московскаго самодержавія судебный авторитетъ верховной власти былъ всѣми и вездѣ признаваемъ единственнымъ убѣжищемъ противъ чьего бы то ни было насилія, произвола и лицепріятія.

Такимъ образомъ, у насъ съ незапамятныхъ временъ судъ признавался не привиллегіей, отвоеванною усиліями верховной власти, въ интересахъ низшихъ классовъ, отъ автономныхъ группъ, но существенною, безспорною принадлежностію верховной власти, въ смыслѣ обязанности охранять внутренній миръ и интересы всѣхъ частныхъ лицъ.

Передавать эту обязанность изъ рукъ верховной власти въ руки какой-либо автономной корпораціи было бы равносильно введенію у насъ порядковъ, отъ которыхъ государственная власть на западѣ избавилась путемъ тысячелѣтней борьбы. Но подобной мысли никому и не приходило на Руси въ голову до самаго составленія Судебныхъ Уставовъ 1864 года.

На этой почвѣ не фиктивнаго, но дѣйствительнаго, неразрывнаго единенія суда съ верховною властью развилась наша судебная организація, переходя отъ низшихъ, менѣе сложныхъ формъ къ высшимъ, болѣе сложнымъ: отъ судовъ княжескихъ къ великокняжескому, а затѣмъ къ царскому, отъ губныхъ старостъ, воеводъ и судныхъ приказовъ къ магистратамъ и ратушамъ, ландрихтерамъ и Сенату, и наконецъ къ уѣзднымъ и губернскимъ учрежденіямъ императрицы Екатерины II.

Въ концѣ XVIII вѣка судебная организація выдѣлена была въ особое вѣдомство, а для наблюденія за единообразнымъ исполненіемъ законовъ учрежденъ былъ прокурорскій надзоръ. Хотя слѣдственная часть оставалась еще до 1860 года въ вѣдѣніи власти административной, но и она была по возможности упорядочена установленіемъ различныхъ слѣдственныхъ органовъ, сообразно съ большею или меньшею важностью подлежавшихъ изслѣдованію дѣлъ, а для огражденія подслѣдственныхъ лицъ отъ притѣсненія слѣдователей допущено было присутствіе при слѣдствіи сословныхъ депутатовъ.

При этомъ большая часть судей были у насъ сословно-выборными; но засѣдая въ общей коллегіи съ коронными, объединяемые прокурорскимъ надзоромъ и направляемые Сенатомъ, они не были и не могли быть представителями сословной тенденціозности, тѣмъ болѣе, что у насъ, вопреки примѣрамъ Запада, не было ни сословной замкнутости, ни наслѣдственности должностей.

Подчиненные общей служебной дисциплинѣ, эти сословно-выборные судьи, во время исполненія своихъ срочныхъ обязанностей, были въ полномъ смыслѣ слова осуществленіемъ того служилаго государству начала, которое, въ той или другой мѣрѣ и формѣ, составляетъ у насъ историческую особенность всѣхъ званій. И если дворянство стояло въ этомъ случаѣ во главѣ другихъ званій, то исключительно какъ сословіе наиболѣе развитое и обезпеченное, а потому и способное болѣе другихъ нести обязанности государственной службы.

Судъ совершался по опредѣленнымъ инстанціямъ, и дѣла только тогда восходили до верховной власти, когда обычныя формы судопроизводства оказывались недостаточными для огражденія интересовъ тяжущихся и подсудимыхъ. Смягченіе же наказаній и право помилованія составляли аттрибутъ одного монарха.

Наконецъ, основаніемъ для всѣхъ судебныхъ рѣшеній служилъ въ принципѣ только законъ, равно для всѣхъ обязательный, но отнюдь не безграничное, ничѣмъ не сдерживаемое личное убѣжденіе судей.

Эта система суда, органически выросшая на русской почвѣ, вызвала, однако, какъ и всякій историческій продуктъ народной жизни, извѣстнаго рода ненормальныя явленія, имѣвшія безусловно вредныя практическія послѣдствія.

Съ одной стороны, отдѣленіе отъ суда слѣдственныхъ и исполнительныхъ функцій, и многочисленность ревизіонныхъ и апел-

ляціонныхъ инстанцій произвели сложность и медленность процесса; съ другой, несовершенство гражданскихъ и уголовныхъ законовъ породило господство казуистики, формализма и неразлучныхъ съ ними злоупотребленій; мало того: эта казуистика и этотъ формализмъ, въ свою очередь, почти упразднили самый законъ. Въ связи съ этимъ отсутствіе среди большинства судей спеціально юридическаго образованія имѣло то послѣдствіе, что судьи сдѣлались послушными орудіями искусныхъ въ казуистикѣ секретарей. Само собою разумѣется, что секретари, прикрываясь канцелярскою тайной, отсутствіемъ состязательности и безгласностію защиты, давали самое произвольное направленіе судебнымъ дѣламъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ не только лицепріятіемъ, но и своими матеріальными выгодами.

Вотъ почему на практикѣ интересы тяжущихся и подсудимыхъ не были обезпечены: проволочки, пристрастіе, взятки стали обычными аттрибутами почти каждаго гражданскаго или уголовнаго дѣла. Только контроль Сената, и вмѣшательство верховной власти способны были возстановлять въ подобномъ случаѣ силу закона, обнаруживать правду, отклонять разныя вредныя вліянія; но прибѣжище къ этимъ чрезвычайнымъ факторамъ правосудія было далеко не всѣмъ и не всегда доступно.

Устранить эти недостатки, глубоко вкоренившіеся въ нашу судебную организацію, было не легко. Но въ то время, какъ на Западѣ устраненіе судебныхъ недостатковъ происходило почти вездѣ путемъ революціонныхъ потрясеній, у насъ реформа суда была постоянно предметомъ добровольной и дѣятельной заботы самой государственной власти, безо всякаго съ чьей-либо стороны настоянія или противодѣйствія. Вслѣдствіе именно этой свободы, государственная власть имѣла у насъ возможность дѣйствовать въ данномъ случаѣ послѣдовательно и постепенно, не усложняя судебной задачи—политическою.

Такимъ образомъ, когда возникъ вопросъ о судебной реформѣ при императорѣ Николаѣ I, то прежде всего обращено было вниманіе на подготовленіе необходимыхъ, сподручныхъ средствъ для осуществленія этой реформы, а именно: на подъемъ въ странѣ юридическаго образованія, на усиленіе персонала юристовъ среди коронной магистратуры, на кодификацію и на болѣе удовлетворительную редакцію гражданскихъ и уголовныхъ законовъ.

Только когда эти цѣли были до извѣстной степени достигнуты, приступлено было во II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, еще въ концѣ царствованія

императора Николая I, но въ особенности въ началѣ царствонія императора Александра II, къ составленію проектовъ новыхъ судебныхъ уставовъ, которые и были внесены графомъ Блудовымъ въ 1857—1861 годахъ въ Государственный Совѣтъ.

Этими проектами положены были въ основу судебной реформы слѣдующія начала: устность, гласность и состязательность процесса, ограниченіе силы формальныхъ доказательствъ, сокращеніе инстанцій и кассація, обвинительная власть и свободная защита, новый порядокъ назначенія и выбора судей, подчиненіе суду слѣдственной и исполнительной части.

Этимъ путемъ устранялись обнаруженные опытомъ недостатки прежней системы, но не измѣнялся ея историко-органическій характеръ. Судъ, по мысли означенныхъ проектовъ, становился совершеннѣе, но сохранялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и усвоенное имъ издавна единство, и вполнѣ присущій ему государственный характеръ. Новый, упрощеный порядокъ не ставилъ закона въ безвыходное противорѣчіе съ индивидуальными воззрѣніями судей и не нарушалъ его авторитета. Хотя предположенные въ проектахъ судебные органы были въ значительной мѣрѣ формулированы по заграничнымъ образцамъ, но образцы эти были соображены какъ съ указаніями нашей исторической жизни, такъ и съ потребностями нашего современнаго развитія. Коронные судьи и прокуроры не выдѣлялись изъ общегосударственнаго механизма въ отдѣльную привиллегированную корпорацію, а сохранявшіеся тѣми же проектами сословно-выборные судьи, засѣдая въ общей коллегіи съ коронными, оставаясь ео ipso отвѣтственными представителями того же государственнаго суда, какъ и прежде, не вносили никакого раздвоенія въ судебную организацію и не олицетворяли собою никакого новаго судебно-политическаго начала лежащаго внѣ аттрибутовъ верховной власти. Вообще, отдѣляя окончательно судебную власть отъ административной, сообщая чрезъ то первой недоставшую ей дотолѣ самостоятельность, проекты далеки были ото всякой попытки усиливать эту самостоятельность—началами общественнаго самосуда, хотя и допускали всесословный выборъ мировыхъ судей.

Отсюда видно, что внесенные въ 1857—1861 годахъ въ Государственный Совѣтъ проекты отличались практическою постепенностію, которая, не колебля въ корнѣ установившагося порядка внезапными и всеобъемлющими перемѣнами, довольствуется послѣдовательнымъ исправленіемъ указанныхъ опытомъ недостатковъ. Не предрѣшая нѣкоторыхъ, не разъясненныхъ еще

указаніями жизни, и самой науки вопросовъ, какъ напримѣръ вопроса объ институтѣ присяжныхъ, проекты графа Блудова благоразумно предоставляли будущему довершить дѣло реформы безъ тѣхъ ошибокъ, которыя всегда бываютъ послѣдствіемъ мѣропріятій, торопливо построенныхъ по системѣ отвлеченныхъ доктринъ и оптимистическихъ увлеченій.

II.

Проекты графа Блудова переданы были въ 1861 году, для соглашенія ихъ между собою, въ Государственную Канцелярію, но вмѣсто соглашенія, они тамъ подверглись коренной переработкѣ.

Въ это именно время пріобрѣли въ нашихъ законодательныхъ сферахъ господство политики-идеологи, которые, не довольствуясь спеціально судебнымъ характеромъ Блудовскихъ проектовъ, рѣшились придать имъ еще особую либерально-политическую окраску. Они сохранили устность, гласность и состязательность процесса, обвинительную власть и адвокатуру, сокращеніе инстанцій и кассацію, но вмѣстѣ съ тѣмъ ввели въ судебную организацію и судебную процедуру еще такія начала, которыя, будучи чужды нашей исторіи, нисколько не соотвѣтствовали и практическимъ потребностямъ нашего правосудія.

Составители основныхъ Положеній 1862 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года создали судебную организацію, раздробленную на двѣ отрасли, ничего между собою общаго не имѣющія. Съ одной стороны судебная власть была вручена сословію судей, хотя и назначаемыхъ правительствомъ, но отъ государственной власти совершенно независимыхъ; съ другой стороны, всесословнымъ мировымъ судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ, избираемымъ безо всякаго участія правительственныхъ органовъ и отвѣтственнымъ предъ своими избирателями, но не предъ государственною властію. Такимъ образомъ судъ пересталъ у насъ быть аттрибутомъ государственной власти: по дѣламъ мировымъ и уголовнымъ онъ сдѣлался земскимъ, ставъ аттрибутомъ общественнаго самоуправленія, а по прочимъ дѣламъ—принадлежностію особой, независимой корпораціи.

При этомъ всѣ слѣдователи, независимо отъ относительной важности изслѣдуемыхъ ими закононарушеній, были низведены на низшую ступень судебной службы, но въ то же время поставлены фактически въ независимое почти положеніе и отъ суда,

и отъ прокуроровъ. Зависимость же прокуратуры отъ генералъ-прокурора была существенно поколеблена

Кромѣ того, желая упрочить независимость судебной защиты, составители Судебныхъ Уставовъ передали эту защиту самостоятельному товариществу повѣренныхъ, которое, не завися фактически отъ судебной власти, составило тоже особую замкнутую, монопольную корпорацію, самое себя контролирующую.

Во главѣ этой судебной федерации, не связанной даже внутреннимъ единствомъ, поставлена была кассаціонная инстанція, ограниченная въ своей дѣятельности разсмотрѣніемъ доходящихъ до нея дѣлъ лишь съ формальной точки зрѣнія, но не по существу, а въ дисциплинарномъ отношеніи вооруженная только правомъ дѣлать судьямъ безобидныя продостереженія.

Хотя органы новой судебной организаціи обязаны были дѣйствовать по закону, но только номинально, ибо, въ частности, присяжнымъ засѣдателямъ вмѣнено было прежде всего, и даже единственно руководствоваться своею совѣстію, прокурорамъ, наряду съ закономъ, своимъ личнымъ убѣжденіемъ, а мировымъ судьямъ, кромѣ закона и личнаго убѣжденія, еще обычаями, никѣмъ никогда не собранными и не констатированными; наконецъ, самимъ судьямъ предоставлено было примѣнять законы по общему ихъ разуму, а затѣмъ, какъ судьи такъ и прокуроры, и въ особенности слѣдователи, избавлены были отъ какихъ бы то ни было обязательныхъ правилъ при сужденіи о доказательствахъ. Что же касается до судебной защиты, то она не стѣснена была ни закономъ, ни правилами о доказательствахъ, ни личнымъ убѣжденіемъ, ни обычаями.

При такой независимости органовъ суда не только отъ государственной власти, но и отъ закона, правильность ихъ дѣйствій должна была обезпечиваться тѣмъ, что всѣ судебные чины должны были, по предположенію составителей Судебныхъ Уставовъ, принадлежать къ особому разряду „лучшихъ людей“. Для этихъ лучшихъ людей даже серіозное юридическое образованіе не было признано безусловно необходимымъ: для коронныхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ признано было достаточнымъ только окончаніе курса по юридическому факультету или въ Школѣ Правовѣдѣнія, безъ тѣхъ повторительныхъ испытаній, которыя установлены въ другихъ образованныхъ государствахъ при поступленіи на судебныя должности; но вмѣстѣ съ тѣмъ открытъ былъ доступъ на должность коронныхъ судей и прокуроровъ

такимъ лицамъ, которыя вовсе не обучались праву. *) Выборъ мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, необезпеченный достаточно даже имущественнымъ цензомъ, предоставленъ былъ слѣпому случаю.

Искусственность такой судебной организаціи, непрочность ея основаній были очевидны для многихъ еще при введеніи Судебныхъ Уставовъ; но на это тогда возражали, что Уставы вводятъ къ намъ тѣ самые порядки, которые будто бы уже давно и съ успѣхомъ существуютъ въ опередившихъ насъ государствахъ Запада, составляя послѣднее слово науки.

При внимательномъ однако разсмотрѣніи Судебныхъ Уставовъ легко было убѣдиться, что, хотя отдѣльныя черты ихъ и были заимствованы съ Запада, но совокупность всѣхъ этихъ заимствованій сведена была у насъ въ такую своеобразную систему, которой мы нигдѣ на Западѣ не находимъ, не только въ Англіи, Германіи, Италіи и Австріи, но даже во Франціи—даже тамъ судьи подчинены общегосударственной дисциплинѣ, мировые судьи не избираемы и смѣняемы, слѣдователи назначаются изъ наиболѣе опытныхъ судей и тоже смѣняемы, а присяжные засѣдатели избираются при участіи органовъ правительства, присяжная же адвокатура вовсе не имѣетъ характера монополіи. Что же касается до утвержденія, будто наша судебная реформа—послѣднее слово науки, то окончательный отзывъ о ней Миттермайера, приведенный нами въ своемъ мѣстѣ, разбиваетъ и это мнѣніе.

На всѣ эти обстоятельства не было обращено, при введеніи судебной реформы, ни малѣйшаго вниманія: независимость суда отъ государственной власти, и связь суда съ мѣстнымъ общественнымъ самоуправленіемъ застилали всѣмъ глаза самымъ непроницаемымъ туманомъ, и всѣ въ одинъ голосъ защищали до послѣдней буквы Судебные Уставы, пророча имъ несомнѣнный успѣхъ на практикѣ.

---

*) Вотъ составъ Тверскаго окружнаго суда не далѣе какъ въ 1882 году. Засѣдавшіе въ немъ судьи получили образованіе: въ губернской гимназіи, въ духовной семинаріи, въ артиллерійскомъ училищѣ, въ аудиторской школѣ, въ Горигорѣцкомъ земледѣльческомъ училищѣ; одинъ получилъ только домашнее воспитаніе, и—*ни одного юриста*. И гдѣ же это? въ одномъ изъ бойкихъ губернскихъ центровъ, на близкомъ разстояніи отъ обѣихъ столицъ. См. журналъ *Гражд. и Угол. права*, изд. С.-Петербургскимъ Юридическимъ Обществомъ 1886 года, книга девятая, стр. 155.

Но это-то пророчество и оправдалось всего менѣе.

Двадцатилѣтній опытъ Судебныхъ Уставовъ обнаружилъ во очію слѣдующіе капитальные недостатки судебной реформы 1864 года:

1. Выдѣленіе суда изъ государственной власти привело къ ослабленію среди судебнаго вѣдомства не только дисциплины, но и отвѣтственности.

2. Слѣдователи, по неопытности и по обширности предоставленной имъ власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по отсутствію должнаго контроля, проявили, съ одной стороны, возмутительный произволъ, а съ другой, поразительную неумѣлость въ исполненіи своихъ спеціальныхъ обязанностей.

3. Прокуроры, составляя наиболѣе удачно организованную часть судебной реформы, не могли, однако, при ослабленіи ихъ собственной отвѣтственности предъ генералъ-прокуроромъ, принести ожидаемой отъ нихъ пользы.

4. Присяжные повѣренные, сгруппированные въ независимыя и монопольныя корпораціи, далеко не заслужили довѣрія кліентовъ своею подвижною совѣстью при веденіи дѣлъ, и всего болѣе способствовали своею софистикой къ затемнѣнію основныхъ началъ правосудія, какъ на судѣ, такъ и въ самомъ обществѣ.

5. Вердикты присяжныхъ, случайно набранныхъ, а въ большинствѣ случаевъ крайне не развитыхъ или тенденціозныхъ, оказались, кромѣ рѣдкихъ исключеній, въ противорѣчіи не только съ фактами, но и со справедливостью, а иногда и съ простымъ здравымъ смысломъ.

6. Мировой судъ сдѣлался товарищескимъ самосудомъ, а избраніе мировыхъ судей—дѣломъ мѣстныхъ интригъ, вслѣдствіе чего мировые судьи стали избранниками и послушными орудіями хотя и вліятельнаго, но далеко не всегда добросовѣстнаго меньшинства мѣстныхъ жителей.

7. При такихъ обстоятельствахъ, законъ, вслѣдствіе дозволенія судебнымъ органамъ толковать его по общему разуму, утратилъ свой обязательный авторитетъ и сведенъ былъ на самую талмудическую казуистику, а право смягченія наказаній и помилованія перешло отъ верховной власти къ судьямъ и присяжнымъ.

8. Высшая кассаціонная инстанція, ничѣмъ не связанная съ государственною властью, исключительно формальная, а въ дисциплинарномъ отношеніи совершенно безсильная, оказалась въ своей руководящей дѣятельности крайне пассивною и колеблющеюся.

9) Юридическое образованіе, при слабомъ требованіи онаго отъ судебныхъ чиновъ, при упадкѣ авторитета закона и господствѣ самой формальной казуистики, нисколько не усилилось со времени судебной реформы, уступивъ свое мѣсто въ обществѣ, а нерѣдко и на судѣ, разнымъ спорнымъ и даже превратнымъ воззрѣніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ юриспруденціей.

Таковы практическія послѣдствія тѣхъ началъ, которыя введены были въ 1861—1864 году теоретиками судебной реформы въ первоначальные проекты графа Блудова.

Эти новыя судебныя неустройства замѣнили судебныя неустройства дореформенной эпохи. Сравненіе тѣхъ и другихъ было бы совершенно излишне, ибо цѣль совершенной въ 1864 году судебной реформы заключалась не въ замѣнѣ прежнихъ неустройствъ новыми, а въ томъ, чтобы по возможности устранить препятствія къ правильному отправленію правосудія.

Но достигнута ли эта цѣль?

Ближайшимъ послѣдствіемъ возникшихъ съ 1864 года судебныхъ неустройствъ была не только необезпеченность гражданскихъ исковъ и интересовъ уголовнаго правосудія, но и нарушеніе единства и авторитета государственной власти, еще большее чѣмъ прежде ослабленіе силы закона и усиленіе казуистики, учащеніе безполезныхъ столкновеній судебныхъ учрежденій съ прочими вѣдомствами, парализованіе полиціи въ ея прямой задачѣ охраненія благочинія и внутренняго спокойствія.

Когда завѣдомые убійцы, воры и мошенники возвращаются изъ суда зачастую оправданными; когда порядочный человѣкъ долженъ отказываться отъ судебнаго иска, чтобы не имѣть дѣла съ кляузными частными повѣренными; когда приходится платить за веденіе дѣла адвокатамъ не въ примѣръ дороже, чѣмъ за потворство прежнимъ секретарямъ и столоначальникамъ; когда адвокаты доказываютъ безъ зазрѣнія на судѣ, что бѣлое черно и наоборотъ; когда всякій полицейскій чиновникъ, вмѣсто исполненія своихъ спеціальныхъ обязанностей, долженъ угождать прокурору и слѣдователю, чтобы не попасть нежданно негаданно подъ уголовный судъ; когда, наконецъ, лица не знакомыя съ правомъ могутъ попадать въ независимые отъ государственнаго надзора судьи, а просящіе нерѣдко милостыню присяжные—рѣшать вопросы о чести и свободѣ подсудимыхъ, когда все это возможно, то странно разсуждать какіе судебные недостатки сноснѣе: старые или новые?

Единственный въ этомъ случаѣ исходъ—прямо взглянуть въ глаза сложившимся на почвѣ реформы 1864 года недостаткамъ, и принять рѣшительныя мѣры къ ихъ искорененію, гораздо болѣе рѣшительныя и общія чѣмъ тѣ, которыя были доселѣ испытаны.

Отъ этихъ рѣшительныхъ мѣръ не пострадаютъ ни гласность, ни устность, ни состязательность процесса, ни сокращеніе инстанцій, ни ограниченіе силы формальныхъ доказательствъ, ни достоинство и независимость суда. Напротивъ, всѣ эти благія начала, внесенныя въ нашу судебную реформу при графѣ Блудовѣ, не только при этомъ не померкнутъ, но еще воспрянутъ въ новомъ блескѣ, ибо тогда исчезнутъ всѣ тѣ вредныя, напосныя вліянія, которыя въ 1861—1864 годахъ исказили судебные проекты, внесенные въ Государственный Совѣтъ въ 1857—1861 годахъ.

III.

Основною задачей необходимыхъ дополненій и измѣненій въ Судебныхъ Уставахъ должно быть прежде всего возвращеніе суду его государственнаго характера.

Судъ не долженъ быть ни удѣломъ независимой отъ государственной власти корпораціи, ни принадлежностью общественнаго самоуправленія: судъ по существу своему долженъ быть непремѣннымъ аттрибутомъ верховной власти. Она одна, будучи поставлена выше всѣхъ, можетъ сообщать суду независимость отъ разныхъ внѣшнихъ вліяній, которымъ неизбѣжно подчиняются всѣ корпораціи, общества и частныя лица.

Опасаться, что верховная власть можетъ давать суду неправильное направленіе своимъ произволомъ или потворствомъ, могутъ только люди, знакомые съ теоріей государственнаго права, съ исторіей вообще, и въ частности съ исторіей Россіи лишь по поверхностнымъ газетнымъ статьямъ, или по вздорнымъ разговорамъ, въ которыхъ не въ мѣру преувеличиваются и обобщаются самые рѣдкіе случаи.

Конечно, могутъ быть случаи неправильнаго вмѣшательства лицъ власть имущихъ; но подобное явленіе всегда было, есть и будетъ исключительнымъ, безо всякаго вліянія на общее направленіе судебныхъ дѣлъ въ странѣ.

А въ сферѣ корпорацій, сословій и другихъ общественныхъ группъ развѣ не открытъ гораздо шире путь къ неправильнымъ вліяніямъ?

Государственная власть, по самой природѣ своей, имѣетъ въ виду интересъ общій, тогда какъ каждая корпорація, сословіе и отдѣльное общество имѣютъ свои особыя стремленія и предразсудки, преслѣдуя свои отдѣльныя выгоды подъ давленіемъ личныхъ интересовъ своихъ членовъ.

Вотъ почему судъ независимый и нелицепріятный можетъ быть только государственнымъ.

Но что такое государственный судъ?

Судъ не можетъ считаться государственнымъ, если его органы ограничиваютъ свои отношенія къ государственной власти *употребленіемъ* въ заголовкѣ своихъ рѣшеній *формулы*: „по указу Его Императорскаго Величества“, и *ссылкою* на законъ. Если въ этихъ рѣшеніяхъ законъ толкуется по личному усмотрѣнію судей, а сами судьи за свои неправильныя рѣшенія ничѣмъ и не передъ кѣмъ фактически не отвѣчаютъ, то такой судъ никакой связи съ государственною властью не имѣетъ.

Государственный судъ тотъ, который непосредственно исходитъ отъ государственной власти, обязанъ исполнять неуклонно установленные ею законы и находится подъ дѣйствительнымъ ея контролемъ.

Такой государственный судъ существуетъ во всѣхъ западныхъ конституціонныхъ государствахъ, и даже во французской республикѣ. Но по Судебнымъ Уставамъ 1864 года въ Россіи такого суда нѣтъ, ибо государственная власть, безъ согласія судебной корпораціи, не можетъ устранить нерадиваго судью, ни подвергнуть его взысканію за превратное толкованіе закона, ни контролировать неправильныя рѣшенія общественныхъ судей, какъ скоро на эти рѣшенія не принесена, по какимъ бы то ни было препятствіямъ, жалоба потерпѣвшими. Равнымъ образомъ государственная власть лишена у насъ всякаго права возстановлять и самыя вопіющія нарушенія правды и закона по всѣмъ почти уголовнымъ дѣламъ; даже право смягченія наказаній и помилованія подсудимыхъ предоставлено не ей, а общественнымъ судьямъ.

Дѣла не одного суда, но и всѣхъ вѣдомствъ рѣшаются на основаніи существующихъ узаконеній. Но чины всѣхъ вѣдомствъ, кромѣ судебнаго, іерархически подчинены государственной власти, ею назначаются и увольняются, находятся подъ ея высшимъ контролемъ и непосредственно предъ нею отвѣтственны. Судьи же, по Уставамъ 1864 года, хотя и обязаны рѣшать дѣла на основаніи существующихъ узаконеній, но имѣютъ право толковать эти

узаконенія по своимъ личнымъ воззрѣніямъ и обходить ихъ; кромѣ того, хотя они назначаются Высочайшими приказами и указами, но не подлежатъ, по усмотрѣнію верховной власти, увольненію, хотя бы они заявили себя крайнею нерадивостію и неспособностію; они состоятъ подъ контролемъ Сената, но и это учрежденіе, по дѣламъ судебнымъ, не можетъ считаться органомъ верховной власти, ибо, кромѣ назначенія сенаторовъ Высочайшими указами, Сенатъ ничѣмъ съ этою властію не связанъ, и постановляетъ свои опредѣленія, даже дисциплинарныя, помимо нея совершенно самостоятельно.

Такимъ образомъ, судьи не подчинены верховной власти іерархически и вовсе предъ нею неотвѣтственны; они—органы не государственной, но особой судебной власти, которая отъ государственной независима. Вслѣдствіе этого и ближайшій исполнительный органъ государственной власти по судебному вѣдомству, министръ Юстиціи, избирая кандидатовъ на судебныя должности для представленія ихъ на утвержденіе верховной власти, въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла не имѣетъ никакого вліянія на соблюденіе судебнымъ персоналомъ общегосударственной дисциплины: замѣтивъ какую-либо неправильность, онъ можетъ лишь представлять о ней на окончательное рѣшеніе Сената, а не верховной власти.

Устраненіе этихъ несообразностей въ отношеніи къ коронным судьямъ значительно облегчилось со времени учрежденія, въ силу закона 20 мая 1885 года, Высшаго Дисциплинарнаго присутствія въ составѣ Сената.

Вмѣсто ограниченія дисциплинарной власти Сената одними предостереженіями, этимъ закономъ признано было наконецъ нужнымъ усилить эту власть правомъ перемѣщенія и увольненія нерадивыхъ къ службѣ судебныхъ чиновъ.

Но этого еще недостаточно.

Необходимо, чтобы всѣ вообще дисциплинарныя мѣры были сосредоточены въ этомъ присутствіи, при непосредственномъ участіи министра Юстиціи, въ качествѣ ближайшаго органа верховной власти. Цѣль эта можетъ быть достигнута, безо всякой ломки существующихъ установленій, назначеніемъ министра Юстиціи предсѣдателемъ Высшаго Дисциплинарнаго присутствія, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ опредѣленія этого присутствія о предсѣдателяхъ, товарищахъ предсѣдателей и членахъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ были представляемы министромъ на окончательное благоусмотрѣніе верховной власти.

Такимъ образомъ, чины судебнаго вѣдомства перестали бы составлять независимую отъ государственной власти корпорацію: они были бы подчинены, подобно всѣмъ другимъ, общегосударственой дисциплинѣ, причемъ не только ихъ опредѣленіе, но и увольненіе, въ смыслѣ взысканія, исходило бы не отъ Сената, какъ главы судебной корпораціи, но отъ верховной власти, и министръ Юстиціи, какъ личный органъ этой власти, получилъ бы наконецъ то нормальное значеніе для судебнаго персонала, которое ему предоставлено въ другихъ странахъ, между прочимъ въ конституціонной Италіи и въ республиканской Франціи.

Что касается до чиновъ прокурорскаго надзора, то прямая ихъ зависимость отъ генералъ-прокурора достаточно обезпечена Судебными Уставами, не стѣсняющими генералъ-прокурора въ представленіи верховной власти объ увольненіи тѣхъ изъ нихъ, которые, по своей неудовлетворительной служебной дѣятельности, не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Поэтому всѣ практическія достоинства и недостатки прокурорскаго надзора обусловливаются удачнымъ выборомъ его чиновъ и энергическимъ за ними наблюденіемъ министра Юстиціи, на котораго единственно падаетъ и вся за нихъ отвѣтственность. Остается только выразить надежду, что въ будущемъ дисциплинарное наблюденіе за прокурорами будетъ серіознѣе, нежели со введенія судебной реформы до настоящаго времени, и что наши генералъ-прокуроры проявятъ наконецъ свою руководящую на этомъ поприщѣ дѣятельность болѣе всесторонними и существенными циркулярами, нежели какъ это было доселѣ.

Вообще прокурорскій надзоръ не составляетъ въ прямомъ смыслѣ судебнаго вѣдомства. Это учрежденіе, кромѣ своей спеціально обвинительной обязанности, представляется еще посредствующимъ звеномъ между судомъ и администраціей: на немъ лежитъ прямая обязанность не возбуждать между ними столкновеній и, не склоняясь безусловно на одну сторону, разъяснять безпристрастно обѣимъ спорные случаи, и наконецъ поддерживать во имя закона единство правительственой дѣятельности на мѣстахъ, какъ это было задачей дореформенныхъ прокуроровъ.

Но затѣмъ введенное Судебными Уставами подчиненіе прокурору полиціи по дѣламъ о производствѣ слѣдствій и дознаній едва ли можетъ быть долѣе сохраняемо. Мы уже знаемъ, какія вредныя послѣдствія возникли изъ двойнаго подчиненія полиціи ея непосредственному начальству и прокуратурѣ, какъ это двое-

началіе сковало полицейскую службу, уничтожило въ полиціи всякую самостоятельность, энергію и инціативу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что содѣйствіе полиціи при производствѣ слѣдствій вполнѣ необходимо; что первоначальныя дознанія никѣмъ не могутъ быть успѣшнѣе производимы, какъ чинами полиціи; что полиція въ этихъ случаяхъ должна дѣйствовать по указаніямъ прокурорскаго надзора и слѣдователей, а въ случаѣ упущеній при исполненіи этихъ обязанностей—должна отвѣчать и дисциплинарно, и по суду. Но изъ этого не слѣдуетъ, что полиція должна исполнять безусловно всѣ требованія слѣдователей и прокуроровъ и быть подчинена послѣднимъ: она обязана исполнять только ихъ опредѣленныя, точно обозначенныя въ законѣ требованія, а отвѣчать за свою дѣятельность по дѣламъ этого рода она должна только предъ своимъ прямымъ начальствомъ, какъ должностныя лица всѣхъ другихъ вѣдомствъ. Не надо забывать, что полиція должна исполнять законныя требованія не только судебныхъ, но и прочихъ учрежденій, которыя, въ случаѣ замѣченныхъ неисправностей, не имѣютъ однако права непосредственно взыскивать съ полиціи, но должны обращаться съ жалобами къ ея прямому начальству. Точно такъ должно быть и по обязанностямъ полиціи при производствѣ слѣдствій и дознаній. Если начальство полиціи не обращаетъ должнаго вниманія на жалобы прокурорскаго надзора, то послѣднему должно быть предоставлено, само собою разумѣется, право протеста передъ своимъ начальствомъ, отъ котораго и зависитъ сдѣлать, кому слѣдуетъ, необходимыя настоянія; но предоставлять прокурорскому надзору, помимо ея прямаго начальства, дѣлать полиціи внушенія и предостереженія, и возбуждать судебныя противъ нея преслѣдованія—совершенно несообразно, ибо выбираетъ чиновъ полиціи, имѣетъ за ними общее наблюденіе и несетъ за нихъ передъ высшимъ правительствомъ отвѣтственность не прокурорскій надзоръ, а то особое вѣдомство, которому подчинена полиція. Съ другой стороны, при подчиненіи полиціи прокурорамъ, они дѣлаются безконтрольными судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ: при такомъ порядкѣ могутъ быть возлагаемы на полицію и такія порученія, къ которымъ прокурорскій надзоръ вовсе не уполномоченъ. А двадцатилѣтняя практика уже доказала, что обращаемыя къ полиціи требованія прокуроровъ не всегда правильны, нерѣдко даже притязательны. Между тѣмъ Судебные Уставы вовсе игнорируютъ подобные случаи: соста-

вители этихъ уставовъ очевидно предполагали, что и прокуроры, и слѣдователи будутъ всегда изъ „лучшихъ людей“—безъ грѣховъ и безъ ошибокъ.

Вотъ почему было бы необходимо, вмѣсто подчиненія полиціи прокурорамъ, постановить, чтобы полиція обязана была исполнять, по производству слѣдствій и дознаній, только *законныя* требованія прокуроровъ и слѣдователей, и чтобы, въ случаѣ неправильнаго исполненія этихъ порученій, прокуратура обязана была обращаться къ начальству полиціи о принятіи мѣръ понужденія и взысканія.

Гораздо болѣе коренного преобразованія требуетъ институтъ слѣдователей. Эти чины, составляя первую ступень судебной іерархіи, назначаются изъ среды самыхъ молодыхъ людей, безъ малѣйшаго опыта. Несмѣняемость же, которою они сразу облекаются, и недостаточный контроль, которому они подчинены какъ со стороны суда, такъ и прокурорскаго надзора, ставятъ ихъ вполнѣ въ независимое и почти безотвѣтственное положеніе. Неизбѣжными послѣдствіями такого порядка оказались: незнаніе дѣла, небрежное къ нему отношеніе, ничѣмъ не оправдываемыя проволочки, произволъ, а въ результатѣ неудовлетворительность самыхъ слѣдствій, затрудняющая какъ составленіе обвинительнаго акта, такъ и всю судебную процедуру.

На Западѣ производство слѣдствій поручается не слѣдователямъ *на правахъ судей*, но *судьямъ*, дѣйствительно исполнявшимъ свои обязанности. Это—особое порученіе, которое возлагается на судей разныхъ инстанцій, смотря по важности подлежащихъ изслѣдованію закононарушеній. Только во Франціи существуютъ, для производства слѣдствій, спеціальные судебные чины: слѣдственные судьи, назначаемые министромъ Юстиціи изъ старыхъ, наиболѣе опытныхъ судей окружныхъ судовъ, хотя и тамъ это назначеніе имѣетъ характеръ порученія, ибо отъ министра Юстиціи зависитъ и уволить слѣдственнаго судью, сохраняющаго при этомъ, на общемъ основаніи, лишь должность обыкновеннаго судьи. Затѣмъ въ Швеціи, Даніи и Норвегіи слѣдственная часть поручена прокурорскому надзору, при непосредственномъ содѣйствіи полиціи.

Такимъ образомъ, нигдѣ, кромѣ Россіи, слѣдственная часть не поручается неопытной, начинающей свою карьеру молодежи, и нигдѣ слѣдственныя обязанности сами по себѣ не составляютъ несмѣняемой должности.

Чтобы вывести нашу слѣдственную часть изъ ея настоящаго, неудовлетворительнаго положенія, необходимо принять во вниманіе, что эта часть, по мѣстнымъ условіямъ, находится у насъ въ совершенно особомъ положеніи, почему и примѣры Запада не могутъ быть примѣнены къ ней безусловно. При обширности нашей территоріи и разбросанности населенія, при относительной малочисленности населенныхъ центровъ, постоянное командированіе судей на слѣдствія сопряжено съ огромными затрудненіями. Поэтому такое отряженіе судей можетъ имѣть у насъ мѣсто только въ особенно важныхъ случаяхъ; для слѣдствій же по менѣе важнымъ, но болѣе многочисленнымъ закононарушеніямъ должны быть сохранены теперешніе постоянные слѣдователи. Но эти послѣдніе, не имѣя судебной опытности, не должны быть самостоятельны, а посему должны находиться подъ непосредственнымъ руководствомъ болѣе опытныхъ должностныхъ лицъ.

Поэтому представляется полезнымъ производство слѣдствій обо всѣхъ случаяхъ насильственной смерти и о разбоѣ, затѣмъ о воровствѣ и мошенничествѣ, совершаемыхъ при содѣйствіи нѣсколькихъ лицъ, далѣе о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ и о фальшивой монетѣ, равно о подлогахъ, о преступленіяхъ по должности и объ общественныхъ безпорядкахъ соединенныхъ съ насиліемъ, возлагать, въ формѣ особыхъ порученій, на судей, а производство прочихъ слѣдствій оставить на обязанности слѣдователей, отмѣнивъ присвоенную имъ судейскую несмѣняемость и подчинивъ ихъ контролю пребывающихъ въ каждомъ уѣздѣ товарищей прокуроровъ окружнаго суда.

Наконецъ, давно уже пора обратить вниманіе на огражденіе подслѣдственныхъ лицъ отъ произвола самихъ слѣдователей. Необходимость подобной гарантіи доказана уже двадцатилѣтнимъ опытомъ. Этой цѣли всего легче достигнуть привлеченіемъ къ участію въ слѣдственной процедурѣ, по крайней мѣрѣ по наиболѣе важнымъ закононарушеніямъ, депутатовъ отъ тѣхъ сословій и учрежденій, къ которымъ принадлежатъ обвиняемые, какъ это и было до судебной реформы.

IV.

Переходя къ общественнымъ органамъ суда, мы остановимся прежде всего на институтѣ присяжныхъ повѣренныхъ.

Излишне повторять здѣсь о той несостоятельности, которую проявилъ этотъ институтъ на практикѣ въ теченіе своего двадцатилѣтняго существованія.

Вникая въ дѣятельность этого института, легко убѣдиться, что вся его несостоятельность обусловливается главнымъ образомъ тою корпоративно-привиллегированною организаціей, которая дана ему Судебными Уставами 1864 года.

Вообще привиллегированная, монопольная, самосудная, а потому и не состоящая подъ высшимъ контролемъ корпорація, — это средневѣковая, отжившая форма. Она была полезна въ свое время, когда, при отсутствіи правильной организаціи общественныхъ функцій, требовалось искусственное ихъ сосредоточеніе подъ охраной особыхъ привилегій. Но въ XIX вѣкѣ эта форма утратила уже свое полезное значеніе и только задерживаетъ нормальное развитіе гражданскихъ отношеній. Опытъ доказалъ, что монополія и самосудъ, особенно у насъ, самыя вредныя школы. Корпоративная организація не возвысила юридическаго уровня нашихъ адвокатовъ; корпоративный надзоръ не уничтожилъ, но лишь закрѣпилъ въ нихъ нравственный индифферентизмъ, не внѣдрилъ въ нихъ уваженіе къ законности, но только усилилъ въ нихъ самую бездушную, самую формальную казуистику, и до такой степени мало внушилъ къ нимъ довѣрія со стороны общественныхъ сферъ, что слово присяжный повѣренный стало почти браннымъ. То корпоративное устройство, которое имѣетъ адвокатура у насъ, существуетъ только во Франціи, но и тамъ она не имѣетъ присвоенной ей у насъ монополіи; во всѣхъ другихъ государствахъ Запада адвокаты имѣютъ характеръ ученаго братства, но безо всякихъ привиллегій, состоя подъ непосредственнымъ контролемъ судебной власти.

Къ такому положенію должна придти и наша адвокатура, и это необходимо не только въ интересѣ истцовъ, отвѣтчиковъ и подсудимыхъ, но и въ ея собственныхъ интересахъ. Нѣтъ никакихъ причинъ препятствовать адвокатамъ группироваться въ товарищества, состоящія при судебныхъ палатахъ; но право возводить въ званіе адвоката не должно быть имъ предоставлено, и менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можетъ быть у насъ имъ дано право самосуда. Званіе присяжнаго повѣреннаго, состоящаго при извѣстномъ судебномъ округѣ, не частная профессія, но своего рода судебная должность, а потому допущеніе къ ней и взысканіе за неисполненіе возлагаемыхъ ею обязанностей должно зависѣть

только отъ государственной власти, представляемой въ этомъ случаѣ судомъ.

При этихъ условіяхъ адвокаты будутъ отвѣтственны не другъ передъ другомъ, а передъ закономъ, какъ органы судебной организаціи; ихъ дѣятельность будетъ урегулирована не товарищескимъ снисходительнымъ контролемъ, но контролемъ отъ нихъ независимымъ, а потому и болѣе дѣйствительнымъ. Къ такому контролю и общественное мнѣніе отнесется гораздо довѣрчивѣе, чѣмъ къ контролю теперешнихъ совѣтовъ, несостоятельность которыхъ стала для всѣхъ очевидною.

Такимъ образомъ, адвокатура утратитъ характеръ частной монополіи и получитъ характеръ отвѣтственной передъ закономъ должности.

Если адвокатура, составляя необходимое звено суда по западному образцу, можетъ быть преобразована, то нельзя того же сказать объ институтѣ присяжныхъ засѣдателей. Этотъ институтъ и на Западѣ существуетъ не вездѣ; но и тамъ, гдѣ онъ существуетъ, онъ доселѣ возбуждаетъ затрудненія и сомнѣнія. Даже въ Англіи, гдѣ онъ возникъ давно, онъ встрѣчаетъ сомнѣнія въ юридической литературѣ, несмотря на то, что тамъ онъ по своей организаціи представляетъ такія гарантіи для правильнаго веденія дѣла, какъ нигдѣ на континентѣ.

У насъ же этотъ институтъ, какъ доказалъ двадцатилѣтній опытъ, вполнѣ несостоятеленъ. И эта несостоятельность объясняется не тѣмъ, что составители Судебныхъ Уставовъ 1864 года дали нашему институту присяжныхъ ту крайнюю форму, которой онъ не имѣетъ нигдѣ, даже во Франціи: эти крайности были значительно сглажены правилами 12 іюня 1884 года, но обстоятельство нисколько не помогло дѣлу. Нѣтъ, непримѣнимость присяжныхъ къ Россіи коренится не въ той или другой формѣ этого института, а въ его существенныхъ свойствахъ. Присяжные—это судъ общественный, а не тотъ государственный судъ, который у насъ сложился исторически и доселѣ существуетъ въ сознаніи народа; это судъ не по закону, а по изволенію взятой съ улицы толпы, никому не внушающей довѣрія; это судъ для обѣленія убійцъ, воровъ и мошенниковъ, какъ скоро въ составъ присяжныхъ случайно попадутъ люди почему-либо близкіе къ судимымъ преступникамъ; это даже и не судъ, но послушная машина, раздающая наказанія и помилованія по указкѣ софистовъ-адвокатовъ, или уже совсѣмъ слѣпая лотерея.

Мы въ своемъ мѣстѣ достаточно ознакомились съ вердиктами присяжныхъ, взятыхъ безразлично изъ темной массы и изъ такъ-называемой интеллигенціи, и полагаемъ, что та ампутація этого института, которой такъ опасался г. Спасовичъ *), уже вполнѣ необходима и неизбѣжна.

Государственный судъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, можетъ достигать своей цѣли, если онъ будетъ судомъ по закону, а не по совѣсти, столь туманно и различно понимаемой ея „общественными представителями“; мы нисколько не раздѣляемъ распространяемыхъ защитниками института присяжныхъ опасеній, будто законники способны только засудить человѣка, руководствуясь формальною рутиной. Какъ будто законъ состоитъ лишь изъ формъ, ведетъ только въ рутинѣ, какъ будто законъ непремѣнно въ противорѣчіи какъ съ совѣстью, такъ и съ фактами? Не останавливаясь на подобныхъ возраженіяхъ, которыя, къ сожалѣнію, перешли у насъ изъ газетныхъ фельетоновъ даже въ юридическую литературу, обратимся прямо къ вопросу: чѣмъ можетъ быть у насъ замѣненъ институтъ присяжныхъ?

Уголовныя дѣла рѣшаются на основаніи фактовъ и законовъ. Эксперты въ законахъ—это судьи. Хотя званіе судьи нисколько не исключаетъ трезвой оцѣнки фактовъ, но самое пониманіе этихъ фактовъ, ихъ внутренняго содержанія, требуетъ часто особой житейской опытности, естественными представителями которой, въ качествѣ своего рода экспертовъ, могутъ быть лица, пребывающія въ водоворотѣ житейскихъ отношеній. Участіе подобныхъ лицъ при обсужденіи преступленій безусловно полезно, но не отдѣльно отъ судей, а совокупно съ ними, причемъ и тѣ и другіе взаимно другъ друга пополняютъ. Тѣмъ не менѣе и эти эксперты фактической стороны преступленія не должны быть безотвѣтственными дилеттантами поручаемой имъ обязанности. Кромѣ того, чтобъ они могли разумно исполнять свои обязанности, они должны быть избраны не случайно изъ общей массы гражданъ, но изъ тѣхъ обособленныхъ общественныхъ группъ, члены которыхъ другъ друга знаютъ, а потому могутъ сознательно выбирать изъ своей среды наиболѣе способныхъ.

Въ этой именно формѣ выражается участіе гражданъ въ уголовномъ судѣ на Западѣ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ институтъ присяжныхъ не признается ни необходимымъ, ни полезнымъ, и

*) По поводу кассаціоннаго разсмотрѣнія дѣла Мельницкаго въ Сенатѣ въ 1884 году.

въ этой же формѣ оно можетъ быть возстановлено у насъ; мы говоримъ возстановлено, потому что до судебной реформы 1864 года у насъ существовали для этой цѣли самые подходящіе историческіе задатки: таковы были сословные засѣдатели въ судебныхъ учрежденіяхъ до-реформенной эпохи. Они избирались отдѣльными сословіями; правда, и эти выборы бывали нерѣдко неправильными, но они во всякомъ случаѣ были состоятельнѣе всесословныхъ. Съ другой стороны, сословные засѣдатели, избиравшіеся на нѣсколько лѣтъ, осваивались во всякомъ случаѣ гораздо болѣе съ дѣлами, нежели присяжные засѣдатели: засѣдая въ одной съ судьями коллегіи, обсуждая дѣла совокупно съ юристами, они знакомились и съ требованіями закона, а состоя вмѣстѣ съ судьями подъ общимъ контролемъ государственной дисциплины, они несли на себѣ и общую всѣмъ должностнымъ лицамъ отвѣтственность *).

Несомнѣнное усиленіе образованности въ послѣднее двадцатилѣтіе среди нашихъ сословій, особенно высшихъ, а съ другой стороны, послѣдовавшее съ 1861 года упраздненіе тѣхъ изъ сословныхъ привилегій, которыя отжили свой вѣкъ, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что сословные засѣдатели были бы теперь гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ прежде, и даже менѣе чѣмъ прежде могли бы быть заподозрѣны, по судебнымъ дѣламъ, въ сословной односторонности.

При такихъ условіяхъ выбора сословныхъ засѣдателей, включеніе ихъ въ составъ суда и совмѣстное обсужденіе ими дѣлъ съ коронными судьями будетъ имѣть вліяніе и на улучшеніе пріемовъ защиты, которая не будетъ болѣе въ состояніи разсчитывать на случайную впечатлительность обособленныхъ отъ суда присяжныхъ, и принуждена будетъ, вмѣсто эффектной фразеологіи и софистики, прибѣгать къ аргументамъ болѣе состоятельнымъ и фактическимъ.

---

*) Вообще наши сословные засѣдатели представляли исторически значительную аналогію съ шеффенами, доселѣ еще существующими въ низшихъ судахъ въ сѣверной Германіи. Извѣстна попытка Германскаго правительства нѣсколько лѣтъ тому назадъ замѣнить шеффенами даже институтъ присяжныхъ; попытка эта потерпѣла неудачу въ рейхстагѣ не по юридической своей несостоятельности, но исключительно вслѣдствіе противодѣйствія чисто политическаго свойства: нѣмецкіе либералы и радикалы, пропитанные французскими идеями о народодержавіи, воспротивились ей какъ мѣрѣ, ограничивающей яко бы права народа въ дѣлѣ суда.

Коренному преобразованію долженъ подлежать и мировой судъ, организація, составъ и процедура коего не удовлетворили, какъ доказалъ двадцатилѣтній опытъ, ожиданіямъ самихъ составителей Судебныхъ Уставовъ 1864 года, и всего менѣе потребностямъ самаго элементарнаго правосудія.

Основная ошибка мироваго института заключается не только въ выдѣленіи его изъ государственнаго суда, но и въ томъ, что мѣстный судъ признанъ аттрибутомъ мѣстнаго, избирательнаго самоуправленія. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни въ Италіи, ни во Франціи.

Не обладая достаточно ни имущественнымъ, ни образовательнымъ цензомъ, выбираемые господствующею въ мѣстномъ земствѣ партіей и совершенно предъ нею безгласные, не связанные закономъ и контролируемые лишь товарищескимъ самосудомъ, наши мировые судьи всего менѣе представляютъ качества, необходимыя для органовъ суда: незнакомые съ дѣломъ и краткосрочные, они, даже при полной доброй волѣ со своей стороны, не могутъ удовлетворять возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ.

Мѣстные судьи, какъ и всякіе другіе, должны быть подчинены въ инстанціонномъ порядкѣ общимъ судамъ, а не товарищескому самосуду, и поставлены въ независимое положеніе отъ мѣстныхъ интригъ и искательствъ. Отсюда слѣдуетъ, что мѣстные судьи, подобно прочимъ, должны быть не избираемы, но назначаемы правительствомъ; кромѣ того, должность эта должна быть не срочная, но постоянная,—какъ это мы и видимъ въ другихъ странахъ. Между судьями общихъ судовъ и судьями мѣстными можетъ быть только слѣдующее различіе: первые должны быть непремѣнно изъ юристовъ, а вторые—прежде всего знакомы съ мѣстными условіями. Такъ какъ это послѣднее условіе не всегда у насъ совмѣщается съ юридическимъ образованіемъ, то мѣстные судьи могли бы быть назначаемы изъ числа тѣхъ мѣстныхъ обывателей, которые по крайней мѣрѣ удовлетворяютъ извѣстному общеобразовательному и нѣсколько значительному имущественному цензу.

Такимъ образомъ было бы весьма цѣлесообразно назначеніе мѣстныхъ судей, завѣдующихъ гораздо менѣе обширною юрисдикціей, нежели судьи общихъ судовъ, предоставить министру Юстиціи изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и обладающихъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ въ томъ же уѣздѣ или по крайней мѣрѣ въ той же губерніи, куда они пред-

назначены. Представленіе же министру Юстиціи кандидатовъ на эту должность можетъ быть возложено, по соглашенію съ губернскимъ предводителемъ дворянства и прокуроромъ судебной палаты, на губернатора, какъ высшаго представителя правительственной власти въ губерніи, имѣющаго посему возможность судить о нравственной и политической благонадежности кандидатовъ. Назначенные этимъ порядкомъ мѣстные судьи обязаны подчиняться общей всѣмъ судьямъ дисциплинѣ и, подобно послѣднимъ, состоять въ вѣдѣніи высшаго дисциплинарнаго присутствія.

Что же касается жалобъ на рѣшенія мѣстныхъ судей, то подраздѣленіе этихъ жалобъ на кассаціонныя и аппелляціонныя, столь неясное для истцовъ и отвѣтчиковъ и столь неуловимое при сокращенномъ судопроизводствѣ, нисколько не обусловливается необходимостью, усложняя лишь движеніе дѣлъ: одна аппелляціонная процедура совершенно достаточна въ этомъ случаѣ.

На этомъ основаніи жалобы на всѣ единоличные приговоры мѣстныхъ судей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ слѣдовало бы разсматривать въ періодическомъ съѣздѣ мѣстныхъ судей уѣзда, подъ предсѣдательствомъ особо командируемаго каждый разъ члена или товарища предсѣдателя окружнаго суда, и при обязательномъ присутствіи мѣстнаго товарища прокурора. Эта мѣра освободила бы и кассаціонные департаменты Сената отъ непосильнаго обремененія ихъ мелкими мѣстными дѣлами.

Далѣе, мѣстнымъ судьямъ не должно быть предоставлено права начинать преслѣдованіе виновныхъ по собственному усмотрѣнію: для возбужденія судебнаго преслѣдованія существуютъ по закону другіе, болѣе правильные пути, а возбужденіе преслѣдованія по собственному усмотрѣнію даетъ судьѣ власть, граничащую съ произволомъ.

Наконецъ, мы полагаемъ, что въ мѣстномъ судѣ, при маловажности дѣлъ и сокращенности процедуры, истцы, отвѣтчики и подсудимые могутъ безо всякаго неудобства лично защищать свои иски и опровергать обвиненія. Особая защита необходима въ общихъ судахъ, гдѣ требуется знаніе законовъ, гдѣ предъявляются и оцѣниваются спорные документы, гдѣ возникаютъ сложныя дѣла и обвиненія. Въ мѣстномъ судѣ нѣтъ ничего подобнаго; тамъ судья совмѣщаетъ въ себѣ роль не только обвинителя, но и защитника. Между тѣмъ опытъ доказалъ, что неурядица мироваго суда происходитъ, между прочимъ, и отъ прилива безграмотныхъ или полуграмотныхъ адвокатовъ, которые

изъ собственныхъ выгодъ подбиваютъ зачастую истцовъ къ самымъ кляузнымъ дѣламъ. Поэтому можно допустить въ мѣстномъ судѣ защиту по довѣренности только въ видѣ исключенія, въ случаѣ отсутствія истцовъ, но не болѣе того, и отнюдь не по дѣламъ уголовнымъ *).

V.

Предлагаемыя измѣненія въ судебной организаціи могутъ имѣть полезный результатъ только при двухъ условіяхъ: если вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ возстановленъ въ судебныхъ дѣлахъ авторитетъ закона, и если будутъ приняты необходимыя мѣры къ подъему юридическаго образованія судей и прокуроровъ.

Выше мы уже замѣтили, что Судебные Уставы требуютъ отъ судебныхъ органовъ, чтобъ они руководствовались закономъ, но въ то же время предоставляютъ судьямъ руководствоваться и *общимъ его смысломъ*, а прокурорамъ, кромѣ закона, еще *личнымъ убѣжденіемъ*; отъ мировыхъ судей требуется, чтобъ ихъ рѣшенія только *не противорѣчили закону*, и дозволяется еще рѣшать дѣла, по заявленію одной изъ сторонъ, на основаніи *обычая*; слѣдователи не ограничены даже *правилами о доказательствахъ*, а присяжные повѣренные и присяжные засѣдатели поставлены въ такое положеніе, что могутъ давать свои отзывы вопреки всякому закону.

Понятно, что законъ потерялъ такимъ образомъ свой господствующій авторитетъ предъ неопредѣленнымъ общимъ смысломъ, предъ разнообразными личными убѣжденіями, предъ никому неизвѣстными обычаями, предъ правомъ принимать за юридическія доказательства все, что̀ угодно и предъ отвлеченными велѣніями измѣнчивой общественной совѣсти.

Законъ сталъ примѣняться не единообразно, безконтрольно и нерѣдко произвольно, по индивидуальному усмотрѣнію органовъ судебной власти. Примѣненіе закона въ этомъ смыслѣ не всегда даже встрѣчало противодѣйствіе со стороны кассаціонныхъ департаментовъ Сената, которые сами, какъ мы видѣли, не разъ давали закону весьма противорѣчащія толкованія.

---

*) По наблюденію автора въ Англіи, во Франціи, въ Италіи и въ Швейцаріи стороны и подсудимые почти никогда не имѣютъ защитниковъ въ мировыхъ судахъ.

И вотъ, вмѣсто закона возникла самая многосложная, самая формальная казуистика, которая, сбивая судей и присяжныхъ засѣдателей, оказалась сподручною лишь для одной адвокатской софистики.

При такомъ порядкѣ вещей самое понятіе о правѣ и справедливости поколебалось, что̀ и вызвало нескончаемый рядъ неправильныхъ рѣшеній въ ущербъ истцамъ и отвѣтчикамъ въ дѣлахъ гражданскихъ, въ ущербъ общественной нравственности и государственнымъ интересамъ въ дѣлахъ уголовныхъ.

Ни въ одномъ законодательствѣ на Западѣ не встрѣчается предписанія исполнять законъ по общему его разуму, или дѣйствовать по личному убѣжденію,—это такія отвлеченныя положенія, которыя умѣстны въ философскихъ разсужденіяхъ или въ кодексахъ морали, но немыслимы въ конкретной формѣ положительнаго закона, исполненіе коего сопряжено съ опредѣленною юридическою отвѣтственностью. Нигдѣ тоже не исключены такъ всецѣло правила о доказательствахъ, и всего менѣе въ Англіи. Наконецъ, только въ Англіи предоставлено судьямъ руководствоваться обычаями, но лишь такими, которые, въ силу давнишней судебной практики, точно опредѣлены и уже признаны въ силѣ закона.

Неправильность, скажемъ болѣе, очевидная несостоятельность нашей системы толкованія и исполненія законовъ нисколько не оправдывается несовершенствомъ нашихъ гражданскаго и уголовнаго кодексовъ. Ихъ усовершенствованіе возможно только въ порядкѣ законодательномъ, а не въ порядкѣ индивидуальныхъ усилій разныхъ чиновъ судебнаго персонала.

Законъ долженъ исполняться неуклонно и единообразно; но этого невозможно достигнуть, если исполнителю его предоставлено въ сферѣ суда понимать законъ то по общему смыслу, то по личному убѣжденію, то по неопредѣленному обычаю, то по совѣсти. Прогрессъ правосудія въ томъ и заключается, что судъ отъ обычаевъ и разнообразныхъ личныхъ воззрѣній переходитъ наконецъ въ сферу положительнаго закона, какъ окончательнаго, точно опредѣленнаго выраженія коллективнаго разума страны.

Въ Сводѣ Законовъ до сихъ поръ еще не отмѣнено правило: законъ исполняется по его разуму. Но и этого правила, особенно съ преобразованіемъ судебной части, недостаточно. Понятіе о разумѣ закона все еще черезчуръ неопредѣленно, и даетъ слишкомъ много произвола судебному толкованію. Было бы гораздо

целесообразнѣе принять болѣе точную терминологію: законъ долженъ быть исполняемъ не только по его разуму, но и въ его прямомъ смыслѣ; при этомъ необходимо еще категорически оговорить, что прямой смыслъ закона, въ случаѣ сомнѣнія въ немъ, долженъ быть разъясняемъ исключительно тѣми законодательными соображеніями, которыя имѣлись въ виду при изданіи закона. Эти соображенія доступны всякому судебному дѣятелю: они изложены въ Полномъ Собраніи Законовъ. Если принять эту, очевидно наиболѣе правильную систему толкованія законовъ, то тогда упразднится само собою руководство и неопредѣленнымъ общимъ смысломъ, и личнымъ убѣжденіемъ, и неяснымъ обычаемъ, и еще менѣе уловимымъ критеріемъ индивидуальной или общественной совѣсти. Но при этомъ необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство.

Въ Судебныхъ Уставахъ весьма правильно опредѣлено, что судьи, въ случаѣ уклоненія отъ постановленія приговора подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія въ законѣ, подлежатъ отвѣтственности, какъ за отказъ въ правосудіи. Но нельзя требовать отъ судей, чтобъ они подлежали отвѣтственности и за уклоненіе отъ постановленія приговоровъ не подъ предлогомъ, а по дѣйствительной неполнотѣ, неясности, недостатку или противорѣчію въ законѣ. Требовать отъ судей въ данномъ случаѣ приговора равносильно требованію приговора произвольнаго, основаннаго не на законѣ, а единственно на индивидуальныхъ, всегда болѣе или менѣе спорныхъ соображеніяхъ. Дополнять законъ, разъяснять законъ внѣ его законодательныхъ мотивовъ, можетъ и обязана только законодательная власть, а не судъ. И если при такой процедурѣ произойдетъ замедленіе въ разрѣшеніи процесса, то на это нельзя иначе смотрѣть, какъ на необходимое зло. Замедленіе въ рѣшеніи дѣла все же лучше, чѣмъ произвольное внѣзаконное его рѣшеніе. При этомъ, впрочемъ, должно принять во вниманіе, что такіе случаи не могутъ быть часты, ибо нельзя же серіозно утверждать, что всѣ наши гражданскіе и уголовные законы составляемы были зря, что всякій судья способенъ вѣрнѣе рѣшить подобный вопросъ, чѣмъ тѣ законодательныя учрежденія, которыя выработали законъ. Наступившій же наконецъ пересмотръ нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ будетъ несомнѣнно содѣйствовать тому, что подобные случаи будутъ возникать все рѣже и рѣже.

Съ другой стороны, двадцатилѣтній опытъ достаточно уже доказалъ, что произволъ слѣдователей, обвинителей и судей въ опредѣленіи силы судебныхъ доказательствъ составляетъ одну изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности нашего преобразованнаго процесса. Устранить это зло можно только принятіемъ тѣхъ правилъ о доказательствахъ, которыя были уже предложены при составленіи Судебныхъ Уставовъ 1864 года и вызвали одобреніе Миттермайера, но затѣмъ были такъ безцеремонно устранены теоретиками судебной реформы.

Не надо однако забывать, что правильное, объективное разумѣніе закона пріобрѣтается не однимъ усвоеніемъ существующихъ постановленій и ихъ законодательной мотивировки, и не одною практикой судебной службы: для того, чтобы уразумѣніе закона и его практики не было односторонне, необходима еще способность ко тому юридическому мышленію, которое достигается спеціально юридическимъ образованіемъ. Пониманіе и исполненіе закона, не оплодотворенное юридическимъ образованіемъ, ведетъ къ мертвенной казуистикѣ и ко всѣмъ сопряженнымъ съ нею злоупотребленіямъ, пустившимъ столь глубокіе корни въ нашихъ прежнихъ судахъ, гдѣ орудовали не образованные судьи, но секретари канцеляристы.

Судебная реформа 1864 года имѣла въ виду замѣнить секретарей судьями-юристами, но въ дѣйствительности она успѣла замѣнить секретарей судьями, которые далеко не всегда юристы. Произошло это потому, что теоретики судебной реформы, подчинивъ судъ не столько юридическому, сколько общественному контролю, отнеслись черезчуръ не требовательно къ спеціально образовательному цензу лицъ, постулающихъ въ судебное вѣдомство, задавшись мыслію пополнить судебный персоналъ не столько юристами въ настоящемъ смыслѣ этого слова, сколько вообще „лучшими людьми“.

Мало того: даже тѣ судьи, которые кончили курсъ юридическихъ наукъ, не будучи побуждаемы поддерживать свою юридическое образованіе пріобрѣтеніемъ новыхъ теоретическихъ свѣдѣній, успѣли позабыть заученную ими на школьной скамьѣ юридическую азбуку. И тѣ, и другіе, слабые въ юридическомъ мышленіи, не могли, по отзыву К. П. Побѣдоносцева, „не впасть въ такой узкій формализмъ, какого и въ прежнихъ судахъ не было“. Правда, были исключенія; встрѣчались судебные чины, не покидавшіе занятія наукой, участвовавшіе въ юридической литературѣ, чуждые мертвенной казуистики, но много ли было

такихъ? По мнѣнію В. Н. Муравьева, наша магистратура страдаетъ равнодушіемъ, умственною вялостью, сонливостью и нуждается еще въ поднятіи нравственнаго и умственнаго ея уровня *).

Конечно, возвысить сразу юридическій уровень нашей магистратуры силой закона нельзя. Для этого необходима самодѣятельность магистратуры. Тѣмъ не менѣе возможно принять мѣры, направленныя къ тому, чтобъ юридическое образованіе было не только conditio sine qua non судебной карьеры, но чтобъ юридическая азбука удерживалась въ памяти судебнаго персонала долѣе чѣмъ теперь. Для достиженія перваго условія необходимо постановить, чтобы лица не кончившія курса юридическихъ наукъ, вовсе не были назначаемы въ составъ магистратуры, прокуратуры и адвокатуры, а въ видахъ достиженія второй цѣли необходимо установить для лицъ, поступающихъ на должность членовъ и товарищей прокуроровъ окружныхъ судовъ, особыя испытанія, независимо отъ окончанія ими курса юридическихъ наукъ **).

Эта мысль объ особыхъ испытаніяхъ при полученіи судебной должности имѣлась въ виду и при составленіи Судебныхъ Уставовъ, но была отвергнута, такъ какъ осуществленіе ея на практикѣ представлялось почему-то чрезвычайно затруднительнымъ; кромѣ того, предполагалось, что не будетъ у насъ и достаточнаго въ наличности числа лицъ, окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ. Послѣднее препятствіе, какъ мы увидимъ ниже, оказалось только воображаемымъ; введеніе же новыхъ экзаменовъ кажется и доселѣ многимъ либеральнымъ юристамъ китайскою формальностью: но не надо забывать, что особые юридическіе

---

*) *Кандидаты на судебныя должности.* Гл. I, стр. 24 и гл. III, стр. 32.

**) Слѣователи, какъ было и до сихъ поръ, должны быть назначаемы изъ бывшихъ кандидатовъ на судебныя должности, но особый экзаменъ при назначеніи слѣдователемъ едва ли необходимъ, такъ какъ, по нашему предположенію, эта должность не должна быть самостоятельною, подлежа непосредственному руководству прокурорскаго надзора. Экзаменъ становится безусловно необходимымъ собственно при назначеніи слѣдователя на самостоятельную должность члена окружнаго суда и на крайне сложную и отвѣтственную должность товарища прокурора окружнаго суда.

Но само собою разумѣется, что кандидатами на судебныя должности должны быть назначаемы *безусловно* лица, окончившія курсъ юридическихъ наукъ въ университетѣ, въ школѣ Правовѣдѣнія или въ Демидовскомъ Лицеѣ.

экамены для лицъ, постулающихъ на судебную службу, существуютъ и признаются доселѣ необходимыми въ большей части западныхъ государствъ, несмотря на то, что въ отношеніи къ юридическому образованію, эти государства давно и далеко насъ опередили.

Мы полагаемъ, что испытанія для назначаемыхъ на судебныя должности лицъ было бы всего удобнѣе поручить особымъ коммиссіямъ при судебныхъ палатахъ, соетоящимъ подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя палаты, изъ члена палаты, предсѣдателя или товарища предсѣдателя окружнаго суда и представителя прокурорскаго надзора, съ приглашеніемъ въ составъ этихъ коммиссій одного или двухъ юридическихъ профессоровъ мѣстнаго университета. Экзаменъ долженъ быть, по нашему мнѣнію, преимущественно *практическій*, изъ государственнаго, уголовнаго, гражданскаго и торговаго права.

Тому же экзамену должны подвергаться лица, которыя пожелаютъ поступить въ число присяжныхъ повѣренныхъ; при испытаніи ихъ было бы не безполезно присутствіе старшаго представителя мѣстной адвокатуры.

При этомъ само собою разумѣется, что профессорамъ юридическихъ наукъ, а также лицамъ имѣющимъ степень магистра или доктора юридическихъ наукъ, долженъ быть открытъ доступъ къ судебной службѣ и къ публичной защитѣ безо всякихъ экзаменовъ и безъ предварительнаго стажа въ званіи кандидата на судебныя должности.

VI.

Въ числѣ преобразованій минувшаго царствованія, судебная реформа 1864 года отличается тѣмъ, что она менѣе всѣхъ другихъ реформъ сохранила въ себѣ духъ и формы прежнихъ учрежденій, и болѣе всѣхъ прочихъ реформъ ввела у насъ новыя начала и обычаи. Не менѣе другихъ реформъ потребовала она содѣйствія новыхъ силъ, внѣ оффиціальнаго персонала, и болѣе всѣхъ другихъ—людей со спеціальнымъ образованіемъ.

Въ странѣ, гдѣ въ силу предшествовавшаго историческаго развитія было всего менѣе юристовъ, понадобилось моментально юристовъ болѣе чѣмъ гдѣ либо, а юридическое образованіе сдѣлалось вдругъ какъ бы всеобщею насущною надобностію.

Такого внезапнаго запроса не было даже во Франціи, когда тамъ, въ началѣ революціи, прежнее судебное устройство было почти столь же внезапно замѣнено совершенно новымъ: эта реформа нашла тамъ готовую почву въ авторитетѣ Римскаго права, въ издавна существовавшей спеціальной литературѣ, въ традиціяхъ парламентской, хотя и упраздненной магистратуры и въ лицѣ прежнихъ адвокатовъ и прокуроровъ, занявшихъ столь видное мѣсто въ національныхъ собраніяхъ Франціи той эпохи.

Ничего подобнаго не было у насъ.

Единственнымъ подготовительнымъ элементомъ для осуществленія реформы оказались у насъ лишь тѣ чиновники прежнихъ судебныхъ учрежденій, которые окончили курсъ наукъ въ школѣ Правовѣдѣнія или по юридическому факультету въ шести университетахъ.

Хотя число этихъ лицъ не соотвѣтствовало вполнѣ потребностямъ реформы, но, при постепенномъ ея введеніи, количественный недостатокъ новаго персонала не былъ особенно чувствителенъ, благодаря постоянному приливу молодежи изъ означенныхъ заведеній, а равно изъ вновь возникшихъ юридическихъ факультетовъ въ Новороссійскомъ и Варшавскомъ университетахъ и изъ Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ.

Съ другой стороны эта потребность въ лицахъ съ юридическимъ образованіемъ имѣла естественнымъ послѣдствіемъ увеличеніе числа лицъ, кончившихъ курсъ юридическихъ наукъ въ *десяти* означенныхъ высшихъ школахъ *).

---

*) По вычисленію г. Фойницкаго (Курсъ уголовнаго права) цифра должностныхъ лицъ судейскаго званія въ девяти судебныхъ округахъ, безъ прокуратуры, равнялась къ 1884 году 10.000 человѣкамъ: но изъ нея надо исключить болѣе половины на долю участковыхъ и почетныхъ мировыхъ судей, для которыхъ юридическое образованіе не обязательно. Между тѣмъ по *Юридическому Календарю* на 1877 годъ общее число студентовъ по юридическому факультету составляло уже;

Въ 1866 году	.....	1.062
„ 1872 „	.....	2.719
„ 1875 „	.....	1.550

Но въ десятилѣтіе 1875—1885 годахъ число студентовъ на юридическихъ факультетахъ вновь возросло, и весьма значительно. Отсюда ясно, что судебная служба вполнѣ и давно обезпечена у насъ достаточнымъ контингентомъ лицъ, получившихъ юридическое образованіе. По *Русскому Календарю* за 1888 годъ число студентовъ юридическихъ факультетовъ въ русскихъ университетахъ, не считая Дерптскаго и Казанскаго, про-

Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый объемъ практическихъ свѣдѣній о судебномъ дѣлѣ значительно увеличился съ 1866 года не только между чинами судебнаго вѣдомства, но и во всѣхъ слояхъ общества вслѣдствіе публичности суда, газетныхъ отчетовъ и непосредственнаго участія въ судѣ многихъ членовъ самаго общества въ качествѣ мировыхъ судей, адвокатовъ и присяжныхъ засѣдателей.

Но возвышеніе уровня спеціальныхъ знаній выражается преимущественно въ качествѣ этихъ знаній, а не въ одномъ увеличеніи числа адептовъ извѣстной профессіи, привлекаемыхъ къ ней далеко не всегда внутреннимъ призваніемъ, но всего чаще матеріальными выгодами.

Тогда какъ во Франціи, Германіи, Англіи и Италіи ученая разработка права составляетъ обычную принадлежность представителей судебнаго вѣдомства, у насъ они участвуютъ въ юридической литературѣ почти въ видѣ исключенія, и большая часть юридическихъ сочиненій принадлежитъ профессорамъ. Но и въ этой ограниченной средѣ весьма рѣдко появлялись въ истекшемъ двадцатилѣтіи сочиненія съ авторитетомъ—по той простой причинѣ, что комплектъ юридическихъ каѳедръ съ конца лятидесятыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ отличался поразительною неполностью, а персоналъ профессоровъ далеко не всегда былъ удовлетворителенъ.

Затѣмъ, при ничтожности являющихся у насъ юридическихъ изданій, двѣ трети изъ нихъ состояли изъ сборниковъ и указателей, а остальныя изъ руководствъ, преимущественно практическихъ, равно какъ изъ мелкихъ монографій и переводовъ, такъ что общая теорія права остается почти не тронутою, причемъ право русское составляетъ предметъ обработки не систематической, но исключительно случайной, лишь по отрывочнымъ востребованіямъ судебной практики *).

стиралось до 3.755 въ годъ (по Варшавскому, Новороссійскому и Харьковскому взяты данныя за 1885 годъ, а по Московскому и Петербургскому за 1886 годъ).

	Сборниковъ и указателей.	Самостоятельныхъ сочиненій.	Всего.
*) Въ 1874 году издано.....	68	38	106
„ 1875 „ „	64	43	107
„ 1876 „ „	48	35	83

Конечно, появлялись отъ времени до времени весьма почтенные труды, но вліяніе ихъ было крайне ограничено при той тенденціозности, которая укоренилась въ нашей юридической литературѣ съ начала шестидесятыхъ годовъ **).

„ 1877	„	„	48	45	93
„ 1878	„	„	57	54	111
„ 1879	„	„	45	42	87
„ 1880	„	„	50	68	118
„ 1881	„	„	27	41	68
„ 1882	„	„	37	59	96

Свѣдѣнія за 1874—1876 годъ заимствованы изъ *Указателя по дѣламъ печати*, издававшагося Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, а свѣдѣнія за 1877 — 1882 годъ были сообщены автору В. Н. Муравьевымъ.

**) Нельзя терять изъ виду что, рядомъ съ серіозными трудами гг. Чичерина, Побѣдоносцева, Неклюдова, Таганцева и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, появлялись и пріобрѣтали у насъ гораздо болѣе значенія и такіе труды, въ которыхъ научная форма служила прикрытіемъ самаго ненаучнаго содержанія. Это въ особенности можно сказать объ *Учебникѣ Уголовнаго Права*, изд. профессоромъ Спасовичемъ въ 1863 году, и о *Курсѣ Уголовнаго Судопроизводства*, изд. профессоромъ Фойницкимъ въ 1884 году.

Г. Спасовичъ, отказываясь ото всякаго „абсолюта“ и отвергая всѣ „отвлеченности“, становится въ своемъ учебникѣ на почву „реализма“, ссылается на Ж. Ст. Милля и на П. Лаврова (стр. 50 — *Очерки вопросовъ практической философіи*), обусловливаетъ свободу воли зависимостью исключительно отъ внѣшнихъ вліяній, ограничиваетъ вмѣняемость до крайнихъ предѣловъ, отрицаетъ преступленія противъ религіи и противъ общественной нравственности (стр. 95 и 96), признаетъ корчесмтво, контрабанду, лѣсныя порубки въ лѣсныхъ губерніяхъ и нѣкоторыя преступленія противъ собственности—преступленіями фиктивными (стр. 149), требуетъ помилованія и прощенія для преступниковъ, если они дѣйствовали въ силу идеала болѣе высокаго чѣмъ тотъ, который выраженъ въ законѣ положительномъ (стр. 67), а настоянія о военной дисциплинѣ считаетъ „избитымъ до пошлости афоризмомъ“ (стр. 146—147).

Со своей стороны г. Фойницкій предлагаетъ въ своемъ курсѣ не объективныя, элементарныя начала уголовнаго процесса, но защищаетъ исключительно начала судебной реформы 1861—1864 годовъ въ ихъ крайнемъ развитіи, увѣряя, что институтъ присяжныхъ существуетъ въ Европѣ будто бы вездѣ кромѣ Турціи, отстаивая всѣ прелести „народнаго“ суда въ Россіи и сокрушаясь по случаю существованія еще у насъ *кабинетной юстиціи* (стр, 233), къ которой онъ относитъ: законы о печати, мѣры къ охраненію государственнаго спокойствія, а так-

Самый запросъ на самостоятельныя юридическія сочиненія оказывается у насъ весьма ограниченнымъ, что видно, между прочимъ, изъ того ничтожнаго числа экземпляровъ, въ которомъ они печатаются и изъ крайней рѣдкости вторыхъ изданій.

Спеціальная періодическая литература не пополняетъ этого пробѣла: изъ юридическихъ журналовъ, наименѣе спеціальный насчитываетъ не больше 2.000 подписчиковъ, наиболѣе спеціальный менѣе 1.000; а третій—еще менѣе.

До какой степени ничтожно у насъ число лицъ, посвящающихъ себя не преподаванію, а спеціальному изученію права, видно и изъ того, что въ составѣ нашего судебнаго персонала *доктора* и *магистры права*, то-есть юристы ученые, являются чрезвычайными единицами; эти ученыя степени стали у насъ на дѣлѣ только обязательною по закону принадлежностію университетскаго преподаванія, да и то не всегда. Самая защита докторской или магистерской диссертаціи составляетъ какъ бы необыкновенное событіе. Чины же судебнаго вѣдомства и члены адвокатуры довольствовались доселѣ степенью кандидата правъ, и званіе кандидата правъ, обозначающее лишь нѣсколько болѣе чѣмъ удовлетворительное прохожденіе учебнаго курса, сдѣлалось патентомъ на званіе ученаго юриста. Словомъ, масса лицъ, коимъ присвоивается и кои сами себѣ присвоиваютъ высокое званіе юристовъ, стала у насъ несмѣтна со введеніемъ судебной реформы, но вмѣстѣ съ тѣмъ это званіе перестало быть и выраженіемъ ученой спеціальности, сдѣлавшись крайне обычнымъ и не всегда оправдываемымъ синонимомъ должности по магистратурѣ и прокуратурѣ, или принадлежности къ адвокатурѣ. Юристами называются теперь даже лица, вовсе юридическою наукой не занимавшіяся, за юридическою литературой не слѣдящія; ограничивающіяся, хотя и съ достохвальною ревностію, исполненіемъ лишь текущихъ оффиціальныхъ обязанностей, и всю силу юриспруденціи почерпающія исключительно изъ буквы Судебныхъ Уставовъ и комментарій къ онымъ Государственной Канцеляріи, изъ X и XV томовъ Свода Законовъ, изъ кассаціонныхъ рѣшеній Сената и изъ своихъ личныхъ воззрѣній.

Общее состояніе юридическаго знанія у насъ таково, что наиболѣе уважаемый и компетентный судья по этой части, бывшій

же принимаемыя въ видахъ предупрежденія и пресѣченія преступленій, и, наконецъ, дисциплинарную юрисдикцію отдѣльныхъ учрежденій (§§ 9 и 10).

И подобныя сочиненія оставлены были нашею юридическою критикой безо всякихъ опроверженій.

профессоръ, бывшій сенаторъ кассаціонныхъ департаментовъ, нынѣ членъ высшаго законодательнаго учрежденія въ Имперіи, слѣдовательно самъ теоретикъ и практикъ, наконецъ самъ извѣстный въ юридической литературѣ писатель, К. П. Побѣдоносцевъ, въ предисловіи къ своему *Курсу гражданскаго права* (ч. I, стр. V—VI, изд. 1868), сказалъ слѣдующее:

„Юридическое образованіе повсюду служитъ достояніемъ однихъ спеціалистовъ, но у насъ и между юристами, а тѣмъ болѣе между практическими юристами, юридическія свѣдѣнія распространены весьма неровно. Немногіе счастливы тѣмъ, что успѣли пройти ровную и строго послѣдовательную школу юридическихъ знаній и опыта; въ академическомъ преподаваніи права преподаватели отличаются такимъ разнообразіемъ пріемовъ и методовъ, свѣдѣнія добываемыя на практикѣ и изъ чтенія пріобрѣтаются такъ неровно и такъ случайно, что не рѣдкость у насъ встрѣтить людей, соединяющихъ съ богатымъ знаніемъ подробностей и частностей недостатокъ элементарныхъ свѣдѣній и понятій, составляющихъ такъ сказать азбуку гражданскаго права".

Въ предисловіи къ своему *Судебному руководству* тотъ же авторъ объясняетъ, что наши новые судебные уставы требуютъ отъ ихъ исполнителей „извѣстнаго знанія и разумѣнія, пріобрѣтаемаго не изъ буквы закона, а изъ школы, и изъ того совмѣстно и послѣдовательно накопленнаго запаса силъ и опытности, который собирается трудомъ поколѣній", и даже выражаетъ мысль, что странно было бы ожидать и надѣяться, какъ полагаютъ иные, что нашъ гражданскій законъ, скудный общими руководственными правилами, страдающій недостатками системы и содержащій въ себѣ противорѣчія и неясности, „изъяснится и образуется помощью новой судебной практики". „Всякій кто знакомъ съ пріемами нашей практики, продолжаетъ К. П. Побѣдоносцевъ, могъ замѣтить, что она страдаетъ слабостью и скудостью идеи, происходящею отъ скудости общаго запаса знаній и опыта."

Глубокое значеніе имѣютъ и слѣдующія слова К П. Побѣдоносцева: „Сознательная увѣренность мысли можетъ быть удѣломъ только опытнаго знанія, съ которымъ соединяется и сознательная свобода увѣренной мысли. Гдѣ нѣтъ этой свободы, тамъ испытующая мысль поневолѣ подчиняется формѣ и буквѣ, разрѣшая въ ней свои недоразумѣнія, когда не можетъ согласить ихъ въ полномъ и ясномъ сознаніи идеи. Вотъ, кажется, главная причина того явленія, что у насъ, при дѣйствіи новыхъ

учрежденій, высказывается нерѣдко такой узкій формализмъ въ примѣненіи закона какого и въ прежнихъ судахъ не было“ (стр. I, II и III изд. 1872 года).

Эти строки краснорѣчиво подтверждаютъ, что безъ параллельнаго усвоенія и разработки основныхъ началъ права и отечественнаго законодательства немыслимо правильное развитіе судебныхъ учрежденій: послѣдовавшая у насъ судебная реформа создала новыя, болѣе совершенныя формы, но она одна не въ силахъ вполнѣ оживотворить ихъ, дать имъ устойчивую самодѣятельность и традиціонный авторитетъ.

Многіе думаютъ, что теперешняя рѣдкость капитальныхъ по юридической части сочиненій и незначительность числа лицъ, посвящающихъ себя самостоятельной разработкѣ права, обусловливается, съ одной стороны, матеріальными невыгодами, сопряженными съ дѣятельностью этого рода, въ сравненіи съ адвокатурой и частной службой, а съ другой стороны недостаткомъ времени у лицъ судебнаго персонала.

Но подобныя препятствія, во всякомъ случаѣ болѣе случайныя, нежели общія, не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія. Подобныя препятствія встрѣчались и доселѣ встрѣчаются по разнымъ отраслямъ знанія вездѣ и всегда, на Западѣ не менѣе, чѣмъ у насъ, но они имѣли вліяніе только на отдѣльныя личности, а не на судьбу науки вообще, и науки права въ особенности.

Причина слабаго развитія въ Россіи высшихъ юридическихъ знаній истекаетъ изъ другаго источника, болѣе общаго и глубокаго. Она коренится въ тѣхъ особыхъ условіяхъ нашего историческаго развитія, вслѣдствіе которыхъ практическая потребность въ юридическомъ знаніи возникла у насъ не ранѣе тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Эта потребность была вызвана законодательными работами по составленію Свода Законовъ и мѣрами къ ослабленію судебныхъ злоупотребленій той эпохи. Учрежденіе школы Правовѣдѣнія, командированіе за границу молодыхъ людей для изученія права въ тамошнихъ университетахъ и усиленіе ими преподаванія права въ университетахъ русскихъ—вполнѣ отвѣчали этой потребности. Но самая эта потребность до реформы 1864 года не имѣла, по своимъ размѣрамъ, ничего общаго съ потребностью, вызванною новыми судебными уставами: въ ту пору нужны были и явились законовѣды, теперь нужны правовѣды, юристы.

Удовлетворить этой новой потребности едва ли возможно иначе, какъ созданіемъ для нея почвы, доселѣ почти не существующей. Подобно тому какъ Петръ Великій, радѣя о насажденіи наукъ въ Россіи, учредилъ Академію Наукъ, а Екатерина II, для возбужденія отечественной словесности, Россійскую Академію, такъ теперь настало время создать въ Россіи, по иниціативѣ и средствами правительства, средоточіе и источникъ спеціально для высшаго юридическаго знанія.

Въ этихъ именно видахъ представляется необходимымъ учрежденіе Академіи Юридическихъ Наукъ.

Задача такой Академіи не преподаваніе высшихъ наукъ права—для этого существуютъ университетскіе факультеты, школа Правовѣдѣнія и Демидовскій Лицей; не пропаганда или популяризація юридическихъ свѣдѣній, не отрывочное разъясненіе возникающихъ практическихъ вопросовъ не собираніе просвѣщенными любителями разсѣянныхъ матеріаловъ,—для этого служитъ періодическая печать, особыя общества и съѣзды. Задача Академіи — систематическая разработка науки права во всей ея совокупности, независимо отъ случайныхъ условій мѣста и времени *).

Академія Юридическихъ Наукъ должна создать высшую, независимую и самодѣятельную корпорацію ученыхъ юристовъ, постоянно пополняемую не случайно, но органически, притокомъ извнѣ свѣжихъ, но уже испытанныхъ силъ.

Своею самостоятельною, непрерывною, исключительно ученою и строго систематическою дѣятельностью, она расширитъ столь узкій у насъ доселѣ юридическій горизонтъ, установитъ правильное отношеніе науки права къ практикѣ, введетъ наше юридическое мышленіе въ круговоротъ общеевропейскаго юридическаго развитія и дастъ новыя основы для уразумѣнія права русскаго. Съ другой стороны, Академія займетъ неминуемо мѣсто нравственнаго регулятора отечественной юриспруденціи, поощряя нашу юридическую литературу не только къ болѣе усиленной,

*) Существующія у насъ юридическія общества не представляютъ никакихъ данныхъ для самостоятельной и объективной разработки юридическихъ вопросовъ. Ихъ разнообразный составъ, проникающія въ ихъ среду разныя вѣянія, стремленіе къ эффектному ораторству подъ вліяніемъ публичности засѣданій, случайный и личный характеръ возникающихъ вопросовъ—все это такія условія, которыя всего менѣе содѣйствуютъ задачамъ академической дѣятельности.

но и къ болѣе научной разработкѣ юридическихъ вопросовъ, что̀ будетъ имѣть, въ свою очередь, благотворное вліяніе не только на самое преподаваніе у насъ науки права, но и на болѣе правильное пониманіе права въ средѣ самой магистратуры, прокуратуры и адвокатуры.

При этомъ само собою разумѣется, что внутреннее достоинство, авторитетъ и доступность ученыхъ трудовъ, издаваемыхъ Академіей, должны быть обезпечены ото всякихъ внѣшнихъ давленій, тяготѣющихъ надъ частною учено-литературною и издательскою дѣятельностью.

Согласно съ этими соображеніями, въ основаніе для учрежденія Юридической Академіи слѣдовало бы принять слѣдующія начала:

I. Общія положенія.

1) Академія имѣетъ цѣлію споспѣшествовать правильному и всестороннему развитію въ Россіи юридическихъ наукъ вообще, и обработкѣ русскаго права въ частности.

2) Средствами для достиженія означенной цѣли должны служить: ученая дѣятельность членовъ Академіи, назначеніе премій и спеціальныя изданія.

3) Академія находится подъ особымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества.

4) Академія раздѣляется, до дальнѣйшихъ указаній опыта, на четыре отдѣленія, а именно: Исторіи Права, Права Гражданскаго, Права Уголовнаго и Права Государственнаго.

5) На содержаніе Академіи отпускается ежегодно изъ Государственнаго Казначейства опредѣленная по штату сумма.

II. Составъ Академіи.

6) Академія состоитъ изъ предсѣдателя, непремѣннаго секретаря и членовъ.

7) Предсѣдатель назначается по непосредственному благоусмотрѣнію Его Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ на имя Академіи *).

---

*) Такъ какъ вся научная дѣятельность Академіи сосредоточена, съ одной стороны, въ единоличныхъ работахъ дѣйствительныхъ членовъ, а съ другой стороны, въ ихъ занятіяхъ въ составѣ отдѣленій, и наконецъ въ самой конференціи Академіи, то нѣтъ никакой необходимости, чтобы предсѣдатель Академіи былъ тоже спеціалистомъ по части юридическихъ наукъ: его задача вовсе не научная. Онъ долженъ быть, главнымъ образомъ, представителемъ, ходатаемъ и охранителемъ интересовъ Академіи предъ правительствомъ.

8) Члены подраздѣляются на дѣйствительныхъ, почетныхъ, соревнователей, сотрудниковъ и корреспондентовъ.

9) Дѣйствительныхъ членовъ полагается по четыре въ каждомъ отдѣленіи Академіи.

10) Дѣйствительные члены избираются конференціей Академіи и утверждаются въ этомъ званіи, по всеподданнѣйшему докладу министра Юстиціи, Высочайшею властію.

11) Выбору въ дѣйствительные члены подлежатъ исключительно русскіе юристы, посвятившіе себя спеціально разработкѣ теоріи, практики и исторіи права и заявившіе себя капитальными трудами, научная, несомнѣнная авторитетность которыхъ признана однимъ изъ отдѣленій Академіи.

12) Кандидатъ на званіе дѣйствительнаго члена долженъ быть, по истеченіи полугодія со дня открытія вакансіи, предложенъ конференціи однимъ изъ отдѣленій Академіи; избраніе совершается затѣмъ въ слѣдующемъ засѣданіи закрытою баллотировкой и признается дѣйствительнымъ, если въ пользу баллотируемаго окажется не менѣе трехъ четвертей голосовъ комплекта дѣйствительныхъ членовъ.

13) Непремѣнный секретарь избирается изъ дѣйствительныхъ членовъ, по предложенію предсѣдателя, конференціей Академіи по большинству голосовъ.

14) Почетные члены избираются, по предложенію трехъ дѣйствительныхъ членовъ, конференціей Академіи, по большинству голосовъ, изъ числа русскихъ и иностранныхъ юристовъ, прославившихся своею многолѣтнею, полезною дѣятельностію на поприщѣ юридическихъ наукъ, или въ высшихъ степеняхъ государственной службы по части законодательной и судебной. Число почетныхъ членовъ не должно превышать 50, именно: русскихъ 30, а иностранцевъ 20, причемъ число ежегодно избираемыхъ не должно превышать: русскихъ 3, а иностранцевъ—2.

15) Члены-соревнователи избираются конференціей по предложенію предсѣдателя Академіи, большинствомъ голосовъ, изъ числа лицъ, принесшихъ въ даръ Академіи особенно значительныя денежныя пожертвованія.

16) Члены-сотрудники избираются конференціей по предложенію двухъ дѣйствительныхъ членовъ, большинствомъ голосовъ, изъ числа профессоровъ, докторовъ и магистровъ юридическихъ наукъ, а равно изъ числа лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и заявившихъ себя литературными по части правовѣдѣнія трудами, или принадлежащихъ къ составу магистра-

туры, прокуратуры и адвокатуры. Число членовъ-сотрудниковъ не должно превышать 10 по каждому отдѣленію.

17) Члены-сотрудники, состоявшіе въ этомъ званіи не менѣе пяти лѣтъ, принимавшіе постоянно дѣятельное участіе въ трудахъ отдѣленій и издавшіе въ теченіе этого срока одобренное однимъ изъ отдѣленій Академіи сочиненіе, имѣютъ, при открытіи вакансіи на званіе дѣйствительнаго члена, преимущественное предъ прочими кандидатами право на баллотировку, если будутъ предложены установленнымъ въ § 12 порядкомъ.

18) Члены-корреспонденты избираются въ отдѣленіяхъ Академіи, въ каждомъ особо по предложенію одного изъ дѣйствительныхъ членовъ, изъ числа иногородныхъ, а равно проживающихъ за границей лицъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, имѣющихъ по своимъ познаніямъ, также по своему служебному или общественному положенію возможность доставлять потребные отдѣленіямъ Академіи мѣстные матеріалы. Число членовъ-корреспондентовъ неограниченно.

19) Званіе члена Академіи утрачивается добровольнымъ сложеніемъ съ себя онаго, равно смертію и, сверхъ того: дѣйствительными членами—въ случаѣ не представленія въ теченіе пяти лѣтъ самостоятельнаго, теоретическаго и большинствомъ голосовъ конференціи вполнѣ одобреннаго сочиненія по тому отдѣленію, къ которому членъ принадлежитъ; членами-сотрудниками—въ случаѣ уклоненія ихъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, отъ поручаемыхъ имъ отдѣленіями занятій; членами-корреспондентами—въ случаѣ троекратнаго уклоненія ихъ отъ доставленія требуемыхъ отдѣленіями матеріаловъ, и членами-соревнователями—въ случаѣ неисполненія ими принятыхъ на себя обязательствъ.

III. Ученая дѣятельность Академіи.

20) Дѣствительные члены, каждый по своему отдѣленію, обязаны:

а) обсуждать съ научной точки зрѣнія вопросы, возбуждаемые въ Россіи и за границей современными законодательными работами и судебною практикой;

б) подвергать критической оцѣнкѣ новыя по части права русскія и иностранныя сочиненія;

в) издавать самостоятельныя сочиненія;

г) разсматривать конкурсныя сочиненія;

д) сноситься съ иностранными юристами для обмѣна съ ними теоретическими взглядами, и для вызова ихъ сужденій о явленіяхъ русской законодательной дѣятельности и судебной практики;

е) участвовать въ спеціальномъ журналѣ Академіи *).

21) Одобренныя отдѣленіями сочиненія дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ Академіи, равно сочиненія, удостоенныя отъ Академіи преміями, издаются на счетъ Академіи.

22) Вопросы судебной практики, равно какъ вопросы, касающіеся русскаго права, должны быть, въ означенныхъ въ § 11 сочиненіяхъ, непремѣнно обсуждаемы въ связи съ общими теоретическими началами юридическихъ наукъ.

23) Изданіе классическихъ по части права иностранныхъ сочиненій въ русскомъ переводѣ, а равно русскихъ и иностранныхъ источниковъ права, можетъ быть предпринимаемо отдѣленіями Академіи, съ разрѣшенія конференціи, лишь по особо уважительнымъ обстоятельствамъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ подлежащаго отдѣленія и не иначе, какъ съ необходимыми комментаріями. Сборники и компиляціи вовсе не подлежатъ изданію Академіей.

24) Члены каждаго отдѣленія дѣйствуютъ по пунктамъ *а*, *б*, *г* и *д* § 20 совокупно. Для сей цѣли они собираются въ засѣданіе не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, распредѣляя между собою занятія по взаимному соглашенію. Протоколы засѣданія отдѣленій печатаются въ спеціальномъ журналѣ Академіи.

25) Въ засѣданіи каждаго отдѣленія, кромѣ составляющихъ оное дѣйствительныхъ членовъ и непремѣннаго секретаря Академіи, присутствуютъ и приписанные къ тому отдѣленію члены почетные и члены-сотрудники.

26) Всѣ вообще вопросы рѣшаются въ отдѣленіи большинствомъ голосовъ присутствующихъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ; членамъ-сотрудникамъ предоставляется только совѣщательный голосъ.

27) Предсѣдатель отдѣленія избирается ежегодно, въ первомъ послѣ 1 января засѣданія, изъ числа почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ онаго, по большинству голосовъ.

---

*) Академическія занятія членовъ Академіи установляются въ началѣ каждаго года по программѣ, утверждаемой общимъ собраніемъ отдѣленій Академіи.

28) Отдѣленія Академіи, въ случаѣ необходимости разъясненія общихъ вопросовъ, могутъ составлять соединенныя засѣданія.

29) Постороннія лица допускаются въ засѣданія отдѣленій единственно для разъясненія частныхъ подробностей, каждый разъ по особому согласію на то дѣйствительныхъ членовъ.

30) Конкурсныя преміи предназначаются лишь для лицъ, не принадлежащихъ къ числу почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Академіи.

31) Конкурсныя преміи назначаются отдѣленіями по установляемой конференціей очереди, съ тѣмъ, чтобъ ежегодно было назначаемо не менѣе двухъ одинаковаго размѣра высшихъ премій: одной по общей теоріи или исторіи права, а другой по теоріи или исторіи права русскаго,

32) Спеціальный журналъ Академіи, въ которомъ каждому отдѣленію Академіи долженъ соотвѣтствовать особый отдѣлъ, издается подъ редакціей непремѣннаго секретаря.

Управленіе дѣлами Юридической Академіи (совѣтъ для хозяйственныхъ дѣлъ, штаты, оклады и пенсіи) должно быть учреждено по образу Императорской Академіи Наукъ *).

---

*) Изложенныя предположенія, вмѣстѣ съ проектомъ Юридической Академіи, были представлены авторомъ въ 1877 году бывшему министру Юстиціи, но попытка автора обратить вниманіе графа Палена на необходимость упрочить нашу судебную реформу систематическою разработкой юридическихъ наукъ въ Россіи осталась безо всякихъ послѣдствій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Полиція и ея отношенія къ суду.

I. Начало и развитіе Екатерининскаго типа полиціи. II. Преобразованія полиціи при Императорѣ Александрѣ II. III. Права, обязанности и отвѣтственность полиціи по дѣйствующему законодательству. IV. Мѣры къ усовершенствованію полиціи.

Правильное устройство полиціи, какъ и суда, составляетъ насущную потребность каждаго благоустроеннаго государства. Полиція охраняетъ внутреннюю безопасность и благочиніе; судъ преслѣдуетъ закононарушенія и возстановляетъ нарушенныя права. Видоизмѣняясь сообразно потребностямъ времени и среды, и полиція и судъ, подобно прочимъ отраслямъ государственнаго управленія, получаютъ мало-по-малу отдѣльную организацію въ формѣ обособленныхъ вѣдомствъ, причемъ полиція распадается обыкновенно на слѣдующія два подраздѣленія: на общую или государственную, и на мѣстную, предоставляемую въ той или другой мѣрѣ органамъ мѣстнаго самоуправленія, подъ непосредственнымъ контролемъ государственной власти.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду преимущественно полицію общую, и въ частности ея отношенія къ суду.

Совершившіяся у насъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, реформы, въ особенности судебная, результатомъ коей было полное обособленіе суда отъ полиціи, естественно вызывали и коренное преобразованіе послѣдней. Но прошло уже двадцать лѣтъ послѣ судебной реформы, а вопросъ о полиціи до сихъ поръ еще не разрѣшенъ вполнѣ.

Были, правда, приняты въ разное время различныя мѣры къ освобожденію полиціи отъ несвойственныхъ съ нею обязанностей, къ улучшенію полицейскаго персонала и къ объединенію полицейскаго надзора; но очень мало было сдѣлано для болѣе правиль-

наго опредѣленія правъ и обязанностей полиціи въ виду новыхъ условій современной жизни, и особенно въ виду судебной реформы.

Такимъ образомъ, полиція находится у насъ въ самомъ странномъ и затруднительномъ положеніи: она должна удовлетворять новымъ потребностямъ, руководясь узаконеніями, отжившими свое время.

Не касаясь тѣхъ особыхъ, болѣе или менѣе случайныхъ причинъ, которыя затормозили у насъ пересмотръ полицейскаго законодательства, нельзя конечно не принять при этомъ во вниманіе и того обстоятельства, что преобразованіе полиціи принадлежитъ вообще къ числу самыхъ трудныхъ задачъ.

Въ этой сферѣ немыслима идеологія, невозможно и механическое подражаніе примѣру другихъ государствъ. Проникая такъ-сказать ежедневно въ народную жизнь, полиція, еще болѣе чѣмъ судъ, носитъ на себѣ отпечатокъ историческихъ и мѣстныхъ условій. Поэтому ея формы гораздо своеобразнѣе, гораздо менѣе поддаются искусственнымъ передѣлкамъ и вообще гораздо устойчивѣе.

Эти обстоятельства не могли не затруднить попытокъ преобразованія полиціи; но они не упраздняютъ настоятельной нужды въ коренной ея реформѣ.

Не считая себя призванными разрѣшать этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ, мы имѣемъ въ виду болѣе скромную цѣль: ознакомиться ближе съ тѣми общими условіями, которыми предопредѣляется, въ настоящее время, необходимость и характеръ этой реформы.

Для этого намъ прежде всего необходимо представить въ бѣгломъ очеркѣ историческое развитіе въ нашемъ отечествѣ понятія о полиціи вообще, а затѣмъ ознакомиться съ тѣми преобразовательными взглядами, которые были у насъ въ ходу по части полиціи до судебной реформы.

I.

Исходной точкой развитія нашей полиціи, какъ особой отрасли государственнаго управленія, должно принять эпоху Петра Великаго, такъ какъ собственно его преобразованіями въ этой сферѣ положено было начало тѣмъ формамъ, которыя, путемъ послѣдовательныхъ видоизмѣненій, привели къ тому, что̀ у насъ теперь существуетъ.

Въ Регламентѣ главнаго магистрата, изданномъ 16 января 1721 года, является въ первый разъ опредѣленіе *полиціи* въ отечественномъ законодательствѣ. „Полиція, сказано въ этомъ документѣ, свое особливое состояніе имѣетъ, а именно: оная споспѣшествуетъ въ правахъ и правосудіи; рождаетъ добрые нравы и нравоученія; всѣмъ безопасность подаетъ отъ разбойниковъ, воровъ, насильниковъ и обманщиковъ и симъ подобныхъ; непорядочное и непотребное житье отгоняетъ, и принуждаетъ каждаго къ трудамъ и честному промыслу; чинитъ добрыхъ домостроителей, тщательныхъ и добрыхъ служителей; города и въ нихъ улицы регулярно сочиняетъ; препятствуетъ дороговизнѣ и приноситъ довольство во всемъ, потребномъ къ жизни человѣческой; предостерегаетъ всѣ приключившіяся болѣзни; производитъ чистоту по улицамъ и въ домахъ; запрещаетъ излишества въ домовыхъ расходахъ и всѣ явныя погрѣшенія; призираетъ нищихъ, бѣдныхъ, больныхъ, увѣчныхъ и прочихъ неимущихъ; защищаетъ вдовицъ, сирыхъ и чужестранныхъ; по заповѣдямъ Божіимъ воспитываетъ юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ; вкратцѣ же, надъ всѣми сими полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ, и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности". Такимъ образомъ, въ концѣ царствованія Петра Великаго, слово полиція употреблялось, какъ и вездѣ, въ смыслѣ древней πολιτεία, и означало всю совокупность нормъ и властей, управляющихъ гражданскимъ обществомъ. Однако уже при Петрѣ Великомъ признавалась необходимость имѣть особые органы для полиціи, разумѣемой въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: для охраненія собственно безопасности и благочинія учреждены были въ мелкихъ городахъ ландраты, а въ болѣе значительныхъ и губернскихъ эти обязанности возложены были, вмѣстѣ съ завѣдываніемъ военными дѣлами, на комендантовъ и оберъ-комендантовъ. Высшій же надзоръ по этой части принадлежалъ въ провинціяхъ воеводамъ, въ губерніяхъ — губернаторамъ; въ ихъ предсѣдательствѣ составлялись собранія ландратовъ, съѣзжавшихся для рѣшенія разныхъ дѣлъ въ провинціальный или губернскій городъ. *) Для прочихъ отраслей внутренняго управленія установлены были другіе органы: для суда — ландрихтеры, для наблюденія за

*) На съѣздѣ ландратовъ въ провинціальныхъ городахъ предсѣдалъ иногда оберъ-комендантъ.

казеннымъ доходомъ — земскіе коммиссары и камериры, заправлявшіе также строительною и дорожною частью, а камериры—и дѣлами судебной полиціи. Наконецъ, хозяйственно-распорядительная часть по городу поручена была магистрату, а въ мелкихъ городахъ и посадахъ земскимъ бурмистрамъ.

Но это раздѣленіе мѣстнаго управленія на особыя отрасли замѣнялось на практикѣ смѣшеніемъ всѣхъ вѣдомствъ, за неимѣніемъ точныхъ инструкцій, а возникшіе вслѣдствіе этого безпорядки, при необразованности и неблагонадежности большей части тогдашняго служебнаго персонала, развились быстро до крайнихъ предѣловъ.

Жалобы жителей на вымогательства, произволъ и жестокость мѣстныхъ властей, а въ то же время и совершенное безсиліе уѣздныхъ, провинціальныхъ и губернскихъ учрежденій при исполненіи требованій центральнаго правительства, въ особенности же при отправленіи воинской повинности и при сборѣ казеннаго дохода, — этихъ двухъ господствующихъ интересовъ администраціи въ Петровскую эпоху,—повели къ посылкѣ въ города и уѣзды воинскихъ командъ для болѣе успѣшнаго исполненія нѣкоторыхъ дѣлъ: безпрестанно командировались изъ Петербурга гвардейскіе офицеры или капралы съ нѣсколькими рядовыми, уполномоченные употреблять всѣ средства для достиженія возложенныхъ на нихъ порученій. Такіе посланцы побуждали къ исполненію повинностей и къ послушанію самыми крайними мѣрами: они не только понуждали мѣстныхъ начальниковъ и сажали ихъ подъ арестъ, но сами судили и наказывали виновныхъ, иногда даже висѣлицей. Для сбора податей и недоимокъ, послѣ Ништадтскаго мира, назначались не только унтеръ-офицеры, но и рядовые; офицеры и полковые командиры получили право вступаться въ дѣла мѣстнаго управленія, особенно по сбору подушной подати и по дѣламъ о неповиновеніи жителей.

Но вмѣшательство военной силы въ дѣла мѣстнаго, а слѣдовательно и полицейскаго, управленія не принесло пользы; оно только усилило общую безурядицу. Это положеніе дѣлъ вызвало тогда же въ правительствѣ заботу объ исправленіи зла. Изданіемъ указовъ 9 и 24 февраля 1727 года и наказа 1728 года положено основаніе новому порядку мѣстной администраціи: командированные офицеры и рядовые были отозваны къ своимъ командамъ; различные чины губернскаго и провинціальнаго управленія уничтожены, оставлены лишь въ губерніяхъ губер-

наторы, а въ городахъ—воеводы. При губернаторахъ и воеводахъ почти всегда состояло нѣчто въ родѣ коллегіальнаго учрежденія, подъ названіемъ канцеляріи, конторы, камеры и т. п. (что на юридическомъ языкѣ прошлаго столѣтія выражалось терминомъ: *губернаторъ или воевода съ товарищи*), *) хотя взаимныя отношенія всѣхъ этихъ единоличныхъ и коллегіальныхъ учрежденій оставались постоянно крайне неопредѣленными, представляя попрежнему поводъ къ произволу мѣстныхъ начальниковъ.

Эта новая система произвела однако нѣкоторое облегченіе. Главное ея достоинство заключалось въ томъ, что военная расправа сдѣлалась гораздо менѣе употребительною. Правда, въ царствованіе императрицы Анны, экзекуціи по сбору податей, сопровождаемыя правежомъ, опять пошли въ ходъ на нѣсколько лѣтъ, но въ царствованіе императрицы Елисаветы онѣ окончательно вывелись изъ обычая. **)

Съ 1728 года до конца третьей четверти XVIII столѣтія устройство мѣстной полицейской власти оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ; капитальная реформа ея послѣдовала не прежде какъ въ 1775 году. Главныя побудительныя причины совершеннаго въ этомъ году преобразованія изложены были въ манифестѣ 7 ноября, въ которомъ сказано, между прочимъ, слѣдующее:

„Нашли мы, что, по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя недостаточно снабжены какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми; что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ или полиціей, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются, а таковымъ же неудобствамъ тѣхъ же губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія не меньше подвержены; ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія. Происходящее отъ того неустройство весьма ощутительно; съ одной стороны медленность, упущенія и волокиты суть естественныя слѣдствія такого неудобнаго и недостаточнаго положенія, гдѣ

*) Товарищи при воеводахъ были назначены изъ штабныхъ офицеровъ.

**) Всѣ эти подробности заимствованы изъ трудовъ коммиссіи, Высочайше утвержденной въ 1859 году при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для преобразованія губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій.

дѣло одно другое останавливаетъ, и гдѣ опять невозможность исправлять на единую воеводскую канцелярію множество различнаго существа возложенныхъ дѣлъ служить можетъ иногда и долгою отговоркой, и покрывать неисправленіе должности, и быть поводомъ страстному произволу. Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольства и ябеды обще со многими пороками, ибо возмездіе за преступленіе и пороки производится не съ таковою послѣшностью какъ бы надлежало для укрощенія и въ страхъ продерзостныхъ". Затѣмъ въ числѣ выгодъ вновь предположеннаго устройства указывается на то, что „сіе постановленіе, какъ всякъ усмотрѣть можетъ, судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій, предписываетъ каждому мѣсту должности и правила и доставляетъ онымъ возможность исполнять предписанное".

По учрежденію о губерніяхъ, устройство мѣстнаго управленія представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

Вся имперія была раздѣлена на губерніи, а губерніи на уѣзды. Въ уѣздѣ управленіе раздѣлено на городское и собственно уѣздное; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ различены установленія судебныя, полицейскія и хозяйственныя. Полицейская часть въ городахъ возложена была на городничаго или коменданта, назначаемаго, по представленію губернскаго начальства, правительствующимъ сенатомъ, а въ уѣздѣ—на земскій судъ, составленный (въ предсѣдательствѣ земскаго исправника или земскаго капитана, избираемаго дворянствомъ) изъ двухъ или трехъ засѣдателей отъ дворянства и двухъ отъ поселянъ (командируемыхъ изъ числа членовъ нижней расправы). Затѣмъ судебная часть въ городѣ предоставлена магистрату и словесному суду, а въ уѣздѣ—уѣздному суду и нижней расправѣ, Но хозяйственно-распорядительная часть была при этомъ гораздо менѣе разграничена отъ прочихъ управленій: въ городахъ она подлежала завѣдыванію городскаго головы, обще съ магистратомъ и городничимъ; въ уѣздахъ же для нея не было образовано особаго учрежденія, и главное наблюденіе за нею оставалось на обязанности земскаго суда; наконецъ, по дѣламъ казенныхъ податей и сборовъ назначены были общіе уѣзду и городу уѣздные казначеи.

Уѣздныя мѣста были подчинены, какъ учрежденія второй инстанціи, губернскому магистрату, верхней расправѣ и верхнему земскому суду, а эти установленія находились въ зависимости отъ губернскаго правленія и палатъ, составлявшихъ собственно *дѣйствующія на мѣстахъ отдѣленія коллегій.* Кромѣ того,

правленіе и палаты находились въ непосредственномъ подчиненіи государеву намѣстнику и правительствующему сенату. Но верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и обѣ расправы просуществовали не долго; опытъ не замедлилъ доказать, что посредствующія инстанціи между уѣзднымъ и губернскимъ управленіемъ, и спеціальные суды для сельскихъ обывателей лишь усложняютъ дѣло безо всякой пользы, и потому они были отмѣнены въ концѣ XVIII вѣка, причемъ составъ уѣзднаго суда, которому стали подвѣдомы дѣла сельскихъ обывателей, дополненъ былъ, собственно для рѣшенія дѣлъ этого рода, засѣдателями отъ крестьянъ.

Такъ установилась у насъ система мѣстнаго управленія, подвергавшаяся съ конца XVIII столѣтія до 1861 года лишь частнымъ измѣненіямъ, имѣвшимъ цѣлью не уклоненіе отъ принятыхъ въ 1875 году началъ, но лишь болѣе подробное и практическое развитіе послѣднихъ.

Въ данныхъ Екатериною II наказахъ уѣзднымъ мѣстамъ, на полицію, кромѣ общихъ ея обязанностей, было возложено: производство слѣдствій, исполненіе уголовныхъ и гражданскихъ судебныхъ приговоровъ, первоначальный судъ надъ бѣглыми и пристанодержателями, разборъ по дѣламъ, въ которыхъ *многое число людей на мѣстѣ допросить надлежитъ*, разборъ дѣлъ о завладѣніи имуществомъ, наложеніе штрафовъ на селенія, не принявшія мѣръ къ преслѣдованію бѣглыхъ и бродягъ. Рѣшеніе этихъ дѣлъ предоставлено было коллегіальному составу полиціи: а не личной власти исправника. Вообще здѣсь неизлишне замѣтить, что, при новомъ образованіи полиціи, коллегіальный элементъ въ ея устройствѣ, выразившійся при Петрѣ Великомъ въ съѣздахъ ландратовъ, а послѣ 1728 года въ рѣшеніи дѣлъ воеводами *съ товарищи*, не только сохранился, но явился даже въ болѣе опредѣленномъ видѣ и въ болѣе широкомъ примѣненіи: земскій судъ сохранялъ свою коллегіальную форму не только при нормальномъ отправленіи своихъ обязанностей въ городѣ, какъ постоянномъ мѣстѣ своего пребыванія, но, когда предстояла надобность, то и въ уѣздѣ—этотъ подвижной характеръ земскаго суда окончательно сложился въ послѣдствіи, въ формѣ временныхъ отдѣленій онаго. Кромѣ того, учрежденіе о губерніяхъ отличается тою особенностію, что въ немъ былъ въ первый разъ ясно опредѣленъ порядокъ отвѣтственности полицейскихъ чиновъ: жалобы по дѣламъ, возникшимъ въ самой полиціи, предоставлено было приносить уѣздному суду, а на дѣйствія поли-

ціи по предписаніямъ высшихъ мѣстъ и лицъ—этимъ мѣстамъ и лицамъ, жалобы же на этихъ послѣднихъ—правительствующему сенату.

Дальнѣйшее развитіе полицейскихъ учрежденій касалось преимущественно городскаго благоустройства, что было естественнымъ послѣдствіемъ появленія новыхъ городовъ въ Россіи въ теченіе XVIII вѣка и распространенія прежде существовавшихъ, тогда какъ сельская жизнь оставалась въ застоѣ не только въ теченіе всего XVIII столѣтія, но и въ первой половинѣ текущаго. Въ 1782 году обнародованъ былъ Уставъ благочинія, коимъ общее завѣдываніе полиціей въ губернскихъ городахъ возложено было на управы благочинія. Эти управы основаны были главнымъ образомъ на примѣненіи къ городской полиціи того коллегіальнаго и сословно-выборнаго начала, которое было, по учрежденію о губерніяхъ, введено только въ земскую полицію, а именно: присутствіе управы благочинія должно было состоять, въ предсѣдательствѣ городничаго или полицеймейстера, назначаемаго отъ короны, изъ двухъ засѣдателей, выбранныхъ изъ городскаго сословія (ратмановъ), и двухъ опредѣленныхъ отъ правительства приставовъ: одного по гражданскимъ и другаго по уголовнымъ дѣламъ. Города были раздѣлены, смотря по обширности, на части, а части на кварталы. Въ каждую часть назначался частный приставъ, и словесный судъ изъ одного или нѣсколькихъ выборныхъ отъ гражданъ; въ кварталѣ полагались надзиратель и поручики; частный приставъ и надзиратель назначаемы были отъ правительства, а поручики *избирались жителями* квартала.

На обязанность управы возложено было давать правый и равный судъ всякому состоянію и оказывать покровительство невинному и скорбящему; не воспрещать иновѣрцамъ отправленія ихъ вѣры; съ иногороднихъ, иностранныхъ и иновѣрныхъ людей, въ городѣ пребывающихъ, взыскивать исполненіе законовъ, такъ же какъ съ природныхъ жителей; выслушивать всѣхъ безъ изъятія, убогихъ и богатыхъ, сильныхъ и слабыхъ, знатныхъ и незнатныхъ; но прежде всего разсматривать дѣла убогихъ, вдовъ и сиротъ, потомъ дѣла неимущихъ, тяжущихся съ богатымъ и знатнымъ. Не имѣя права требовать исполненія по закону еще не обнародованному, управа должна была „почесть противностію закона, буде кто не выполняетъ слова закона, и нарушеніемъ закона буде кто тонкостію или хитростію избываетъ слова закона“. Кромѣ собственно полицейскихъ дѣлъ, управѣ были поручены

нѣкоторыя хозяйственно-распорядительныя; на нее же было возложено постановлять окончательные приговоры о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, а также по дѣламъ о кражѣ не свыше двадцати рублей до третьяго раза включительно. Вообще Уставъ благочинія 1782 года заключалъ въ себѣ довольно полный и, главное, весьма опредѣленный кодексъ полицейскихъ проступковъ и взысканій.

Въ подробныхъ инструкціяхъ частнымъ приставамъ было сказано, относительно маловажныхъ преступленій и проступковъ, что пристава имѣютъ „волервыхъ словесно объявить владѣему, въ остереженіе запрещеній, статьи по случаю, и буде затѣмъ не уймется, то, по словесномъ изслѣдованіи, предложить управѣ благочинія“, которой и предоставлялось налагать взысканія.

Предметы вѣдомства полиціи, съ подраздѣленіемъ ея на городскую и земскую, были еще точнѣе опредѣлены при учрежденіи министерствъ. Затѣмъ власть земской полиціи въ разборѣ дѣлъ о кражѣ, обманѣ и мошенничествѣ ограничена была цѣной похищеннаго имущества или причиненнаго вреда въ 5 р., а при городской полиціи учреждены квартирныя коммиссіи для завѣдыванія дѣлами постойной повинности. Съ 1816 года Высочайше было повелѣно опредѣлять городничими преимущественно офицеровъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Комитета о Раненыхъ; эта мѣра хотя имѣла сначала лишь временный характеръ, но тѣмъ не менѣе сохранила свою силу до 1861 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ власть земской полиціи въ уѣздѣ значительно была ограничена учрежденіемъ особыхъ хозяйственно-полицейскихъ управленій по вѣдомствамъ: удѣльному, горно-заводскому и въ военныхъ поселеніяхъ, а съ 1838 года и въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ. Наконецъ съ 1 января 1838 же года, вмѣсто трехъ или четырехъ дворянскихъ засѣдателей, въ земскомъ судѣ оставленъ только одинъ, переименованный въ непремѣннаго засѣдателя суда; вмѣсто же остальныхъ назначены въ каждомъ участкѣ, или станѣ, по одному постоянному участковому засѣдателю (приставу), опредѣляемому правительствомъ лишь съ нѣкоторымъ участіемъ дворянства, а въ 1851 году изданъ былъ Уставъ о земскихъ повинностяхъ, окончательно изъявшій изъ вѣдомства городской и земской полиціи всѣ земско-хозяйственныя дѣла, съ оставленіемъ по дѣламъ этого рода на ея обязанности лишь наблюденія за исправнымъ внесеніемъ въ казну податей и прочихъ денежныхъ сборовъ.

Вообще въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія вѣдомству городской и земской полиціи подлежали слѣдующія дѣла: а) *дѣла исполнительныя*: обнародованіе законовъ и надзоръ за ихъ исполненіемъ, пресѣченіе нарушеній, исполненіе судебныхъ приговоровъ и рѣшеній, выдача разныхъ свидѣтельствъ и удостовѣреній, содѣйствіе частнымъ лицамъ въ исполненіи ихъ законныхъ требованій; подобное же содѣйствіе всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ на основаніи существующихъ хозяйственныхъ, судебныхъ, медицинскихъ, военныхъ, морскихъ, почтовыхъ, строительныхъ, торговыхъ, заводскихъ, цензурныхъ и другихъ уставовъ; б) *производство* слѣдствій и *мѣстныхъ изслѣдованій* по спорамъ и тяжбамъ гражданскимъ; в) *судебно-полицейское разбирательство:* судъ по маловажнымъ преступленіямъ и проступкамъ и по передержательству бѣглыхъ, судъ надъ отставными чиновниками за развратное поведеніе, наложеніе штрафовъ за несоблюденіе нѣкоторыхъ полицейскихъ правилъ, разборъ нѣкоторыхъ споровъ между хозяевами и рабочими, примирительное разбирательство по дѣламъ питейнаго акциза и откупа, возвращеніе отнятой собственности, первоначальный разборъ дѣлъ объ ущербахъ и владѣніяхъ, производство денежныхъ взысканій по обязательствамъ; г) *дѣла хозяйственно-распорядительныя:* дѣла по открытію вновь фабрикъ, заводовъ, рынковъ, ярмарокъ; общій надзоръ за ходомъ и производствомъ торговли и промысловъ и порядокъ отправленія натуральныхъ земскихъ повинностей *).

---

*) Что касается матеріальнаго вознагражденія полицейскихъ чиновъ, то по штату, изданному для земскихъ судовъ 3 іюня 1837 года, по случаю перевода денегъ на серебро, назначено въ годъ:

Исправнику — 285 р. 92 к. жалованья и 142 р. 96 к. содержанія во время разъѣздовъ, итого 428 р. 88 к. въ годъ.

Становому приставу—257 р. 29 к. жалованья и 28 р. 60 к. содержанія во время разъѣздовъ, итого 285 р. 89 к. въ годъ.

На канцелярію земскаго суда—970 р., а становаго пристава—143 р.

Чинамъ городской полиціи по штату 29 мая 1836 года было положено въ годъ:

Городничему или полицеймейстеру	285 р. 92 к.
Частному приставу	57 „ — „
Квартальному надзирателю	36 „ — „

Во многолюдныхъ городахъ существовали особые штаты для полицейскихъ чиновниковъ съ болѣе значительными окладами, но такихъ городовъ было весьма мало. Столичная же полиція, по ея окладамъ, находилась еще болѣе въ исключительномъ положеніи.

Вотъ въ какой формѣ установилась у насъ полиція наканунѣ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Въ основу ея организаціи легли слѣдующія начала: подраздѣленіе полиціи на городскую и уѣздную, а послѣдней—по отдѣльнымъ вѣдомствамъ; отдѣленіе полиціи отъ суда вообще, но съ оставленіемъ за нею производства слѣдствій, взысканій по безспорнымъ обязательствамъ и разбирательства по мелкимъ тяжбамъ и проступкамъ; отдѣленіе отъ нея хозяйственной части, но съ оставленіемъ за нею наблюденія за отбываніемъ постойной и дорожной повинностей; наконецъ, выборность и сословность нѣкоторыхъ ея чиновъ.

Хотя такимъ образомъ понятіе о полиціи выразилось уже при Екатеринѣ II и ея преемникахъ далеко не въ столь широкой формѣ и гораздо опредѣлительнѣе, нежели первоначально при Петрѣ Великомъ, тѣмъ не менѣе общая организація полиціи требовала дальнѣйшихъ преобразованій.

Дробленіе полиціи, лишенной всякаго территоріальнаго и административнаго единства, приносило вредъ, слишкомъ извѣстный всякому, жившему не въ Петербургѣ или Москвѣ, но въ селеніяхъ и уѣздныхъ городахъ. Оно окончательно парализовало необходимую въ полицейскомъ дѣлѣ сосредоточенность надзора и быстроту распоряженій, и, вмѣсто развитія въ массѣ населенія правильныхъ воззрѣній на задачу полиціи, пріучало народъ ко многоначалію, или, вѣрнѣе, къ безначалію. Всѣ эти отдѣльныя полиціи, при столь частомъ соперничествѣ лицъ, состоявшихъ во главѣ ихъ, находились всегда болѣе или менѣе въ антагонизмѣ. Особенно было вредно отдѣленіе городской полиціи отъ земской. Городокъ на пространствѣ одной квадратной версты и даже менѣе, съ четырьмя или пятью стами жителей, имѣлъ свою самостоятельную полицію, среди уѣзда, въ которомъ нерѣдко насчитывалось 100.000—200.000 жителей. Кромѣ того, канцелярскія средства, личныя и денежныя, земскаго суда, этой передаточной лишь инстанціи, превосходили въ шесть и семь разъ редства становыхъ приставовъ, дѣйствительныхъ и отвѣтственныхъ, заваленныхъ дѣлами агентовъ мѣстной полиціи.

Съ другой стороны, прямая задача полицейской службы—забота о безопасности и благочиніи—встрѣчала непреодолимыя препятствія съ одной стороны въ совершенной неудовлетворительности полицейскихъ чиновъ, оплачиваемыхъ крайне скуднымъ казеннымъ содержаніемъ, а съ другой стороны въ отсутствіи полицейской стражи, такъ какъ для исполненія распоряженій чиновъ полиціи имѣлись въ отдѣльныхъ селеніяхъ только

сотскіе и десятскіе изъ мѣстныхъ крестьянъ, слишкомъ малочисленные и еще менѣе подготовленные для исполненія обязанностей полицейской службы.

Независимо отъ такой неудовлетворительной организаціи полиціи, онабыла буквально завалена слѣдственными дѣлами, которыя, по своимъ обременительнымъ бюрократическимъ формальностямъ, поглощали все ея вниманіе, въ ущербъ другимъ ея обязанностямъ. И тѣмъ не менѣе слѣдственная часть, за исключеніемъ большихъ городовъ съ усиленнымъ составомъ полиціи, шла крайне дурно; слѣдствія изъ живаго дѣла превратились въ безплодную, бездушную переписку о преступленіяхъ, не обнаруживая большею частію преступниковъ. Не лучше шли и дѣла о взысканіяхъ съ неисправныхъ должниковъ. Наконецъ, хотя полиція и была освобождена отъ завѣдыванія мѣстными хозяйственными дѣлами, но на ея обязанности, кромѣ настоятельнаго надзора за поступленіемъ податей, оставалось еще наблюденіе за исправнымъ отбытіемъ натуральныхъ повинностей, что не только обременяло ее сверхъ мѣры, на и дѣлало ее отвѣтственною тамъ, гдѣ ея настоянія не могли имѣть никакой силы.

Со своей стороны, исправники, обязанные выборомъ уѣздному дворянству, хотя и зависѣли отъ губернатора, но не могли быть самостоятельными предъ своими избирателями, и всего чаще были ихъ покорными слугами; вслѣдствіе этого всю власть исправниковъ и становыхъ приставовъ испытывало только податное, безмолвное предъ ними населеніе, хотя и имѣвшее по закону право жалобы на полицію, но никогда не умѣвшее имъ пользоваться. Городничіе и полицеймейстеры въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ имѣли тоже не болѣе вѣса предъ мѣстными чиновными городскими обывателями, сохраняя свой авторитетъ лишь въ дѣлахъ съ простонародьемъ. Коллегіальнаго же разбора дѣлъ въ полиціи, требуемаго по закону, въ дѣйствительности вовсе не было. Сельскіе засѣдатели отъ крестьянъ въ земскихъ судахъ и выборные отъ гражданъ ратманы въ городническихъ правленіяхъ не имѣли никакого голоса: первые служили разсыльными, а вторые нѣмыми прикладывателями своей подписи или, за безграмотностію, своихъ печатей къ невѣдомымъ вовсе для нихъ полицейскимъ актамъ; словесные же суды при частяхъ города существовали только по названію.

При такомъ положеніи полиціи, чины ея исполняли свои обязанности не только неисправно, но и нецелпріятно, чему особенно содѣйствовали, кромѣ безправности сельскаго и низшаго город-

скаго населенія, еще злоупотребленія откупа и неудовлетворительная организація губернскаго надзора. Понятно, наконецъ, что въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, полицейская служба сдѣлалась занятіемъ не привлекательнымъ, и ряды ея по необходимости должны были пополняться личностями, искавшими въ этой службѣ средства не только къ своему кормленію, но и къ самой противозаконной наживѣ.

II.

Попытки преобразованія полиціи, сложившейся по Екатерининскому типу, начались у насъ еще по окончаніи Отечественной Войны, когда дѣла внутренняго управленія обратили на себя господствующее вниманіе: Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Министерство Полиціи постоянно собирали по этому предмету всевозможныя свѣдѣнія, составлялись разныя предположенія, иногда дѣлались и частныя измѣненія въ законахъ; возникала рѣчь и объ общемъ коренномъ преобразованіи, но на практикѣ долго еще дѣло оставалось почти безъ движенія. Иначе и не могло быть, такъ какъ элементы для коренной реформы не успѣли еще въ то время уясниться.

Къ числу попытокъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій въ этотъ періодъ времени, а въ томъ числѣ и полицейской организаціи, должно отнести прежде всего проекты министра Полиціи, въ послѣдствіи рязанскаго генералъ-губернатора Балашева, примѣненные при императорѣ Александрѣ I въ видѣ опыта во ввѣренныхъ Балашеву губерніяхъ. Но этотъ опытъ не принесъ ожидаемой пользы, и управленіе тѣми губерніями было скоро возвращено къ прежнему порядку. Какъ самый проектъ, такъ и подробности его примѣненія намъ даже мало извѣстны: по этой части не встрѣчается никакихъ указаній въ весьма обстоятельной исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, изданной г. Варадиновымъ. Поэтому проектъ Балашева, заключая въ себѣ лишь историческій интересъ, едва ли можетъ служить полезнымъ указаніемъ въ практическомъ отношеніи. За то необходимо съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на преобразовательныхъ взглядахъ касательно полиціи, высказанныхъ въ началѣ царствованія императора Николая I.

Въ 1826 году, по волѣ императора Николая I, учрежденъ былъ комитетъ изъ высшихъ лицъ государственнаго управленія для составленія проектовъ общаго преобразованія какъ въ государ-

ственномъ, такъ и въ мѣстномъ управленіи. Составленныя этимъ комитетомъ предположенія объ общемъ преобразованіи не были осуществлены, такъ какъ вниманіе правительства, вслѣдствіе политическихъ событій, обратилось въ то время на другія дѣла; но составленные имъ проекты послужили весьма важнымъ матеріаломъ для всѣхъ послѣдующихъ законодательныхъ и административныхъ работъ. Вотъ предположенія комитета 1826 года о преобразованіи полиціи, въ томъ видѣ какъ они изложены въ трудахъ Коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ 1859 г.

Мѣстное управленіе, по проектамъ комитета 1826 года, подраздѣлялось на три степени: губернское, уѣздное и волостное. Въ каждой изъ этихъ степеней различались: полиція, хозяйство и судъ. Полиція въ общемъ смыслѣ есть учрежденіе, предназначенное для предупрежденія безпорядковъ и неустройствъ въ какой-либо части управленія и для пресѣченія ихъ. Всѣ отрасли управленія имѣютъ нужду въ мѣрахъ предупрежденія и пресѣченія безпорядковъ: мѣры общія для всѣхъ частей управленія сосредоточиваются въ общей полиціи; мѣры особенныя, свойственныя только извѣстной части управленія, относятся къ полиціи отдѣльной. Общая полиція, образуясь и развиваясь мало-по-малу изъ отдѣльныхъ, составила сама собою цѣлое обширное управленіе со своими инстанціями: министерство внутреннихъ дѣлъ, губернскія правленія и собственно полиція. Въ большей части государствъ, судебное и хозяйственное управленія удержали свою отдѣльную полицію, но у насъ судебная и хозяйственная полиціи составляютъ, по учрежденію 1775 года, части общей полиціи. Такимъ образомъ, полиція имѣетъ у насъ четыре вида: полиція общая предохранительная (полиція предупрежденія—административная), полиція исполнительная (полиція пресѣченія), судебная и, наконецъ, хозяйственная. Считая неудобнымъ существующее соединеніе полицій судебной и хозяйственной съ общею, комитетъ 1826 года находилъ однакоже въ то время невозможнымъ отдѣлить эти части, собственно по затрудненію увеличивать число чиновниковъ и количество издержекъ.

На различіи суда, полиціи и хозяйства основана въ проектахъ 1826 года вся система мѣстныхъ учрежденій.

Судебная власть въ уѣздѣ ввѣрялась уѣздному суду, полицейская—земской управѣ, хозяйственная—казенному приказу. Въ управу, кромѣ членовъ прежняго земскаго суда, полагалось опредѣлить еще двухъ засѣдателей: одного по назначенію высшей судебной инстанціи въ губерніи, а другаго по назначенію выс-

шей административной инстанціи. На перваго засѣдателя возлагалась судебная полиція, на втораго—хозяйственная. Казенный приказъ составленъ былъ изъ уѣзднаго казначея, и виннаго и солянаго приставовъ.

Изъ начальниковъ управы и приказа предполагалось образовать особое присутствіе въ предсѣдательствѣ чиновника, представляющаго въ уѣздѣ лицо губернатора; присутствіе это названо уѣзднымъ правленіемъ, и ему порученъ общій главный надзоръ за хозяйствомъ и полиціей уѣзда и разрѣшеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ дѣлъ. При этомъ учрежденіи уѣздный городъ, подобно волости, составлялъ лишь часть уѣзда.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей комитета 1826 года былъ графъ М. М. Сперанскій, который, развивая изложенныя начала, опредѣлилъ кругъ обязанностей полиціи болѣе точнымъ образомъ въ 1836 году, въ проектѣ учрежденія с.-петербургской полиціи (составленномъ въ особой Высочайше учрежденной коммиссіи, бывшей въ предсѣдательствѣ графа Сперанскаго).

Обязанности полиціи, по мнѣнію графа Сперанскаго, должны обнимать четыре главные предмета:

1) Предупрежденіе нарушеній порядка и общей безопасности: а) отъ физическихъ явленій происходящихъ—полиціи медицинская, народнаго продовольствія и пр. (полиція *распорядительная*); б) отъ произвола зависящихъ—преслѣдованіе проступковъ, и наложеніе взысканій за нихъ (полиція *исправительная*).

2) Пресѣченіе нарушеній, состоящее въ прекращеніи совершенія ихъ и въ возстановленіи порядка; сюда относятся дѣла о взысканіяхъ по безспорнымъ обязательствамъ (полиція *понудительная*) и дѣла о завладѣніяхъ, убыткахъ и исполненіи словесныхъ обязательствъ (полиція *судебная*).

3) Обличеніе нарушеній предъ закономъ (полиція *слѣдственная*).

4) Исполненіе судебныхъ приговоровъ и содѣйствіе отдѣльнымъ полиціямъ (полиція *исполнительная*).

Хотя проектъ преобразованія петербургской полиціи касался только столицы, тѣмъ не менѣе вновь предположенное устройство полиціи, по своей основной идеѣ, заключало въ себѣ какъ бы первообразъ для устройства полиціи вообще. Основанный принципіально на убѣжденіи *въ необходимости отдѣленія полиціи отъ суда и хозяйственнаго управленія*, проектъ графа Сперанскаго предлагалъ однако устройство полицейскаго суда въ составѣ полицейскихъ учрежденій. Полицейскій судъ составлялъ главнѣйшую часть проекта, и потому, при обсужденіи его въ

Государственномъ Совѣтѣ, обратилъ на себя преимущественное вниманіе. Несмотря на энергическую защиту графа Сперанскаго, полицейскій судъ, и вообще предположенныя имъ постановленія о преступленіяхъ и проступкахъ противъ благочинія, были единогласно отложены до общаго пересмотра уголовныхъ законовъ.

Но работы комитета 1826 года представляютъ огромный прогрессъ преобразовательныхъ взглядовъ относительно устройства полиціи. Комитетъ 1826 года какъ бы указалъ дальнѣйшее развитіе реформы полицейскихъ учрежденій. Въ этихъ именно видахъ состоялось въ тридцатыхъ годахъ изданіе устава о земскихъ повинностяхъ и учрежденіе особаго управленія для государственныхъ крестьянъ, которое впрочемъ совмѣстило въ себѣ и дѣла полицейскія, вслѣдствіе чего смѣшеніе хозяйственныхъ дѣлъ съ полиціей не прекратилось, а сама полиція только раздробилась, утративъ прежнее единство.

Затѣмъ, въ 1840 году, было циркулярно предложено Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ начальникамъ губерній доставить заключенія о состояніи полиціи, основанныя на мѣстныхъ наблюденіяхъ, а въ 1844 съ Высочайшаго разрѣшенія учрежденъ былъ, въ предсѣдательствѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ, особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи земской полиціи (городская полиція, менѣе обремененная хозяйственными дѣлами, успѣшнѣе отправляла свои обязанности, нежели земская, и потому не такъ настоятельно требовала реформы). Составленный комитетомъ проектъ былъ разосланъ въ 1845 году начальникамъ губерній для обсужденія въ губернскихъ комитетахъ. По разсмотрѣніи замѣчаній, сдѣланныхъ въ губернскихъ комитетахъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ нашло необходимымъ, прежде окончательнаго составленія положенія объ устройствѣ земской полиціи, удостовѣриться на мѣстѣ, съ какимъ удобствомъ могутъ быть примѣнены на практикѣ предположенныя проектомъ мѣры. Порученіе это было возложено на генералъ-лейтенанта (въ послѣдствіи графа) М. Н. Муравьева. Представленныя имъ подробныя соображенія, на основаніи собранныхъ на мѣстѣ данныхъ, были вновь разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ, и затѣмъ былъ изготовленъ проектъ дополнительныхъ правилъ о земской полиціи. Но по значительности предстоявшихъ издержекъ проектъ этотъ, подобно предположеніямъ комитета 1826 года, не получилъ дальнѣйшаго хода. Въ 1851 году возникла, по почину императора Николая I, мысль о примѣненіи означеннаго проекта, первоначально въ видѣ опыта, въ нѣ-

которыхъ уѣздахъ Петербургской губерніи; но прежде нежели эта мысль получила исполненіе, мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 31 января 1852 года, поручено было Министерству Внутреннихъ Дѣлъ войти въ соображеніе о соединеніи городской и земской полиціи въ одно управленіе. По этому вопросу началась новая обширная переписка съ мѣстными начальствами, которая и продолжалась до 1855 года. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за этотъ годъ, бывшій тогда Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Ланской изложилъ, между прочимъ, существующіе недостатки полицейскаго управленія, и Императоръ Александръ II положилъ противъ этой части отчета слѣдующую резолюцію: „обратить особенное вниманіе на всѣ сіи недостатки и сообразить какъ сему помочь“.

Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія, департаменты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Полиціи Исполнительной и Хозяйственный, приступили вновь къ обширнымъ работамъ по преобразованію полицейскаго управленія. Когда работы эти уже приходили къ концу, необходимость немедленнаго и кореннаго преобразованія полиціи предстала съ новою силой, вслѣдствіе приготовлявшейся въ то время крестьянской реформы.

Вообще всѣ предшествующія попытки улучшенія полиціи оказывались несостоятельными не вслѣдствіи недостатка энергіи или только финансовыхъ средствъ у правительства, но еще и по другимъ, болѣе глубокимъ причинамъ.

Онѣ не могли достигать цѣли прежде всего потому, что полиція, какъ и прежде, должна была содѣйствовать такимъ установленіямъ, существованіе коихъ во многихъ отношеніяхъ было связано съ допущеніемъ почти права гражданства для разныхъ злоупотребленій. При правительственномъ значеніи откупа, чиновники городской и земской полиціи не могли не быть безгласными въ дѣлахъ по столкновенію мѣстнаго населенія съ откупными агентами. На такую же безгласность, въ силу крѣпостнаго права, осуждалась земская полиція въ большей части случаевъ при разборѣ столкновеній между помѣщиками и крестьянами. Съ другой стороны, полиція имѣла слишкомъ много вліянія тамъ, гдѣ она обладала правомъ суда: при разборѣ мелкихъ споровъ и проступковъ и при производствѣ слѣдствій; но и здѣсь авторитетъ ея доведенъ былъ до безправія во всѣхъ сношеніяхъ съ вѣдомствами государственныхъ имуществъ, удѣльнымъ и горнымъ. Требованія

справокъ отъ судебныхъ мѣстъ и разныхъ свѣдѣній отъ другихъ учрежденій, возложеніе на полицію надзора за лицами, оставленными по суду въ подозрѣніи, обременяли ее безплодною перепиской. Наконецъ, надзоръ за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, крайне неудовлетворительно разложенныхъ при привилегированномъ положеніи помѣщиковъ и вѣдомствъ государственныхъ имуществъ, удѣльнаго, а также горнаго и военныхъ поселеній, ставили полицію равнымъ образомъ въ невозможность исполнять возложенныя на нее по закону обязанности. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя было достигнуть успѣха отдѣльными улучшеніями штатовъ столичной или земской полиціи, или изданіемъ частныхъ уставовъ; нельзя было удовольствоваться и отдѣленіемъ судебной и хозяйственной дѣятельности отъ полиціи, ибо нужно было сперва устроить на новыхъ основаніяхъ судъ и хозяйственное управленіе, и затѣмъ уже начертать въ отношеніи къ нимъ нормальный порядокъ полицейской дѣятельности.

Новая эпоха въисторіи государственныхъ реформъ нашего отечества началась произнесеніемъ державнаго слова объ упраздненіи крѣпостнаго права. Реформа крестьянская, касаясь многообразныхъ гражданскихъ отношеній и правъ образованнѣйшаго класса землевладѣльцевъ и многочисленнѣйшаго сословія земледѣльцевъ, не только дала толчокъ всѣмъ доселѣ совершавшимся отдѣльнымъ преобразованіямъ, но и поставила ихъ во взаимную тѣсную связь. Въ освобожденіи крестьянъ лежали задатки какъ сліянія крестьянъ всѣхъ наименованій въ одно сословіе, такъ и новаго мѣстнаго хозяйственнаго управленія, новой податной системы, а слѣдовательно и новыхъ отношеній къ полиціи какъ всѣхъ мѣстныхъ управленій, такъ и всѣхъ мѣстныхъ обывателей.

Въ силу Высочайшаго повелѣнія 18 февраля 1858 года, министрами Юстиціи, Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ, съ участіемъ покойнаго графа Ростовцова, были составлены предварительныя предположенія о новомъ устройствѣ уѣзднаго управленія и о порядкѣ разбора недоумѣній, могущихъ возникать между помѣщиками и крестьянами. Въ основаніе этихъ предположеній были положены три начала: 1) *соединеніе земской и городской полиціи;* 2) *назначеніе начальника уѣздной полиціи отъ правительства;* 3) *увеличеніе содержанія полицейскихъ чиновниковъ.* Эти предположенія, предварительно разсмотрѣнныя въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу,

Высочайше повелѣно было сообщить генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, съ тѣмъ чтобъ они доставили по нимъ свои ближайшія мѣстныя соображенія.

Особая коммиссія представителей отъ разныхъ вѣдомствъ составила затѣмъ своды изъ доставленныхъ начальниками губерній отзывовъ, и затѣмъ проектировала окончательные изъ нихъ выводы. Работа эта была разсмотрѣна въ комитетѣ, въ которомъ дальнѣйшее развитіе упомянутыхъ выше началъ уѣзднаго управленія дополнено было слѣдующими положеніями: *отдѣленіе отъ полиціи слѣдственныхъ дѣлъ съ учрежденіемъ особыхъ слѣдственныхъ чиновниковъ; устройство хозяйственно-распорядительнаго управленія въ уѣздѣ съ предоставленіемъ ономy бо́льшаго единства, довѣрія и самостоятельности; наконецъ, отдѣленіе по возможности отъ полиціи судебныхъ дѣлъ.*

На основаніи этихъ началъ составлены были бывшею при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ коммиссіей проекты уѣзднаго полицейскаго управленія, съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

1) Земская и городская полиціи сливаются въ одномъ учрежденіи подъ названіемъ уѣзднаго полицейскаго управленія, состоящаго изъ уѣзднаго исправника и общаго присутствія; учрежденіе особой городской полиціи допущено лишь тамъ, гдѣ соединеніе полицейскихъ обязанностей по городу и уѣзду представляетъ очевидныя затрудненія, или даже невозможность для успѣшнаго и правильнаго хода дѣлъ.

2) Слѣдственная часть получаетъ особое устройство, а за полиціей оставлена только обязанность обнаруживать преступленія и проступки, совершаемые въ подвѣдомственной ей мѣстности, и производить о нихъ первоначальное дознаніе, которое ограничивается приведеніемъ въ извѣстность обстоятельствъ, необходимыхъ для удостовѣренія въ томъ: заключается ли въ происшествіи преступленіе или же проступокъ.

3) Прочія судебно-полицейскія обязанности отдѣляются отъ полиціи; съ этою цѣлію должны быть установлены особыя судебныя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, и общіе для всѣхъ уѣздныхъ обывателей мировые судьи.

4) Для дѣлъ хозяйственно-распорядительныхъ, впредь до окончательнаго устройства этой части при пересмотрѣ губернскихъ учрежденій, предположено было соединить всѣ существовавшіе въ то время уѣздные комитеты въ одно присутствіе, въ предсѣдательствѣ уѣзднаго предводителя дворянства, чрезъ что̀ дворян-

ство, какъ первенствующее сословіе, становится, въ лицѣ своего предводителя, во главѣ распорядительно-хозяйственной части, и вообще управленія по дѣламъ общаго уѣзднаго благоустройства.

5) Съ исключеніемъ, по возможности, изъ предметовъ вѣдомства полиціи дѣлъ судебно-полицейскихъ, слѣдственныхъ и хозяйствено-распорядительныхъ, полиціи предоставляются дѣла собственно исполнительныя.

6) Главная полицейская власть въ уѣздѣ сосредоточивается въ уѣздномъ исправникѣ, назначаемомъ отъ правительства. Какъ уѣздный исправникъ, такъ прочія исполнительныя должностныя лица, избавленныя отъ производства слѣдствій, пріобрѣтаютъ средства и досугъ для полицейскихъ дѣлъ, требующихъ быстроты и распорядительности.

7) Многочисленныя формы дѣлопроизводства и отчетность полиціи, поглощавшія нерѣдко всю дѣятельность полицейскихъ чиновниковъ, значительно упрощаются, и новыя правила по этому предмету должны быть опредѣлены въ особой инструкціи.

8) Наконецъ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ началъ, увеличено содержаніе чиновъ полиціи.

Проекты общаго учрежденія уѣздной полиціи и учрежденія слѣдственныхъ судей представлены были министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственный Совѣтъ 30 апрѣля 1860 года, а проекты особаго учрежденія городской полиціи—20 октября того же года. Но утвержденіе и даже самое разсмотрѣніе означенныхъ проектовъ не могло послѣдовать скоро. Причина промедленія заключалась не столько въ объемѣ этихъ законодательныхъ работъ, сколько вообще въ затрудненіи приступить одновременно ко многочисленнымъ кореннымъ преобразованіямъ, а въ частности въ томъ, что, ко времени представленія работъ коммиссіи въ Государственный Совѣтъ, не были еще приведены къ окончанію работы по составленію Положенія объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и по другимъ реформамъ, находящимся въ неразрывной связи съ преобразованіемъ полиціи. Вслѣдствіе того проекты коммиссіи должны были подлежать законодательному разсмотрѣнію не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ движенія впередъ прочихъ преобразованій и съ принятіемъ во вниманіе прежде всего тѣхъ частей уѣзднаго полицейскаго устройства, которыя были наиболѣе неотложны.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 8 іюня 1860 года было повелѣно: 1) отдѣлить слѣдственную часть отъ полиціи во всѣхъ управляемыхъ по общему учрежде-

нію сорока четырехъ губерніяхъ Имперіи, и назначить въ эти губерніи особыхъ, подвѣдомственныхъ Министерству Юстиціи, чиновниковъ для производства слѣдствій о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ, именовавъ этихъ чиновниковъ судебными слѣдователями; 2) на обязанности полиціи оставить впредь до судебной реформы только изслѣдованіе по преступленіямъ и проступкамъ маловажнымъ, которые предоставлены разбору и сужденію самихъ полицейскихъ властей, а также и первоначальное дознаніе о происшествіяхъ, которыя могутъ, по связи съ преступленіемъ болѣе важнымъ, подлежать разсмотрѣнію мѣстъ судебныхъ.

Отдѣленіе слѣдственной части отъ полиціи уменьшило кругъ ея занятій. Независимо отъ того, означеннымъ указомъ 8 іюня установлены были первоначальныя мѣры къ улучшенію самаго быта и личнаго состава чиновъ земской полиціи, а именно: разрѣшено отпускать ежегодно на увеличеніе окладовъ содержанія чиновъ земской полиціи по 1.000.000 руб., сер. въ распоряженіе министра Внутреннихъ Дѣлъ, и предоставлено начальникамъ губерній, тамъ гдѣ земскіе исправники избираются дворянствомъ, увольнять, если признаютъ необходимымъ, отъ этой должности тѣхъ изъ нихъ, кои окажутся не вполнѣ благонадежными, донося каждый разъ о причинахъ такого увольненія подробно министру Внутреннихъ Дѣлъ; въ случаѣ же когда избранные дворянствомъ и утвержденные въ должностяхъ своихъ земскіе исправники выбудутъ изъ должности за смертію, или переходомъ въ другую службу, или увольненіемъ въ отставку, а также если они будутъ уволены по суду или по распоряженію начальства, разрѣшено было губернаторамъ къ исправленію должности исправниковъ назначать отъ правительства лицъ совершенно благонадежныхъ, подъ личною губернаторовъ, за выборъ ихъ, отвѣтственностью, съ утвержденія министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Дальнѣйшія преобразованія, относящіяся къ полиціи непосредственно или косвенно—чрезъ новое устройство соприкасавшихся съ нею отраслей мѣстнаго управленія—имѣли въ виду развитіе тѣхъ двухъ началъ, которыя были установлены указомъ 8 іюня 1860 года: уменьшеніе объема занятій полицейскихъ чиновъ и улучшеніе быта этихъ чиновъ.

19 февраля 1861 года, вмѣстѣ съ утвержденіемъ Положеній объ упраздненіи крѣпостнаго права, отдѣлена была отъ земской полиціи большая часть доселѣ лежавшихъ на ней обязанностей по дѣламъ помѣщичьихъ крестьянъ. До этого времени вотчинная полиція въ населенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ принадлежала

помѣщикамъ и ихъ управляющимъ; но такъ какъ право помѣщиковъ на вотчинную полицію, основанное на крѣпостномъ правѣ, было крайне неопредѣленно, то возникавшія отсюда недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами, выходя безпрестанно изъ круга дѣйствій и предѣловъ власти вотчинной полиціи, составляли, вмѣстѣ со слѣдственною частью, главный предметъ занятій общей уѣздной полиціи. Положенія 19 февраля, отмѣнивъ права помѣщиковъ надъ личностью ихъ крестьянъ, установили особыя мировыя учрежденія, другими словами: спеціальную мировую полицію для разбора дѣлъ, касающихся взаимныхъ хозяйственныхъ отношеній между помѣщиками и ихъ бывшими крестьянами, а прежнюю вотчинную полицію предоставили новымъ крестьянскимъ учрежденіямъ: волостнымъ судамъ, волостнымъ головамъ и т. п. Результатъ этой реформы былъ слѣдующій: земская полиція перестала заниматься разбирательствомъ самыхъ щекотливыхъ дѣлъ, относящихся къ частнымъ населеннымъ имѣніямъ, и дѣятельность ея въ примѣненіи къ нимъ была ограничена лишь наблюденіемъ за наружнымъ благочиніемъ и содѣйствіемъ мировой и сельской полиціямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія встрѣчаютъ препятствія къ исполненію своихъ распоряженій.

Послѣ знаменательнаго акта 19 февраля 1861 года, заботы о дальнѣйшемъ преобразованіи полиціи не прерывались. 25 декабря 1862 года были Высочайше утверждены *временныя правила* объ устройствѣ полиціи въ городахъ и уѣздахъ губерній, по общему учрежденію управляемыхъ. Въ именномъ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату, состоявшемся по этому поводу, было объяснено, что эти правила изданы *впредь до воспослѣдованія общаго преобразованія полиціи*, которое можетъ воспріять окончательное свое совершеніе тогда только, когда составлены будутъ имѣющіе непосредственную связь съ этою реформой уставы судоустройства и положенія о земско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ.

Существенныя черты новаго временнаго полицейскаго устройства заключались въ слѣдующемъ:

Вѣдомству уѣздной полиціи подлежитъ весь уѣздъ съ уѣздными и безуѣздными городами, посадами, мѣстечками и селеніями, находящимися въ немъ. *) Уѣздную полицію составляетъ уѣзд-

*) Изъ вѣдомства уѣздной полиціи исключены всѣ губернскіе города и градоначальства, а также, по своей значительности, 19 уѣздныхъ и безуѣздныхъ городовъ.

ное, а городскую (въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, не подвѣдомыхъ полиціи уѣздной) городское полицейское управленіе, съ подчиненными тому и другому исполнительными чиновниками и полицейскими нижними чинами въ городахъ и селеніяхъ. Уѣздное полицейское управленіе составляютъ: а) уѣздный исправникъ, б) вновь назначаемый помощникъ исправника, в) общее присутствіе уѣзднаго полицейскаго управленія и г) временныя его отдѣленія, образуемыя въ особыхъ случаяхъ. Городское полицейское управленіе въ тѣхъ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, которые не подвѣдомы уѣздной полиціи, составляютъ: а) полицеймейстеръ, б) помощникъ полицеймейстера, гдѣ таковой будетъ назначенъ и в) вообще присутствіе городскаго полицейскаго управленія. Исправникъ есть начальникъ уѣздной, а полицеймейстеръ—городской полиціи. Общее присутствіе уѣзднаго полицейскаго управленія состоитъ, въ предсѣдательствѣ исправника, изъ его помощника и засѣдателей отъ сословій. Общее присутствіе городскаго полицейскаго управленія образуется, въ предсѣдательствѣ полицеймейстера, изъ его помощника, гдѣ таковой назначенъ, и изъ двухъ ратмановъ городоваго магистрата или ратуши.

Полицейскому управленію подвѣдомы слѣдующіе исполнительные чины: въ уѣздахъ становые пристава, а въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ—городскіе пристава, ихъ помощники и полицейскіе надзиратели.

Уѣздные исправники, полицеймейстеры и ихъ помощники опредѣляются и увольняются начальникомъ губерніи; при опредѣленіи ихъ, начальникъ губерніи не стѣсняется правилами о соотвѣтственности чиновъ съ разрядомъ должности, а также постановленіемъ о томъ, чтобы въ полицеймейстеры опредѣлять военныхъ офицеровъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Комитета о раненыхъ. Исполнительные чиновники полиціи опредѣляются начальникомъ губерніи, по представленіямъ уѣзднаго исправника или полицеймейстера, по принадлежности. Подвѣдомыя полиціи дѣла разрѣшаются или общимъ присутствіемъ полицейскаго управленія, или личными распоряженіями начальника полиціи *).

---

*) На содержаніе всей вообще уѣздной полиціи, вмѣсто отпускавшейся по прежнимъ штатамъ суммы 3.168.819 руб., назначено было 4. 247.998 руб., то-есть на 1 079.179 р. больше, Содержаніе полицейскимъ

Въ связи съ крестьянскою реформой находится и послѣдовавшее за нею сліяніе крестьянъ всѣмъ наименованій въ одно общее сельское состояніе, подчиненное общему суду и общей полиціи. Эта мѣра, сосредоточивая доселѣ разрозненную полицейскую власть въ однѣхъ рукахъ, объединяла полицейскія распоряженія въ уѣздѣ. Кромѣ того, вслѣдствіе сліянія крестьянъ всѣхъ наименованій въ одно сословіе, введены были повсемѣстно волостныя и сельскія хозяйственно-распорядительныя управленія, существовавшія дотолѣ лишь въ казенныхъ селеніяхъ. На эти управленія возложены были обязанности первоначальной полиціи, и они были подчинены, по дѣламъ этого рода, уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ.

Почти въ этоже самое время отмѣнена была система винныхъ откуповъ, а наблюденіе за винокуреніемъ и правильнымъ взиманіемъ акциза возложено было на особыхъ надзирателей, подчиненныхъ Министерству Финансовъ.

Далѣе, съ постепеннымъ введеніемъ, съ 1 января 1864 года, земскихъ учрежденій, а съ 16 іюня 1870 Городоваго положенія, отнесены были къ прямому завѣдыванію новыхъ земскихъ и городскихъ органовъ самоуправленія всѣ тѣ дѣла, которыя, несмотря на свой хозяйственный характеръ, лежали косвенно на попеченіи полиціи, а именно: по части продовольственной, дорожной, торговой и т. п;

Наконецъ, въ силу Судебныхъ Уставовъ 1864 года, административная власть принимаетъ только мѣры для предупрежденія

чинамъ было вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено, по новымъ нормальнымъ штатамъ, слѣдующее:

а) По уѣздному полицейскому управленію.	Въ годъ.
Уѣздному исправнику	1.500 р.
Помощнику его	1.000 „
На канцелярскія издержки, наемъ писарей, сторожей, разсыльныхъ и т. п.	1.200 „
Городскому приставу	600 „
Полицейскому надзирателю	400 „
Становому приставу	600 „
И на канцелярскіе расходы пристава	отъ 300 до 100 „

б) По городскому полицейскому управленію.

Полицеймейстеру	отъ 1.500 до 1 000 „
Помощнику	1.000 „
Секретарю	отъ 600 до 400 „

и пресѣченія преступленій и проступковъ. Полиція производитъ лишь дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ, и учиненное дознаніе передаетъ немедленно мѣстному судебному слѣдователю. Затѣмъ всѣ тѣ спорныя дѣла, которыя доселѣ подлежали полицейскому разбирательству, переданы мировому суду,

Самая процедура исполнительныхъ судебныхъ дѣйствій поручена была Судебными Уставами 1864 года не полиціи, а состоящимъ при судахъ особымъ приставамъ. Далѣе, съ отмѣной теоріи доказательствъ, основанной единственно на ихъ формальности, отмѣнено и оставленіе обвиняемыхъ лицъ въ подозрѣніи, чѣмъ упразднена громадная переписка, производившаяся дотолѣ во всѣхъ полицейскихъ инстанціяхъ, которыя были обязаны, съ одной стороны, разыскивать и ловѣрять формальныя доказательства по требованію слѣдователей изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Имперіи, а съ другой, наблюдать за поведеніемъ оставленныхъ въ подозрѣніи лицъ.

Но до какой степени полиція, несмотря на реформу 25 декабря 1862 года, не соотвѣтствовала еще своему назначенію, очевидно было изъ повторявшихся отовсюду жалобъ. Правда, эти жалобы были уже не тѣ, что прежде: жалобъ на самовластіе произволъ и даже лихоимство полиціи стало гораздо меньше но за то усилились жалобы на ея бездѣйствіе, обусловливаемое ея *безсиліемъ*, хотя кругъ ея обязанностей былъ гораздо меньше, чѣмъ прежде. Можно безъ преувеличенія сказать, что ея безпомощность какъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій, такъ и по охраненію внутренней безопасности, и даже по наблюденію за благочиніемъ, не признавалось только тѣми, кто въ безсиліи полиціи видѣлъ лишь слодручное средство для достиженія преступныхъ цѣлей.

Несмотря на то, правительственная дѣятельность по устройству полиціи какъ бы затихла послѣ судебной реформы, и можно было не безъ основанія предполагать, что даже въ правительственныхъ сферахъ утвердился взглядъ, будто реформа нашей полиціи уже была вполнѣ довершена Судебными Уставами 1864 года. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ не было сдѣлано ни одного шага къ подъему самостоятельности и энергіи полицейской службы. Только тогда, когда безсиліе полиціи въ охраненіи благочинія и безопасности привело къ цѣлому ряду фактовъ, немыслимыхъ въ благоустроенномъ государствѣ, обращено было снова вниманіе на полицію, и, начиная съ 1876 года, приняты были энергическія мѣры къ тому, чтобы полиція въ кругу ея

вѣдомства обладала необходимыми условіями для дѣйствительнаго, а не номинальнаго только предупрежденія преступленій и проступковъ.

Высочайше утвержденнымъ 13 іюля 1876 года Положеніемъ Комитета Министровъ, мѣстнымъ административнымъ властямъ: генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ предоставлено было издавать обязательныя постановленія въ видахъ правильнаго и успѣшнаго исполненія, сообразно съ мѣстными условіями, узаконеній объ общественномъ благочиніи, порядкѣ и безопасности. Эта важная мѣра была особенно необходима потому, что законъ, однообразно регламентируя съ излишнею нерѣдко подробностію образъ дѣйствій полиціи въ виду отдѣльныхъ преступленій и проступковъ, оставлялъ ее безъ надлежащихъ наставленій относительно общихъ обязанностей, которыя практически возникали для нея изъ особыхъ условій мѣста и времени. Вслѣдствіе того, полиція въ подобныхъ случаяхъ или вовсе бездѣйствовала, опасаясь отвѣтственности, или дѣйствовала по своему усмотрѣнію и на свой страхъ, возбуждая тѣмъ противъ себя нареканія въ произволѣ, и даже поводы къ судебнымъ преслѣдованіямъ по жалобамъ частныхъ лицъ. Теперь же, на основаніи законоположенія 13 іюля 1876 года, независимо отъ принятія мѣръ, относящихся къ отдѣльнымъ случаямъ, административнымъ властямъ дана была возможность, безъ обременительной переписки съ органами центральнаго правительства и безъ опасенія быть обвиненными въ произволѣ органами власти судебной, давать полиціи инструкціи, „относящіяся къ цѣлому ряду опредѣленныхъ и однородныхъ случаевъ“, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ издаваемыя въ этомъ порядкѣ постановленія не противорѣчили существующимъ узаконеніямъ. Съ другой стороны было опредѣлено, что виновные въ неисполненіи этихъ распоряженій администраціи привлекаются къ отвѣтственности на общемъ основаніи, чѣмъ и придана была означеннымъ постановленіямъ *общая, обязательная* сила. Вмѣстѣ съ тѣмъ, административныя власти были уполномочены, въ случаѣ усмотрѣнной ими надобности, дополнять, замѣнять или вовсе отмѣнять эти постановленія, но о каждомъ актѣ своей дѣятельности въ этомъ смыслѣ имъ было поставлено въ обязанность публиковать во всеобщее свѣдѣніе и доносить, съ объясненіемъ причинъ, министру Внутреннихъ Дѣлъ, усмотрѣнію коего предоставлено равнымъ образомъ право дополненія, измѣненія, и даже совершенной отмѣны распоряженія мѣстныхъ

властей. Наконецъ, частнымъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ предоставлено было право приносить въ общеустановленномъ порядкѣ жалобы на обязательныя постановленія мѣстныхъ властей, но съ тѣмъ, что подача жалобы не освобождаетъ жалующихся, впредь до разсмотрѣнія дѣла, отъ исполненія тѣхъ постановленій.

Другая мѣра состояла въ учрежденіи полицейскихъ урядниковъ. До этого времени полицейской стражи въ наибольшей части нашего отечества почти не было. Въ губернскихъ городахъ еще была команда изъ городовыхъ, въ помощь коимъ назначаемы были, въ особыхъ случаяхъ, чины мѣстной жандармской команды; въ столицахъ, полицейская стража и жандармы были еще многочисленнѣе, а въ Петербургѣ учреждены были, для непосредственнаго содѣйствія участковымъ приставамъ, особые околоточные надзиратели. Но въ уѣздахъ полицейская стража существовала только номинально, такъ какъ, состоя изъ сотскихъ и десятскихъ, она была совершенно неудовлетворительна какъ въ качественномъ отношеніи, такъ и по своей численности. Настоящимъ, отвѣтственнымъ полицейскимъ агентомъ во всемъ, нерѣдко весьма обширномъ полицейскомъ станѣ являлся единственно становой приставъ, отъ котораго посему требовались такія условія, которыя не по силамъ одному человѣку: вездѣсущность, всезнаніе и не прекращающаяся ни на одну минуту бдительность.

Въ виду этихъ обстоятельствъ состоялось утвержденное 14 іюня 1878 года положеніе Комитета Министровъ, въ силу коего въ губерніяхъ Европейской Россіи учреждено было до 5.000 полицейскихъ урядниковъ, съ подраздѣленіемъ ихъ, по усмотрѣнію министра Внутреннихъ Дѣлъ, на конныхъ и пѣшихъ. Они предназначены были „для усиленія средствъ уѣздной полиціи и въ помощь становымъ приставамъ для исполненія полицейскихъ обязанностей, а также для надзора за дѣйствіями сотскихъ и десятскихъ на мѣстахъ и для ихъ руководства“. Распредѣленіе урядниковъ по уѣздамъ предоставлено было губернаторамъ, а по станамъ—уѣзднымъ исправникамъ. Жалованье урядникамъ назначено до 200 р. въ годъ каждому, сверхъ того 50 р. въ годъ на обмундированіе и 100 р. на содержаніе лошади. Обязанности урядниковъ опредѣлены подробными инструкціями министра Внутреннихъ Дѣлъ, а ихъ отвѣтственность—дѣйствующими узаконеніями; пріемъ ихъ на службу обусловленъ предварительнымъ испытаніемъ; каждому изъ нихъ поручено завѣдываніе однимъ изъ участковъ, на ко-

торые въ этихъ видахъ подраздѣленъ каждый станъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ канцелярскія средства становыхъ приставовъ усилены были назначеніемъ по 200 р. въ годъ на каждый станъ, а министру Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 21 декабря 1879 года, предоставлено установлять, по ходатайству общественныхъ учрежденій, частныхъ обществъ и лицъ, должности исполнительныхъ полицейскихъ чиновниковъ и внѣ городскихъ поселеній, съ возмѣщеніемъ лишь издержекъ казны на счетъ этихъ учрежденій обществъ и лицъ.

Наконецъ, 6 августа 1880 года упразднено или, вѣрнѣе, воссоединено было съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, съ подчиненіемъ министру и корпуса жандармовъ. *)

III.

Ознакомившись съ постепеннымъ развитіемъ нашей полицейской организаціи, обратимся теперь къ той задачѣ которая возложена у насъ на полицію дѣйствующими узаконеніями. Эта задача въ общихъ чертахъ выражена въ слѣдующей формѣ: *губернаторы и мѣстныя полиціи* обязаны, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, *предупреждать и пресѣкать* всякія дѣйствія, клоняціяся къ нарушенію должнаго уваженія *къ вѣрѣ*, или же *общественнаго спокойствія, порядка, благочинія, безопасности личной и безопасности имуществъ* *).

*) Бывшее III Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи возникло, сколько извѣстно, слѣдующимъ образомъ: при первоначальномъ образованіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ составѣ Департамента Полиціи учреждена была особая экспедиція по дѣламъ общественной безопасности; но затѣмъ, еще при императорѣ Александрѣ I, эта экспедиція подчинена была непосредственному вѣдѣнію самого государя, а съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I она вошла и формально въ составъ Собственной Канцеляріи. Разслѣдованіе по поводу бунта 14 декабря 1825 года и послѣдовавшее затѣмъ, въ связи съ польскимъ мятежомъ 1830 года, политическое броженіе въ западныхъ губерніяхъ дали особое значеніе III Отдѣленію, которое вслѣдствіе этого поставлено было подъ начальство особо довѣреннаго лица съ правами министра, а для исполненія порученій этого Отдѣленія къ нему прикомандирована была одна изъ кирасирскихъ дивизій, переименованная въ корпусъ жандармовъ.

*) Ст. 1 Свода Уставовъ о предупрежденіи пресѣченій преступленій, по Своду Законовъ 1876 года.

Обязанности губернаторовъ по дѣламъ полиціи, равно генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, заключаются въ общемъ руководствѣ мѣстными полицейскими чинами и въ высшемъ за ними надзорѣ. Кромѣ того, этимъ административнымъ властямъ предоставлено издавать обязательныя для всѣхъ обывателей постановленія, обезпечивающія правильное и успѣшное исполненіе, сообразно съ мѣстными условіями, узаконеній объ общественномъ благочиніи, порядкѣ и безопасности.

Что же касается разнообразныхъ обязанностей, лежащихъ на чинахъ самой полиціи, то опредѣлить ихъ нѣсколько труднѣе, такъ какъ законы о полиціи не сведены у насъ въ одно цѣлое, а разсѣяны въ разныхъ частяхъ Св. Зак. Надо при этомъ принять во вниманіе, что полиція въ губернскихъ городахъ, въ градоначальствахъ и въ столицахъ, дѣйствуя на относительно меньшемъ пространствѣ, имѣетъ гораздо болѣе сосредоточенную, а слѣдовательно и болѣе удовлетворительную организацію, чѣмъ полиція уѣздная, вѣдѣнію коей подлежитъ, вмѣстѣ съ уѣзднымъ городомъ, и уѣздъ, занимающій обыкновенно весьма обширное пространство. Но губернскіе города, градоначальства и столицы составляютъ на нашей необозримой территоріи центры болѣе или менѣе исключительные, такъ что господствующимъ типомъ полицейской службы является у насъ собственно полиція уѣздная, на обязанности которой мы посему и обратимъ наше главное вниманіе, тѣмъ болѣе, что обязанности полиціи въ губернскихъ городахъ, градоначальствахъ и столицахъ по существу тѣ же самыя, какъ и полиціи уѣздной.

Во *второй* главѣ книги III, ч. I, т. II *Свод. Зак.* (по продолженію 1879, 1881 и 1883 годовъ) опредѣленъ вообще „*кругъ дѣйствій* полицейскихъ управленій“, а въ *шестой* главѣ помѣщенъ подробный „*Наказъ* чинамъ и служителямъ уѣздной полиціи“. Наказъ этотъ представляетъ только болѣе подробное развитіе постановленій главы второй, въ которой собственно и сгруппированы всѣ основныя законоположенія по части полиціи.

Вотъ тѣ главныя постановленія, которыми въ § 1, ст. 1.323 опредѣляются обязанности полиціи „*по наблюденію за исполненіемъ законовъ, охраненію безопасности и дѣламъ общественнаго благоустройства*“:

По пункту 6 означеннаго §, на полицію возложено: охраненіе общественнаго спокойствія, благочинія, добрыхъ нравовъ, порядка и должнаго властямъ повиновенія; усмиреніе всякаго дѣйствія,

противнаго вѣрноподданническому долгу и послушанію; *) предупрежденіе и прекращеніе всякихъ непозволительныхъ и соблазнительныхъ сборищъ; неулустительное наблюденіе за тѣмъ, чтобы нигдѣ и ни подъ какимъ предлогомъ противузаконныхъ обществъ не учреждалось; мѣры безопасности отъ воровъ и разбойниковъ; поимка оныхъ и истребленіе ихъ шаекъ; **) принятіе, въ случаѣ нужды особыхъ мѣръ для безопасности какого-либо селенія, дома или частнаго лица ***). По пункту 22—надзоръ за публичными заведеніями и за соблюденіемъ установленныхъ для содержанія ихъ правилъ; прекращеніе и предупрежденіе въ сихъ заведеніяхъ, и вообще въ публичныхъ мѣстахъ ссоръ, дракъ и другихъ противныхъ закону или правиламъ благопристойности и благочинія дѣйствій, а равно и запрещенныхъ игръ. По пункту 24—надзоръ за тѣмъ, чтобы не производилось незаконной торговли, не обращались и не продавались на ярмаркахъ, рынкахъ и въ лавкахъ запрещенные правительствомъ товары, книги, эстампы и рукописи. Наконецъ, по пункту 1 § III, прекращеніе всякаго насилія, обидъ и самоуправства ****).

---

*) Въ ст. 1.383 *Наказа* преподано, что полиція по дѣламъ этого рода должна дѣйствовать сначала посредствомъ внушеній, обращаясь даже къ содѣйствію мѣстнаго духовенства, а при неуспѣшности внушеній должно прибыть на мѣсто временное Отдѣленіе Уѣзднаго Управленія, которое въ случаѣ нужды имѣетъ право требовать и военную помощь.

**) Въ разъясненіе образа дѣйствій полиціи въ отношеніи къ ворамъ, разбойникамъ и ихъ шайкамъ, помѣщено въ ст. 1.388 *Наказа* подробное наставленіе полиціи для наблюденія за людьми подозрительными, причемъ ей предоставлено брать подъ стражу тѣхъ, кои будутъ на торгахъ и рынкахъ продавать или мѣнять украденныя вещи или пропивать оныя; въ случаѣ же появленія шаекъ постановлено учреждать, по распоряженію полицейскаго управленія, гдѣ это окажется нужнымъ, пикеты и разъѣзды изъ ближайшихъ къ тѣмъ мѣстамъ благонадежныхъ обывателей, или же, по распоряженію высшаго начальства, изъ назначенныхъ на то войскъ.

***) Въ ст. 1392 *Наказа* указано что, въ случаѣ сдѣланныхъ кому-либо словесно или письменно угрозъ, полиція, смотря по степени вѣроятности опасенія, принимаетъ заблаговременно нужныя мѣры осторожности для предупрежденія угрожающаго насилія, а съ тѣмъ вмѣстѣ для открытія и поимки виновныхъ.

****) Ст. 1.391 *Наказа* предписываетъ чинамъ и служителямъ уѣздной полиціи оказывать „всѣмъ и каждому покровительство и защиту противъ личныхъ обидъ и насилій всякаго рода“, причемъ полиція уполно-

Вообще полиція, по ст. 1.327, въ случаѣ нарушенія благочинія и порядка въ округѣ ея вѣдомства, приводитъ, по мѣрѣ власти ей предоставленной, предписанное закономъ или постановленіемъ къ точному и непремѣнному исполненію, *несмотря ни на какое лицо*; оказывающихъ же явное и насильственное сопротивленіемъ требованіямъ ея беретъ, *въ опредѣленныхъ законами случаяхъ, подъ стражу.*

Всѣ эти обязанности полиціи не только подробно развиты въ *Наказѣ*, но еще, такъ-сказать, специфированы въ главѣ VI по должностямъ, въ формѣ особыхъ инструкцій уѣздному исправнику, становымъ приставамъ и нижнимъ чинамъ полиціи. Въ частности, становому приставу, этому непосредственному на мѣстѣ агенту полиціи, вмѣнено въ обязанность: 1) принятіе первоначальныхъ, зависящихъ отъ него мѣръ для прекращенія всякаго насилія, самоуправства или инаго безпорядка, и немедленное о томъ донесеніе полицейскому управленію (ст. 1,366, п. 11); 2) преслѣдованіе и поимка военныхъ и другихъ бѣглыхъ и вообще безпаспортныхъ, бродягъ, нищихъ и укрывающихся преступниковъ (ibidem, п. 12), и 3) принятіе мѣръ для безопасности жителей стана и проѣзжающихъ отъ воровъ и разбойниковъ, а равно для открытія ихъ и преслѣдованія (ibidem, п. 17) Вмѣстѣ съ тѣмъ домъ становаго пристава долженъ быть, по ст. 1.453, доступенъ всякому во всякое время, какъ прибѣжище на случай опасности и нужды, а приставъ долженъ всегда быть готовымъ терпѣливо выслушивать жалобы, прошенія, объясненія и донесенія, до охраненія силы законовъ и общаго спокойствія относящіяся, а равно для оказанія защиты всѣмъ и каждому противъ обидъ и насилія.

Полицейскіе урядники, согласно утвержденной для нихъ инструкціи министра Внутреннихъ Дѣлъ 19 іюля 1878 года, обязаны въ участкахъ, имъ ввѣренныхъ, охранять общественное спокойствіе и слѣдить за проявленіемъ какихъ бы то ни было дѣйствій и толковъ, направленныхъ противъ правительства, законныхъ властей и общественнаго порядка, равно къ подрыву въ обществѣ доброй нравственности и правъ собственности. Въ этихъ видахъ урядники наблюдаютъ: а) чтобы не распростра-

---

мочена приступать, „даже безъ формальной жалобы обиженнаго“, къ изслѣдованію чинимыхъ ему оскорбленій и притѣсненій, если только она имѣетъ достаточное удостовѣреніе, что есть основательный къ такому изслѣдованію поводъ.

нялись среди народа на фабрикахъ, заводахъ, въ литейныхъ заведеніяхъ и т. п. злонамѣренные сужденія и слухи; б) чтобы не были распространяемы, посредствомъ разсылки, раздачи, подбрасыванья или какимъ-либо инымъ способомъ, листки, книги картины и т. п. изданія преступнаго содержанія; в) чтобы не допускалось сходбищъ и собраній для совѣщанія и дѣйствій, противныхъ тишинѣ и спокойствію, и г) чтобы не происходило буйства и недозволенныхъ собраній въ публичныхъ мѣстахъ. На полицейскихъ урядниковъ возложена обязанность предупреждать и останавливать нарушеніе благочинія, водворять порядокъ и, въ случаѣ неисполненія ихъ законныхъ требованій, составлять о томъ протоколы для представленія становому приставу, который обязанъ передавать оные подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ по подсудности. Наконецъ, полицейскіе урядники обязаны возможно чаще обходить или объѣзжать днемъ и ночью ввѣренную имъ мѣстность, по всѣмъ направленіямъ большихъ и проселочныхъ дорогъ, посѣщать селенія, деревни, поселки, фабрики и заводы, бывать на базарахъ, ярмаркахъ, пристаняхъ, храмовыхъ праздникахъ и вообще въ такихъ мѣстахъ гдѣ, по разнымъ обстоятельствамъ, скопляется много народа, а также чаще осматривать глухія мѣста для убѣжденія—не скрываются ли въ нихъ подозрительныя и опасныя лица. Даже сотскимъ и десятникамъ вмѣнено (по ст. 1,470 т. II, ч. I) наблюдать каждому, въ мѣстахъ смотрѣнію его порученныхъ, за сохраненіемъ благочинія, общаго спокойствія, безопасности и порядка вообще, а между прочимъ, по ст. 1,472, и въ церквахъ при отправленіи богослуженія, причемъ этимъ чинамъ предоставлено право брать нарушителей порядка, послѣ напоминанія о неприличіи ихъ поведенія и въ случаѣ буйственнаго сопротивленія, подъ присмотръ, донося о томъ становому приставу.

Далѣе, въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Т. XIV Св. Зак.) изложены особыя мѣры, принятіе коихъ обязательно для полиціи въ видахъ предупрежденія и пресѣченія извѣстныхъ видовъ преступленій *).

---

*) Для предупрежденія и пресѣченія безпорядковъ при увеселеніяхъ и забавахъ, для пресѣченія явнаго соблазна и разврата въ поведеніи, для предупрежденія и пресѣченія преступленій противъ личной безопасности и имуществъ, противъ вѣры и правилъ вѣротерпимости, и т. п. Кромѣ того: а) законоположеніемъ 19 мая 1871 года установленъ особый порядокъ дознанія о государственныхъ преступленіяхъ и сооб-

Наконецъ, на полицію возложены и исполнительныя дѣйствія по дѣламъ нѣкоторыхъ административныхъ учрежденій, (въ той же *третьей* книгѣ ч. I, т. II Св. Зак.), въ особенности по дѣламъ военнаго вѣдомства *).

Что касается отношеній полиціи къ судебной власти, то, по Уставу Уголовнаго Судопроизводства 1864 года, на нее возложены слѣдующія обязанности:

О всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, полиція немедленно, и никакъ не позже *сутокъ* по полученіи о томъ свѣдѣнія, сообщаетъ судебному слѣдователю и прокурору, или его товарищу, а по преступленіямъ и проступкамъ, подлежащимъ вѣдомству мировыхъ судей — симъ послѣднимъ по принадлежности. Когда ни судебнаго слѣдователя, ни прокурора или его товарища нѣтъ на мѣстѣ, то полиція, сообщая о происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступнаго дѣянія, вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ надлежащее дознаніе. При производствѣ дознанія, полиція всѣ нужныя ей свѣдѣнія собираетъ посредствомъ розысковъ, словесными разспросами и негласнымъ наблюденіемъ, не производя ни обысковъ, ни выемокъ. Во всякомъ случаѣ, до прибытія судебнаго слѣдователя, полиція принимаетъ мѣры, необходимыя для того, чтобы предупредить уничтоженіе слѣдовъ преступленія и пресѣчь обвиняемому способы уклоняться отъ слѣдствія. Когда же полиціей застигнуто совершающееся или только совершившееся преступленіе, а также когда до прибытія судебнаго слѣдователя на мѣсто происшествія слѣды преступленія могли бы изгладиться, полиція замѣняетъ судебнаго слѣдователя во всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, не терпящихъ отлагательства, какъ-то въ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ, но формальныхъ допросовъ ни обвиняемымъ, ни свидѣтелямъ по-

---

ществахъ; б) Высочайше утвержденными 10 октября 1879 года правилами опредѣленъ порядокъ употребленія полицейскими и жандармскими чинами въ дѣло оружія, и в) Положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ 14 августа 1881 года, предоставлены административно-полицейскимъ властямъ особыя полномочія и указаны спеціальныя мѣры для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

*) Эти исполнительныя дѣйствія полиціи, весьма разнообразныя и многочисленныя, крайне усложняютъ ея дѣятельность, которая притомъ обременена еще разными письменными, совершенно ей несвойственными занятіями, какъ напримѣръ: собраніемъ статистическихъ свѣдѣній, веденіемъ метрическихъ записей раскольниковъ и т. п.

лиціи не дѣлаетъ, развѣ бы кто изъ нихъ оказался тяжко больнымъ и представилось бы опасеніе, что онъ умретъ до прибытія слѣдователя. Всѣ эти правила распространяются также на волостныхъ и сельскихъ начальниковъ. Законныя требованія судебнаго слѣдователя исполняются полиціей безъ замедленія; кромѣ того, судебный слѣдователь можетъ поручать полиціи производство дознаній и собраніе справокъ по сдѣланнымъ имъ указаніямъ *), а мировой судья, при неимѣніи въ виду обвиняемаго въ томъ преступномъ дѣйствіи, на которое принесена жалоба, или при недостаточности доказательствъ подтверждающихъ обвиненіе, можетъ также поручить полиціи собирать всѣ необходимыя по дѣлу свѣдѣнія, если только преступное дѣйствіе принадлежитъ къ числу тѣхъ, кои преслѣдуются независимо отъ жалобы частныхъ лицъ (ст. 47). Наконецъ, по законоположенію 19 мая 1871 года, всѣ чины губернскихъ и уѣздныхъ, гдѣ таковыя есть, жандармскихъ управленій обязаны сообщать мѣстному прокурорскому надзору о всякомъ замѣченномъ ими происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія или проступка, подсуднаго общимъ судебнымъ установленіямъ, а прокурорамъ и ихъ товарищамъ предоставляется, въ особенныхъ случаяхъ, возлагать на этихъ жандармскихъ чиновъ и самое производство дознаній о преступленіяхъ.

Далѣе, всѣ чины полиціи находятся въ іерархической зависимости отъ своего начальства. Сотскіе и десятскіе подчинены полицейскимъ урядникамъ, урядники становымъ приставамъ, а эти исправникамъ, исправники же губернаторамъ. Полицейская стража въ губернскихъ городахъ, градоначальствахъ и въ столицахъ, въ томъ числѣ и околоточные надзиратели въ Петербургѣ, подчинены городскимъ приставамъ, а эти начальникамъ городской полиціи: въ губернскихъ городахъ и градоначальствахъ полицеймейстерамъ, полицеймейстеры губернаторамъ и градоначальникамъ, въ Москвѣ — оберъ-полицеймейстеру, который въ свою очередь подчиненъ генералъ-губернатору. Наконецъ, въ главѣ всей этой организаціи поставленъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, съ особымъ товарищемъ для завѣдыванія полиціей.

Въ этомъ же порядкѣ приносятся на чиновъ полиціи жалобы. Для принесенія жалобы на становаго пристава положенъ трехнедѣльный срокъ. Кромѣ того, жалобы на полицейскихъ служителей и становыхъ приставовъ могутъ быть также обращаемы

*) Стт. 250—254, 256, 258, 261, 270 и 271.

прямо въ уѣздное полицейское управленіе, а на распоряженія исправника и полицейскаго управленія — въ губернское правленіе. Жалобы же на губернаторовъ, градоначальниковъ, генералъ-губернаторовъ и на самого министра Внутреннихъ Дѣлъ могутъ быть приносимы въ I департаментъ Правительствующаго Сената.

Въ случаѣ жалобъ на чиновъ полиціи, и вообще неисправнаго исполненія ими своихъ обязанностей, они подлежатъ отвѣтственности какъ дисциплинарной, такъ и судебной. Къ числу дисциплинарныхъ взысканій, на общемъ основаніи для всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и городскихъ учрежденій, относятся: замѣчанія и выговоры безъ внесенія и со внесеніемъ въ послужной списокъ, вычеты изъ жалованья, арестъ, вычетъ изъ времени службы дающей право на полученіе пенсіи и наградъ, перемѣщеніе съ высшей должности на низшую, удаленіе отъ должности, отрѣшеніе отъ должности съ лишеніемъ права поступать въ теченіе трехъ лѣтъ на службу, и исключеніе изъ службы съ потерей вообще права вновь поступать на оную. Замѣчанія и выговоры безъ внесенія въ послужной списокъ дѣлаются по распоряженію непосредственнаго начальства, а прочія, болѣе значительныя взысканія—по распоряженію того начальства, отъ котораго зависитъ назначеніе къ должности, занимаемой виновнымъ. За прямыя нарушенія законовъ виновные, по распоряженію начальства, предаются формальному суду, къ которому предоставлено частнымъ лицамъ обращаться и для отысканія вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные неправильными дѣйствіями полицейскихъ чиновъ (стт. 232 — 235 ч. 1 т. II Св. Зак.).

Кромѣ того, сверхъ зависимости отъ своего прямаго начальства, полиція состоитъ по производству дознаній въ *непосредственномъ подчиненіи* прокурорамъ и ихъ товарищамъ. На этомъ основаніи прокурорамъ предоставлено, за упущеніе и безпорядки по слѣдственной части, объявлять полиціи предостереженія, и даже, помимо установленнаго надъ нею прямаго начальства, передавать замѣченныя ими упущенія на усмотрѣніе суда. Въ послѣднемъ случаѣ судъ, истребовавъ отъ полиціи объясненіе, сообщаетъ, въ неважныхъ случаяхъ, начальству полиціи о сдѣланіи ей замѣчанія или выговора, а въ случаяхъ болѣе важныхъ— предоставляетъ прокурору войти въ сношеніе съ начальствомъ полиціи о преданіи виновныхъ суду; возможное при этомъ разно-

мыслiе административной власти съ судебною должно восходить въ Сенатъ. Всѣ частныя жалобы на дѣйствiя полицiи по производству дознанiй приносятся также прокурору и передаются имъ въ судъ *).

Таковы обязанности и отвѣтственость общей полицiи въ тѣхъ многочисленныхъ губерніяхъ нашего отечества, гдѣ, вмѣстѣ съ временными правилами 25 декабря 1862 года о преобразованiи полицiи, введены были судебныя и земскiя учрежденiя и другiя реформы, имѣвшiя прямое или косвенное вліяніе на организацiю полицiи въ ея настоящемъ видѣ.

Наконецъ, въ лицѣ волостныхъ правленiй, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ существуетъ для сельскаго населенiя особая, выборная первоначальная полицiя. Ея обязанности и отвѣтственность не опредѣлены съ точностiю, такъ какъ возникшее въ 1861 году предположенiе объ изданiи особаго устава о сельскомъ благоустройствѣ доселѣ еще не осуществилось. Вслѣдствiе этого сельская полицiя, въ отношенiяхъ своихъ къ полицiи общей, ограничивается простымъ исполненiемъ порученiй послѣдней, а въ отправленiи своихъ прямыхъ обязанностей по соблюденiю тишины и спокойствiя въ селенiяхъ руководится собственнымъ усмотрѣнiемъ; что же касается отношенiй сельской полицiи, въ кругѣ ея вѣдомства, къ лицамъ, не принадлежащимъ къ крестьянскому сословiю, то объ этомъ тоже не имѣется въ законѣ положительныхъ указанiй, и сельской полицiи остается въ такихъ случаяхъ прибѣгать лишь къ содѣйствiю общей уѣздной полицiи.

Вообще полицiя, подлежа отвѣтственности, должна быть ограждена закономъ, если встрѣчаетъ при исполненiи своихъ обязанностей противодѣйствiе или оскорбленiя. Безъ этихъ гарантiй не мыслима не только энергiя, но даже какая бы ни было исполнительность въ сферѣ полицейской службы. Поэтому, вездѣ на Западѣ, но всего болѣе въ Англiи и Германiи, всякое противодѣйствiе и оскорбленiе полицiи подлежитъ весьма строгой карѣ закона. У насъ неприкосновенность полицейскихъ чиновъ, при исполненiи ими обязанностей службы, оговорена въ Св. Зак. съ особою настойчивостiю лишь въ примѣненiи къ чинамъ петербургской полицiи, а именно: по ст. 1555 „отряжаемые для исполнительныхъ дѣйствiй чиновники и служители полицейскiе признаются состоящими, во время сихъ дѣйствiй, *подъ особеннымъ Высочай-*

*) Ст. 269, 279, 485—486, 493, 1.092—1.094 Уст. Угол. Судопр. 1864 года.

шимъ покровительствомъ, и всякое сопротивленіе и оскорбленіе, сдѣланное имъ въ ихъ должности, подвергаетъ виновныхъ отвѣтственности по законамъ уголовнымъ". Но о томъ, чтобы прочіе чины полиціи, кромѣ петербургской, состояли при исполненіи своихъ обязанностей подъ особеннымъ Высочайшимъ покровительствомъ, не сказано въ законѣ ни слова; мало того: даже въ отношеніи къ петербургскимъ полицейскимъ чинамъ не опредѣлено, въ чемъ именно должно выражаться въ дѣйствительности такое покровительство, и всѣ случаи противодѣйствія полицейскимъ чинамъ подлежатъ дѣйствію не особыхъ, а общихъ постановленій Уложенія о Наказаніяхъ касательно сопротивленія распоряженіямъ правительства и неповиновенія установленнымъ отъ него властямъ (ст. 262—288) *).

---

*) Только для огражденія чиновъ волостнаго и сельскаго управленія существуетъ спеціальная статья 268, которая гласитъ:

„За оскорбленіе *волостныхъ старшинъ и лицъ*, занимающихъ соотвѣтственныя сему должности, при исполненіи ими служебныхъ обязанностей, какими-либо *насильственными дѣйствіями*, виновный подвергается *заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до семи мѣсяцевъ*, а за оскорбленіе ихъ *словами—аресту отъ семи до трехъ дней*".

Затѣмъ, по общему смыслу означенныхъ постановленій, случаи противодѣйствія полицейскимъ чинамъ путемъ личныхъ оскорбленій пріурочиваются къ слѣдующимъ статьямъ:

Ст. 285. Кто осмѣлится *побоями* или *же другимъ какимъ-либо образомъ* оскорбить *чиновника* хотя не въ присутственномъ мѣстѣ, но однакожъ при исполненіи имъ обязанностей службы или вслѣдствіе исполненія имъ его обязанностей, тотъ подвергается *заключенію въ смирительномъ домѣ отъ восьми мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ*, съ потерей нѣкоторыхъ, на основаніи ст. 50 Улож. о Наказ., особенныхъ правъ и преимуществъ.

Ст. 286. *Кто ругательными или оскорбительными словами* оскорбить *чиновника* хотя не въ присутственномъ мѣстѣ, но однакожь при исполненіи имъ обязанностей службы или вслѣдствіе исполненія имъ его обязанностей, тотъ за сіе подвергается *заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ*; если же это было учинено въ пьянствѣ или по невѣжеству, или же произнесенныя слова были хотя неприличныя, но не ругательныя или поносительныя, то *къ денежному взысканію не свыше 100 р.*

Но заключеніе въ смирительномъ домѣ было въ послѣдствіи замѣнено заключеніемъ въ тюрьмѣ, а minimum наказанія предоставлено опредѣлять самому суду; установленное же по ст. 268 Улож. о Наказ. взысканіе за ослушаніе и оскорбленіе сельскихъ полицейскихъ служителей, и вообще низшихъ чиновъ полицейской стражи, было въ Уставѣ о На-

IV.

Такимъ образомъ полиція составляетъ у насъ особое, іерархически организованное учрежденіе; для содѣйствія ей существуетъ, сверхъ корпуса жандармовъ, особая стража; всѣ ея обязанности подробно опредѣлены, а неповиновеніе ей подлежитъ преслѣдованію на основаніи дѣйствующихъ законовъ.

Но можно ли утверждать, что наша полиція уже соотвѣтствуетъ своему назначенію, что она имѣетъ всѣ необходимыя средства для надзора за благочиніемъ и для охраненія внутренней безопасности, что она состоятельна въ предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, что она, наконецъ, пользуется подобающимъ ей уваженіемъ?

Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы одинъ отвѣтъ: формально—да, по существу—нѣтъ.

Причины такого ненормальнаго положенія полиціи коренятся очень глубоко и весьма многоразличны. Приводя эти причины къ одному знаменателю, ихъ можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: во-первыхъ, незаконченность самой организаціи полиціи; во-вторыхъ, неправильное къ ней отношеніе общественнаго сознанія, и въ третьихъ, неестественное ея положеніе въ отношеніи къ судебнымъ учрежденіямъ.

Основнымъ условіемъ для нормальнаго полицейскаго устройства представляется прежде всего правильное опредѣленіе перво-

---

заніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями значительно видоизмѣнено и смягчено.

По ст. 30 этого устава, за *ослушаніе*, оказанное полицейскимъ и другимъ стражамъ, а также волостнымъ сельскимъ начальникамъ, при отправленіи ими должности, когда требованія сихъ лицъ были законныя, виновные подвергаются *денежному взысканію не свыше 15 р.*, а когда ослушаніе оказано жандармамъ или другимъ полицейскимъ служителямъ, наряженнымъ для соблюденія порядка при многочисленномъ стеченіи народа, виновные подвергаются *аресту не свыше семи дней* или *денежному взысканію не свыше 25 р.*

По ст. 31, *за оскорбленіе* полицейскихъ или другихъ стражей, служителей судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, а равно полевыхъ и лѣсныхъ сторожей, во время отправленія ими должности, виновные подвергаются: 1) въ случаѣ *словесной обиды*—аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не свыше 100 р. и 2) въ случаѣ *обиды дѣйствіемъ—аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ.*

Эти самыя наказанія, согласно пункту 12 Высочайше утвержд. 9 іюня 1878 положенія, примѣнены къ случаямъ ослушанія и оскорбленія полицейскихъ урядниковъ.

начальной территоріальной единицы. Эти единицы возникаютъ вообще исторически: искусственно онѣ являются лишь тамъ, гдѣ процессъ ихъ историческаго развитія не привелъ, почему бы то ни было, къ практическимъ результатамъ. Естественная, первобытная форма полицейско-территоріальной единицы есть населенная мѣстность: тутъ сосредоточена гражданская жизнь, здѣсь долженъ быть сосредоточенъ и надзоръ за правильнымъ и безпрепятственнымъ развитіемъ этой жизни. Но населенныя мѣстности могутъ быть и крайне обширны, и крайне ничтожны. У насъ, въ старину, центромъ мѣстной жизни, кромѣ городовъ, считались погосты и приходы, села и волости; но ихъ значеніе, въ качествѣ административныхъ единицъ, утратилось: со времени учрежденія о губерніяхъ низшею полицейско-территоріальною единицей признанъ былъ у насъ станъ, съ особымъ полицейскимъ начальникомъ, становымъ приставомъ; а отдѣльныя села и деревни, съ избираемыми мѣстнымъ населеніемъ сотскими и десятскими, не представляя особаго полицейскаго подраздѣленія, вошли въ составъ стана. Но затѣмъ правительство не могло не усмотрѣть, что полицейскій станъ, какъ первоначальная полицейская единица, слишкомъ обширенъ; вотъ одна изъ причинъ, побудившихъ правительство создать въ станѣ другія, болѣе дробныя полицейскія единицы: казенныя и удѣльныя волости, которыя однако, въ силу своей обособленности, составили отдѣльный отъ общей полиціи институтъ. Неудобства этого порядка были уже указаны нами въ своемъ мѣстѣ; поэтому мы перейдемъ прямо къ существующему у насъ нынѣ подраздѣленію уѣзднаго стана на участки, подчиненные надзору полицейскихъ урядниковъ. Эти участки имѣютъ характеръ общей для всѣхъ обывателей первоначальной полицейской единицы, и потому намъ предстоитъ обсудить вопросъ: удовлетворяетъ ли она своей цѣли?

Урядники введены, въ числѣ 5,000, въ сорока шести губерніяхъ, управляемыхъ по общему положенію. Принимая приблизительно по десяти уѣздовъ въ каждой губерніи, мы получимъ круглымъ числомъ до 500 уѣздовъ, и по десяти урядниковъ для каждаго уѣзда, или по пяти урядниковъ въ каждомъ изъ двухъ уѣздныхъ становъ. Между тѣмъ уѣздный станъ, въ среднемъ выводѣ, имѣетъ 120 верстъ въ длину и 60 въ ширину, такъ что, не считая урядника, который пребываетъ въ становой квартирѣ, на каждаго изъ остальныхъ четырехъ урядниковъ въ станѣ приходится участокъ до тридцати верстъ въ длину и до пятнадцати въ ширину. Спрашивается: можетъ ли урядникъ на такомъ значи-

тельномъ участкѣ все видѣть и знать, вездѣ быть и распорядиться? Кромѣ того, ему нужно часто содѣйствіе сотскихъ и десятскихъ, а они разсѣяны по сосѣднимъ селеніямъ на разстояніи трехъ, пяти, семи, десяти, а иногда и болѣе верстъ. Очевидно, что урядникъ лично можетъ поспѣвать на базары, на праздничныя сборища, но у самаго неутомимаго урядника не достаетъ ни силъ, ни времени лично за всѣмъ наблюсти въ участкѣ, быть вовремя тамъ, гдѣ требуется его присутствіе, и слѣдить за подозрительными личностями; словомъ, онъ можетъ сосредоточивать свою энергію на одномъ пунктѣ, упуская изъ виду что творится на другомъ, или опаздывая туда. Вездѣ за границей полицейскіе участки: община, приходъ и т. п., гораздо меньше и полицейскій агентъ можетъ всегда въ данную минуту безъ малѣйшей потери времени распорядиться надлежащимъ образомъ. Ему извѣстны всѣ закоулки; они у него подъ рукой, онъ вездѣ налицо, онъ вездѣ свой человѣкъ, ибо и онъ всѣхъ знаетъ, и его всѣ знаютъ.

Между тѣмъ мы до такой степени привыкли къ отсутствію въ уѣздѣ полицейскаго надзора, что учрежденіе въ 1878 году пяти тысячъ урядниковъ признано было у насъ чѣмъ-то чрезвычайнымъ, тогда какъ для сорока шести губерній эта цифра почти ничто, и имѣетъ только значеніе серіознаго почина въ устройствѣ мѣстнаго полицейскаго надзора. Самаго расхода на урядниковъ—около *двухъ милліоновъ* рублей въ годъ—совершенно недостаточно для сорока шести губерній. Для акцизной и судебной реформъ потребовались суммы не въ примѣръ значительнѣе. Вспомнимъ, наконецъ, какъ широко и непроизводительно сыплются изъ земскаго сундука деньги на вознагражденіе выборныхъ заправителей земскими дѣлами. Но развѣ задача полиціи менѣе настоятельна, чѣмъ задача судовъ, акциза и земства?

Поэтому увеличеніе числа урядниковъ составляетъ насущную необходимость. Число ихъ съ 5.000 должно быть увеличено до 10.000 или 15.000, что для 46 губерній отнюдь нельзя признать чрезмѣрнымъ, если, напримѣръ, вспомнить что полицейская стража въ одномъ Парижѣ состоитъ въ настоящее время изъ 9,000 человѣкъ. Потребный для этого новый расходъ въ 2.000.000—4.000.000 рублей въ годъ, если его разложить пополамъ на казну и на земство, не можетъ составлять серіознаго затрудненія, ни особенной тяготы какъ для казны, такъ и для земства. Только такимъ способомъ учрежденіе урядниковъ достигнетъ своей цѣли: полицейскій надзоръ перестанетъ быть миѳомъ, а полицейскія

распоряженія будутъ имѣть исполнительную силу; только при этихъ условіяхъ урядникъ не будетъ среди толпы одинъ, но, какъ за границей, можетъ быть сопровождаемъ другимъ урядникомъ, готовымъ ему оказать необходимую помощь или позвать на помощь другихъ.

Кромѣ того, необходимо, чтобы мѣстный полицейскій надзоръ сосредоточенъ былъ не въ становой квартирѣ, не въ лицѣ одного на цѣлый станъ пристава, но въ лицѣ ближайшаго въ каждомъ участкѣ начальника урядниковъ,—начальника, который, съ одной стороны, могъ бы имѣть непосредственное и ежедневное наблюденіе за подчиненными ему участковыми урядниками, а съ другой стороны обладалъ бы всѣми условіями, чтобы быть хранителемъ земскаго мира.

Такимъ участковымъ полицейскимъ начальникомъ можетъ быть только лице, пользующееся почетомъ въ средѣ мѣстныхъ жителей и внушающее имъ довѣріе къ себѣ, но въ то же время и совершенно отъ нихъ независимое; поэтому оно должно быть назначаемо изъ числа мѣстныхъ землевладѣльцевъ, но не по выбору, а правительствомъ, тѣмъ болѣе, что это лице должно служить первоначальнымъ звеномъ, связующимъ мѣстную администрацію съ государственную властію.

Посему первоначальною полицейскою единицей въ уѣздѣ представляется намъ участокъ гораздо менѣе стана, во главѣ коего—назначаемый правительствомъ, изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, полицейскій начальникъ, съ нѣсколькими подчиненными ему урядниками.

Всѣ условія, необходимыя для этой должности участковаго полицейскаго начальника, мы находимъ въ земскихъ начальникахъ, проектированныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ вопросъ объ учрежденіи въ уѣздѣ участковыхъ полицейскихъ начальниковъ уже предрѣшенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрощается вопросъ и о положеніи въ уѣздѣ агентовъ общей государственной полиціи.

Земскіе начальники олицетворяютъ полицію первоначальную и мѣстную, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова; но полиція имѣетъ еще другія—не мѣстныя, а общія обязанности, которыя, требуя болѣе сосредоточеннаго въ уѣздѣ надзора, не могутъ входить въ кругъ вѣдомства земскихъ начальниковъ. Къ числу этихъ обязанностей принадлежатъ: принятіе общихъ для всего уѣзда полицейскихъ мѣръ, наблюденіе за исправнымъ поступленіемъ податей и исполненіемъ требованій разныхъ казенныхъ уста-

вовъ, приведеніе въ исполненіе предписаній высшаго начальства, употребленіе въ извѣстныхъ случаяхъ принудительныхъ мѣръ, препровожденіе арестантовъ, содѣйствіе судебному вѣдомству въ производствѣ дознаній и слѣдствій, наблюденіе за подозрительными лицами и т. п.

Всѣ эти обязанности общей въ уѣздѣ полиціи остаются на-отвѣтственности исправника и состоящихъ въ его распоряженіи становыхъ приставовъ; но освобожденные, съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, отъ ежечаснаго, повсемѣстнаго и непосредственнаго надзора, эти лица, при исполненіи порученій по дѣламъ общей полиціи, будутъ теперь въ состояніи исполнять свои обязанности гораздо удовлетворительнѣе, нежели прежде. *)

Когда полиція будетъ такимъ образомъ повсемѣстно достаточно сильно организована, имѣя въ каждомъ мелкомъ участкѣ своего авторитетнаго представителя, тогда только можно будетъ надѣяться, что и отношеніе къ ней общественнаго сознанія совершенно измѣнится. Безъ нормальнаго отношенія общественнаго сознанія къ полиціи, послѣдняя никогда не будетъ имѣть твердой почвы для своей дѣятельности, какъ бы ни была совершенна организація полицейскихъ учрежденій. Обстоятельство это заслуживаетъ особеннаго вниманія у насъ, въ Россіи, по слѣдующимъ причинамъ.

До начала шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія общественное сознаніе въ отношеніи къ полиціи выражалось двояко: въ высшихъ и даже среднихъ общественныхъ слояхъ на полицію у насъ смотрѣли свысока, съ презрѣніемъ, въ низшихъ—со страхомъ. Убѣжденія, что полиція исполняетъ обязанности, обезпечивающія мирную жизнь гражданъ, что она для исполненія этихъ обязанностей должна пользоваться уваженіемъ, а въ извѣстной степени и содѣйствіемъ самого общества, что она нако-

---

*) Необходимость существованія у насъ въ уѣздѣ агентовъ общей полиціи на ряду съ мѣстной полицейской властью подтверждается аналогическими примѣрами на западѣ; даже въ Англіи, послѣ реформы внутренняго управленія, совершившейся тамъ въ семидесятыхъ годахъ, на ряду съ мировыми судьями, облеченными, какъ извѣстно, и значительной мѣстной полицейской властью, существуетъ въ каждомъ графствѣ особый полицейскій начальникъ—chief constable, избираемый мировыми судьями графства, но утверждаемый статсъ-секретаремъ (министромъ) Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго онъ и получаетъ свои инструкціи. Démombynes т. I, стр. 34.

нецъ должна быть не только отвѣтственна, но въ сферѣ своей прямой дѣятельности и самостоятельна,—такого убѣжденія въ то время почти вовсе не было. Высшіе слои общества, по своему родовому или имущественному привелегированному положенію, вовсе не считали своимъ долгомъ исполнять требованій полиціи, и даже сами еще предъявляли къ ней свои притязанія для огражденія своихъ юныхъ птенцовъ отъ послѣдствій ихъ собственнаго безчинства; военные же и лица состоящія на службѣ, даже мелкіе чиновники, опираясь на защиту своего начальства, смотрѣли на полицію еще безцеремоннѣе; а средніе промышленные и торгующіе классы отдѣлывались ото всякихъ требованій полиціи, или пріобрѣтали гдѣ нужно ея содѣйствіе посредствомъ взятокъ, получившихъ напримѣръ на фабрикахъ, заводахъ, въ лавкахъ и и по литейной части характеръ постояннаго жалованья полицейскимъ чинамъ. Оставалась затѣмъ почти безправая масса низшихъ городскихъ обитателей, а въ уѣздахъ—поселяне, но для нихъ полиція была уже не охраной, а самымъ строгимъ и придирчивымъ начальствомъ, отъ притязаній коего необходимо было откупаться. Въ такомъ положеніи дѣла полиція дѣйствовала энергически только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда ея дѣятельность была на виду у начальства: при пожарахъ, крупныхъ кражахъ, выдающихся убійствахъ, хотя и тутъ при производствѣ слѣдствій допускалось корыстное пристрастіе. Само собою разумѣется, что такому значенію прежней полиціи соотвѣтствовалъ и ея составъ: въ ряды ея вступалъ всякій, кто, не имѣя средствъ, искалъ въ полицейской службѣ возможности не только кормленія, но и наживы. Понятно, что такіе агенты полиціи, нѣмые предъ высшими и притязательные предъ низшими, не только не образованные, но и совсѣмъ грубые, никому не внушали уваженія, и всякое соприкосновеніе порядочнаго человѣка съ полицейскимъ чиновникомъ считалось почти осквернеміемъ.

Только со времени освобожденія крестьянъ, сліянія городской полиціи съ уѣздною и уничтоженія юрисдикціи отдѣльныхъ вѣдомствъ, уѣздная полиція замѣтно измѣнилась, благодаря увеличенію окладовъ ея содержанія, освобожденію ея отъ несвойственныхъ ей обязанностей и назначенію отъ правительства исправниковъ, іерархически подчиненныхъ съ той поры только губернскому начальству. Въ особенности послѣднее обстоятельство дало полиціи ту самостоятельность, которой она прежде не могла имѣть, какъ въ отношеніи къ привелигированнымъ обывателямъ,

такъ и къ отдѣльнымъ общественнымъ корпораціямъ. Подъ вліяніемъ этихъ преобразованій ряды полиціи стали наполняться лицами съ нѣкоторымъ образованіемъ и даже, по своей прежней службѣ, принадлежавшими уже не къ тѣмъ низменнымъ общественнымъ слоямъ, изъ которыхъ исключительно вербовался прежде полицейскій персоналъ. Увеличеніе же содержанія имѣло то послѣдствіе, что лихоимство среди полиціи стало значительно уменьшатся. Правда, прежніе предразсудки публики въ отношеніи къ полицейской службѣ, равно какъ и прежніе недостатки этой службы, не могли вдругъ исчезнуть; но предразсудки стали ослабѣвать, а пріемы полицейской службы стали измѣняться къ лучшему.

Можно было надѣяться, что при такихъ условіяхъ полицейская служба будетъ все болѣе совершенствоваться, а общественное сознаніе будетъ относиться къ ней все правильнѣе и правильнѣе; что публика станетъ наконецъ смотрѣть на агентовъ полиціи не какъ на орудія произвола, подлежащія только законной карѣ, но какъ на блюстителей общественнаго порядка и безопасности, имѣющихъ и со своей стороны право на уваженіе. И этого можно было ожидать тѣмъ болѣе, что правительство въ послѣдніе годы приняло еще новыя, усиленныя мѣры къ объединенію полиціи въ самомъ ея центрѣ, къ еще болѣе точному опредѣленію порядка полицейской службы и къ увеличенію состава даже мѣстнаго полицейскаго надзора. Казалось, словомъ, что уже близко то время, когда полиція займетъ и у насъ, какъ на Западѣ, то положеніе, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ ея коренной задачѣ, такъ и интересамъ публики.

Но вышло, къ сожалѣнію, на оборотъ: не смотря на всѣ преобразованія, цѣль эта не была, да и не могла быть достигнута, вслѣдствіе того по истинѣ неожиданнаго положенія, въ которое полиція была поставлена судебною реформой 1864 года.

Такъ какъ полиція и судъ, при всей обособленности ихъ функцій, находятся въ безпрерывныхъ отношеніяхъ между собою, то реформа суда должна была имѣть неизбѣжное вліяніе и на полицію. Съ точки зрѣнія суда, полиція должна была быть поставлена въ такое положеніе, чтобы полиціей были непремѣнно исполняемы всѣ законныя требованія суда по обнаруженію и изслѣдованію преступленій и проступковъ; чтобы частныя лица были достаточно ограждены отъ незаконныхъ со стороны полиціи притѣсненій; чтобы въ свою очередь полицейскіе чины

были ограждены отъ оскорбленій и сопротивленія ихъ законнымъ требованіямъ,

Но, хотя отношенія полиціи къ органамъ судебной власти по обнаруженію закононарушеній опредѣлены были Судебными Уставами 1864 года весьма обстоятельно, вопросъ о томъ, что должно разумѣть подъ неправильными дѣйствіями полиціи при производствѣ дознаній и принятіи первоначальныхъ слѣдственныхъ мѣръ, оставленъ безо всякой разработки. Затѣмъ, хотя порядокъ принесенія жалобъ частными лицами на полицію регламентованъ былъ весьма точно, но при этомъ полиція была поставлена въ крайне ненормальныя условія, такъ какъ почти всѣ жалобы самой полиціи на неисполненіе ея требованій частными лицами, и самые иски полиціи по оскорбленіямъ, наносимымъ ея чинамъ, отнесены были къ единоличной юрисдикціи мировыхъ судей безо всякаго участія со стороны прокурорскаго надзора. Такимъ образомъ, полиція въ большей части случаевъ оставлена на судѣ безъ защиты со стороны представителей государственной власти. Это странное положеніе полиціи въ отношеніи къ суду усиливается еще тѣмъ, что въ то время какъ полиція, по духу нашего законодательства, обязана самымъ формальнымъ исполненіемъ дѣйствующихъ законовъ, — мировые судьи, изрекающіе надъ полиціей приговоры по жалобамъ частныхъ лицъ, могутъ этотъ законъ, по теоріи Судебныхъ Уставовъ 1864 года, подвергать всевозможнымъ толкованіямъ по своему личному усмотрѣнію и убѣжденію. Эти толкованія выборныхъ судей, выдѣленныхъ изъ государственнаго механизма и контролируемыхъ только своею товарищескою коллегіей, не заключаютъ въ себѣ никакой гарантіи для правильнаго рѣшенія. Но и этого мало: рѣшенія мировыхъ судей по дѣламъ полиціи не могутъ быть и безпристрастными, такъ какъ мировые судьи, завися отъ своихъ избирателей, должны быть въ своихъ рѣшеніяхъ неизбѣжнымъ отголоскомъ тѣхъ традиціонныхъ, хотя не всегда основательныхъ предубѣжденій, которыя доселѣ держатся въ общественномъ сознаніи, и въ силу коихъ всякое дѣйствіе полицейскаго агента признается произвольнымъ и стѣснительнымл, требуя прежде всего обузданія примѣрнымъ взысканіемъ. При такомъ порядкѣ вещей полиція не можетъ ожидать отъ мировыхъ судей ни справедливости, ни защиты.

Почти въ такомъ же положеніи находится полиція въ случаѣ возбужденія противъ нея судебныхъ преслѣдованій и въ окружныхъ судахъ, особенно если ея дѣятельность подлежитъ оцѣнкѣ

не коронныхъ судей, но избираемыхъ земствомъ присяжныхъ. Правда, здѣсь ея защитникомъ долженъ быть прокурорскій надзоръ; но обсуждая организацію прокурорскаго надзора, мы уже видѣли, до какой степени отведено на судѣ широкое мѣсто личному убѣжденію его чиновъ, а это личное убѣжденіе, расходясь нерѣдко съ точнымъ указаніемъ положительнаго закона, бываетъ зачастую отголоскомъ тѣхъ же неосновательныхъ общественныхъ вѣяній, коими обусловливается неправильный взглядъ на обязанности полицейской службы. Изъ многочисленныхъ дѣлъ въ этомъ родѣ стоитъ вспомнить хотя бы дѣло исправника Зографа, который по мѣстнымъ интригамъ, вопреки очевидному смыслу закона и требованіямъ элементарной справедливости, подвергался на судѣ самымъ оскорбительнымъ преслѣдованіямъ. А двадцатилѣтній опытъ доказалъ, что самый контроль прокуратуры по дѣламъ этого рода министромъ Юстиціи сводится совершенно къ нулю.

Не лучшая участь постигаетъ и губернатора, когда онъ, по обвиненію въ неправильномъ исполненіи возложенныхъ на него лично, въ исключительныхъ случаяхъ, полицейскихъ обязанностей, подвергается суду Сената: всѣ еще помнятъ дѣло бывшаго казанскаго губернатора, тайнаго совѣтника Скарятина, который попалъ на скамью подсудимыхъ за тѣ энергическія мѣры, коими онъ предотвратилъ прямой бунтъ Татаръ въ Высочайше ввѣренной ему губерніи; всѣ еще помнятъ, какъ общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ Сената опредѣлило, вопреки даже Судебнымъ Уставамъ 1864 года, судить тайнаго совѣтника Скарятина съ участіемъ присяжныхъ; всѣ наконецъ помнятъ, что это волнующее дѣло было прекращено лишь въ силу Всемилостивѣйшаго Манифеста по случаю Коронаціи.

Вообще и мировые судьи, и присяжные, такъ-называемые общественные судьи, всего чаще видятъ даже въ справедливыхъ жалобахъ агентовъ правительственной полиціи нѣчто притязательное, и рѣшаютъ эти дѣла съ безпримѣрною снисходительностію. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ имъ помогаетъ и самъ законъ, который, не устанавливая никакихъ особыхъ взысканій за неправильныя на полицію жалобы, опредѣляетъ, въ случаѣ доказаннаго оскорбленія полиціи или насилія надъ нею, сравнительно весьма слабыя наказанія, какъ мы выше видѣли; да и эти слабыя наказанія въ концѣ-концовъ смягчаются еще великодушными мировыми судьями, равно какъ присяжными, впечатлительность коихъ не въ силахъ устоять предъ рисуемою адво-

катомъ картиной инквизиціонныхъ неистовствъ полиціи. Даже коронные судьи, въ своемъ отчужденіи отъ общегосударственной организаціи, очень часто не прочь въ дѣлахъ этого рода истолковать подлежащій ихъ примѣненію законъ въ самомъ превратномъ смыслѣ, а кассаціонныя жалобы полиціи на подобное неправильное истолкованіе закона сопряжены для ея чиновъ съ такими затрудненіями, что рѣдкій изъ нихъ рѣшится прибѣгнуть къ подобной процедурѣ.

Но беззащитностью полиціи предъ судомъ дѣло не исчерпывается. Полиція поставлена еще въ самое ненормальное положеніе тѣмъ, что она не только обязана исполнять законныя требованія прокурорскаго надзора по производству дознаній о преступленіяхъ и проступкахъ, но въ этой сферѣ и прямо ему *подчинена*. А между исполненіемъ законныхъ требованій и прямымъ подчиненіемъ разница огромная. Полиція вообще обязана исполнять законныя требованія не только судебнаго, но и всѣхъ другихъ вѣдомствъ. Тѣмъ не менѣе она имъ не подчинена: поэтому при уклоненіи полиціей отъ исполненія законныхъ требованій другихъ вѣдомствъ, равно какъ при неправильномъ ею исполненіи оныхъ, другія вѣдомства должны приносить жалобы прямо самому начальству полиціи. Въ отношеніи же къ обнаруженію преступленій и проступковъ полиція подвергается, помимо установленнаго надъ нею прямаго начальства, внушеніямъ и формальнымъ предостереженіямъ, исходящимъ непосредственно отъ чиновъ прокурорскаго надзора, а затѣмъ и самая инициатива въ возбужденіи судебнаго противъ полиціи преслѣдованія предоставлена тоже прокуратурѣ; только при окончательномъ разрѣшеніи вопроса о преданіи полицейскихъ чиновъ, по инициативѣ прокуратуры, суду, принимается въ соображеніе отзывъ губернскаго или столичнаго начальства. Съ другой же стороны, для прокуратуры не установлено никакой отвѣтственности ни за неправильное объявленіе полиціи предостереженій, ни за неосновательное возбужденіе судебнаго противъ нея преслѣдованія. Вслѣдствіе этого, на практикѣ товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ, распредѣляемые для надзора за производствомъ слѣдствій по уѣздамъ, стали весьма естественно смотрѣть на себя, какъ на ближайшихъ начальниковъ полиціи, и предъявлять къ ней требованія, превышающія возложенныя на полицію обязанности. Полиція, не имѣя даже права, въ случаѣ сомнѣній и препятствій, обращаться къ посредству своего прямаго начальства, обязана поневолѣ исполнять всѣ подобныя требованія.

Такое двойственное подчиненіе полиціи и своему непосредственному начальству, и независимому отъ этого начальства прокурорскому надзору, не можетъ не вести къ столкновеніямъ между прокуратурой и администраціей, затрудняя дѣятельность полиціи. Кромѣ того, прокуроры могутъ обременять полицію своими порученіями въ такой мѣрѣ, что полиція не найдетъ времени для исполненія своихъ общихъ обязанностей по наблюденію за благочиніемъ и безопасностію. Отвѣчая предъ двумя начальствами, полиція, слушаясь одного изъ нихъ, остается въ отвѣтѣ предъ другимъ, и, вмѣсто дѣла, должна заниматься лавированіемъ между Сциллой и Харибдой.

Повторяемъ еще разъ: полиція обязана исполнять законныя требованія органовъ судебной власти, но изъ этого не слѣдуетъ, что органы судебной власти, въ случаѣ неисполненія полиціей ихъ требованій, должны имѣть начальственное право дѣлать полиціи отъ своего лица внушенія и привлекать ее къ своему суду. Неисправности полиціи подлежатъ распоряженію только ея прямаго начальства, къ которому прокуроры и должны бы въ подобныхъ случаяхъ обращаться съ соотвѣтственными заявленіями. Если это начальство оставляетъ подобныя сообщенія безъ должныхъ послѣдствій, то прокуратурѣ должно быть предоставлено право протеста, но самимъ чинамъ прокурорскаго надзора Судебные Уставы 1864 года совершенно неправильно даютъ принудительную власть надъ полиціей. Въ такомъ случаѣ полиція, подчиненная двумъ начальствамъ, теряетъ всю самостоятельность въ сферѣ исполненія своихъ обязанностей,—самостоятельность составляющую conditio sine qua non успѣшнаго исполненія ею возложенныхъ на нее задачъ. Такому двоеначалію не подчинено ни одно учрежденіе въ Россіи; такому двоеначалію не подчинена нигдѣ полиція и на Западѣ, гдѣ всѣ ея неправильныя распоряженія по производству дознаній и слѣдствій передаются прежде всего на усмотрѣніе ея непосредственнаго начальства. Не надо, наконецъ, забывать, что въ полиціи, въ этой безусловно спеціальной службѣ, много весьма опытныхъ и весьма заслуженныхъ чиновъ; ставить ихъ въ подчиненіе юнымъ, неопытнымъ товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ, а притомъ и гораздо менѣе отвѣтственныхъ чѣмъ чины полиціи, не только оскорбительно, но и ни съ чѣмъ не сообразно.

Единственнымъ выходомъ изъ этого неестественнаго положенія полиціи представляется отмѣна подчиненія ея прокурорскому надзору, съ возложеніемъ на нее обязанности исполнять лишь

законныя его требованія, а слѣдовательно и съ предоставленіемъ полиціи права обращаться къ своему непосредственному начальству въ тѣхъ случаяхъ, когда прокуратура возлагаетъ на полицію порученія, выходящія изъ сферы законныхъ требованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прямому начальству полиціи должно быть дано право, если возникшее между полиціей и прокуратурой недоразумѣніе не будетъ разрѣшено по взаимному соглашенію, обращаться въ высшую надъ прокурорскимъ надзоромъ инстанцію. Далѣе, необходимо чтобы всѣ жалобы полиціи на причиняемыя ея чинамъ оскорбленія и насилія разсматривались мировыми судьями коллегіально, то-есть на съѣздѣ, и не иначе какъ при участіи прокурора, а недовольнымъ рѣшеніями съѣзда полицейскимъ чинамъ было бы предоставлено аппеллировать въ коронный, то-есть въ окружный судъ. Наконецъ, самыя мѣры взысканія за оскорбленіе словомъ и дѣломъ чиновъ полиціи, а равно за неисполненіе ея законныхъ требованій, должны быть значительно усилены.

Такимъ образомъ полиція, оставаясь вполнѣ отвѣтственна, получитъ однако ту самостоятельность, которой ей доселѣ не доставало: дѣятельность ея будетъ сосредоточена; обладая, въ крайнихъ случаяхъ, достаточною принудительною силой, она не будетъ болѣе пассивною зрительницей нарушенія тишины и спокойствія, какъ это бывало до сихъ поръ; не встрѣчая посторонннихъ препятствій, она не будетъ отвлекаема отъ своихъ трудныхъ и важныхъ обязанностей; самый персоналъ полиціи, застрахованный отъ оскорбленій, пополнится такими личностями, которыя нынѣ отъ нея сторонятся; она, словомъ, пріобрѣтетъ то значеніе и принесетъ ту пользу, которой государство и общество въ правѣ ожидать отъ учрежденія, призваннаго охранять общественное спокойствіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Заключеніе.

Исправленіе указанныхъ многолѣтнимъ опытомъ недостатковъ судебной реформы и полицейской службы не можетъ быть достигнуто частными дополненіями и отрывочными измѣненіями въ Судебныхъ и Полицейскихъ Уставахъ.

Для этого нужно, съ одной стороны, рѣшительно устранить изъ Судебныхъ Уставовъ, кромѣ обнаруженныхъ опытомъ спеціально-судебныхъ несообразностей, и тѣ несогласныя съ правильной организаціей суда политическія доктрины, которыя такъ неосмотрительно были включены въ 1862—1864 г. въ судебные проекты, а съ другой стороны—столь же рѣшительно довершить недоконченное доселѣ преобразованіе полиціи.

Чтобы достигнуть этой обоюдной цѣли, безъ *коренной* по возможности ломки существующихъ учрежденій, необходимо:

I) Сохраняя главныя формы установленной въ 1864 г. судебной организаціи — вдвинуть ее въ общегосударственный механизмъ, усилить отвѣтственность ея чиновъ, возстановить на судѣ авторитетъ закона, и возвысить юридическое образованіе должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.

II) Придать полицейской службѣ столь недостающую ей доселѣ самостоятельность, усилить средства мѣстнаго полицейскаго надзора, а равно точнѣе и отвѣтственнѣе опредѣлить вѣдомства полицейскихъ чиновъ.

I.

Въ этихъ видахъ было бы полезно видоизмѣнить соотвѣтствующія статьи Судебныхъ Устувовъ слѣдующимъ образомъ:

А. Относительно судебной организаціи:

1) Кассаціоннымъ Департаментамъ Правительствующаго Сената слѣдуетъ предоставить исключительно разрѣшеніе дѣлъ въ порядкѣ кассаціонномъ; высшему же дисциплинарному присутствію Правительствующаго Сената—разсмотрѣніе всѣхъ дѣлъ по надзору за судебными учрежденіями.

2) Высшее дисциплинарное присутствіе должно состоять подъ предсѣдательствомъ министра Юстиціи, который всѣ заключенія присутствія о взысканіи съ предсѣдателей, товарищей предсѣдателей и членовъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ представляетъ на Высочайшее благоусмотрѣніе.

3) Взамѣнъ присяжныхъ засѣдателей учреждаются сословные судебные засѣдатели, избираемые уѣздными дворянскими, городскими и волостными собраніями на три года изъ числа лицъ, обладающихъ установленнымъ цензомъ для участія въ земскихъ собраніяхъ. Для каждаго окружнаго суда избираются три засѣдателя, отъ каждаго изъ сословій по одному. Означенные засѣдатели, по представленію мѣстнаго губернатора совмѣстно съ прокуроромъ судебной палаты, утверждаются въ должности министромъ Юстиціи; они получаютъ вознагражденіе изъ сословныхъ суммъ и состоятъ подъ надзоромъ высшаго дисциплинарнаго присутствія; они засѣдаютъ и рѣшаютъ дѣла совокупно съ присутствіемъ окружнаго суда. При разсмотрѣніи же въ судебныхъ палатахъ или въ Уголовномъ Кассаціонномъ Департаментѣ дѣлъ, рѣшаемыхъ нынѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, вмѣсто нихъ приглашаются мѣстный губернскій предводитель дворянства, одинъ изъ городскихъ головъ и одинъ изъ волостныхъ старшинъ округа судебной палаты, по соглашенію прокурорскаго надзора съ губернаторомъ. На приговоры суда съ участіемъ сословныхъ засѣдателей допускаются аппелляціонныя жалобы въ Судебную Палату.

4) Для занятія должности мировыхъ судей назначаются лица, получившія среднее или высшее образованіе, не опороченныя по суду и обладающія имущественнымъ цензомъ вдвое болѣе противъ нынѣ установленнаго. Списокъ кандидатовъ составляется губернаторомъ, по соглашенію съ губернскимъ предводителемъ дворянства и прокуроромъ Судебной Палаты, и препровождается къ министру Юстиціи, отъ котораго и зависитъ утвердить или не утвердить представленныхъ кандидатовъ. Мировые судьи назначаются безъ срока; они не могутъ быть переводимы и уволь-

няемы безъ ихъ согласія. Въ порядкѣ надзора мировые судьи подчиняются высшему дисциплинарному присутствію. Тѣ изъ мировыхъ судей, которые при этомъ порядкѣ назначенія откажутся отъ присвоеннаго имъ содержанія, получаютъ названіе почетныхъ *).

5) Мировой съѣздъ состоитъ изъ мировыхъ судей уѣзда подъ предсѣдательствомъ особо каждый разъ командируемаго товарища предсѣдателя или члена окружнаго суда и при непремѣнномъ участіи товарища прокурора какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и по дѣламъ гражданскимъ.

6) Уголовныя дѣла мировые судьи вчинаютъ не по личному усмотрѣнію, но по жалобѣ потерпѣвшихъ, по требованію прокурорскаго надзора, по сообщеніямъ полиціи, сословій и учрежденій.

7) Кассаціонныя жалобы на рѣшенія мировыхъ судей и мировыхъ съѣздомъ отмѣняются. На всѣ единоличныя рѣшенія мировыхъ судей допускается аппелляціонная жалоба въ мировой съѣздъ; но подсудимымъ должно быть предоставлено право опредѣленія съѣзда по дѣламъ уголовнымъ подвергать обжалованію въ окружный судъ.

8) Принятіе въ число присяжныхъ повѣренныхъ лицъ, соотвѣтствующихъ постановленнымъ для сего по закону условіямъ, равно наложеніе на присяжныхъ повѣренныхъ дисциплинарныхъ взысканій, предоставляется судебнымъ палатамъ, а возбужденіе означенныхъ взысканій возлагается на предсѣдателей тѣхъ судебныхъ учрежденій, при которыхъ состоятъ присяжные повѣренные.

---

*) Несмотря на то, что нѣкоторыя дѣла, подвѣдомыя мировымъ судьямъ, предположено отнести къ юрисдикціо земскихъ начальниковъ, вѣдомство мироваго суда и количественно, и качественно сохраняетъ свой прежній характеръ необходимой мѣстной судебной инстанціи. Можно только замѣтить, что названіе этого суда *мировымъ* совершенно неправильно: наши мировые судьи, не имѣя никакой административной власти, и прежде не могли, но съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ еще менѣе могутъ быть признаваемы охранителями земскаго мира, а примирительная ихъ дѣятельность на судѣ ограничивается лишь предложеніемъ тяжущимися вопроса: не желаютъ ли они помириться Посему этихъ судей слѣдовало бы переименовать: въ столицахъ, градоначальствахъ и губернскихъ городахъ въ *городскіе судьи*, а въ уѣздахъ въ *уѣздные*, подобно Bezirksrichter'амъ въ Австріи и Amtsrichter'амъ въ Пруссіи. Мировые судьи во Франціи и Бельгіи равнымъ образомъ нисколько не соотвѣтствуютъ своему названію, и, подобно нашимъ, не имѣютъ ничего общаго съ Англійскими судьями.

9) У мировыхъ судей и на мировыхъ съѣздахъ стороны и подсудимые защищаютъ себя лично; лишь по гражданскимъ дѣламъ допускаются защита по довѣренности въ случаѣ отсутствія сторонъ по уважительнымъ причинамъ.

Б. Относительно слѣдственной части.

10) Предварительныя слѣдствія о случаяхъ насильственной смерти и о разбоѣ, а также о воровствѣ и мошенничествѣ, если таковыя совершены при участіи нѣсколькихъ лицъ, далѣе о подлогѣ документовъ, о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ и о фальшивой монетѣ, о соединенныхъ съ насиліемъ общественныхъ безпорядкахъ и о преступленіяхъ по должности производятся, по назначенію предсѣдателя Окружнаго Суда, однимъ изъ членовъ окружнаго суда, а въ случаяхъ особой важности—членомъ судебной палаты по требованію Министра Юстиціи. Само собою разумѣется, что члены суда или палаты, производившіе слѣдствія, не участвуютъ въ судебныхъ процессахъ по этимъ слѣдствіямъ.

11) Слѣдствія по прочимъ закононарушеніямъ остаются на обязанности теперешнихъ слѣдователей, которые вполнѣ подчиняются указаніямъ и требованіямъ мѣстнаго прокурорскаго надзора. *)

При слѣдствіяхъ, производимыхъ членами окружнаго суда или палаты, присутствуютъ депутаты отъ тѣхъ сословій или правительственныхъ учрежденій, къ коимъ принадлежатъ обвиняемые.

13) Полиція должна исполнять законныя требованія прокурорскаго надзора и слѣдователей по производству слѣдствій и дознаній; въ случаѣ же неисполненія чинами полиціи этой обязанности, прокурорскій надзоръ обязанъ сообщать о томъ начальству полиціи для понужденія или взысканія.

14) Если при этомъ возникнетъ какое-либо недоразумѣніе между начальствомъ полиціи и прокурорскимъ надзоромъ и таковое не будетъ устранено по взаимному соглашенію, то дѣла подобнаго рода рѣшаются подлежащими министрами.

15) Во избѣжаніе затрудненій, неизбѣжныхъ при сложныхъ процессахъ, принять за правило, что *совокупное* преслѣдованіе нѣсколькихъ подсудимыхъ въ одномъ процессѣ можетъ быть допускаемо лишь въ томъ случаѣ, когда они обвиняются въ

---

*) При такомъ порядкѣ наименованіе этихъ слѣдователей *судебными* теряетъ свое прежнее значеніе.

совершеніи *одного и того же преступленія* совокупными усиліями.

16) Безусловное устраненіе изъ предварительнаго и судебнаго слѣдствія, а равно изъ преній сторонъ, всѣхъ тѣхъ фактовъ и заявленій, которыя не имѣютъ прямаго отношенія къ предмету обвиненія.

В. Относительно возстановленія авторитета закона.

17) Всѣ слѣдственныя мѣры, заключенія прокурорскаго надзора и судебныя рѣшенія всѣхъ инстанцій должны соотвѣтствовать фактическимъ обстоятельствнмъ производящихся дѣлъ и основаны на законѣ, а не на личномъ убѣжденіи судей. При обсужденіи доказательствъ должны быть принимаемы къ непремѣнному руководству правила о силѣ доказательствъ. *)

18) Законъ долженъ быть всѣми чинами судебнаго вѣдомства понимаемъ и исполняемъ въ его *прямомъ смыслѣ*, и толкованіе закона, въ случаѣ необходимости, допускается лишь въ предѣлахъ тѣхъ законодательныхъ соображеній, которыя были приняты законодательною властью при его изданіи.

19) Уклоненіе судей отъ рѣшенія дѣлъ подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія въ законѣ признается, попрежнему, за отказъ въ правосудіи; если же судьи усмотрятъ дѣйствительную неполноту, неясность, недостатокъ или противорѣчіе въ законѣ, то, не имѣя права толковать законъ по своему личному усмотрѣнію внѣ предѣловъ его законодательной мотивировки, они обязаны, пріостановившись разрѣшеніемъ дѣла, представлять усматриваемыя ими сомнѣнія въ подлежащій кассаціонный департаментъ Сената.

20) Если въ означенномъ случаѣ кассаціонные департаменты усмотрятъ необходимость дополненія или измѣненія закона или изданія новаго, то они сообщаютъ о семъ министру Юстиціи для внесенія въ Государственный Совѣтъ.

Г. Относительно подъема юридическаго образованія.

21) Къ занятію должности товарища прокурора окружнаго суда или члена окружнаго суда допускаются исключительно лица,

---

**) Правила эти были предложены при составленіи Устава Угол. Суда 1864 года, но отвергнуты большинствомъ коммиссіи. См. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, изд. Государственною Канцеляріей, 1867 года, ч. II, стр. 271—272.

окончившія курсъ юридическихъ наукъ, занимавшіяся затѣмъ, не менѣе 5 лѣтъ, въ качествѣ кандидатовъ на судебныя должности, въ канцеляріяхъ судовъ и прокуроровъ или при присяжныхъ повѣренныхъ, и исполнявшія, не менѣе двухъ лѣтъ, обязанности слѣдователей подъ руководствомъ прокурорскаго надзора.

22) Кромѣ того, для полученія должности члена или товарища прокурора окружнаго суда, необходимо удовлетворительно выдержать при судебной палатѣ практическій экзаменъ по государственному, уголовному, гражданскому и торговому праву. Для производства этого экзамена назначается коммиссія, состоящая, подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя палаты, изъ прокурора и члена палаты, предсѣдателя или товарища предсѣдателя одного изъ окружныхъ судовъ, и одного или двухъ профессоровъ юридическаго факультета. Тому же испытанію подвергаются кандидаты, желающіе получить званіе присяжнаго повѣреннаго; въ этомъ случаѣ въ составъ экзаменаціонной при палатѣ коммиссіи приглашается и старшій присяжный повѣренный судебнаго округа палаты.

23) Въ видахъ самостоятельнаго и всесторонняго развитія юридическихъ знаній, учреждается Юридическая Академія на основаніяхъ, изложенныхъ въ § VI предшествующей главы.

II.

Вмѣстѣ съ симъ слѣдовало бы довершить преобразованіе нашей полиціи, принявъ въ основаніе слѣдующія начала:

1) За отдѣленіемъ отъ Уѣздной полиціи тѣхъ функцій, которыя предоставлены уѣзднымъ начальникамъ *въ ихъ участкахъ*, за нею остаются обязанности *общей полиціи* въ уѣздѣ.

2) На этомъ основаніи, сверхъ полиціи въ уѣздныхъ городахъ, на обязанности исправника и подчиненныхъ ему становыхъ, остается *въ уѣздѣ*: наблюденіе за исправнымъ поступленіемъ податей и за исполненіемъ предписаній разныхъ казенныхъ уставовъ, содѣйствіе другимъ вѣдомствамъ къ исполненію ихъ законныхъ требованій, содѣйствіе судебному вѣдомству въ производствѣ дознаній и слѣдствій, наблюденіе за подозрительными лицами, употребленіе въ извѣстныхъ случаяхъ принудительныхъ мѣръ, препровожденіе арестантовъ, распоряженія, которыя касаются всего уѣзда и т. п.

3. Значительное увеличеніе числа полицейскихъ урядниковъ, съ привлеченіемъ земства къ участію, на половину съ казною, въ расходахъ на ихъ содержаніе.

4) Подчиненіе полиціи только ея прямому начальству, къ коему и должны обращаться всѣ правительственныя вѣдомства, и частныя лица и учрежденія, въ случаѣ недоразумѣній съ чинами полиціи.

5) Полиція обязана исполнять всѣ *законныя* требованія всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, подлежа, въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, установленной законами отвѣтственности: дисциплинарной—по распоряженію ея прямаго начальства, и судебной—по искамъ за оскорбленія и убытки, а равно по уголовнымъ обвиненіямъ.

6) Жалобы полиціи на причиняемыя ея чинамъ оскорбленія и насилія должны быть подсудны непосредственно мировому съѣзду, при непремѣнномъ участіи прокурорскаго надзора; жалобы же полиціи и заинтересованныхъ лицъ на рѣшенія съѣзда по этимъ дѣламъ—окружному суду.

7) Показанія полицейскихъ чиновъ, даваемыя на судѣ *по ихъ должности*, должны имѣть силу свидѣтельствъ, данныхъ *подъ присягою*, каковую чины, при вступленіи въ службу, и приносятъ уже по своей должности.

8) За неправильное преслѣдованіе чиновъ полиціи передъ судомъ, частныя лица, возбудившія таковое, должны быть, по опредѣленію суда, подвергаемы особому взысканію.

9. Опредѣленныя нынѣ дѣйствующими узаконеніями взысканія за оскорбленіе полиціи словомъ и дѣломъ должны быть значительно усилены.

Конецъ.

Госуд. П
истори
библиотека РСФСР
№ 1970 г.